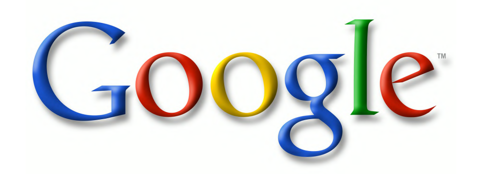

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

СЕНТЯБРЬ. 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 28 Сентября 1898 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р., безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ 8 р., за границу 12 р.

Продолжается подписка на 1898 годъ

№№ 1 и 2 ВЫШЛИ ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы — *Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, **съ портретомъ автора.**

Цѣна 2 р. за томъ.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4). О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

НАСЛѢДНИКИ.

(Повѣсть).

Петръ Ивановичъ Гарушинъ стоялъ въ своемъ цвѣтникѣ передъ кадкой съ какимъ-то рѣдкимъ тропическимъ растеніемъ и машинально разглядывалъ одинъ листокъ за другимъ. Онъ былъ высокъ, худощавъ, приподнятыя плечи торчали угловато, линія груди ввалилась, а спина слегка горбилась. Лицо, удлиненное, землистаго оттѣнка, казалось суровымъ, и трудно было представить себѣ улыбку въ холодномъ взглядѣ сѣрыхъ глазъ и подъ нависшими щетинистыми усами рыжеватаго цвѣта.

Сынъ его, вчера только пріѣхавшій изъ столицы, еще не выходилъ. Онъ казался вчера сильно уставшимъ или нездоровымъ. Старикъ посовѣтовалъ ему лечь въ постель пораньше.

Теперь онъ ждалъ его къ кофе и уже начиналъ волноваться. Чтобы сократить время, онъ ходилъ по цвѣтнику, подолгу останавливался передъ каждой клумбой и поминутно поглядывалъ на террасу, гдѣ былъ накрытъ столъ къ утреннему завтраку, по англійски.

Въ дверяхъ террасы показался лакей.

— Александръ Петровичъ еще почиваетъ? — громко спросилъ Гарушинъ.

— Никакъ нѣтъ. Идутъ сюда,—отвѣтилъ лакей. Петръ Ивановичъ оживился.

— А! такъ подавайте, — сказалъ онъ, и легкой походкой, которую трудно было ожидать при первомъ взглядѣ на его фигуру, онъ обогнулъ пестрыя клумбы и поднялся по ступенямъ. Въ то же время Александръ Петровичъ вышелъ на террасу.

— Выспался?—съ легкой насмѣшливостью спросилъ у него отецъ, небрежно пожимая ему руку.—Ну, садись, будемъ завтракать.

— А ты ужъ давно?—вяло освѣдомился Александръ Петровичъ.

— Давно!—съ усмѣшкой отвѣтилъ отецъ.—А тебѣ нездо-

ровится, что-ли? Что это ты точно вареный какой-то? или не отдохнулъ?

Сынъ сдѣлалъ гримасу.

— Я думаю, что меня накормили чѣмъ-то не... не свѣжимъ на вокзалѣ. У меня желудокъ... притомъ, легкая лихорадка.

— Да!—сказалъ Петръ Ивановичъ, вглядываясь въ лицо сына,—ты здоровьемъ не пышешь. Не румянъ!

Сынъ опять сдѣлалъ ту же гримасу и вытянулъ шею, заглядывая въ серебряные судки.

— Кушай!—предложилъ Петръ Ивановичъ, придвигая къ нему блюда. Александръ протянулъ руку, бѣлую и изнѣженную, какъ у женщины, и жестомъ, отъ котораго сверкнули камни нанизанныхъ на его пальцы колецъ, онъ сталъ медленно накладывать себѣ кушанья. Сидя другъ противъ друга, оба молчали. Отецъ ѣлъ быстро и разсѣянно, сынъ медленно смаковалъ, не поднимая глазъ отъ своей тарелки.

— Недурно у меня стряпаютъ? а?—наконецъ, хвастливо замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Недурно,—вяло отозвался сынъ.

— Ну, что? какъ у васъ тамъ, въ столицѣ?—съ оттѣнкомъ ироніи спросилъ Гарушинъ.

Александръ оттянулъ немного воротъ своей батистовой сорочки и на минуту закрылъ глаза.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—что ты всѣ новости знаешь изъ газетъ.

— Конечно! Но бываютъ слухи... сплетни...—Александръ пожалъ плечами.

— Я ихъ не слушаю!—сказалъ онъ.—Да, наконецъ, скажи пожалуйста: что можетъ быть интереснаго у насъ?

Петръ Ивановичъ оживился.

— Не раздѣляю твоего мнѣнія!—замѣтилъ онъ. — Меня все интересуетъ, все! Какъ бы то ни было, а интересъ въ жизни есть. Иначе—зачѣмъ жить? Такъ по моему. Какъ? что?

Сынъ перевелъ въ пространство взглядъ своихъ безцвѣтныхъ глазъ, и его блѣдное лицо, окаймленное бѣлокурой бородкой, приняло скучающее выраженіе. Онъ былъ въ лѣтнемъ свѣтло-сѣромъ костюмѣ и въ просторныхъ желтыхъ башмакахъ. Въ противоположность отцу каждый жестъ, каждое движеніе его были спокойны и дѣлались какъ бы съ такимъ разсчетомъ, чтобы какъ можно менѣе утомить Александра Петровича. Даже выраженіе лица отсутствовало какъ бы умышленно и замѣнялось неподвижностью, доходившей почти до мертвенности. Лицо было худощавое, удлиненное, какъ у отца, съ прямымъ тонкимъ носомъ, прекрасными крупными зубами... Но и природа, какъ бы заразившись апатіей своего творенія, пожалѣла кра-

сокъ, и съ безцвѣтнаго лица глядѣли безцвѣтные глаза, съ незамѣтными, бѣлесоватыми рѣсницами и бровями.

— А ты еще имѣніе покупаешь? зачѣмъ это?—спросилъ Александръ Петровичъ, наливая себѣ въ чашку кофе. Старикъ встрепенулся.

— Покупаю, да.

— Зачѣмъ это?—повторилъ сынъ.—Между нами сказать, ты не хозяинъ, и всѣ эти твои... земледѣльческія затѣи приносятъ одни убытки.

Петръ Ивановичъ заволновался.

— Хозяйство такое, какъ у меня,—плохая нажива,—сказалъ онъ,—но это дѣло большое, разнообразное и въ высшей степени интересное.

— Кончится тѣмъ,—сказалъ Александръ Петровичъ,—что при своемъ крупномъ состояніи ты будешь сидѣть безъ денегъ, какъ всѣ землевладѣльцы.

— Возможно!—задорно отозвался Петръ Ивановичъ.—Все возможно!

Онъ былъ видимо недоволенъ, и въ его холодныхъ сѣрыхъ глазахъ засвѣтился недобрый огонекъ.

— На мой вѣкъ хватитъ!—съ притворной веселостью прибавилъ онъ, закрывая своей ладонью холеную руку сына.— А по отношенію къ тебѣ я квитъ: я сдѣлалъ для тебя все, что сдѣлали для меня мои родители: я далъ тебѣ возможность стать человѣкомъ образованнымъ, годнымъ на всякое дѣло. Это первая и важнѣйшая обязанность родителей. Какъ? что?—обычной скороговоркой добавилъ онъ, наклоняясь черезъ столъ и заглядывая въ лицо сына. Александръ Петровичъ промолчалъ и пожалъ плечами.

— Нѣтъ? не согласенъ?—насмѣшливо воскликнулъ Петръ Ивановичъ и засмѣялся тихимъ, захлебывающимся смѣхомъ.

— Вижу, что насчетъ родительскихъ обязанностей ты придерживаешься особаго мнѣнія. Вижу!.. хи-хи... Не согласенъ!

Онъ вдругъ пересталъ смѣяться и придалъ своему лицу серьезное выраженіе.

— А разговоръ у насъ съ тобой будетъ особый и серьезный разговоръ!—подчеркнулъ онъ.

Александръ скользнулъ по его лицу слегка встревоженнымъ взглядомъ, но сразу успокоился и откинулся на спинку стула.

— Я слушаю,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не здѣсь. Въ саду,—сказалъ Петръ Ивановичъ.

II.

— Цвѣтники у меня каковы!—замѣтилъ старикъ Гарушинъ, останавливаясь на ступеняхъ террасы.—Какая игра цвѣтовъ,

переходы, переливы, контрасты? Садовникъ у меня художникъ, поэтъ... Къ цвѣтамъ ты какъ? равнодушенъ?—быстро спросилъ онъ опять, пытливо вглядываясь въ лицо сына.

— Я люблю все красивое,—сказалъ сынъ.

— Совсѣмъ не то!—горячо перебилъ его отецъ.—Я люблю цвѣтокъ и не только въ общей картинѣ, а каждый въ отдѣльности. Люблю слѣдить за его ростомъ; люблю его жизнь, его душу, если можно такъ выразиться. Страсть къ цвѣтамъ у меня преобладающая страсть.

— Какіе-же цвѣты у насъ!—пренебрежительно замѣтилъ Александръ Петровичъ,—все блѣдно, хило...

— Какъ? что?—воскликнулъ Петръ Ивановичъ.—Ну, пойдемъ, я тебѣ покажу...

— Нѣтъ, не сейчасъ! Ходить по солнцу я не привыкъ. Надѣюсь, мы сядемъ для твоихъ переговоровъ?

— Можно и сѣсть,—сказалъ отецъ.—Вотъ здѣсь... Развѣ не та же Италія?—умиленно добавилъ онъ.

— Н-ну!— нѣсколько брезгливо отозвался сынъ.

— Нѣтъ? А мнѣ нравится! Я думаю, что жить можно. Можно жить!—горячо и съ удареніемъ говорилъ старикъ, оглядывая широкій фасадъ своего дома, далеко раскинувшійся цвѣтникъ налѣво и тѣнистыя аллеи парка направо и по отлогому спуску къ рѣкѣ.

— Меня накормили чѣмъ-то не свѣжимъ на станціи,— съ болѣзненной гримасой сказалъ Александръ.

— Что же тебѣ? принять чего-нибудь? выпить?

— Нѣтъ позже... Удивительно плохо у насъ кормятъ!

— Сколько тебѣ лѣтъ?—неожиданно спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Къ чему тебѣ? двадцать семь.

— А въ какихъ ты чинахъ? я забылъ.

— Къ чему тебѣ?—повторилъ молодой человѣкъ.

— А къ тому!

Петръ Иванычъ нагнулся и заговорилъ почти шопотомъ.

— Хочешь?.. черезъ пять лѣтъ... ручаюсь... черезъ пять лѣтъ ты здѣсь предводитель, первое, самое видное лицо и у губернатора свой человѣкъ?

Онъ шумно перевелъ дыханіе и замеръ, не отрывая глазъ отъ лица сына.

Александръ Петровичъ чуть-чуть улыбнулся.

— Однако, какъ это тебя!..—началъ онъ и вдругъ остановился, и видно было по его лицу, какъ мысль его лѣниво работала надъ непредвидѣннымъ вопросомъ.

— Какъ же это?—спросилъ онъ, наконецъ.—Тебя здѣсь не особенно любятъ и... цѣнятъ. А меня по тебѣ. Какъ же?

Глаза Петра Ивановича опять вспыхнули.

— Тебя по мнѣ? Такъ что безъ меня, думаешь, было бы проще? Я поперекъ дороги всталъ? Что-жъ! возвращайся въ Петербургъ; тамъ меня никто не знаетъ... Годамъ къ сорока до начальника отдѣленія, быть можетъ, доберешься. Я не помѣшаю.

Онъ вытянулся въ креслѣ и замолчалъ.

— Если ты будешь обижаться, то и говорить нельзя,—вяло замѣтилъ Александръ.

Петръ Ивановичъ не шевелился. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ сынъ досталъ изъ кармана маленькій приборъ и сталъ медленно и спокойно подпиливать свои длинные ногти. Раздраженіе его росло, ясности и умиленности настроенія какъ не бывало.

— Конечно, я здѣсь не сила,—наконецъ, сдержанно заговорилъ онъ, всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по усыпанной пескомъ площадкѣ.—Гдѣ-же быть силѣ у сына мелкопомѣстнаго дворянчика Гарушина? мелкой сошки... ничтожества... Твоего дѣда, моего отца князь Баратынцевъ дальше передней своей не пускалъ... Про него и теперь еще всякихъ росказней не оберешься: пьяница, шутъ, мелкій мошенникъ... Не тѣмъ будь, покойникъ, помянутъ! Тотъ же князь Баратынцевъ мнѣ, студенту, руки никогда не подавалъ, а одинъ разъ, на собраніи, куда я попалъ изъ любопытства, взялъ меня этакъ вотъ за воротъ, легонько толкнулъ къ дверямъ и приказалъ попросту сбѣгать къ нему на домъ и сказать кучеру, чтобы черезъ четверть часа подавалъ лошадей.

— А ты что-же?—спросилъ Александръ.

— Сбѣгалъ и сказалъ!—чуть не выкрикнулъ Петръ Ивановичъ.—Но я уже тогда чувствовалъ... мнѣ только надо было... выждать.

Онъ сдѣлалъ жестъ, какъ бы угрожая кому-то, и потомъ вдругъ повернулся къ сыну.

— Хочешь быть предводителемъ?—тихо спросилъ онъ.

— Но это бредни!—отвѣтилъ сынъ,—твоя манія величія не знаетъ мѣры.

Петръ Ивановичъ усмѣхнулся.

— Да? ты думаешь?

— Но вѣдь князь всю жизнь былъ предводителемъ и умретъ имъ.

— А если я его смѣщу?—тихо спросилъ Петръ Ивановичъ, и въ его изогнутой позѣ, въ блестящихъ глазахъ Александру почудилась близость безумія.

— Это ты-то?—съ оттѣнкомъ презрѣнія вырвалось у него.

— А! И ты тоже говоришь: ты-то? Да, я! я! я! сынъ шута и скомороха! Я смѣщу князя Баратынцева и посажу предводителемъ тебя, моего сына. Я!..

Онъ смѣялся и колотилъ рукой въ грудь.

— Не кричи,—попросилъ Александръ.—Говори просто и толкомъ: какія у тебя данныя?

Гарушинъ притихъ, но продолжалъ смѣяться.

— Все это просто и понятно даже для ребенка: ненаглядный сыночекъ, князь Андрей, пріѣхалъ изъ полка въ отпускъ и привезъ гостинецъ: долги! Уплатить—состояніе князя не выдержитъ; не уплатить—князенка выгонятъ изъ полка съ позоромъ!

— И ты заплатишь долгъ?

— Старый князь былъ у меня вотъ здѣсь. Просилъ, умолялъ...

— Заплатишь?—повторилъ свой вопросъ Александръ.

— Да!—сказалъ Петръ Ивановичъ и сѣлъ.

Александръ спряталъ въ карманъ свой нессесеръ и нахмурилъ лобъ.

— Конечно, ты все обдумалъ и въ проигрышѣ не будешь ни въ какомъ случаѣ?

— Въ проигрышѣ не буду,—подтвердилъ отецъ.

— Но для предводительства нужны большія средства,—немного погодя сказалъ Александръ.

— Развѣ ихъ нѣтъ?

— У тебя они есть, но не у меня.

Лукавая улыбка мелькнула въ глазахъ Петра Ивановича.

— Новое имѣніе я покупаю на твое имя,—сказалъ онъ.

— Ну, это что за состояніе въ землѣ!—небрежно замѣтилъ сынъ.

— Какъ? что?—воскликнулъ Гарушинъ. —Это не состояніе?.. Если ты женишься на княжнѣ,—высказалъ онъ разомъ свою завѣтную мысль,—я тебѣ отдамъ половину того, что имѣю самъ. При такихъ деньгахъ, да связи... Недурно для Гарушина! какъ? что?

Александръ зѣвнулъ.

— Удивляюсь тебѣ,—сказалъ онъ.—Ты волнуешься, какъ мальчикъ. Кому, какъ не тебѣ, знать силу денегъ. У тебя деньги—у тебя все. Пора успокоиться.

— Успокоиться!—съ горькой усмѣшкой повторилъ Петръ Ивановичъ.—Нѣтъ, это не по мнѣ... Не съ моимъ характеромъ. Быть можетъ, позже... когда ты замѣнишь князя, — прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Княжна, кажется, не первой молодости? — спросилъ Александръ.

— Ты увидишь ее,—сказалъ Петръ Ивановичъ,—на-дняхъ мы будемъ у нихъ. Ну, что же? дѣйствовать? — съ громкимъ смѣхомъ спросилъ онъ черезъ минуту и дружески хлопнулъ сына по колѣнкѣ.

Александръ поморщился.

— Мнѣ все равно,—сказалъ онъ,—и если ты обѣщаешь... Пора и мнѣ не глядѣть изъ чужихъ рукъ.

III.

Солнце садилось въ концѣ аллеи, и его яркій красноватый дискъ блестѣлъ сквозь подвижную сѣтку листьевъ и вѣтвей. Вдоль аллеи уже легла тѣнь, но жара первыхъ іюньскихъ дней еще не успѣла замѣниться вечерней прохладой. Въ круглой бесѣдкѣ, обвитой плющемъ, шелъ оживленный споръ.

— Господа! — говорилъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, полный, съ обрюзгшимъ и помятымъ лицомъ, — господа! чѣмъ больше теорій, чѣмъ больше программы, тѣмъ меньше искренности. Помилуйте, къ чему намъ эти ходульные герои, у которыхъ самопоклоненіе всегда на первомъ планѣ? Къ чему намъ эти крикливые проповѣдники общественной доблести и морали, у которыхъ въ каждомъ словѣ звучитъ фальшь? Наша молодежь увлекается, она даже легкомысленна, быть можетъ, но я съ удовольствіемъ беру на себя ея защиту: она не лицемѣритъ, она пользуется жизнью и всѣми благами ея, она знаетъ, что за молодостью близко идетъ старость, и что тогда хватитъ еще времени и на мораль, и на проповѣди разныхъ возвышенныхъ идей.

Ораторъ быстро оглянулъ присутствующихъ, стараясь уловить впечатлѣніе, произведенное его маленькой рѣчью, особенно на княжну.

Онъ остался доволенъ. Вѣра Ильинишна слегка вспыхнула. Небольшая ростомъ, очень худенькая, она производила впечатлѣніе еще недоразвившейся дѣвочки, но въ чертахъ лица, въ линіи подбородка и крѣпко сложенныхъ губъ сквозили энергія и упорство. Она была некрасива, и только одни глаза, голубые, широко открытые, были хороши и придавали лицу оживленіе и выразительность.

— Это неправда!—крикнула она.—Та часть молодежи, которую я знаю, и о которой мы говоримъ, та молодежь, которая только смѣется надъ всѣми мыслями, надъ всѣми благородными попытками... Гдѣ ея взгляды?.. Два года назадъ они носили усы стрункой, теперь носятъ щеткой...

Она вдругъ остановилась, какъ бы спохватившись. Ея собесѣдникъ глядѣлъ на нее снисходительно-насмѣшливымъ взглядомъ.

— Когда вы сердитесь, я прихожу въ восторгъ! — смѣясь сказалъ сосѣдъ княжны по скамьѣ, еще молодой человѣкъ съ подстриженной клиномъ бородкой, ласковыми карими глазами

и яркими губами, складывающимися при улыбкѣ сердечкомъ.

— Юрій Дмитріевичъ! — воскликнулъ Маровъ, — въ лицѣ молодежи княжна обвиняетъ и васъ.

— Нѣтъ!—отвѣтила Вѣра.—Причемъ тутъ Листовичъ? Маровъ защищаетъ извѣстный типъ молодежи, а я его ненавижу! И когда я замѣчаю, какъ еще мальчуганы, дѣти по возрасту, подготовляютъ изъ себя манекеновъ для приличнаго ношенія мундира...

— Пора пить чай,—спокойно замѣтилъ Дима, 14-ти-лѣтній мальчикъ въ форменной фуражкѣ привилегированнаго учебнаго заведенія.

Онъ всталъ, отвелъ на середину аллеи, прислоненный къ дереву, велосипедъ и медленно поѣхалъ по песчаной дорожкѣ, заслоняя солнце и словно брызгая лучами изъ-подъ никелированныхъ спицъ колеса.

— Жизнью пользуйся живущій! — съ сладкой улыбкой продекламировалъ Маровъ. — Я пожилъ, и не мало пожилъ и все еще жить хочется, да такъ, чтобы сразу шире забрать, захватить... Если бы дали мнѣ полную свободу распорядиться своей судьбой, я сказалъ бы: дайте мнѣ узнать счастье... блаженство, котораго я не могъ бы пережить, и я приму смерть съ благодарностью. Такъ, Юрій Дмитріевичъ?

— Ну, что-жъ,—шутя сказала Вѣра.—Примите порядочную дозу гашиша или вспрысните себѣ побольше морфія. Цѣль будетъ достигнута. Умрете именно такъ, какъ хотите.

— Всѣ умремъ!—съ напускной грустью, покачивая головой, подхватилъ Маровъ,—и останется отъ насъ горсть праха. Но я умру, воспользовавшись всѣми дарами жизни, а вы изъ вашей борьбы съ вѣтряными мельницами вынесете одно утомленіе и разочарованіе.

— Я не умѣю бороться!—грустно сказала Вѣра.—Я сержусь, никому ничего не доказываю. Я хотѣла бы быть правой, потому что...

— Потому что вы нетерпимы!—сказалъ Маровъ.

— Не знаю,—отвѣтила Вѣра.

— Пожалуй!—вдругъ сказала она,—да, вы правы, я нетерпима. Я возмущаюсь... Я чувствую, всей душой своей чувствую, что относиться къ жизни такъ, какъ относится къ ней большинство, недостойно! Если бы я сама была выше, умнѣй, добрѣй, мнѣ легко было бы стать снисходительной. Но я чувствую себя неправой и негодую, что другіе, кругомъ меня, не видятъ своей неправоты. Я не выношу ихъ непоколебимой увѣренности въ себѣ и своихъ силахъ.

— Правы сильные. Это всегда было и всегда будетъ такъ,— сказалъ Маровъ.—Передъ такимъ порядкомъ надо смириться.

— Сильные! — крикнула Вѣра. — Но если бы эти «сильные» были дѣйствительно сильны, они не боялись бы ни борьбы, ни свѣта... Ну, идемте пить чай, — спокойно прибавила она и пошла впередъ легкой, нервной походкой.

Она была не совсѣмъ довольна собой: она то сдерживалась, то прорывалась, чувствуя, что съ Маровымъ не слѣдовало говорить объ этихъ вещахъ и такимъ тономъ...

Но она не могла удержаться.

IV.

— Какой восторгъ! — говорилъ Маровъ, поднимаясь по ступенямъ большой стеклянной галлереи, сплошь заставленной растеніями. — Какой восторгъ! природа, воздухъ, просторъ... Послѣ городского шума, пыли, духоты... — Онъ замолчалъ и остановился при видѣ двухъ незнакомыхъ лицъ.

— Вы незнакомы?—протяжно заговорила высокая, полная дама и медленно протянула руку по направленію къ Марову.

— Нѣтъ, княгиня! не имѣю чести.

— Вадимъ Петровичъ Маровъ. Артистъ, музыкантъ, поэтъ. Пріѣхалъ къ намъ погостить изъ столицы. Юрій Дмитріевичъ Листовичъ, нашъ добрый сосѣдъ. Вѣроятно, встрѣчались? Петръ Ивановичъ, Александръ Петровичъ Гарушины.

— Я говорю: какой здѣсь восторгъ, Софья Дмитріевна!— повторилъ Маровъ и съ умиленіемъ прижалъ обѣ руки къ груди.

— Да? вамъ у насъ нравится?—спросила княгиня, и ея лицо увядшей красавицы приняло благосклонное выраженіе.— Прошу къ столу. Аня, налейте чаю.

Молодая, хорошенькая дѣвушка въ простенькомъ ситцевомъ платьѣ, притаившаяся за самоваромъ, встрепенулась и потянулась за стаканами.

— Какъ чувствуетъ себя князь Илья Борисовичъ?—заботливо освѣдомился Маровъ.

— Отдыхаетъ еще,—съ легкой снисходительностью въ голосѣ отвѣтила Софья Дмитріевна.

— Не утомила ли его наша партія послѣ обѣда?

— Можетъ быть... немножко. Онъ любитъ игру въ шахматы,—ласково замѣтила княгиня и улыбнулась. Когда она улыбалась, около глазъ ея собирались морщинки, и это шло къ ней и старило ее въ одно и то же время.

Юрій Дмитріевичъ сѣлъ рядомъ съ Вѣрой.

— Развѣ они бываютъ у васъ?—шопотомъ спросилъ онъ ее, указывая на Гарушиныхъ.

— Всего второй разъ. У отца съ... этимъ дѣло, — также шопотомъ отвѣтила дѣвушка.

— Вашъ стаканъ, Юрій Дмитріевичъ! — громко сказала княгиня. Листовичъ быстро поднялъ голову: Аня, вся заливаясь румянцемъ, протягивала ему стаканъ, а когда глаза ея встрѣтились съ его глазами, она вспыхнула еще больше, и рука ея слегка задрожала.

— Мальчикъ!—позвалъ Александръ Петровичъ прислуживающаго грума, — въ передней виситъ мое пальто. Принеси сюда. Вы позволите, княгиня?

— Но неужели вамъ холодно?—съ сдержанной улыбкой удивилась Софья Дмитріевна.

— Въ нашемъ климатѣ нѣтъ вечера,—раздраженно замѣтилъ Александръ,—есть только сырость.

— Вы провели эту зиму заграницей?—спросила княгиня.

— Къ сожалѣнію, только два мѣсяца.

— Гдѣ именно?

— Я кочевалъ... Частью въ Парижѣ, частью въ Ниццѣ.

— Ахъ, Ницца! какая это прелесть!—вздохнула княгиня и томно прищурила глаза.

— Вы, княгиня, конечно, много изволили путешествовать?— вмѣшался въ разговоръ Петръ Ивановичъ.

— О, да! Я была...—Софья Дмитріевна принялась перечислять всѣ города и курорты, гдѣ ей когда-либо приходилось быть.

— Вѣра Ильинишна!—тихо позвалъ Маровъ,—а музыка будетъ?

— Аккомпанировать вамъ?—спросила княжна.

Маровъ сложилъ молитвенно руки и съ умоляющимъ выраженіемъ покачалъ головой.

— Съ большимъ удовольствіемъ!—согласилась Вѣра.

— Мы опять проиграемъ концертъ Мендельсона,—не мѣняя выраженія, продолжалъ Маровъ.—О, отчего у меня нѣтъ голоса! Я хотѣлъ бы пѣть. Музыка—это особый міръ. Я хотѣлъ бы слиться съ этимъ міромъ всѣмъ существомъ своимъ, непосредственно.

— У насъ Аня поетъ,—сказала княжна, смѣясь.

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно отказалась Аня и опять залилась румянцемъ.

— А вы, княжна, недавно вернулись въ наши мѣста?— спросилъ Петръ Ивановичъ и съ преувеличенной почтительностью повернулся къ дѣвушкѣ.

— Да, я жила зиму въ Москвѣ,—сухо отвѣтила Вѣра.

— Много ли теперь веселятся въ первопрестольной? Бывало, прежде...

— Не съумѣю вамъ отвѣтить, — холодно прервала его Вѣра.—Вы, вѣроятно, про балы, выѣзды?..

— Я предполагалъ, что для молодой дѣвицы этотъ родъ веселья самый заманчивый. Потанцовать...

— Я давно не танцую.

— Давно!—воскликнулъ Петръ Ивановичъ и любезно разсмѣялся.—Въ ваши годы еще нельзя говорить «давно».

— Своихъ лѣтъ я не скрываю: мнѣ 25,—рѣзко замѣтила княжна.

— Вамъ скрывать еще нечего!—сказалъ Петръ Ивановичъ и слегка поклонился.

— А! князь!—радостно привѣтствовалъ Маровъ.

Въ дверяхъ террасы стоялъ высокій старикъ, съ бодрой еще и молодцеватой осанкой. Въ чертахъ лица, въ манерѣ держать себя еще чуялось что-то гордое и властное, но взглядъ уже потухъ, а высоко закинутая голова часто подергивалась непроизвольнымъ нервнымъ движеніемъ.

Князь улыбался. Но когда онъ подошелъ ближе къ столу и узналъ Гарушиныхъ, въ потухшихъ глазахъ его промелькнулъ испугъ, и улыбающіяся синеватыя губы передернулись болѣзненной гримасой.

— Петръ Ивановичъ! Это очень любезно... Я радъ,—сказалъ онъ тихимъ, словно упавшимъ голосомъ и сейчасъ же повернулся къ женѣ.

— Другъ мой! Я заспался. Отчего ты не приказала разбудить меня?

И затѣмъ, точно оправившись, онъ обратился ко всей компаніи и съ ласковой улыбкой сдѣлалъ привѣтственный жестъ.

— Добрый вечеръ, друзья!

V.

Вадимъ Петровичъ игралъ на скрипкѣ, Вѣра Ильинишна аккомпанировала ему.

— Обожаю музыку! Вы позволите? — сказалъ Петръ Ивановичъ, приподнимаясь съ своего мѣста.

— Пожалуйста, пожалуйста!—поспѣшила отвѣтить княгиня.

Гарушинъ тихими шагами вышелъ въ гостиную и, незамѣченный никѣмъ, прислонился къ притолокѣ балконной двери.

Вѣра внимательно глядѣла на ноты; она щурилась и покачивала въ тактъ головой. Маровъ увлекался: онъ широко водилъ смычкомъ, и на приподнятомъ плоскомъ лицѣ его покоилось торжественное, почти вдохновенное выраженіе. Въ углу, за трельяжемъ, Листовичъ и Аня тихо бесѣдовали о чемъ-то.

Петръ Ивановичъ почти не слышалъ музыки; онъ смотрѣлъ въ лицо княжны, и взглядъ его сѣрыхъ глазъ вспыхивалъ недобрымъ, хищнымъ огонькомъ. Все въ этомъ домѣ волновало

и задѣвало его до муки. Ни одного взгляда, ни одного оттѣнка голоса хозяевъ не пропускалъ онъ незамѣченными, и тогда, какъ лицо его вѣжливо и почтительно улыбалось, въ глубинѣ его впечатлительной души поднималась непримиримая ненависть и жажда скорой и жестокой мести. Онъ ненавидѣлъ все и хотѣлъ мстить за все: величавая красота княгини и ея самоувѣренная любезность вызывали въ немъ злобу еще сильнѣе, чѣмъ нескрываемое безпокойство князя и рѣзкій тонъ княжны.

«Презираютъ меня на всѣ лады, — промелькнуло въ его головѣ и тутъ же онъ сдѣлалъ быструю оцѣнку себѣ и своей силѣ въ глазахъ этихъ гордыхъ, но уже безсильныхъ по отношенію къ нему людей. — Презираютъ! и всетаки вотъ у меня гдѣ... въ кулакѣ, — злорадно тѣшилъ онъ себя, глядя на лицо княжны.—Эта изъ умныхъ. Теперь, говорятъ, много такихъ. Жениха не найдутъ, красотой Богъ обдѣлилъ—сейчасъ въ умныя идутъ. Презрѣнія этого въ ней больше всѣхъ, но сладимъ мы съ ней быстро».

Съ необъяснимымъ наслажденіемъ отыскивалъ онъ въ блѣдномъ лицѣ дѣвушки гордыя, властныя черты ея отца. Словно готовясь къ сраженію, онъ силился однимъ взглядомъ опредѣлить всѣ трудности и препятствія, съ которыми поневолѣ ему придется считаться.

«А этотъ здѣсь что? этотъ «добрый сосѣдъ?»—перевелъ онъ свой взглядъ на Листовича. — Дѣвица изъ бѣдныхъ родственницъ въ него влюблена, это ясно. Но для княжны, кажется, не опасенъ: очень ужъ сладко улыбается и губы сердечкомъ. По умному такіе негодятся. А тотъ? Какъ его? Вадимъ, Вадимъ... Скверная рожа и въ карманѣ шишъ. Слыхалъ я что-то про него: артистъ, никѣмъ не оцѣненный и не признанный».

И онъ опять сталъ глядѣть на княжну. Неясная тревога, почти разочарованіе болѣзненно задѣли его: онъ почти не узналъ дѣвушку. Подъ впечатлѣніемъ музыки Вѣра поблѣднѣла еще больше, крупныя пухлыя губы покраснѣли и распухли, какъ у плачущаго ребенка, а на лбу собрались морщинки. Такой, какъ теперь, она уже не была взрослой дѣвушкой «изъ умныхъ», гордымъ врагомъ; она казалась дѣвочкой, ребенкомъ... и ребенкомъ больнымъ, огорченнымъ и безпомощнымъ.

Пьеса кончилась.

— Я слушалъ съ восторгомъ! Я упивался! — громко сказалъ Гарушинъ и подошелъ къ исполнителямъ. — Музыка моя страсть и, надо сказать, я понимаю въ ней кое-что. Исполненіе было прекрасно. Позвольте поблагодарить васъ.

Онъ изогнулся съ явнымъ намѣреніемъ поцѣловать руку княжны Вѣра быстро спрятала руки за спину, и ея глаза блеснули насмѣшкой.

— Благодарите Вадима Петровича,—смѣясь, сказала она,—я только аккомпанировала ему.

— О, помилуйте! — воскликнулъ Маровъ, протягивая Гарушину обѣ руки.

Петръ Ивановичъ взялъ протянутыя ему руки и долго крѣпко трясъ ихъ безъ словъ.

— Скверная рожа и не то шельма, не то дуракъ, — думалъ онъ, сохраняя на своемъ лицѣ благодарное, умиленное выраженіе.

VI.

— Купаться пойдешь? — спрашивалъ Дима, стоя передъ братомъ съ полотенцемъ черезъ плечо. — Пойдешь, что-ли, Андрюша?

Молодой князь полулежалъ на террасѣ въ большомъ кожаномъ креслѣ и щурился отъ яркаго свѣта. Его прекрасные, темные глаза искрились подъ солнечными лучами и красивое лицо лѣниво улыбалось.

— Ну, пойдешь, что-ли? Говори же, Андрюша!

— Вотъ присталъ!—добродушно буркнулъ князь Андрей и закрылъ глаза.

— Ну, какой!—огорченно продолжалъ мальчикъ.—Такъ пойдемте съ вами, Вадимъ Петровичъ. Вы хорошо плаваете? Съ вами мама меня пуститъ на тотъ берегъ.

Вадимъ Петровичъ сидѣлъ въ тѣнистомъ углу и читалъ газету.

— Совсѣмъ не плаваю, мой милый,—живо отвѣтилъ онъ,—и со мной мама не пуститъ.

— Ну, Андрюша!—плаксиво протянулъ мальчикъ и сталъ теребить брата за рукавъ.

— Вотъ присталъ! — все тѣмъ же добродушнымъ тономъ повторилъ князь и принялъ еще болѣе удобную и покойную позу.

— А зачѣмъ вчера флигель мыли и ты ключъ себѣ взялъ?—задорно спросилъ Дима.

Андрей быстро поднялъ голову.

— А ты почемъ знаешь?

— Знаю! я все знаю!

— Ну, и молчи. Слышишь? Никому!..

— А ты скажи зачѣмъ?

— Если же ты проболтаешься, я скажу maman, что у тебя подъ тюфякомъ папиросы, и что я заплатилъ за тебя карточный долгъ.

— Вовсе не карточный! Это въ прошломъ году былъ карточный, а теперь я просто задолжалъ лихачу.

— Ну, все равно. Поросенокъ, а на лихачахъ ѣздитъ.

Дима нѣкоторое время стоялъ молча.

— Андрюша! а ты всетаки скажи, зачѣмъ флигель мыли?— опять спросилъ онъ.

— Тебя тамъ пороть будутъ.

— Нѣтъ, серьезно?

— Или ты отстань, или я... — вдругъ грозно крикнулъ Андрей и приподнялся.

Дима отскочилъ и прыгнулъ черезъ ступени на дорожку сада.

— Все равно, я узнаю!—крикнулъ онъ, убѣгая къ пруду.

— Холера, чума...—со вздохомъ замѣтилъ Вадимъ Петровичъ, перебирая газеты.

— Ну, что тамъ! — равнодушно замѣтилъ Андрей и зѣвнулъ.

— Думаете ничего? А какъ вдругъ возьметъ да и свалитъ.

— Кого?

— Васъ. Меня.

— Ну-у!—лѣниво протянулъ князь.

— Я боюсь эпидемій. Какая-то нелѣпая, глупая, стадная смерть. Хочется умереть чѣмъ нибудь своимъ, личнымъ, чтобы хотя смерть-то отмѣтила въ тебѣ единицу, а не стадное животное.

— Все равно!—сказалъ князь.

— А смерть преждевременная? неожиданно, скоро, сейчасъ?..

— Умирать одинъ разъ.

— Вы такъ равнодушны къ жизни? вы? такой молодой, счастливый?

— Живу—ничего, и умру—ничего. Нѣтъ ли еще новенькаго?

— Фуроръ! въ первый разъ въ Петербургѣ!—смѣясь сказалъ Маровъ.

— Нѣтъ! къ чорту! надоѣло все это, — апатично замѣтилъ князь.—Еще чего нибудь!

— Андрюша, иди къ maman, — сказала Вѣра, заглядывая въ дверь.

— Куда? наверхъ?—съ притворнымъ ужасомъ спросилъ молодой князь.

— Ну, да. Къ ней.

— О, зачѣмъ я не ушелъ купаться съ Димой!—вздохнулъ Андрей, потянулся и сталъ лѣниво приподниматься.

— Ты звала меня—и я на лицо,—сказалъ онъ, входя въ комнату матери.

Онъ тяжело опустился на низкій пуфъ около кресла княгини, взялъ ея руку и поцѣловалъ. Княгиня сидѣла у окна и держала въ рукѣ крошечный носовой платокъ. Глаза ея были заплаканы и красны.

— Случилось что-нибудь?—съ легкой тревогой спросилъ Андрей.

— Ты спрашиваешь?—въ приподнятомъ тонѣ заговорила княгиня.—Но развѣ ты самъ не видишь?

— Не вижу, maman.

— Развѣ ты не знаешь, на что пошелъ твой отецъ, чтобы спасти тебя?

— Не знаю, maman. На что онъ пошелъ?

— Но онъ принужденъ былъ занять у этого... этого Гарушина. Тотъ еще ломался, чуть не отказалъ. Теперь мы принуждены принимать его, заискивать въ немъ... Про него ходятъ ужасные слухи. Все состояніе свое онъ нажилъ тѣмъ, что разорялъ другихъ. Ради тебя мы рѣшились накинуть эту петлю, но она душитъ насъ!

Княгиня заплакала.

— Условія, кажется, не тяжелы?—тихо замѣтилъ сынъ.

— Но отчего они не тяжелы? Этотъ человѣкъ никогда ничего не дѣлалъ даромъ! Когда онъ входитъ сюда, я чувствую, что онъ оскорбляетъ насъ.

— Это немножко фантазія, maman. Я, напротивъ, замѣтилъ, что онъ чрезвычайно почтителенъ.

— Онъ оскорбляетъ насъ!—запальчиво повторила княгиня и слегка стукнула кулачкомъ по столу.—Онъ тѣшится нашей зависимостью и необходимостью переносить его присутствіе. Я не могу, не могу! — Она закатила глаза и закрыла лицо платкомъ.

Андрей молчалъ и громко дышалъ, складываясь почти пополамъ на низкомъ пуфѣ.

— Зачѣмъ онъ ѣздитъ такъ часто и привозитъ съ собой своего сына?—тономъ трагической актрисы спросила княгиня.

Андрей продолжалъ дышать.

— Этотъ сынъ... У него не дурныя манеры, я не говорю! Но что ему надо у насъ?

— Ты думаешь, ему что-нибудь надо?—со скукой и недоумѣніемъ спросилъ князь. Княгиня горестно потрясла головой и развела руками.

— Послушай, Andre, я могу говорить объ этомъ только съ тобой. Твой отецъ сталъ слабъ и нервенъ. Послѣдній ударъ сильно поразилъ его. Теперь онъ немного успокоился. Но я не спокойна! Я вижу вещи, которыя... Я угадываю... Словомъ, мнѣ кажется, что этотъ Гарушинъ чуть ли не мѣтитъ въ зятья.

Княгиня криво усмѣхнулась и высоко подняла голову. Андрей встрепенулся.

— Чепуха!—сейчасъ же рѣшилъ онъ про себя.—Дочери у него нѣтъ и мнѣ жениться тамъ не на комъ. А недурно бы!—

прикинулъ онъ приблизительную долю состоянія воображаемой невѣсты.—Впрочемъ, къ чорту!

— А если онъ мѣтитъ?—съ удареніемъ повторила княгиня.

— Дочери у него нѣтъ?—для полноты увѣренности спросилъ Андрей.

— У него есть сынъ!—крикнула мать.

— Меня, значитъ, не женятъ,—сообразилъ опять князь и вдругъ лѣниво улыбнулся.

— У Вѣры было-бы крупное состояньице! При ея направленіи, впрочемъ...

— Но онъ—Гарушинъ... Дѣдъ этого Александра былъ мошенникъ и пьяница, отецъ—кулакъ.

Молодой князь не любилъ длинныхъ разговоровъ и теперь вдругъ почувствовалъ утомленіе и досаду.

— Но ты напрасно волнуешься, maman. Пока, я не вижу основаній...

— Что же ему нужно?—заговорила Софья Дмитріевна, бросая платокъ на столъ и поднося ладони къ глазамъ такъ, какъ-будто старалась разобрать что-то на нихъ.—Что ему нужно у насъ? постоянно? чуть не каждый день?

— Не вели принимать,—разсѣянно посовѣтовалъ Андрей.

— Да ты ребенокъ!—закричала княгиня.—Ты не понимаешь, что мы не имѣемъ права оскорблять его? не имѣемъ! Мы въ его рукахъ, въ его власти, въ его распоряженіи, и нашъ отказъ его сыну будетъ нашимъ разореніемъ. Ты не понимаешь!

— Зачѣмъ же вы у него брали?—апатично спросилъ Андрей.

— Гдѣ же было взять? у кого? Надо было спасать тебя, твое имя.

— Досадный случай!—сказалъ Андрей.

— Княжна Баратынцева жена господина Гарушина!—съ горечью проговорила княгиня.

— Я, кажется, не буду лишней?—вдругъ спросила Вѣра, появляясь въ дверяхъ.

— Ты подслушивала?—гнѣвно вскрикнула Софья Дмитріевна.

— Нѣтъ... Я не подозрѣвала, что у васъ съ братомъ тайное совѣщаніе, вы говорили громко, и я слышала невольно.

Вѣра не трогалась съ мѣста, княгиня и Андрей повернулись къ ней, ожидая, что она будетъ говорить. Дѣвушка, наконецъ, слабо улыбнулась и провела рукой по лицу.

— Развѣ это не странно, что вы уже все рѣшили здѣсь за меня?—сказала она.—Моя мать рѣшила, что я должна ради спасенія... имущества выйти за человѣка, котораго я не люблю и не уважаю. При этомъ пострадаетъ блескъ имени, но я буду отстранена, и это забудется!

— Вѣра!—строго окликнула ее княгиня. Но дѣвушка продолжала:

— Моя мать рѣшила за меня, что я своей жизнью могу и должна заплатить за кутежи своего братца.

— Ты бредишь!—крикнула княгиня.

— Нѣтъ, это правда!—горячо возразила Вѣра.—Я знаю тебя достаточно, чтобы утверждать, что твое рѣшеніе въ этомъ дѣлѣ было принято, оставался одинъ чисто внѣшній вопросъ. Но я? Подумала ли ты обо мнѣ?—съ замѣтной дрожью въ голосѣ спросила она.

— Ты пришла оскорблять меня!—вскрикнула княгиня, хватаясь за голову.

Вѣра глядѣла на нее, и опять натянутая улыбка пробѣжала по ея лицу.

— Я пришла сказать, что ни продать, ни купить меня нельзя. Мама!—вскрикнула она вдругъ, замѣтивъ внезапную блѣдность княгини.—Мама, прости меня! ну, прости...

Она бросилась къ матери, опустилась на колѣни передъ ея кресломъ и, завладѣвъ ея рукой, прижала ее къ своему лицу.

— Мама, не сердись... не принимай къ сердцу. Если бы ты знала!.. Мнѣ бы только чуточку увѣренности, что ты любишь меня. Понимаешь, я не вѣрю.. Я мучусь. Между мной и всѣми вами, моими близкими, какая-то стѣна. Ты никогда не хотѣла понять меня, а я думаю, что нельзя не понять того, кого любишь. Я зла иногда, рѣзка, груба, можетъ быть, но это оттого, что мнѣ больно. Мама, скажи мнѣ что-нибудь ласковое, одно слово!..

— Я... хотѣла... продать... свою дочь?—съ разстановкой сказала княгиня. Она закатила глаза, горестно покачала головой и замолчала, словно подавленная. Потомъ она глубоко вздохнула, силой отняла свою руку у дочери и, поднявшись съ кресла, величественно вышла изъ комнаты. Вѣра осталась на полу.

Никто не замѣтилъ, когда ушелъ Андрей.

VII.

Вѣра шла по длинной аллеѣ и слѣдила за тѣмъ, какъ свѣтовыя пятна и тѣни играли на пескѣ, составляя неуловимую подвижную сѣть. Голова у нея немного болѣла и глаза жгло отъ безсонницы и пролитыхъ слезъ. Ей стыдно было вспомнить о томъ, какъ много она проплакала въ эту ночь.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра вернулась сюда изъ Москвы, гдѣ уже вторую зиму проводила у своей родственницы, богатой и скучающей барыни, неудачи и разочарованія не покидали ее. Съ удивленіемъ и грустью замѣчала она, что отношенія ея съ окружающими и даже съ матерью становились все болѣе

странными и натянутыми. Въ тонѣ матери часто сквозили досада и раздраженіе. Вѣра не понимала ея недовольства. Въ Москвѣ, окруженная людьми самыхъ различныхъ взглядовъ и направленій, въ ту горячую пору жизни, когда умственные и нравственные запросы настоятельно требуютъ удовлетворенія, Вѣра съумѣла найти и обособить маленькій кружокъ, среди котораго она чувствовала себя хорошо на совсѣмъ особый ладъ. Эти люди не были друзьями Вѣры, они даже не были особенно близки и симпатичны ей, но молодая дѣвушка чувствовала, какъ они пробуждали въ ней мысль, заставляя работать ее, и эта работа давала ей еще совсѣмъ неизвѣданное наслажденіе. Случалось, что послѣ долгихъ споровъ и сложныхъ разсужденій, Вѣра съ грустью думала о томъ, что рѣшеніе того или другого вопроса, такъ горячо обсуждаемаго, не имѣло, собственно, для нея никакого прямого значенія. Ея жизнь, казалось ей, въ силу какихъ-то необъяснимыхъ причинъ, должна была остаться такой, какой была до этой поры, не подчиняясь никакимъ вопросамъ, рѣшеніе которыхъ въ теоріи такъ волновало ее. И Вѣра замѣчала эту рознь, удивлялась возможности ея и тутъ же старалась успокоиться на томъ, что, въ сущности, она и не задавалась никакими цѣлями: она сознала въ своей жизни какой-то пробѣлъ, пополнила его и теперь должна чувствовать себя удовлетворенной.

Странная неожиданность встрѣтила ее по возвращеніи въ деревенскій домъ и родную семью. Вѣра съ удивленіемъ оглядывалась и спрашивала себя, она ли измѣнилась, или измѣнилось все такъ близко знакомое ей съ дѣтства? Она ясно отдавала себѣ отчетъ въ томъ, что раньше, какъ и теперь, ея мать кричала на прислугу, писала знакомому земскому начальнику записки съ просьбой наказать того или другого изъ крестьянъ, въ чемъ либо не угодившаго ей. Ясно вспоминала Вѣра, что прежде, какъ и теперь, ея отецъ съ изысканной любезностью бралъ сторону сильнаго противъ слабаго; окружалъ себя друзьями, привлекаемыми широкимъ хлѣбосольствомъ и обаятельной, величавой красотой княгини. «Враги», несомнѣнно, тоже были; это были люди, требовавшіе не угощеній, а дѣла, не любезности, а справедливости; но о нихъ не думали и надъ ними посмѣивались, потому что ихъ не боялись. Все это ясно вспоминала Вѣра, и неожиданность, встрѣтившая ее, заключалась въ томъ, что весь этотъ порядокъ вещей, нѣкогда едва замѣчаемый ею, теперь сильно волновалъ ее и вызывалъ едва сдерживаемый протестъ. Особенно тяжело и горько было Вѣрѣ осуждать отца. Гордый и временами крутой по отношенію къ подвластнымъ и въ чемъ-либо подчиненнымъ ему, съ дѣтьми онъ былъ чрезвычайно снисходителенъ, нѣженъ, любилъ проявлять свои чувства лаской, а у жены прямо заискивалъ и, видимо, расцвѣ-

талъ, когда княгиня благосклонно принимала его заискиванія. Вѣру, какъ единственную дочь, старикъ ласкалъ особенно часто. Его немного дрожащая и уже морщинистая рука скользила по волосамъ молодой дѣвушки, онъ ласково заглядывалъ ей въ лицо, и потому ли, что Вѣра никогда не была красива, потому ли, что такимъ способомъ лучше выражалась его нѣжность., отецъ говорилъ ей всегда одну и ту же фразу: «Моя дѣвочка! моя бѣдная дѣвочка». Вѣра чувствовала на себѣ его любовь и мучилась своими осужденіями. Съ матерью, всегда холодной и избалованной поклоненіемъ, Вѣра сразу усвоила себѣ довольно рѣзкій и увѣренный тонъ. Этимъ тономъ она хотѣла какъ бы подчеркнуть свою личность и заставить окружающихъ считаться съ ней, но она чувствовала, какъ именно это желаніе возмущало и раздражало привыкшую къ власти княгиню.

— Что ты изъ себя строишь?—не сдерживая свего раздраженія, замѣчала Софья Дмитріевна.

— Я ничего не строю. Я такая, какъ есть, — пожимая плечами, отвѣчала Вѣра.

— Ты, кажется, хочешь переучить весь міръ. Твой тонъ съ Маровымъ, съ Андрюшей, да и со всѣми прямо невозможенъ.

— Но они возмущаютъ меня, мама!

— Кто это возмущаетъ тебя? всѣ? никто не угодилъ? Глупы всѣ, ты одна умна, набралась фанаберіи и лѣзешь учить всѣхъ.

— Но вѣдь я никому ничего не навязываю.

— Въ тебѣ не осталось не простоты, ни скромности. Подъ предлогомъ чего-то тамъ возвышеннаго, ты просто зла и придирчива.

— Зачѣмъ ты стараешься оскорбить меня, мама?—въ свою очередь горячо вскрикивала Вѣра.—Оскорбить всегда легко, но оскорбленіе не доказательство. Я не могу высказаться, когда мы обѣ раздражены, а ты никогда не хочешь спокойно выслушать меня. Спокойно, безъ предубѣжденія.

— Признаюсь, не хочу!—притворно смѣясь, говорила княгиня.—Жили безъ твоихъ проповѣдей, Богъ дастъ, проживемъ дальше. Глупо жили! что же дѣлать?..

Каждый подобный разговоръ, не выясняя ничего, все больше и больше отчуждалъ мать и дочь. Часто, сбитая съ толку и огорченная, Вѣра запиралась въ своей комнатѣ и тамъ наединѣ припоминала только что сказанныя слова, удивляясь тому, что сама она, Вѣра, какъ нарочно говорила въ этихъ случаяхъ не то, что нужно. Она ложилась ничкомъ на кровать и сочиняла длинные, убѣдительные монологи.

— Почему ты думаешь, что я зла? — шептала она, чув-

ствуя, что слезы набѣгаютъ ей на глаза.—Если бы я была зла, мнѣ бы не было обидно и больно. Ты думаешь, что я ненавижу людей? Но я ненавижу ихъ отношеніе къ жизни, а не ихъ самихъ. Я уже потеряла это отношеніе и не могу опять пріобрѣсти его. Я такъ мелка и малодушна, что ради своего спокойствія я рада бы смотрѣть на все чужими глазами, но у меня что-то измѣнилось въ душѣ. Я не обольщаю себя и не думаю, что я сама стала лучше, но это лучшее открылось мнѣ. Я допускаю, что можно попирать истину, но я хочу, чтобы вы признали ее.

Всю эту ночь Вѣра плохо спала и мысленно много говорила съ матерью. Болѣе всего поразило дѣвушку угаданное ею отношеніе Софьи Дмитріевны къ намѣреніямъ Гарушина. Она слишкомъ хорошо знала свою мать, чтобы сомнѣваться въ томъ, что въ ея глазахъ счастье дочери, ея чувства и взгляды отходили на задній планъ, стушевывались, а впередъ, какъ пестрыя, чванливыя маріонетки, выдвигались тщеславіе, гордость и денежные разсчеты. Этимъ маріонеткамъ, годнымъ только на то, чтобы ихъ выбросили за дверь, должна быть принесена человѣческая жертва, и Вѣра знала, насколько простой и естественной казалась эта жертва въ глазахъ княгини. Именно объ ней она словно забывала и заботилась меньше всего: жертва должна быть принесена.

— «А за что же мнѣ пропадать? вы даже не любите меня!»—съ обычнымъ задоромъ и глубокой горечью мысленно восклицала Вѣра. Ей представлялось безцвѣтное, апатичное лицо Александра Гарушина, его мутный взглядъ, его брезгливый, презрительный тонъ. Мысль, что онъ, изъ какихъ-то неясныхъ ей разсчетовъ, хочетъ купить ее, заставляла кровь бросаться ей въ голову. Чутьемъ женщины угадывала она, что Гарушинъ не только не любитъ ее, но что она прямо не нравится ему.

— Никогда этого не будетъ! никогда! лучше смерть!— безповоротно рѣшала она и тутъ же съ своей порывистой способностью переходить отъ одного чувства къ другому, вполнѣ противоположному, она радовалась, воображая, какъ удивитъ и оскорбитъ Гарушина ея отказъ.

— Я свободна!—говорила она себѣ гордо и радостно.— Нѣтъ ни у кого власти надо мной.

— Мы всѣ въ его власти, въ его распоряженіи... — припоминала она вдругъ слова матери. Да, да... «Они» ждутъ жертвы, «они» хотятъ ея. Если она принесетъ эту жертву, имъ не будетъ жаль ее, они будутъ рады.

Въ груди Вѣры что-то мучительно сжималось и ныло. Чему бы она обрадовалась теперь больше всего на свѣтѣ,— это дружескому участію и дружескому совѣту. Но за участіемъ

и совѣтомъ ей идти было некуда. Она подумала объ отцѣ, но отецъ былъ слабъ и боленъ, его нельзя было разстраивать. Если бы она пришла и приласкалась къ нему, онъ положилъ бы свою руку на ея голову и сказалъ бы: «Моя дѣвочка! моя бѣдная дѣвочка!»

VIII.

Гарушины ѣздили часто, но вмѣсто того, чтобы тревожиться и возмущаться, какъ дѣлала это княгиня, старый князь привыкъ къ ихъ посѣщеніямъ, игралъ съ Петромъ Ивановичемъ въ пикетъ, Александра же часто не замѣчалъ и утверждалъ потомъ, что уже давно не видалъ его. Въ большинствѣ случаевъ княгиня не выходила изъ своихъ комнатъ, старики садились за игру, а Александръ Петровичъ присоединялся къ молодежи и, слушая ихъ разговоръ, переводилъ свой мутный взглядъ отъ Вѣры къ Анѣ, словно сравнивая ихъ.

Часто онъ заставалъ здѣсь Листовича. Все общество собиралось у пруда или въ круглой бесѣдкѣ. Аня неизмѣнно что-нибудь шила, Маровъ говорилъ, выкуривая одну папиросу за другой и, видимо рисуясь, щеголялъ нѣсколько циничной, но ненасытной жизнерадостностью. Вѣра слѣдила за нимъ изподлобья, сдержанно волновалась и иногда, не выдержавъ, горячо и порывисто возражала ему.

— Я не знаю лжи лицемѣрнѣе и глубже, какъ эта ваша разсудочная любовь,—говорилъ Маровъ.—Любить разсудочно, это значитъ не любить никого. Мнѣ дано чувство, и я пользуюсь имъ для тѣхъ, кто мнѣ близокъ, кто мнѣ пріятенъ. У меня есть стаканъ добраго стараго вина, и я знаю, что это вино доставитъ мнѣ наслажденіе. Но если я возьму и вылью его въ этотъ прудъ, то вода отъ этого не будетъ вкуснѣе, а вина у меня не станетъ. Вотъ та любовь, которую вы проповѣдуете!

Онъ помахалъ себѣ въ лицо своей широкополой соломенной шляпой и оглянулся, стараясь подмѣтить произведенное впечатлѣніе.

— Не можете любить, такъ и не надо!—чуть не крикнула Вѣра.—Я вотъ тоже не могу... Зачѣмъ же лгать и притворяться? А только, я увѣрена, что въ каждой душѣ есть что-то... какая-то жалость, какая-то нѣжность. Ее надо найти, ей надо дать развиться... Для нея все равно: свой ли, чужой ли. И зачѣмъ вы хотите отрицать, если это чувство именно поднимаетъ васъ изъ ничтожества? Отъ чего вы защищаетесь?

— Вѣра Ильинишна! княжна!—заговорилъ Маровъ, прижимая руки къ жилету,—я не ищу лишнихъ страданій. На долю каждаго отпущено ихъ достаточно. Я не ищу...

Онъ грустно покачалъ головой и вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Моя любовь должна дать мнѣ другое,—восторженно воскликнулъ онъ.—Я хочу радости, а не жалости, и если я принесу кому-нибудь каплю счастья, я скажу себѣ, что и моя жизнь прошла не даромъ.

— Да, это такъ,—сказалъ Листовичъ и выразительно поглядѣлъ на Аню.

Дѣвушка густо покраснѣла.

— Да о чемъ же мы говоримъ?—нетерпѣливо крикнула Вѣра.—Я согласна: мы всѣ мелки, ничтожны и эгоистичны, и мы можемъ еще такъ жить и намъ можетъ быть хорошо... Что вы мнѣ доказываете? Повторяю: я съ этимъ согласна. Но я не могу согласиться, что именно такъ должно быть. Я убѣждена, что всѣ мы лучше того, чѣмъ сами думаемъ, только боимся себя и того, что въ насъ есть лучшаго... И скажите мнѣ еще: гдѣ гордость? въ чемъ ложь? Въ томъ, что я признаю зло и хочу, чтобы его было меньше, или въ томъ, что я признаю зло и выставляю его, какъ знамя, наперекоръ всему, съ безстыдствомъ, которому нѣтъ оправданія!

— Княжна!—вскрикнулъ Листовичъ.—Большая гордость въ такомъ осужденіи!

— Да, да, я знаю!—внѣ себя подхватила Вѣра,—и мнѣ все равно. Судите меня, какъ я васъ сужу, но я должна была сказать то, что я сказала. Я бы прибавила еще...—уже тише договорила она,—но въ этомъ вы уже не повѣрите мнѣ! Я охотно прибавила бы еще, что и себя я осуждаю такъ же горячо, какъ васъ, и себя я... ненавижу... Но вы не повѣрите, не повѣрите...

Выраженіе мучительнаго стыда пробѣжало по лицу Вѣры, она отвернулась и замолчала. Настала длинная и неловкая пауза.

Маровъ вздохнулъ и сталъ ощупывать свои карманы.

— Юрій Дмитріевичъ! одолжите папиросочку: свои всѣ вышли.

Александръ Петровичъ присутствовалъ при разговорѣ съ выраженіемъ нескрываемой, даже нѣсколько высокомѣрной и совершенно искренней скуки. Онъ не понималъ этой впечатлительной, некрасивой и о чемъ-то страдающей дѣвушки и ему казалось, что изъ всѣхъ присутствующихъ онъ одинъ только искрененъ въ своемъ презрѣніи къ этимъ ненатуральнымъ разговорамъ.

IX.

— Жарко!—говорилъ Маровъ, растягиваясь на травѣ въ тѣни молодой березовой рощи.—Поспать бы теперь, да горе въ томъ, что больше 12-ти часовъ въ сутки я спать не могу.

— Этотъ дуракъ Дима, пожалуй, не найдетъ меня здѣсь,—тоскливо проговорилъ князь Андрей, тоже усаживаясь на траву и прислоняясь головой къ стволу дерева.

— А зачѣмъ вамъ Дима?—удивленно спросилъ Маровъ.

— Онъ обѣщалъ парочку зельтерской достать и принести. Послѣ вчерашняго до сихъ поръ опомниться не могу!

— Хе, хе, хе!—сочувственно разсмѣялся Вадимъ Петровичъ.—Гдѣ же это вы такъ, князь?

— Да хуторъ тутъ одинъ... Отецъ меня на ревизію посылалъ. Управляющій, очевидно, мошенникъ и жена у него похожа на лягушку, но настойки и наливки прекрасныя. Я подозрѣваю, что они меня нарочно... того... Ну, да къ чорту!

Маровъ продолжалъ смѣяться, и маленькіе заплывшіе глазки его весело искрились.

— И что-же? все въ порядкѣ оказалось?—спросилъ онъ.

— Все въ порядкѣ,—лѣниво улыбнулся князь.—Вѣдь вотъ чортъ!—заговорилъ онъ добродушно, закидывая свою красивую голову,—дома сидѣть нельзя: сейчасъ или мать, или отецъ... Хоть бы къ себѣ позвали, если нужно, а то ко мнѣ въ комнату приходятъ и ужъ тутъ отъ нихъ не скоро отдѣлаешься. Сидѣли бы у Вѣры.

— Вѣра Ильинишна что-то грустна,—замѣтилъ Маровъ.

— Вѣра меня бѣситъ,—сказалъ Андрей.— Какъ вы думаете, вы тамъ съ ними часто... выйдетъ она за Гарушина?

Маровъ насторожился. Отъ любопытства лицо его дрогнуло, но онъ овладѣлъ собой и отвѣтилъ совершенно спокойно:

— Трудный вопросъ, князь. Особенной симпатіи къ господину Гарушину княжна не питаетъ. Это ясно.

— Ну, что еще тамъ... симпатіи! Вѣра дурна и, кажется, уже не молода. Не за такихъ еще выходятъ, если нужно.

— Да... если нужно...—повторилъ Маровъ, пытливо вглядываясь въ лицо Андрея.

— Счастье Вѣрѣ!—со вздохомъ замѣтилъ Андрей. — Да она глупа! она не съумѣетъ забрать въ руки его состояніе. Куда ей!

Маровъ молчалъ. Онъ глядѣлъ теперь въ небо, и ласковая усмѣшка бродила по его жирному лицу.

— А знаете, князь?—наконецъ, сказалъ онъ.

— Ну, не знаю.

— Княжна не пойдетъ за Гарушина.

— Какъ не пойдетъ?—встрепенулся Андрей.—А какъ же долгъ? Да это что—долгъ! А вообще, наши дѣла—швахъ. Папахенъ и мамахенъ не стѣснялись, въ свое время, мнѣ тоже зѣвать не приходится... Не я пропущу, они пропустятъ. Нѣтъ, она пойдетъ... Развѣ что она влюблена? въ Листовича?

— Листовичъ женится на Анѣ,—увѣренно заявилъ Маровъ.

— Аня не дурна,—равнодушно замѣтилъ Андрей.

— Да, женится,—задумчиво продолжалъ Вадимъ Петровичъ.—И къ чему это люди женятся? глупость одна! Не женитесь, князь!

— Ну, вотъ! нашли дурака!—сонно отвѣтилъ Андрей.

— А какъ вы думаете? долго-ли? Вотъ, напримѣръ, я...

— Что же вы? развѣ вы женаты?

— Женатъ, батюшка, женатъ. Самымъ законнѣйшимъ образомъ женатъ.

— Вотъ чортъ! а я не зналъ. А что же ваша жена? умерла?

— Зачѣмъ умирать? жива! Только мы съ ней, такъ сказать, разошлись характерами. Я на нее не сержусь. Она тамъ гдѣ-то, а я вотъ здѣсь. Какой я ей мужъ? если мужъ, такъ корми ее. А меня, голубчикъ князинька, самого люди кормятъ, и я этимъ горжусь: значитъ, не совсѣмъ я ненужный человѣкъ, еще годенъ кое на что. Вотъ я думаю, князь: что, если бы музыки на свѣтѣ не было, стоило ли бы жить? Конечно бы, не стоило.

— А еще холеры боитесь!—напомнилъ Андрей.

— Привычка, князь! Прижился, приспособился. Умирать страшно, а жить...

— Ничего не страшно! Когда я пьянъ, я ничего не боюсь. Отчего не боюсь? потому что не разсуждаю. Не надо разсуждать, тогда все просто: и жить, и умереть.

— Прекрасная философія!—радостно вскрикнулъ Маровъ.—Князь! вы философъ.

Андрей лѣниво пожалъ плечами.

— По вашему и это философія,—сказалъ онъ,—а по моему, такъ вообще никакой философіи нѣтъ, а есть одна ерунда.

— Ну, вотъ! Самъ сказалъ въ садъ, а самъ ушелъ,—послышался звонкій голосъ Димы.

— Принесъ? молодецъ!—радостно встрепенулся Андрей.—Давай сюда. Меня кто-нибудь спрашивалъ?

— Мама спрашивала... Я сказалъ, что ты съ приказчикомъ въ поле уѣхалъ. Папа нездоровъ, голова болитъ.

— Никто тебя не замѣтилъ съ бутылками?

— Никто! Развѣ я когда-нибудь попадусь?

— А то нѣтъ?—раскупоривая воду, спросилъ Андрей.

— Конечно, нѣтъ. А ты, Андрюша, за это позволь мнѣ взять у тебя папиросъ? Ну, право... Ну, что же, если я уже привыкъ? Можно?

Дима просилъ, и его нѣжное еще, почти дѣтское личико принимало трогательное, умоляющее выраженіе.

— Ну, ладно!—согласился Андрей.—Но если попадешься съ куреніемъ, помни: я тебѣ ничего не давалъ.

— Знаю!—весело крикнулъ мальчикъ и убѣжалъ.

X.

Въ домѣ отца Александръ Петровичъ почти все время лежалъ на софѣ съ книгой или газетой, очень много ѣлъ, но больше всего скучалъ. Въ деревнѣ онъ никогда не жилъ по долгу, и тихая монотонная жизнь совсѣмъ не отвѣчала его вкусамъ. Особенно раздражительнымъ становился онъ послѣ того, какъ лакей подавалъ ему привезенную почту. Онъ озабоченно пробѣгалъ письма, а въ газетахъ останавливался только на отдѣлѣ биржи и затѣмъ на отчетахъ о лѣтнихъ петербургскихъ увеселеніяхъ. Лицо его вытягивалось и глаза становились совершенно мутными.

— Что? опять нездоровъ?—спрашивалъ его отецъ слегка насмѣшливо.

— Нѣтъ, здоровъ,—вяло отвѣчалъ онъ.

— То-то. А я ужъ думалъ опять желудокъ. Какъ? что?

— Ничего. Мнѣ, знаешь, надоѣла вся эта церемонія. У меня есть дѣло, а я живу здѣсь, въ этой глуши, куда и газеты-то приходятъ только на третій день.

— Но у тебя отпускъ.

— Ты отлично понимаешь, что я говорю не о службѣ. У меня другія дѣла.

— Любопытно знать!—прищуриваясь, спросилъ Петръ Ивановичъ.—Не секретъ?

— Нѣтъ, не секретъ,—слегка краснѣя и раздражаясь, отвѣтилъ Александръ.—Я веду игру на биржѣ. Ты это зналъ и раньше.

— Слышалъ, кое-что слышалъ. Кажется, очень счастливо? Загребаешь деньгу?

Александръ нахмурился.

— Нѣтъ, не загребаю. У тебя непріятная манера спрашивать о томъ, что ты уже знаешь.

Петръ Ивановичъ тихо засмѣялся.

— Не любишь? А за мои хозяйственныя затѣи опасаешься? Какъ бы я лишняго не тратилъ—это страшно?

Въ его холодныхъ острыхъ глазахъ мелькнуло на мигъ не-

уловимое выраженіе горечи, онъ пересталъ смѣяться, но сейчасъ же дружески хлопнулъ сына по плечу.

— Теперь это надо оставить,—серьезно заговорилъ онъ.— Всему свое время. И всякія эти оперетки и шансонетки... Не мало, поди, и эти фокусницы стоили? — весело подмигнулъ онъ.—Букеты, да конфекты, а то и что посущественнѣе... Ну, ну! не хмурься, не буду. Быль молодцу не укоръ. Женишься, обзаведешься домкомъ, я тебѣ и обстановку всю прямо изъ твоего излюбленнаго Парижа выпишу. Какъ? что?

— Я думалъ бы пока жить въ Петербургѣ, — замѣтилъ Александръ.

— Нельзя въ Петербургѣ!—горячо вскричалъ Петръ Ивановичъ.—Тебѣ надо показать себя, сойтись съ обществомъ... Нужно, чтобы тебя узнали и полюбили.

— Послушай,—раздраженно сказалъ молодой Гарушинъ,— я служу какимъ-то твоимъ цѣлямъ!.. Мнѣ лично твое честолюбіе чуждо и, право, было бы справедливо, если бы ты вознаградилъ меня. Я не могу позволить замуровать себя и за что?

— Но я уже обѣщалъ... Я дарю тебѣ прекрасное имѣніе, я открываю передъ тобой завидную дорогу, я... я...—захлебываясь, заговорилъ старикъ.

— Мнѣ нужны деньги,—спокойно замѣтилъ сынъ.

— Но развѣ я не сказалъ: половина того, что я имѣю...

— Я не ребенокъ, чтобы довольствоваться одними обѣщаніями,—раздражительно процѣдилъ сынъ.

Петра Ивановича передернуло.

— Какъ? что?—растерянно спросилъ онъ. Съ минуту онъ пристально глядѣлъ на Александра, руки его слегка дрожали.

— Ты какъ же это? не вѣришь мнѣ? — страннымъ голосомъ спросилъ онъ.—Обманулъ я тебя въ чемъ-нибудь? Какъ это ты сказалъ?

Александръ Петровичъ пожалъ плечами.

— Опять эта твоя обидчивость!—сказалъ онъ.—И откуда она въ тебѣ? Съ тобой говорить нельзя.

— Нѣтъ, ты повтори... объяснись!—взвизгнулъ Петръ Ивановичъ.—Я твоего счастья хочу, я тебя въ люди вывелъ... Я сколько думъ передумалъ...

— Не будемъ играть комедію, отецъ! — въ свою очередь разсердился Александръ.—Я тебѣ нуженъ, для твоихъ личныхъ плановъ нуженъ, и справедливо, чтобы ты заплатилъ. Ты не можешь добиться власти и почета и задумалъ сдѣлать это черезъ меня. Не будешь же ты требовать, чтобы я еще благодарилъ тебя? Карты открыты, надѣюсь?

Старикъ Гарушинъ вскочилъ.

— Открыты!—вскрикнулъ онъ.—Карты открыты! Я ста-

рый негодяй, честолюбецъ, обманщикъ! Меня надо презирать, оскорблять и это только справедливо. Да что же ты думаешь обо мнѣ?—вдругъ взвизгнулъ онъ.—Деньги наживалъ, людей душилъ, локтями работалъ. Да! я работалъ, наживалъ, душилъ. Но почему я это дѣлалъ? Ага! это надо знать! И меня душили, и меня локтями затирали.

Онъ взъерошилъ волосы и высоко закинулъ голову.

— Надо многое знать, чтобы судить!—добавилъ онъ.

— Я не хочу тебя судить. Эти сцены утомительны!—холодно замѣтилъ Александръ.

— Нѣтъ, ты судишь! — кричалъ старикъ.—Но по какому праву? Чѣмъ ты лучше меня? Больше ты знаешь? больше ты пережилъ... перестрадалъ? Какъ же! Все это я сдѣлалъ за тебя. Я! Да, я перестрадалъ... Я оградилъ тебя отъ всего, я далъ тебѣ цвѣты и взялъ себѣ терніи. Развѣ меня кто-нибудь баловалъ? любилъ? жалѣлъ? Но я свыкся... У меня нѣтъ человѣка, на котораго я могъ бы указать и подумать съ увѣренностью: это другъ. У меня есть враги, ихъ много... Есть люди, которымъ я нуженъ, или могу понадобиться; но человѣка, который бы любилъ меня немного, который зналъ-бы меня—такого нѣтъ. И признаюсь: отъ тебя я ждалъ другого отношенія... Отъ тебя...

Онъ стоялъ передъ Александромъ, выкрикивалъ свои фразы и сильно жестикулировалъ.

— Я платилъ зломъ за зло, я пригибалъ тѣхъ, кто прежде сидѣлъ у меня на шеѣ, я защищался,—кричалъ онъ, и не тебѣ, моему сыну, судить меня!

— Это утомительно!—со вздохомъ повторилъ Александръ Петровичъ.—И такъ же нелѣпо, какъ сцена ревности.

Петръ Ивановичъ тяжело дышалъ, но мало-по-малу сталъ успокаиваться. Глаза его опять приняли испытующее, насмѣшливое выраженіе.

— Скажи лучше отцу, какъ подвигаются твои дѣла,—почти весело спросилъ онъ. — Скоро думаешь объясниться? Княжна, говоришь, достаточно подготовлена? Влюблена, можетъ быть? Какъ? что?

Александръ Петровичъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что предложеніе его будетъ принято, но сдѣлать рѣшительный шагъ онъ, однако, медлилъ. Онъ замѣчалъ, что княгиня, видимо, перемѣнилась въ отношеніи къ нему и стала гораздо любезнѣе, почти ласковой, но сама Вѣра, ея манера держать себя и даже одѣваться раздражали Александра. Иногда онъ позволялъ себѣ дѣлать ей замѣчанія.

— Этотъ цвѣтъ не идетъ къ вамъ, княжна,—сказалъ онъ ей однажды.

Она подняла на него удивленные, недоумѣвающіе глаза.

— У меня нѣтъ желанія одѣваться къ лицу,—сказала она.

— Я замѣтилъ, что нѣкоторыя женщины ставятъ себѣ это въ заслугу,—процѣдилъ сквозь зубы Гарушинъ.—За границей женщины оттого такъ обаятельны, что владѣютъ искусствомъ одѣваться. У насъ въ Россіи безвкусица и распущенность до такой степени портятъ ихъ, что ихъ и сравнить нельзя съ иностранками.

— А вы, кажется, ставите это искусство очень высоко?— задорно спросила Вѣра.

— Въ жизни женщины оно важно. Женщина должна быть кокетка,—убѣжденно заявилъ Гарушинъ.

Вѣра насмѣшливо улыбнулась.

— У васъ очень опредѣленные взгляды,—сказала она.

— Каковъ есть,—холодно отвѣтилъ онъ.—Выше лба не прыгнешь, я и не стараюсь...

Послѣ каждаго подобнаго разговора Вѣра враждебно слѣдила за Александромъ, и глаза ея задорно и насмѣшливо блестѣли.

XI.

Старый князь прихварывалъ и часто жаловался на головную боль. Иногда, среди разговора, онъ вдругъ забывалъ какое-нибудь самое обыкновенное слово, искалъ его, сердился, наконецъ, замѣнялъ другимъ, совсѣмъ неподходящимъ. Софья Дмитріевна не придавала значенія его нездоровью, и только одна Вѣра, словно обрадованная возможностью отвлечься отъ собственныхъ тяжелыхъ думъ, вся отдалась заботливому уходу за отцомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ она замѣчала въ немъ неуловимую перемѣну: ей казалось, что къ его обычной привѣтливости и ласковости присоединилась еще какая-то несвойственная ему вдумчивость; онъ мало говорилъ, улыбка его стала разсѣянной, и въ глазахъ залегло незнакомое грустное выраженіе. Вѣра приходила читать ему вслухъ. Онъ слушалъ ее, сидя въ большомъ, удобномъ креслѣ, и потомъ тянулся къ ней и гладилъ ее по плечу или по рукѣ. Чаще обыкновеннаго говорилъ онъ ей:

— Моя дѣвочка, моя бѣдная дѣвочка!

Вѣру, ставшую очень впечатлительной и нервной, эта ласка трогала до слезъ, но она старалась подавить свое волненіе и улыбалась отцу натянутой улыбкой.

— Старъ становлюсь, Вѣрочка!—говорилъ иногда старикъ.

— Пустяки, папа! ты у насъ молодцомъ! — успокаивала его дочь. Она видѣла въ его лицѣ тревогу, невысказанный вопросъ, не понимала ихъ и опять улыбалась ему. Онъ гля-

дѣлъ на нее пристально, потомъ отводилъ глаза и часто неожиданно засыпалъ.

Когда князь не выходилъ изъ своей комнаты, всѣ домашніе считали своимъ долгомъ навѣстить его. Княгиня цѣловала его въ голову, садилась на диванъ и спрашивала, благосклонно улыбаясь:

— Ну, какъ ты себя чувствуешь? какъ спалъ?

Князь ловилъ ея руку, цѣловалъ ее въ ладонь и увѣрялъ, что чувствуетъ только небольшую слабость.

— А твоя мигрень?—спрашивалъ онъ озабоченно.

Приходилъ князь Андрей. Онъ растягивался въ креслѣ, щурился и говорилъ о томъ, что духота мѣшаетъ ему спать по ночамъ. И, дѣйствительно, его красивые глаза часто бывали красны и казались утомленными. Забѣгалъ Дима, безцѣльно кружилъ по комнатѣ минуты двѣ и затѣмъ исчезалъ. Маровъ стучалъ въ дверь, входилъ на цыпочкахъ, слегка горбясь и улыбаясь сладкой улыбкой, разсказывалъ только что прочитанныя извѣстія изъ газетъ и, не рѣшаясь попросить позволенія курить, привычнымъ жестомъ поминутно нащупывалъ ладонью карманъ визитки.

Приходила и Аня, робкая, застѣнчивая, но вся словно свѣтившаяся сдержаннымъ, скрытымъ счастьемъ. Она прятала это счастье, стыдилась его, а оно прорывалось наружу и дѣлало ее неловкой и неестественной. О ея помолвкѣ съ Листовичемъ знали всѣ, но она не говорила о ней никому и продолжала считать свою любовь тайной.

Пріѣзжали сосѣди и тоже заходили засвидѣтельствовать свое почтеніе князю, играли въ карты или въ шахматы, и тогда старикъ нѣсколько оживлялся. Но когда посѣтители удалялись и больной оставался съ глазу на глазъ съ дочерью, лицо его сразу темнѣло и въ глазахъ опять мелькала тревога.

— Чувствую, Вѣрочка, чувствую, что старѣюсь, — говорилъ онъ.

— Ты просто усталъ, папа.

— Усталъ, усталъ, дѣвочка. И думать не могу... Начну... и не могу.

Одинъ разъ, когда Вѣра думала, что больной спитъ, она положила голову на ладони и тяжело задумалась. Какъ всегда въ минуты нервнаго напряженія, лицо ея измѣнилось, губы слегка припухли, и она стала похожа не на взрослую дѣвушку, а на слабаго обиженнаго ребенка. Она чувствовала, что развязка приближалась, что не нынче-завтра ей придется принять рѣшеніе, которое отразится на всей ея послѣдующей жизни. И она спрашивала себя—готова-ли она къ этому рѣшенію? такъ же ли сильно въ ней намѣреніе отказать Гарушину и привлечь не на себя одну, а на всю семью свою

послѣдствія этого отказа? Она спрашивала себя, что ей дороже теперь: спокойствіе отца, увѣренность, что онъ проведетъ свои послѣдніе годы, окруженный роскошью и удобствами, къ которымъ онъ привыкъ, или свое личное, никогда еще неизвѣданное счастье? И тогда ей казалось, что въ глубинѣ души ея вопросъ ея жизни уже рѣшенъ, и что у нея только нѣтъ мужества сознаться себѣ въ этомъ; ей казалось, что вотъ-вотъ должно что-то случиться, что все сразу разъяснитъ, измѣнитъ... И она хваталась за эту надежду на чудо, и вѣрила въ чудо, и ждала его. Безсознательно она подняла голову и встрѣтилась взглядомъ съ глазами отца. Старикъ глядѣлъ на нее ласково и тревожно.

— Вѣрочка!—тихо позвалъ онъ,—я вижу, дитя мое... Я знаю.

Вѣра вздрогнула. Та самая надежда, которую она призывала только сейчасъ, на мигъ ярко вспыхнула въ ея душѣ: если отецъ знаетъ, если отецъ любитъ,—онъ не допуститъ...

— Я давно хотѣлъ поговорить съ тобой... — продолжалъ старикъ.—Не пугайся, Вѣра, и не огорчайся очень: я долженъ тебѣ сказать, что я боюсь... что я чувствую, что скоро умру.

— Папа! папа!—вскрикнула Вѣра.

Она всплеснула руками, опустилась на полъ у ногъ отца и прильнула къ его колѣнямъ. Мысли безсвязно неслись въ ея головѣ одна за другой, но надежда, которая такъ неожиданно вспыхнула въ душѣ дѣвушки, такъ же неожиданно угасла: она вдругъ поняла, что ее ждетъ задача еще сложнѣй, еще труднѣй, чѣмъ она думала, что жертва ея, на которую она уже рѣшилась, должна еще осложниться ложью, противъ которой возмущалась ея душа.

— Вѣрочка! не покидай мать! — сказалъ вдругъ больной дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Прощай ей, не принимай къ сердцу... Береги ее!—закончилъ онъ и тихо заплакалъ.

— Папа!—съ невыносимой болью въ сердцѣ вскрикнула Вѣра и прижалась къ нему еще ближе.

— Обѣщай мнѣ!—прошепталъ старикъ.—Если дѣти оставятъ ее, что будетъ съ ней? Я не надѣюсь на Андрюшу... Я знаю, она иногда несправедлива къ тебѣ, но она—какъ взрослый ребенокъ. Мы съ ней оба были, какъ дѣти... оба... И мы мало думали о васъ... Вѣра, ты простишь меня?

Слезы бѣжали по его исхудалому лицу и скатывались на грудь.

— Не говори такъ и не мучь меня!—задыхаясь, шептала Вѣра.

— Ты добрая у меня, добрая, — продолжалъ, старикъ.— Я поручаю ее тебѣ... Но я боюсь, что мы... разорены. Какъ вы будете жить безъ меня? У меня долги... Не помню, сколько

долговъ. У меня нѣтъ минуты покоя, Вѣра, и мнѣ страшно умирать съ этой мыслью о васъ. Она не вынесетъ, Вѣра... Я такъ всегда баловалъ ее! и вдругъ...

Онъ опустилъ голову, и эта сѣдая голова тряслась и вздрагивала. Вѣра замерла. Одинъ мигъ ей казалось, что ей дурно, но вдругъ большое спокойствіе вошло въ ея душу... То, что мучило и ждало рѣшенія, стало рѣшеннымъ и простымъ. Она приподнялась и, приближая къ отцу свое блѣдное и все залитое слезами лицо, радостно улыбнулась ему.

— Папа! все будетъ хорошо,—сказала она.

— Дѣвочка моя!—недоумѣвая и спрашивая глазами, сказалъ отецъ.

Вѣра спрятала свое лицо у него на груди.

— Папа, я люблю Гарушина, и онъ... любитъ меня.

Грудь старика всколыхнулась. Онъ не сказалъ ни слова. Какая-то борьба происходила въ немъ, глухая и неясная. Потомъ онъ взялъ голову дочери въ обѣ руки, нагнулся къ ней и пристально поглядѣлъ ей въ глаза.

— Ты... любишь его? — недовѣрчиво переспросилъ онъ.

— Да, я его люблю!—настойчиво отвѣтила Вѣра.—Я хочу быть его женой.

Старикъ колебался. Повѣрилъ ли онъ, или ужъ очень хотѣлось ему повѣрить словамъ дочери, но лицо его нѣсколько прояснилось.

— Вѣрочка!—дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, — Богъ видитъ, какъ я хочу тебѣ счастья. Но подумала ли ты, какой это важный шагъ? увѣрена ли ты въ себѣ?

— Да, я увѣрена!—улыбаясь сквозь слезы, отвѣтила Вѣра.

Она опять прильнула къ отцу и, чувствуя на своей головѣ его дрожащую руку, которая нѣжно гладила ея волосы, она въ первый разъ сознательно подумала о томъ, что судьба ея рѣшена, что чуда, въ которое такъ вѣрила она, не случилось.

— Все равно! пусть! пусть я погибаю! — съ глубокимъ утомленіемъ сказала она себѣ.

Дороже жизни казалась ей теперь увѣренность, что отецъ дѣйствительно повѣрилъ ея любви къ Александру, что онъ не угадалъ жертвы и не оцѣнилъ ее по достоинству. Онъ пожелалъ ей счастья, а у нея не могло быть иного, какъ то, которое дала бы ей его любовь.

XI.

Александръ Петровичъ подъѣхалъ къ своему дому раздраженный. Петръ Ивановичъ ждалъ его, прогуливаясь по цвѣтнику.

— Говори, разсказывай скорѣй,—сказалъ онъ, поднимаясь вмѣстѣ съ нимъ по ступенямъ крыльца.—Пройдемъ ко мнѣ.

Александръ нехотя, съ недовольнымъ видомъ шелъ за отцомъ.

— Ну, я слушаю,—торопилъ Петръ Ивановичъ, когда они вошли въ кабинетъ.

— Ты поставилъ меня въ крайне глупое положеніе!—съ брезгливой гримасой началъ молодой человѣкъ.

— Отказала?—крикнулъ Гарушинъ.

— Нѣтъ, не отказала, но если тебѣ нужно, чтобы я женился на княжнѣ, справедливо было бы, чтобы ты самъ взялъ на себя переговоры.

— Но разскажи, разскажи по порядку!

— Ну, я сдѣлалъ предложеніе, надѣюсь, тебѣ все равно, въ какихъ выраженіяхъ я дѣлалъ. У тебя страсть къ подробностямъ. Она выслушала очень спокойно, но развѣ русская женщина можетъ обойтись безъ сценъ? Чуть что — сейчасъ сцена.

— Ну, ну?—торопилъ отецъ.

— Ну, выслушала, а потомъ вдругъ вскочила, заломила руки: «прошу васъ, говоритъ, умоляю васъ, давайте не лгать. Вы меня не любите, и я васъ не люблю, и не надо между нами притворства».

— Такъ и сказала: «не люблю»?

— Да не сказала, а прямо крикнула. Истеричность какая-то! Мнѣ прямо досадно стало: должна же она знать, что и не красива, и непривлекательна, а всетаки ломается и умничаетъ.

— А согласіе всетаки дала?—насмѣшливо спросилъ отецъ.

— Не могло быть и сомнѣнія,—пожимая плечами, сказалъ Александръ.

— Такъ какъ же? чтобы не было притворства?

— Признаюсь,—продолжалъ Александръ,—я больше всего боялся слезъ. Это тоже русская манера... Никогда не хожу въ русскую драму, потому что тамъ, какъ появится героиня, такъ и начнется нытье. Въ концѣ концовъ, мнѣ всегда кажется, что у меня болятъ зубы... И тонъ приподнятый, и бездна благородства!

— Да ты про княжну-то говори, про княжну.

— Что же говорить? «Если хотите, говоритъ, я не буду спрашивать, зачѣмъ вы на мнѣ женитесь, но я хочу, чтобы вы знали, что для себя лично я, быть можетъ, предпочла бы смерть, чѣмъ замужество съ вами. Но моя смерть не избавитъ моихъ родителей отъ бѣдности». Замѣть себѣ, сейчасъ драма: смерть, избавленіе, постылый бракъ... Спасибо хотя за то, что держала она себя прилично, и слезъ не было.

— Отъ бѣдности не избавитъ?—переспросилъ старикъ и судорожно улыбнулся.

— Просила, чтобы пока не объявлять: старый князь нездоровъ. Я самъ противъ открытаго положенія жениха. Всегда находилъ его смѣшнымъ и глупымъ. Я сейчасъ же уѣзжаю въ Петербургъ, шесть недѣль на разныя необходимыя приготовленія... Тѣмъ временемъ поправится князь, и мы обвѣнчаемся... Только скромно, безъ всякой помпы, прошу тебя.

Петръ Ивановичъ замѣтно волновался, лицо его оживилось, и руки слегка вздрагивали.

— Отчего бы не объявить до твоего отъѣзда? — спросилъ онъ.—Князь не настолько боленъ. Я хотѣлъ бы дать потомъ обѣдъ... Я уже все обдумалъ... Я убѣжденъ, что Баратынцевы не отказались бы пріѣхать ко мнѣ теперь. Какъ? что?

Александръ нахмурился.

— Удивительное у тебя желаніе удивить, пустить пыль въ глаза. Воображаю, чего ты тамъ надумалъ.

— Не дурно будетъ! — подмигнулъ Петръ Ивановичъ.— Передъ князьями лицомъ въ грязь не ударимъ.

— Нѣтъ, потерпи. Все это еще успѣется,—лѣниво перебилъ его Александръ.—Я уѣду сейчасъ, завтра же. Довольно теперь о княжнѣ? можно говорить о другомъ?

— Думаю, что не стоитъ,—хвастливо и весело перебилъ Петръ Ивановичъ: — мой свадебный подарокъ поспѣетъ во время, а на эти шесть недѣль я открою тебѣ кредитъ на нужную сумму. Сколько?—весело спросилъ онъ.

— Нѣтъ!—твердо сказалъ Александръ,—я требую, чтобы ты выдѣлилъ меня сейчасъ же. Дай, что обѣщалъ.

Петръ Ивановичъ вдругъ побагровѣлъ. Съ минуту онъ не находилъ словъ и только глядѣлъ на сына остановившимися глазами.

— Ни гроша! — взвизгнулъ онъ вдругъ, дѣлая энергическій жестъ. — Слышишь?

— Слышу. Но ты понимаешь, что мнѣ тогда незачѣмъ жениться?

— Тебѣ не зачѣмъ... Я тебя выгоню вонъ! Мнѣ ничего не надо отъ тебя... А ты понимаешь, что ты оскорбилъ меня?

— Да пойми же и ты, что эта чувствительность тебѣ не къ лицу!—вскрикнулъ Александръ Петровичъ.

Петръ Ивановичъ затрясся.

— Уйди! уйди!—еле выговорилъ онъ, указывая на дверь.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты ясно созналъ положеніе,— спокойно сказалъ сынъ.—У тебя есть деньги, но тебѣ хочется почти невозможнаго: ты бредишь почетомъ, уваженіемъ и властью. Все это невозможное могу дать тебѣ только я. Если

ты откажешь мнѣ и выгонишь меня, ты проиграешь слишкомъ много. Обдумай!

— Уйди!—почти прохрипѣлъ старикъ.

Александръ пожалъ плечами.

— Мнѣ очень нужны деньги, но я тоже могу разсердиться, наконецъ,—съ ворчливой угрозой пробормоталъ онъ.

Петръ Ивановичъ долго не могъ успокоиться. Онъ открылъ окно, и мягкій вечерній воздухъ вливался къ нему ароматными волнами. Его потянуло на воздухъ; онъ любилъ смотрѣть, какъ жадно пили и мирно засыпали на ночь цвѣты. Онъ нагибался къ нимъ, нѣжно дотрагивался рукой до ихъ чашечки, и красота или оригинальность ихъ формы или расцвѣтки давала ему радость. Но въ этотъ вечеръ цвѣты мало занимали его.

— Онъ презираетъ меня!—продолжалъ онъ развивать свои невеселыя мысли. — Но какое право имѣетъ онъ презирать меня? чѣмъ онъ лучше меня?

Невольно онъ припоминалъ свою жизнь. Вся она тянулась невеселая, искаженная озлобленіемъ, ненавистью и местью. Удачи ея и тѣ были нерадостны, не приносили удовлетворенія. Ему еще памятна была особая, гнетущая боль въ душѣ, пока и она не притерпѣлась и не начала грубѣть. Но и теперь еще у него были минуты, какъ та, которую онъ переживалъ въ этотъ вечеръ: минуты большой тоски, большой обиды, минуты, въ которыя онъ чувствовалъ, что на мѣсто ненависти въ душу его просится любовь, а на мѣсто мести— закипаютъ одинокія, тяжелыя слезы. Онъ пряталъ эти минуты отъ людей и никому не показывалъ ранъ, которыя они наносили ему. У него была своя гордость.

Но, закрывая свое сердце для всего міра, онъ отдалъ его своему сыну. Сына онъ любилъ, сыну онъ хотѣлъ счастья и, оберегаясь отъ людей, которые могли бы отнять у него это счастье, онъ съ дѣтства началъ внушать ему презрѣніе къ людямъ, къ ихъ мнѣніямъ, къ ихъ чувствамъ, научая его пользоваться ихъ слабостями, унижать ихъ и смѣяться надъ ними. Для себя онъ ждалъ другого отношенія. Онъ думалъ, что, убивая душу сына для другихъ, онъ сохранитъ ее для себя, какъ сохранилъ свою для единственнаго человѣка, передъ которымъ онъ не прикрылъ бы своихъ ранъ. И онъ искалъ эту душу. Онъ говорилъ себѣ: «это мой сынъ», а находилъ человѣка, эгоизмъ и черствое отношеніе котораго всегда удивляли его, какъ новость.

— У меня есть сынъ, и у меня нѣтъ сына, — мысленно повторялъ Петръ Ивановичъ. И вдругъ ему вспомнился разсказъ Александра и слова княжны: «Но моя смерть не избавитъ моихъ родителей отъ бѣдности». Самъ не отдавая себѣ

отчета почему, онъ вѣрилъ въ искренность этихъ словъ, не искалъ въ нихъ рисовки, и они незамѣтно затронули наболѣвшее мѣсто его души.

— А у меня нѣтъ сына!—съ тоской, похожей на озлобленіе, чуть не крикнулъ онъ.

Ему припомнилось лицо Вѣры такимъ, какимъ онъ видѣлъ его когда-то, когда она аккомпанировала Марову: грустнымъ, жалкимъ, почти плачущимъ. Онъ вспомнилъ, какъ часто бросалось ему въ глаза холодное отношеніе къ Вѣрѣ княгини, и что-то похожее на жалость шевельнулось въ его душѣ.

— А онъ презираетъ меня! — съ новымъ наплывомъ горечи подумалъ онъ, опять возвращаясь къ мысли о сынѣ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по песчанымъ дорожкамъ, не замѣчая, какъ быстро гасла заря и наступала ночь, и только когда услыхалъ голосъ Александра, отдающаго какія-то приказанія, онъ поспѣшно, стараясь не встрѣтиться съ сыномъ, прошелъ къ себѣ. Какъ чужому, враждебному глазу, не хотѣлъ онъ показать Александру глубокое горе, которое потрясло все существо его и сдѣлало въ эту минуту его лицо почти неузнаваемымъ.

XII.

Не смотря на ясно выраженное намѣреніе, Александръ не уѣхалъ. По его разсчету, который онъ считалъ безошибочнымъ, отецъ долженъ былъ сдаться на его требованіе и болѣе двухъ-трехъ дней упорствовать не могъ. Александръ Петровичъ не допускалъ, чтобы желаніе отца похвастаться и вполнѣ насладиться своимъ торжествомъ не взяло очень быстро верхъ надъ его обидой, которой сынъ едва довѣрялъ. Обидчивость отца и его способность быстро огорчаться молодой Гарушинъ искренно считалъ напускной щепетильностью и часто досадовалъ на старика. Но на этотъ разъ Петръ Ивановичъ казался серьезно разсерженнымъ. Онъ тщательно избѣгалъ встрѣчъ съ сыномъ, а за обѣдомъ, сидя съ нимъ съ глазу на глазъ, глядѣлъ на него непріязненнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ.

— Не ожидалъ видѣть тебя,—съ притворнымъ удивленіемъ замѣтилъ онъ. — Вѣдь ты, кажется, говорилъ, что ѣдешь сегодня?

— Какъ видишь, я остался,—процѣдилъ сквозь зубы Александръ Петровичъ.

— Не ожидалъ — и удивленъ! — не скрывая насмѣшки, продолжалъ старикъ. Нѣсколько разъ онъ горько усмѣхался, глядя на лѣнивыя позы и скучающее лицо сына, но не сказалъ больше ни слова.

Наступило 20 іюля. Этотъ день, именины стараго князя, праздновался по давно установленному образцу. Съ утра къ княжескому дому одинъ за другимъ подъѣзжали экипажи. Самъ князь, нѣсколько торжественный, встрѣчалъ гостей привѣтствіями и объятіями, направляя дамъ въ гостиную, гдѣ величественно возсѣдала княгиня, и разсаживая мужчинъ за приготовленные карточные столы. Самъ князь позволялъ себѣ принимать участіе въ игрѣ только послѣ обѣда, когда всѣ были въ сборѣ. Въ большой столовой и стеклянной галлереѣ, заставленной тропическими растеніями, накрывались длинные обѣденные и закусочные столы. Ровно въ два радушный хозяинъ просилъ къ закускѣ, затѣмъ садились за обѣдъ и обѣдали до пяти часовъ и позже. Послѣ обѣда продолжали игру въ карты, шли гулять въ паркъ, катались въ разукрашенныхъ лодкахъ по большому пруду, въ 10 часовъ любовались фейерверкомъ, и тогда гости начинали разъѣзжаться. Князь, усталый, съ подергивающейся головой, провожалъ, благодарилъ и цѣловалъ дамамъ руки. Княгиня величаво и благосклонно улыбалась.

Такова была обычная программа этого дня, но на этотъ разъ выполнить ее пришлось только отчасти.

Князь чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Онъ былъ очень любезенъ и веселъ, но жаловался на боль въ темени, и лицо его было одутловато и красно. Княгиня настояла, чтобы онъ обѣдалъ особо и не затруднялъ себя пріемомъ гостей, но доступъ къ нему не былъ воспрещенъ никому, и поздравители поминутно входили и выходили изъ его кабинета.

Одними изъ первыхъ пріѣхали Гарушины. Александръ Петровичъ былъ мраченъ, какъ туча, и лицо его казалось безцвѣтнѣе обыкновеннаго. Петръ Ивановичъ, видимо, волновался. Глаза его безпокойно бѣгали, а вздрагивавшая рука поминутно поправляла галстухъ. Въ прежніе годы Петръ Ивановичъ не бывалъ у Баратынцевыхъ, и мысль о многолюдствѣ этого собранія невольно смущала его. Въ этой игрѣ, которую онъ велъ, этотъ наступающій день долженъ былъ рѣшить вопросъ немалой важности. Въ глубинѣ души старикъ Гарушинъ сильно разсчитывалъ на то, что извѣстіе о женитьбѣ его сына уже успѣло распространиться, не смотря на тайну или даже благодаря ей. Не признаваясь самому себѣ, Петръ Ивановичъ разсчитывалъ тоже на собственную ловкость, съ которой онъ пуститъ въ ходъ интересную новость, не вдаваясь въ излишнюю и опасную откровенность, и что такимъ образомъ они съ сыномъ явятся сегодня не только какъ полноправные члены общества, но и какъ законные преемники власти и почетнаго положенія князей Баратынцевыхъ. Князь Андрей былъ слишкомъ безпеченъ и извѣстенъ своимъ болѣе чѣмъ легкомысленнымъ поведеніемъ, чтобы идти въ счетъ.

Сидя въ экипажѣ, старикъ нѣсколько разъ возбужденно оглядывался на сына, но при видѣ его апатичнаго лица и потухшихъ глазъ, ощущалъ опять острое чувство обиды и непріязни. Упрямство сына въ связи съ его полной зависимостью отъ него придавали его чувству оттѣнокъ презрительности; онъ не хотѣлъ и не могъ идти на встрѣчу примиренію и терпѣливо ждалъ повинной Александра Петровича, какъ ждетъ непріятель вынужденнаго и тѣмъ болѣе унизительнаго отступленія своего противника.

Въ свою очередь, онъ былъ увѣренъ, что Александръ недолго выдержитъ свое положеніе непріятеля въ осадѣ. Онъ зналъ, что денежныя дѣла молодого человѣка далеко не блестящи, и что ему необходима довольно крупная сумма для продолженія своей игры на биржѣ. Неожиданное извѣстіе о нездоровьи стараго князя огорчило Петра Ивановича, но пріемъ княгини и ея очаровательная улыбка вполнѣ вознаградили его. Очевидно, что княгиня уже узнала и этимъ тонкимъ способомъ подтверждала согласіе своей дочери. Петръ Ивановичъ не выдержалъ и, улучивъ минутку, когда хозяйка была свободна, подошелъ къ ней и, завладѣвъ ея рукой, прильнулъ къ ней губами.

— Я благодарю васъ. За что — вы сами должны знать, княгиня! — прочувствованно сказалъ онъ. Софья Дмитріевна едва удержала брезгливое движеніе, но во время спохватилась и милостиво коснулась свободной рукой его плеча.

— Не благодарите, Петръ Ивановичъ,—печально улыбаясь, проговорила она, — счастье моихъ дѣтей — мое счастье. Вы знаете: все для нихъ.

Петръ Ивановичъ глубоко поклонился.

— Я всегда зналъ, что вы святая!—восторженно и почтительно сказалъ онъ. Княгиня улыбнулась, неопредѣленно махнула рукой и отошла, а Гарушинъ поглядѣлъ ей вслѣдъ, и почему-то мимолетная жалость къ Вѣрѣ опять болѣзненно коснулась его.

— Святая! — повторилъ онъ мысленно, и ему захотѣлось смѣяться вслухъ злобно и дерзко.

Княжну онъ искалъ и долго не могъ найти. Когда онъ вошелъ къ старому князю, Вѣра была тамъ; она стояла за спинкой отцовскаго кресла и при видѣ его замѣтно вздрогнула и поблѣднѣла. Здороваясь съ ней, Гарушинъ задержалъ ея руку и заглянулъ ей въ глаза. Но эти глаза глядѣли спокойно, и только въ глубинѣ ихъ залегла какая-то тѣнь. Петръ Ивановичъ ожидалъ, что Вѣра приметъ видъ жертвы, но она держала себя просто, и голосъ ея звучалъ ровно, почти радостно.

— Я лично предпочла бы смерть, — вспомнилась ему ея

фраза, сказанная сыну.—И это, пожалуй, правда!—подумалъ онъ. — Простенькая, неизбалованная, затертая даже своей «святой» маменькой, много-ли ей нужно? Ишь, глаза еще больше стали и носикъ острый.

Онъ глядѣлъ на нее, не отводя глазъ. Она незамѣтно отошла отъ отца и вышла изъ комнаты.

За весь день Петру Ивановичу не удалось сказать нѣсколькихъ словъ Вѣрѣ. Онъ все время слѣдилъ за ней, видѣлъ, какъ она двигалась, говорила, смѣялась, и все ему казалось, что это не она, что кто-то подмѣнилъ ее. Куда дѣвались ея обычныя рѣзкость и задоръ? Улыбка почти не сходила съ ея лица, и только иногда, какъ бы утомившись, она глубоко вздыхала и проводила рукой по глазамъ.

Когда Петръ Ивановичъ зашелъ проститься, онъ засталъ стараго князя за картами. Онъ шутилъ, смѣялся и очень любезно пожалъ руку Гарушина.

— Не забывайте насъ, Петръ Ивановичъ. Заѣзжайте, — ласково сказалъ онъ ему на прощаніе.

— Ѣдемъ,—сказалъ Петръ Ивановичъ сыну, отыскавъ его совсѣмъ соннаго въ углу гостиной.

— Нѣтъ, уѣзжай одинъ, — отвѣтилъ Александръ. — Меня отвезутъ позже.

— А что такое?—удивился отецъ.

— Ничего сверхъестественнаго: Андрей просилъ остаться. Онъ будетъ праздновать особо у себя.

— Вотъ какъ! И онъ просилъ тебя?

— Онъ просилъ многихъ.

— Въ такомъ случаѣ оставайся. А мои лошади ждутъ, я ѣду.

XIII.

Когда всѣ гости разъѣхались, а хозяева разошлись по своимъ комнатамъ, Андрей и Маровъ быстро шагали по темной дорогѣ къ дальнему флигелю.

— Изъ комнаты матери видны окна, — говорилъ Андрей, шагая развалисто и лѣниво, — но щели ставней я приказалъ заклеить и промазать. Чисто.

Онъ тихо засмѣялся.

— Если бы музыки какой нибудь! — щелкнулъ пальцами Маровъ. — Вотъ этихъ бы пѣсенниковъ, что за обѣдомъ пѣли. Какъ ваше мнѣніе, князь?

— Это можно,—согласился Андрей.—Кто идетъ?—окликнулъ онъ.

— Я!—отвѣтилъ тонкій голосокъ, и изъ темноты прямо подъ ногами идущихъ вынырнула маленькая фигура грума.

— Немного спустя сбѣгаешь къ пѣсенникамъ въ сарай и приведешь ихъ къ намъ. Скажи,—не пожалѣютъ.

— Приведу!—съ веселой готовностью отозвался мальчикъ.

— Ты это куда?

— Вина еще кое-какія относилъ,—смѣясь, отвѣтилъ грумъ.

— Много?

— Насилу сволокъ корзину.

— Чего ты хохочешь, дуракъ? Пошелъ!—добродушно сказалъ князь, и мальчишка весело подпрыгнулъ и скрылся въ темнотѣ.

— Дождя бы не было!—озабоченно замѣтилъ Андрей.

— Все равно намокнемъ,—пошутилъ Маровъ.

— Дѣвки изъ села не придутъ.

— А хотѣли?—встрепенулся Маровъ.

— Ну, еще бы!—спокойно сказалъ князь.

За оградой въ темнотѣ можно было различить нѣсколько экипажей, во флигелѣ было уже людно. На столѣ и на полу стояли корзины съ бутылками и посудой, въ бумажныхъ мѣшкахъ находилось «угощеніе» для дѣвушекъ, состоящее изъ пряниковъ и орѣховъ. Въ углу, подъ образомъ на старинномъ креслѣ краснаго дерева сидѣлъ Александръ Гарушинъ, брезгливо оглядывался и ежился. Гости сидѣли на стульяхъ, на подоконникахъ, громко говорили, курили, и въ комнатѣ становилось уже шумно и душно.

— Помогите мнѣ разобраться, Вадимъ Петровичъ!—закричалъ Андрей.

— Съ удовольствіемъ, князь, съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Маровъ.—Сдѣлаемъ маленькое обозрѣніе.

— Отецъ хорошо кормитъ,—продолжалъ Андрей,—но самъ пить никогда не умѣлъ и толку въ винахъ, смѣло скажу, не знаетъ. Вотъ эта... — сказалъ онъ и поднялъ бутылку, поглаживая ее сверху по этикеткѣ,—эта за себя постоитъ! Рекомендую смѣло.

Князь и Маровъ стали откупоривать бутылки, выкрикивая названіе винъ. Все общество сплотилось вокругъ стола. Раздавались отдѣльные голоса, требующіе того или другого. Многіе мужчины явились сюда уже немного навеселѣ и только заканчивали здѣсь начатую процедуру опьяненія.

— Ужасно я не люблю, когда, это, обѣдъ и тутъ же, это, дамы,—разсуждалъ кто-то.—Ужасно, это, стѣсняетъ.

— Хорошій коньякъ! пре-екрасный коньякъ!—слышалось восторженное восклицаніе.

— Вы что это, Александръ Петровичъ, точно раскисли?—спросилъ Андрей.

— У меня что-то желудокъ... Вообще, я, кажется, нездоровъ.

— А вотъ не хотите ли поправиться?—крикнулъ Маровъ, протягивая ему стаканъ.

— Я бы зельтерской... съ коньякомъ.

Оживленіе быстро возростало. Слышался смѣхъ, сквозь общій гулъ прорывались громкія, не всегда скромныя замѣчанія, костюмы и лица принимали растерзанный, неприличный видъ.

— Листовича нѣтъ. Гдѣ Листовичъ?

— Нѣтъ—такъ будетъ,—сказалъ князь.

— А я ему говорю...—заливаясь разсыпчатымъ смѣхомъ разсказывалъ кто-то.—А я ему говорю, т. е. это онъ мнѣ говоритъ...—Смѣхъ длился безпрерывно, заглушая разсказъ.

— Да ну васъ къ чорту!—вспыльчиво вскрикивалъ, наконецъ, какой-нибудь потерявшій терпѣніе слушатель.

— Вотъ и Листовичъ!—замѣтилъ князь.

Ржавыя петли взвизгнули, входная дверь открылась, но въ дверяхъ стоялъ не Листовичъ, а тоненькая фигура Димы. Большіе глаза мальчика удивленно и радостно оглядывали комнату.

— Ага!—сказалъ онъ своимъ звонкимъ голоскомъ,—попались... Я уже давно подозрѣвалъ... Вотъ зачѣмъ Андрюша взялъ ключъ!

— Тебѣ чего? пошелъ назадъ!—добродушно скомандовалъ молодой князь.—Иди, иди, а то самъ выставлю.

— Ну, что, Андрюша? ну, позволь!—плаксиво заговорилъ Дима съ порога.—Ну, развѣ я тебѣ мѣшаю? Ну, что, право...

— Да вѣдь ты поросенокъ!—смѣясь, отвѣтилъ Андрей.

— Ну, Андрюша!—продолжалъ Дима, набираясь смѣлости и приближаясь къ столу.—Ну, я тебя прошу!

— Оставьте его, князь!—вступился кто-то: — чѣмъ онъ не мужчина? Бери, братъ, стаканъ, чокнемся.

— Конечно! зачѣмъ его гнать? пусть привыкаетъ. Не красная дѣвушка,—поддерживали голоса.

— Можно, Андрюша?—робко просилъ мальчикъ.—Ты думаешь, я не умѣю пить? Ты думаешь, я не привыкъ?

— Ну, пришелъ, такъ ужъ пей!—махнувъ рукой, рѣшилъ князь и дружески хлопнулъ брата по плечу.—За догадку!—прибавилъ онъ.

— Ловко ли будетъ?—тихо замѣтилъ Маровъ. — Всетаки онъ еще дитю...

— Ну, пустяки!—успокоилъ его Андрей.—Я его знаю: онъ сразу напьется и заснетъ. У этихъ поросятъ нѣтъ мѣры.. Чего тебѣ, поросенокъ?

Но Дима уже завладѣлъ первой попавшейся бутылкой и съ жаднымъ, сосредоточеннымъ лицомъ наливалъ вино въ стаканъ.

Марова, что называется, разобрало.

— Музыки! музыки!—молилъ онъ, закатывая глаза и прижимая руки къ жилету.—Понимаешь ли ты, чего жаждетъ моя душа?—спрашивалъ онъ, обращаясь къ сосѣду.—Только по этому воплю знаю я свою душу, знаю, что есть она, есть еще, подлая!

Онъ драматически потрясъ кулакомъ и ударилъ имъ себя въ грудь.

— Вы что смотрите на меня, Александръ Петровичъ?—обратился онъ къ Гарушину.—Вамъ не нравится мое заявленіе, что у меня есть душа? Повторяю вамъ: есть она! А вы, кажется, навѣрно знаете только то, что у васъ есть желудокъ?

Онъ перегнулся черезъ столъ и насмѣшливо глядѣлъ въ лицо Александра.

— Отстаньте отъ меня!—брезгливо отвѣтилъ Гарушинъ.—Ваше остроуміе не забавно.

— Желудочекъ!—ласково продолжалъ Маровъ.—Не даромъ вы такъ часто повторяете: «у меня желудокъ»... А вотъ у меня такъ душа! Не вѣришь?—опять обратился онъ къ сосѣду.—Думаешь: живетъ человѣкъ всю жизнь скотина-скотиной, пьянствуетъ, безобразничаетъ, все по дорогѣ въ грязь топчетъ, и вдругъ говоритъ — душа! А вѣдь есть она! плачетъ! Ты думаешь, я себя въ красивомъ видѣ представить хочу? А хочешь, я эту серебряную кружку украду? Она серебряная, ее заложить или продать можно, и я украду... Я могу украсть. Надо украсть—украду, надо льстить —льстить буду, надо убить... Нѣтъ, убить не могу... Струшу... Слишкомъ я меленькій, дрябленькій, дрянненькій... И душу въ себѣ убить не могу... Чувствую, живетъ она здѣсь, плачетъ... плачетъ...

— Нѣтъ, ты не плачь,—сказалъ сосѣдъ, слышавшій только послѣднія слова.—Ты лучше выпей.

Маровъ махнулъ рукой и подставилъ стаканъ.

— Желудочекъ!—сказалъ онъ, взглядывая на Гарушина, и улыбнулся ему.

— Вы пьяны!—презрительно отвѣтилъ Александръ.

— Гдѣ вы пропадали?—крикнулъ Андрей Листовичу. Тотъ вошелъ, окинулъ общество смѣющимся взглядомъ и покачалъ головой.

— Пѣсенники идутъ!—возвѣстилъ онъ.

— Ого-го!—закричали веселые голоса.

— Юрочка! душечка!—нѣжно привѣтствовалъ его Маровъ, складывая губы сердечкомъ.—Радость моя!

— Экъ вы тутъ...—засмѣялся Листовичъ.—Вамъ, Вадимъ Петровичъ, папиросочку? такъ, что-ли?

— Такъ, прелесть моя! У-у! душка!

Стуча сапогами и весело улыбаясь, стали входить пѣсенники,

— Ого-го!—закричали голоса, привѣтствуя ихъ. Маровъ вскочилъ и ринулся имъ навстрѣчу.

— Жалобную! слезную!—молилъ онъ, складывая руки.

— Ребята! сперва промочите горло,—скомандовалъ князь.

Когда хоръ запѣлъ, Маровъ опять выскочилъ изъ-за стола, всталъ къ нимъ лицомъ и, вытянувъ руки, какъ крылья, плавно махалъ ими въ тактъ, то приподнимаясь на цыпочки, то опускаясь внизъ... Лицо его дрожало и глаза были полны слезъ.

Андрей пилъ много, и его прекрасные глаза начали щуриться и неестественно блестѣть. Онъ не говорилъ, а только добродушно улыбался и крутилъ усы. Вдругъ послышался шумъ, точно отъ паденія тѣла, и раздался странный рѣзкій крикъ. Это Дима, схватившись руками за голову, истерически закричалъ и упалъ съ своего стула на полъ.

— Ну, вотъ и завизжалъ!—равнодушно замѣтилъ князь Андрей.—Я сказалъ—мѣры нѣтъ.

Мальчика подняли и отнесли въ сосѣднюю комнату.

— Безобразіе! пороть бы мальчишку!—процѣдилъ сквозь зубы Гарушинъ, которому крикъ Димы подѣйствовалъ на нервы.

— А вы, желудочекъ, кажется, испугались?—насмѣшливо спросилъ его Маровъ.

— Удалую! Веселую!—требовали голоса.

Маровъ бросился къ пѣсенникамъ и опять замахалъ руками... Когда въ пріотворенную дверь флигеля заглянулъ ранній разсвѣтъ, въ комнатѣ царило безобразіе во всей своей пьяной, безграничной силѣ. Гарушинъ изсиня-блѣдный, съ искаженнымъ отъ страданія лицомъ, стоялъ среди комнаты и покачивался на слабыхъ ногахъ.

— Мнѣ дурно!—задыхаясь, шепталъ онъ и искалъ руками опоры.

— Съ водички разобрало. Вотъ такъ желудочекъ!—хохоталъ надъ нимъ Маровъ.

— Я васъ раздавлю, — тихо, но злобно отвѣтилъ ему Александръ и началъ пробираться къ двери.

— Куда вы?—спросилъ Листовичъ.

— Домой! Здѣсь общество дикарей и сумасшедшихъ.

Но на порогѣ его чуть не сшибъ съ ногъ бѣжавшій безъ оглядки грумъ.

— Князь! князь!—звалъ онъ растерянно, съ испуганнымъ и побѣлѣвшимъ лицомъ. Онъ споткнулся на ступени и едва не упалъ.

— Ты ошалѣлъ! — гнѣвно крикнулъ на него Гарушинъ, сторонясь и хватаясь за перила.

— Князь!—опять отчаянно крикнулъ грумъ. Онъ ворвался въ комнату и, заглушая своимъ голосомъ пьяныя пѣсни и безтолковый гамъ, прокричалъ звонко и отчетливо:—князь Андрей Ильичъ! старый князь кончаются! Княгиня велѣла васъ будить... Еще дышетъ... Скорѣй велѣли, скорѣй! И княженка...

Пѣсни стихли. Жуткая тишина смѣнила безшабашное веселье. На пьяныхъ лицахъ и въ пьяныхъ глазахъ мелькнуло испуганное сознаніе.

— Князь Андрей Ильичъ! старый князь кончаются...—продолжалъ звенѣть голосъ мальчика.

— Какъ же мнѣ?—вдругъ озадаченно проговорилъ молодой князь и попробовалъ приподняться.—Диму тащите... Мать будетъ его искать... Вотъ еще... чортъ!

Но страшное извѣстіе нѣсколько отрезвило его. Онъ всталъ и, сильно качаясь, вышелъ на крыльцо.

— У меня отецъ умираетъ,—сказалъ онъ Гарушину, проходя мимо него, и уже болѣе твердой походкой пошелъ по дорогѣ къ дому.

XIV.

Петръ Ивановичъ подъѣхалъ къ крыльцу княжескаго дома. Его встрѣтилъ лакей съ подобающимъ случаю печальнымъ видомъ.

— Что князь?—поспѣшно спросилъ Гарушинъ.

— Все въ томъ же положеніи,—отвѣтилъ лакей.

— Могу я видѣть кого-нибудь?

— Княгиня отдыхаютъ. Прикажете доложить княжнѣ?

— Да, доложите,—приказалъ Гарушинъ.

Вѣра вышла сейчасъ же. Она была въ широкомъ утреннемъ капотѣ, волосы ея были заплетены въ косу, и въ этомъ нарядѣ, вся худенькая, съ блѣднымъ осунувшимся лицомъ она производила впечатлѣніе очень молоденькой дѣвушки. Она посмотрѣла на Гарушина безразличнымъ взглядомъ и заговорила, какъ бы повторяя затверженный урокъ:

— Отцу не лучше, но докторъ нашелъ его состояніе довольно удовлетворительнымъ и сказалъ, что, если ударъ не повторится, онъ еще можетъ поправиться.

— Возложимъ наши надежды на Бога, княжна!—дѣлая горестное лицо, отвѣтилъ Гарушинъ.

Вѣра отвернула немного лицо и нахмурилась.

— Онъ приходилъ въ себя,—продолжала она,—и спрашивалъ васъ.

— Меня! — съ неподдѣльнымъ удивленіемъ вскрикнулъ Петръ Ивановичъ.

Вѣра отошла къ окну и стала глядѣть въ садъ. Петръ Ивановичъ видѣлъ, какъ она трудно дышала, стараясь пересилить волненіе, какъ вздрагивала на груди оборочка ея блузы, отвѣчая біенію ея сердца.

— И вы хотите, чтобы я вошелъ къ больному? — тихо спросилъ онъ послѣ долгой паузы, убѣдившись, что она нѣсколько успокоилась.

— Да, я васъ прошу,—уже спокойно отвѣтила она.— Быть можетъ, онъ опять вернется къ сознанію.

Она пошла къ двери, завѣшенной тяжелой портьерой, и Гарушинъ послѣдовалъ за ней, сильно горбясь и стараясь ступать безшумно.

— А княгиня?—шопотомъ спросилъ онъ.

— Мама сама заболѣла отъ горя и испуга. Она лежитъ.

Кровать князя стояла среди комнаты, рядомъ съ ней, на стулѣ сидѣла сестра милосердія и держала пульсъ больного.

— Спитъ?—спросила Вѣра.

Сестра подняла на нее грустные, утомленные глаза и тихо кивнула головой. Гарушинъ подошелъ. Слегка перекошенное багровое лицо князя сперва показалось ему совсѣмъ незнакомымъ; но онъ скоро пригляделся и узналъ его. Рѣденькіе сѣдые волосы были растрепаны, и на нихъ лежалъ гутаперчевый мѣшочекъ со льдомъ. Груда подушекъ держала больного почти въ сидячемъ положеніи, воротъ рубашки разстегнулся и обнажилъ старческую шею и грудь, на которой блестѣла золотая цѣпочка съ крестомъ.

«Смерть!» — подумалъ Гарушинъ, сейчасъ же мысленно вычисляя разницу своихъ лѣтъ съ лѣтами князя и съ острой тревогой думая о томъ, что у него все чаще и чаще какіе-то подозрительные перебои сердца.—«Смерть»—думалъ онъ и вдругъ ощутилъ странную радость чувствовать себя живымъ, здоровымъ и еще далекимъ, быть можетъ, отъ того момента, когда всѣ земныя радости, заботы и огорченія вдругъ перестаютъ существовать, какъ будто не онѣ были важны и нужны больше всего.

Онъ все еще стоялъ и смотрѣлъ, когда Вѣра вызвала его изъ глубокаго раздумья. Она отвела его въ сторону и неожиданно взяла его руку въ свои. Глаза ея были сухи и блестящи и выражали горячую мольбу.

— Петръ Ивановичъ!—сказала она дрожащимъ голосомъ,— я хотѣла бы васъ просить... Я глядѣла на васъ сейчасъ, и вдругъ у меня явилась надежда, что вы сдѣлаете такъ, какъ я попрошу.

И, не ожидая его отвѣта, спѣша и волнуясь, она продолжала:

— Успокойте его... Что бы онъ ни сталъ говорить, о

чемъ бы онъ ни сталъ просить васъ—успокойте его! Я буду съ вами, я буду слышать ваши обѣщанія, но для меня они будутъ имѣть другую цѣну. Я буду знать ихъ цѣль и никогда не забуду вашей доброты. Мы обманемъ, только обманемъ его лишній разъ, но онъ умретъ спокойно.

— Князь въ памяти,—сказала сестра.

Вѣра вздрогнула, выпустила руку Гарушина и первая подошла къ кровати.

— Петръ Ивановичъ пріѣхалъ!—очень раздѣльно и отчетливо заговорила она, наклоняясь надъ больнымъ.—Ты спрашивалъ его. Хочешь его видѣть?—Больной отвѣтилъ едва внятнымъ мычаніемъ.

— Кого ты ищешь? — опять громко спросила Вѣра. Она напряженно вслушалась въ бормотаніе отца и, повидимому, понявъ его, внятно отвѣтила:

— Мама устала. Мама легла отдохнуть. Да, она здорова, она скоро придетъ.

Князь, повидимому, успокоился.

— Хочешь видѣть Петра Ивановича? — спросила Вѣра. Потомъ она выпрямилась и сдѣлала знакъ Гарушину, чтобы онъ подошелъ.

— Здравствуйте, князь!—сказалъ Гарушинъ, становясь передъ кроватью такъ, что больной могъ его видѣть. Онъ увидалъ его глаза, немного воспаленные, съ грустнымъ, добрымъ и немного недоумѣвающимъ выраженіемъ. Казалось, онъ удивлялся и не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, что происходило кругомъ него. Теперь онъ глядѣлъ на Гарушина и словно что то припоминалъ.

— Вамъ было немножко нехорошо, но вы, Богъ дастъ, скоро поправитесь,—говорилъ Гарушинъ. Князь все смотрѣлъ на него. Въ глазахъ его стала зарождаться какая-то безпокойная мысль, онъ заволновался и забормоталъ. Онъ высвободилъ здоровую руку изъ-подъ одѣяла и протянулъ ее Петру Ивановичу.—Да, да, говорите, я слушаю,—сказалъ Гарушинъ. Больной мычалъ, торопясь и волнуясь.

— Ему это вредно, ему нуженъ покой! — вступилась сестра.

— Князь!—громко сказалъ Гарушинъ, приближая свое взволнованное лицо къ лицу больного.—Я вѣрю, что вы поправитесь, но если бы Богъ въ неисповѣдомыхъ путяхъ своихъ призвалъ васъ къ себѣ, я обѣщаю вамъ и клянусь, что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы дать утѣшеніе и покой вашей семьѣ. Я обѣщаю и клянусь...

Онъ видѣлъ близко отъ себя напряженное лицо больного и его жадные, широко раскрытые глаза. И вдругъ это лицо дрогнуло и что-то похожее на улыбку промелькнуло на немъ.

Здоровой рукой князь удержалъ руку Петра Ивановича и, дѣлая невѣроятное усиліе говорить, промычалъ невнятно:

— Виноватъ... былъ... простите...

Потомъ рука его утомленно упала, онъ закрылъ глаза и опять погрузился въ тотъ сонъ, среди котораго жизнь должна была вскорѣ перейти въ смерть. Когда Гарушинъ отошелъ отъ кровати князя, онъ увидалъ Вѣру у окна. Она стояла въ согнутой позѣ и, закрывая лицо руками, тяжело рыдала. Она не слыхала приближенія Петра Ивановича. И вдругъ онъ заговорилъ совсѣмъ близко отъ нея.

— Вы слыхали, княжна, обѣщаніе, данное мной вашему отцу? Взгляните же на меня и скажите: можно ли такъ лгать? Теперь мой чередъ просить: я былъ виноватъ... Простите и вы. Нѣтъ, вамъ не до меня, я знаю, но если одинокій старикъ, привыкшій къ горю, дружески протянетъ вамъ руку, вы не оттолкнете ее, княжна?

Вѣра, не вѣря себѣ, удивленно подняла на него заплаканные глаза.

— За что же?—нерѣшительно спросила она.

— Вѣра Ильинишна!..—взволнованно сказалъ Петръ Ивановичъ.—Только до тѣхъ поръ человѣкъ и живъ, пока онъ чувствуетъ: любитъ, жалѣетъ, страдаетъ, ненавидитъ... Не все ли равно! И я живой человѣкъ и благодарю Бога... Про меня говорятъ, что я золъ... Но не бойтесь злого, бойтесь мертваго: если душа убита, ее ничѣмъ не воскресишь.

Его голосъ дрогнулъ, и по лицу пробѣжала болѣзненная гримаса.

— Потерять любимаго человѣка тяжело, но имѣть его съ собой, положить въ него всѣ свои надежды, всю силу своего чувства и убѣдиться, что этотъ человѣкъ живой мертвецъ, это страшно!

Онъ быстро поклонился и весь сгорбленный, съ потупленной головой поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

XV.

Петръ Ивановичъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ, глядѣлъ на дверь и нетерпѣливо постукивалъ ножомъ. Александръ вошелъ очень медленно, ежась и потирая руки.

— Что? озябъ?—вызывающимъ тономъ спросилъ у него отецъ.

— Мнѣ кажется, что въ моей комнатѣ сыро, — сказалъ Александръ Петровичъ.

— Неужели? Это непріятно. Да у тебя, можетъ быть, желудокъ не въ порядкѣ?

— Нѣтъ, я здоровъ.

Петръ Ивановичъ долго молча глядѣлъ въ лицо сына.

— Водки не выпьешь?—спросилъ онъ.

— Ты знаешь, что я не пью.

— Не пьешь? а я, вотъ, выпью.

Александръ Петровичъ усѣлся поудобнѣе и принялся ѣсть внимательно и систематично.

— Когда же въ Петербургъ?—неожиданно спросилъ отецъ.— Или тебѣ здѣсь понравилось? Втянулся въ нашу тихую деревенскую жизнь? Что же, я очень радъ! переселяйся совсѣмъ, и мнѣ не такъ одиноко будетъ. Какъ? Что?

Александръ не отвѣчалъ, долго и старательно прожевывая пирожокъ.

— Если рѣшишь, можно будетъ отдѣлить тебѣ комнаты наверху, чтобы не было сыро,—продолжалъ Петръ Ивановичъ.

Александръ чуть-чуть покраснѣлъ.

— Я не люблю твоихъ шутокъ,—сказалъ онъ.

— Почему шутокъ?—весело воскликнулъ старикъ,—я говорю серьезно. Я буду очень радъ.

— Не могъ же ты забыть, что я женюсь.

— Женишься?—удивленно спросилъ Петръ Ивановичъ.— Но ты, кажется, раздумалъ? Помнится, мы съ тобой не сошлись въ цѣнѣ? Ты продавалъ мнѣ свою свободу и требовалъ наличными. Сколько ты требовалъ?

— Столько, сколько ты самъ обѣщалъ.

— Совершенно вѣрно! Половину. А ты знаешь точно, сколько это составитъ половина того, что я имѣю?

— Точно не знаю.

— Такъ какъ же это ты пошелъ на такое условіе? Вѣдь я могъ обмануть тебя! Я могъ утаить! Хи-хи-хи!

— Приблизительно я вычислилъ.

— Ахъ, да! вычислилъ? Вотъ это ты прекрасно сдѣлалъ. Не вводи вора во грѣхъ! Надулъ бы тебя старый мошенникъ, неаремѣнно бы надулъ.

Александръ морщился.

— Если хочешь опять дѣлать сцены, то отложи до послѣ обѣда. Волноваться за ѣдой крайне негигіенично.

Петръ Ивановичъ сразу перемѣнилъ тонъ.

— Я скажу тебѣ безъ всякихъ волненій: нашъ разговоръ я обдумалъ и твое требованіе нашелъ чрезмѣрнымъ. Я убѣжденъ, что княжна съ удовольствіемъ возвратитъ тебѣ свое слово, и такимъ образомъ все кончится къ общему удовольствію.

— Не къ твоему во всякомъ случаѣ,—равнодушно сказалъ Александръ и пожалъ плечами.

— А вотъ тутъ-то ты и ошибаешься!—крикнулъ Петръ

Ивановичъ.—Я не хочу больше этого брака! Ты знаешь: вѣдь замужеству съ тобой она предпочла бы смерть.

— Ты положительно становишься сантиментальнымъ, — насмѣшливо усмѣхнулся Александръ Петровичъ.—Берегись, въ твои годы это опасно.

— Въ мои годы... опасно?.. Ты, кажется, заботишься обо мнѣ, неправда ли? — сказалъ онъ съ злобной горечью, исподлобья глядя на сына.—Я ждалъ этого всю жизнь. Всѣ меня ненавидѣли, и я гордился этой ненавистью, почти любилъ ее. Я ждалъ привязанности и пониманія только отъ одного человѣка, и этотъ человѣкъ,—ты! — съ горькимъ смѣхомъ закончилъ онъ.

— Не прикажешь-ли мнѣ объясниться въ любви?

— Нѣтъ, не прикажу. Ты не любишь лгать, можетъ быть тебѣ лѣнь, во всякомъ случаѣ это одно изъ твоихъ достоинствъ. Ты приглашалъ меня открыть карты. Онѣ открыты. Ты хотѣлъ продать себя за половину моего состоянія, ты убилъ бы меня за другую, если бы пожеланіе кому-нибудь смерти убивало... А что такое деньги, ты знаешь это? Я наживалъ ихъ рубль за рублемъ; я бралъ ихъ съ потомъ, съ кровью, со слезами... И теперь ты хочешь, чтобы я отдалъ ихъ тебѣ...

Онъ стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что Александръ Петровичъ поморщился.

— Отдать?—крикнулъ старикъ.—Отдать теперь, чтобы ты ушелъ изъ-подъ моей власти и открыто смѣялся бы надо мной? Отдать, когда я старъ, когда уже поздно начинать жить сызнова? Нѣтъ, пусть ужъ до конца я сохраню иллюзію, что у меня есть сынъ, что я не совсѣмъ одинокъ, не совсѣмъ брошенъ. Но я отклонился и возвращаюсь къ главному: твоего брака съ княжной я не хочу.

Александръ посмотрѣлъ на отца, и въ его тусклыхъ глазахъ промелькнула мысль. Онъ соображалъ.

— Ты думаешь, что смерть князя помѣшаетъ твоимъ планамъ?

— Нѣтъ, я не думаю.

— Въ такомъ случаѣ, если ты не шутишь, я ничего не понимаю!

Старикъ Гарушинъ улыбнулся и принялся за поданное блюдо.

— Отчего ты не ѣшь?—спокойно спросилъ онъ сына.

— Не хочу, сытъ,—недовольнымъ тономъ отвѣтилъ тотъ.—Однако я не могу позволить, чтобы мной распоряжались такъ, по произволу. Все лѣто я ухаживалъ, какъ дуракъ, я сдѣлалъ предложеніе. Важнѣе того: мое долгое пребываніе здѣсь пошатнуло мои дѣла въ Петербургѣ.

— Я не распоряжаюсь. Я не хочу больше твоего брака

съ княжной, но если ты этого хочешь, ести ты влюбленъ, если она съ своей стороны тоже влюблена въ тебя—женитесь.

Весь конецъ обѣда Александръ сидѣлъ молча, съ мрачнымъ и озабоченнымъ лицомъ. Когда отецъ всталъ, онъ провелъ рукой по лбу и спросилъ:

— Ты дашь мнѣ на дорогу и вообще еще... сколько можешь?

Петръ Ивановичъ засмѣялся.

— Дамъ! —весело сказалъ онъ.—И на дорогу дамъ, и вообще... Подождешь похоронъ князя?

— Нѣтъ.

— И не надо. Я берусь переговорить съ княжной.

И когда сынъ выходилъ изъ комнаты, онъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— А ты, помнится, грозилъ разсердиться на меня? Какъ? что?

Л. Авилова.

Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

IV.

Въ полемикѣ съ «народниками» или, что тоже, по извѣстной терминологіи, съ «идеологами мелкой буржуазіи», къ каковымъ обыкновенно относятъ при этомъ не только В. В., но и Николая—она и г. Михайловскаго, нѣкоторые наши экономисты не стѣсняются безъ всякихъ оговорокъ разсматривать крестьянина, какъ «товаропроизводителя». Съ этого мы и начнемъ. Перенесемся для этого изъ области отвлеченныхъ разсужденій и апріорныхъ соображеній въ реальную обстановку и посмотримъ, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ это названіе приложимо къ козельскому крестьянину.

Да, козельскій крестьянинъ—товаропроизводитель, но нѣсколько въ иной мѣрѣ и въ иномъ смыслѣ, чѣмъ думаютъ указанные экономисты. Вотъ данныя:

Изъ 100 рублей общаго оборота по хозяйству:	Группы хозяйствъ по посѣвной площади. I. Не сѣютъ.	II. Засѣваютъ не болѣе 3 дес.	III. 3—6 дес.	IV. 6—9 дес.	V. 9—12 дес.	VI. Свыше 12 дес.	Всѣ группы
а) продуктами							
израсходовано въ своемъ хозяйствѣ	95,0	92,3	91,8	91,7	91,4	92,4	91,9
отчуждено	5,0	7,7	8,2	8,3	8,6	7,6	8,1
б) лошадиной силой (съ коннымъ инвентаремъ)							
Израсходовано въ своемъ хозяйствѣ	—	94,3	96,4	95,9	95,5	97,2	96,1
Отчуждено	—	5,7	3,6	4,1	4,5	2,8	3,9
в) Рабочей силой (съ ручнымъ инвентаремъ)							
израсходовано въ своемъ хозяйствѣ	8,1	42,9	48,9	53,8	54,2	65,9	52,1
отчуждено	91,9	57,1	51,1	46,2	45,8	34,1	47,9

Изъ общей суммы продуктовъ, обернувшихся въ описанныхъ хозяйствахъ въ теченіе года, отчуждено (продано, возвращено долговъ и т. д.) лишь 8 проц. При такомъ ничтожномъ процентѣ отчужденныхъ продуктовъ едва-ли крестьянское хозяйство можетъ быть разсматриваемо, какъ хозяйство товарное въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Характернѣе всего при этомъ то обстоятельство, что процентъ отчужденныхъ продуктовъ по отдѣльнымъ группамъ колеблется въ очень незначительныхъ предѣлахъ, а если бы его вычислить не по отношенію къ общему обороту, а по отношенію къ суммѣ произведенныхъ продуктовъ (т. е. исключить купленные и занятые), то онъ былъ бы выше въ мелкихъ, чѣмъ въ крупныхъ. Въ этомъ случаѣ козельское крестьянское хозяйство опять-таки не оправдываетъ сложившагося представленія о характерѣ крестьянскаго земледѣльческаго производства. Чѣмъ крупнѣе оно, тѣмъ менѣе затронуто мѣновыми отношеніями, тѣмъ болѣе оно, такъ сказать, натурально.

Если мы обратимся къ отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства, то увидимъ, что мѣновой характеръ носитъ исключительно одно прiусадебное хозяйство (производство конопли и пеньки, главнымъ образомъ, для продажи), во всѣхъ же остальныхъ отрасляхъ производство товаровъ имѣетъ совершенно ничтожное и, нужно думать, случайное значеніе *). При этомъ прiусадебной культурѣ мелкія хозяйства въ своемъ производствѣ отводятъ болѣе видное мѣсто, чѣмъ крупныя; и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ послѣднія ничѣмъ не выдѣляются изъ ряда другихъ, какъ товаропроизводители.

Въ хозяйствахъ:	Изъ 100 рублей дохода получено деньгами: по прiусадебному хозяйству.	по полеводству.	по луговодству.	по скотоводству.	изъ 100 дес. посѣвн. площади занято прiусадебными посѣвами.
мелкихъ	52	4	2	15	9,9
среднихъ	54	4	1	10	7,8
крупныхъ	51	5	1	10	6,2
Вообще . . .	53	4	1	11	7,6

Необходимо прибавить къ этому, что конопляное производство характеризуется въ сборникѣ, какъ падающее, и такимъ образомъ производство товаровъ крестьянами, нужно думать, идетъ на убыль.

---

*) Довольно высокій процентъ денежнаго прихода по скотоводству въ значительной мѣрѣ опирается на необходимость ремонтировать скотъ, особенно лошадей, т. е. продавать отслужившихъ и покупать новыхъ.

Такимъ образомъ, козельскій крестьянинъ продаетъ не продукты и не силу скота также. Для продажи у него особый товаръ—тотъ же товаръ, что и у освобожденнаго рабочаго—его рабочая сила. Этотъ товаръ, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, въ значительномъ количествѣ производятъ и продаютъ всѣ группы населенія. Но крупныя хозяйства и въ этомъ случаѣ относительно меньше производятъ товара, чѣмъ мелкія.

Мы не будемъ утомлять читателя другими, содержащимися въ сборникѣ цифровыми данными по затронутому нами вопросу. И приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы судить объ общемъ характерѣ крестьянскихъ хозяйствъ, который, какъ говорится въ сборникѣ, «можетъ быть резюмированъ въ немногихъ словахъ: производство и покупка продуктовъ, необходимыхъ для производства рабочей силы (для потребленія); расходъ рабочей силы въ собственномъ хозяйствѣ и отчужденіе ея на сторону для полученія продуктовъ». А теперь вглядимся нѣсколько ближе, какъ осуществляется эта общая тенденція въ отдѣльныхъ областяхъ хозяйственной дѣятельности населенія.

Остановимся прежде всего на его сельскохозяйственномъ производствѣ. Въ нашей небольшой статьѣ мы, конечно, не имѣемъ возможности охватить всѣ стороны этой сложной отрасли крестьянскаго хозяйства и потому остановимся только на важнѣйшихъ фактахъ и соотношеніяхъ.

Въ упоминавшейся уже нашей замѣткѣ «о роли собирателей земли въ русскомъ земледѣльческомъ производствѣ» на основаніи совершенно иныхъ матеріаловъ, хотя и относившихся тоже къ Калужской губерніи, мы констатировали, что земля въ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ производительнѣе, чѣмъ въ крупныхъ. Но тамъ, по свойству самыхъ матеріаловъ, мы имѣли возможность говорить лишь о валовой доходности земли; ни на издержкахъ производства, ни на затратахъ труда и соотношеніи ихъ съ тѣмъ или инымъ размѣромъ доходности, ни на тѣхъ причинахъ, которыми обусловлено отмѣченное явленіе — мы тогда не имѣли возможности остановиться. Данныя по Козельскому уѣзду позволяютъ съ подробностью остановиться и на этихъ сторонахъ крайне важнаго экономическаго вопроса.

Бѣгло просматривая относящіяся сюда данныя, вотъ что мы находимъ. Площадь землепользованія мелкихъ хозяйствъ содержитъ въ себѣ большій процентъ цѣнныхъ и доходныхъ угодій, чѣмъ крупныхъ: у первыхъ относительно больше въ пользованіи пріусадебныхъ земель и сѣнокосныхъ и относительно меньше полевыхъ, а въ составѣ полевой земли у мелкихъ хозяйствъ относительно больше цѣнной озимой и меньше малоцѣнной яровой.

Въ хозяйствахъ:	Изъ 100 десятинъ пользованія: прiусадебной.	полевого посѣва.	сѣнокосной.	Изъ 100 дес. полевой посѣвной площади: озимаго.	ярового.
мелкихъ . . .	4,2	38	16	52,4	47,6
среднихъ . .	4,0	47	14	50,0	50,0
крупныхъ	3,3	46	12	50,2	49,8
Вообще . . .	3,8	47	14	49,7	50,3

Отношеніе скота и вообще основного капитала къ посѣвной площади благопріятнѣе въ мелкихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ крупныхъ.

Въ хозяйствахъ.	На 1 десятину посѣва приходится: головъ скота въ переводѣ на крупный.	рублей: въ скотѣ.	въ постройкахъ.	въ инвентарѣ.
мелкихъ . . .	0,97	34	91	14,3
среднихъ . .	0,72	27	45	10,4
крупныхъ . .	0,59	25	39	9,7
Вообще . . .	0,71	27	47	10,7

Затраты силы на десятину посѣва также больше въ мелкихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ крупныхъ, а именно въ годъ изслѣдованія израсходовано рабочихъ дней:

Въ хозяйствахъ:	На 1 десятину полевого посѣва: лошадиныхъ.	рабочихъ.	на 1 дес. прiусадебнаго посѣва рабочихъ.
мелкихъ	14	43	134
среднихъ	13	37	129
крупныхъ	12	34	115
Вообще	13	37	126

Удобряется и обрабатывается земля также лучше въ мелкихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ крупныхъ.

Въ хозяйствахъ.	Вывезено пуд. навоза на 1 дес: полевого посѣва.	прiусадебнаго посѣва.	Полевая земля: пашется и боронуется разъ.	глубина вспашки въ вершкахъ.
мелкихъ	302	1923	2,28	2,18
среднихъ	233	1682	2,17	2,15
крупныхъ	228	1470	2,13	2,13
Вообще . . .	235	1645	2,17	2,15

Лучшая обработка земли въ мелкихъ хозяйствахъ находится въ тѣсной связи со свойственною имъ пропорціей посѣвовъ. Въ нихъ больше земли засѣвается растеніями, требующими болѣе удобренныхъ почвъ и лучшей обработки, чѣмъ въ крупныхъ.

Въ хозяйствахъ.	Изъ 100 дес. полевой посѣвной площади занято яровыми, требующими почвъ: лучшихъ.	худшихъ.
мелкихъ	23	18
среднихъ	17	26
крупныхъ ..	13	33
Вообще ...	16	28

Въ мелкихъ хозяйствахъ не только больше воздѣлывается болѣе цѣнныхъ растеній, но и урожаи выше, чѣмъ въ крупныхъ.

Въ хозяйствахъ:	Валовой сборъ въ 1895 году съ 1 десятины: пріусадебной земли. конопли мѣръ.	пеньки пудовъ	полевой земли. ржи мѣръ.	овса мѣръ.	ячменя мѣръ.	гречихи мѣръ.	картофеля мѣръ.
мелкихъ ..	54	20	37	58	52	25	478
среднихъ .	50	17	33	52	50	27	428
крупныхъ .	44	15	30	48	48	32	402

Изъ 5 важнѣйшихъ полевыхъ растеній, коими занято 90% всей посѣвной площади, лучшій сборъ въ крупныхъ хозяйствахъ сравнительно съ мелкими дала лишь одна гречиха, сѣющаяся на самыхъ худшихъ загонахъ и занимающая менѣе 6% посѣвной площади. Пріусадебныя растенія также дали лучшій сборъ въ мелкихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ крупныхъ.

Само собой понятно, что большія затраты труда и капитала сопровождаются и высшею валовою доходностью.

Валовой доходъ въ рубляхъ съ 1 десятины:	Въ хозяйствахъ: мелкихъ.	среднихъ.	крупныхъ.	вообще.
полевого посѣва	34	29	26	28
пріусадебнаго посѣва ..	99	89	77	87
сѣнокоса	21	19	19	19
лѣсной земли	3	3	3	3

Лишь въ сѣнокосномъ и лѣсномъ хозяйствахъ, въ которыхъ затраты труда и капитала колеблются въ незначительныхъ предѣ-

лахъ, валовая доходность 1 дес. почти одинакова во всѣхъ группахъ.

Чтобы ознакомиться съ конечными результатами хозяйства, мы должны изъ общаго дохода по земельному производству исключить издержки производства, т. е. расходъ на сѣмена, содержаніе скота, мертваго инвентаря и т. д. Исключая ихъ, мы найдемъ, что чистый доходъ, т. е. то количество продуктовъ, которое населеніе могло затратить на удовлетвореніе своихъ потребностей, равно:

	Въ хозяйствахъ: мелкихъ.	среднихъ.	крупныхъ.	вообще.
Въ рубляхъ по разсчету на 1 десятину удобной земли:				
а) во владѣніи . .	12,6	11,5	10,3	11,3
б) въ пользованіи .	12,4	9,7	8,0	9,4
Въ %% къ основному и оборотному капиталамъ.	7,62	7,49	6,83	7,32
По разсчету на 1 рабочій день въ копѣйкахъ . .	37	32	30	32

Этотъ бѣглый перечень фактовъ не оставляетъ сомнѣнія, что мелкое крестьянское хозяйство интенсивнѣе крупнаго. Съ точки зрѣнія крестьянскаго бюджета это различіе въ интенсивности выражается слѣдующими важными послѣдствіями: 1) мелкія крестьянскія хозяйства при одной и той же земельной площади затрачиваютъ больше рабочихъ силъ въ собственномъ производствѣ, чѣмъ крупныя; 2) первыя съ одной и той же земельной площади, при одномъ и томъ же количествѣ основного и оборотнаго капиталовъ больше получаютъ дохода, чѣмъ послѣднія и 3) наконецъ, трудъ первыхъ лучше оплачивается, чѣмъ послѣднихъ.

V.

Посмотримъ, чѣмъ въ окончательномъ счетѣ обусловлено это существенное различіе между хозяйствами различнаго размѣра. Чтобы не утомлять читателя, мы остановимся только на двухъ явленіяхъ изъ области крестьянскаго сельскохозяйственнаго производства, а именно на пропорціи посѣвовъ и на количествѣ содержимаго крестьянскимъ населеніемъ скота. При крайне важномъ значеніи удобренія въ мѣстномъ хозяйствѣ, количество скота болѣе, чѣмъ что-либо другое, обусловливаетъ собою производительность земли и размѣръ дохода, даваемаго земледѣльческимъ производствомъ. Съ другой стороны, пропорція посѣвовъ сильнѣе, чѣмъ что либо другое,

опредѣляетъ количество рабочихъ силъ, которыя могутъ быть использованы при данной земельной площади.

Выше мы указали, что земледѣльческое производство у крестьянъ направлено къ удовлетворенію собственныхъ потребностей и, стало быть, регулируется ими, а не требованіями рынка. Этотъ общій характеръ производства опредѣляетъ собою и оба указанныя явленія.

Скотъ для крестьянскаго населенія имѣетъ двоякое значеніе: хозяйственное и потребительное. Для хозяйства скотъ нуженъ, какъ движущая сила и какъ навозо-производитель; для потребленія онъ важенъ доставляемыми имъ продуктами—мясомъ, молокомъ, шерстью и т. д. Количество скота, содержимаго населеніемъ, должно такимъ образомъ опредѣляться его хозяйственными и потребительными нуждами. Между тѣмъ полнаго параллелизма между тѣми и другими не наблюдаются.

Группы хозяйствъ:	Приходится на 1 хозяйство: десятинъ посѣва.	отношеніе.	ѣдоковъ-работниковъ.	отношеніе.	приходится ѣдоковъ на 100 десятинъ посѣва.
мелкія	2,0	100	3,5	100	171
среднія	5,4	270	5,0	143	92
крупныя	12,6	630	7,8	223	62

Если мы за наиболѣе характерный показатель размѣровъ хозяйственныхъ нуждъ примемъ посѣвную площадь, а за наиболѣе вѣрный выразитель потребительныхъ нуждъ—количество населенія, продовольствовавшагося дома, въ переводѣ на ѣдоковъ-работниковъ, то найдемъ, что относительное значеніе тѣхъ и другихъ нуждъ въ хозяйствахъ различнаго размѣра не одинаково. Хозяйственныя нужды вмѣстѣ съ увеличеніемъ размѣровъ хозяйства растутъ быстрѣе, чѣмъ нужды потребительныя. Такимъ образомъ, послѣднія въ мелкихъ хозяйствахъ должны сильнѣе вліять на количество содержимаго скота, чѣмъ въ крупныхъ. Что это дѣйствительно такъ—въ этомъ не трудно убѣдиться.

Хозяйственное и потребительное значеніе различныхъ видовъ скота далеко не одинаково. Такъ:

	Изъ 100 руб. прихода поступило: навозомъ и силой.	деньгами.	продуктами.
По содержанію лошадей	93	7	—
» » крупнаго рогатаго скота.	19	19	62
» » овецъ.	15	4	81
» » свиней	5	4	91

Лошади—рабочій скотъ—имѣютъ почти исключительно хозяйственное значеніе, свиньи—почти исключительно потребительное, рогатый скотъ и овцы тоже, главнымъ образомъ, потребительное. Обращаясь къ отдѣльнымъ хозяйственнымъ группамъ, мы находимъ, что составъ содержимаго ими скота далеко не одинаковъ. Такъ, изъ 100 руб. капитала, заключающагося въ скотѣ, приходится:

Въ хозяйствахъ:	На рабочій скотъ.	На продукт. скотъ.
мелкихъ	35	65
среднихъ	44	56
крупныхъ	48	52

Чѣмъ мельче хозяйство, тѣмъ относительно больше содержитъ оно продуктивнаго и тѣмъ относительно меньше рабочаго скота.

Эти данныя позволяютъ судить лишь о тѣхъ усиліяхъ, которыя дѣлаются различными группами въ удовлетвореніи хозяйственныхъ и потребительныхъ нуждъ въ скотѣ. На сколько же эти нужды удовлетворены, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

Въ хозяйствахъ:	Приходится рублей стоимости:			Приходится головъ на 1 десят. посѣва:	
	рабоч. скота на 1 дес. посѣва.	продуктивнаго скота на 1 ѣдока-работника.	всего скота на 1 дес. посѣва.	рабочихъ лошадей.	всего скота въ переводѣ на крупный.
мелкихъ . .	13	14	34	0,30	0,97
среднихъ. .	12	17	27	0,28	0,72
крупныхъ .	12	22	25	0,24	0,59

Хозяйственныя нужды въ силѣ скота, если о нихъ судить по стоимости скота въ хозяйствахъ различнаго размѣра, удовлетворены приблизительно одинаково, хотя въ мелкихъ хозяйствахъ онѣ удовлетворены всетаки менѣе полно, чѣмъ въ крупныхъ. Дѣло въ томъ, что въ мелкихъ хозяйствахъ на десятину посѣва, какъ мы видѣли, расходуется больше лошадиныхъ дней, чѣмъ въ крупныхъ, и поэтому, не смотря даже на относительно большее количество головъ рабочихъ лошадей, первыя чаще вынуждены прибѣгать къ конному найму, чѣмъ послѣднія. Потребительныя же нужды несравненно лучше удовлетворены въ крупныхъ хозяйствахъ, чѣмъ въ мелкихъ.

Такимъ образомъ мелкія хозяйства, хотя и отводятъ болѣе видное мѣсто потребительному скоту, однако обезпечены имъ далеко не въ полной мѣрѣ, далеко не въ той степени, какъ хозяйства крупныя. Но стремленіе мелкихъ хозяйствъ возможно полнѣе удо-

влетворить свои потребительныя нужды сказывается крайне важными послѣдствіями въ области удовлетворенія ихъ хозяйственныхъ нуждъ. Дѣло въ томъ, что и потребительный скотъ не лишенъ, какъ мы видѣли, въ большей или меньшей степени хозяйственнаго значенія, такъ какъ весь онъ является навозопроизводителемъ. Такимъ образомъ, большее количество скота по отношенію къ посѣвной площади у мелкихъ хозяевъ и сравнительное богатство ихъ удобрительными средствами опираются на ихъ потребительныя, а не хозяйственныя нужды и обусловлены, стало быть, извѣстнымъ соотношеніемъ числа ѣдоковъ и земельной площади. А это соотношеніе, какъ мы видѣли, тѣсно связано съ самымъ размѣромъ хозяйствъ. Для того, чтобы крупное хозяйство имѣло возможность содержать большее количество продуктивнаго скота и такимъ образомъ обезпечить свою посѣвную площадь большими удобрительными средствами, необходимо, чтобы въ немъ измѣнилось отношеніе ѣдоковъ къ посѣвной площади, чтобы на одну и ту же площадь приходилось больше ѣдоковъ, чѣмъ приходится теперь. Такъ какъ число ѣдоковъ не можетъ быть по произволу увеличено, то для этого ему необходимо сократить свою посѣвную площадь, необходимо изъ крупнаго хозяйства сдѣлаться мелкимъ. При данномъ характерѣ крестьянскаго сельскохозяйственнаго производства, направленнаго къ удовлетворенію собственныхъ потребностей, а не требованій рынка, другого выхода нѣтъ. Такимъ образомъ, при данныхъ условіяхъ сравнительное богатство навозомъ и высшая производительность земли неразрывно связаны съ малымъ размѣромъ хозяйственнаго предпріятія или—правильнѣе—со свойственнымъ послѣднему отношеніемъ числа ѣдоковъ къ посѣвной площади.

Посмотримъ теперь, каково отношеніе различныхъ хозяйственныхъ группъ къ другому важному явленію въ сельско-хозяйственномъ производствѣ—къ пропорціи посѣвовъ.

Цѣлымъ рядомъ данныхъ, приводить которыя здѣсь было бы черезчуръ утомительно, въ сборникѣ устанавливается зависимость пропорціи посѣвовъ, съ одной стороны, отъ размѣровъ посѣвной площади, а съ другой—отъ ея качества, или другими словами, отъ потребности въ тѣхъ или иныхъ продуктахъ и отъ возможности ихъ воздѣлыванія. Эти два фактора оказываютъ наиболѣе сильное и наиболѣе общее вліяніе на пропорцію посѣвовъ и лучше всего объясняютъ измѣненія въ ней, наблюдаемыя въ пространствѣ, во времени и въ различныхъ хозяйственныхъ группахъ. Что касается качества почвы, то наблюдаемыя въ связи съ нимъ различія въ пропорціи посѣвовъ между хозяйствами различныхъ группъ уже указаны выше. Само собой понятно, что эти различіи находятся въ связи и съ только что разсмотрѣнными данными о количествѣ удобрительныхъ средствъ, имѣющихся у населенія. Поэтому мы остановимся здѣсь только на томъ значеніи, какое имѣетъ въ данномъ случаѣ потребность въ тѣхъ или иныхъ продуктахъ.

Для этого мы опять должны вернуться къ вопросу о сравнительномъ значеніи потребительныхъ и хозяйственныхъ нуждъ.

Полевые продукты, производимые въ крестьянскомъ хозяйствѣ, могутъ быть раздѣлены на двѣ крупныя группы: на продукты, потребляемые преимущественно людьми, и на продукты, идущіе почти исключительно въ кормъ скоту. Соотвѣтственно этому и въ посѣвной площади необходимо различать часть, занятую потребительными растеніями (продовольственными и прядильными), отъ той, которая находится подъ кормовыми растеніями. Потребность въ потребительныхъ и кормовыхъ продуктахъ въ отдѣльныхъ хозяйственныхъ группахъ далеко не одинакова.

На 100 десятинъ посѣва приходится:

Въ хозяйствахъ:	скота головъ.	отношеніе.	ѣдоковъ-работниковъ.	отношеніе.	на 100 ѣдоковъ приходится головъ скота.
мелкихъ . . .	105	172	171	276	62
среднихъ . . .	75	123	92	148	82
крупныхъ . . .	61	100	62	100	98

Чѣмъ меньше размѣры хозяйства, тѣмъ болѣе потребительная нужда перевѣшиваетъ кормовую. Поэтому мы должны ожидать, что мелкія хозяйства въ своей посѣвной площади отводятъ больше мѣста потребительнымъ и менѣе кормовымъ растеніямъ, чѣмъ крупныя. И дѣйствительно:

Въ хозяйствахъ:	Изъ 100 дес. полевого посѣва занято растеніями: потребительными.	кормовыми.
мелкихъ . . .	82	18
среднихъ . . .	75	25
крупныхъ . . .	69	31

Между потребительными или кормовыми нуждами, съ одной стороны, и количествомъ производимыхъ различными группами потребительныхъ и кормовыхъ продуктовъ—съ другой, наблюдается не только параллелизмъ, но, какъ позволяютъ думать сгрупированныя въ сборникѣ данныя, и полная пропорціональность. Такъ, въ годъ изслѣдованія съ полевой посѣвной площади собрано потребительныхъ продуктовъ (за исключеніемъ сѣмянъ) на 13 р. 27 коп. по разсчету на ѣдока-работника и кормовыхъ (вмѣстѣ съ побочными продуктами отъ потребительныхъ растеній, т. е. съ соломой, мякиной и т. д.) на 11 р. 17 коп. по разсчету на голову крупнаго скота. Отношеніе первой величины ко второй равно 1,2:1,0. Если, поль-

зуясь этимъ отношеніемъ, показанное въ предпослѣдней табличкѣ число ѣдоковъ и головъ скота мы выразимъ въ равновеликихъ (по отношенію къ потребленію полевыхъ продуктовъ) единицахъ и сумму ихъ по каждой группѣ примемъ за сто, то найдемъ, что общее число потребляющихъ единицъ составляли:

Въ хозяйствахъ:	Люди.	Скотъ.
мелкихъ . . .	66%	34%
среднихъ . . .	59 »	41 »
крупныхъ . . .	55 »	45 »

Изъ 100 же рублей общей стоимости собранныхъ полевыхъ продуктовъ приходилось:

Въ хозяйствахъ:	На потребительныя.	На кормовыя.
мелкихъ . . .	67	33
среднихъ . . .	60	40
крупныхъ . . .	54	46

Въ обоихъ случаяхъ получаются почти совпадающіе ряды, т. е. пропорція производимыхъ продуктовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ въ нихъ.

Если мы перейдемъ къ отдѣльнымъ растеніямъ, то найдемъ, что относительные размѣры площади подъ каждымъ изъ нихъ не одинаковы въ хозяйствахъ различнаго размѣра, причемъ различія между группами находятъ себѣ объясненіе или въ качествахъ почвы, которыхъ требуетъ данное растеніе, или въ размѣрахъ посѣвной площади, которой располагаетъ среднее хозяйство данной группы, или въ томъ и другомъ. Такъ изъ 100 дес. яровой посѣвной площади занято:

Въ хозяйствахъ:	Овсомъ.	Ячменемъ.	Гречихой.	Картофелемъ.	Льномъ.	Просомъ.
мелкихъ . . .	29,3	23,0	9,1	15,3	7,3	2,9
среднихъ . . .	41,5	18,2	11,5	8,3	5,4	1,6
крупныхъ . . .	54,2	15,4	11,6	5,2	3,9	0,5

Посѣвы овса—кормового растенія, сѣющагося на почвахъ низшаго качества—и гречихи—растенія продовольственнаго, но культивируемаго на самыхъ худшихъ почвахъ—увеличиваются вмѣстѣ съ увеличеніемъ размѣровъ хозяйства. Посѣвы ячменя, картофеля, льна, проса—потребительныхъ растеній, требующихъ для своего воздѣлыванія лучшихъ почвъ—въ томъ же направленіи уменьшаются.

Насколько пропорція посѣвовъ опредѣляется потребностями воздѣлывающихъ ихъ хозяйствъ, лучше всего доказываютъ посѣвы картофеля. Этотъ продуктъ не выдерживаетъ дальней перевозки и потому крестьянское населеніе должно довольствоваться картофелемъ исключительнаго мѣстнаго производства. И вотъ мелкія хозяйства отводятъ этому растенію такую значительную часть своей посѣвной площади, что получаютъ картофеля по разсчету на ѣдока не меньше, чѣмъ и крупныя хозяйства.

Ячмень, просо и, въ особенности, картофель и ленъ, т. е. растенія, воздѣлываемыя въ относительно большихъ размѣрахъ мелкими хозяйствами, требуютъ лучшей обработки земли (трехкратной и болѣе глубокой вспашки, полки, окучиванія) и значительно большихъ рабочихъ силъ при уборкѣ, чѣмъ овесъ и гречиха, воздѣлываемыя преимущественно крупными хозяйствами. Пропорція посѣвовъ, свойственная мелкимъ хозяйствамъ, требуя такимъ образомъ большихъ затратъ рабочей силы, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ улучшенію земли и наряду съ удобреніемъ является одной изъ причинъ высшей ея производительности. Высшіе урожаи, въ свою очередь, увеличиваютъ качество рабочихъ силъ, потребныхъ для уборки продуктовъ, и еще сильнѣе оттѣняютъ характерныя черты мелкаго сельскохозяйственнаго производства.

VI.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами данныхъ съ несомнѣнностью вытекаетъ, что та или иная интенсивность крестьянскаго сельскохозяйственнаго производства, т. е. количество рабочихъ силъ (и другихъ средствъ производства), поглощаемыхъ данною земельною площадью, а также доходность послѣдней и прилагаемаго на ней труда, обусловлены тѣмъ или инымъ размѣромъ хозяйственныхъ предпріятій или, правильнѣе, свойственнымъ имъ соотношеніемъ числа ѣдоковъ и земельной площади.

Неодинаковое же въ различныхъ хозяйственныхъ группахъ соотношеніе числа ѣдоковъ съ размѣрами посѣвной площади прежде всего и больше всего обусловлено тѣмъ совмѣщеніемъ въ одной и той же хозяйственной ячейкѣ крестьянина и рабочаго, съ указанія на которое мы и начали свою статью. Благодаря такому объединенію, въ потребленіи продуктовъ, произведенныхъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ, участвуетъ не только то населеніе, которое работаетъ въ своемъ производствѣ, но и то, которое отдаетъ свои рабочія силы промысламъ, работамъ въ чужихъ хозяйствахъ и, стало быть, къ сельскохозяйственному производству своихъ семейныхъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія. Промышленникъ, уходящій даже въ самые дальніе заработки, чрезъ извѣстные періоды возвращается домой и участвуетъ въ потребленіи продуктовъ, произведенныхъ сельскохозяйственною частью населенія;

главное же, здѣсь, въ деревнѣ, все время остаются его дѣти и старики, которые занимаютъ довольно видное мѣсто въ числѣ тѣхъ ѣдоковъ, отношеніе которыхъ къ посѣвной площади опредѣляетъ весь строй хозяйства и его результаты. Благодаря только этому превышенію потребляющей части населенія надъ производящей, крестьянское сельскохозяйственное производство и сохраняетъ тотъ строго натуральный характеръ, который былъ констатированъ выше.

Мы видѣли, что промысловая часть населенія относительно больше въ мелкихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ крупныхъ, и, благодаря этому, отношеніе потребляющихъ къ производящимъ въ первыхъ выше, чѣмъ во вторыхъ. Именно, на 100 рабочихъ дней, затраченныхъ въ своемъ сельскохозяйственномъ производствѣ, приходится дней потребленія ѣдока-работника:

Въ мелкихъ хозяйствахъ	778
» среднихъ »	552
» крупныхъ »	446

Благодаря этому же, въ мелкихъ хозяйствахъ больше приходится ѣдоковъ на одну посѣвную десятину, чѣмъ въ крупныхъ. Такимъ образомъ большая интенсивность сельскохозяйственнаго производства въ мелкихъ хозяйствахъ неразрывно связана съ большимъ участіемъ ихъ въ промыслахъ. Стало быть, и относительные размѣры сельскохозяйственнаго дохода, которые такъ неодинаковы въ хозяйствахъ различнаго размѣра, въ конечномъ счетѣ опираются на соотношеніе рабочихъ силъ, затрачиваемыхъ въ собственныхъ хозяйствахъ и отчуждаемыхъ на сторону. Крестьянинъ и рабочій объединены въ этомъ случаѣ крѣпкою связью: если бы хозяйство крестьянина не было вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяйствомъ рабочаго, оно имѣло бы совершенно иной характеръ и давало бы совершенно иные результаты.

Ту же тѣсную связь между двумя сторонами производительной дѣятельности населенія найдемъ мы и въ томъ случаѣ, если взглянемъ на нее съ другой стороны, со стороны интересовъ рабочаго-промышленника.

Мы видѣли, что затрата рабочей силы въ промыслахъ въ крупныхъ хозяйствахъ оплачивается лучше, чѣмъ въ мелкихъ. Посмотримъ теперь, отчего это зависитъ.

Всѣ промыслы по Козельскому уѣзду раздѣлены на три категоріи: на домашніе, мѣстные и отхожіе. Домашними считались тѣ промышленники, которые во время промысла продовольствуются дома. Въ эту категорію вошли, стало быть, кустари, содержатели промышленныхъ заведеній, лица, занимавшіяся случайными работами, и т. д.; сюда же отнесены и должностныя лица сельскаго управленія. Къ мѣстнымъ отнесены промышленники, работавшіе въ селеніяхъ своего уѣзда, а къ отхожимъ—уходящіе на заработки въ города и другіе уѣзды. Разница между мѣстными и отхожими про-

мышленниками сводится, стало быть, главнымъ образомъ, къ тому, что первые работаютъ вблизи, а вторые—вдали отъ своихъ хозяйствъ.

Для отдѣльныхъ хозяйственныхъ группъ указанныя категоріи промысловъ имѣютъ далеко не одинаковое значеніе.

Въ хозяйствахъ:	Изъ 100 раб. дней, затраченныхъ на промыслы, пошло: на домашніе.	на мѣстные.	на отхожіе.
мелкихъ . . .	6	32	62
среднихъ . . .	7	16	77
крупныхъ . .	8	8	84
Вообще . .	7	18	75

И вообще незначительный процентъ рабочихъ дней, отдаваемыхъ мѣстнымъ промысламъ, измѣняется по отдѣльнымъ группамъ въ сравнительно узкихъ предѣлахъ. Сильнѣе всего измѣняется процентъ дней, затрачиваемыхъ на мѣстные промыслы, достигающій максимума въ мелкихъ хозяйствахъ и падающій до минимума въ крупныхъ. За то въ крупныхъ хозяйствахъ дальніе промыслы играютъ гораздо большую роль, чѣмъ въ мелкихъ.

Между тѣмъ отхожіе промыслы гораздо доходнѣе мелкихъ. Рабочій день работника въ первыхъ далъ описаннымъ хозяйствамъ около 47 коп. денежнаго дохода, а въ послѣднихъ—лишь 31 коп. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, главнымъ образомъ, меньшая доходность промысловыхъ заработковъ въ мелкихъ хозяйствахъ сравнительно съ крупными.

Почему же мелкія хозяйства должны значительную часть своихъ рабочихъ силъ отдавать ближнимъ промысламъ? Отчасти въ данномъ случаѣ имѣетъ силу, нужно думать, меньшая ихъ обезпеченность и недостатокъ средствъ на дальнюю дорогу. Но главная причина, можно быть увѣреннымъ, заключается въ слишкомъ маломъ размѣрѣ ихъ семейнаго состава. Мы видѣли, что промыслами занимаются, главнымъ образомъ, мужчины работники. Большая же часть мелкихъ хозяйствъ или вовсе не имѣетъ или имѣетъ 1 работника.

Группы хозяйствъ.	Изъ 100 хозяйствъ: безъ работника.	съ 1 работникомъ.	съ 2 и болѣе работниками.	на 1 хозяйство приходится работниковъ.
мелкія	10	57	33	1,9
среднія. . . .	2	37	61	1,9
крупныя . . .	1	16	83	2,6
Вообще . . .	4	39	57	1,9

Между тѣмъ сельское хозяйство, какъ мы видѣли, требуетъ непремѣннаго участія этой категоріи рабочихъ въ опредѣленномъ соотношеніи съ другими силами. Само собой понятно, что хозяйство, располагающее лишь однимъ работникомъ, почти лишено возможности отпускать его въ дальніе, болѣе доходные заработки. Мелкія хозяйства поэтому и удерживаютъ значительную часть своихъ промышленниковъ вблизи, чтобы они имѣли возможность для тѣхъ или иныхъ работъ вернуться домой. Такимъ образомъ, та или иная доходность промысловъ находится въ тѣсной связи съ общими размѣрами хозяйства, правильнѣе, съ его семейнымъ составомъ и съ сельскохозяйственнымъ производствомъ, ведущимся за свой страхъ. Мелкія хозяйства, выигрывая въ сельскохозяйственномъ производствѣ, проигрываютъ въ промыслахъ, благодаря тому, что часть своихъ рабочихъ затрачиваютъ въ собственномъ хозяйствѣ. Сельскохозяйственное производство за свой страхъ и промысловыя занятія, крестьянинъ и рабочій объединены въ этомъ случаѣ крѣпкою связью. Въ дѣйствительности, эта связь еще крѣпче.

VI.

Для того, чтобы возможно было сравненіе дохода отъ сельскохозяйственнаго производства, который получается въ видѣ продуктовъ, съ промысловыми заработками, которые поступаютъ въ хозяйство въ видѣ денегъ, мы должны были ту и другую приходную часть бюджета выразить въ сравнимыхъ единицахъ. Такой единицей послужилъ намъ рубль и для этого полученные въ собственныхъ хозяйствахъ продукты были расцѣнены нами по мѣстнымъ цѣнамъ на нихъ. Нечего и говорить, что такая расцѣнка продуктовъ, и произведенныхъ и потребленныхъ въ однихъ и тѣхъ же хозяйствахъ, заключаетъ въ себѣ значительный элементъ условности. Въ дѣйствительности такая расцѣнка не происходитъ.

Выше нами было указано, что производимые въ крестьянскихъ хозяйствахъ продукты потребляются не только сельскохозяйственною, но и промысловою частью населенія и что отъ соотношенія этихъ двухъ частей зависитъ и пропорція производимыхъ продуктовъ и весь строй хозяйства. Для удобства анализа допустимъ фикцію, расчленимъ все крестьянское населеніе на двѣ группы: на работающихъ въ собственномъ хозяйствѣ и на работающихъ въ промыслахъ, и противопоставимъ ихъ другъ другу. При этомъ мы найдемъ, что часть продуктовъ, производимыхъ сельскохозяйственною группою населенія, какъ бы сбывается промысловой, но по цѣнамъ, независящимъ отъ рыночныхъ цѣнъ на тѣ или иные продукты. За уступленную часть продуктовъ сельскохозяйственная группа населенія получаетъ часть въ денежномъ доходѣ отъ промысловъ; промышленники за уступленную часть заработка получаютъ часть продуктовъ, произведенныхъ сельскохозяйственнымъ населеніемъ.

Этотъ взаимный обмѣнъ совершается пропорціонально потребностямъ, пропорціонально ѣдокамъ той и другой части населенія. Если заработки хороши, то и доля сельскохозяйственной части, независимо отъ количества произведенныхъ ею продуктовъ, больше, если заработки плохи—эта доля меньше, и наоборотъ, если продуктовъ въ своемъ хозяйствѣ получено много, то и доля промышленниковъ, независимо отъ количества принесенныхъ ими денегъ, больше; если продуктовъ получено мало, то и доля промышленниковъ меньше. Рыночныя цѣны на продукты тутъ не причемъ, такъ какъ и та и другая часть населенія, если ихъ представлять обмѣнивающимися сторонами, во взаимномъ обмѣнѣ продуктовъ и денегъ занимаютъ по отношенію другъ къ другу въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ монопольное положеніе. Какъ бы ни былъ малъ промысловый заработокъ, какъ бы ни были высоки рыночныя цѣны на продукты, сельскохозяйственное населеніе не можетъ сбыть на сторону продуктовъ, потребныхъ промышленникамъ. И наоборотъ, какъ бы ни былъ хорошъ заработокъ, какъ бы ни были низки цѣны на продукты, промышленникъ не станетъ покупать ихъ на сторонѣ, если они имѣются въ томъ хозяйствѣ, къ которому онъ принадлежитъ. При этомъ легко можетъ случиться, что крестьянинъ, уступая своему семейному промышленнику продуктовъ на 1 руб., получитъ изъ его заработка только 50 к. и, наоборотъ, промышленникъ, отдавая изъ заработка 1 р., получитъ продуктовъ только на 50 к.

Съ такимъ именно явленіемъ мы и встрѣтимся, если станемъ разсматривать этотъ взаимный обмѣнъ по отдѣльнымъ хозяйственнымъ группамъ. Въ мелкихъ хозяйствахъ сельскохозяйственная часть населенія при данныхъ средствахъ производства производитъ продуктовъ больше количествомъ и лучше качествомъ, чѣмъ въ крупныхъ; но заработки промысловой части въ нихъ ниже. Благодаря этому сельскохозяйственная часть населенія въ мелкихъ хозяйствахъ за данное количество продуктовъ опредѣленнаго качества получаетъ меньшую сумму денежныхъ средствъ, нежели въ крупныхъ. И наоборотъ, крупныя хозяйства производятъ меньше продуктовъ и худшаго качества, чѣмъ мелкія, но за то промысловые заработки въ нихъ выше. При этомъ за данное количество продуктовъ, которые будутъ уступлены промысловой части, денежныхъ средствъ будетъ получено больше, чѣмъ въ мелкихъ хозяйствахъ.

Это взаимное положеніе сельскохозяйственной части населенія и промысловой не только связываетъ самыми тѣсными узами крестьянина и рабочаго, но и ставитъ ихъ обоихъ въ совершенно неожиданное положеніе. Размѣры дохода крестьянина, не смотря на то, что онъ является собственникомъ средствъ производства, зависятъ отъ размѣровъ заработной платы, которую получаетъ рабочій на капиталистическомъ рынкѣ. Съ другой стороны, реальная заработная плата рабочаго,—а вѣдь только она и имѣетъ жизненное для него значеніе — опредѣляется не тѣмъ количествомъ про-

дуктовъ, которое онъ можетъ купить на заработанныя деньги, но и тѣмъ, которые произведены будутъ помимо его участія въ томъ хозяйствѣ, къ которому онъ принадлежитъ. Такимъ образомъ, граница, отдѣляющая крестьянина отъ рабочаго, исчезаетъ. Исходной точкой для насъ послужило противоположеніе сельскохозяйственной части населенія промысловой; конечный пунктъ, къ которому мы пришли—невозможность такого противоположенія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что оплата рабочей силы, произведенной въ крестьянскомъ хозяйствѣ, должна достигать максимума въ томъ случаѣ, когда въ собственномъ производствѣ получается наибольшее количество продуктовъ, а промысловые заработки достигаютъ наибольшей величины, и падать до минимума въ случаѣ обратной комбинаціи наименьшаго дохода отъ собственнаго хозяйства съ самыми низкими заработками. Въ дѣйствительности ни той, ни другой комбинаціи не встрѣчается. Разсмотрѣнныя выше данныя по отдѣльнымъ хозяйственнымъ группамъ показали намъ, что въ мелкихъ хозяйствахъ наивысшій доходъ отъ собственнаго производства сопровождается наименьшимъ промысловымъ заработкомъ; въ крупныхъ, наоборотъ, наивысшій заработокъ сопутствуетъ наименьшему доходу отъ собственнаго производства. Очевидно, что жизнь стремится привести оплату рабочей силы къ одному уровню. И дѣйствительно, если мы соединимъ рабочіе дни, затраченные въ собственномъ хозяйствѣ и въ промыслахъ, и доходы, полученные тамъ и здѣсь, то найдемъ, что на одинъ рабочій день во всѣхъ группахъ хозяйствъ приходится почти тождественный заработокъ, а именно:

въ мелкихъ хозяйствахъ	.	40 к.
» среднихъ »	.	41 »
» крупныхъ »	.	40 »

Какъ ни различно распредѣленіе рабочихъ силъ между собственнымъ хозяйствомъ и промыслами, какъ ни различны размѣры хозяйства, какъ ни различно количество земли и капитала и ихъ взаимное соотношеніе, сложный рядъ экономическихъ условій приводитъ къ тому, что одинаковая затрата труда въ хозяйствахъ различнаго размѣра и оплачивается одинаково. Такимъ образомъ, бюджетъ крестьянскаго населенія всецѣло опирается на его рабочую силу, а не на землю, не на капиталъ и, стало быть, этотъ бюджетъ есть бюджетъ рабочаго, а не бюджетъ рентьера. Очевидно, что здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ видовъ того явленія, которое Николай—онъ назвалъ капитализаціей доходовъ земледѣльческаго производства. Только присваиваетъ себѣ доходъ въ данномъ случаѣ не одинъ торговый капиталъ, но и промышленный и вообще тотъ, который покупаетъ рабочую силу крестьянина по цѣнѣ, являю-

щейся лишь дополненіемъ, какъ это называется въ ариѳметикѣ, къ тому, что онъ получаетъ въ собственномъ хозяйствѣ *).

VII.

Цифры съ неумолимой логикой показали намъ, что по существу нѣтъ разницы между рабочимъ и современнымъ крестьяниномъ: ихъ интересы уже приведены жизнью къ одному знаменателю и этимъ знаменателемъ является ихъ рабочая сила. Собственное хозяйство крестьянина, его земля, его «капиталъ»—при данныхъ экономическихъ отношеніяхъ—это только маска, за которой скрытъ рабочій, человѣкъ труда, человѣкъ, получающій пропорціонально затратамъ своей силы. Крестьянинъ—есть подлинный рабочій, хотя и работаетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, не въ чужомъ, а въ своемъ хозяйственномъ предпріятіи.

Что таково именно положеніе крестьянина, это вовсе не новость въ нашей литературѣ. Капитализація доходовъ земледѣльческаго производства, въ какой бы формѣ она ни происходила, подъ какимъ бы именемъ ни была извѣстна, давно уже настійчиво подчеркивается нашей литературой и въ особенности той ея частью, представители которой съ недавняго времени окрещены идеологами мѣщанства. И едва ли кто станетъ отрицать такую капитализацію. Про нее забываютъ только тогда, когда хотятъ обособить рабочаго и противопоставить его крестьянину. Но разъ она возстановлена въ памяти, предметъ спора тотчасъ мѣняется. На сцену выдвигается другой вопросъ: какова роль въ хозяйственной жизни той маски, подъ которой скрывается нашъ рабочій? будетъ ли она сорвана въ ближайшемъ будущемъ? и лучше ли ему будетъ, если она будетъ сорвана?

Постараемся возможно ближе подойти къ рѣшенію этихъ вопросовъ, но постараемся вмѣстѣ съ тѣмъ возможно ближе держаться констатированныхъ фактовъ и возможно меньше опираться на апріорныя соображенія.

Возможна ли въ ближайшемъ будущемъ экспропріація крестьянства и именно экспропріація путемъ дифференціаціи, путемъ отдѣленія рабочаго отъ крестьянина, пролетарія отъ собственника? Отвѣтъ на этотъ вопросъ по отношенію къ козельскому крестьянству

*) Констатируемая нами капитализація доходовъ крестьянскаго земледѣльческаго производства совершается не только при посредствѣ цѣнъ на рабочую силу, но и при посредствѣ цѣнъ на продукты. Дѣло въ томъ, что крестьянское населеніе на заработанныя деньги покупаетъ значительное количество продуктовъ, причемъ цѣны на послѣдніе далеко не всегда соотвѣтствуютъ мѣстной стоимости ихъ производства. Чтобы не усложнять изложенія, эту сторону вопроса мы совсѣмъ опустили изъ разсмотрѣнія. Лицъ, интересующихся ею, мы отсылаемъ къ самому сборнику, хотя необходимо замѣтить, что по самому свойству вопроса изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства не могло дать всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ для его разсмотрѣнія.

пріобрѣтаетъ особый интересъ. Послѣднее, какъ мы видѣли, почти въ равной мѣрѣ заинтересовано какъ въ промыслахъ, такъ и въ своемъ хозяйствѣ. Уже до половины своихъ рабочихъ силъ оно отдаетъ работамъ по найму, уже до половины бюджетныхъ средствъ оно черпаетъ извнѣ. При такихъ условіяхъ передъ нимъ, казалось бы, особенно близко должна предстоять необходимость дифференціаціи. Кто же и что же заставитъ здѣсь отдѣлиться рабочаго отъ крестьянина?

Отнимемъ всѣ другія соображенія и встанемъ на точку зрѣнія классовыхъ интересовъ. Въ данномъ вопросѣ заинтересованы крестьянинъ, которому нуженъ заработокъ, и наниматель, которому нуженъ рабочій. Посмотримъ, въ какомъ отношеніи интересы того и другого находятся къ крестьянской дифференціаціи.

Встанемъ сначала на точку зрѣнія крестьянина. Если онъ за свою рабочую силу получаетъ пропорціонально ея затратамъ, то не все ли равно ему, гдѣ онъ ее прилагаетъ, въ своемъ ли хозяйствѣ или въ чужомъ? И если всѣ свои силы онъ можетъ использовать въ собственномъ хозяйствѣ и значительную часть ихъ долженъ затрачивать на промыслы, иногда очень дальніе, бросая для этого на долгое время своихъ семейныхъ, то не выгоднѣе ли ему вовсе бросить свое хозяйство и деревню, переселиться въ городъ и получать столько же, сколько онъ получаетъ теперь? И не слѣдуетъ ли ожидать, что другая часть крестьянскихъ хозяйствъ сосредоточитъ всѣ свои силы въ собственномъ хозяйствѣ, расширивъ размѣры послѣдняго, и такимъ образомъ диффиренцируется отъ промысловой части населенія и эмансипируется отъ вліянія промысловаго рынка на размѣры своихъ доходовъ?

На первый взглядъ, казалось бы, на эти вопросы должно отвѣтить утвердительно, но стоитъ всмотрѣться и вдуматься въ нарисованную нами на предыдущихъ страницахъ картину, чтобы, не сомнѣваясь, отвѣтить на нихъ отрицательно.

Остановимся прежде всего на отмѣченномъ нами обстоятельствѣ, которому мы до сихъ поръ не дали объясненія. Мы видѣли, что чистый доходъ отъ промысловъ выше стоимости потребленія соотвѣтствующей части населенія. Такимъ образомъ, за рабочую силу, расходуемую внѣ своего хозяйства, населеніе получаетъ больше, чѣмъ она стоитъ, чѣмъ во сколько обходится ея производство. Можетъ ли это быть и чѣмъ это объясняется?

На широкомъ промысловомъ рынкѣ работаетъ не только козельскій крестьянинъ и не его только потребностями опредѣляется высота заработной платы. Бокъ-о-бокъ съ нимъ работаетъ крестьянинъ другой губерніи и, главное, городской рабочій, не имѣвшій или порвавшій связи съ деревней. Данный размѣръ заработной платы представляетъ изъ себя равнодѣйствующую потребностей всѣхъ этихъ рабочихъ и нѣтъ ничего мудренаго, что козельскій крестьянинъ остается при этомъ, такъ сказать, въ барышѣ: зара-

ботная плата, которую онъ получаетъ, оказывается выше стоимости его рабочей силы, выше расходовъ на потребленіе соотвѣтствующей части населенія. Не трудно понять, что это можетъ быть, что это должно быть. Заработная плата представляетъ изъ себя нѣкоторую сумму денежныхъ средствъ, на которую можно купить среднюю сумму благъ, потребныхъ рабочему. Если мы даже оставимъ въ сторонѣ уровень потребностей, который можетъ быть не одинаковъ у различныхъ категорій указанныхъ нами рабочихъ, то и затѣмъ останется еще нѣкоторый моментъ въ оплатѣ рабочей силы, который достаточенъ, чтобы поставить въ совершенно различныя условія рабочаго изъ козельскихъ крестьянъ, съ одной стороны, и городского рабочаго,—съ другой. Этотъ моментъ—превращеніе денежной заработной платы въ реальную, превращеніе полученныхъ рабочимъ денегъ въ потребныя ему жизненныя блага. Между рабочимъ крестьяниномъ и городскимъ рабочимъ въ этомъ случаѣ громадная разница. Семья перваго, да и самъ онъ въ безработное время пользуется дешевыми деревенскими условіями существованія; второй со всею семьею долженъ пользоваться дорогою городскою жизнью. И нѣтъ ничего мудренаго, что для перваго заработная плата оказывается выше его потребностей, т. е. на данное количество денежныхъ средствъ онъ можетъ купить больше жизненныхъ благъ, чѣмъ сколько ему нужно, чѣмъ со сколькимъ онъ сроднился.

Что именно этимъ объясняется невѣроятное на первый взглядъ обстоятельство—превышеніе заработной платы надъ стоимостью рабочей силы,—это видно уже изъ того, что чистый доходъ отъ отхожихъ, т. е. дальнихъ промысловъ выше, чѣмъ отъ мѣстныхъ, т. е. ближнихъ. Въ своемъ уѣздѣ козельскій крестьянинъ—почти единственный рабочій, на дальнихъ же рынкахъ—онъ теряется въ массѣ другихъ рабочихъ, потребности которыхъ и могутъ держать заработную плату на той или иной высотѣ. А что та или иная степень дешевизны деревенской жизни оказываетъ вліяніе на прочность связей промысловаго населенія съ деревней, на это въ сборникѣ по Козельскому уѣзду имѣются и прямыя указанія.

Районы, въ которыхъ покупная цѣна за пудъ ржаной муки	Проц. отсутствующихъ хозяйствъ.
до 50— коп.	4,8
50—53 »	5,4
53—56 »	6,1
свыше 56 »	7,0

Чѣмъ дешевле въ той или иной мѣстности уѣзда главный продуктъ потребленія—ржаная мука, тѣмъ меньше процентъ отсутствующихъ, т. е порвавшихъ связи съ деревней, хозяйствъ.

Есть и еще одна причина, которая ставитъ рабочаго изъ крестьянъ въ болѣе выгодное положеніе сравнительно съ освобожденнымъ рабочимъ и заставляетъ перваго усиленно поддерживать свое земледѣльческое хозяйство. Выше мы видѣли, что въ промыслахъ участвуютъ, главнымъ образомъ, мужчины-работники и въ сравнительно незначительной части—женщины и подростки. Не безъизвѣстно, что и вообще нашъ промышленный рынокъ предъявляетъ сравнительно незначительный спросъ на женскій и дѣтскій трудъ. Городской рабочій въ массѣ своей долженъ поэтому на свою заработную плату содержать жену и дѣтей. У крестьянина рабочая сила жены и дѣтей-подростковъ не остается неиспользованной и эксплоатируется въ собственномъ производствѣ. Въ послѣднемъ рабочая сила женщины, о которой мы только и можемъ говорить по свойству самыхъ матеріаловъ, оплачивается даже лучше, чѣмъ на промысловомъ рынкѣ. Это обстоятельство и ставитъ въ болѣе выгодное положеніе рабочаго, семья котораго не лишилась крестьянской самостоятельности, сравнительно съ городскимъ рабочимъ.

Такимъ образомъ, крестьянинъ, бросившій свое хозяйство и перешедшій въ разрядъ городскихъ рабочихъ, лишается двухъ выгодныхъ сторонъ своего положенія: дешевизны деревенской жизни и заработка жены и дѣтей. И само собой понятно, что онъ во что бы то ни стало стремится сохранить свое хозяйство. Экономисту съ высоты теоретической мысли, конечно, хорошо видно, на сколько призрачны эти выгоды съ точки зрѣнія интересовъ всего рабочаго класса. Но для каждаго отдѣльнаго крестьянина эти выгоды вполнѣ реальны и онъ не поступится ими добровольно для того лишь, чтобы осуществить далекія перспективы, предусматриваемыя теоретическою мыслью.

Если мы обратимся къ отдѣльнымъ хозяйственнымъ группамъ, то увидимъ, что на пути къ отдѣленію рабочаго отъ крестьянина стоятъ еще болѣе непреодолимыя препятствія. Кто прежде всего долженъ бросить свое земледѣльческое хозяйство? Нечего и говорить, что та часть земледѣльческаго населенія, которая больше своихъ силъ отдаетъ промысламъ и собственное земледѣльческое производство у которой ничтожно. Кто скорѣе всего можетъ остаться при землѣ и отказаться отъ продажи своей рабочей силы? Конечно, многоземельная группа населенія, отдающая и теперь землѣ большую часть своего рабочаго времени. А между тѣмъ: для кого выгоднѣе всего собственное земельное хозяйство?—Для малоземельныхъ. Для кого выгоднѣе всего промыслы?—Для многоземельныхъ. Чтобы могло состояться отдѣленіе рабочаго отъ крестьянина, необходимо такимъ образомъ, чтобы каждая группа населенія отказалась отъ наиболѣе выгоднаго приложенія своихъ силъ. Нечего и говорить, что каждое отдѣльное хозяйство не склонно къ этому и заинтересовано въ поддержаніи status quo. Мы, конечно, не хотимъ этимъ сказать, что данное положеніе можетъ затянуться до без-

конечности. Къ этому вопросу мы вернемся ниже. Въ данномъ случаѣ для насъ важно констатировать, что отдѣленіе рабочаго отъ крестьянина не вызывается интересами ни одной группы крестьянства.

Чтобы покончить съ крестьянской точкой зрѣнія на данный вопросъ, мы должны остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ. Лица, противополагающія рабочему крестьянина, склонны представлять себѣ сельскохозяйственную и промысловую часть населенія, разъ онѣ объединены въ однихъ хозяйствахъ, въ хронической враждѣ между собою, завершиться которая можетъ только распаденіемъ самыхъ хозяйствъ, выдѣленіемъ изъ нихъ промысловой части. На основаніи немногихъ беллетристическихъ картинокъ этотъ процессъ они склонны представлять себѣ въ такой несложной формѣ: промышленникъ, которому надоѣло высылать изъ своего заработка постоянную дань въ деревню, возмущенный притомъ же «идіотизмомъ деревенской жизни», выписываетъ къ себѣ жену и дѣтей и сразу или понемногу порываетъ свою связь съ хозяйствомъ, переходя въ пролетаріи. Внѣ всякаго сомнѣнія, что такіе факты имѣютъ мѣсто въ жизни. Но... далеко они не такъ часты, чтобы ими могъ разрѣшиться мучительный вопросъ русской народно-хозяйственной жизни. Выписываетъ къ себѣ жену и дѣтей чаще всего не пролетарій-рабочій, а такой промышленникъ, который могъ выбиться изъ рядовъ, добиться исключительнаго положенія (подрядчикъ и т. д.) и заработокъ котораго дѣйствительно много выше дохода его семейныхъ. Выписываетъ жену притомъ такой промышленникъ, который не имѣетъ возможности почему либо устроить ее въ деревнѣ, врозь отъ прежней семьи. Указанныя нами выгоды связи съ деревней, не говоря уже о другихъ (напр. владѣніе надѣльною землей), настолько очевидны для каждаго промышленника, что зря порывать съ ней связи онъ не станетъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что сравнительные размѣры заработковъ работающихъ дома и на сторонѣ служатъ иногда предметомъ семейныхъ разногласій и причиной къ раздѣламъ. Но вѣдь тому же служитъ и масса другихъ вещей, вплоть до бабьихъ ссоръ о горшкахъ, надеждъ на которыя всетаки никто не возлагаетъ. Тѣ милліоны рублей *), которые изъ году въ годъ высылаютъ отхожіе промышленники одной Калужской губерніи своимъ семейнымъ, краснорѣчивѣе всего говорятъ о прочности ихъ связей съ крестьянствомъ, остающимся дома.

Посмотримъ теперь съ другой стороны. Встанемъ на точку зрѣнія капиталиста-предпринимателя, нуждающагося въ рабочихъ. Тре-

*) По приблизительному разсчету въ 1896 г. отхожіе промышленники Калужской губерніи доставили своимъ хозяйствамъ около 11 милліоновъ рублей.

буютъ ли его интересы отдѣленія нужнаго ему рабочаго отъ крестьянина? Едва ли.

У насъ довольно часто злоупотребляютъ положеніемъ, что низкая заработная плата является препятствіемъ къ техническимъ усовершенствованіямъ и потому невыгодна для капиталиста. Капиталистъ, для котораго невыгодна низкая заработная плата—капиталистъ отвлеченный и судитъ о своихъ выгодахъ и невыгодахъ не онъ самъ, а экономистъ-теоретикъ. Конкретный же капиталистъ этой невыгоды не знаетъ и, что бы ни говорили теоретики, онъ всегда будетъ стремиться къ тому, чтобы возможно дешевле купить рабочую силу для своего предпріятія. Объединеніе въ одной и той же хозяйственной ячейкѣ крестьянина и рабочаго открываютъ ему широкую для этого возможность.

И дешевизна деревенской жизни, понижающая среднюю стоимость производства рабочей силы, обращающейся на рынкѣ, и эксплоатація въ собственномъ хозяйствѣ крестьянина женской и дѣтской силы, удешевляющая стоимость мужской, потребляемой промышленнымъ рынкомъ,—все это на руку капиталисту-предпринимателю, все это отражается на высотѣ заработной платы въ сторону ея пониженія. Но этимъ не исчерпываются тѣ выгоды, которыя капиталистъ извлекаетъ изъ рабочаго-крестьянина.

Выше мы видѣли, что промысловая заработная плата, являясь однимъ изъ слагаемыхъ въ крестьянскомъ бюджетѣ, представляетъ изъ себя лишь дополненіе къ тому, что крестьянинъ-рабочій получаетъ изъ своего хозяйства. Тамъ же мы указали, что, благодаря этому обстоятельству, доходы отъ крестьянскаго производства оказываются капитализированными. Эти доходы получаетъ тотъ капиталистъ-предприниматель, который покупаетъ рабочую силу крестьянина по цѣнѣ, не соотвѣтствующей ея стоимости.

Благодаря тому, что въ дальнихъ промыслахъ заработная плата менѣе отражаетъ на себѣ вліяніе стоимости производства рабочей силы, въ какую послѣдняя обходится въ изслѣдованномъ уѣздѣ, это присвоеніе дохода отъ собственнаго производства крестьянина оказывается скрытымъ. Сравненіе доходовъ отъ дальнихъ промысловъ съ расходами на потребленіе соотвѣтствующей части населенія показываетъ даже превышеніе первой величины надъ второй. Мы сейчасъ только объяснили, отчего это происходитъ. Мы имѣемъ во всякомъ случаѣ право думать, что это превышеніе было бы еще больше, если бы не происходила указанная капитализація. Но если мы обратимся къ мѣстнымъ промысламъ, въ которыхъ заработная плата всецѣло опредѣляется мѣстными условіями, то увидимъ, что она не покрываетъ издержекъ на потребленіе соотвѣтствующей части населенія. Благодаря этому обстоятельству, въ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ промыслы оказываются убыточными, что нами констатировано было выше. Ближніе капиталисты-предприниматели такимъ образомъ несомнѣнно пользуются частью доходовъ

отъ крестьянскаго производства, такъ какъ покупаютъ рабочую силу ниже ея стоимости. Отдѣленіе рабочаго отъ крестьянина въ этомъ случаѣ для капиталиста прямо невыгодно: онъ лишится возможности загребать жаръ чужими руками, получать доходы отъ хозяйства, которое онъ не ведетъ, извлекать прибавочную стоимость при посредствѣ капитала, который ему не принадлежитъ.

Но, можетъ быть, крестьянская экспропріація нужна капиталисту, чтобы обезпечить себя достаточнымъ числомъ рабочихъ? И на этотъ вопросъ отвѣтимъ: едва ли. Дѣло въ томъ, что и въ настоящее время капитализмъ не можетъ использовать всѣхъ рабочихъ силъ, которыя остаются у населенія отъ своего хозяйства. Въ этомъ легко убѣдиться, если мы сравнимъ затраты рабочей силы на производительную дѣятельность въ разное время года, данныя по какому вопросу уже были приведены выше. Если мы допустимъ, что населеніе имѣетъ возможность затрачивать въ производствѣ такой же процентъ рабочаго времени, какой оно затрачиваетъ лѣтомъ, т. е. 61%, то, стало быть, весною, осенью и зимою, когда затраты много ниже, въ его распоряженіи остается значительное число неиспользованныхъ рабочихъ дней. Это число въ 1,313 подробно описанныхъ хозяйствахъ достигаетъ 207,000 дней и составляетъ около 65% по отношенію ко всей затратѣ рабочихъ силъ въ настоящее время на промыслы. Если мы даже допустимъ, что половина этого времени нужна для домашнихъ работъ, которыхъ въ зимнее время больше, чѣмъ лѣтомъ, то и за всѣмъ тѣмъ останется еще много рабочихъ силъ, которыхъ не можетъ использовать капиталистическое производство въ настоящее время. Если же принять во вниманіе еще приростъ населенія, который цѣликомъ не можетъ поглотить собственное крестьянское хозяйство, и техническій прогрессъ, который все больше и больше «освобождаетъ» рабочихъ, то едва ли и въ будущемъ капиталистическое производство предъявитъ спросъ на тѣхъ рабочихъ, которыя копошатся «около своихъ загончиковъ»,—загончиковъ, которые не дѣлаются шире, а все уже и уже.

Отдѣленіе рабочаго отъ крестьянина такимъ образомъ противорѣчитъ интересамъ обѣихъ сторонъ: и рабочаго, и капиталиста. Это, конечно, не значитъ, что крестьянская экспропріація не можетъ осуществиться. Напротивъ, мы сейчасъ увидимъ, что въ условіяхъ хозяйственной жизни населенія наблюдаются такія явленія, которыми медленно, но неуклонно подтачивается хозяйственная самостоятельность крестьянства. Крестьянская экспропріація надвигается на насъ, но она, нужно думать, осуществится не путемъ дифференціаціи, а нѣсколько иначе, и произойдетъ не прежде, какъ отдѣльныя хозяйственныя единицы исчерпаютъ всѣ возможныя для нихъ средства, чтобы избѣжать ея. Если она и осуществится, то стихійно, вопреки интересамъ и волѣ всѣхъ заинтересованныхъ въ ней. Путь экспропріаціи—это путь борьбы и страданій.

Что именно подтачиваетъ крестьянскую хозяйственную самостоятельность—этотъ вопросъ мы разсмотримъ въ связи съ другимъ, уже поставленнымъ нами выше: кто же пострадаетъ при разрушеніи крестьянскаго хозяйства?

VIII.

Матеріалы по Козельскому уѣзду, позволившіе намъ такъ глубоко заглянуть въ сущность тѣхъ экономическихъ отношеній, въ которыхъ находится современный крестьянинъ - рабочій, даютъ возможность въ извѣстныхъ предѣлахъ отвѣтить и на эти вопросы.

Мы видѣли, что во всѣхъ хозяйственныхъ группахъ одинаковая затрата труда и оплачивается одинаково: дневной заработокъ, если не различать сельскохозяйственныхъ доходовъ отъ промысловыхъ, во всѣхъ группахъ колеблется около 40 коп. Изъ этого еще, конечно, не слѣдуетъ, что всѣмъ группамъ населенія живется одинаково плохо или одинаково хорошо. Многосѣющимъ крестьянамъ всетаки живется много лучше, чѣмъ малосѣющимъ.

Въ началѣ статьи нами было указано, что затраты рабочей силы на производительную дѣятельность въ отдѣльныхъ хозяйственныхъ группамъ далеко не одинаковы, а именно въ мелкихъ хозяйствахъ изъ рабочаго времени тратится производительно меньшая часть, чѣмъ въ крупныхъ. Такимъ образомъ затрата силъ на производительную дѣятельность не пропорціональна расходамъ на потребленіе, расходамъ на производство рабочей силы. А между тѣмъ оплачиваются и оплачиваются одинаково только дни, затраченные производительно. Если мы обратимся къ цифрамъ, то найдемъ что на ѣдока-работника получено дохода:

въ мелкихъ хозяйствахъ		37 руб.
» среднихъ »		41 »
» крупныхъ »		43 »

Положеніе населенія въ мелкихъ хозяйствахъ ухудшается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, благодаря самому размѣру хозяйствъ, нѣкоторые предметы потребленія для нихъ обходятся дороже, чѣмъ крупнымъ. Таковы расходы на топливо, на освѣщеніе и т. д.

Благодаря этому, хотя трудъ, затрачиваемый производительно, оплачивается одинаково, по отношенію къ удовлетворенію своихъ потребностей населеніе различныхъ хозяйственныхъ группъ находится далеко не въ одинаковомъ положеніи. Вотъ наиболѣе характерныя цифры по этому вопросу.

Группы хозяйствъ.	Въ теченіе года израсходовано по разсчету на ѣдока-работника: зерновыхъ продуктовъ и картофеля въ переводѣ на рожь пудовъ.	въ томъ числѣ крупъ пудовъ.	мяса фунтовъ.	молока пудовъ.	Въ теченіе года: умершихъ на 1000 человѣкъ.	изъ 1000 рабочихъ дней потеряно по болѣзни.
I. Не сѣютъ	19,6	1,1	58	3,5	—	58
II. Засѣваютъ не бол. 3 д.	25,5	2,8	64	6,4	50	15
III. » 3—6 дес.	25,8	3,5	75	6,8	41	14
IV. » 6—9 »	26,9	4,2	73	6,9	44	13
V. » 9—12 »	26,7	4,3	84	7,6	40	12
VI. » свыше 12 »	28,0	5,0	90	8,1	26	7
Всѣ	26,4	3,8	75	7,0	41	13

Населеніе мелкихъ хозяйствъ находится въ значительно худшихъ условіяхъ, чѣмъ въ крупныхъ: оно поставлено въ необходимость значительно сжимать свое потребленіе, что сказывается крайне тяжелыми послѣдствіями на его здоровьѣ и живучести.

Сжимая свое потребленіе, населеніе мелкихъ хозяйствъ стремится поставить стоимость производства рабочей силы въ соотвѣтствіе съ той оплатой, какую она получаетъ въ ихъ собственномъ хозяйствѣ и на промысловомъ рынкѣ. Отчасти это имъ и удается. Не смотря на меньшее количество силы, которая расходуется ими производительно, благодаря худшему удовлетворенію своихъ потребностей, стоимость потребленія, падающая на одинъ рабочій день, затраченный производительно, въ мелкихъ хозяйствахъ почти та же, что и въ крупныхъ.

Въ хозяйствахъ:	По разсчету на рабочій день, затраченный производительно: стоимость потребленія въ коп.	дневной заработокъ въ коп.	разница.
мелкихъ	40,5	39,7	−0,7
среднихъ	40,5	41,1	+0,6
крупныхъ	39,5	40,4	+0,9

Но полнаго соотвѣтствія стоимости рабочаго дня съ его оплатой мелкимъ хозяйствамъ въ годъ изслѣдованія всетаки достигнуть не удалось: расходы на потребленіе въ нихъ превзошли полученные доходы, въ среднихъ и крупныхъ хозяйствахъ, напротивъ,

получились излишки. Какъ ни ничтожны эти недочеты и излишки, выражающіеся по разсчету на одинъ рабочій день въ десятыхъ доляхъ копѣйки, для крестьянскихъ хозяйствъ, при значительномъ числѣ рабочихъ дней, они представляютъ во всякомъ случаѣ очень замѣтную величину. Въ этихъ десятыхъ доляхъ копѣйки скрывается залогъ большей или меньшей устойчивости крестьянскихъ хозяйствъ. Хозяйство съ хроническимъ дефицитомъ, какъ бы ни былъ онъ малъ, должно исчезнуть; хозяйство съ излишкомъ имѣетъ надежду на преуспѣяніе.

Годъ изслѣдованія, какъ упоминалось уже выше, по урожаю былъ ниже средняго. Въ сборникѣ дается приблизительный разсчетъ, изъ котораго слѣдуетъ, что при среднемъ урожаѣ во всѣхъ хозяйствахъ, въ томъ числѣ и въ мелкихъ, доходы превышаютъ расходъ на потребленіе. Такимъ образомъ, если бы всѣ доходы могли быть затрачиваемы только на потребленіе, то хроническій дефицитъ отсутствовалъ бы и хозяйства всѣхъ группъ можно было бы считать достаточно устойчивыми. Но дѣло то въ томъ, что крестьянскому населенію изъ своихъ доходовъ необходимо еще уплатить лежащіе на немъ платежи. За уплатой ихъ въ годъ изслѣдованія всѣ группы хозяйствъ не могли своими доходами покрыть расходовъ на потребленіе и принуждены были прибѣгнуть къ займамъ. При среднемъ урожаѣ лишь крупныя хозяйства могутъ сводить свои бюджеты безъ дефицита и даже съ остаткомъ (очень небольшимъ); бюджеты же мелкихъ и среднихъ хозяйствъ, несущихъ относительно большія налоговыя тягости, характеризуются хроническимъ дефицитомъ.

Этотъ дефицитъ является самою страшною угрозою для устойчивости крестьянскаго хозяйства. Правда, незначительная часть крестьянскихъ хозяйствъ еще сводитъ свои бюджеты безъ дефицита, но быстрое дробленіе этихъ хозяйствъ, чему въ сборникѣ приводятся данныя, даетъ право думать, что и они въ массѣ довольно скоро потеряютъ устойчивость. Во всякомъ случаѣ, получаемые ими въ настоящее время излишки настолько ничтожны, что недостатоточны для реорганизаціи производства, для такого расширенія его, при которомъ возможно было бы отказаться отъ промысловыхъ занятій, отъ продажи рабочей силы на сторону и тѣмъ болѣе для веденія своего производства на капиталистическихъ началахъ.

Такимъ образомъ, въ условіяхъ современной дѣйствительности, въ которыхъ живетъ козельскій крестьянинъ, имѣются нѣкоторыя данныя для экспропріаціи. Она не вызывается, какъ мы видѣли, ни его интересами, ни интересами капиталиста-предпринимателя, но сложившіяся отношенія неизбѣжно приводятъ къ тому, что крестьянинъ, принужденный выносить на своихъ плечахъ налоговую тягость и выплачивать платежи изъ заработной платы, оказывается предъ дилеммой: или еще понизить уровень своихъ потребностей,

еще сократить свое потребленіе или понемногу проѣдать имѣющіяся у него средства производства. Въ какомъ направленіи пойдетъ жизнь, какую часть этой дилеммы изберетъ крестьянинъ, сказать, конечно, трудно. Имѣющіяся данныя позволяютъ, однако, думать, что онъ будетъ пользоваться и уже пользуется тѣмъ и другимъ исходомъ. Среди мелкихъ хозяйствъ уже въ настоящее время насчитывается наибольшій процентъ безлошадныхъ и безъинвентарныхъ хозяйствъ, т. е. лишившихся части своихъ средствъ производства. Съ другой стороны, мы указали уже, насколько хуже потребленіе въ этихъ хозяйствахъ сравнительно съ крупными. Такимъ образомъ есть основанія думать, что крестьянской экспропріаціи сопутствуетъ и будетъ сопутствовать пониженіе народнаго благосостоянія, пониженіе уровня народныхъ потребностей и, какъ необходимый результатъ, повышеніе смертности. Вмѣстѣ съ тѣмъ экспропріація обѣщаетъ быть совершенно не тѣмъ, что отъ нея ожидаютъ: она захватитъ не одну только часть крестьянскаго населенія, не путемъ диференціаціи, не путемъ отдѣленія рабочаго отъ крестьянина осуществится она; она грозитъ гораздо худшимъ, а именно массовымъ разореніемъ. Но при этомъ крестьянское населеніе, въ силу указанныхъ условій, вовсе не будетъ спѣшить развязаться со своимъ хозяйствомъ: оно будетъ держаться за него до послѣдней крайности; стараясь сохранить его, оно пожертвуетъ очень многимъ и, все болѣе и болѣе понижая уровень своихъ потребностей, съ одной стороны, и проѣдая свое имущество съ другой, можетъ надолго затянуть болѣзненный процессъ.

Разоряясь, мужикъ пострадаетъ не только какъ крестьянинъ, онъ пострадаетъ и какъ рабочій; онъ пострадаетъ не только самъ— вмѣстѣ съ нимъ пострадаютъ и безхозяйные рабочіе, въ ряды которыхъ толкаетъ его жизнь. На это указываютъ сгруппированные въ томъ же сборникѣ данныя.

Мы видѣли, что промысловый заработокъ въ мелкихъ хозяйствахъ, которыя ближе къ разоренію, ниже, чѣмъ въ крупныхъ. Объясняется это, какъ мы уже указали, главнымъ образомъ тѣмъ, что мелкія хозяйства участвуютъ по преимуществу въ ближнихъ, менѣе доходныхъ промыслахъ, а крупныя — въ дальнихъ, болѣе прибыльныхъ. Заработная плата на мѣстномъ промысловомъ рынкѣ ниже, чѣмъ на дальнемъ. Почему же это? Очевидно, что рабочіе изъ мелкихъ хозяйствъ, работающіе на первомъ, не безвинны въ этомъ пониженіи заработной платы. Что именно они понижаютъ ее, это видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Чистый дневной заработокъ въ мѣстныхъ промыслахъ въ годъ изслѣдованія равняется:

въ мелкихъ хозяйствахъ	 24	коп.
» среднихъ »	 26	»
» крупныхъ »	 30	»

Мелкія хозяйства понижаютъ заработную плату не тѣмъ только,

что, при болѣе низкомъ уровнѣ своихъ потребностей и при большей для нихъ необходимости найти заработокъ, соглашаются работать за болѣе низкую цѣну, но и тѣмъ, что выгоняютъ на рабочій рынокъ, какъ мы видѣли, своихъ женъ и дѣтей. По мѣрѣ того, какъ все большая и большая часть крестьянскихъ хозяйствъ будетъ мельчать и приближаться къ разоренію, заработная плата должна падать и падать. Въ настоящее время это вліяніе мелкихъ хозяйствъ съ особою очевидностью обнаруживается на ближнемъ рынкѣ, но само собой понятно, что чѣмъ больше будетъ такихъ хозяйствъ, тѣмъ шире будетъ районъ ихъ вліянія. Крестьянское разореніе должно такимъ образомъ оказать самое угнетающее вліяніе на высоту заработной платы и положеніе рабочаго класса. Не доѣдая самъ, разоряющійся мужикъ заставитъ недоѣдать и пролетарія. Если бы даже послѣдній былъ и съорганизованъ, онъ не выдержитъ борьбы съ надвигающейся деревенской нуждой. Что это именно такъ и что заработная плата на промысловомъ рынкѣ стремится къ пониженію, это видно изъ ежегодныхъ отзывовъ корреспондентовъ статистическаго отдѣленія по той же Калужской губерніи: отмѣчая возрастаніе отхода—они констатируютъ пониженіе заработка. Конечно, на это можно сказать, что «тамъ, за далью непогоды есть блаженная страна». Хорошо тому, кто вѣруетъ, но горе тому, кто не страшится за народъ, которому предстоитъ пережить эту непогоду, и не думаетъ о томъ, какъ далека можетъ оказаться эта желанная страна.

Мы видѣли, что значительная часть рабочей силы крестьянскаго населенія остается неиспользованной уже въ настоящее время. Кто же намъ поручится, что все разоряющееся населеніе найдетъ себѣ работу и вмѣстѣ съ тѣмъ выучку въ капиталистическомъ производствѣ? И не рискуемъ ли мы очутиться лицомъ къ лицу съ разоренной и безработной, но съ неуспѣвшей организоваться массой? и не рискуетъ ли наша страна заболѣть той хронической болѣзнью, острые приступы которой мы и теперь уже переживаемъ въ годы «недородовъ»?

А. Пѣшехоновъ.

ВЪ ЛѢСНОЙ ГЛУШИ.

I.

Досвитокъ.

Середина апрѣля. Вечеръ. Я иду по узкой, твердой, корчеватой лѣсной дорожкѣ, которая двумя песчаными колеями вьется среди хвойнаго молодняка, выросшаго вокругъ сѣрыхъ, дряблыхъ пней. Рядомъ со мною идетъ Кирило, сотскій изъ Зульни, впереди—полѣсовщикъ Талимонъ. Оба они шагаютъ рѣдко, но размашисто; подъ ихъ ногами, обутыми въ лыковыя постолы, не треснетъ ни одна сухая вѣточка. Время отъ времени Талимонъ сходитъ съ тропинки, нагибается и шаритъ руками въ буреломѣ. Онъ розыскиваетъ лучину, которую еще утромъ нащипалъ для костра, и никакъ не можетъ найти ее. Вѣроятно, онъ забылъ мѣсто, но сознаться ему въ этомъ, какъ старому охотнику, особенно передъ своимъ всегдашнимъ соперникомъ—сотскимъ, не хочется, и я слышу, какъ онъ, не выпуская изо рта короткой трубки, ворчитъ что то про «злодіевъ» и «бисовыхъ сыновъ».

Сегодня мы разложимъ въ лѣсу костеръ и около него вздремнемъ часа три, четыре, до той поры, когда начнетъ чуть-чуть брезжить разсвѣтъ. Вмѣстѣ съ «досвиткомъ» мы уже должны быть въ «будкахъ», чтобы не прозѣвать перваго тетеревинаго тока.

Сотскій Кирило и Талимонъ *)—мои всегдашніе спутники по охотѣ. Кирило—высокій, костлявый и весь какой-то развинченный мужикъ. У него худое желтое лицо, впалыя щеки, плохо выбритый острый подбородокъ и огромный лобъ, по обѣ стороны котораго падаютъ прямые, длинные волосы: въ общемъ голова напоминаетъ голову опереточнаго математика или астронома. На немъ надѣтъ поверхъ кожуха войлочный

*) Его настоящее имя Пантелеймонъ, но Полѣсье весьма своебразно коверкаетъ всѣ христіанскія имена: измѣняя въ нихъ о на у, отбрасывая начальные слоги и т. п. Такъ, Софронъ у полѣшуковъ—Софрунъ, Матвѣй—Мацько, Ермолай—Ярмоло и т. д.

«латунъ», уже старенькій, но чистый и франтоватый, съ одной коричневой стороной, а другой сѣрой и со швами, отороченными краснымъ шнуркомъ. Баранью шапку, отправляясь на охоту, онъ надѣваетъ на бекрень такъ, что она закрываетъ ему правый глазъ, и тогда вся деревня знаетъ, что «сотникъ иде на пановку».

Кирило служилъ «въ москаляхъ», былъ подъ Плевной и получилъ георгіевскій крестъ,—за что получилъ?—добиться отъ него толкомъ никакъ невозможно. Изъ его же собственнаго разсказа выходитъ только, что «якъ турци насъ забралы въ плинъ, то разомъ узялы съ нами и маіора Птицына, а потомъ, якъ мы вси стали утекать, то маіора Птицына турци забили геть до смерти»... Въ настоящее время онъ уже десятый годъ подрядъ служитъ по выборамъ сотскимъ, получаетъ за это восемь рублей въ годъ, исполняетъ свои обязанности съ неугасаемымъ «административнымъ восторгомъ» и въ душѣ чрезмѣрно преувеличиваетъ размѣры облекающей его власти. Арестанты изъ его села отправляются до слѣдующаго этапа не иначе, какъ со связанными назадъ руками, между которыми продѣта длинная веревка; за каждый изъ концовъ этой веревки держатся конвоирующіе двое мужиковъ, что придаетъ всей процессіи внушительный и комическій видъ. Сотскій ведетъ очередь, кому изъ хозяевъ идти на какія общественныя работы, и хотя увѣряетъ, что у него на это есть какая-то «ханструкція», но, кажется, руководствуется при распредѣленіи наряда болѣе симпатіями, заключенными за чаркой, нежели указаніями таинственной инструкціи. Онъ до нѣкоторой степени предводительствуетъ общественнымъ мнѣніемъ, и по праздникамъ въ толпѣ, собравшейся на лужайкѣ около «монопольнаго» забора (эта лужайка—своеобразный сельскій клубъ), особенно громко раздается его голосъ. До моего окна доносятся неизмѣнно однѣ и тѣ же задорныя фразы: «я ему докажу»... «законъ не позволяетъ»... «якъ мене поставили началствомъ»... Пьянъ онъ бываетъ рѣдко, но, выпивши, безобразничаетъ. Тогда онъ ходитъ непремѣнно по самой серединѣ улицы и требуетъ, чтобы передъ нимъ снимали шапки.—«Що-жъ ты? Не бачишь, що началство иде?»—кричитъ онъ, подпираясь руками въ бока. Въ эти пьяныя минуты случается, что ему приходитъ въ голову какая нибудь сумасбродно-административная затѣя, напримѣръ, отдать приказъ, чтобы завтра же все село выѣзжало строить новый мостъ черезъ Горынь, и съ непремѣннымъ условіемъ окончить постройку къ вечеру. Крестьяне ему не противорѣчатъ, отлично зная, что на другой день сотскій даже и не вспомнитъ о своемъ вдохновенномъ предпріятіи.

Кирило ужасно любитъ разговаривать со всякимъ начальствомъ. При этомъ разговорѣ онъ отъ излишняго усердія вих-

ляется всѣмъ туловищемъ, подергиваетъ бедрами и отчаянно жестикулируетъ большимъ пальцемъ правой руки, оттопыреннымъ въ сторону отъ остальныхъ пальцевъ, сжатыхъ въ кулакъ. Многословная его рѣчь такъ и пестритъ кудреватыми выраженіями, въ родѣ: «какая разница»!.. «окончательно совсѣмъ»... «безъ никакого вниманія». Титулы, которыми онъ величаетъ исправника и становаго, всегда разнообразны и нелѣпо гиперболичны. Если же въ присутствіи властей сотскому приходится вести разговоръ съ лицомъ, ему самому подчиненнымъ, то, хотя голова сотскаго и обращена къ этому подчиненному, но глаза устремлены все время на власть съ заигрывающимъ выраженіемъ, а въ тонѣ его репликъ слышится ироническая пренебрежительность, дескать, «видите, ваше благородіе, какая мужицкая необразованность, и какъ мы съ вами все это хорошо понимаемъ»...

Въ комнатахъ съ нимъ разговаривать никакъ невозможно, потому что онъ кричитъ, какъ на пожарѣ (голосъ у него—фальцетъ, осипшій и надсаженный), тотчасъ же перебиваетъ всякаго, кто при немъ заговоритъ, самъ тараторитъ безъ умолку и ничего не слышитъ, кромѣ своихъ собственныхъ витіеватыхъ фразъ. Дома у себя и съ крестьянами онъ гораздо проще, естественнѣе, но съ начальствомъ и съ господами почему-то считаетъ необходимымъ быть какъ можно безтолковѣе и при первомъ же удобномъ случаѣ охотно впадаетъ въ роль шута. Начальство, кажется, любитъ его, но при каждомъ проѣздѣ не преминетъ собственноручно прибить, о чемъ Кирило потомъ разсказываетъ со всѣми признаками хвастливаго удовольствія: «отъ якъ мини врядникъ въ пыку*) запалилъ!—бѣда»... Получивъ служебную бумагу, онъ, прежде чѣмъ ее распечатать, со значительнымъ видомъ надѣваетъ на носъ огромныя, круглыя, прадѣдовскія очки въ роговой оправѣ и затѣмъ уже, наморщивъ лобъ и сжавъ губы, разсматриваетъ документъ, держа его нерѣдко вверхъ ногами. Конечно, эта мистификація никого не обманываетъ, потому что всякому извѣстно, что ни въ Зульнѣ, ни въ Крешевѣ, ни въ Яблонномъ съ его окрестностями ни одинъ человѣкъ не умѣетъ читать, кромѣ бывшаго шинкаря Лейбы Файбиша, къ которому потомъ сотскій и отнесетъ бумагу для прочтенія.

Кирило недурной стрѣлокъ, но охотникъ — несчастливый, а, главное дѣло, хвастунъ. Отправляясь на охоту и заломивъ шапку на бокъ, онъ кричитъ на весь лѣсъ и божится, что сегодня ужъ навѣрняка принесетъ домой полную сумку (а сумка у него чудовищныхъ размѣровъ). При промахѣ онъ сначала

*) Пыка—лицо, въ томъ же смыслѣ, какъ на сѣверѣ говорятъ „рожа", или „морда".

съ изумленіемъ смотритъ на ружье, пожимаетъ плечами и въ недоумѣніи спрашиваетъ: «що це таке съ моей стрѣльбой зробилось?», потомъ идетъ на то мѣсто, гдѣ сидѣла дичь, и тщательно розыскиваетъ перья или слѣды крови. Если же ему случится убить что-нибудь, то онъ несетъ дичь на ксендзовскій дворъ, или къ органисту и продаетъ тамъ. Каждый разъ послѣ охоты онъ доводитъ меня до калитки и, снявъ шапку и склонивъ просительно на бокъ свою водевильную голову, говоритъ заискивающимъ, тихимъ голосомъ:

— Паничу, а якъ бы вы сотнику пожаловали на крючекъ водки?..

Талимонъ—человѣкъ другого склада. Онъ совсѣмъ плохой хозяинъ, и его хату можно безошибочно найти, потому что она самая худшая во всемъ селѣ: дрань на крышѣ дырявая, еле держится, стекла въ окнахъ почти всѣ повыбиты и замѣнены тряпками, стѣны разъѣхались и покосились. Кожухъ у Талимона испещренъ заплатами и разодранъ подъ мышками, изъ шапки кое гдѣ повылѣзли клочья ваты, но вся одежда сидитъ на немъ хорошо, почти изящно. Онъ невысокъ ростомъ, поджаръ и очень ловокъ въ движеніяхъ. Все его лицо отъ самыхъ глазъ заросло волосами; черные усы сливаются съ черной бородой, короткой, но чрезвычайно густой и жесткой. Подъ широкими черными бровями глубоко сидятъ большіе, круглые, черные глаза, которые смотрятъ сурово, недовѣрчиво и немного испуганно (я это странное выраженіе не разъ подмѣчалъ у людей, проводящихъ большую часть жизни въ лѣсу). Голосъ у Талимона глуховатый, носового тембра, не лишенный пріятности, но говоритъ онъ рѣдко и мало,—тоже, какъ всѣ лѣсные люди. Смѣется онъ еще рѣже, но за то улыбка совершенно измѣняетъ его лицо: оно вдругъ становится такимъ ласковымъ и добродушнымъ, что на него просто залюбуешься.

Талимонъ скроменъ, застѣнчивъ и уступчивъ. Онъ ни про кого не отзывается дурно, развѣ только, если при немъ похвалятъ плохого охотника, онъ слабо и презрительно махнетъ рукой. Про свои охотничьи успѣхи онъ никогда не говоритъ безъ особеннаго повода, но разсказъ его, при всей суровой сжатости, всегда занимателенъ и колоритенъ. Когда сотскій съ крикомъ и нелѣпой жестикуляціей начинаетъ руководить порядкомъ охоты, Талимонъ не возражаетъ ему, а дѣлаетъ по своему, что выходитъ гораздо лучше и чему сотскій безпрекословно подчиняется, приписывая, однако, успѣхъ охоты своимъ распоряженіямъ.

У Талимона есть одна дорогая и трогательная общественная черта: онъ охотно беретъ на себя самыя непріятныя, хлопотливыя обязанности и безропотно становится на охотѣ на

худшія мѣста. Онъ первый лѣзетъ по поясъ въ болото, первый переправляется по жидкому весеннему льду, строитъ шалаши, разводитъ костры, чиститъ ружья... Здоровье у него плохое Часто, идя вмѣстѣ на охоту, я слышу его кашель, такой странный—отрывистый и сухой, что я долго не могъ къ нему привыкнуть: все мнѣ казалось, что Талимонъ чему-то внезапно разсмѣялся, и я съ любопытствомъ оборачивался въ его сторону. Я думаю, что у него наслѣдственная чахотка, и что онъ не проживетъ долго, особенно при его молчаливой, упорной страсти къ спиртному. Если же кашель начинаетъ его мучить черезчуръ сильно, тогда Талимонъ приходитъ ко мнѣ за лѣкарствомъ. Лѣкарство это, изобрѣтенное едва ли не самимъ Талимономъ, состоитъ изъ большой рюмки водки, куда я капаю четыре или пять капель французскаго скипидару.—«А, ну-ка, панычъ, дайте мини трошки «тэрпэтыны»... щось у меня въ грудяхъ заложило»,—говоритъ онъ въ этихъ случаяхъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительнаго колебанія на порогѣ моей комнаты. Я боюсь ошибиться, но мнѣ кажется, что, если бы я предложилъ Талимону принимать скипидаръ на водѣ, я бы рисковалъ потерять навсегда единственнаго своего паціента.

Въ хозяйственномъ быту Талимонъ лѣнтяй, какихъ свѣтъ не создавалъ. Вмѣсто самаго необходимаго домашняго дѣла, онъ предпочитаетъ цѣлыя сутки бродить по лѣсу съ ружьемъ за плечами. Когда его тринадцатилѣтняя дочь Варка вмѣстѣ со своимъ братишкой Архипомъ вспахиваютъ кое-какъ, неумѣлыми слабыми руками, жалкій клочекъ поля, Талимонъ только смотритъ на нихъ съ заваленки, равнодушно покуривая трубку, околоченную мѣдью.

Оба они—и сотскій, и Талимонъ — стрѣляютъ изъ такихъ ружей, какихъ я болѣе нигдѣ не встрѣчалъ: фунтовъ по пятнадцати вѣсомъ, около вершка калибромъ, съ самодѣльными ложами и чудовищной отдачей, способной свалить на землю телеграфный столбъ. Эти рѣдкіе предметы достались имъ по наслѣдству, и оба охотника не согласятся промѣнять ихъ ни на какую централку.—«Теперь такой «стрѣльбы» не могутъ сдѣлать,—говоритъ иногда Талимонъ, любовно поглядывая на свой аркебузъ.—Это «стрѣльба» настоящая, бо она ще за Катерыну велыкую зроблена. О!..» И надо видѣть, съ какимъ многозначительнымъ видомъ подымается кверху черный палецъ Талимоновъ при этомъ: о!..

У нихъ обоихъ есть собаки—отдаленные ублюдки гончихъ, у Кирилы — Соколъ, а у Талимона—Свирьга. Собаки, надо отдать имъ справедливость, прескверныя, но меня они интересуютъ въ томъ отношеніи, что на нихъ до смѣшного отразился характеръ ихъ господъ. Рыжій Кириловъ Соколъ, едва

почуя заячій слѣдъ, бросается бѣжать по прямой линіи и громкимъ лаемъ даетъ знать о себѣ звѣрю за цѣлую версту. На убитаго зайца онъ тотчасъ же кидается и начинаетъ его съ ожесточеніемъ поѣдать, и отогнать его удается, только употребивъ въ ходъ ружейный прикладъ. Подходя на зовъ къ человѣку, Соколъ волнообразно изгибается туловищемъ, крутитъ головой, подобострастно взвизгиваетъ, лихорадочно машетъ хвостомъ и, наконецъ, дойдя до вашихъ ногъ, переворачивается на спину. Куски, которые ему даютъ, онъ вырываетъ изъ рукъ и уноситъ ихъ куда-нибудь подальше. Взглядъ у него напряженный, заискивающій и гадкій.

Свирьга маленькая, черная, гладкая сучка, съ остренькой мордочкой и желтыми подпалинами на бровяхъ. Звѣря она гонитъ молча, «нышкомъ», какъ говоритъ Талимонъ. Нравъ у нея нелюдимый, нервный и довольно дикій; ласкъ она, повидимому, терпѣть не можетъ. Она страшно худа. Талимонъ ее никогда не кормитъ, потому что, по его мнѣнію, «песъ и жинка мусять сами себя годувать» (т. е. должны сами себя пропитывать). Собака относится къ хозяину съ полнымъ равнодушіемъ, но я знаю, что, не смотря на эту кажущуюся холодность, Свирьга и Талимонъ сильно привязаны другъ къ другу. По крайней мѣрѣ, когда однажды прошлой зимой Свирьга сбѣжала со двора и пропадала гдѣ-то три дня, Талимонъ, всегда спокойный и тихій въ своемъ домѣ, надѣлалъ на этотъ разъ цѣлую бурю и за время отсутствія Свирьги даже исхудалъ...

Теплый, безвѣтряный день угасъ. Только далеко на горизонтѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ зашло солнце, небо еще рдѣло багровыми полосами, точно оно было вымазано широкими ударами гигантской кисти, омоченной въ кровь. На этомъ фантастическомъ фонѣ зубчатая стѣна казеннаго хвойнаго лѣса отчетливо рисовалась грубымъ, темнымъ силуэтомъ, а торчавшія надъ ней кое-гдѣ прозрачныя, круглыя верхушки голыхъ березъ, казалось, были нарисованы на небѣ легкими штрихами нѣжной туши. Чуть-чуть выше розовый отблескъ гаснущаго заката незамѣтно для глазъ переходилъ въ слабый оттѣнокъ выцвѣтшей бирюзы... Воздухъ уже потемнѣлъ, и въ немъ выдѣлялся стволъ каждаго дерева, каждая вѣточка съ той мягкой и пріятной ясностью, которую можно наблюдать только раннею весной, по вечерамъ. Слышалось иногда, какъ густымъ басомъ гудитъ, пролетая гдѣ-то очень близко, невидимый жукъ, и какъ онъ, сухо щелкнувшись о какое-то препятствіе, сразу замолкаетъ. Кое-гдѣ сквозь чащу деревьевъ мелькали серебряныя нити лѣсныхъ ручейковъ и болотецъ. Лягушки заливались въ нихъ своимъ торопливымъ, оглушительнымъ крикомъ; жабы вторили имъ болѣе рѣдкимъ, мелодическимъ и грустнымъ уханьемъ. Изрѣдка надъ головой пролетала съ пугливымъ кря-

каньемъ утка, да слышно было, какъ съ громкимъ и короткимъ блеяньемъ перелетаетъ съ мѣста на мѣсто бекасъ. Высыпали первыя звѣзды, и никогда ихъ мерцающее сіянье не казалось мнѣ такимъ золотымъ, такимъ чистымъ, кроткимъ и радостнымъ...

— Стойте, панычъ... заждить трошки,—сказалъ вдругъ Талимонъ, присѣвъ на корточки сбоку дороги.—Сдается здѣсь и заночуемъ...

Дѣйствительно, изъ-подъ густой сосновой вѣтки онъ вытащилъ охапку лучины, загодя наколотой имъ изъ стараго пня. Я далъ ему спичку, и сухое сосновое дерево тотчасъ же вспыхнуло яркимъ, безпокойнымъ пламенемъ, распространяя сильный запахъ смолы. Затѣмъ онъ навалилъ сверхъ лучины сухой прошлогодней желтой хвои, которая сразу задымилась и затрещала.

Сотскій не утерпѣлъ, чтобы не вмѣшаться.

— Атъ!—крякнулъ онъ съ досадой.—Ничего не умѣешь сдѣлать. Пусти меня.

Талимонъ сейчасъ же уступилъ ему свое мѣсто и только съ застѣнчивымъ видомъ вытеръ носъ рукавомъ латуна.

Но у сотскаго дѣло не спорилось, и начавшій, было, разгораться костеръ чуть-чуть совсѣмъ не потухъ.

— Что же ты не помогаешь... стоишь, якъ пень!—крикнулъ онъ съ сердцемъ на Талимона.

Съ помощью Талимона, притащившаго кучу хвороста, костеръ разгорѣлся веселымъ шумнымъ огнемъ. Я въ это время доставалъ изъ сумки провизію, къ большому удовольствію сотскаго, провожавшаго глазами каждый предметъ, появлявшійся изъ нея. (Талимонъ изъ деликатности дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ моихъ движеній). Я предложилъ имъ водки. Сотскій торопливо принялъ изъ моихъ рукъ серебряный стаканчикъ, гаркнулъ своимъ сиплымъ фальцетомъ: «за ваше здоровье, ваше выск—родіе», опрокинулъ залпомъ водку въ ротъ, а воображаемые остатки лихо выплеснулъ черезъ себя. Талимонъ—хотя я видѣлъ, что ему хочется выпить не меньше сотскаго,—сначала немного поцеремонился.

— Пейте, пейте, панычъ,—уговаривалъ онъ меня такимъ ласковымъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что ему ничего, онъ какъ-нибудь потерпитъ, обойдется, но что мнѣ не выпить никакъ нельзя. Я настаивалъ. Сдавшись, наконецъ, и взявъ стаканчикъ, онъ снялъ шапку и нѣсколько секундъ нерѣшительно глядѣлъ на водку; потомъ слегка кивнулъ мнѣ головой и промолвилъ: «Ну! будьте здоровы, панычъ», и съ видимымъ наслажденіемъ выпилъ. Послѣ этого оба мои спутника отрѣзали по доброму куску свиного сала, надѣли его на шом-

пола и сунули въ огонь. Поджариваемое сало заворчало и, растапливаясь, капало въ огонь синими, горящими каплями.

Раскаленные угольки съ трескомъ выпрыгивали изъ костра и, описавъ въ воздухѣ искристую дугу, падали за нами. Становилось жарко. Мы разлеглись поудобнѣе, ногами къ огню, головой наружу, и долго всѣ трое возились, уминая подъ собой мѣсто и выгребая сухія вѣточки и сосновыя шишки, мѣшавшія лежать. Потомъ всѣ притихли и, молча, глядѣли на пламя, охваченные тѣмъ страннымъ, гипнотическимъ очарованіемъ, которое ночью такъ властно и такъ пріятно притягиваетъ глаза къ яркому огню.

Надъ костромъ вдругъ низко и прямо пролетѣла большая сѣрая птица, медленно махая крыльями и жалобно пища. Мы проводили ее глазами, пока она не утонула во мракѣ.

— Это канюка,—сказалъ Талимонъ, поправляя ногой полѣно, выбросившее отъ толчка густой снопъ искръ.

— Что такое?—переспросилъ я.

— Канюка, ваше благородіе... такая птаха,—закричалъ сотскій, и весь заерзалъ на своемъ мѣстѣ.—Звѣстно, такъ мы ее называемъ—канюка... То есть, ей, значитъ, такое названіе—канюка.

— А панычь знаетъ, чего она такъ кричитъ?—спросилъ съ легкой усмѣшкой Талимонъ.

— Нѣтъ, не знаю... Почему же?

— Не могу сказать: чи правда тому, чи нѣтъ, а только старые люди кажутъ, что ее Господь проклялъ...

— Атъ!—пренебрежительно мотнулъ головой сотскій,—очень нужно панычу твои байки слушать... Какая разница...

— Нѣтъ, отчего же,—возразилъ я.—Разскажи, пожалуйста, Талимонъ. Это очень интересно.

— Что-жъ... вѣдь не я ее выдумалъ... старые люди говорятъ,—обратился Талимонъ къ сотскому, точно оправдываясь передъ нимъ.—Бачите, панычъ, якъ это дѣло вышло,—продолжалъ онъ болѣе спокойно.—Случилось одинъ разъ... давно это было... можетъ, сколько сотъ лѣтъ тому назадъ... случилось какъ-то, что зробилась на землѣ великая суша *). Дождь не падалъ цѣлое лѣто, и всѣ рѣчки и болота повысыхали... Птицы первыя зажурились... звѣсно: птаха пьетъ хоть и по-малу, але вельми часто, и безъ воды ей кепьско... Вотъ и стали птицы просить у Господа Бога: «дай Ты намъ, Господи Боже, хоть трошки водицы, а то мы безъ нея всѣ, сколько насъ есть, скоро поумираемъ». Сжалился надъ птицами Богъ и говоритъ имъ: «хорошо, дамъ я вамъ воды, птицы небесныя. Соберитесь всѣ вы, сколько васъ есть, въ одно мѣсто и ройте

*) Засуха.

землю и какъ докопаетесь до воды, тогда и напьетесь... на всю вашу братію, пока что, хватитъ»... Какъ услышали эти слова птицы, зáразъ слетѣлись въ одно мѣсто... въ лѣсъ скажемъ, чи въ долинку... и давай копать лапками землю. Всѣ птицы собрались: и бузько, и кныга, и шулякъ, и крулъ, и ворона... роютъ, роютъ, одно передъ другимъ старается.... Только одна канюка ничего не хочетъ дѣлать. Сидитъ и смотритъ, какъ другія работаютъ, да перышки свои перебираетъ. Увидѣлъ это Господь Богъ и спрашиваетъ: «отчего же ты, сѣрая птаха, не хочешь слушать моего приказа? Развѣ ты не чула, какъ я всѣмъ птицамъ велѣлъ копать криницу?». А канюка отвѣчаетъ Господу Богу: «какъ же, Господи, буду я копать криницу? Бачишь, якія у меня ножки гарненькія? Боюсь я ихъ испачкать землею, не стану я копать криницы». (А ножки у нея, panычу, и правда гарненькія, желтенькія такія)... Да... Разсердился тогда Господь Богъ на канюку, и сказалъ: «будь же ты, сѣрая птица, проклята отнынѣ и до вѣка!.. Пусть теперь и ты, и весь родъ твой не смѣетъ пить воды: а ни изъ рѣчки, а ни изъ ривчака *), а ни изъ болота, а ни изъ криницы, или става **), ни изъ стоячей воды, ни изъ текучей. И только позволяю я тебѣ пить воду послѣ дождя съ зеленаго листика»...

И вотъ съ тѣхъ поръ летаетъ эта самая птица и завше ***) кричитъ, а наибольше лѣтомъ... Хочется ей пить, а напиться нельзя. Подлетитъ къ рѣчкѣ—рѣчка ей воды не даетъ, подлетитъ къ лужицѣ—и та передъ ней разступается. Такъ она отъ воды до воды и летаетъ, и все канючитъ... жалостливо такъ, вотъ какъ сейчасъ панычъ слышали... За это самое, что она канючитъ, ее и называютъ канюкой... И это вѣрно, панычъ,—закончилъ онъ убѣжденнымъ тономъ,—я самъ бачилъ, какъ она сидитъ коло рѣчки и кричитъ... Хочется ей пить, да видно Господне проклятье крѣпче... Вотъ такъ-то...

— Атъ!.. байки,—отозвался сотскій.

— Такъ что же, что байки?—заступился я за Талимона.— Байку тоже любопытно послушать. Ночь длинна... торопиться намъ некуда.

Кирило тотчасъ же съ обычной неустойчивостью и безтолковостью перемѣнилъ мнѣніе.

— Ну да... воно такъ,—захихикалъ онъ угодливо.—Я-жъ понимаю, что панычу любопытно... Панычъ думаетъ, я не понимаю? Я усе понимаю. Звисно, что старые люди больше нашего знаютъ... Я-жъ могу понимать...

*) Ручейка.
**) Ставъ—прудъ.
***) Всегда.

Мы притихли. Вдругъ Талимонъ быстро приподнялся на локтѣ и, сдвинувъ брови, напряженнымъ, неподвижнымъ взглядомъ уставился въ лѣсную чащу.

— Кто-то идетъ,—сказалъ онъ вполголоса.

Сотскій тоже приподнялся и повернулъ голову по направленію взгляда Талимона. Я, какъ ни напрягалъ слухъ, ничего не могъ разслышать за трескомъ разгорѣвшагося костра.

— Кто тамъ иде-етъ? Что ты бре-ешешь?—протянулъ насмѣшливо Кирило.

— Тихо!—махнулъ на него рукой, не оборачиваясь, Талимонъ.

Дѣйствительно, его не обмануло изощренное ухо охотника. Черезъ минуты двѣ или три послышался легкій трескъ сухихъ вѣтокъ подъ чьими-то ногами, и изъ чащи точно вынырнула высокая фигура мужика въ новомъ кожухѣ и картузѣ.

— Помогай Богъ! —сказалъ онъ глухимъ, сильно простуженнымъ голосомъ и слегка приподнялъ картузъ.

— Здоровъ!—отвѣтили разомъ Талимонъ и Кирило, прикоснувшись къ своимъ шапкамъ.

— Ишелъ я по лѣсу и вижу вашъ огонь,—продолжалъ пришедшій, присаживаясь на корточки.—Дай, думаю, посмотрю, что за люди... Скучно одному.

— Сѣдайте,—проговорилъ изъ вѣжливости Талимонъ, не смотря на то, что гость уже успѣлъ усѣсться.

Этого мужика зовутъ Александромъ. Мнѣ никогда не доводилось съ нимъ разговаривать, но я нерѣдко видѣлъ его и особенно много о немъ слышалъ, благодаря той простой и въ то же время тяжелой крестьянской драмѣ, которая на глазахъ всей деревни разыгрывалась въ его семьѣ. Два года тому назадъ его жена Ониська—хорошенькая, но распутная и глупая бабенка—вернулась изъ ближняго городка, гдѣ она служила въ разныхъ мѣстахъ за кухарку. Вернулась она въ деревню не по своей охотѣ. Уже давно до Александра доходили слухи, что его жена ведетъ себя нехорошо, путается со всѣми городскими господами и съ ихъ мужской прислугой, и что даже проѣзжіе посылаютъ «изъ номерей» мишуреса за Ониськой. Александръ не разъ являлся въ городъ, отнималъ у жены всѣ зажитыя ею платья и вещи и рубилъ ихъ въ мелкіе кусочки на порогѣ, а жену избивалъ и уводилъ въ деревню. Но она улучала минуту и тайкомъ сбѣгала опять въ городъ. Въ послѣднее время ее «водворила на мѣсто жительства» полиція, къ содѣйствію которой обратился—не знаю ужъ по чьему совѣту—Александръ.

Вмѣстѣ съ городскимъ гардеробомъ Ониська привезла съ собою легкость городскихъ нравовъ и презрѣніе къ деревен-

ской «необразованности». Держала она себя съ сосѣдями заносчиво, употребляла въ разговорѣ никому невѣдомыя слова, ѣла въ постъ скоромное и даже однажды—смѣшно сказать—разъ явилась въ церковь съ синимъ pince-nez на носу (за что Александръ получилъ отъ священника, отца Анатолія, строгій выговоръ).

Поведеніе ея не стало лучше отъ деревенскаго климата. Она таскалась сначала съ сыномъ волостного писаря, потомъ съ конторщиками сосѣдняго лѣсного имѣнія, потомъ съ помѣщичьими кучерами и, наконецъ, въ настоящее время ея постояннымъ кавалеромъ сдѣлался вольнопрактикующій фельдшеръ Кацѣйовскій, довольно грязненькій субъектъ съ темнымъ прошлымъ, кажется изъ евреевъ, лѣчившій съ одинаковымъ неуспѣхомъ и лошадей, и коровъ, и бабъ съ ихъ ребятами. Зналъ ли обо всемъ этомъ Александръ—трудно сказать. Онъ никогда не отличался общительностью, а за послѣдній годъ сталъ еще больше сторониться отъ людей, но съ лица его не сходило угрюмое выраженіе упорной, затаенной мужицкой тоски. Глядя на него, крестьяне покачивали головами и со свойственнымъ имъ безошибочнымъ инстинктивнымъ чутьемъ говорили: «Не добромъ кончится это дѣло... що-сь буде промежъ Онисьи съ Александромъ»...

— Ты коней, что-ли, пасешь?—спросилъ, нѣсколько минутъ спустя, сотскій.

Александръ, неподвижно глядѣвшій въ огонь, вдругъ встрепенулся, точно его внезапно разбудили.

— Я-то?—протянулъ онъ, съ усиліемъ отрываясь отъ огня и, повидимому, стараясь понять, о чемъ его спрашиваютъ.—Коней, ты говоришь? Да, да, коней.

— Оно дѣвствительно... теперь злодій какъ разъ подкрадется,—поучительно замѣтилъ Кирило.

Александръ опять уставился на огонь. Я вглядѣлся пристальнѣе въ его большое, носатое, изрытое оспой лицо, и меня поразило его равнодушно-тоскливое выраженіе. И поза, въ которой онъ сидѣлъ, сгорбившись, съ головой, ушедшей въ плечи, охвативъ обѣими руками острыя колѣни, показалась мнѣ усталой и безпомощной. Самый голосъ у Александра былъ какой-то жалкій, пришибленный и до страннаго глухой, какъ будто бы онъ раздавался сквозь закрывавшую ротъ мягкую подушку.

Пламя костра трепетало съ бурнымъ рокотомъ, а на лицахъ трехъ крестьянъ бѣгали длинныя, дрожащія тѣни отъ носовъ и глазныхъ впадинъ. Когда же огонь вспыхивалъ особенно ярко, эти лица принимали мѣдный оттѣнокъ, а въ глазахъ ярко загорались красные блики...

Около костра было тепло, свѣтло и уютно, но тамъ, дальше, куда не достигалъ освѣщенный колеблющійся кругъ, тамъ

ночь стала непроницаемо-черной, и временами до насъ доносилось ея холодное, сырое дыханіе. Обступившія насъ вокругъ деревья слились въ одну сплошную, темную—темнѣе ночи—живую толпу, точно со всего лѣса сбѣжались сюда ночныя тѣни и съ любопытствомъ глядѣли на насъ, покачиваясь и перешептываясь. Иногда, на мгновеніе выдѣлялся изъ этого заколдованнаго круга голый прямой стволъ сосны, внезапно облитый красноватымъ свѣтомъ, но тотчасъ же пугливо прятался въ густую толпу ночныхъ призраковъ.

Я легъ на спину и долго глядѣлъ на темное, спокойное, безоблачное небо,—до того долго, что минутами мнѣ казалось, будто я гляжу въ глубокую пропасть, и тогда у меня начинала слабо, но пріятно кружиться голова. А въ душу мою сходилъ какой-то томный, согрѣвающій миръ. Кто-то стиралъ съ нея властною рукою всю горечь прошедшихъ неудачъ, мелкую и озлобленную суету городскихъ интересовъ, мучительный позоръ прошедшаго, боль обиженнаго самолюбія, никогда не засыпающую заботу о насущномъ хлѣбѣ... И вся жизнь, со всѣми ея мудреными задачами, вдругъ ясно и просто сосредоточилась для меня на этомъ песчаномъ бугрѣ, около костра, въ обществѣ этихъ трехъ человѣкъ, несложныхъ, наивныхъ и понятныхъ почти какъ сама природа...

Странный звукъ внезапно нарушилъ глубокое ночное молчаніе: точно вдали кто-то вздохнулъ во всю ширину гигантской груди... Даже трудно было опредѣлить, съ какой стороны послышался этотъ звукъ: онъ пронесся по лѣсу низко, надъ самой землею и стихъ.

— Птаха яка-сь,—замѣтилъ вполголоса Александръ.

— Сова,—рѣшилъ тотчасъ же увѣренно сотскій.

— Нѣтъ, это не птаха,—задумчиво отозвался Талимонъ.—Господь его знаетъ, что оно такое... Трапляется *) это часомъ въ лѣсу, когда ночь тихая...

— Трапляется, трапляется,—съ задоромъ передразнилъ сотскій,—а что трапляется и самъ не знаетъ... Ну, что такое трапляется?

— Разное бываетъ...—мягко и уклончиво возразилъ Талимонъ.—Лѣсъ у насъ великій, въ иншее мѣсто никто, окромѣ лося, да волка не заглядаетъ... Одному Богу звисно, кто тамъ живетъ, и что тамъ ночью робится... Старые полѣсовщики много чего баютъ, потому что они цѣлый вѣкъ все въ лѣсу, да въ лѣсу... все видятъ, все слышатъ... Да что-жъ?—обвелъ онъ насъ глазами,—я и самъ многое слыхалъ...

— Ты слыхалъ... Много ты слыхалъ!..

— А что-жъ?—съ добродушной настойчивостью продолжалъ

*) Случается.

Талимонъ.—Вотъ и слыхалъ. Бываетъ часомъ такъ, что идешь, примѣрно, въ ночной обходъ. Тихо такъ въ лѣсу... ажъ листикъ не колыхнетъ... А вдругъ какъ зареготетъ що-сь, какъ зареготетъ... чудно такъ... не то человѣкъ смѣется, не то конь ржетъ, не то заплакалъ кто-то.

— Атъ!..

— А вотъ еще однажды слыхалъ я въ ночь на свѣтлое воскресенье, какъ печаловскій колоколъ звонитъ. Что-жъ, скажешь, можетъ быть, неправда тому?—укоризненно обратился Талимонъ къ сотскому.

— Нѣтъ, это правда. Печаловскій колоколъ звонитъ, я это знаю,—подтвердилъ своимъ глухимъ голосомъ Александръ.

Я заинтересовался: что такое означаетъ звонъ печаловскаго колокола. Сотскій въ ту же минуту завозился туловищемъ, ногами и руками и закричалъ такъ громко, что по лѣсу побѣжало эхо.

— Что вы ихъ слухаете, panычъ! Они вамъ съ три короба наговорятъ. Атъ! бабья брехня... Не слухайте ихъ, ваше благородіе.

Но я гораздо энергичнѣе, чѣмъ прежде, призвалъ сотскаго къ молчанію. Талимонъ принялся разсказывать, но сначала немного стѣснялся и все озирался на своего оппонента. Александръ по-прежнему тупо и печально глядѣлъ на огонь, не измѣняя своей жалкой позы. Время отъ времени, онъ коротко кивалъ головой и приговаривалъ: «да, да... это вѣрно... это такъ»... Сотскій съ умышленной развязностью повернулся спиной къ разсказчику.

— Это тоже, панычъ, дуже старое дѣло, что я вамъ хочу разсказывать, за той самый печаловскій колоколъ. Случилось оно еще въ тѣ года, окоче *) была у насъ паньщина. Давнымъ давно... лѣтъ, може быть... (онъ задумался и вопросительно посмотрѣлъ на меня) лѣтъ триста, аль бо четыреста будетъ?.. А, мабудь, и больше? Не могу сказать, не знаю, Богъ его знаетъ, сколько лѣтъ... Собирались одинъ разъ казаки въ походъ. Шли они тогда войной на турецкаго салтана. И, вотъ, стали они прощаться со своими... Журьба по всему селу, плачъ такой великій... ажъ стонъ стоитъ!.. Тотъ съ батькой своимъ разстается, съ маткой старой, того сестра провожаетъ... Но наибольше голосили дивчата, звѣсно у каждой былъ въ войскѣ свой заручонный... И ужъ эти бабы завше единаковы. Сама плачетъ, якъ рѣка разливается, а все-жъ таки не утерпитъ на ухо шепнуть: «будешь ты, Грицько, аль бо тамъ Павло, вертаться назадъ изъ Туреччины, привези мнѣ памятку какую небудь, чи перстенекъ, чи намисто, чи хустку **) червоную»...

*) Когда.
**) Платокъ.

Былъ въ томъ селѣ казакъ, по имени Опанасъ: гарный хлопецъ, веселый и шворный *) такой, але-жъ только совсѣмъ бѣдный, якъ собака. Всего у него богатства только и было на немъ. Служилъ Опанасъ за наймита у мельника. А у мельника была дочка, такая красивая дивчина, что лѣпше ея нигдѣ на всю округу не было. Полюбилась эта мельничиха Опанасу; такъ онъ ее полюбилъ, что только изъ-за нея одной и жилъ на млынѣ, потому что старый мельникъ былъ человѣкъ гордый и скупой, кормилъ наймитовъ плохо и даже за людей ихъ не считалъ... И дочка его такая-жъ была. Знала она, что Опанасъ ее крѣпко любитъ, но только надъ нимъ смѣялась.

Какъ услышалъ Опанасъ, что идутъ казаки на войну, сталъ и онъ собираться... Вотъ пришло время и въ походъ выступать. Пріѣхалъ Опанасъ въ опушній **) разъ на млынъ, прощается, бидака, со своей любой. А ей ничего, только смѣется съ него. — «Привези, каже ***) мнѣ изъ турецкой земли такое намисто, чтибъ такого еще ни у кого не было, чтобы всѣ молодицы и дѣвчины—и Гапка, и Катерина, и Пруська—чтобы всѣ онѣ съ зависти пожелтѣли. Тогда, говоритъ, можетъ и пойду за тебя замужъ. Да помни одно: если твое намисто хоть изъ золотыхъ дукатовъ будетъ, я и то его не приму, а брошу его тебѣ въ твою наймичью пыку. Бо такое намисто я вже у одной проѣзжей пани бачила».

— Ахъ ты, стерва!—не утерпѣвъ, наконецъ, сотскій и быстро повернулся лицомъ къ разсказчику.—Я бы ей самой въ пыку за такія слова далъ!..

Сотскій хотя и старался до сихъ поръ подчеркнуть свое невниманіе къ разсказу, но, очевидно, слушалъ его съ захватывающимъ интересомъ, не смотря на то, что, навѣрно, зналъ его наизусть съ самаго дѣтства. Вообще, крестьяне всѣмъ новымъ «байкамъ» предпочитаютъ старинныя, давно имъ привычныя, уже осиленныя и усвоенныя ихъ тугимъ, короткимъ воображеніемъ.

— Да. Такъ она ему и сказала, — продолжалъ Талимонъ, замѣтно польщенный и подбодренный экспансивной выходкой сотскаго,—привези мнѣ, говоритъ, такое намисто, какого еще никто и не бачилъ.—«Хорошо, говоритъ, Опанасъ,—хорошо, привезу я тебѣ такое намисто»!.. а самъ вельми разсердился,—даже прощаться съ нею больше не сталъ,—вскочилъ на коня и поѣхалъ догонять товарищей.

Въ ту пору, какъ шли казаки походомъ, подружилъ Опанасъ съ однимъ казакомъ — Левкомъ, такъ подружилъ, что

*) Проворный.
**) Послѣдній.
***) Говоритъ.

просто они другъ безъ дружки жить не могутъ, а напослѣдокъ даже крестами помѣнялись.—«Будь ты мнѣ,—говоритъ Опанасъ,—за родного брата. Куда ты, туда и я. Будемъ вездѣ другъ за дружку стоять и выручать отъ всякой бѣды».

Наконецъ, пришли наши казаки и въ Туреччину. Долго они тамъ сражались. Сколько селъ и деревень попалили, сколько скота угнали, сколько ихнихъ церквей разорили... а поганыхъ турокъ такъ богацько набили, что даже счетъ потеряли.. Золотыя монеты забирали прямо жменями *), ажъ казацкія кишени не могли выдержать, лопались... И вездѣ Левко вмѣстѣ съ Опанасомъ: и турокъ вмѣстѣ бьютъ, и кашу изъ одного горшка ѣдятъ, и спятъ подъ однимъ кожухомъ...

Завоевали одинъ разъ казаки самый великій турецкій городъ — Костантиновъ и стали тотъ городъ разорять. Опанасъ съ Левкомъ забрались въ бо-огатый пребогатый палацъ и давай хозяевать въ немъ, якъ въ своей хатѣ. Набрали дукатовъ золотыхъ, посуды всякой срибной, дорогихъ каменьевъ... Вдругъ бачатъ: лежитъ въ щекатункѣ намисто, и такъ-то намисто блещитъ, что ажъ глаза колетъ. Левко съ Опанасомъ разомъ хвать за намисто!.. Одинъ каже мое, другой говоритъ мое. Слово за слово, стали лаяться казаки. Дальше, больше, вынулъ Левко шаблюку, вынулъ и Опанасъ свою шаблюку. Начали биться. Бились часъ, бились другой: пересилилъ-таки Опанасъ Левка и отрубилъ своему названному брату казацкую голову, и взялъ себѣ то гарное намисто...

Никому онъ не сказалъ изъ товарищей, что убилъ Левка, а намисто сховалъ у себя на груди, подъ свиткой, чтобъ никто его не замѣтилъ. Такъ всѣ и подумали, что пропалъ Левко безъ вѣсти, чи взяли его въ плѣнъ, чи зарѣзалъ его гдѣ нибудь поганый турка!

Въ скорости повернули казаки до дому (ужъ больше года прошло, какъ они выѣхали въ походъ). Поѣхалъ съ ними и Опанасъ. Только совсѣмъ не такой поѣхалъ, какъ изъ дому выѣзжалъ. Тогда былъ веселый такой: все пѣсни спѣвалъ, да жартовалъ **) съ товарищами, а теперь ѣдетъ тихій, смутный, пѣсенъ не поетъ, не говоритъ ни съ кѣмъ и все—нѣтъ, нѣтъ,—рукой лапаетъ за грудь, гдѣ у него спрятано намисто.

На страстной недѣлѣ вступили казаки на русскую землю. Ѣдутъ они однажды вечеромъ и видятъ въ степу огонь.—«Вотъ здѣсь, говорятъ, и заночуемъ». Подъѣхали, глядятъ—цыганскій таборъ. Ну, что-же? Хоть и цыгане, а все-жъ таки подорожные люди. Говорятъ имъ казаки: «слава Богу!» Тѣ имъ отвѣчаютъ: «во вѣки слава». Просятъ сѣдать. Сѣли наши казаки,

*) Горстями.
**) Шутилъ.

вынули изъ сумокъ хлѣбъ, соль, сало... стали вечерять, послали за горилкой (тутъ корчма близко оказалась). Пьютъ и цыганъ частуютъ *). Только одна молодая цыганка — красивая такая—замѣтила, что Опанасъ все за грудь тремается, и пытаетъ въ шутку:—«Что у тебя, хлопецъ, на груди скрыто? Можетъ, намисто везешь своей дивчинѣ?» Испугался Опанасъ, ажъ весь затрусился **).—«А ты почему знаешь? Нема у меня никакого намиста. Отчепись ты отъ меня ради Бога». Цыганка еще больше смѣется.—«Чего же ты, говоритъ, злякався? ***). Или ты кого зарѣзалъ за то намисто, що такъ побѣлѣлъ?» И пристала эта цыганка къ Опанасу: «пойдемъ со мной въ мой наметъ... Я тебя виномъ угощу добрымъ, и постель тебѣ постелю, и сама съ тобой лягу»... Говоритъ она такъ, а сама на Опанаса дивится; очи у нея черныя, блескучія, а лицо темное, а зубы бѣлые, якъ цукаръ. Послушался казакъ, пошелъ съ ней въ наметъ, сѣлъ... Подаетъ она ему великую чару: «пей», каже. Выпилъ онъ одну, цыганка ему заразъ другую наливаетъ. Выпилъ и другую Опанасъ и пытаетъ: «А что же ты сама не пьешь? Меня поишь, а сама не пьешь?» Усмѣхнулась цыганка, однако, выпила трошки; только какъ выпила, сейчасъ же воды хлебнула. Казакъ спрашиваетъ: «Ты для чего же воду пьешь?»—«А это у насъ, говоритъ, свычай такой... намъ иньше не можно»... И наливаетъ еще одну чарку. Какъ выпилъ Опанасъ третью чару, помѣшалось у него все въ головѣ, обомлѣлъ онъ и упалъ, какъ неживой. Чуетъ онъ, что кто-сь мацаетъ его за грудь и свитку раскрываетъ, а поворохнуться не можетъ: точно ему руки и ноги веревками повязали...

Проснулся на утро Опанасъ и первымъ дѣломъ, лапъ, лапъ по пидъ свиткой: нема намиста! Онъ къ товарищамъ: «Гдѣ цыгане?» А тѣхъ цыганъ уже давно и званія нема, еще до солнца поднялись, погыгортали, погыгортали что-то по своему и всѣмъ таборомъ подались на полдень.—«Нѣтъ,—думаетъ казакъ,—я ей, бисовой дочкѣ, моего намиста не подарю». Вскочилъ на коня и поѣхалъ въ догонку за цыганами.

Ѣдетъ онъ милю, другую, десять миль, и все людей пытаетъ: «А что, добрые люди, не видали вы, не проходилъ тутъ цыганскій таборъ?» — «Какъ же, говорятъ, видѣли: вотъ, только, только передъ тобой проѣхали по шляху» ****). Опять ѣдетъ казакъ, погоняетъ коня изо всѣхъ силъ, а догнать никакъ не можетъ, и вездѣ ему люди кажутъ: «бачили мы цыганъ, всего только часъ какой назадъ, вонъ, въ ту сторону

*) Угощаютъ.
**) Задрожалъ.
***) Испугался.
****) Шляхъ—большая дорога.

потянули». А тѣмъ временемъ вечеръ зашелъ, и сдѣлалось темно. А когда казакъ черезъ Печаловку проѣзжалъ, то вже дѣло подходило близко полуночи. Сталъ онъ и въ Печаловкѣ пытать: «Бачили цыганъ, добрые люди?» —«Бачили, кажутъ, ѣзжай проворнѣй, они еще и двухъ верстовъ не успѣли сдѣлать».

Только что опять выѣхалъ Опанасъ въ поле, видитъ стоитъ церковь, а въ церкви малый огонекъ чуть-чуть мигаетъ. Посмотрѣлъ Опанасъ и думаетъ: «А, вѣдь, нынче у людей Страстная суббота, и сейчасъ настанетъ Христово Вокресеніе. Богъ вѣсть, когда я еще до церкви доберусь. Треба зайти, хоть лба перекрестить». Слѣзъ съ коня и зашелъ въ церкву. Звисно, *такъ себѣ* зашелъ, бо у него на душѣ совсѣмъ не молитва была.

Зашелъ онъ въ церкву и видитъ, что тамъ всего только одна свѣчка горитъ передъ иконой Божьей Матери, а людей въ церкви нема! Даже сторожъ, и тотъ куда-сь на минутку вышелъ. Подошелъ казакъ къ образу, да такъ и захололъ *). Смотритъ онъ, а у Божьей Матери кругомъ сіянія надѣто намисто, аккуратъ такое, какъ у него цыганка украла, только еще краще. Всего одна вѣчечка въ церкви, а намисто, какъ жаръ, горитъ. А коло образа, какъ на грѣхъ, лѣсенка маленькая приставлена. Извѣстно, что все это дѣло *злой* наробилъ. Потомъ оказалось, что и цыгане тѣ, что намисто украли, совсѣмъ не цыгане были, а мара **).

Обернулся Опанасъ въ одну сторону, въ другую... видитъ никого въ церкви нѣтъ. Влѣзъ онъ на лѣсенку и протянулъ руку. И ледве ***) онъ доторкнулся рукой до намиста,—загремѣлъ громъ, заблискала блискавица, и вся церковь, какъ стояла, такъ и провалилась скризь землю... Сбѣжались изъ села люди, смотрять, а на мѣстѣ церкви стоитъ великое озеро, а въ озерѣ колоколъ звонитъ...

— Да... это вѣрно... это такъ,—тихо замѣтилъ Александръ.

— И съ той самой поры,—продолжалъ въ торжественномъ тонѣ Талимонъ,—съ той самой поры каждый разъ въ Свѣтлое Воскресеніе слышатъ люди звонъ изъ того озера. То звонитъ колоколъ въ потонувшей церкви. И это все правда... я самъ чулъ одинъ разъ. Не такъ, чтобы вельми громко, но, якъ притулить ухо до земли, то совсѣмъ добре чутно.

Талимонъ замолчалъ, выбросилъ изъ костра уголекъ и, перекинувъ его нѣсколько разъ съ ладони на ладонь, сталъ раскуривать свою короткую трубку. Я спросилъ, что сталось потомъ съ жестокой мельничихой.

*) Похолодѣлъ.
**) Мара—тѣнь, привидѣніе.
***) Едва.

Талимонъ сплюнулъ на сторону.

— Этого ужъ я не знаю, панычъ. Чего не знаю, того не можу казать. За мельникову дочку я больше ничего не чулъ.

— А что-жъ съ ней зробилось? Погубила, трясьця ея собачьей матери, христіанскую душу и все тутъ,—съ горькимъ сарказмомъ вставилъ Александръ. — Нѣтъ на свѣтѣ ни одного такого паскуднаго гада, якъ баба!..

— Всѣ хороши: и бабы, и чоловики, — равнодушно сказалъ Талимонъ.

Александръ вдругъ какъ-то разомъ заволновался.

— Нѣтъ, ты этого не говори, Талимонъ... Это ты напрасно такъ говоришь, — заторопился онъ, суетливо и неловко тыча передъ собой руками.—Хоть мы—чоловики—и пьемо, и сваримось, и воруемъ часомъ, але все-жъ таки мы Бога не забываемъ... А баба? Або она что понимаетъ? Або она что чувствуетъ?..

— Это ты правильно,—поддакнулъ сотскій.—У бабы замѣсто души паръ, якъ у собаци. Это даже въ двѣнадцати викторіяхъ сказано.

— Чи паръ, чи другое що, я ужъ за то не знаю,—нетерпѣливо отмахнулся отъ него Александръ.—А только я одно скажу, что усякая шкода, усякая свара, — все черезъ нихъ робится. Какъ въ святыхъ книгахъ сказано? Черезъ кого Господь прогналъ Адама изъ раю? Черезъ бабу... Шкодливы, пакостницы, сокотухи *). Плетутъ не вѣсть что... Вотъ ужъ это вправду сказано: лучше желѣзо варить, чѣмъ со злою женою жить.

Вѣроятно, еще и раньше, до разсказа Талимона про намисто, Александръ находился въ томъ состояніи, когда накипѣвшія въ человѣкѣ и долго сдерживаемыя чувства ищутъ себѣ исхода, и тогда достаточно самаго ничтожнаго предлога, чтобы они прорвались въ самой необузданной формѣ. Видно было, глядя на неожиданную горячность Александра, что теперь ему уже трудно остановиться, разъ онъ началъ высказываться. И хотя, повидимому, онъ громилъ всѣхъ женщинъ вообще, но какъ-то невольно чувствовалось, что всѣ его, проникнутыя злобной горечью, слова относятся къ одной Ониськѣ.

— Стыда онѣ въ себѣ ни якого не маютъ! — продолжалъ еще возбужденнѣе Александръ.—У суки, и у той стыда больше, чѣмъ у бабы... Только одна мерзость у нея на думкѣ. А это ей ничего, что изъ-за нея чоловику нельзя на село показаться, что отъ страму не знаешь, куда голову запрятать. Мужей бросаютъ, сволочи, даромъ, что въ церкви Божьей

*) Болтуньи. Когда кричитъ сорока, про нее говорятъ, что она «сокочетъ».

присягали на вѣрность... Хуже кошекъ онѣ, эти бабы! Кошка хоть къ хатѣ своей призвычайна, а баба ни къ чему не привыкнетъ. Развѣ ей дѣти нужны? Мужъ нуженъ? Страмъ ей нуженъ... тьфу! — Александръ съ ожесточеніемъ плюнулъ на землю,—вотъ что ей нужно!..

— Батога ей треба, — сочувственно и серьезно замѣтилъ Талимонъ.

Сотскій поддержалъ это мнѣніе.

— Да и до-браго батога. Старики кажутъ не даромъ: якъ больше бабу бьешь, то борщъ вкуснѣе.

Но Александръ какъ будто бы не замѣчалъ репликъ сотскаго. Во все время своей безпорядочной, отчаянной рѣчи, онъ обращался къ Талимону, въ черныхъ глазахъ котораго отражалось настоящее страданіе.

— Эхъ! або она боится батога?—махнулъ безнадежно рукой Александръ.—Баба—какъ гадюка: пополамъ ее перерви, а она все вертится. Да и не можно все бить, да бить. Ты, вотъ, на нее серчаешь, а она подсунулась къ тебѣ, теплая, да ласковая... такъ, шельма, душу изъ тебя руками и вынетъ. Нѣтъ, это что же бить-то... А вотъ такъ зробить, якъ Семенъ Башмуръ въ позапрошломъ рокѣ зробилъ...

— Ну, братъ, этого тоже начальство не одобряетъ... какая разница!—многозначительно сказалъ сотскій.

— А что такое Башмуръ сдѣлалъ съ женой?—полюбопытствовалъ я.

На этотъ вопросъ долго не было отвѣта, точно каждый изъ мужиковъ дожидался, чтобы заговорилъ другой. Наконецъ, сотскій началъ медленно и неохотно:

— Жинка его... Башмурова жинка, значитъ... связалась тутъ съ однимъ хлопцемъ... Петро его зовутъ... онъ и теперь на селѣ живетъ... женился на Покрову. Ну, и застукалъ онъ ее одинъ разъ съ этимъ съ самымъ Петромъ въ хлѣвѣ...

Сотскій замолчалъ, точно ему непріятно было продолжать. Александръ и Талимонъ какъ-то ужъ черезчуръ равнодушно уставились глазами на свои лапти.

— Ну, и что же дальше?—спросилъ я.

— Да что же? Повалилъ ее на землю и засунулъ ей квача *) съ дегтемъ въ ротъ... ну, и того... задохнулась. Атъ! да что объ этомъ толковать!.. Ты куда же Александръ?—спросилъ сотскій, видя, что тотъ всталъ со своего мѣста и оправляетъ ремень, стягивающій кожухъ.—Идешь, что-ли!

— Пойду,—коротко отвѣтилъ Александръ, ни на кого не глядя.—Что-жъ сидѣть-то .. скоро утро. Ну, бывайте здоровы...

Пока онъ былъ видѣнъ, мы всѣ трое провожали его гла-

*) Квачъ—тряпка, свернутая цилиндромъ.

зами. Въ его вялой, тяжелой и медленной походкѣ, въ очертаніяхъ его натруженной, полусогнутой спины было что-то удрученное, жалкое... Глядя на эту походку и на эту спину, я невольно подумалъ, что еще долго онъ будетъ бродить сегодня по лѣсу со своей одинокой, молчаливой тоской.

Послѣ его ухода мы долго молчали. Такъ всегда бываетъ, если изъ компаніи уйдетъ одинъ человѣкъ: пусть даже онъ молчалъ все время, но остальные безъ него нѣсколько минутъ чувствуютъ себя неловко, точно отъ нихъ отняли что-то, подогрѣвающее бесѣду.

Сотскій первый заговорилъ.

— А все черезъ свою Ониську человѣкъ сохне... Совсѣмъ извела его, подлюка.

— Что-жъ... не наше это дѣло, — осторожно, какъ бы вскользь замѣтилъ Талимонъ.

— Какъ это не мое дѣло? — вскипѣлъ сотскій. — Ежели, примѣрно, я начальствомъ здѣсь состою... Какая разница!..

Талимонъ немного смутился.

— Ну, да... оно такъ, конечно... а все-жъ таки...

— То-то, вотъ, — «все-жъ таки». Какъ это ты могъ сказать: не мое дѣло? А если, упаси Господи, бѣда якая случится?.. Жаль мужика, пропадаетъ ни за грошъ, — совсѣмъ ужъ другимъ тономъ обратился сотскій ко мнѣ. — Трудящій онъ, старательный мужикъ... И ужъ чего, чего онъ не дѣлалъ: къ попу водилъ свою Ониську отчитывать, господину вряднику жалобу приносилъ... ничего пользы нѣтъ. Онъ и къ Недилькѣ даже ходилъ...

— Къ какой это Недилькѣ?—спросилъ я.

— А тутъ, бачите, есть у насъ одна ворожка, Недилькой мы ее зовемъ... такъ онъ къ ней и ходилъ. Велѣла, говорятъ, она ему поймать кожана *) и сварить его живого, а потомъ закопать на ночь въ муравельникѣ, чтобъ муравли его обглодали до костей. А въ тѣхъ костяхъ, каже, есть таки маленьки грабельки и вилочка. Якъ ты, каже, захочешь, чтобъ тебя дивчина, чи молодица полюбила, то ты только этими граблями проведи ей по спидницѣ **), чи по камизелькѣ ***). А если хочешь, чтобы она тебя разлюбила, то вилами ее торкни легонько...

— Ну, что же, и Недилька не помогла?

— Э! Какія теперь ворожки! — сдѣлалъ сотскій презрительную гримасу. — Або теперешнія ворожки что нибудь знаютъ? Вотъ прежнія — тѣ, дѣйствительно, много могли. Кровь, зубы

*) Летучая мышь
**) Юбка.
***) Кофта.

заговаривали; отмовляли, если кого бѣшеная собака укуситъ или гадюка... узнавали, гдѣ злодій вещи спряталъ...

— Ну да... Бо имъ раньше черги вспособляли,—пояснилъ Талимонъ.

— А звисно, помогали... У иньшей даже не одинъ и не два, а сколькопадцать чертякъ служило въ наймитахъ. Ну, а теперь совсѣмъ нема чертей...

— Какъ нема? Куда же они дѣлись? — спросилъ я, заинтересованный судьбой чертей.

Признаться, я не ожидалъ, да и не могъ ожидать хоть сколько нибудь опредѣленнаго отвѣта, но, къ моему чрезвычайному удивленію, Талимонъ и Кирило, тотчасъ же, ни мало не задумавшись, отвѣтили въ одинъ голосъ:

— На машину ушли.

— Что-о? На машину? На какую машину?

— А на зализную дорогу, — хладнокровно и увѣренно объяснилъ сотскій. — Имъ тамъ теперь вельми добре жить... Вотъ, какъ разобьется вагоновъ съ пятнадцать, тутъ сейчасъ чертямъ и работа. Богацько тогда умираетъ людей безъ причастія, а это *злому* и потѣха, потому что человѣкъ весь въ грѣхахъ, якъ въ кожухѣ. А чертяка его разомъ цапъ за комиръ *) и въ пекло. Може за одинъ тыждень **) душъ съ тысячу приставитъ, ну, а ему, звисно, отъ самаго главнаго сатаны за это награда... А въ селѣ ему что за польза? Колы—николы одну якую-сь душонку зловитъ, да и то старушечью, лядащую. Вотъ, потому-то они всѣ изъ села и поутекали... А что, Талимонъ? Развидняетъ?—обратился онъ къ Талимону, пристально смотрѣвшему на востокъ.

— Уже. Ну, панычы, давайте собираться,—сказалъ Талимонъ, подымаясь. Какъ придемъ на токъ, заразъ и день будетъ.

Мы наскоро собрали свои вещи, растащили костеръ и тронулись. Небо еще не измѣнило своего темнаго цвѣта, но востокъ уже поблѣднѣлъ и звѣзды потеряли яркость. Легкій вѣтерокъ, предвѣстникъ разсвѣта, набѣгалъ изрѣдка и чуть трепеталъ въ вершинахъ деревьевъ.

До тока намъ пришлось идти около трехъ четвертей часа. Самый токъ представлялъ изъ себя большую, десятинъ въ двадцать, полянку, окруженную молодымъ лѣскомъ. Кое-гдѣ по ней были разбросаны небольшія группы кустовъ.

Въ темнотѣ, въ полузнакомомъ мѣстѣ я скоро пересталъ оріентироваться и покорно шелъ за Талимономъ, то и дѣло попадая ногами въ какія-то ямы. Наконецъ, Талимонъ остановился и шепнулъ мнѣ на ухо:

---

*) За шиворотъ.

**) Недѣля.

— Сѣдайте, панычъ, вонъ въ ту будку. Сидите «нышкомъ», не ворошитесь. А якъ стрѣлите тетерука, то, спаси Господи, не вылѣзайте изъ кучки... Заразъ другіе прилетятъ на то же мѣсто...

Онъ указалъ мнѣ на нѣсколько маленькихъ березокъ, едва бѣлѣвшихъ шагахъ въ пяти отъ насъ, а самъ пошелъ въ другую сторону и тотчасъ же безшумно пропалъ въ темнотѣ.

Я съ трудомъ отыскалъ свою будку. Она состояла изъ двухъ тонкихъ березокъ, связанныхъ верхушками и густо закрытыхъ съ боковъ сосновыми вѣтками. Раздвинувъ вѣтки, я влѣзъ въ будку на четверенькахъ, усѣлся поудобнѣе, прислонилъ ружье къ стволу и сталъ оглядываться.

Прямо передо мной тянулись ровныя сѣрыя широкія грядки прошлогодней нивы (въ борозды между этими грядами я все и проваливался, когда шелъ за Талимономъ). Востокъ уже началъ розовѣть. Деревья и кусты вырисовывались блѣдными, неясными, однотонными пятнами. Къ смолистому крѣпкому запаху сосновыхъ вѣтвей, изъ которыхъ была сдѣлана моя будка, пріятно примѣшивался запахъ утренней сыроватой свѣжести. Трава уже увлажнилась росой.

Гдѣ-то очень близко—мнѣ показалось, что надъ самой моей головой—робко чирикнула птичка, ей отвѣтила другая, третья... Въ лѣсу пронзительно захохотала сова, и ея крикъ звучно и рѣзко пронесся между деревьевъ. Утка пролетѣла стороной и долго не смолкало ея кряканье, все тише и тише доносясь до меня. Высоко на деревьяхъ застонали дикіе голуби.

Вдругъ совсѣмъ около меня, на землѣ, раздалось громкое хлопанье крѣпкихъ крыльевъ. Я невольно вздрогнулъ. Не далѣе какъ въ шагѣ отъ моей будки упалъ тетеревъ; если бы я протянулъ руку, я могъ бы дотронуться до того мѣста, гдѣ онъ опустился. Весь черный съ красными, мясистыми бровями и короткимъ острымъ клювомъ, онъ стоялъ неподвижно, какъ каменный, показываясь мнѣ всѣмъ своимъ стройнымъ, красивымъ профилемъ. Его блестящій черный глазокъ тревожно и зорко заглядывалъ въ будку. Я затаилъ дыханіе и замеръ, не отводя отъ него глазъ. Но тетеревъ уже замѣтилъ меня. Онъ вдругъ поднялся и, громко хлопая крыльями, полетѣлъ низко подъ землею...

— Ну, пропала сегодня охота!—подумалъ я съ досадой, но въ ту же секунду съ двухъ сторонъ—впереди меня и справа—такъ же громко и коротко захлопали крылья. Нѣсколько минутъ оба тетерева молчали, должно быть, внимательно оглядываясь кругомъ и прислушиваясь. Но, вотъ одинъ изъ нихъ, тотъ, что упалъ справа, издалъ громкій боевой крикъ: чу! чшшш... странный звукъ, который трудно передать, похожій отчасти на испорченный, осипшій пѣтушиный крикъ, отчасти на шипѣніе,

а также на свистъ ножа подъ колесомъ точильщика. Чу! чшшш...—тотчасъ же отозвался другой. Какъ мнѣ ни хотѣлось увидѣть самихъ тетеревовъ, но я боялся пошевелиться и только слушалъ.

Такъ они перекликнулись нѣсколько разъ. Вдругъ первый, закричавъ особенно задорно и громко, подпрыгнулъ вверхъ и забилъ крыльями; то же самое немедленно сдѣлалъ и второй. Самцы подходили одинъ къ другому все ближе и ближе, возбуждая себя передъ битвой воинственными криками...

Но, еще не сойдясь, они оба сердито «заболботали»: совсѣмъ какъ индюки, только нѣжнѣе, продолжительнѣе и не такъ отрывисто. Иногда они прерывали свое «болботаніе», чтобы закричать и перелетѣть поближе къ противнику. Я осторожно, стараясь не шумѣть одеждой, повернулся и сталъ всматриваться сквозь просвѣты вѣтвей.

Сначала я увидѣлъ только одного. До него было не больше тридцати шаговъ. Онъ токовалъ, вытянувъ и опустивъ внизъ шею, и медленно, плавно поворачивался то въ одну, то въ другую сторону. Когда онъ становился ко мнѣ задомъ, я видѣлъ только изнанку его поднятаго вверхъ хвоста, точь въ точь, какъ развернутый бѣлый пушистый вѣеръ. Скоро я увидалъ и другого: онъ токовалъ отъ перваго шагахъ въ десяти, также сердито и плавно топчась на мѣстѣ. Иногда оба они, одинъ вслѣдъ за другимъ, подымали свои головы, прямо и широко растопыривали крылья, что придавало имъ надутый, гнѣвный и комическій видъ.

Вдругъ недалеко отъ меня грянулъ оглушительный, точно пушечный выстрѣлъ. Эхо подхватило его, бросило въ лѣсъ, и онъ, разбившись объ деревья на тысячи звуковъ, долго, то стихая, то усиливаясь, грохоталъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Оба тетерева, насторожившись, замерли на нѣсколько секундъ, но потомъ, закричавъ съ новымъ ожесточеніемъ, разомъ подпрыгнули вверхъ и въ воздухѣ съ такой силой ударились грудь объ грудь, что нѣсколько маленькихъ перышковъ полетѣло отъ нихъ въ разныя стороны. Упавъ на землю, тетерева опять принялись за свое сердитое болботанье.

Я осторожно просунулъ ружье между вѣтвями и, страшно волнуясь, слыша ускоренное біеніе своего сердца, сталъ цѣлить. Одна хвоинка закрывала мнѣ мушку. Едва переводя дыханіе, я отщипнулъ ее, сѣлъ поудобнѣе и приложился... Выстрѣлъ вышелъ неожиданный и очень громкій. За облакомъ дыма я ничего не могъ разсмотрѣть, но уже слышалъ судорожное хлопанье крыльевъ и зналъ, что не промахнулся. Дѣйствительно, когда дымъ разсѣялся, я увидалъ тетерева; онъ свалился въ борозду и лежалъ въ ней неподвижной, черной грудой. Противникъ его не сорвался, онъ только застылъ на мѣстѣ въ

чуткой и недоумѣвающей позѣ. Принимая ружье, я нечаянно произвелъ едва слышный шорохъ. Тетеревъ испуганно поднялся и быстро полетѣлъ по направленію къ лѣсу.

Вокругъ меня со всѣхъ сторонъ еще токовали невидимые мнѣ тетерева, но все тише, все слабѣе. Наступало затишье, которое бываетъ всегда между первымъ и вторымъ токомъ... Заря разгорѣлась чуть ли не въ полъ-неба. Солнца еще не было видно, но верхушки высокихъ деревьевъ уже подернулись точно золотой пылью...

Черезъ часъ мы возвращались домой. Талимонъ, который стрѣлялъ два раза (одинъ разъ передо мною, а другой во время второго тока), убилъ двухъ тетеревовъ, я одного, а сотскій возвращался съ пустыми руками и потому замѣтно дулся и не хотѣлъ глядѣть на дичь. Талимонъ изъ крыльевъ каждой птицы выдернулъ по два пера, просунулъ ихъ толстыми концами въ носовыя отверстія тетеревовъ, тонкіе концы связалъ и несъ, такимъ образомъ, дичь, какъ бы на петляхъ.

Намъ оставалось до деревни не болѣе полуверсты, и мы подходили уже къ большому деревянному кресту, стоявшему на пересѣченіи зуленской и печаловской дорогъ. Эти кресты, съ прибитыми наверху ихъ, сдѣланными изъ дерева орудіями страданій Христовыхъ — копьемъ, лѣстницей, молоткомъ и тридцатью сребрениками — всегда можно увидѣть на перекресткахъ полѣсскихъ дорогъ. Снизу на эти кресты молодицы и дѣвки вѣшаютъ спитые ими по обѣту пестрые фартуки и полотенца, что придаетъ кресту какой-то своеобразный фантастическій видъ.

Когда мы поровнялись съ крестомъ, то всѣ трое замѣтили фигуру какого то человѣка, бѣгущаго къ намъ навстрѣчу изъ деревни. Талимонъ своимъ зоркимъ глазомъ первый узналъ его и сказалъ, обращаясь къ сотскому:

— Это вашъ Грицько бѣжитъ, сотникъ.

Дѣйствительно, это былъ Грицько, сынъ сотскаго, малый лѣтъ восемнадцати, уже женатый, большой весельчакъ, вѣчно скалившій свои огромные, бѣлые, какъ у молодой собаки, зубы.

— Тату! тату!—закричалъ онъ еще на ходу,—бѣжите скорѣй... у насъ на селѣ бѣда!..

— Что тамъ за бѣда?—недовольнымъ голосомъ отозвался сотскій.—Яка така бѣда?..

Грицько добѣжалъ до насъ и продолжалъ, съ трудомъ переводя духъ:

— Великая бѣда, тату... чоловикъ одинъ... жинку свою убилъ...

Мы переглянулись, и одна и та же мысль мелькнула у насъ въ глазахъ. Мнѣ показалось, что Талимонъ поблѣднѣлъ.

— Ать! Что ты брешешь!—воскликнулъ сотскій, стараясь поддержать свой апломбъ...—Какой чоловикъ? Когда убилъ?..

— Александръ, тату, Ониськинъ чоловикъ...

— Да когда? когда, я тебя спрашиваю?—закричалъ сотскій. Онъ прибавилъ шагу, и Грицько едва поспѣвалъ за нимъ, пускаясь по временамъ въ припрыжку. Мы съ Талимономъ тоже пошли скорѣе.

— Когда?—переспросилъ Грицько.—Вотъ только,только—и часу не будетъ... Самъ пришелъ подъ хату къ Кузьмѣ Борійчуку, вызвалъ Кузьму и каже: вяжите меня, бо я свою жинку забилъ геть до смерти... сокирой *)... Я и Ониську бачилъ, тату... Куда!.. вже и не дышетъ... Мозги вывалились... Люди говорятъ, что онъ, Александръ-то, фершала съ ней засталъ...

Подходя къ деревнѣ, мы еще издали увидали большую толпу, собравшуюся на «монопольной» лужайкѣ. Всѣ галдѣли разомъ и безъ толку. Бабы, подперши ладонью лѣвой руки щеку, а правой поддерживая лѣвую за локоть, стояли сзади мужиковъ, въ этихъ традиціонныхъ позахъ русскаго женскаго горя, и всхлипывали.

При нашемъ приближеніи толпа разступилась на обѣ стороны, образовавъ родъ широкой дорожки. Въ серединѣ круга на деревянномъ обрубкѣ сидѣлъ Александръ. Онъ былъ безъ шапки, съ блѣднымъ испачканнымъ чѣмъ-то темнымъ—можетъ быть, даже кровью—лицомъ. Увидя насъ, онъ поднялъ голову и вдругъ улыбнулся. Странная это была улыбка—мучительная, болѣзненная, невыносимо тяжелая... Я поспѣшно прошелъ мимо, дальше отъ этой ненавистной мнѣ толпы, которая всегда съ такой омерзительной жадностью слетается на кровь, на грязь и на падаль...

Уже подходя къ своей квартирѣ, я слышалъ, какъ сотскій безобразно оралъ пронзительнымъ начальническимъ фальцетомъ:

— Ты людей убивать, сукинъ сынъ! Я тебѣ покажу, иродъ проклятый. Грицько бѣжи за веревками... Я т-тебѣ покажу-у!..

*) Сокира—топоръ.

А. Купринъ.

Деревенскія впечатлѣнія.

(Изъ записокъ земскаго статистика).

Однажды, въ N—скомъ уѣздѣ, подъѣзжая раннею зарею къ одной деревнѣ, я встрѣтилъ необычайную кавалькаду: впереди, съ высунутыми языками мчалась стая разныхъ породъ псовъ; за ними верхомъ на гнѣдой поджарой лошади летѣлъ,—съ парою убитыхъ домашнихъ гусей въ рукѣ,—не то крестьянинъ въ солдатской, безъ козырька фуражкѣ, надѣтой ухарски на-бекрень, не то солдатъ въ крестьянскомъ костюмѣ: холщевой рубахѣ, такихъ-же штанахъ, босой; за этимъ всадникомъ галопировали штукъ десятокъ разномастныхъ крестьянскихъ клячъ, а въ концѣ кавалькады, на казачьяго типа ворономъ конѣ, съ нагайкою въ рукѣ, съ двухстволкою за спиною и съ сигарою въ зубахъ гарцовалъ высокій, плотный субъектъ, съ синебагровымъ носомъ, громаднѣйшими усами, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ и въ картузѣ съ краснымъ околышкомъ и кокардою.

Не успѣлъ я разобраться въ невиданномъ зрѣлищѣ, какъ, въѣхавъ въ деревню, попалъ въ громадную толпу крестьянъ всѣхъ половъ и возрастовъ, гнавшихъ по улицѣ лошадей и гусей. Мужики при этомъ галдѣли, гуси гоготали, бабы плакали, лошади ржали. Телѣга моя съ трудомъ подвигалась среди шумной, возбужденной массы, не замѣтившей сразу моего присутствія, исключительно озабоченной какимъ-то важнымъ событіемъ въ деревенской жизни.

Зная по опыту, какъ трудно собирать свѣдѣнія при такого рода условіяхъ, я уже подумывалъ миновать эту деревню и возвратиться въ нее черезъ нѣсколько дней, но возница разстроилъ мои комбинаціи, сообщивъ ближайшимъ къ телѣгѣ крестьянамъ, что везетъ «члена изъ палаты», который «усѣ до-чиста дѣлы разбираить». Отъ человѣка къ человѣку слухъ дошелъ до сельскаго старосты; протискавшись сквозь толпу, онъ добрался до меня и, снявъ шапку, почтительно заявилъ, что давно ждетъ пріѣзда, давно уже «сгоняетъ народъ», и сегодня «согналъ», но сходка не состоялась по «одному дѣлу», которое я и разберу.

Я тотчасъ категорически заявилъ, что никакихъ «дѣлъ» разбирать не буду, не имѣю на это ни малѣйшаго права, а пріѣхалъ единственно съ цѣлью собиранія свѣдѣній о владѣніяхъ и хозяйствѣ.

— Это мы оченно даже хорошо понимаемъ, ваше степенство, господинъ членъ,—отвѣтилъ староста.

Но это нисколько не помѣшало ему не только поддержать слухъ, что я — «членъ изъ палаты», разбирающій «усѣ до-чиста дѣлы», но и прибавить относительно необыкновенныхъ, данныхъ мнѣ, полномочій «на счетъ земли», которая, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась главною виновницею въ данномъ событіи, какъ и во всѣхъ другихъ событіяхъ крестьянской жизни.

Нужно-ли поэтому удивляться, что, когда я достигъ «сборной избы», послѣдняя тотчасъ заполнилась народомъ, а громадное большинство не вмѣстившихся биткомъ набились въ сѣняхъ, на крыльцѣ, вплотную облѣпили окна и длинной вереницей стояли на улицѣ, ожидая, несомнѣнно, чреватыхъ послѣдствіями событій.

А я, между тѣмъ, ломалъ голову: «что сдѣлать, чтобы избѣжать роли судьи въ темномъ, неизвѣстномъ мнѣ дѣлѣ, при полномъ разгарѣ страстей»?

Но, какъ это бываетъ очень часто, теоретическія соображенія разлетѣлись въ прахъ при первомъ соприкосновеніи съ жизнью, и скоро я принужденъ былъ уступить предъ напоромъ деревенской злобы дня.

Она нахлынула на меня тотчасъ, какъ только развернулъ я земельный планъ, повидимому, частный и плохо исполненный.

Что прежде всего бросалось въ глаза на этомъ планѣ, такъ это тридцать три бѣлыхъ, различной величины квадратиковъ, разсѣянныхъ по зеленому полю, обозначавшему покосъ.

— Вотъ это онъ-то самый и есть, ваше степенство,—заговорилъ одинъ изъ стоявшихъ у стола крестьянъ, показывая пальцемъ на бѣлые квадратики.

— Кто онъ?

— Да Маіоровъ-то есть...

— Какой Маіоровъ?

— Да вотъ—что коней угналъ, да гусей убилъ....

Видя, что дѣло сразу принимаетъ серьезный оборотъ, я хотѣлъ замять разговоръ на эту тему, но не тутъ-то было: поднялся шумъ, гамъ и послышались отдѣльные возгласы: «окажите Божескую милость»!.. «Что-жъ намъ дѣлать—помирать, либо-что?.. «Пущай насъ отселя въ другія мѣста переведутъ»!.. «Житья нѣтъ, ваше вскородіе»!.. «Одно разоренье»!..

— Я ничего не понимаю!—кричу я, сколько есть силъ:—пусть говоритъ кто нибудь одинъ!

Разъ десять пришлось мнѣ повторить эту фразу, покуда толпа не смолкла и не начала обсуждать, — кто бы могъ надлежащимъ образомъ защитить интересы деревни.

Не знаю, долго ли продолжалось бы обсужденіе, если бы не раздался возгласъ: «пущай Сименъ усе докажитъ»!

— Пехай Сименъ!—поддержали другіе голоса.

— Сименъ!

— Си-ме-о-нъ!

Неизвѣстный мнѣ Семенъ какъ разъ оказался гдѣ-то на улицѣ, а потому не мало прошло времени, покуда онъ попалъ въ избу, а затѣмъ протискался къ столу.

Это былъ человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, коренастый, приземистый, съ рыжею бородою, лысый и съ хитрыми, неопредѣленнаго цвѣта глазами.

Низко мнѣ поклонившись, онъ растерянно и вопросительно взглянулъ на толпу, не зная, зачѣмъ его призвали.

— Доказывай на счетъ Маіорова,—шепнули ему.

Семенъ тотчасъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, откашлялся, почесалъ затылокъ и, сложивъ руки на животѣ, началъ:

— Это точно, ваше степенство, господинъ членъ, какъ оченно большая намъ обида....

— Я васъ не понимаю: отъ кого «обида» и почему, да объ «обидахъ» я не спрашиваю: разскажите мнѣ относительно владѣній отставного маіора Z, какъ они названы на планѣ: какія это угодья? сколько десятинъ?

— Это мы оченно, ваше степенство, господинъ членъ, понимаемъ: я про Маіорова и говорю....

— Но его фамилія Z?

— Точно такъ, но какъ мы, значитъ, Маіоровымъ его прозываемъ..

— Ну, это все равно..... Что же вы знаете?

— Луговъ у насъ, ваше степенство, ни-ни, а все сплошь болота, а евонные клочечки (онъ указалъ пальцемъ на одинъ изъ бѣлыхъ квадратиковъ)—на высоконькихъ мѣстахъ, лужечки настоящіе. Какъ, значитъ, свободу давали, отецъ ихній,—царствіе небесное, вѣчный упокой,—анаралъ Иванъ Микитычъ, себѣ-то эти клочечки и повырѣзалъ, а намъ, то есть, болото съ кочками оставилъ. Хорршо. Пока анаралъ живы были, лужочки-то эти мы рендавали, а какъ померъ, Маіоровъ-то службу бросилъ, да сюда пріѣхалъ—тутъ и зачалась мука...

— Хоть въ гробъ ложись,—раздалось изъ толпы.

— Бѣги и шабашъ!—поддакивали другіе.

— Именно, ваше степенство, господинъ членъ,—продолжалъ Семенъ,—помирай и кончено дѣло!

— Это меня вовсе не касается: я васъ спрашиваю, сколько десятинъ вы считаете и какія угодья? Вы сказали, что это луга,— теперь скажите, сколько, по вашему, они занимаютъ десятинъ?

— Это мы оченно понимаемъ, ваше степенство: позвольте доказать... Въ аренду теперича онъ не сдаетъ и продать не продаетъ. Чтожъ ты теперь подѣлаешь? А ихъ, ваше степенство, изволите

видѣть, тридцать и три клока: какъ-же ихъ углядишь? гдѣ найдешь тридцать и три пастуха?

— Гдѣ ихъ найти?! поддерживаетъ нѣсколько голосовъ.

— Бѣги, да и только!...

— А онъ,—продолжаетъ разсказчикъ,—на крышу-то свою взлѣзетъ, на кажинный глазъ по трубѣ прицѣпитъ и глядитъ: намъ-то ничего не видно, а енъ усе видя, какъ есть усе. Вотъ теперя, какъ увидитъ коня, либо гуся, сейчасъ съ работникомъ на коней, да собакъ прихватитъ, ружье—и къ намъ! Какъ это на лугъ въѣхалъ, коней въ полонъ беретъ, а гусей стрѣляетъ—какъ передъ Богомъ говорю!

— Это хоть побожиться можемъ!—удостовѣряетъ кто-то изъ толпы.

— Чего намъ брехать-то!—раздается другой возгласъ.

— Сабаки нехай брешутъ,—подкрѣпляетъ Семенъ и продолжаетъ:—Нонѣ, вотъ, на зорькѣ, только солнышку бы всходить, слышимъ: «тррахъ»! «трахъ-тара-ррахъ»! Спохватились и, ну, бѣгомъ на лугъ, а навстрѣчу ребята бѣгутъ и плачутъ: «Маіоровъ, говорятъ, гусей бьетъ, да коней загоняетъ»... Ахъ ты, головушка наша бѣдная! Поприбѣгали мы, да, ну, кричать, да бѣгомъ за ними—куды-ы тебѣ! только пыль вздымается! Что подѣлаешь? Взяли коней, которые пооставались, и гусей, да, вотъ, въ деревню и пригнали; а за тѣми, что захватилъ, идти надо. Придешь теперя къ нему, да постой денекъ, покуда допуститъ, а допуститъ—по пяти цѣлковыхъ за каждаго коня требуетъ, а не далъ—отработай—какъ передъ Богомъ, ваше степенство, господинъ членъ, говорю! Такъ вотъ мы безъ копѣечки всю до-чиста землю и луга обработываемъ: пашемъ, сѣемъ, косимъ, возимъ, въ скирды складываемъ и молотимъ—провалиться на этомъ мѣстѣ! Что-жъ намъ теперь дѣлать? Явите Божескую милость, ваше степенство, господинъ членъ!

— Я ничего не могу сдѣлать...

На это толпа, какъ одинъ человѣкъ, воскликнула:

— Помогите, ваше степенство!

Я совершенно растерялся.

Между тѣмъ шумъ усиливался болѣе и болѣе, и опять начали долетать отдѣльные, весьма внушительные возгласы: «извѣстное дѣло—паны: они усѣ одинаковы»!.. «да енъ такой, какъ и Маіоровъ»... «дьяволы проклятые»!..

— Отчего вы не размежуетесь?—механически спросилъ я.

Этотъ вопросъ еще болѣе осложнилъ дѣло и вывелъ на сцену новое лицо.

— Да мы, ваше степенство, сколько уже годовъ на счетъ размежовки хлопочемъ,—отвѣтилъ первымъ Семенъ,—вы хоть сами Конона спросите.

— Какого Конона?

— Бѣги, ребята, за Конономъ!—воскликнулъ кто-то изъ толпы.

— Тащи-ка его сюда!—поддерживаетъ другой голосъ.

И сквозь толпу къ дверямъ начало пробиваться нѣсколько человѣкъ, чтобы «притащить» какого-то Конона.

— Да кто это Кононъ?

— Аблакатъ, значитъ, ваше степенство,—отвѣтилъ Семенъ:—забралъ онъ у насъ до-чиста всѣ планы, бумаги, какъ есть все; потомъ—того затребовалъ, чтобы мы, значитъ, по рублю со двора взносъ сдѣлали, а какъ сдѣлали, ждать-пождать—ничего нѣтути: и годъ нѣтути, и два нѣтути и три; мы къ нему, а онъ говоритъ: «вносите еще по полтиннику, а то дѣло не идетъ»—мало, вишь, ему денегъ. Ахъ ты, головушка наша бѣдная! Собрали мы сходку: балакали, балакали—что дѣлать? Давай, говоримъ, ребята, въ городъ ходака пошлемъ къ барчуку, можетъ знаете, сына Григорія Миколаича: по этой части тоже занимается. Ладно. Пошли къ нему, а онъ и говоритъ: «приносите, говоритъ, планты и бумаги, тогда, говоритъ, скажу, что и какъ». Хорошо. Приходимъ къ Конону, а онъ не отдаетъ—что ты подѣлаешь?..

Въ это время послышался шумъ, толпа раздвинулась, и къ столу подошелъ бравый унтеръ-офицеръ съ выпяченною впередъ колесообразною грудью, увѣшанною медалями, съ галунами на рукавѣ и воротникѣ, гладко обстриженный, съ тщательно выбритымъ подбородкомъ и громадными усами.

Держа руки по швамъ, онъ, какъ вкопаный, остановился шагахъ въ двухъ отъ стола и вонзился въ меня большими оловяннаго цвѣта глазами.

— Крестьяне говорятъ,—обратился я къ нему,—что у васъ хранятся ихъ планы и документы на землю, такъ какъ вы ведете дѣло о размежеваніи...

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе!—гаркнулъ онъ по-солдатски, бросивъ косой взглядъ на толпу.

— Какъ нѣтъ?!—раздалось въ толпѣ:—свидѣтели есть!

— Это, ваше высокородіе, они говорятъ, какъ тонкости въ пониманіи не имѣютъ, потому плантовъ и бумагъ у насъ никакихъ не имѣется.

— И вы не брали ихъ вовсе?

— Брать—бралъ, ваше высокородіе, но только передалъ адвокату, какъ дѣловъ такихъ сами мы не ведемъ: мы простыя дѣла беремъ, примѣрно, прошеніе написать, а ежели дѣло со статьями—мы передаемъ.

— Съ кѣмъ же крестьяне условіе заключали?

— Это точно, что съ нами, въ городѣ, у нотаріуса, но только мы передовѣрили повѣренному: онъ, то есть, процентъ мнѣ даетъ, а я ему дѣла доставляю, а сами мы только и ведемъ, ежели безъ статей: закона, то есть, когда не надо.

— Да развѣ есть дѣла безъ закона?

— И оченно даже: приблизительно, ежели, примѣрно, кто

кому въ морду съѣздилъ или, приблизительно, матершиною облаялъ, мы и пишемъ: тогда-то и тогда-то, при такихъ-то, такой-то вдарилъ въ морду,—а статьи тутъ не надо.

— Значитъ, ни плановъ, ни бумагъ у васъ нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе!

— Мы тебѣ отдавали!—раздался голосъ изъ толпы.

— Въ контрактѣ сказано: «съ передовѣріемъ, кому пожелаетъ»,—отвѣчалъ унтеръ, чуть-чуть повернувъ голову въ сторону, откуда послышался возгласъ.

— Никакихъ мы контрактовъ не знаемъ,—отвѣчалъ, повидимому, тотъ же голосъ,—тебѣ мы давали...

— Подписи вашихъ довѣрителей имѣются,—возразилъ унтеръ.

— Брешешь!..

— Имѣются—доказать можемъ!..

— Брешешь!.. Нехай, ваше вскородіе, контрактъ принесетъ!..

И толпа начала напирать на унтера, тѣсно придвинувъ его къ столу.

Опасаясь печальныхъ послѣдствій, я предложилъ ему принести довѣренность, на что онъ охотно согласился, конечно, съ цѣлью убраться по-добру-по-здорову. Когда унтеръ ушелъ, толпа, по моей просьбѣ, вышла изъ избы и расположилась, въ ожиданіи дальнѣйшихъ послѣдствій, на улицѣ. Но прошелъ часъ, другой, а «аблаката» не было. Я началъ уже терять терпѣніе, какъ вдругъ появился верховой, передалъ мнѣ пакетъ и тотчасъ умчался обратно. Заинтересованная толпа придвинулась къ избѣ, а я, вскрывъ пакетъ, нашелъ тамъ написанную прекраснымъ, четкимъ канцелярскимъ почеркомъ бумагу слѣдующаго содержанія *):

«Его Высокородію
Господину чиновнику по особымъ порученіямъ

Рапортъ

18... г. юля 6 дня
№ 127.

Въ виду опаснаго духа своевольнаго населенія и принимая во вниманіе звѣрство онаго, чего ради опасеніе имѣю не токмо за свою жизнь, но и за благополучіе Вашего Высокородія, а также наипаче что взводятъ клевету и невѣрны въ показаніяхъ, осмѣливаюсь непобрезговать вкусить у меня хлѣба и соли и выпить, что Богъ послалъ, и съ глазу на глазъ многое сообщу и обо всемъ разскажу, какъ подъ присягою, памятуя вѣрность престолу и Отечеству. Унтеръ-офицеръ запаса Кононъ Трофимовъ сынъ Мурзилкинъ, а живу съ братомъ, который лавку имѣетъ на концѣ около выгона».

*) Орѳографію измѣняю.

Какъ ни желательно было мнѣ познакомиться съ однимъ изъ типовъ деревенскаго «облаката», но принять предложеніе значило бы сдѣлать вызовъ населенію, а потому я рѣшилъ уѣхать изъ деревни и возвратиться сюда черезъ нѣкоторое время самому или попросить произвести здѣсь изслѣдованіе кого-либо изъ товарищей, добывъ предварительно необходимый планъ и документы, главнымъ образомъ уставную грамоту. Съ послѣднею цѣлью я предложилъ вопросъ,—не знаетъ ли кто, кому именно передовѣрилъ дѣло Мурзилкинъ. Оказалось, что знаютъ многіе, и когда сказали мнѣ фамилію, то я вспомнилъ, что съ такою именно фамиліею въ уѣздномъ городѣ N. существуетъ частный повѣренный болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства.

Я заявилъ, что долженъ съ нимъ повидаться, послѣ чего вторично пріѣду, а теперь попросилъ дать мнѣ подводу до слѣдующей деревни.

Къ моему удовольствію, сходъ не только не изъявилъ претензіи, но даже меня поблагодарили за желаніе помочь дѣлу, и мирно разошлись по домамъ.

Такъ какъ до слѣдующей деревни разстояніе не превышало трехъ верстъ, то я попросилъ доставить туда на подводѣ мои вещи, а самъ отправился пѣшкомъ.

Трудно словами передать то ощущеніе, которое испытывалъ я, когда послѣ душной избы очутился въ привольной степи. Вся она, насколько охватывалъ взоръ, была покрыта высокими густыми хлѣбами, какъ море, колыхавшимися отъ свѣжаго вѣтерка, гулявшаго на безграничномъ просторѣ и умѣрявшаго жаръ іюльскаго солнца. Чистый, прозрачный воздухъ дрожалъ отъ звуковъ безчисленнаго множества жаворонковъ, то точками парившихъ въ безоблачныхъ голубыхъ небесахъ, то, словно камешки, стремглавъ летѣвшихъ внизъ, то, дѣлая спиральные круги, вздымавшихся въ высь.

Скоро, подъ чарующимъ вліяніемъ всеисцѣляющей лѣтней природы, я началъ забывать тяжелыя деревенскія впечатлѣнія и, дыша полною грудью, медленно подвигался по узкой, еле проѣзжанной травянистой полевой дорогѣ среди сплошной стѣны ржи; но на половинѣ дороги они нагнали меня.

Остановившись, чтобы закурить папиросу и случайно оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, что кто-то меня догоняетъ.

Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ подошелъ худой, блѣдный, выше средняго роста человѣкъ, лѣтъ 25, въ лѣтней парусиновой парѣ и соломенной шляпѣ.

— Извините, — сконфуженно заговорилъ онъ и отрекомендовался, — учитель мѣстной земской школы и немножко корреспондентъ, X.

— Очень радъ...

— Я незамѣтно присутствовалъ на сходѣ и догналъ васъ, чтобы переговорить... я встрѣчалъ вашу фамилію въ журналахъ, газетахъ...

— Сдѣлайте одолженіе... Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Но я боюсь... сверемте на межу, въ рожь, вотъ сейчасъ...

— Кого вы боитесь?

— Ахъ, вы не знаете, что такое деревня! Вы не повѣрите, что всѣ мои письма читаются, я получаю свою корреспонденцію распечатанною...

— Отчего же вы не жалуетесь?

— О, Боже мой! Кому жаловаться?..

— Откуда вы получаете корреспонденцію?

— Изъ волости. Смѣшно, но это фактъ, что задолго до полученія своихъ писемъ я узнаю ихъ содержаніе!.. Газета, которую высылаетъ мнѣ редакція, доходитъ до меня не менѣе какъ черезъ недѣлю послѣ получки въ волости, да и то не по порядку; а если посылаю корреспонденцію, то, во-первыхъ, пишу ее поздно ночью, запершись, завѣсивши окна, не смотря на то, что они закрываются ставнями (въ нихъ есть щели), и, во-вторыхъ, бросаю эту корреспонденцію не иначе, какъ въ почтовый вагонъ, въ виду чего отправляюсь на станцію за восемь верстъ и не прямою дорогою, а проселками, чтобы не замѣтили; и на станціи стараюсь такъ бросить, чтобы никто не видѣлъ, потому что на глухихъ станціяхъ и полустанкахъ царятъ у насъ ужасные порядки, гоголевскіе по отношенію къ корреспонденціи; затѣмъ, въ корреспонденціяхъ деревни я не называю, а будто бы кто-то изъ города пишетъ.

При этомъ учитель пугливо оглянулся во всѣ стороны и, замѣтивъ подводу съ моими вещами, вторично сталъ упрашивать меня «свернуть на межу». Я согласился, и мы скоро совершенно скрылись во ржи.

— Такъ, вы говорите, были на сходѣ и видѣли все происходившее?—началъ я разговоръ.

— Да.

— А видѣли верховаго?

— Да, изъ-за-угла... Это вѣрно отъ унтера?

— Вы почему знаете?

— О-о! это ужасная бестія! Что онъ вамъ прислалъ?

Я показалъ «рапортъ».

— Ахъ, подлецъ, — произнесъ учитель, прочитавъ посланіе.— Вы не повѣрите, что здѣсь существуетъ цѣлый заговоръ противъ населенія.

— Противъ населенія?

— Да, да.

— Это очень интересно...

— Я, знаете ли, изучилъ всю махинацію, и хорошо было бы предать это гласности... Я васъ не задерживаю?

— Нѣтъ, пожалуйста...

— Видите ли, въ чемъ дѣло. Послѣ освобожденія крестьянъ, введенія новыхъ судовъ, земства—цѣлая масса лицъ осталась

не у дѣлъ, совершенно неприспособленная къ новымъ условіямъ жизни. Всю свою жизнь они привыкли «кормиться» отъ населенія, а когда открыто дѣлать этого нельзя, то теперь они изобрѣли разные способы, чтобы продолжать «кормленіе». Вотъ хотя бы сегодняшнее дѣло, о которомъ вы узнали на сходѣ. Въ городѣ существуетъ нѣкій Z, бывшій секретарь уѣзднаго суда, хапуга и плутъ. Оставшись не у дѣлъ, онъ превратился въ частнаго повѣреннаго и ведетъ, главнымъ образомъ, деревенскія дѣла, которыя прибыльнѣе всего. Съ этого цѣлью онъ имѣетъ агентовъ чуть не въ каждой деревнѣ и платитъ имъ отъ дѣла, въ нашей деревнѣ агентомъ состоитъ вотъ этотъ унтеръ. Теперь вотъ что они дѣлаютъ. Крестьяне говорили совершеннѣйшую истину: имъ житья нѣтъ, благодаря невѣроятной черезполосицѣ. Унтеръ, конечно, знаетъ объ этомъ и сообщилъ Z. Тотъ забралъ планы и документы и увидѣлъ, что дѣло хорошее; а хорошее оно вотъ почему: въ губерніи, какъ узналъ Z., сочувствуютъ размежовкѣ, и, если бы какъ слѣдуетъ приняться за дѣло, ея можно было бы добиться; а маіоръ ни за что размежовки не желаетъ, такъ какъ къ нему тогда никто не поѣдетъ работать; тогда Z. отправляется къ маіору, все доподлинно сообщаетъ, и маіоръ—клянусь Богомъ!—«покупаетъ» у Z. это дѣло вмѣстѣ съ планами и документами за 500 руб., изъ которыхъ 100 р. дано унтеру.

— Вы это навѣрное знаете?

— Честное слово!

— Но вѣдь уже собрано было на веденіе дѣла по рублю со двора—значитъ, деньги пропали?

— Ко-не-чно-о!

— А какъ же планы и документы онъ продалъ?

— А очень просто: крестьяне не взяли росписки и не могутъ доказать, что у нихъ отобрано.

— Но довѣренность?

— Тамъ объ этомъ ни слова!

— Жаль, что я не видѣлъ этого контракта!

— Да онъ бы вамъ и не показалъ.

— Зачѣмъ же онъ приглашалъ меня?

— Э-э! это дипломатія! Въ кабакѣ у его брата всѣ сдѣлки совершаются: народъ опаивается сивухою, а для «благородныхъ» и шампанское найдется—они и думали васъ накатить...

— Ну?

— Да ужъ это будьте спокойны! Вы полагаете, что вамъ это даромъ обойдется? Ни-ни!

— Что такое?

— Да то, что вы ихъ не посѣтили.

— Что же они могутъ со мною сдѣлать?

— Ужъ не знаю, что придумаютъ, а сдѣлаютъ...

— Ну, это ужъ вы слишкомъ боитесь...

— Попомните мое слово—тогда напишете?

— Съ удовольствіемъ. Пойдемъ теперь на дорогу: мнѣ надо въ X.

— Идемъ.

Нѣкоторое время мы шли молча, а передъ выходомъ на дорогу учитель смущенно спросилъ меня:

— Нѣтъ ли у васъ въ управѣ какого-нибудь мѣстечка?

— Для кого?

— Да для меня.

— А учительство?

— Эхъ, бáтюшка мой, ужъ больно тяжело! Начать съ того, что начальства надъ учителемъ много: урядникъ, становой, сельскій староста, старшина, волостной писарь, земскій начальникъ, земская управа, предводитель дворянства, попечитель школы, инспекторъ народныхъ училищъ, директоръ—вотъ видите—11 прямыхъ начальниковъ! Затѣмъ, жалованья всего-то получаю я 18 рублей въ мѣсяцъ безъ квартиры, а у меня жена и двое ребятъ... Э-эхъ, одно слово! Хорошо и нетрудно громкія и хорошія слова говорить: «великое и святое дѣло»... «просвѣщеніе массъ».., да, вѣдь, голоднаго и холоднаго словами этими и не накормишь, и не согрѣешь... Ходишь по классу, учишь, а какъ вспомнишь, что лежитъ у тебя больная жена, что одежды къ зимѣ дѣтишкамъ нѣтъ, что ростутъ они круглыми невѣжами, что въ будущемъ виднѣется одна сумà, такъ, знаете ли, остолбенѣешь, станешь среди класса, какъ истуканъ, и до того задумаешься, что ребята за сумасшедшаго принимаютъ... Не дай Богъ нашей жизни врагу!

И учитель, крѣпко пожавъ мою руку, сказалъ: «а я дорогою не пойду: отправлюсь рожью». Затѣмъ, удалившись на нѣкоторое разстояніе, онъ крикнулъ: «не забывайте, что отъ васъ ждетъ помощи глубоко страдающій человѣкъ, жалкій, несчастный просвѣтитель народа! Прощайте»!

И учитель скрылся во ржи, а я побрелъ своею дорогою.

Закончили мы изслѣдованіе уѣзда, уѣхалъ я въ губернскій городъ, былъ потомъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ и совершенно забылъ и деревню, и маіора, и учителя. Только глубокою осенью, приступивъ къ обработкѣ матеріала, оказалось, что нѣкоторыя имѣнія ускользнули отъ описанія, и въ томъ числѣ имѣніе уѣзднаго предводителя дворянства. Къ нему я и отправился въ городъ. На этотъ разъ, къ моему удовольствію, я засталъ его дома, и, когда отрекомендовался, онъ шутливо сказалъ:

— А мнѣ-то васъ и надо! По-дать сюда Тяпкина-Ляпкина!

— Въ чемъ дѣло?

— Вы зачѣмъ народъ бунтуете?

— Я?

— Да, да, батенька, не отговаривайтесь: улики на лицо.

И, когда мы вошли въ кабинетъ, предводитель изъ одного ящика своего письменнаго стола досталъ бумагу и попросилъ прочесть ее вслухъ. И я прочелъ слѣдующее:

«Давно уже вращаются слухи о проникновеніи по деревнямъ именующихъ себя чинами земства неизвѣстныхъ личностей. Сего 6 іюля раннимъ утромъ въ деревнѣ X. таковая личность появилась, причемъ, по объясненію возившаго его, явствуетъ, что оный распространяетъ тревожные слухи о земельномъ равненіи на предметъ оцѣнки въ равной препорціи какъ имуществовъ господъ дворянъ, такожде и мужицкихъ. Духъ населенія, и до сихъ поръ хранившій подъ пепломъ своимъ искры, отсего воспламеняется пламенемъ наипаче по слѣдующему случаю, требующему неотложныхъ мѣръ. Луга маіора N, будучи поѣдены скотами X—скихъ мужиковъ, арестованныхъ имъ маіоромъ, вызвали оныхъ сопротивленіе, чему оная личность не токмо что явное сочуствіе проявила, но и отправилась въ деревню для вящаго умовъ возбужденія. Опасаясь послѣдствій, имѣю честь донести, что оная личность (мое имя и фамилія) себя именуетъ и ѣздитъ съ бумагами подъ №№: отъ губернской управы 126, отъ уѣздной 44, а отъ Господина исправника 57. Ростъ выше средняго, волоса темнорусые, носъ длинный съ выпуклостію посередкѣ, глаза на подобіе цвѣта голубого, бородатъ, особыхъ примѣтъ нѣтъ, въ обращеніи отмѣнно деликатенъ и на разговоры мастеръ».

— Кто это писалъ?—спросилъ я.

— Счастіе ваше, что донесеніе анонимное,—отвѣтилъ, улыбаясь, предводитель.

— Но вы не догадываесь?

— Судя по слогу, вѣроятно, одинъ тутъ частный повѣренный, скотина страшная, бывшій служака стараго суда, но почеркъ не его...

— Теперь я все знаю!—воскликнулъ я.

— Откуда?

И я разсказалъ всю исторію предводителю, прибавивъ, что проигралъ пари учителю, который предсказывалъ мнѣ все это.

— А гдѣ учитель?—спросилъ я.

— Онъ теперь въ кабакѣ сидитъ.

— Какъ въ кабакѣ?

— Въ сосѣдней губерніи винная монополія открылась, и отъ насъ половина учителей разбѣжалась.

— Неужели?!

— Чему вы удивляетесь? Вѣдь надо же людямъ ѣсть и пить.

— Это, положимъ, вѣрно... нужно. А маіоръ?

— Занимается, попрежнему, мародерствомъ...

— Неужели ничего нельзя сдѣлать?

— А что вы подѣлаете?

— Ну, а земскій?

— Земскій? Да онъ въ долгу, какъ въ пуху, у брата «унтера» какъ вы называете, у кабатчика.

— Да?

— Въ невылазномъ.

— Значитъ, все пойдетъ по прежнему.

— Нѣтъ есть надежда: скоро маіора съ молотка продадутъ— кому только достанутся его земли?

Получивъ затѣмъ необходимыя свѣдѣнія отъ любезнаго предводителя, я распрощался съ нимъ и уѣхалъ, чтобы болѣе не возвращаться ни въ городъ N, ни въ уѣздъ N—скій.

И. П. Бѣлоконскій.

НА ТИХОМЪ ДОНУ.

(Лѣтнія впечатлѣнія и замѣтки).

IV.

Интеллигентная публика «Есаула». Разговоръ о казачьемъ житьѣ-бытьѣ.

Нельзя сказать, чтобы путешествіе на «Есаулѣ» блистало особымъ разнообразіемъ и удобствами. Прежде всего—всѣ мы терпѣли отъ чрезмѣрной жары: днемъ на солнцѣ было 42° R. На маленькой верхней площадкѣ, пребываніе на которой разрѣшалось только пассажирамъ перваго и второго классовъ, далеко не всѣмъ хватало мѣста. Подымешься туда изъ душной каюты,—непріятно-теплый, почти горячій вѣтеръ пахнетъ въ лицо. Лучшія скамьи—въ тѣни—всѣ уже заняты; остались или тѣ, которыя на солнцѣ, или около трубъ, откуда пышетъ невыносимый жаръ. Виды стали довольно однообразны: по правую сторону—высокій, глинистый, красноватый берегъ, покрытый сверху тощимъ сѣрымъ полынкомъ; у самой воды—кучи краснаго рогатаго скота, застывшія, точно каменныя, и овецъ, сбившихся отъ мухъ въ одну тѣсную, неподвижную группу. На лѣво—песчаная коса, а за ней—плохенькій лѣсокъ. Мы идемъ противъ солнца. Легкая зыбь покрываетъ весь Донъ; слышно глухое шипѣнье изъ подъ парохода. Впереди ослѣпительно-яркая полоса воды волнуется подъ солнцемъ, какъ расплавленное серебро; серебристыя звѣздочки свѣта вспрыгиваютъ, перегоняютъ друга друга, сыплются, точно алмазный дождь...

На пароходѣ знакомства заключаются быстро, и общеніе между пассажирами тѣснѣе, чѣмъ на желѣзныхъ дорогахъ. На небольшомъ и тѣсномъ «Есаулѣ» публика первыхъ двухъ классовъ почти вся перезнакомилась въ какой-нибудь часъ. Большинство ѣдущихъ было прикосновенно къ разнымъ отраслямъ коммерціи. Лицъ интеллигентныхъ профессій было немного: два казачьихъ офицера, одинъ учитель гимназіи и три лица судебнаго вѣдомства. Послѣ приба-

вилось еще нѣсколько человѣкъ, ѣхавшихъ, впрочемъ, на короткія разстоянія.

Жарко и скучно: Съ низу, съ палубы, доносятся звуки гармоники; у палубныхъ пассажировъ веселѣе. Нашъ общій разговоръ поддерживается, только благодаря словоохотливому товарищу прокурора, длинному и тощему рыжему господину въ чесунчовомъ пиджакѣ. Онъ началъ свою рѣчь, собственно, съ недостаточности вознагражденія, получаемаго чинами судебнаго вѣдомства, а учитель гимназіи указалъ ему на скудное содержаніе народныхъ учителей и заговорилъ о казачьей бѣдности вообще.

— Казаки!—воскликнулъ краснорѣчивый товарищъ прокурора:—я не знаю людей большей косности! Это—полнѣйшая отсталость во всемъ, безпечность какая-то солдатская, невѣжество... Я сравниваю ихъ съ малороссами,—самъ я изъ Малороссіи и знаю очень ее хорошо... Какое же можетъ быть сравненіе?

Онъ выдвинулъ противъ казаковъ именно тѣ самыя обвиненія, которыя, можетъ быть, въ Малороссіи говорилъ бы противъ малороссовъ, въ Москвѣ—противъ великороссовъ,—однимъ словомъ, обвиненія чернорабочаго въ лѣности и во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ.

— Помилуйте,—продолжалъ онъ:—казакъ даже садовъ не желаетъ разводить, а садитъ только виноградъ. Спросите его, почему онъ не садитъ фруктовыхъ деревьевъ? Онъ вамъ скажетъ:—«да-а, вѣдь за ними ходить надо»!.. Онъ лѣнится выдернуть изъ стога воламъ сѣна, а пускаетъ весь скотъ прямо на гумно; конечно, два пуда будетъ съѣдено, а двадцать потоптано... Насмотрѣлся я на этихъ господъ! Третій годъ здѣсь живу,—слава Богу... По своему положенію, я знакомъ коротко съ видами и количествомъ преступленій казаковъ. Кража—вотъ альфа и омега казацкаго существованія... Онъ пройти нигдѣ не можетъ, чтобы не стянуть чего-нибудь... Вы знаете, почему ихъ не допускаютъ служить на желѣзныя дороги? Крадутъ!.. Его даже близко опасно подпустить къ дорогѣ: или винтъ какой стянетъ, или рельсъ отворотитъ...

— Да что такое, въ сущности, казакъ?—продолжалъ товарищъ прокурора, не слушая возраженій со стороны учителя:—это своего рода рантье... У него отъ 20 до 30 десятинъ на пай; онъ привезетъ лишь рабочихъ на свое поле и наваритъ имъ каши,—только его и обязанностей... А самъ онъ ничего, въ сущности, не дѣлаетъ. Воинская повинность? Такъ нынче всѣ отбываютъ воинскую повинность, не одни казаки... Нѣтъ, это, знаете, народъ странный, чтобы не сказать хуже. Одно здѣсь хорошо, что жидовъ нѣтъ,—за это надо благодарить вашего наказного атамана. А вообще, это сословіе или народъ (не знаю, какъ назвать)—въ высшей степени отсталое и нуждается въ воздѣйствіи...

Оратору начали горячо возражать и учитель гимназіи, и смуглый, широкоплечій офицеръ—оба донцы по происхожденію.

— Одно мнѣ странно,—заговорилъ первымъ офицеръ:—Вы меня извините! Конечно, я самъ—казакъ, не могу судить безпристрастно, однако... То, что вы сейчасъ высказали, приходилось мнѣ слышать не разъ,—только отъ людей мало свѣдущихъ. Прежде всего не вѣрны факты: казачьи паи въ 20—30 десятинъ отошли давно уже въ область преданія. Здѣсь вотъ, напримѣръ, гдѣ мы ѣдемъ, у верховыхъ казаковъ, вы не найдете надѣла свыше 10-ти десятинъ. По Хопру есть, говорятъ, станицы, гдѣ казачій пай—пять десятинъ! А вы говорите—рантье... Хорошъ рантье на пяти десятинахъ! И за эти 5—6 десятинъ нашъ рантье обязанъ службой въ теченіе 15 лѣтъ. Чтобы выступить въ полкъ, онъ долженъ единовременно затратить не менѣе 300 рублей—на коня и всю «справу», потому что все, до послѣдней нитки, у него свое собственное, а не казенное. Триста рублей и для меня, и для васъ—значительныя деньги, а возьмите казака съ его маленькимъ хозяйствомъ, подверженнымъ всѣмъ несчастнымъ случайностямъ (неурожай, падежъ скота, дешевыя цѣны и проч.),—для него это—просто умопомрачительная сумма, которая сдѣлаетъ непоправимую брешь въ его благосостояніи... Затѣмъ, нашъ рантье не можетъ отлучиться изъ станицы болѣе, какъ на одинъ мѣсяцъ; частная служба для него закрыта, потому что постоянные смотры, лагерные сборы, пробныя мобилизаціи отвлекаютъ его отъ дѣла... Вы, положимъ, нѣсколько оригинально объясняете причину, почему ихъ не берутъ, напримѣръ, на желѣзнодорожную службу, но это объясненіе ужъ очень наивно. Если бы вы были заинтересованы даннымъ вопросомъ, то вамъ были бы извѣстны нѣкоторые циркуляры военнаго министерства... По самой скромной оцѣнкѣ казакъ затрачиваетъ на военную службу болѣе тысячи рублей за тѣ пять—шесть десятинъ, на которыхъ онъ съ грѣхомъ пополамъ прокармливаетъ свое семейство... Цифра почтенная, и хоть бы намъ съ вами въ пору такъ послужить отечеству... Вотъ вамъ и странное сословіе! Это странное сословіе находится въ каждую данную минуту въ полной боевой готовности и черезъ недѣлю какую-нибудь уже будетъ на границѣ «проливать кровь за отечество»... Я не знаю, есть ли такое мѣсто въ Европѣ и въ большей части Азіи, гдѣ бы не пролилась казачья кровь...

Офицеръ, видимо, былъ задѣтъ и сильно волновался.

— Что касается нашего невѣжества, то вы, пожалуй, отчасти правы,—началъ затѣмъ говорить учитель:—но, во 1-хъ, одни ли казаки невѣжественны на Руси, а во 2-хъ, отчего же это происходитъ? На всю громадную территорію области приходится только одна гимназія—въ Новочеркаскѣ (Ростовская и Таганрогская гимназіи переполнены своими горожанами), да и въ той параллельные классы закрыты. Вообще, классическое и другое среднее образованіе признаны, кажется, здѣсь войсковымъ начальствомъ не соотвѣтствующими потребностямъ края. Взамѣнъ закрытыхъ гимназій (ихъ было нѣсколько,—въ Усть-Медвѣдицѣ, Нижне-Чирской, Ка-

менской станицахъ), открыты низшія военно-ремесленныя училища, гдѣ обучаютъ дѣлать сѣдла и плети... Стоило многихъ хлопотъ донскому дворянству, чтобы, вмѣсто закрытой Усть-Медвѣдицкой гимназіи, разрѣшено было открыть реальное училище...

— А изъ этихъ военно-ремесленныхъ школъ,—извините, я васъ перебью,—опять вступилъ въ разговоръ офицеръ:—выпускаютъ молодыхъ людей, совсѣмъ ни къ чему негодныхъ. Если его не станутъ кормить дома, онъ съ голоду умретъ, потому что его ремесло только для военныхъ надобностей, а между тѣмъ ему ничего не закажутъ,—не угодно ли брать вещи отъ войскового коммиссіонера? Обязаны брать отъ коммиссіонера! Иной казакъ—бѣдный, думаетъ, въ дѣло произведетъ сына, а глядишь, онъ кончилъ курсъ, вернулся домой и опять же ему на шею садится: отъ земледѣльческой работы отвыкъ, а ремесло, какое изучалъ, не даетъ ему ничего... У насъ, правду сказать, нельзя объ этомъ особенно громко разсуждать; народъ мы подчиненный, дисциплинированный, держи руки по швамъ и исполняй, что прикажутъ. А ужъ что касается образованія нашихъ дѣтей, такъ это—однѣ слезы...

— Вы посмотрите,—продолжалъ свою рѣчь учитель:—что дѣлается въ Новочеркасскѣ въ августѣ. Городъ съ 50,000 жителей, да въ станицахъ во всѣхъ есть офицеры, чиновники, зажиточные казаки, которые тоже желали бы дать дѣтямъ образованіе. Кажется, вполнѣ законное желаніе? И вотъ являются держать экзамены—всюду конкурсные—и держатъ одновременно и въ гимназіи, и въ реальномъ училищѣ, и въ кадетскомъ корпусѣ, кто имѣетъ права, и въ духовномъ даже училищѣ, если остаются вакансіи отъ дѣтей лицъ духовнаго званія... Представьте себѣ, эти мытарства долженъ пройти десятилѣтній мальчикъ—казаченокъ, чтобы имѣть возможность вкусить отъ древа познанія... Ну, и рѣжемъ... Куда же, въ самомъ дѣлѣ, дѣвать всѣ три—четыре сотни, стоящія у входа въ святилища наукъ?

— Положимъ, это явленіе повсюдное,—возразилъ товарищъ прокурора.

— Не знаю. Насколько мнѣ извѣстно, во внутреннихъ губерніяхъ въ каждой по нѣскольку гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Да если и такъ, такъ казаку отъ этого не легче! При такомъ положеніи дѣла вы долго еще будете имѣть возможность громить его отсталость и невѣжество...

V.

Нѣсколько словъ о донскомъ казакѣ.

Что такое казакъ? Какова его жизнь? — этотъ вопросъ долго волновалъ меня послѣ приведенной выше бесѣды.

Большинство русской публики привыкло подъ словомъ «казакъ»

разумѣть своеобразнаго воина въ папахѣ на бекрень, на маленькой лошадкѣ, съ пикой въ рукѣ, съ длинными волосами, зачесанными за ухо и торчащими изъ-подъ папахи въ видѣ щегольского вихра. Публика эта знаетъ, можетъ быть, о казакахъ нѣсколько анекдотовъ, касающихся, главнымъ образомъ, того, что казакъ—мастеръ «сцапать», «сорвать да удрать»; мелькомъ слышала, что гдѣ-то на окраинѣ государства живутъ казаки въ станицахъ, лежатъ себѣ въ виноградникахъ, попиваютъ вино и поютъ свои казацкія пѣсни.

Но не многимъ изъ этой публики интересно знать, что все, что они видятъ на этомъ оригинальномъ воинѣ, начиная отъ краснаго верха папахи и кончая подошвой сапога, а также—его конь, сбруя—все это не казенное, а его собственное, пріобрѣтенное за дорогія трудовыя деньги. Этотъ воинъ, въ то время, какъ джигитуетъ или ѣдетъ съ удалою пѣсней на конѣ, часто съ сокрушеніемъ сердца думаетъ, что послѣ этой поѣздки на его неуклюжемъ, новой формы, мундирѣ сзади останется пятно отъ сѣдла и, пожалуй, послѣ двухъ-трехъ разъ самый мундиръ пойдетъ въ бракъ (на «вседневный»), а парадный придется «справлять» снова.

Въ домашней жизни, въ будній день, казакъ далеко не имѣетъ столь щеголеватаго вида, какъ на смотрахъ. Фуражка на немъ, хотя съ краснымъ околышемъ, но похожа на просаленный и поджаренный блинъ; вмѣсто мундира—черный зипунъ или старая, заплатанная поддевка; вмѣсто сапогъ—чирики; вмѣсто шароваръ съ красными лампасами—просто полосатые или синіе портки... Однимъ словомъ, это—тотъ загорѣлый, завѣтренный, мазаный человѣкъ, надъ которымъ неизмѣнно тяготѣетъ суровая власть земли и нужды и вѣчная необходимость неустаннаго труда, чтобы не умереть съ голоду. Кромѣ всего этого, на немъ давящимъ бременемъ лежитъ—даже въ домашней жизни—обязанность быть каждую минуту готовымъ выступить въ полномъ вооруженіи и на своемъ собственномъ конѣ противъ враговъ отечества...

По самой скромной оцѣнкѣ, «издержки казака по воинской повинности, въ общей сложности, простираются до 1,079 р. 25 к.» *).

Откуда же онъ долженъ достать столь значительную сумму? Изъ земли, изъ своего казачьяго пая. Казачій пай, по «Положенію», долженъ простираться отъ 25 до 30 десятинъ земли, и за эту землю казакъ долженъ нести свою службу царю и отечеству. Но въ настоящее время о такомъ размѣрѣ казачьяго пая остались лишь одни пріятныя воспоминанія: пай уменьшился въ три, въ четыре раза, а между тѣмъ трудность военной службы увеличилась, потому что «справой», т. е. снаряженіемъ казака утѣсняютъ теперь гораздо больше, чѣмъ когда бы то ни было.

*) С. Номикосовъ. Статистическое описаніе Области Войска Донского, стр. 347.

— Прежде простѣй было,—говоритъ казакъ:—служили тогда хотя и больше, и тяжелѣй, ну—доходъ былъ... военное же время!.. А насчетъ справы впередъ вовсе было просто: лошадь не мѣряли, а что ни самый крутой маштачекъ, тотъ и шелъ въ дѣло. Я вотъ—большого роста, а пошелъ на малой лошади, только, конечно, она связная собой, крутая, сильная лошадка... Въ Грузіи, по горамъ, самыя эти лошадки только и выдерживали, а большія—ни къ чему оказались... Да чего въ ней толку—въ большой-то лошади? Только лишь деньги лишвія переплачиваемъ. Теперь вотъ, слышно, въ гвардію ужъ не стали брать лошадей въ $1^1/_2$ вершка; меньше двухъ—ни какъ! а зря... И прочая справа впередъ не въ примѣръ дешевле была: шинель—«бабушкиной» фабрики, т. е. сукно самодѣльшинное, сѣдло, уздечка—все это—домашняго приготовленія и вѣчное, не износишь! Прочнѣй много разъ, чѣмъ теперь коммиссіонерскія...

Посмотримъ, для примѣра, какъ теперь изворачивается и воинствуетъ съ нуждой мой хорошій знакомый—казакъ Иванъ Спиридоновъ.

Семейство его состоитъ изъ двѣнадцати человѣкъ. Эти двѣнадцать человѣкъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи четыре пая, каждый—размѣромъ въ $7\frac{1}{2}$ десятинъ, и этими 30-ю десятинами удовлетворяютъ всѣ свои нужды. Казаковъ—четверо: самъ Иванъ Спиридоновъ, старикъ Спиридонъ—его отецъ, два зятя. Остальные члены: старуха - теща, жена Ивана Спиридонова, двѣ дочери и четверо внучатъ. Всѣ казаки добросовѣстно уплатили свою дань отечеству: старикъ Спиридонъ служилъ на Кавказѣ и бралъ Шамиля, самъ Иванъ Спиридоновъ состоялъ въ послѣднюю войну въ Рущукскомъ отрядѣ, зятья его продолжаютъ отбывать повинность и до настоящаго времени. Въ общей сложности, слѣдовательно, Иванъ Спиридоновъ уплатилъ за тѣ 30 десятинъ, которыми теперь пользуется его семейство,—4,320 рублей,—сумма довольно почтенная и для отечества не обидная.

Теперь посмотримъ, какъ же онъ изворачивался и продолжаетъ изворачиваться, уплачивая отечеству столь солидную сумму и въ то же время прокармливая и себя съ своимъ семействомъ.

Мы застаемъ Ивана Спиридонова въ тотъ моментъ, когда онъ «справляетъ» въ полкъ второго зятя. «Справа»—это главный, самый головоломный вопросъ для казака; это—центръ его жизни, дѣлящій ее на двѣ половины: до службы въ полку, или до «справы», и послѣ «справы», т. е. послѣ службы. Все время, до выхода въ полкъ, онъ думаетъ только о ней; послѣ выхода онъ вспоминаетъ о ней или съ облегченіемъ, или съ проклятіемъ, или съ гордостью...

Нельзя сказать, чтобы у казака не было крупныхъ единовременныхъ затратъ и до снаряженія на службу. Расходъ, напримѣръ, на женитьбу сына или на пріемъ зятя тоже чувствителенъ,

такъ что казакъ съ полнымъ правомъ послѣ обыкновениио говоритъ сыну:

— Ну, слава Богу, до дѣла тебя довелъ—женилъ; еще справить надо, и тогда ужъ ты на меня не жалуйся!

Но хотя свадьба обходится тоже не дешево, однако этотъ расходъ въ сравненіи съ справой еще пустяки.

Прежде всего Ивану Спиридонову для зятя нужна строевая лошадь. Есть у него лошадь, и не плохая лошадь, твердая, «маштаковатая», отличная лошадь, по прежнимъ временамъ—самая годная лошадь была бы, а теперь—«въ мѣру не выходитъ»... Какъ на бѣду, зять его—казакъ высокаго роста, и лошадь для него, по новымъ правиламъ, требуется ростомъ, по крайней мѣрѣ, 2 арш. $1\frac{1}{2}$ вершка. Поэтому бураго мерина приходится продать, а «подъ строй» купить новую лошадь. А жалко бураго («Не лошадь, а ракета!»—съ сердечнымъ сожалѣніемъ говоритъ о немъ Иванъ Спиридоновъ). Продаетъ нужда и продаетъ дешево; туда же надо присоединить и двѣ пары быковъ,—по голодному году пошли тоже почти за ничто: одна пара за 60 рублей, другая—за 50. Думалъ, что за двѣ пары коня «выгадаетъ», анъ нѣтъ—«не выгорѣло». За коня отдалъ 120 руб.

Остается «докладъ».

Казакъ, при выходѣ въ полкъ, долженъ имѣть около шестидесяти вещей, пріобрѣтенныхъ за свой счетъ въ магазинахъ войскового коммиссіонера. Хотя и скучно перечисленіе этихъ вещей, но тѣмъ не менѣе я прошу позволенія поименовать ихъ:

1) Сѣдло съ приборомъ; уздечка съ чумбуромъ, недоуздокъ; чемоданъ и шесть пряжекъ; саквы сухарныя; попона съ трокомъ; торба; щетка, скребница; фуражирка; сѣтка; тренога и плеть, саквы овсянныя.

2) Шашка; пика; портупея и темлякъ; патронташъ и поясной ремень; кушакъ, чушка и кабура; шнуры (чехолъ на винтовку).

3) Два чекменя и двое шароваръ; шинель; папаха форменная; фуражка; башлыкъ; теплушка; полушубокъ; гимнастическая рубаха; двѣ пары сапогъ; галстухъ; двѣ пары перчатокъ; три рубашки; трое подштанниковъ, двѣ пары холщевыхъ портянокъ, одна пара суконныхъ; два утиральника; двѣ пары подковъ; сумка съ мелочью; набрюшникъ.

Стоимость всѣхъ этихъ вещей равна 110 руб. 75 к.

Наконецъ, казакъ снаряженъ. На сборномъ пунктѣ взяты въ магазинѣ всѣ вещи, которыя не разрѣшено пріобрѣтать хозяйственнымъ способомъ. Надо замѣтить, что казакамъ запрещено самимъ дѣлать или заказывать предметы обмундированія (напр., чекмень, шинель, мундиръ и проч.); въ интересахъ единообразія они должны пріобрѣтать эти вещи отъ войскового коммиссіонера. Нечего и говорить, что такой способъ обмундированія крайне невыгоденъ и убыточенъ казаку.

— Прежде справа была вѣчная,—говоритъ Иванъ Спиридоновъ:—до износу справлялись... А теперь—осѣдлалъ, выѣхалъ—приструги сейчасъ лопнули. У меня сѣдельце сейчасъ лучше, чѣмъ у моихъ затьевъ, а я справлялъ въ 74 году. Начальство—оно одно знаетъ: ты съ своимъ не лѣзь, бери, гдѣ указываютъ... А я лучше передамъ два-три рубля, да чтобы знать, за что отдать...

На смотру тщательно осмотрѣно все, до послѣдняго ремешка. Главное вниманіе при этомъ обращается не столько на доброкачественность вещи, сколько на клеймо магазина. «Магазинныя» вещи, хотя плохого качества *), принимаются всѣ; домашнія—нерѣдко отмѣняются.

За недѣлю до выхода въ полкъ Иванъ Спиридоновъ покупаетъ ведро водки, а казакъ-служивый, нарядившись уже въ полную походную форму, приглашаетъ родныхъ въ послѣдній разъ погулять съ нимъ и попрощаться.

Въ день выхода у Ивана Спиридонова въ домѣ многочисленные гости. Ведра водки недостало; пришлось еще прикупить. Въ переднемъ углу сидитъ старый глухой дѣдъ Спиридонъ, по сторонамъ его ближайшіе родственники, на задней скамьѣ—бабы, на лавкахъ у стѣнъ молодые казаки. Иванъ Спиридоновъ разноситъ водку съ видомъ печальной покорности и безропотности. Казаки поютъ пѣсни. На дворѣ раздаются выстрѣлы. Старики вспоминаютъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, о старой службѣ и жалуются на новые порядки; бабы плачутъ.

Время уже за полдень.

— Ну, пора трогаться... Время,—говоритъ, наконецъ, Иванъ Спиридоновъ съ грустью:—давайте выпьемъ еще по стаканчику, помолимся Богу и въ путь...

Всѣ встаютъ.

— Благословите, батюшка, коня сѣдлать,—говоритъ служивый, кланяясь Ивану Спиридонову въ ноги.

— Богъ благословитъ, милый сынокъ, и я благословляю,—говоритъ торжественно Иванъ Спиридоновъ.

Служивый удаляется на нѣсколько минутъ, чтобы осѣдлать коня. Затѣмъ, когда онъ возвращается назадъ, всѣ присаживаются на минуту, встаютъ и молятся Богу,—усердно, сосредоточенно и молча крестясь въ уголъ, на темныя старыя иконы.

— Простите и благословите, батюшка и мамушка!—говоритъ сквозь слезы служивый, становясь на колѣни передъ Иваномъ Спиридоновымъ и его женой.

Сквозь слезы, трясущимися руками, Иванъ Спиридоновъ надѣ-

*) Въ настоящее время недобросовѣстность войскового коммиссіонера отмѣчена даже въ циркулярахъ окружныхъ атамановъ, рекомендующихъ пріобрѣтать вещи отъ военно-ремесленныхъ училищъ.

ваетъ на шею зятя икону и говоритъ что-то невнятное и трогательное.

— Богъ... бо... словитъ... служи... милый мой... ста... райся...

Да не чаяло красно солнышко
На закатѣ рано быть,—

звенитъ грустная пѣсня:—

Да не думала родимая матушка
Своего сыночка избыть...
Избыла-то, она изжила его
Во единый скорый часъ,
Во единый скорый часъ, во минуточку одну...
Ужъ ты справь-ка, справь, родимый мой батюшка,
Справь червленый мнѣ корабль!
Ты пусти-ка, пусти, сударь батюшка,
По синю морю гулять...
Вдоль по морюшку, вдоль по синему
Сѣра утица плыветъ.
Вдоль по бережку, вдоль по крутому
Родная матушка идетъ.
Все кричитъ она да зоветъ она
Громкимъ голосомъ своимъ:
— «Ты вернись же, вернись, чадо милое,
Распростись-вернись со мной»...
— Ужъ не плачь же, не плачь, родимая матушка,
Не печаль же ты меня,
Ты наплачешься, нагорюешься и опослѣ меня...
Я бы радъ къ тебѣ вернуться—
Корабль волны понесли,
Корабельщики, парни молодые,
Разохотились—шибко гребутъ...

Вонъ ужъ на конѣ служивый, онъ стрѣляетъ вверхъ изъ пистолета и выѣзжаетъ, гарцуя, изъ воротъ. За нимъ трогается рыжая кобыла, запряженная въ арбу съ сѣномъ, съ провіантомъ, съ пикой, торчащей далеко сзади своимъ остріемъ. За арбой пестрая толпа народа съ пѣсней.

Плачутъ бабы, плачетъ Иванъ Спиридоновъ, плачетъ старый Спиридонъ, реветъ маленькій его правнукъ Васятка... Прощай, родная станица!..

Въ теченіе девяти дней, которые приходится провести на сборномъ пунктѣ, пока производится осмотръ лошадей и амуниціи, Ивану Спиридонову приходится достаточно таки помыкаться. Прежде всего—непроизводительныя траты: на дрова (квартиры—безплатныя), на горячую пищу, фуражъ, могарычи кое-кому. Кромѣ того—совсѣмъ неожиданное затрудненіе: ветеринарный врачъ призналъ строевого коня негоднымъ, потому что нашелъ припухшими подчелюстныя железы.

— Вашескобородіе! помилуйте! первая лошадь... Можно сказать, офицерскій конь...—тономъ самой покорной просьбы возражалъ озадаченный Иванъ Спиридоновъ.

— Тебѣ говорятъ, нельзя такихъ принимать: сапомъ можетъ заболѣть!

— Да вѣдь молодая лошадь, вашескобродь: въ конюшнѣ стояла, лошадь жирная, извѣстное дѣло—мытится въ это время всегда...

— Ты меня не учи! я самъ, братъ, больше тебя знаю... Предписано не принимать, и не принимаемъ.

Иванъ Спиридоновъ разводитъ руками и безпомощно оглядывается по сторонамъ.

— Первая лошадь, можно сказать, гвардейскій конь и—отмѣняется... ну, дѣла-а!—повторяетъ онъ про себя:—а взять сейчасъ вотъ у господъ офицеровъ лошади,—тьфу, больше ничего! ахъ, ты сдѣлай твое одолженіе!..

Но нѣтъ на свѣтѣ такого затруднительнаго положенія, чтобы нельзя было найти изъ него выходъ. И къ вечеру выходъ найденъ. Вечеркомъ Иванъ Спиридоновъ сидѣлъ въ трактирчикѣ съ молодымъ ветеринарнымъ фельдшеромъ, а передъ ними стояла небольшая бутылка водочки. Фельдшеръ говорилъ:

— Ужъ вы насчетъ этого, дяденька, будьте спокойны! однимъ словомъ—лошадь ваша примется...

— Да чтобы вѣрно было, Василій Фоломѣвичъ!—убѣдительно просилъ Иванъ Спиридоновъ.

— Ужъ я вамъ говорю—вѣрно! мое слово—олово!

Дѣйствительно, лошадь принята, хотя Иванъ Спиридоновъ непредвидѣнно вышелъ всетаки изъ смѣты на 1 руб. 40 коп.

Наконецъ, мытарства подошли къ концу: 16-го февраля команда посажена въ вагоны. Тронулся поѣздъ съ пѣснями, провожаемый слезами отцовъ, матерей и женъ... Остался Иванъ Спиридоновъ теперь одинъ работникомъ въ домѣ, да бабы.

«Справа» взяла у него двѣ пары быковъ, десять овецъ, бураго мерина, да «накашляла на шею» долгу 180 рублей (30 руб.—станичному обществу, 150—частнымъ лицамъ).

Въ этотъ счетъ не входитъ провіантъ, заготовленный зятю мѣсяца на полтора-два (въ полку кормятъ не важно, безъ сухариковъ и безъ сальца трудно обойтись), лишняя шинель, лишній полушубокъ, лишняя пара сапогъ и бѣлья, подошвы, юфть и ремни, на случай починки обуви или сбруи, и, наконецъ, карманныя деньги (въ количествѣ «двухъ красныхъ»).

Отправка зятя въ полкъ, отнявши у Ивана Спиридонова рабочую силу и увеличивъ хозяйственное бремя, лежавшее на его плечахъ, еще не освободила его отъ расходовъ на будущее время,—расходовъ, непосредственно связанныхъ все съ тою же полковою службой. Хотя въ полку поитъ и кормитъ казна, но... въ каждомъ письмѣ зятьевъ неизмѣнно Иванъ Спиридоновъ читаетъ такую фразу: «и всепокорнѣйше просимъ васъ, дорогіе батенька и маменька, оглянитесь на нашу нужду и пришлите намъ денегъ, сколько можете»... И Иванъ Спиридоновъ знаетъ, что это отнюдь не баловство, и что нужда,

дѣйствительно, велика. И посылаетъ, урѣзывая себя и семью во многомъ.

— На кажній годъ по десяткѣ кажнему, никакъ меньше не обойдешься!—говоритъ онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ:— а кто если третку, пятерку посылаетъ, такъ казакъ все равно будетъ нуждаться! Какъ же? На все требуется: на одежу, на обувку... То подметочку подложить, то сапогъ избивается, то около сѣдла что нибудь, то около себя... Вотъ и посылаемъ на помогу казаку изъ дома всѣмъ: и рубашками, и одежей, и деньгами. А у насъ тоже средства-то не особенно велики—раскидываться-то...

— Но какими же способами ты изворачиваешься, Иванъ Спиридоновъ?—не разъ спрашивалъ я моего собесѣдника.

— Какіе же кромѣ у насъ способы, какъ своя сила? Плечами изворачиваемся, на плечахъ да на горбу... Путь-то въ слободу Михайловку знаемъ, было бы лишь чего продавать! Да коль Господь пошлетъ урожай... А кромѣ у насъ какіе же тутъ источники? Одинъ источникъ—земля, и той мало; числится по разряду земельки у насъ по тридцати десятинъ, а у насъ ея—по семи. Самое средство наше, чѣмъ занимаемся, а ея нѣтъ... У кого земли побольше, она—посвѣжѣе, не такъ выпахана; у тѣхъ—хлѣбъ, а у меня—хлѣбишка...

На сколько чувствительная брешь получилась въ хозяйствѣ Ивана Спиридонова съ уходомъ обоихъ зятьевъ въ полкъ, можно видѣть изъ количества его посѣвовъ: прежде онъ засѣвалъ 25—30 десятинъ (къ паевой своей землѣ онъ еще прикупалъ или арендовалъ), а проводивши второго зятя, онъ засѣялъ только девять десятинъ. («На чемъ было сѣять? осталась одна лошадь да полторы пары быковъ—быки да бычишки... Пахалъ—пахалъ, а паханнаго ничего нѣтъ... На чемъ пахать? не на чемъ!»)

Однако Иванъ Спиридоновъ не падалъ духомъ и «мало-по-малу» воинствовалъ съ нуждой, кормилъ семью («къ счастью, посѣялъ подъ-изволокъ на другой годъ, она, Богъ далъ, поправила и за тотъ годъ, и за всѣ года»...), уплатилъ долги (теперь за нимъ состоитъ долгу одна «полусотка») и, наконецъ, дождался возвращенія зятьевъ изъ полка. Фонды его значительно поднялись, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ онъ ожидалъ. Въ хозяйствѣ на двѣ лошади стало больше; потомъ явилась возможность прикупить третью пару быковъ; матка—кобылица стала «подсыпать» каждый годъ по жеребенку, а это «имѣетъ свою пріятность», потому что Иванъ Спиридоновъ можетъ имѣть «хорошій оборотъ» отъ жеребятъ. Само собой разумѣется, что и засѣвать онъ сталъ снова отъ 25 до 30 десятинъ.

Но мы умолчали о нѣкоторыхъ терніяхъ, которыя всетаки продолжаютъ язвить существованіе Ивана Спиридонова. Прежде всего, лошади, приведенныя зятьями Ивана Спиридонова изъ полка,

суть строевыя лошади и, какъ таковыя, должны содержаться въ «хорошемъ тѣлѣ» и не должны употребляться для тяжелыхъ полевыхъ работъ.

— Води ее при дугѣ и—кончено дѣло!—часто съ негодованіемъ говоритъ объ этомъ Иванъ Спиридоновъ:—а запречь чего—неизвѣстно! Развѣ мы не хозяева своему доброму? Какъ это начальство объ насъ понимаетъ, ужъ не знаю... Продать лошадь не смѣй, хотя бы она неспособная была: спросись сперва у командира, а его гдѣ разыщешь? да и разыщешь-то, и то пока переписку наведетъ, пока что,—въ мѣсяцъ дѣло не оборотится, а покупатель не ждетъ... Вонъ Пастуховъ казакъ продалъ коня (грызь у него въ ногѣ была, а случай подошелъ хорошій продать), взамѣнъ другого пріобрѣлъ—преотличная лошадь!—а атаманъ станичный донесъ на него (пожертвовалъ Пастуховъ ему одного индюка, а тому мало показалось),—теперь казака и таскаютъ!.. Ужъ онъ стоялъ-стоялъ на колѣняхъ передъ командиромъ, просилъ-просилъ, и всетаки пока еще неизвѣстно дѣло: какъ бы не командировали въ полкъ на четыре года безъ очереди...

Затѣмъ, май мѣсяцъ. Иванъ Спиридоновъ опять остается одинъ: оба зятя его должны выходить ежегодно въ лагерный сборъ. Содержаніе ихъ во время лагернаго сбора тоже не дешево обходится Ивану Спиридонову.

Въ теченіе года производятся неоднократно смотры, на которыхъ командиры льготныхъ частей провѣряютъ, находятся ли въ должной исправности у казаковъ лошади и аммуниція, ибо казакъ долженъ ежеминутно быть въ полной готовности къ мобилизаціи. Рѣдкій смотръ обходится безъ того, чтобы какую-нибудь вещь не отмѣнили или не арестовали два-три десятка казаковъ.

— Вонъ въ ноябрѣ проѣзжалъ полковникъ,—уныло повѣствуетъ Иванъ Спиридоновъ,—сколько вещей поотмѣнилъ! «Старыя»,—говоритъ... Ну, до сихъ поръ онѣ будутъ новыя? Изъ полка пришелъ, каждый годъ на майскомъ ученьѣ, а онѣ тамъ не прибавляются и не обновляются. Попоны, дескать, старыя, башлыки поотмѣнилъ, фуражки, сапоги... У иного казака только и есть въ праздникъ надѣть, что форменные сапоги, а онъ отмѣняетъ: поношенные,—говоритъ... Все чтобы было новое, а гдѣ и на что взять — неизвѣстно...

И еще не мало есть заботъ и огорченій въ жизни Ивана Спиридонова, связанныхъ, главнымъ образомъ, съ его обязанностью являться ежечасно готовымъ защитникомъ отечества. Потому-то, когда зайдетъ рѣчь о «начальствѣ», тонъ Ивана Спиридонова становится не безъ причины желчнымъ и озлобленнымъ.

Мы коснулись далеко не всѣхъ сторонъ жизни Ивана Спиридонова: слишкомъ многосложна жизнь казака, чтобы можно было обстоятельно потолковать о ней въ короткомъ эпизодическомъ очеркѣ. Не лишне упомянуть также, что Иванъ Спиридоновъ—казакъ срав-

нительно зажиточный, сильный въ хозяйственномъ смыслѣ; большинство же гораздо бѣднѣе и слабѣе его. Картина получилась бы далеко иная, если бы, вмѣсто Ивана Спиридонова, мы взяли казака, который сидитъ на одномъ земельномъ пайкѣ, т. е. на семи десятинахъ...

VI.

Люди торговаго званія.—Пассажиры палубы.—Цымлянская станица.—Нѣсколько словъ о донскихъ винахъ.

Большинство «второклассной» публики «Есаула» состояло преимущественно изъ людей торговаго класса. Это можно было сразу заключить и по оживленнымъ разговорамъ коммерческаго свойства, и по неимовѣрному количеству истребляемаго ими чая. Сидя за длиннымъ столомъ въ однѣхъ рубашкахъ съ разстегнутыми воротами, потные, красные, господа эти вели безконечныя бесѣды о пшеницѣ, объ овсѣ, о тарани, керосинѣ, шерсти и тому подобныхъ вещахъ, которыми всецѣло заполнены были ихъ головы. Другихъ интересовъ для нихъ, повидимому, не существовало... Откровенно-хищническія ноты постоянно слышались въ этихъ несмолкаемыхъ разговорахъ. Вотъ два почтенныхъ на видъ старичка раскольничьяго типа въ долгополыхъ сюртукахъ скромненько пріютились въ уголку. Одинъ изъ нихъ съ откровеннымъ восхищеніемъ повѣствуетъ о замѣчательной торговой ловкости своего приказчика.

— Это—такой аптекарь, что поставь его на ссыпку, у него изъ ста пудовъ больше восьмидесяти не будетъ, и казаки съ роду не додуютъ, въ чемъ штука! Стоятъ лишь да моргаютъ глазами...

— Народъ глупый, чего толковать! — снисходительнымъ тономъ восклицаетъ слушатель.—Онъ теперича тебѣ, примѣрно, ни за что не уступитъ копѣйки съ пуда... И я просить его не буду, я ему уважу. Ну, коли такое дѣло, пускай будетъ твоя цѣна; только за мое уваженіе и ты меня уважь: по полтора фунтика на пудикъ накинь ужъ... — «Это — съ удовольствіемъ!» То-есть окончательно глупый народъ! И за четверть водки онъ отца родного готовъ продать...

На меня, посторонняго слушателя, эти откровенные разговоры всякій разъ наводили гнетущую тоску, и я уходилъ отъ нихъ на палубу. Пассажиръ палубы гораздо интереснѣе этихъ благообразныхъ коммерческихъ людей. Голова его не забита ни керосиномъ, ни шерстью, ни овсомъ; его разговоръ — не о наживѣ и не объ операціяхъ объегориванья, а о многосложномъ механизмѣ трудовой жизни—можетъ иногда захватить своимъ интересомъ даже совершенно посторонняго человѣка. Подъ шумъ колесъ парохода, подъ ропотъ разбѣгающихся волнъ, покрытыхъ серебристой пѣной, я всегда съ удовольствіемъ прислушивался къ грустной повѣсти

какого-нибудь горькаго неудачника или къ простодушнымъ разсказамъ мужика-странника, давшаго обѣщаніе послужить Богу ногами по случаю избавленія отъ тяжкой болѣзни.

— Громомъ меня оглушило, родимые, — журчитъ, какъ ручей, такой разсказчикъ двумъ-тремъ слушателямъ,—съ полчаса безъ дыханія лежалъ, руки и ноги мѣсяца два безъ движенія были, рвота была кровяная, даже съ печенью, и не думалъ я никакъ живъ быть... И вотъ въ болѣзни я и далъ обѣщаніе: коль поправка выйдетъ, пойду въ дальнія странствія, послужу Господу Богу... Съ 94 года я, родимые, хожу. Былъ въ послушаніи: гдѣ угольки кололъ, дровца рубилъ, цыбульку въ огородахъ сажалъ... Ничего народъ добрый вездѣ...

А пароходъ между тѣмъ шумитъ, бурлитъ и хлопаетъ въ тактъ колесами. Направо тянется и пропадаетъ въ серебристомъ туманѣ волнистая, то сизая, то бурая, со складками и морщинами, съ кустарникомъ, зелеными рядами взбѣгающимъ на вершину, полоса нагорнаго берега. Слѣва бѣжитъ низкій берегъ съ песчаной косой и съ мелкимъ лѣскомъ на песчаныхъ буграхъ, маленькіе, крытые кугой и камышомъ рыбацкіе шалаши, сами рыбаки съ засученными шароварами, ухватившіеся за переметъ и смотрящіе не безъ вражды со своихъ лодокъ на пароходъ...

Къ вечеру мы подъѣзжали къ Цымлянской станицѣ. На румяномъ фонѣ зари смутно вырисовывались на горкѣ крыши домовъ, церковь, крылья вѣтряныхъ мельницъ и вдали на горѣ темная зелень виноградниковъ со стройными пирамидальными тополями. На другой сторонѣ, противъ станицы, широкая песчаная коса съ бурьяномъ.

Тихо. Блестящая, какъ сталь, съ серебристо-розовыми полосами противъ зари, водная гладь рѣки не шелохнется. Деревья, пароходъ, баржи, толпы народа на берегу, поблѣднѣвшее, высокое, нѣжноголубое небо—все опрокинулось и смотрится въ рѣкѣ.

Мы пристаемъ къ берегу. Толпа торговокъ встрѣчаетъ насъ на сходняхъ.

— Вишени, вишени кому надо?—звенитъ надъ самымъ ухомъ пронзительный женскій голосъ:—хорошая вишена! сама бы ѣла, да деньги надо...

— А почемъ?—спрашиваетъ приземистый, всклокоченный мужикъ, устремляя испытующій взоръ на небольшую кружечку съ вишней.

— Пять копеекъ.

— Ѣшь сама! Въ Ростовѣ—три...

— Ну, ростовскій! ступай въ Ростовъ!

— И пойду... А тутъ фунтъ-то будетъ?—говоритъ обиженно «ростовскій».

— Потому что мы не вѣсимъ, то мы не знаемъ. Можетъ—фунтъ, а можетъ—и больше... Потому что мы не вѣсили....

— Рѣдиски, рѣдиски кому?—врывается и звенитъ другой голосъ, выдѣляясь изъ общаго шумнаго говора:—вотъ бѣда! поливала, поливала, а никто не беретъ!

— Франзоль есть?—кричитъ опять лохматый мужикъ:—Эй, ты! съ франзолью! иди сюда! Почемъ? пять? что это ты, братъ? за такую самую булку въ Ростовѣ—четыре просятъ...

Я вышелъ на берегъ съ твердымъ намѣреніемъ купить бутылку «настоящаго» цымлянскаго вина. Въ сѣверной части Донской области, гдѣ не занимаются винодѣліемъ, натуральнаго донского вина нельзя достать ни за какія деньги: все фальсифицированное, и притомъ же фальсификація неискусная и грубая. Спрашиваю, гдѣ можно купить вина. Мнѣ указали на маленькій кабачекъ, полинявшая вывѣска котораго скромно рекомендовалась: «Ренсковой погребъ, распивочно и на выносъ».

— Есть у васъ цымлянское вино?—спрашиваю у женщины, которая сидитъ на порогѣ, при входѣ въ «Ренсковой погребъ».

— Вамъ въ какую цѣну?

— А какія у васъ цѣны?

— Есть въ восемьдесятъ, есть въ рубль двадцать и даже до двухъ рублей.

— А вино—натуральное?—спрашиваю я, какъ наивный покупатель.

— Вино хорошее будетъ. Въ какую цѣну возьмете, по цѣнѣ—товаръ. А вино—хорошее.

— Мнѣ хотѣлось бы именно натуральнаго, «настоящаго» цымлянскаго, безъ подмѣси.

— Да коль правду говорить, вы его тутъ теперь не достанете... У насъ вино хорошее, ну—не скрываю—сдобрено... съ сахаркомъ... А настоящаго, несдобреннаго вина тутъ развѣ по знакомству найдете у кого изъ богатыхъ людей, а то нѣтъ! И дешевле двухъ рублей бутылку вамъ никто ни отдастъ... У насъ вино покупается, извѣстно, казацкое, а казацкое вино, извѣстно, какое? Что онъ можетъ, казакъ, сдѣлать? Мужикъ, напримѣръ, какой нибудь?.. Вотъ пріѣзжайте къ намъ осенью, тогда можно достать дешево настоящаго вина,—конечно, не будетъ выдержано...

На пароходѣ свѣдущіе люди разъяснили мнѣ, что большой наивностью было съ моей стороны искать теперь «настоящаго» вина, не имѣя особой протекціи. Все вино мѣстнаго приготовленія продается еще осенью скупщикамъ или извѣстнымъ фирмамъ, которыя фабрикуютъ его («сдабриваютъ») и пускаютъ уже потомъ въ продажу. Вино «казацкое», т.-е. приготовленное на мѣстѣ казаками первобытнымъ способомъ, дѣйствительно, не отличается высокими качествами и осенью идетъ въ продажу не дорого (отъ 5 до 8 руб. за ведро). Есть даже вино цѣною въ 1 рубль за ведро. Но послѣ

практическаго ознакомленія съ химіей въ рукахъ виноторговцевъ (хотя бы, напр., извѣстной фирмы Соколова) то же самое вино увеличивается въ цѣнѣ въ десятки разъ. Слѣдовательно, казакъ остается лишь благороднымъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ полученія барышей отъ виноградарства. И тѣмъ не менѣе разведеніе винограда (въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно имѣетъ торговое значеніе) является для казака весьма важнымъ подспорьемъ. На пароходѣ мнѣ пришлось бесѣдовать по этому поводу съ двумя казаками Мелеховской станицы.

— Эти вотъ года только садами и живемъ,—говорили они:—на хлѣбъ цѣны не было, а въ нашихъ мѣстахъ и урожай-то не очень былъ... Однимъ виноградомъ дуемся... Накладешь пудовъ десять да въ Черкаскъ—вотъ двѣ красныхъ и въ карманѣ.

— А какой доходъ приблизительно приноситъ виноградный садъ?

— Да садъ саду рознь. Есть сады по двѣ—по три тысячи дадутъ въ годъ, ну, а наши вообче сады, казацкіе, небольшіе. Кабы это одно дѣло, а то занимаемся больше землей, а садъ—между прочимъ. Да такъ, что ежели купите садикъ за 500 рублей, то близь 200 рублей въ годъ вѣрно будетъ доходу. Кустовъ 50—60 будетъ. А кусты у насъ не то, что у васъ въ верхахъ; у насъ онъ въ хорошій годъ дастъ до 20 пудовъ—одинъ кустъ! Вотъ и считайте: хорошій виноградъ (а у насъ есть ягоды чуть не по вершку)—ниже 2-хъ рублей не отдадите, а то и дороже... Нынѣшній годъ винограду будетъ мало, такъ дешевле 3-хъ рублей и не купите пудъ.

— Ну, а вино?

— А вино будешь давить, еще выгоднѣе. Тутъ разсчетъ не въ примѣръ лучше! Вотъ я зимой вино продалъ по 8 рублей за ведро, а на ведро—хоть какое оно будетъ вино—больше полтора пуда ужъ не пойдетъ... Только наше вино не дойдетъ до здѣшняго, до цымлянскаго: тутъ послаже будетъ вино... Земля не та—вотъ причина...

Я спросилъ ихъ, практикуется ли у нихъ искусственная переработка почвы, но мои собесѣдники сначала даже не поняли меня, а потомъ сообщили, что у нихъ объ этомъ даже и помышленія никто не имѣетъ. Уходъ за виноградомъ и вообще за садами самый незначительный. Одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ (помощникъ станичнаго атамана), послѣ нѣкотораго раздумья, замѣтилъ:

— А вѣдь вѣрно: оно годилось бы, кабы мы чего знали... Вонъ у учителя-то какой виноградъ, какъ онъ удобряетъ землю-то! Иной совсѣмъ разговоръ... И вино не въ примѣръ лучше!.. Ну, конечно, онъ—человѣкъ ученый, изъ книгъ все больше вычитываетъ, а нашему брату гдѣ ужъ тамъ!..

На Дону, на всей обширной территоріи, нѣтъ ни одного не только средняго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія, но

даже и низшаго. Вполнѣ естественно, что пріемы выдѣлки вина, не говоря уже о садовой культурѣ, самаго первобытнаго свойства.

VII

Культурные люди станицы.

Лунная ночь. Подъ шумъ колесъ парохода, подъ журчащій ропотъ разбѣгающихся волнъ, мысль дремлетъ. Странныя грезы тѣснятся толпой въ душу въ этомъ матовомъ ночномъ свѣтѣ, когда луна скрыта за бѣлыми, барашковыми облачками... Кажется, что вотъ-вотъ изъ этихъ темныхъ, таинственныхъ ущельицъ нагорнаго берега послышится вдругъ молодецкій посвистъ, покажутся удальцы въ красныхъ рубахахъ, легкая лодочка перерѣжетъ путь нашему «Есаулу» и... «сарынь на кичку»!..

Но вотъ луна появилась изъ-за бѣлыхъ облачковъ, и вдругъ оба берега, тѣсно придвинувшіеся къ пароходу и угрюмо до сихъ поръ молчавшіе, освѣтились страннымъ, волшебнымъ блескомъ. Деревья привѣтливо стали заглядывать съ обрывистаго яра на пароходъ; вода сдѣлалась похожа на зеркало, концы котораго потонули гдѣ-то далеко, въ серебристомъ туманѣ. Въ чуткомъ воздухѣ зазвенѣлъ крикъ сторожевого гуся и оживилъ окрестность. Берега опрокинулась въ водѣ, а за ними, тамъ, далеко, въ бездонной глубинѣ плыли бѣлыя облачка и недвижныя звѣзды. Луна зыбкимъ, вздрагивающимъ кругомъ колебалась на водѣ. И крикъ лоцмана раздавался какъ-то особенно бодро; и встрѣчный вѣтеръ, казалось, съ какою-то особенной лаской вѣялъ въ лицо...

На верхней площадкѣ, любимомъ пребываніи интеллигентной публики парохода, разговоръ на этотъ разъ зашелъ о мѣстномъ населеніи, главнымъ образомъ о той роли, которая приходится на долю станичной интеллигенціи. Говорили сначала объ офицерахъ войска, которые ближе всего стоятъ къ населенію области, къ авторитету которыхъ само населеніе, въ лицѣ большинства своихъ взрослыхъ членовъ, выноситъ изъ военной службы извѣстную привычку и уваженіе. Эта привычка къ начальству, исключительно только военному, настолько укоренилась въ сознаніи казаковъ, что всякій не-военный чинъ въ ихъ глазахъ является почти нулемъ. Но далеко не всѣ офицеры области могутъ похвалиться серьезнымъ образованіемъ; особенно—старые офицеры. Даже выборныя станичныя должности (станичнаго атамана, почетнаго судьи) рѣдко замѣщаются ими: казаки цѣнятъ на этихъ мѣстахъ своего брата—казака или урядника—людей «хозяйственныхъ», самолично несшихъ одинаковый съ ними земледѣльческій трудъ, одинаковую службу въ строю и одинаковую нужду. Младшія поколѣнія офицеровъ живутъ въ станицахъ неохотно; внѣ какой-либо должности, они—отрѣзанные

хомти: народъ, въ большинствѣ случаевъ, небогатый, къ земледѣльческому труду, разумѣется, непривычный (а другого труда, кромѣ чиновничьяго, и въ наличности не имѣется)—они чувствуютъ себя въ захолустной, глухой станицѣ или хуторѣ въ высшей степени тоскливо и не у мѣста. Съ недавняго времени ихъ матеріальное положеніе нѣсколько улучшено: состоящіе на льготѣ офицеры получаютъ жалованье.

Но размѣры этого жалованія настолько скромны, что офицеръ,—особенно, если онъ семейный человѣкъ,—неизбѣжно долженъ искать «мѣста» и бѣжать изъ станицы. Впрочемъ, станица едва ли много теряетъ отъ этого...

Народные учителя... Ихъ культурная роль, пожалуй, могла бы быть въ станицѣ и довольно замѣтной, но они поставлены въ такія стѣснительныя условія, что достаточно одного вздорнаго доноса для того, чтобы лишить и мѣста, и куска хлѣба любого изъ такихъ культурныхъ дѣятелей.

Въ этомъ отношеніи въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ находится духовенство.

И разговоръ нашъ сосредоточился всецѣло на духовенствѣ,—сначала на культурно-просвѣтительной роли мѣстныхъ пастырей, а затѣмъ на всѣхъ сторонахъ пастырскаго быта. Вопросъ былъ отчасти модный, а отчасти и самъ по себѣ интересный.

Нашъ собесѣдникъ, старый батюшка, защищавшій свое сословіе, долженъ всетаки былъ согласиться со многими доводами своихъ противниковъ, нарисовавшихъ яркую и несовсѣмъ привлекательную картину дѣятельности мѣстнаго духовенства.

— Точно, господа, грѣховъ много и на духовенствѣ нашемъ, точно...—уныло говорилъ онъ.—Положимъ, и на самомъ солнцѣ пятна найдутся. А что правда, такъ вотъ, что молодое поколѣніе наше больно практично стало. Въ иныхъ случаяхъ пастырю и не приличествовало бы столь гнаться за наживой... Я самъ присяги 62-го года, тогда у насъ были иные интересы; спать ложились—Бѣлинскаго въ голова клали... А съ нынѣшнимъ молодымъ отцомъ заговори объ этомъ, или смѣяться начнетъ, или замнетъ разговоръ.—А скажите, пожалуйста, какъ у васъ насчетъ требъ положеніе? Сколько деньгами, сколько натурой? — вотъ вопросъ, который онъ вамъ задастъ на первыхъ же порахъ знакомства...

— Я самъ, батюшка, клерикальнаго происхожденія,—заговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, мировой судья:—отецъ мой умеръ заштатнымъ пономаремъ... Но знаете ли, не могу видѣть равнодушно иныхъ патеровъ... Въ нашихъ мѣстахъ есть священникъ Ѳедоровскій *),—можетъ быть, знаете? Поступаетъ ко мнѣ отъ него дѣло: обвиняетъ въ клеветѣ мать нашего мѣстнаго учителя, будто бы она распространяла слухи о томъ, что онъ беретъ мзду за ме-

*) Фамилія, разумѣется, вымышлена.

трики съ учениковъ... Вызываю стороны въ судъ, предлагаю помириться. Батя говоритъ: «не желаю! пусть извинится...» Подсудимая, съ своей стороны, заявляетъ, что извиняться ей не въ чемъ, все правда. Допрашиваю свидѣтелей: дѣйствительно, оказывается, бралъ по три рубля за метрики съ учениковъ. Видите? А храпитъ, что на него клевещутъ!..

— Бываетъ, бываетъ,—согласился батюшка:—практичны мы ужъ больно стали...

Донское духовенство сравнительно съ духовенствомъ всѣхъ сосѣднихъ епархій и, пожалуй, всей остальной Россіи, находится въ исключительно выгодныхъ матеріальныхъ условіяхъ: приходы большіе, населеніе сравнительно зажиточное, значительное количество земли въ большинствѣ приходовъ. Когда одно время былъ поднятъ въ газетахъ вопросъ о назначеніи жалованія духовенству, то всѣ мои знакомые священники, помню, впали даже въ нѣкоторое уныніе: а что, если въ самомъ дѣлѣ сбудется? Для нихъ замѣна поборовъ жалованіемъ была крайне не выгодна; предписано отслужить благодарственныя молебствія (толки были вызваны Высочайшей помѣткой на докладѣ г. оберъ-прокурора св. Синода), и благодарить...

Можно было бы думать, что значительная матеріальная обезпеченность священниковъ дастъ возможность имъ не отвлекаться въ сторону излишнихъ хлопотъ о хлѣбѣ насущномъ и позволитъ имъ обратить побольше вниманія на просвѣтительную дѣятельность. Но на самомъ дѣлѣ этого пока не видно. Наоборотъ, во многихъ мѣстахъ наблюдается даже какъ бы состязаніе въ возможно скорѣйшей наживѣ...

Ѳ. Крюковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СНЫ.

(Очеркъ).

Только сномъ и возможно помочь!..
Н. Некрасовъ.

Любилъ спать Степанъ... И не только ночью — среди дня такъ и ждетъ, какъ бы гдѣ прикурнуть. Нѣсколько разъ даже на службѣ подвергался замѣчаніямъ. Служилъ онъ стрѣлочникомъ на большой желѣзнодорожной станціи, въ средней полосѣ Россіи. Сослуживцы его любили: былъ онъ человѣкъ трезвый, скромный, тихій... Одна бѣда—любилъ спать!.. Уже сколько разъ жена его, Пелагея, сухопарая, измученная частыми родами бабенка, выговаривала ему: и упрекала-то, и плакала-то, и бранилась—ничего не помогало...

— Войди ты въ понятіе,—говорилъ Степанъ,—нешто я самъ тому дѣлу причина... Такая стало быть моя природа, притомъ жизнь наша темная, ни свѣту, ни радости, а тутъ хошь сны.

— И что это за сны, будь они прокляты!..

— Нѣтъ, ты не трожь ихъ! Сны хорошіе... И что тебѣ убиваться? Я не пью, никакихъ за собой безобразіевъ не имѣю... Э! одно слово—дура, никакого разума въ тебѣ нѣту.

Пелагея жаловалась знакомымъ бабамъ:

— И говоритъ это онъ мнѣ: милая ты моя зазнобушка,—привирала она, чтобы почувствительнѣе изобразить любовь къ себѣ Степана,—ужъ такъ-то я тебя люблю, такъ-то люблю, желанная ты моя—вотъ что хошь, все сдѣлаю, въ рѣку за тебя кинуся, а не владаю собой: быдто туманъ какой найдетъ... и сонъ одолѣетъ!

— Это, милая, надъ имъ сдѣлано... Вѣрь слову—напущено,—убѣжденно говорили бабы.—Сходи ты, милая, на Можайскую улицу къ Спиридоньевнѣ, умоли ты своему горю помочь... Безпремѣнно поможетъ.

Пелагея сходила къ Спиридоньевнѣ и какъ та приказала, такъ все и сдѣлала: молитву «Сонъ Пресвятыя Богородицы» зашила въ ладонку и носила на груди, подмѣшивала въ кашу

мужу, наговоренную Спиридоньевной, золу и въ слѣдъ ему кидала, когда тотъ шелъ на службу, девять дней кряду ходила къ ранней обѣднѣ въ женскій монастырь, изъ наговоренной восковой свѣчи скатывала шарики и приклеивала ихъ къ скамьѣ, на которой спалъ Степанъ —ничего не помогало.

— Слушай, Карзухинъ,—замѣчалъ ему старшій стрѣлочникъ Демьянъ Нащеинъ, коренастый, здоровый мужикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ,—и что у тебя за сонъ такой окаянный! Не хорошо, братъ... И что за сласть спать безо времени... Оно, положимъ, все у тебя въ исправности, а все-жъ таки не порядокъ. Вѣдь этакъ и машину проспать можешь... Начальство увидитъ неисправность, а я за тебя въ отвѣтѣ... Не хорошо, братъ...

— Что подѣлаешь?.. Жисть темная!..—уныло вздыхаетъ Степанъ.

— Жисть темная?!. Люди мы маленькіе и жисть наша, знамо, темная, не господская; а ты смирись. Сытъ, квартера есть, жена, дѣти—все по положенію... Ты Бога благодарить долженъ—не супротивничать... Грамотность тебя отравила—вотъ что!..—убѣжденно поучалъ Демьянъ.—Потому и грамотность надо принимать съ понятіемъ: что къ чему и какъ оно быть должно; а ежели зря—такъ отъ грамотности никакой пользы, опричь одинъ вредъ.

Степанъ понуро покачалъ своей кудрявой головой.

— Тоска беретъ... Что спишь—меньше грѣшишь...

— А ты бы по христіански, по православному: ослобонился отъ работы, тоска тебя грызетъ—выпей!.. Все лучше, все веселѣй!

— Оно точно... Нутро не принимаетъ... воротитъ меня отъ вина... Не могу!

— Чудной!.. Вѣрно говорю: грамотность тебя отравила... Право слово!..

— Да я и книжки новой отъ коего время въ глаза не видалъ.

— Все одно... Понятіе въ тебѣ превратно!.. Дляче книжки не прочесть, особливо ежели съ пользой, ежели про дѣло тамъ писано... А то, вѣдь, и пустого бываетъ много пропечатано... Ты и съумѣй распознать: гдѣ такъ что, зря, гдѣ дѣло. Вонъ, ономнясь, ты мнѣ книжку про африканскіе лѣса давалъ... Думаешь—я всему такъ и повѣрилъ? Ни въ жисть. Сочинителю деньги платятъ—ну, извѣстно, онъ и вретъ, что ни попадя... Или вонъ еще въ газетѣ что распишутъ, наши кондуктора читаютъ, удивляются, а меня смѣхъ беретъ, потому—не вѣрю; потому—собственно на все свое разсужденіе имѣю... Ну, ежели что о святыхъ отцахъ, житіе—къ примѣру—какое, или бы насчетъ молитвы—это ужъ особа статья... Не нашего ума дѣло!

— Нѣтъ, ты на счетъ африканскихъ лѣсовъ тоже не сум-

нѣвайся. Или вотъ еще нонѣ смазчикъ Алешка слыхалъ—телеграфная барышня сказывала—знаки со звѣзды показываютъ... Въ дежурной смѣялись, что, пожалуй, телеграфъ оттеда наведенъ будетъ... И названіе тому мѣсту—Марса!..

— Марса?

— Да, звѣзда значитъ... Имя ей, прозваніе такое...

— Ишь ты, и придумаютъ же!.. Марса...

— Ничего не придумаютъ... Одно слово—ученые люди, всему учились. Вотъ ты названію диву дался, а имъ названіе это—самое плевое дѣло... потому они всю премудрость превзошли.

Разговоръ происходилъ въ помѣщеніи Карзухина, за маленькимъ старымъ самоварчикомъ съ помятыми боками и испорченнымъ, сильно протекающимъ, не смотря на воткнутую Пелагеею щепочку, краномъ. Въ комнатѣ пахло прѣлью и сыростью. Единственное окно было наполовину занесено снѣгомъ. На столѣ стояла жестяная лампочка, тускло освѣщая люльку, прикрѣпленную къ потолку, темныя деревянныя стѣны и троихъ ребятишекъ въ углу, смирно играющихъ чурками и тряпьемъ. Вѣтеръ гудѣлъ въ трубѣ, заглушая тихую воркотню самовара. На дворѣ мела мятелица.

— Вотъ и я тоже говорю,—разсуди ты насъ Митричъ,—жалобно обратилась къ Нащеину Пелагея, уложивъ въ люльку ребенка,—бѣдность наша всѣмъ ужъ извѣстная—потому дѣти. Инженерша Дерюгина нашила къ празднику всякой всячины и наказала, у кого ребята есть, къ ней, значитъ, придтить, что она одежу разную дастъ, отъ своего отъ добраго сердца. Я, съ дуру-то, моему и скажи: пойду, молъ, и я! Онъ какъ вскинется—никакихъ подаяніевъ не надыть! Что зработано, то и ладно. Она пущай при своемъ богачествѣ, а мы при своей бѣдности...

— И очень даже глупо,—солидно изрекъ Демьянъ,—себѣ убытокъ сдѣланъ, никому другому. И опять въ Писаніи сказано: гордому Богъ супротивенъ; а мы люди маленькіе—что возгордился, то себѣ вредъ.

— Что за маленькіе,—вспыхнулъ Степанъ,—въ Писаніи сказано: всѣ ближніе и возлюби ближняго своего.

— Ут-ту дуракъ, какъ есть дуракъ!—добродушно махнулъ рукою Демьянъ.—А еще грамотѣй!.. Да кто тебѣ ближній-то... а? Свой братъ мужикъ, извѣстно. Ну и возлюби его и не возгордися надъ нимъ, ежели ты въ богатствѣ, или счастье какое привалило... Ну, а примѣрно господа инженеры или начальникъ по станціи—нѣшто это ближніе? Они начальство, люди высокіе, имъ поклонись и окажи всякое почтеніе по христіанскому, какъ святые угодники, которые, значитъ, спасались по

пустынямъ и лѣсамъ, насъ, христіанъ, учили... Э-эхъ, молодъ ты, еще горя не хлебалъ, въ томъ и гордость твоя глупая.

Демьянъ ушелъ. Пелагея стала поить дѣтей оставшимся чаемъ; потомъ втащила изъ сѣней корыто и, наливъ горячей воды изъ котла, что грѣлся въ печкѣ, начала стирать портянки и рубахи.

— Вотъ онамнясь Мамылиха прибѣгала—холстъ купили, по 25 за аршинъ платили... хорроппій холстъ!.. А нашъ-то всѣ суставы отдеретъ... И Господи! Есть же счастливые; и не въ богатствѣ живутъ, а всетаки хоть малый сердцу отдыхъ имѣютъ!.. Наша-то жисть каторжная: бѣдности да тягости, тягости да бѣдности...—причитывала Пелагея, съ ожесточеніемъ растирая въ рукахъ грубый холстъ.

Степанъ досталъ съ полки книжку и сталъ ее читать. Это былъ учебникъ географіи, подаренный Степану нѣсколько лѣтъ тому назадъ мальчикомъ гимназистомъ, часто ходившимъ гулять къ стрѣлкѣ. То было веселое время для Степана. Чего-чего только не наслышался онъ отъ своего маленькаго просвѣтителя... Но въ одинъ прекрасный день гимназистъ пришелъ распроститься съ своимъ пріятелемъ, сообщилъ, что уѣзжаетъ въ другой городъ, и подарилъ на память о себѣ Степану книжку съ картинками и истрепанный учебникъ географіи. Очень нравились Степану замысловатыя названія горъ, рѣкъ, городовъ... Причемъ, почему то Амстердамъ болѣе всего привлекалъ его вниманіе. Неизвѣстно, что рисовалось при этомъ въ воображеніи Степана, но онъ по долгу любовно останавливался надъ этимъ словомъ.

— Ам-стер-дамъ,—читалъ онъ съ разстановкой и на распѣвъ,—ишь вѣдь какъ выдумаютъ! а все нѣмецъ!.. Смышленый народъ, обстоятельный... Вонъ у насъ мастеръ въ депѣ былъ— можно сказать молодчина! И уваженіе какое ото всѣхъ... а тоже нашъ братъ-мужикъ... А все отъ образованія,—вздыхалъ Степанъ и въ памяти его вставали неясные обрывки знаній, полученныхъ отчасти изъ прочитанныхъ книгъ, отчасти изъ разговоровъ съ «бывалыми» людьми. И старался себѣ представить Степанъ жизнь человѣческую гдѣ то далеко на сѣверѣ, гдѣ люди на ходу замерзнуть могутъ и собаки за лошадей справляются... и, въ противоположность этой—жизнь обитателей африканскихъ лѣсовъ, гдѣ тигра, безъ запрету, на свободѣ бѣгаетъ и человѣкъ безо всякой одежи ходитъ, самъ черный, а на головѣ перья разныя...

— Цыцъ, окаянный!—крикнула Пелагея на ребенка, поднявшаго ревъ въ люлькѣ.—Машка, поди покачай, пожуй хлѣбъ-то да сунь ему въ ротъ... Видишь—матери некогда... Чего жметесь-то,—заворчала она на дѣтей, жавшихся около корыта,—опять жрать? Почитай весь каравай сегодня слопали—

все мало!.. Машка, достань изъ котелка картошку, холодная должно осталась, посоли, да пусть жрутъ.

Слова относились къ худенькой бѣлобрысой дѣвченкѣ лѣтъ семи, съ большими печальными глазами и ухватками взрослой женщины.

Машка только что уложила свою тряпичную куклу Катьку спать, а теперь вотъ принимайся укачивать брата Кольку, да кормить «паршивыхъ ребятъ».

Съ ловкостью кошки вскарабкалась Машка на столъ, достала съ полки початый ржаной каравай, завернутый въ сѣрое холщевое полотенце, отковырнула пальцемъ мякишъ, пожевала и скользкій разжеванный хлѣбъ сунула въ ротъ злополучнаго Кольки.

— Цыцъ, пропасти на тебя нѣту!..—зыкнула она рѣзкимъ, пискливымъ голосомъ.

Дѣти усѣлись въ углу, возлѣ Машки, у которой въ подолѣ была насыпана соль, и вмѣстѣ со старшей сестрой стали истреблять водянистый холодный картофель.

Степанъ лежалъ головой на столѣ и не то вспоминалъ, не то грезилъ, незамѣтно для себя погружаясь въ сонъ.

— Пелагея... кабы грамотѣ училась, все отдыхъ душѣ имѣла бы, а то и вправду: майся, работай и... никакихъ тебѣ радостей... А ребятъ безпремѣнно учить... какъ слѣдуетъ, форменно... Митрошка ва-а-жный грамотѣй будетъ... А, можетъ, Колька выростетъ, почище Митрошки науку пойметъ... Вонъ какъ въ Нѣметчинѣ, что господа, что нашъ братъ-мужикъ—все едино въ грамотѣ доходятъ, всѣ ученые... А Пелагея и взаправду безсчастная... и ребята тоже... хлѣба всласть нѣту, не то что другого прочаго... Работаю, а все недохватки во всемъ... Харчи дорогіе... одежа опять... Господа инженеры—положимъ ученые—тысячи получаютъ... а хлѣба кусокъ каждому нужно... опять-же и удовольствіе какое ни есть душѣ... Знаки со звѣзды показываютъ... Неужто люди тамъ живые?.. Митрошка, какъ выростетъ, до всего дойдетъ и отцу разскажетъ... Запрошлымъ лѣтомъ инженерскій ученикъ, на линію былъ обучаться поставленъ, такъ сказывалъ, что есть одинъ господинъ инженеръ прямо такъ деревенскій какъ есть... и мать и отецъ тоже, а онъ всякую науку достигъ и тысячи теперича имѣетъ... Митрошкѣ внушить про науку—онъ пойметъ... мальченка смышленый...

...И видится Степану большой, пребольшой лугъ, да только не зеленый, а весь серебряный... такъ и блеститъ... «И что за диво за такое?»—думаетъ Степанъ—ровно какъ отъ звѣзды сіяніе оказываетъ... На лугу дома высокіе, какъ стекло прозрачные и тоже блестятъ... Люди по лугу ходятъ... Ну совсѣмъ ангельское обличіе: крылья за спиной и одежа бѣлая, и отъ

лица свѣтится... Люди эти ходятъ—ходятъ, да вдругъ и полетятъ, и руками замашутъ.

— Знаки на землю подаютъ,—соображаетъ Степанъ,—эта самая звѣзда Марса тутъ должно и есть... Чудно!

Вдругъ откуда ни возьмись Митрошка... и тоже крылья за спиной, какъ и у прочихъ постороннихъ, и одежа, какъ снѣгъ бѣлая и вокругъ головы сіяніе... И всѣ стали къ нему подходить, уваженіе и почетъ ему оказывать...

Степанъ диву дался:

— Митрошъ, а Митрошъ!—кличетъ онъ сына тихо-тихо,—неужто ты?..

Митрошка обернулся, да какъ вскрикнетъ радостно... И спрашиваетъ его Степанъ:

— Митрошка, откуда у тебя одежа эта бѣлая и крылья... и по какому такому праву всѣ тебѣ почтеніе оказываютъ, ровно ты старшой, либо прынцъ какой заморскій?

— А съ того мнѣ почтеніе оказываютъ,—отвѣчаетъ Митрошка,—что я всю какъ есть науку превзошелъ и за это за самое меня главнымъ начальникомъ на Марсу поставили.

Удивляется тому дѣлу Степанъ, и вѣрить не хочетъ, а сердце такъ и трепещетъ: вотъ онъ каковъ Митрошка выросъ!.. Надо пойти Пелагею позвать—пусть тоже ея сердце на сына порадуется...

Повернулся Степанъ, а Митрошка его окликаетъ:

— Куда ты?

— За маткой за твоей—пусть ея сердце радуется.

— Да она здѣсь и идти ближнее мѣсто.

— Какъ такъ?

— А очень просто. Жить къ себѣ на Марсу я ее взялъ... Вонъ и домъ ея, а вонъ и она сама...

И глядитъ Степанъ: изъ красиваго высокаго дома выходитъ баба—ровно Пелагея, а будто и не она. Бѣлая, да румяная, да толстая. На головѣ платокъ шелковый, на плечахъ шуба алаго бархата, на мѣху на лисьемъ, какъ у инженерши какой. Взглянулъ Степанъ на свои худые сапоги, на одежу и боится къ Пелагеѣ подойти. А та улыбается ласково и говоритъ:

— Помнишь, Степка, ты на жисть нашу жалился, что жисть темная? За то теперь Митрошка въ радости живетъ и я съ нимъ вмѣстѣ... И таково на этой на Марсѣ хорошо... И ты тутъ оставайся...

Вдругъ будто облако какое заволокло Пелагею, бѣлое, какъ молоко. Степану стало жутко. Звонъ послышался, точно въ Христову заутреню, во всѣхъ церквахъ... Степанъ на колѣни палъ и началъ молиться... И стало облако проясняться... туманомъ по лугу стелется, паромъ къ небу поднимается... Ви-

дитъ Степанъ: опять стоятъ передъ нимъ Митрошка, Пелагея... да и Колька съ Машуткой... и Варька—всѣ тутъ!..

— Пойдемъ въ домъ-то,—говоритъ Пелагея,—чаю тебѣ дадимъ самаго душистаго... Я и баранокъ припасла...

Степану стыдно своихъ худыхъ сапогъ, а чаю, между прочимъ, страсть какъ хочется.

— Принеси-ка чай-то сюда,—говоритъ Степанъ.

Пелагея смѣется, Митрошка тоже.

— Да ты не бойся, что сапоги худые. Здѣсь, что въ богачествѣ, что въ бѣдности человѣкъ—все одно. Всѣ тутъ какъ ближніе почитаются.

Опять зазвонили въ колокола и облако закрыло Пелагею и дома стеклянные, и людей въ бѣлыхъ одежахъ.

Степаномъ овладѣла тоска.

. . . .

— Степанъ!.. Степанъ!..—раздался надъ самымъ ухомъ визгливый сердитый голосъ.—Вставай!.. Чортъ окаянный! На должность пора... У! колода чортова...

— Тятенька, ступай на должность, — пищала Машутка, помогая матери расталкивать отца.

Степанъ съ трудомъ полуоткрылъ, наконецъ, отяжелѣвшія вѣки:

— Эка обида!.. Такъ и не даютъ досмотрѣть... И чего будятъ! Чего?.. сами не знаютъ...

— Протри буркалы-то, слышь... песъ шелудивый!..

Степанъ поднялъ голову. Передъ нимъ стояла Пелагея, да только не та, что сейчасъ на лугу была, а совсѣмъ другая: глаза злые, на лбу крупныя капли пота, платьишко безобразно подоткнуто, а руки худыя, какъ палки, да красныя, ровно сырая говядина. Обидно и больно Степану: и зачѣмъ только разбудили его?..

— Долго-ль прохлаждаться еще будешь... чортъ!

— Бѣдная... разбезсчастная,—думаетъ Степанъ,—и все-то она лается, все лается... Жисть ея темная, каторжная...

Степанъ глубоко вздохнулъ всей грудью и, встряхнувъ рѣшительно головою, точно желая отогнать рѣющія еще въ воображеніи грезы, всталъ съ мѣста.

— И чего ты меня будишь безо времени,—буркнулъ онъ женѣ, покосясь на маленькіе стѣнные часы «стукальцы»,—цѣльныхъ три часа поѣзду дожидаться...

— Ничего, ничего... Что раньше придешь, то и лучше.

— Мнѣ все одно. Я и въ дежурной, на станціи приткнусь, коли такъ ужъ тебѣ опостылѣлъ,—покорно произнесъ Степанъ.

— Возьми хлѣба—жрать неравно захочешь, да зипунъ одѣнь—холодно вѣдь... Вонъ на меня жалишься, что ругаюсь;

а кто къ сердцу больше приметъ, кто пожалѣетъ, какъ не жена своего мужа... И только глупость наша бабья, что убиваемся мы изъ-за васъ зря, по напрасну,—слезливо закончила Пелагея.

Степанъ подпоясалъ зипунъ и надвинулъ шапку по самыя уши.

— Ну, прощайте.

Онъ любовно погладилъ по головкѣ Машку и мимоходомъ бросилъ взглядъ на заснувшаго въ углу въ тряпьѣ Митрошку:

— Э-эхъ... Митрошъ, Митрошъ!..

Мятелица утихла. Ярко свѣтятся звѣзды съ темнаго неба, снѣгъ поскрипываетъ подъ ногами... длинной лентой тянется освѣщенная луною дорога, сверкая то здѣсь, то тамъ сталью гладкихъ, словно отполированныхъ рельсовъ, и пропадаетъ въ далекой тьмѣ. Вблизи мелькаютъ огоньки фонарей станціонной платформы.

Идетъ Степанъ, любуется на звѣзды:

— Ишь ты Божья благодать, что твое серебро!.. Какъ все устроено!?.. Мудрено сотворено!.. Вонъ шельма... справа... такъ и мигаетъ, такъ и мигаетъ... Можетъ она самая звѣзда Марса и есть... можетъ это оттуда знаки и взаправду показываютъ.

И ужасно опять досадно Степану за прерванный сонъ. Какъ тамъ живутъ въ домахъ на Марсѣ, такъ онъ и не узналъ... и какой такой чай душистый пьютъ, такъ и не отвѣдалъ. Даже злость беретъ. Легъ бы гдѣ ни попадя, да и заснулъ бы опять...

Войдя въ дежурную, довольно большую, неопрятную комнату съ почернѣвшими, заскорузлыми лавками, Степанъ засталъ тамъ Нащеина и смазчика Алешку, пускающихъ клубы дыма скверной махорки.

Алешка, небольшого роста, заморенный мужиченко, еще молодой, съ мелкими чертами лица и хитрыми сѣрыми глазами, по обыкновенію, принесъ цѣлый коробъ новостей въ «дежурную» и, не торопясь, дѣлился ими съ Нащеинымъ.

— Карзухинъ, радуйся!—крикнулъ Алешка при появленіи Степана,—засудятъ, безпремѣнно засудятъ!

— А телеграфному что?

— Въ лучшемъ видѣ оправдаютъ. Потому, человѣкъ подневольный. *Самъ* дрыхнуть пошелъ, а приказъ далъ: ни подъ какимъ видомъ, чтобы себя не безпокоить... А тутъ запросъ—съ нашей, значитъ, станціи на счетъ пути... Телеграфный-то и отвѣтъ... А какъ крушеніе случилось—тутъ его и прогнали... а онъ въ правленіе рапортъ: такъ, молъ, и такъ—я человѣкъ подначальный... да все какъ есть про начальство и показалъ. Теперь, значитъ, его ослобонятъ, а по станціи начальникъ будетъ въ отвѣтѣ... Какъ ему, лѣшему, и не быть!.. Я допрежъ того на той станціи служилъ, такъ оченно хорошо евонныя штуки знаю... змѣй, не человѣкъ!..

— А какъ на счетъ вознагражденія?.. За смерть Мышкинской вдовѣ что присудили?—спросилъ Демьянъ.

— Тысячу,—мрачно проронилъ Алешка.

— Ну, что-жъ—ничего.

— Ни-че-го!—укоризненно передразнилъ Нащеина Алешка,— тебѣ бы все начальственную руку держать—ничего!.. Самъ семь осталась безъ кормильца... Человѣка машиной убило... раздавило—и тысяча!..

— Оно по правильности, по положенію,—спокойно возразилъ Демьянъ,—и брешешь ты зря; жалованья его сто двадцать въ годъ... Положь на десять лѣтъ—тысяча съ двумя стами... Обнакновенно—какъ по суду, значитъ, сбавили—вотъ-те и ровно тысяча.

— Да ежели бы полностью... и ничего бы. А въ томъ-то бабѣ и обида: замѣстъ тысячи—да пятьсотъ.

— Какъ такъ?

— Да вотъ-те и такъ. Иску-то на тысячу восемь сотъ въ судъ подавали... Восемь сотъ—господину за хлопоты, тысяча—бабѣ на руки. А теперь другая музыка выходитъ: восемь сотъ отдай, остались два ста. Что хошъ, то и дѣлай!.. Да еще, спасибо, господинъ-то хорошій попался—говоритъ бабѣ: чортъ съ тобой—возьму съ тебя пять сотельныхъ, а пять тебѣ, на сиротство на твое, оставлю... Все же таки облегченіе сдѣлалъ... и на томъ спасибо.

— А на счетъ Митьки Свирѣлкина, что слышно?

— У, прохвостъ!—злобно процѣдилъ Алешка,—всюю бы рожу подлую евонную искровенилъ!..

— За какіе такіе грѣхи?

— А въ запрошломъ году, какъ «маневры» были—мнѣ безъимянный оторвало. Свѣту я не взвидѣлъ. Дохтуръ въ больницѣ опасался, что и вовсе руку рѣзать надо; я и свидѣтельство отъ дохтура имѣлъ, и жена въ правленіе къ дилехтуру ходила и начальникъ въ Питеръ рапортъ посылалъ. И при всей-то ихней милости мнѣ пятьдесятъ отсыпали! А прохвосту Митькѣ, теперича, за мизинный семьдесятъ пять рѣшеніе вышло! Гдѣ-жъ тому правда? Безъимянный али мизинный? Ребенокъ малый пойметъ, какой палецъ человѣку больнѣе...

— Ну ужъ ты это напрасно,—внушительно произнесъ Демьянъ,—всякъ суставъ дорогъ, все едино—потому живая кость, живое мясо.

— Нѣтъ, я обиду свою такъ не оставлю, я объявлю, я рапортъ въ Питеръ пошлю и все тамъ пропишу... Имъ на прямки скажу: гдѣ, молъ, ваши правила? Пущай читаютъ, неча имъ спущать, пущай... А мнѣ пожалуйте, при всей вашей милости, еще пятьдесятъ целковенькихъ!

— Супротивникъ ты, больше ничего!

— Ну, да ужъ ладно!.. А про нашу телеграфну барышню слыхалъ?—таинственно проговорилъ Алешка.

— А что?

— Тю-тю значитъ! Полная отставка.

— Вре-о-шь?

— Вѣрно слово. Теперь на буфетчицу буркалы пялитъ. На счетъ бабъ тоже не промахъ, даромъ что женатый.

— Ребятъ куча, — вставилъ молчавшій все время Степанъ.

Алешка подмигнулъ лукаво:

— Онъ своего дѣла не убавитъ... Обычай господскій извѣстный: жена, дѣти въ аккуратѣ, какъ слѣдоваетъ быть, съ полнымъ почтеніемъ, а что иное прочее тоже завсегда есть— одна, либо двѣ.

— Паскудство!—Степанъ сплюнулъ въ сторону.

— И ни въ чемъ не бывало! Жена не обижается, потому все ей предоставлено, а заскучаетъ—сама любезнаго заведетъ, по ихнему, по господскому положенію... И за грѣхъ это самое не считается.

— Въ Писаніи сказано: прилѣпися къ женѣ и жена покорися мужу,—строго проговорилъ Степанъ.—Холостой—твое дѣло, а женился съ благословеніемъ да съ молитвою, и паскудства, значитъ, разныя бросить надо.

— А барышня-то, барышня-то какъ убивается—страсть!— продолжалъ Алешка.—Прислуга ейная, Стешка, ко мнѣ бѣгаетъ, такъ сказывала: барышня газетчицѣ свое горе объясняла, разливалась-плакала, потому она тово... съ приплодомъ и боится, что и мѣста ее рѣшатъ... А буфетчица-то нонѣ мимо телеграфной такъ и шмыритъ, такъ и шмыритъ, да все съ форсомъ.

— Подлая,—выругался Степанъ.

— Ну, буде, однако,—остановилъ Нащеинъ,—не нашего разума дѣло господскіе распорядки разбирать: они начальство, мы люди маленькіе...

— А ежели безчинство и обида?—возразилъ Степанъ.

— Сказано: не твоего разума дѣло. Свои дѣла справляй, по чужимъ не путайся. Они, господа, лучше нашего предѣлятъ: чему быть должно и по какой причинѣ... А ты вотъ, чѣмъ господъ разбирать—время есть—взялъ бы да дрыхнуть и завалился бы,—иронически прибавилъ Демьянъ.—Оно бы ладнѣй было.

— И вправду, чортъ съ вами со всѣми!

Степанъ растянулся на лавкѣ. Алешка не унимался, продолжая выкладывать Демьяну весь запасъ своихъ новостей.

Степанъ закрылъ глаза.

— Эхъ, кабы опять на Марсу попасть!.. Чаю душистаго хлебнуть... Здѣсь обида бѣднымъ людямъ—во всемъ какъ есть обида! Вонъ хошь бы барышнѣ—за что обида? За любовь за ейную... Бѣленькая барышня такая... глазки, что цвѣтики синіе... И за что обида?.. Не стерпитъ ейное сердце... не стерпитъ!..

И жалко Степану барышню, до слезъ жалко... А грезы, любимыя грезы, по прежнему уже рѣютъ надъ головой . .

. . . .

. . . . Теплый лѣтній день... Идетъ Степанъ по лугу... идетъ—пѣсни поетъ. Весело ему: сосной пахнетъ, птички заливаются вокругъ—звонъ звономъ, стрекозы стрекочутъ... И приходитъ Степанъ къ лѣсной окраинѣ—передъ нимъ поле ржаное. Пошелъ Степанъ ближе—все поле всколыхнулось, да и легли колосья на землю, легли и стонутъ, человѣчьимъ голосомъ стонутъ... Жутко Степану стало, и хочетъ онъ назадъ въ лѣсъ повернуть... Вдругъ видитъ онъ посреди самаго того ржанаго поля стоитъ телеграфная барышня. Волосы по плечамъ разметаны, руки къ Степану протянуты и жалобно кличетъ барышня: Степанъ, Степанъ! — кличетъ она.—Приди ты ко мнѣ, ослобони ты меня—погибаю я!.. Кинулся Степанъ къ барышнѣ и видитъ: руки у нея крѣпко-на-крѣпко связаны, ноги веревками перепутаны... Рванулъ Степанъ изо всѣхъ силъ веревки, а барышня все стоитъ недвижимая и плачетъ. «Степанъ, Степанъ,—говоритъ она,—не конецъ еще погибели моей... Нутро мое все огнемъ горитъ, сердце полымемъ пылаетъ... Кончина жизни моей пришла. Надрывается душа моя!» Степанъ ума не приложитъ, какъ горю помочь. И молитъ его барышня: «Возьми ты меня на руки—снеси ты меня къ рѣчкѣ... Поплывемъ,—говоритъ барышня—въ страны далекія, въ города заморскіе, увидимъ тамъ жисть вольную, не обидную, веселую...»

Степана даже страхъ взялъ.

— Нѣту, барышня,—говоритъ онъ.—У меня свое семейство есть... А вы, барышня, напрасно чужой законъ разрушили: господинъ по станціи начальникъ хошь и обидчикъ вамъ, а и ваша любовь не божеская, потому—онъ женатый, а отъ дьявола.

Какъ вскрикнетъ барышня дикимъ голосомъ да въ рѣку. Степанъ хочетъ ее руками поймать, чтобы не утонула... Глядь: вмѣсто барышни плыветъ передъ нимъ уточка—приплыла совсѣмъ близко къ Степану, и слышитъ Степанъ барышнинъ голосъ: «Прощай Степанъ! Ослобонилъ ты меня, я завсегда тебя помнить буду... Поплыву я далеко, далеко... Что худо тебѣ сдѣлала—забудь, а коли доброе что—помяни»...

Сильный толчокъ въ бокъ разбудилъ Степана.

— Ступай на линію,—сурово произнесъ Нащеинъ.

Степанъ испуганно вскочилъ, протеръ глаза, засвѣтилъ фонарь и вышелъ на улицу. Морозный воздухъ крѣпко щипалъ лицо, бодря и освѣжая. Звѣзды все также ярко блестѣли въ небѣ...

— Ишь ты, — произнесъ Степанъ, любовно взглядывая вверхъ и отыскивая Сиріусъ,—мигалка-то такъ и старается... Ахъ, ты милая!.. Мудрено сотворено!.. А можетъ такъ оно и устроено: ты, молъ, здѣсь майся, жисть проклинай, а помрешь—душа твоя ослобонится и полетитъ невѣдомо куда: не то на Марсу, либо на другую какую планиду... Въ писаніи показано: не пещися о земномъ...

И вспоминается Степану только что видѣнный сонъ, вспоминается телеграфная барышня, бѣленькая съ синими, какъ цвѣточки въ полѣ, глазками...

— И привидится-же,—удивляется Степанъ,—съ чего бы это?

Вспоминаетъ Степанъ и другія новости, слышанныя имъ въ дежурной. Злость и жалость разбираетъ его, жалко ему Мышкинскую вдову:

— Какъ теперь безъ кормильца жить будутъ... Пять сотельныхъ и все тутъ... ребятъ много, подростутъ—учить надо... опять квартеры рѣшиться должны—квартеру найми, а онѣ нонѣ дорогія... Ни взадъ, ни впередъ. Пять сотельныхъ, а человѣка цѣлаго нѣту!.. А сколько чужого народу пропало—страсть! Поѣхалъ какой человѣкъ на побывку куда, къ женѣ, либо такъ, и вдругъ погибель себѣ нашелъ, зря, здорово живешь!.. Вонъ она жисть!.. Хорошо, что его подлеца засудятъ,—съ злобной радостью шлетъ Степанъ свои пожеланія по адресу начальника сосѣдней станціи,—безвинныхъ хотѣлъ прогнать, теперь, гляди, и самого по шапкѣ... А вѣдь это я не по правильности,—спохватывается вдругъ Степанъ,—ежели я въ писаніе вѣру имѣю, злобу имѣть не долженъ; и сказано: возлюби и врагу прости... Да какже опять «возлюби», ежели онъ самый что ни есть лютый обидчикъ, всѣмъ служащимъ ворогъ? Всѣ его дѣла пакостныя ужъ извѣстны... Вотъ нашъ, только насчетъ бабъ слабость имѣетъ, дѣйствительно что подверженъ... а до всего прочаго ничего—баринъ добрый... Ну и «возлюблю»! За бабъ супротивъ него, точно, сердце имѣю, а за прочее «возлюблю»... А тому окаянному—всякой пропасти желаю...

Степанъ подошелъ къ стрѣлкѣ, поднялъ рычагъ, перевелъ рельсы и поставилъ фонарь на землю. Морозъ крѣпчалъ, вѣтеръ, дувшій весь день и утихнувшій къ ночи, вдругъ поднялся снова. Степанъ топтался съ ноги на ногу, чтобы согрѣться. До прихода поѣзда оставалось еще добрыхъ минутъ двадцать. Степанъ вытащилъ изъ за пазухи хлѣбъ и, отламывая

большими кусками, началъ жевать. Морозъ забирался въ рукава, въ пазуху, дралъ немилосердно кожу лица, и ноги совершенно цѣпенѣли.

— Пойду въ грѣлку,—рѣшилъ Степанъ,—силъ нѣту... Машины не слыхать и не видать еще...

Онъ перебѣжалъ рельсы и вошелъ въ сторожку, построенную по другую сторону пути.

Возлѣ маленькой желѣзной печурки нашелъ онъ на полу нѣсколько полѣшекъ, бросилъ ихъ въ печку и развелъ огонь. Потомъ свернулъ самодѣльную папироску, усѣлся на лавку противъ печки и, потягивая дымъ махорки, съ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ разгорался огонь въ печкѣ.

— Ишь какъ деретъ—такъ и пробирается, вьюномъ вьется... Славно!.. Вотъ кабы заснуть теперь... Тепло, никто не мѣшаетъ—такіе сны увидишь, такихъ чудесъ насмотришься!..

Но тутъ-же Степанъ понимаетъ всю нелѣпость своего желанія:

— Тьфу ты, навожденіе окаянное!.. Развѣ можно? Машина, того гляди, подойдетъ.

Вѣтеръ гудѣлъ подъ окошкомъ, дрова весело трещали въ печкѣ. Огонь длинными желтыми языками, перебѣгая по дереву, то совсѣмъ будто скроется за сложенными полѣньями, то вдругъ яркимъ пламенемъ вырвется на свободу и озаритъ унылыя стѣны сторожки и лавку, и Степана, чувствующаго, какъ тепло живымъ трепетомъ охватываетъ иззябшіе члены.

Смотритъ Степанъ на огонь и передъ глазами пробѣгаютъ какія-то тѣни, длинныя-длинныя... Онѣ изгибаются извивами и вдругъ, точно точки какія, скокъ... скокъ... и нѣтъ ничего!.. Вотъ опять потянулись тѣни длинными нитями... расплылись... завертѣлись кругомъ... и вовсе темно...

Изъ темноты, сначала неясно, потомъ обозначаясь яснѣе и яснѣе, встали деревья—всѣ сѣрыя, точно пепломъ засыпанныя и подъ каждымъ деревомъ домъ небольшой и тоже сѣрый. И вотъ откуда ни возьмись пламень въ небѣ загорѣлся—солнце взошло, да такое яркое, веселое! И деревья вдругъ стали зеленыя и на нихъ красныя вишни висятъ, а дома желтой краской покрылись...

— Что это за мѣсто за такое отрадное, — думаетъ Степанъ,—все сады, сады и около каждаго дома огородъ. Въ полномъ своемъ удовольствіи люди живутъ!

Пошелъ Степанъ по улицамъ. Идетъ не налюбуется, какъ вдругъ ему дикіе люди на встрѣчу—цѣлая шайка: голые, а впереди начальникъ ихній, старшій значитъ. На плечахъ у него шкура пестрая, на животѣ юбочка небольшая подпоясана, на головѣ перья разныя... Сробѣлъ Степанъ, а любопытно ему, очень любопытно съ дикими людьми въ разговоръ вступить. Да

только по каковски они говорятъ—вотъ въ чемъ зацѣпа?!.. Заговорю по своему, по православному—куда ни шло!..—рѣшаетъ онъ. Поровнялись съ нимъ дикіе люди. Степанъ имъ знакъ показываетъ, что желательно ему поговорить съ ними. Дикіе люди остановились.

— Господинъ дикій,—говоритъ Степанъ,—по вашему не знаю, по нашему можетъ ты не разумѣешь, а только любопытно мнѣ про многое узнать, потому читалъ я въ книжкѣ про лѣса про ваши африканскіе.

Начальникъ руку вправо откинулъ, да какъ загогочетъ громовымъ голосомъ:

— Гикъ-гокъ-го-гого!..

Не успѣлъ Степанъ отъ испуга оправиться, а дикій ужъ говоритъ совсѣмъ явственно, по православному:

— Что тебѣ, милый человѣкъ, отъ насъ надо?

— Да вотъ, господинъ дикій, объясни ты мнѣ, кое это мѣсто оказываетъ? Потому какъ я по описанію книжки замѣчаю, что африканскимъ лѣсамъ тутъ быть не полагается... Кое-жъ это мѣсто—объясните, сдѣлайте милость.

— А развѣ самъ то не спозналъ?

— Нѣту.

— А Амстердамъ городъ прозывается.

— Вотъ она штука-то! Да какъ-же вы здѣсь объявились?

— А очень просто. Необразованность наша одолѣла насъ, мы и рѣшились къ нѣмцу плыть. Научи, молъ, насъ уму разуму. Сѣли въ лодку да море и перемахнули. А ты что тутъ, милъ человѣкъ, безо времени шатаешься?

— Обиду своему горю утолить хочу.

— Да кто-жъ тебя обидѣлъ такъ?

— Не могу сказать, а просто такъ вообще...

— Хочешь, всю обиду какъ рукой сниметъ?

— Ослобоните, господа. дикіе, заставьте Бога молить!

— Ступай живымъ ходомъ за нами.

Идетъ Степанъ и радуется: экіе эти дикіе люди славные, совсѣмъ не страшные, простые такіе и занятные.

И повели Степана дикіе люди по улицамъ, по полямъ, по пригоркамъ и привели къ кладбищу... Кладбище красивое такое, деревьями обсаженное, на могилахъ кресты все бѣлые, а вокругъ могилъ цвѣты самые прекрасные... А по среди кладбища гора высокая, превысокая; а на горѣ слонъ африканскій, бѣлый.

И говоритъ Степану дикій человѣкъ:

— Подойди ты къ этому слону, поклонись ему въ ноги, и всѣ-то твои горести онъ распознаетъ, и всякую обиду сниметъ.

Взошелъ Степанъ на гору, поклонился бѣлому слону въ ноги. Глядитъ на слона и не боится его Степанъ.

И говоритъ вдругъ слонъ человѣчьимъ голосомъ, по православному:

— Съ чѣмъ такимъ пришелъ ты ко мнѣ добрый человѣкъ?

— А съ обидой. Помоги горю моему—сними обиду.

— Кто-жъ тому дѣлу причиненъ, и въ чемъ обида твоя?

— А во всемъ, что ни на есть! Все обидно!.. Барышню телеграфную начальникъ станціи любилъ... Теперь въ тягости она, а онъ, мало того бросаетъ, мѣста ее рѣшить хочетъ... И мнѣ то дѣло обидно!.. Мышкинской вдовѣ съ ребятами пять сотельныхъ съ Правленія присудили, а мужъ ейный до смерти при крушеніи убился—нѣшто не обидно? А въ крушеніи томъ причиненъ начальникъ по сосѣдней станціи... Извергъ онъ, служащимъ вздоху не даетъ... Обидно... Ребята мои почитай голодомъ живутъ, недохватки во всемъ... Пелагея, какъ собака, лается... Больно мнѣ и обидно!.. И не то обидно, что ругаетъ она меня, а то, что жисть ея каторжная, можно сказать, темная... Ребятъ грамотѣ учить хочу, а приведетъ ли Господь—того не знаю... Опять въ деревнѣ своей, лѣтось, побывалъ: нищета, холодъ, голодъ, убожество, темнота повсюдная, а съ этого и пьянство, и драки, и развращеніе. Обидно мнѣ, страсть обидно!..

— А ты смирись,—говоритъ слонъ.

— Нѣту власти въ томъ—не могу!

— Ну жалко мнѣ тебя, добрый человѣкъ, а горю твоему не помочь... Горе твое великое, горе трудное... Ступай-ка, скажу я тебѣ, вотъ куда: за этой, за самой горой, стоитъ еще гора и живетъ на ней птица-ястребъ лютая. Стань-ка ты при дорогѣ и ожидай до времени. Какъ налетитъ на тебя ястребъ-птица, подставь ты ей грудь свою и станетъ та ястребъ-птица тебѣ грудь клевать до самаго до твоего сердца. И вырветъ ястребъ сердце изъ подъ самой груди и схватитъ когтями и изорветъ на мелкіе кусочки. Въ томъ и спасеніе тебѣ, въ томъ и обидѣ конецъ.

Пошелъ Степанъ на гору, по приказу слоновьему. Сталъ при дорогѣ. Стоитъ Степанъ—часу своего дожидаетъ. Тучи темныя небо заволокли, поднялся вѣтеръ и крутитъ пыльные столбы, молніи, какъ змѣи огненныя, по небу летаютъ... И покажись точка издали... все ближе... ближе... птица оказывается... Крыльями птица машетъ, къ Степану торопится... Дрогнуло Степаново сердце и крикнулъ онъ не своимъ голосомъ:

— Ястребъ, ястребъ, птица лютая! Кинься ты мнѣ на грудь, въ самое сердце мое вцѣпись, разорви ты его на пополамъ, чтобы унялось горе мое, чтобъ забылись обиды мои!!!

Страшнымъ свистомъ засвистала птица... Подлетаетъ близко къ Степану... изъ глазъ искры сыплются, изъ клюва пламень выкидываетъ... Когти въ грудь Степанову вонзились и свищетъ... свищетъ птица, не переставая...

Фю-и-и-и... фю-и-и-и!..

Степанъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Батюшки!.. Машина!!!...

Безъ шапки, какъ шальной, пошатываясь, бросился онъ къ дверямъ сторожки...

Блѣдный лунный свѣтъ серебрилъ дорогу, стоящаго вмѣсто Степана у рычага, на стрѣлкѣ Нащеина и быстро приближающійся къ станціи поѣздъ...

Демьянъ машетъ руками, что то кричитъ—за вѣтромъ не слышно—ругается вѣрно.

— Виноватъ... виноватъ...—съ отчаяніемъ лепечетъ Степанъ и стремглавъ перебѣгаетъ дорогу...

Вмигъ что-то подняло его и бросило навзничь... сново подняло... обдало жаромъ... сдавилась грудь... хрустнули кости...

— Вотъ она ястребъ птица... Вотъ она!.. Жри, жри меня... Про-кля-тая!!!...

Новый толчокъ оглушилъ Степана и съ невѣроятной силой отбросилъ его окровавленнаго, обезображеннаго на полотно дороги...

Поѣздъ, замедляя ходъ, подходилъ къ платформѣ.

Нащеинъ поспѣшилъ на помощь къ несчастному. Съ разбитой грудью, съ искаженнымъ отъ муки лицомъ, Степанъ лежалъ безъ сознанія... Изъ лѣваго уха обильно текла кровь, окрашивая своимъ пурпуромъ снѣгъ... Сѣрыя, въ крови, лохмотья зипуна открывали шею и плечо... ужасное плечо, изсиня багроваго цвѣта съ оторванными кусками кожи и обнажившейся костью...

Въ ужасѣ остановился Демьянъ, не зная, что предпринять.

— Ахъ, ты безсчастный!.. Ахъ, ты болѣзный!.. Ну и что мнѣ теперь съ тобой дѣлать,—разводилъ руками Демьянъ,—и непьющій-то былъ, и смирный, и грамотѣй, а какую себѣ погибель нашелъ!.. Ахъ ты Господи милостивый!.. Вѣдь кричалъ я тебѣ русскимъ языкомъ: стой, стой!.. Нѣтъ, ровно шальной, такъ и угодилъ подъ машину... Эко дѣло-то! Эко дѣло!..

Демьянъ сбросилъ съ себя зипунъ, накрывъ имъ Степапа, и побѣжалъ на станцію за помощью.

Когда люди, съ носилками, пришли къ указанному Нащеинымъ мѣсту—они не нашли тамъ Степана, остались лишь брошенный зипунъ Демьяна да огромное кровавое пятно на снѣгу.

— Да тутъ... вѣрно слово что тутъ... и самое это мѣсто!..—недоумѣвалъ Демьянъ,—что за пропасть за такая?..

Степанъ отыскался у порога сторожки.

— И какъ тебѣ Богъ помогъ?!—всплеснулъ руками Нащеинъ.

— По...полз...комъ,—сквозь стиснутые зубы простоналъ Степанъ.

Его подняли и внесли въ сторожку. Домой нести было немыслимо.

Его положили на лавку, противъ догоравшей, растопленной его же руками, печки.

Устремивъ на вспыхивающіе уголья мутные умирающіе глаза,—Батюшку... Пе-ла-гею!—свистящимъ хрипомъ прерывисто произнесъ онъ.

Пока священникъ читалъ отходную, и, раскачивая головою, жалобно причитывала въ углу обезумѣвшая отъ горя Пелагея—Степанъ сосредоточенно смотрѣлъ въ одну точку... И какой-то неразрѣшимый вопросъ—вся мука сѣрой, безрадостной жизни, казалось, отразилась въ этомъ потухающемъ взорѣ...

Губы его слабо защевелились. Священникъ нагнулся.

— Пе-ла-гею...

Пелагея съ воплемъ бросилась къ лавкѣ:

— На кого спокинешь ты меня, кормилецъ мой!.. Я-ль тебя не любила... я-ль не берегла!.. Злые люди виноваты... вороги проклятые... сдѣлали надъ тобой... смутьянщики окаянные!.. Куда дѣнусь... Ой, куда дѣнусь я горькая!

— Тише,—строго произнесъ священникъ,—выслушай волю умирающаго.

Пелагея смолкла и приникла ухомъ къ едва шевелящимся губамъ мужа.

Степанъ видимо собиралъ послѣднія силы и, наконецъ, проговорилъ, задыхаясь:

— Ми-трош-ку... гра-ма-тт-ѣ...

И слабый, чуть слышный голосъ смолкъ, только блѣдныя, посинѣвшія губы еще что-то беззвучно шептали... Прошла минута. Изъ полуоткрытаго рта умирающаго вырвался вдругъ глубокій, протяжный вздохъ. Глаза широко раскрылись, напряженно глядя куда-то вдаль, неподвижные, тусклые, словно слѣпые...

Кругомъ царила мертвая тишина...

— Кончился!—пронеслось, среди этой подавляющей тишины, глухой, надтреснутой нотой чье-то слово.

Н. Анненкова-Бернаръ.

Два генія.

О нѣтъ, не ты, ума величественный геній,
Меня во прахъ повергнешь предъ собой,
И не подавленъ я кичливою толпой
Твоихъ сухихъ, затѣйливыхъ твореній.

Ты, гордый, предо мной стоишь, какъ великанъ
Въ сознаніи своей несокрушимой силы,
Съ безстрастьемъ евнуха, спокойствіемъ могилы
Могучъ и холоденъ, угрюмъ и бездыханъ.

На все взираешь ты своимъ недвижнымъ взглядомъ,
Спокойной глубины твоей не замутятъ
Борьба земныхъ страстей, любовь и злоба—рядомъ
И горестей людскихъ итоговъ скорбный рядъ.

Не жду я отъ тебя ни подвиговъ святыхъ,
Ни дѣлъ, прославленныхъ отвагой и борьбою.
Въ смятеніи толпы проходятъ предъ тобою,
Но властнымъ словомъ ты не остановишь ихъ...

И будетъ литься кровь, и тысячи падутъ...
А ты, невозмутимъ, безтрепетенъ и ясенъ,—
Ты будешь продолжать свой безконечный трудъ
И въ бѣдствіяхъ людскихъ останешься безгласенъ.

Но геній есть иной! Иной красой и силой
Отмѣчены его безплотныя черты:
Онъ не проходитъ нѣмъ надъ бранною могилой,
Не остается глухъ при стонахъ нищеты.

Сіяніемъ любви и скорби озаренъ,—
Онъ не стоитъ, какъ ты, въ спокойствіи ужасномъ...
И въ царствѣ Разума великомъ и прекрасномъ
Лишь рабъ лукавый ты, а царь грядущій—Онъ!..

А. М. Вербовъ.

Въ мірѣ случайностей.

Романъ Виліама Д. Гоуэльса.

Перев. съ англійскаго Э. Каменцевой.

XVIII.

Рэй въ этотъ день никуда больше не пошелъ: онъ рѣшилъ, что отправиться съ рекомендательными письмами въ воскресенье—признакъ дурного тона, и занялся попытками выразить на бумагѣ пережитыя впечатлѣнія, но эта работа не удалась ни въ прозѣ, ни въ стихахъ. За то образъ героини «Современнаго Ромео» принялъ новыя очертанія, мало напоминавшія простую миловидность его «первой любви». Если ему удастся получить рукопись отъ Чапли для поправокъ, то онъ непремѣнно кое-что передѣлаетъ. Онъ всегда чувствовалъ какой-то недостатокъ въ характерѣ героини и теперь понялъ, что ей надо придать прелесть таинственности. Рэй не совсѣмъ ясно формулировалъ это, такъ же, какъ и свое убѣжденіе, что у него теперь двойная причина избѣгать мистера Брандрета и миссъ Хюзъ. Онъ геройски прождалъ еще цѣлую недѣлю. Но въ субботу ему пришла мысль навести справку, какъ отнесется Брандретъ къ его фантазіи въ стихахъ. На самомъ дѣлѣ ему хотѣлось узнать о судьбѣ повѣсти, не обнаруживая этого мистеру Брандрету. Но Рэй опоздалъ: мистеръ Брандретъ приводилъ уже въ порядокъ свой столъ, собираясь уходить. Онъ очень обрадовался гостю и выразилъ желаніе, чтобъ тотъ проводилъ его до дому, такъ какъ ему надо съ нимъ поговорить.

Слово «домъ» какъ будто разбудило въ немъ подавленное чувство гостепріимства, и мистеръ Брандретъ прибавилъ:

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы навѣстили меня, когда у насъ водворится порядокъ. Миссисъ Брандретъ уже чувствуетъ себя прекрасно, а мальчикъ... о! сударь, это настоящій Титанъ! Я желалъ бы, чтобъ вы видѣли его голенькаго. Онъ

тогда совсѣмъ малютка-Геркулесъ, душащій змѣю, которая схватила палецъ мамки. Я знаю, вамъ покажется смѣшнымъ, но увѣряю васъ: онъ узнаетъ и меня, и мать. Я, напримѣръ, вхожу въ шляпѣ нарочно, чтобъ испытать... нѣтъ, да это надо видѣть, какъ онъ двигаетъ рученками!

Отцовскіе восторги продолжались и на улицѣ. Рэй слушалъ съ дѣланной улыбкой и безучастнымъ смѣхомъ, зорко слѣдя, не удатся-ли ему улучить минуту, чтобъ заговорить одѣлѣ. Но издатель вспомнилъ самъ:

— Ахъ, кстати, намъ уже доставленъ отчетъ о вашей рукописи.

— Уже?—только и могъ произнести Рэй.

— Я еще не успѣлъ внимательно просмотрѣть его, но, кажется, въ общемъ онъ благопріятенъ. Есть совѣты сдѣлать кой-какія перемѣны, что именно—точно сказать не могу. Ну, да это вы увидите въ понедѣльникъ. По субботамъ миссъ Хюзъ уходитъ рано и обыкновенно беретъ на домъ какую нибудь работу. На этотъ разъ я далъ ей для приведенія въ надлежащій видъ отчетъ о вашей повѣсти. Мнѣ кажется, вамъ будетъ не безполезно познакомиться съ разнообразными мнѣніями, когда они сгруппируются въ одно цѣлое.

— Конечно,—проговорилъ Рэй, обуреваемый надеждой и страхомъ. Улица кружилась передъ его глазами, и онъ едва-ли сознавалъ, гдѣ теперь находится. Онъ пробормоталъ что-то очень несвязное, прежде чѣмъ сказать:

— Я тоже признаю необходимость системы. Очень жаль, что нельзя получить отчетъ сегодня же: я могъ бы въ воскресенье обдумать совѣты и попробовать воспользоваться ими.

— Да, это жаль. Она ушла до васъ не больше какъ за полчаса. Я не предвидѣлъ, что вы зайдете! Впрочемъ, и до понедѣльника не долго. У нея къ этому времени все будетъ готово. А я положилъ себѣ за правило: съ двухъ часовъ въ субботу и до девяти утра понедѣльника забывать о всякихъ дѣлахъ. Вы не находите этого правила хорошимъ? Я не только не занимаюсь, но не говорю, не думаю ни о какихъ дѣлахъ. Я придерживаюсь того мнѣнія, что воскресенье должно быть посвящено отдыху и семейнымъ удовольствіямъ. Мы обѣдаемъ рано, а затѣмъ жена читаетъ что нибудь вслухъ или играетъ. Теперь же, когда у насъ ребенокъ, мы забавляемся съ нимъ.

Рэй принудилъ себя сказать, что и онъ по воскресеньямъ не работаетъ, а пишетъ обыкновенно письма, и вдругъ неожиданно для самого себя спросилъ:

— Имѣетъ-ли смыслъ пойти сейчасъ къ миссъ Хюзъ и просмотрѣть отчетъ, не дожидаясь его обработки?

Мистеръ Брандретъ засмѣялся.

— Вы *очень* нетерпѣливы! Вы знаете, гдѣ она живетъ?

— Да, мы были у нихъ съ мистеромъ Кэйномъ въ прошлое воскресенье и встрѣтили тамъ мистера Чапли.

— О!—произнесъ Брандретъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать что-то другое, но сообщеніе этого факта ему помѣшало.—Значитъ, вы познакомились и съ отцомъ миссъ Хюзъ?

— Да, и съ его друзьями,—отвѣтилъ Рэй такимъ тономъ, который поощрилъ Брандрета продолжать разспросы.

— И что же вы о нихъ думаете?

— Я полагаю, что большинство изъ нихъ совершенно безвредно, но одного или двухъ не мѣшало-бы помѣстить въ палату буйныхъ.

— И мистеръ Чапли ихъ засталъ?

— Нѣтъ, онъ ушелъ раньше. Меня привелъ мистеръ Кэйнъ, и я вынужденъ былъ остаться.

Къ Брандрету вернулось благодушное настроеніе, исчезнувшее, было, при имени мистера Чапли въ связи съ Хюзомъ.

— Мистеръ Чапли и Хюзъ—старые друзья.

— Да, я такъ и думалъ.

— Ихъ дружба завязалась на Брукской фермѣ.

— Мистеръ Хюзъ очень подходитъ къ типу Голлингворта и не понравился мнѣ,—сказалъ Рэй, желая дать понять, что онъ совершенно не сочувствуетъ дикимъ теоріямъ Хюза. Съ одной стороны, онъ, дѣйствительно, не вѣрилъ въ нихъ, а съ другой—ему казалось, что и въ интересахъ отношеній къ Брандрету выгоднѣе въ нихъ не вѣрить.

— Я вѣдь его никогда не видалъ,—продолжалъ Брандретъ.—Мнѣ нравится постоянство мистера Чапли въ дружбѣ: это одна изъ лучшихъ чертъ его характера. Но для себя я не вижу необходимости завязывать съ ними знакомство. Онъ каждое воскресенье навѣщаетъ Хюза и толкуетъ съ нимъ о политической экономіи. Одно время мистеръ Чапли очень интересовался его альтруистической агитаціей.

— Да?

— Да. Вѣдь совершенно отдѣлаться отъ этого весьма трудно. Я и самъ когда-то принималъ участіе. Лѣтомъ мы живемъ въ Массачуссетсѣ, и вотъ однажды устраивали спектакль—давали «Ромео и Джульету»—въ пользу союза рабочихъ. Сборъ превысилъ двѣсти долларовъ. Мистеръ Чапли былъ послѣдователемъ Джорджа въ 86 году. Нельзя сказать, чтобъ онъ безусловно съ нимъ соглашался; но онъ вполнѣ присоединился къ его протесту противъ существующаго порядка. Тогда многіе лучшіе люди шли тѣмъ же путемъ. Я ничего противъ этого не имѣю, если не заходятъ слишкомъ далеко. Затѣмъ мистеръ Чапли на дачѣ встрѣчался очень часто съ какимъ-то чудакомъ-священникомъ, понимавшимъ новыя идеи въ довольно

превратномъ видѣ. Потомъ онъ заинтересовался графомъ Толстымъ, который оказалъ на него вліяніе. Мистеръ Хюзъ служитъ для него предохранительнымъ клапаномъ. Я это прямо говорю его семейству. Мистеръ Чапли не глупъ и всегда умѣетъ разобраться, что выгодно, что нѣтъ.

Рэй догадался, что Брандретъ своими пространными объясненіями хочетъ предупредить возможность обидныхъ заключеній на счетъ своего тестя.

— Я не удивляюсь привязанности мистера Чапли,—сказалъ Рэй:—мистеръ Хюзъ является лучомъ свѣта и разума среди тѣхъ блуждающихъ огней, которые собираются вокругъ него. И онъ вовсе не толстовецъ.

— Онъ джентельмэнъ по рожденію и воспитанію и когда-то, до своихъ коммунъ—богатый человѣкъ. А миссъ Хюзъ—благовоспитанная дѣвица въ полномъ смыслѣ этого слова. Она очень образованна и много читаетъ. Я больше довѣряю ея литературному вкусу, чѣмъ мнѣнію большинства критиковъ, такъ какъ знаю, что всегда услышу честное и вмѣстѣ съ тѣмъ здравое сужденіе... Если вы пойдете къ ней, то вамъ слѣдуетъ перейти эту улицу,—сказалъ Брандретъ и прибавилъ:—Вы, конечно, не должны считать вопросъ о повѣсти уже рѣшеннымъ: изданіе книги—коммерческій рискъ, и мы должны еще посовѣтоваться, чтобы принять обязательство... Вы понимаете?

— О! да, понимаю и постараюсь не питать обманчивыхъ надеждъ, — отвѣтилъ Рэй, хотя сердце его дрогнуло отъ радости.

— Прекрасно, — улыбнулся мистеръ Брандретъ и, пожимая ему руку на прощанье, проговорилъ съ отчаянной рѣшимостью:—Кстати. Почему бы вамъ не зайти и не пообѣдать вмѣстѣ съ нами?

XIX.

Рэю такъ хотѣлось заглянуть въ отчетъ и въ то-же время неловко было отказать и мистеру Брандрету. Онъ долженъ добиться его расположенія ради повѣсти и вдругъ испортить все какой нибудь мелочью!

— Я боюсь... не будетъ ли это неудобно? Миссисъ Брандретъ... въ такое время...—пробормоталъ онъ.

— Что жъ тутъ неудобнаго? — проговорилъ издатель съ тѣмъ же видомъ рѣшимости.—Пойдемте. Я не увѣренъ, что миссисъ Брандретъ будетъ въ состояніи васъ принять, но я хочу, чтобъ вы видѣли моего мальчугана. А перекусить можно и на холостой манеръ.

Рэй покорился, и мистеръ Брандретъ вернулся къ своимъ

разсказамъ о ребенкѣ. Рэй испытывалъ невыразимое мученье, разрываясь между догадками о судьбѣ повѣсти и отвѣтами издателю. Онъ перебралъ все, стараясь угадать, чѣмъ остались недовольны чтецы.

— Да, сударь,—говорилъ между тѣмъ Брандретъ,—я думаю, что этотъ ребенокъ такъ же хорошо отличаетъ свою бабушку отъ няньки, какъ меня отъ матери. У него есть уже свои симпатіи и антипатіи: онъ плачетъ, если бабушка беретъ его на руки... Кстати: я надѣюсь, что миссисъ Чапли выйдетъ къ обѣду. Она сегодня весь день у насъ.

— О, я буду очень радъ, — сказалъ Рэй, думая, какъ его критики отнеслись къ сценѣ съ гипнотизмомъ.

— У нея прекрасный характеръ, — говорилъ мистеръ Брандретъ,—но устарѣлые взгляды насчетъ воспитанія дѣтей. Я хочу, чтобъ мой мальчикъ съ ранняго дѣтства пріучался полагаться на самого себя. Для меня нѣтъ ничего лучше мужественнаго мужчины, развѣ только женственная женщина. Мнѣ ненавистно мужское въ дѣвушкѣ—дѣвушка должна быть кротка и покорна. Я придерживаюсь того мнѣнія, что мужъ—глава въ домѣ; его воля—законъ, и я именно въ этомъ духѣ хотѣлъ бы воспитать своего мальчугана. Миссисъ Чапли считаетъ необходимымъ, чтобы въ дѣтской горѣлъ ночью огонь. А по моему, слѣдуетъ пріучать мальчика къ темнотѣ, и я это сдѣлаю, какъ только мнѣ удастся устроить такъ, чтобъ мои дѣйствія не казались деспотическими. Миссисъ Чапли добрѣйшая душа въ мірѣ, и я вовсе не желаю съ ней ссориться.

— Конечно,—откликнулся Рэй. Онъ вспомнилъ кузена въ своей повѣсти и подумалъ, что лучше бы было его не убивать: кажется, вообще тамъ слишкомъ много кровопролитія!

Они повернули въ переулокъ и остановились передъ хорошенькимъ домикомъ съ черной дверью и мѣдной дощечкой на ней. Какъ и всѣ подобные дома, онъ стоялъ нѣсколько особнякомъ отъ сосѣднихъ зданій.

Мистеръ Брандретъ вынулъ ключъ и отворилъ дверь.

— Здѣсь всего три квартиры, и мы чувствуемъ себя совершенно свободно. Женѣ было бы неудобно ходить сверху внизъ, и я настоялъ—занимать одинъ этажъ.

Въ полумракѣ—обыкновенной принадлежности входовъ въ такія квартиры—они поднялись по лѣстницѣ, устланной ковромъ. За дверями, пока мистеръ Брандретъ вставлялъ ключъ, слышался шумъ удаляющихся шаговъ, а когда онъ отворилъ,—въ переднюю донесся дѣтскій плачъ.

— Слышите?—восторженно улыбнулся Брандретъ, оглядываясь на Рэя.—Здравствуйте! Что случилось? Что случилось? — крикнулъ онъ по направленію, откуда раздавался

плачъ.—Вы присядьте тутъ,—указалъ онъ на хорошенькую гостиную и по дорогѣ схватилъ какую-то тряпку, висѣвшую передъ каминомъ.—Эта скверная нянька! Сколько ей ни говори, всетаки лѣзетъ сюда. Я сейчасъ вернусь. Эй! что болитъ у маленькаго человѣка? — крикнулъ онъ, исчезая въ концѣ длиннаго узкаго корридора.

Къ Рэю долетали подавленные голоса—гдѣ-то горячо спорили, потомъ громко хлопнула дверь, прорвались чьи-то жалобы, упреки, наконецъ, показался мистеръ Брандретъ съ ребенкомъ на рукахъ; сзади бѣжала нянька, торопливо расправляя длинное платье малютки.

— Ну, что вы думаете о насъ?—спросилъ отецъ.

Рэй приблизился, чтобъ посмотрѣть, что тутъ можно думать. Его точно кто вдохновилъ сказать:

— Да, онъ славный парень!

Эта фраза доставила мистеру Брандрету величайшее удовольствіе. Продолговатая, съ пушистыми волосиками головка «славнаго парня» безсильно качалась на тоненькой шеѣ и маленькія рученки безтолково двигались передъ лицомъ.

— Теперь дайте ему вашъ палецъ и посмотрите, не устроитъ ли онъ такой же штуки, какъ малютка-Геркулесъ?

Рэй охотно взялся за роль змѣи, но Геркулесъ не пожелалъ разжать своего кулачка.

— Попробуйте другимъ пальцемъ,—посовѣтовалъ отецъ.

Рэй подставилъ другой, но съ одинаковымъ успѣхомъ.

— Ну, онъ сегодня не въ ударѣ; онъ это сдѣлаетъ для васъ въ слѣдующій разъ. Довольно, маленькій человѣкъ.—Мистеръ Брандретъ передалъ ребенка нянѣ, и та унесла его.

— Садитесь, садитесь,—весело приглашалъ Брандретъ.—Сейчасъ выйдетъ миссисъ Чапли... Это удивительно, что такія маленькія существа имѣютъ свои настроенія, какъ и взрослые. Этотъ мальчуганъ такъ же отлично знаетъ, какъ и мы съ вами, чего отъ него хотятъ. Но если онъ не расположенъ въ данный моментъ, то ни за что не исполнитъ. Жаль, что я не продѣлалъ съ нимъ опыта со шляпой—вы бы тогда убѣдились, какъ онъ понимаетъ.

Мистеръ Брандретъ перешелъ къ теоріи воспитанія, разсказывалъ анекдоты изъ дѣтской психики, а Рэй слушалъ, то бормоча какія-то похвалы, то выжимая изъ себя выраженія восторга въ видѣ неопредѣленныхъ восклицаній.

Онъ былъ избавленъ отъ своего невыносимаго положенія только приходомъ миссисъ Чапли и миссисъ Брандретъ. Дамы привѣтствовали его съ нѣкоторой суровостью, которая, какъ догадывался Рэй, относилась больше къ мистеру Брандрету. Впрочемъ, если послѣдній не казался сегодня «главой дома», то и его теща не исполняла этой почетной роли.

Миссисъ Брандретъ, поздоровавшись, оглядѣла комнату и переставила кой-гдѣ мебель. Это еще болѣе усилило впечатлѣніе ея строгой дисциплины. Затѣмъ она сѣла напротивъ Рэя, въ ожиданіи, что онъ начнетъ разговоръ. Ему показалось, что его собрались судить, и что онъ долженъ сказать что нибудь въ свое оправданіе. Онъ принялся расхваливать ребенка, говорилъ объ его красотѣ, о ростѣ, упомянулъ о поразительномъ сходствѣ съ отцомъ.

Миссисъ Брандретъ видимо смягчалась.

— Онъ очень *здоровый* ребенокъ, — проговорила она съ великодушнымъ безпристрастіемъ.

— Но даже и здоровыя дѣти причиняютъ много заботъ,— со вздохомъ замѣтила миссисъ Чапли.

Дочь, вѣроятно, нашла это замѣчаніе неумѣстнымъ.

— О, я пока еще не вижу, чтобъ Перси причинялъ много хлопотъ,—сказала она.

— Онъ вполнѣ вознаграждаетъ за нихъ,—съ сіяющей улыбкой вставилъ мистеръ Брандретъ и тотчасъ же спохватился:— по крайней мѣрѣ, мы не знали бы, что дѣлать безъ него.

— Вопросъ едва-ли въ этомъ, — сухо произнесла жена, давая понять, что его слова очень некстати.—Давно вы въ Нью-Іоркѣ?—обратилась она къ Рэю.

— Всего нѣсколько недѣль,—отвѣтилъ Рэй, раздумывая, что бы прибавить для ея успокоенія.

— Мнѣ, деревенскому человѣку, здѣсь все интересно и любопытно,—нашелся онъ, рѣшивъ принести себя въ жертву.

Эти слова какъ будто подѣйствовали.

— Но вы не хотите сказать, что вы, въ самомъ дѣлѣ, изъ деревни?—болѣе мягко спросила миссисъ Брандретъ.

— Я изъ Мидлэнда, который, по сравненію съ Нью-Іоркомъ, конечно, деревня.

Миссисъ Чапли справилась, не зналъ-ли онъ тамъ Мэйквэйстовъ. Рэй старался отыскать въ своей памяти такую фамилію, но миссисъ Чапли уже вспомнила, что Мэйквейсты были изъ Гитчигюли въ штатѣ Мичиганъ. Они обмѣнялись нѣсколькими ничего незначущими фразами, прежде чѣмъ она спросила:

— Мистеръ Брандретъ говорилъ мнѣ, что вы *встрѣтили* моего мужа?

— Да; я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ нимъ раньше, чѣмъ съ мистеромъ Брандретомъ.

— Вы знаете и мистера Кэйна?

— Да, это мое первое знакомство въ Нью-Іоркѣ.

— Мистеръ Брандретъ говорилъ мнѣ.

Она улыбнулась при мысли о Кэйнѣ, какъ о безвредномъ чудакѣ, и спросила:

— Васъ водили и на поклоненіе его пророку, къ этому странному мистеру Хюзу?

— Я не думаю, чтобъ онъ былъ пророкомъ для мистера Кэйна,—отвѣтилъ съ сочувственной улыбкой Рэй.—Онъ въ пророкахъ, кажется, не нуждается. А мистера Хюза я не только видѣлъ, даже слышалъ.—И онъ снова улыбнулся, вспомнивъ свой испугъ, когда къ нему обратился Хюзъ съ вопросомъ объ его личномъ мнѣніи. Ему пришло въ голову описать это приключеніе, благо миссисъ Чапли дала новый поводъ:

— Да?—спросила она съ скрытымъ безпокойствомъ.—Пожалуйста, разскажите мнѣ о немъ.

Рэй поспѣшилъ исполнить ея просьбу.

— Значитъ, онъ *не послѣдователь* Толстого?—съ глубокимъ вздохомъ проговорила миссисъ Чапли.

— Какъ мнѣ кажется—наоборотъ, совершенная противоположность.

Она разсмѣялась, но было ясно, что этимъ смѣхомъ маскируется какой-то тайный страхъ.

— А я полагала, что онъ шьетъ никуда негодные башмаки. Не понимаю, чѣмъ этотъ мистеръ Хюзъ такъ очаровалъ моего мужа!.. По крайней мѣрѣ, онъ дѣйствительно желалъ бы уйти въ деревню и заняться полевыми работами?

Миссисъ Чапли, казалось, почувствовала въ Рэѣ близкаго знакомаго и забросала его вопросами:

— Какъ они живутъ? Что изъ себя представляетъ его семейство? Я не говорю о младшей дочери—мы ее знаемъ.

Рэй сообщилъ все, что могъ, а также, что Хюзы живутъ въ apartament.

— О-о!—воскликнула она,—а я воображала себѣ несчастную квартирку въ tenement'ѣ.

— Кстати,—предложилъ мистеръ Брандретъ,—не хотите ли посмотрѣть наше помѣщеніе...—Жена остановила его взглядомъ, и онъ прибавилъ:—когда нибудь...

Рэй поблагодарилъ. Дамы дѣлались все любезнѣе.

— Не останетесь-ли вы у насъ отобѣдать, мистеръ Рэй?— предложила, наконецъ, миссисъ Брандретъ.

Онъ взглянулъ на мужа и понялъ, что приглашеніе сдѣлано помимо его участія. Такъ какъ мистеръ Брандретъ промолчалъ, то Рэй счелъ за лучшее, сославшись на неотложное дѣло, откланяться.

Миссисъ Чапли на прощанье пригласила его на свои четверги, а миссисъ Брандретъ сказала, что всегда будетъ рада его видѣть. Хозяинъ проводилъ гостя до самыхъ дверей и, съ благодарностью пожимая его руку, проговорилъ:

— Я вижу, съ какимъ нетерпѣніемъ стремитесь вы познакомиться съ отчетомъ. Но вы когда нибудь *придете*?

XX.

Силу своего нетерпѣнія Рэй измѣрилъ лишь тогда, когда вышелъ на улицу. Только теперь онъ почувствовалъ—какой пыткой былъ бы этотъ обѣдъ. Онъ не только не досадовалъ на поведеніе мистера Брандрета, но даже не интересовался—чѣмъ оно было вызвано. Минутами,—во время визита, когда на сцену появился ребенокъ, а также при разспросахъ миссисъ Чапли о Хюзахъ,—ему казалось, что онъ забывалъ объ отчетѣ, на самомъ же дѣлѣ его мысль мучительно, хотя и незамѣтно, работала надъ вопросомъ: къ чему сводятся отзывы? и когда она проникала въ его сознаніе, у него кружилась голова. Очутившись за дверями дома Брандретовъ, Рэй пустился бѣгомъ. Онъ надѣялся застать миссъ Хюзъ и выпросить отчетъ; если мнѣнія чтецовъ окажутся неблагопріятными, то, можетъ быть, она хоть что нибудь ему скажетъ въ утѣшеніе. Если-бъ только удалось говорить съ ней наединѣ!

Его встрѣтила миссисъ Дэнтонъ и не замедлила сообщить, что ея мужъ уже поправилъ звонокъ, который былъ въ неисправности, когда они были съ Кэйномъ. Рэй разсказалъ о цѣли своего посѣщенія. Оказалось, что миссъ Хюзъ куда-то ушла, но скоро вернется. Миссисъ Дэнтонъ прибавила, что отецъ будетъ очень радъ его видѣть.

Рэй покорился судьбѣ. Старикъ сидѣлъ у окна, выходившаго на желѣзную дорогу, и кашлялъ. Онъ сразу узналъ гостя:

— Здравствуйте, молодой человѣкъ! Очень радъ васъ видѣть. Ну, какъ вы поживаете?—Хюзъ поздоровался, не поднимаясь съ мѣста, и указалъ Рэю на стулъ, стоявшій по другую сторону окна.

— Какъ ваше здоровье?—спросилъ Рэй.

— Понемногу поправляюсь отъ этого противнаго кашля—силы прибываютъ съ каждымъ днемъ. Да, я чувствую себя очень хорошо, но все еще приходится сидѣть дома, а это очень скучно. Правда, есть время для работы: я теперь суммирую впечатлѣнія, которыя производитъ на меня ваша цивилизація—пишу книжку подъ заглавіемъ «Свѣтъ, посѣщенный вновь».

Рэй не совсѣмъ понялъ, почему Хюзъ сказалъ *ваша* цивилизація, когда не Рэй ее насаждалъ, но онъ не возразилъ, и старикъ могъ продолжать безъ перерывовъ.

— Я надѣюсь уговорить моего стараго друга Чапли издать книгу для меня, если примирю его съ моими крайними мнѣніями. Онъ робокъ, а моя книга смѣла.

Рэй невольно подумалъ о своей книгѣ, стараясь вспомнить — не было ли и тамъ чего нибудь слишкомъ смѣлаго для робкаго

издателя или его робкихъ редакторовъ? Онъ механически слушалъ автора, довольнаго, что удалось поймать человѣка, передъ которымъ можно распространяться о своемъ произведеніи.

— Моя книга,—говорилъ Хюзъ:—это критика современной жизни и всѣхъ ея сторонъ. Разумѣется, въ виду обширности такой темы, нѣкоторыхъ вопросовъ приходится касаться только поверхностно. Возьмемъ, напримѣръ, этотъ архитектурный кошмаръ построекъ въ городѣ. Я придерживаюсь того мнѣнія, что средній человѣкъ, не обладающій вкусомъ, не имѣетъ права строить себѣ домъ. Выставлять такимъ образомъ свои идеи на показъ—неприлично и не должно быть терпимо. Я смотрю на всѣ эти постройки, которыя, почти безъ исключенія, сплошь безобразны и безсмысленны, какъ на безнравственность, безуміе и безразсудство, недопустимыя въ цивилизованномъ государствѣ. Городъ долженъ строиться городомъ и для каждаго человѣка должно найтись подходящее и красивое жилище, гдѣ онъ могъ бы и работать, и отдыхать.

— Я боюсь,—сказалъ Рэй, стараясь оторваться отъ своей повѣсти и сосредоточиться на словахъ Хюза,—что подобная идея можетъ показаться слишкомъ ошеломляющей.

— Какъ ошеломляющей? почему ошеломляющей?

— Не задѣваетъ ли она частныя права? не отзывается ли она немножко тираніей?

— Какія частныя права можетъ имѣть человѣкъ внѣ своего дома? Внутреннее убранство можетъ быть предоставлено въ жертву его невѣжества и безвкусія. Но внѣшность моего дома не для *меня*, а для другихъ. Публика видитъ ее десятки разъ въ то время, какъ я—одинъ разъ. Если я дѣлаю ее грубой и нелѣпой, тогда *я* тиранъ, *я* притѣснитель—я, индивидуумъ.

У Рэя были на этотъ счетъ кое-какія сомнѣнія, но онъ не высказалъ ихъ, всецѣло занятый своими думами.

— Да,—продолжалъ Хюзъ, вспомнивъ, что передъ нимъ сидитъ литераторъ,—вы написали повѣсть. Но что вы скажете въ свое оправданіе? Вѣдь оно необходимо для человѣка, сочиняющаго повѣсти въ то время, когда мы дрожимъ въ ожиданіи всякихъ кризисовъ.

— Оправданіе?—переспросилъ Рэй, запинаясь.

— Да. Чѣмъ она оправдывается? Какъ она можетъ служить Богу, поддержать человѣка? Не посвящена ли она любви, этому, якобы, главному занятію мужчинъ и женщинъ? Затронуты ли въ ней истинные интересы жизни, вопросы, которые настойчиво требуютъ отвѣта и которые столь важны, что всякій отдаетъ имъ все свое вниманіе?

— Моя повѣсть не только любовная исторія, хотя въ ней и трактуется о любви. Я сдѣлалъ попытку дать этому

чувству психологическое основаніе,—сказалъ Рэй, обрадованный возможностью поговорить о своемъ дѣтищѣ.

— Какого рода?

— Ну, напримѣръ, гипнозъ.

— Старая игрушка, извѣстная со временъ увлеченія месмеризмомъ! Ее пускали въ ходъ и Поэ, и Готорнъ и, вѣроятно, многіе другіе.

— Я не совсѣмъ такъ пускаю ее въ ходъ.

— О, я увѣренъ, что вы употребляете новые пріемы, сообразно съ тѣмъ, чего достигли въ этой области ученые. Но какъ вы можете жить спокойно, когда передъ вами раскинуты два лагеря, когда враждующіе стоятъ въ боевомъ порядкѣ другъ противъ друга, когда есть роскошь и нищета, когда всякій долженъ отдать свое сердце, свой умъ для разрѣшенія задачи, которая обращаетъ людей въ изступленныхъ, возстановляетъ брата на брата? Какъ можете вы жить и довольствоваться художественнымъ изображеніемъ истеріи?

Суровыя слова старика, въ которыхъ звучало волненіе, Рэй оцѣнилъ только съ эстетической стороны, но примѣнить лично къ себѣ не могъ. Ему было даже нѣсколько забавно, когда онъ проговорилъ:

— Я не такъ ужъ плохъ, какъ вы думаете, мистеръ Хюзъ. Эта повѣсть написана нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и я не думаю, чтобы могъ написать нѣчто подобное теперь.

Это оправданіе остановило потокъ словъ мистера Хюза. Онъ сидѣлъ, сверкая глазами изъ подъ нависшихъ косматыхъ бровей на ясное, красивое лицо Рэя, и, казалось, собирался съ силами для новаго нападенія, когда вошла миссъ Хюзъ и молча остановилась.

— Ну!—воскликнулъ старикъ, не давъ ей даже поздороваться съ гостемъ,—въ какомъ положеніи эта бѣдная женщина?

— Она умерла.

— Хорошо, пока хорошо. А кто остался въ живыхъ?

— Нѣсколько человѣкъ дѣтей. Сосѣди о нихъ позаботятся.

— Конечно. Вотъ молодой человѣкъ, психологическая задача, болѣе достойная изученія, чѣмъ гипнотизмъ: готовность бѣдняка помочь нуждающимся, не смотря на свои собственныя лишенія. Чудо съ хлѣбомъ и рыбою совершается ежедневно въ tenement-houses. Тѣ, которые ничего не имѣютъ для себя, находятъ всетаки кое-что для другихъ. Какъ бы бѣднякъ ни нуждался, онъ всегда готовъ подѣлиться своей сухой коркой съ другимъ, у кого нѣтъ даже корки; и для всякаго хоть что-нибудь найдется, какъ будто Христосъ благословилъ хлѣбъ и роздалъ его всѣмъ голоднымъ. Не находите ли вы, молодой человѣкъ, что эта странная тайна заслуживаетъ вниманія и является довольно интересной темой для романиста?

Мысль Хюза показалась Рэю удачной: ее дѣйствительно можно утилизировать. Нужно только увидѣть случай проявленія христіанскаго милосердія въ tenement-house'ѣ. Это промелькнуло въ головѣ Рэя, пока онъ соображалъ, какъ начать разговоръ объ отчетѣ. Вмѣшательство старика освободило его отъ обычныхъ привѣтствій, и онъ прямо началъ:

— Миссъ Хюзъ, мистеръ Брандретъ сказалъ мнѣ, что я могу получить отъ васъ мою повѣсть «Современный Ромео» съ отзывами о ней. Я думаю... Я хотѣлъ бы ихъ посмотрѣть и... и...

— Я не успѣла еще переписать. Мистеръ Брандретъ говорилъ мнѣ, что хотѣлъ бы вамъ показать. Но мы не сообщаемъ—кто читалъ, и поэтому отзывы должны быть переписаны другой рукой.

— Я почерковъ вѣдь не знаю. Кромѣ того, мистеръ Брандретъ разрѣшилъ мнѣ видѣть ихъ въ томъ видѣ, какъ они есть.

— Хорошо, я сейчасъ принесу.

Рэй остался опять со старикомъ. Онъ больше не заговаривалъ и смотрѣлъ въ окно. Голова его выдѣлялась темнымъ пятномъ на яркомъ фонѣ залитой свѣтомъ улицы.

Миссъ Хюзъ вернулась съ пакетомъ и проводила Рэя до самой лѣстницы.

— Я полагаю,—робко сказала она,—что вамъ будетъ интересно знать о судьбѣ вашего доллара: я отдала его этимъ дѣтямъ. Вы довольны?

Рэй такъ былъ занятъ отчетомъ, что разсѣянно проговорилъ:

— Моего доллара?—но тотчасъ же вспомнилъ:—Ахъ, да! конечно, отлично! я очень радъ, что вы поступили такъ. Но простите меня, миссъ Хюзъ... я хочу васъ спросить: вы не просматривали мою повѣсть?

— Да, я ее прочла,—отвѣтила она послѣ минутнаго колебанія.

— О, тогда,—заторопился Рэй, хотя почувствовалъ, что это смѣшно и глупо, но уже не могъ удержаться,—раньше чѣмъ читать эти отзывы, я бы предпочелъ лучше... Не скажете ли вы мнѣ, я бы такъ хотѣлъ знать, что вы... Но, можетъ быть, я не имѣю права задавать такой вопросъ?

Онъ старался быть какъ можно сдержаннѣе, но на самомъ дѣлѣ, въ порывѣ авторской страсти, которая такъ же сильна и разнообразна въ своихъ проявленіяхъ, какъ и любовь, готовъ былъ пристать съ этимъ вопросомъ къ умирающему.

— Собственно, я не имѣла права ее читать, такъ какъ меня объ этомъ не просили.

— Нѣтъ, имѣли! Я очень радъ, что вы читали.

— Отзывы были такъ различны, и я не удержалась—заглянула въ нее, а потомъ ужъ и дальше...

— Неужели такъ различны?—воскликнулъ онъ, дрожа отъ обиды. Въ тоже время косвенная похвала, скрытая въ этомъ «дальше»—вновь воскресила его безумныя надежды.—Вы продолжали? значитъ, она нѣсколько заинтересовала васъ?

Она уклонилась отъ прямого отвѣта.

— Ни одинъ отзывъ не сходится съ другимъ. Но вы увидите сами.

— Нѣтъ, нѣтъ! скажите, что думаете *вы*?

Миссъ Хюзъ колебалась.

— Нѣтъ, я не должна говорить, мнѣ не слѣдовало сообщать, что я ее читала.

— Она вамъ не понравилась?

— Мѣстами понравилась, но я не скажу больше ни слова.

— А какія мѣста?—настаивалъ онъ.

— Не спрашивайте... Мнѣнія чтецовъ...

— Я дорожу только вашимъ,—упрямо проговорилъ Рэй.— Что вы хотѣли сказать словомъ «такъ различны»? Конечно, я надоѣдаю... Но отъ этой повѣсти такъ много зависитъ. И не потому, чтобъ она была единственной крупной вещью, которую я написалъ. Но если ее отвергнутъ... Я уже давно жду, и вдругъ опять поиски за издателемъ... Какъ по вашему: можно ее передѣлать или она безнадежно плоха? Что именно вамъ не понравилось? не гипнотизмъ ли? Признаюсь, я не могъ придумать другой развязки, а эта оказалась слишкомъ мелодраматичной. Но «Ромео и Джульета» вѣдь так же мелодраматичны... Надѣюсь, вы не думаете, что я всегда такъ безумствую, когда идетъ рѣчь о моемъ произведеніи? — спросилъ онъ, самъ удивляясь своей несдержанности.—Видите ли, я долго писалъ эту повѣсть, я очень много въ ней передѣлывалъ, передѣлывалъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, совсѣмъ не запутался. Я боюсь, что не съумѣю разобраться въ этихъ отзывахъ, и поэтому хотѣлъ бы узнать ваше мнѣніе.

— Но я не должна... Это значитъ вмѣшиваться не въ свое дѣло, что неудобно по отношенію къ мистеру Брандрету,— сказала она.

— Я понимаю,—мнѣ это не пришло въ голову. Вы совершенно правы, прошу прощенья. Спокойной ночи!

Войдя въ вагонъ, Рэй положилъ рукопись поближе къ себѣ, чтобы не забыть. Но когда онъ заглянулъ въ отчетъ, то сталъ желать, чтобъ она сгинула и пропала: ему казалось, что болѣе неудачной вещи нельзя было и написать— на-ряду съ какими-то неопредѣленными достоинствами масса всякихъ недостатковъ! Онъ долженъ былъ сознаться, что разборъ сдѣланъ вполнѣ добросовѣстно; у него не осталось даже жалкаго утѣшенія—возможности обвинить чтецовъ въ небрежности или невниманіи. Каждый изъ нихъ дѣйствительно про-

челъ всю повѣсть и судилъ о ней, какъ въ частности, такъ и вообще. Каждый находилъ ее непригодной по различнымъ основаніямъ, и всѣ вмѣстѣ рекомендовали забраковать ее. Они, въ сущности, не противорѣчили другъ другу, а только отмѣчали разные недостатки. Одинъ порицалъ грубый реализмъ и рабскую вѣрность картинкамъ провинціальной жизни. Другой—упрекалъ за юношескій романтизмъ въ изображеніи страсти. Третій—указывалъ на полную невѣроятность подобной завязки при современныхъ условіяхъ. Четвертый—возставалъ противъ гипнотизма, какъ неудачной «выдумки» въ повѣсти, съ одной стороны, и желанія поддѣлаться подъ вкусы публики—съ другой. Пятый—коснулся явнаго подражанія Готорну въ психологическомъ анализѣ. Шестой—прямо обвинялъ въ копированіи манеры Теккерея при совершенно несоотвѣтствующемъ этой манерѣ матеріалѣ.

Каждый изъ отзывовъ причинялъ Рэю острую боль обиды, а взятые всѣ вмѣстѣ заставляли его испытывать чувство полнаго униженія, хотя въ общемъ они не были такъ вѣрны, какъ каждый въ отдѣльности. Въ глубинѣ своего оскорбленнаго, болѣвшаго сердца онъ долженъ былъ признать ихъ справедливость. Но всетаки въ его повѣсти было нѣчто, чего никто не замѣтилъ—это жизнь, жизнь, которая являлась отраженіемъ его собственной. Рэй видѣлъ самъ, и далеко раньше, что въ повѣсти есть грубые промахи, неестественныя положенія, но ему казалось, что въ ней было и нѣчто новое, свѣжее. Поэтому онъ такъ и добивался отвѣта миссъ Хюзъ. Теперь онъ совсѣмъ запутался въ этихъ отзывахъ и страдалъ далеко больше, чѣмъ могъ когда-нибудь себѣ представить. Его охватило сомнѣніе и насчетъ миссъ Хюзъ: дѣйствительно ли она нашла въ повѣсти болѣе достоинствъ, чѣмъ критики «Чапли и К.»? Эта мысль усиливала его страданія. Онъ проворочался всю ночь, перевертывая свою подушку и обдумывая передѣлки «Современнаго Ромео» соотвѣтственно указаніямъ то одного, то другого критика, но ничего не выходило: если нельзя сохранить ту форму, въ которую вылилось его произведеніе, то какъ создать другую, когда оно въ нее не укладывается? Значитъ, остается одно: уничтожить эту повѣсть и приняться за другую. Вѣдь было бы безуміемъ ожидать, что Брандретъ согласится издать забракованную вещь. А новаго ничего нѣтъ: Рэй такъ ушелъ въ надежды на своего «Ромео», что въ послѣднее время ни за что не могъ приняться. Его беллетристическая карьера, очевидно, кончилась: надо искать газетной работы и надо радоваться, если она найдется.

XXI.

Заснувъ лишь подъ утро, Рэй проснулся поздно, съ отчаяньемъ въ душѣ. Но когда онъ вымылся, какъ будто смылась и часть его отчаянья: онъ почувствовалъ голодъ и съ большимъ аппетитомъ позавтракалъ.

Впрочемъ, физическая реакція продолжалась недолго: какъ только вернулся онъ въ свою комнату и увидѣлъ «Ромео» и отзывы, его охватилъ прежній ужасъ. Если бъ онъ могъ хоть съ кѣмъ нибудь подѣлиться, поговорить, ему было бы легче. Только теперь онъ убѣдился, что, не смотря на всю свою осторожность и недовѣрчивость—онъ не только надѣялся, но былъ увѣренъ въ принятіи повѣсти Брандретомъ. Между тѣмъ ни одному изъ чтецовъ, повидимому, и не снилось рекомендовать ее издателямъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, если миссъ Хюзъ не пожелала высказать горькую правду. Какимъ дуракомъ онъ долженъ былъ показаться ей!

Оставался еще Кэйнъ, но Рэй не зналъ его адреса, да и неизвѣстно—хватитъ ли у него мужества заговорить съ нимъ о своей неудачѣ. Теперь онъ даже не разсчитывалъ, чтобъ Кэйнъ повторилъ свой воскресный визитъ. Рэй побился съ собой объ закладъ, что этого не случится. Часы тянулись, и онъ думалъ ужъ, что выигралъ пари, какъ вдругъ къ его великой радости послышались шаги и раздался стукъ въ дверь.

Рэй отворилъ. При видѣ Кэйна у него навернулись слезы и онъ не могъ произнести ни слова.

— Что такое, мой дорогой другъ?—воскликнулъ Кэйнъ.— Что случилось?

Рэй молчалъ, пока не получилъ возможности холодно произнести:

— Ничего. Все уже прошло.

— Если вы не отвергнуты любимой женщиной, то, значитъ, отвергнута ваша повѣсть,—сказалъ Кэйнъ, входя и снимая шляпу.—Это единственныя вещи, которыя уничтожаютъ человѣка. Я думаю, второе хуже. Человѣкъ никогда не бываетъ абсолютно и исключительно влюбленъ въ одну женщину: онъ всегда знаетъ другую, тоже достойную любви. Это мудрая предусмотрительность природы. Но когда рукопись находится у издателя, она единственная въ цѣломъ мірѣ. Вы легко можете разработать далѣе это сравненіе. Надѣюсь, вы потерпѣли фіаско только въ любви, мой дорогой юноша?

Рэй грустно улыбнулся:

— Боюсь, что хуже.

— «Чапли и К.» не приняли вашей повѣсти?

— Прямого отказа еще нѣтъ, но отзывы неблагопріятны.

Я провелъ за ними всю ночь и знаю ихъ наизусть. Хотите, я передамъ? — спросилъ Рэй съ холоднымъ презрѣньемъ къ самому себѣ.

Кэйнъ бросилъ сочувственный взглядъ.

— Боже упаси! я могъ бы самъ передать ихъ, не читавши: они обыкновенно не очень разнообразны, моихъ повѣстей было не мало.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ Рэй, запинаясь и раскаиваясь, что приписалъ исключительно одному себѣ подобную неудачу.

— Да. И это было одной изъ причинъ, побудившихъ меня приняться за «Афоризмы». Но если вы позволите мнѣ предложить вамъ другую страничку моего опыта, то найдете для издателей не мало смягчающихъ обстоятельствъ. Изъ всѣхъ повѣстей у меня приняли только одну и послѣ того, какъ всѣ другіе издатели ее отвергли.

— Неужели?—дрожащимъ голосомъ спросилъ Рэй.

— Да,—вздохнулъ Кэйнъ.—Вотъ почему Чапли такъ привязанъ ко мнѣ: онъ простилъ мнѣ смертельное оскорбленіе.— Кэйнъ подождалъ, чтобы Рэй вникнулъ въ смыслъ этой фразы и затѣмъ спросилъ, кивнувъ на кровать, гдѣ валялась рукопись и отзывы:—Можно?

— О, конечно, — разсѣянно сказалъ Рэй, углубленный въ свои мысли.

Кэйнъ потянулся къ отчету.

— Да, они производятъ до странности знакомое впечатлѣніе — точно эхо моего прошлаго. Вы думаете, что они вѣрны?

— Да, совершенно вѣрны. То есть...

— О, *то-есть*! Значитъ, есть еще надежда.

— Какъ надежда!—возразилъ Рэй.—Можетъ ли мое мнѣніе вліять на результаты?

— Для изданія—нѣтъ, лично для васъ—навѣрное. Тутъ такая же разница, какъ между оглушеннымъ и убитымъ. Конечно, непріятно и оглушеніе, но его дѣйствіе не столь гибельно, какъ убійство. Какой сюжетъ вашей повѣсти?

Рэй былъ пораженъ, замѣтивъ, до какой степени этотъ вопросъ оживилъ его вѣру и мужество: его неизмѣнный интересъ къ своему произведенію былъ также несокрушимъ, какъ и материнская любовь. Онъ передалъ содержаніе повѣсти въ сжатомъ видѣ и тамъ, гдѣ не могъ точно воспроизвести подробности, читалъ по рукописи. Внезапно онъ швырнулъ ее съ восклицаніемъ:

— Какой я дуракъ!

Кэйнъ разсмѣялся своимъ мягкимъ густымъ смѣхомъ, закрывая глаза и показывая прекрасные мелкіе бѣлые зубы.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Я читалъ вещи похуже этой. Я самъ

писалъ хуже. Послушайте, вамъ нечего отчаяваться. Я, конечно, сомнѣваюсь, чтобъ Чапли поступилъ вопреки отзывамъ: ихъ опытъ со мной дѣлаетъ маловѣроятнымъ такое предположеніе. Но, вѣдь, есть и другіе издатели — въ Нью-Іоркѣ и въ Филадельфіи. Говорятъ, очень падки на книги въ Чикаго. Почему бы этому «психологическому роману»,—если, какъ думаетъ мистеръ Брандретъ, онъ стоитъ на очереди,—почему бы ему не стать на ноги въ Чикаго и не придти затѣмъ въ Нью-Іоркъ?

— Не знаю, — сказалъ Рэй, безцѣльно поднимаясь со стула, — имѣетъ-ли какой нибудь смыслъ навѣстить сегодня мистера Брандрета? Эта неизвѣстность... Онъ очень религіозенъ?

— Право, не знаю. Я не всегда могу отвѣтить на такой вопросъ даже относительно самого себя. Сегодня—да, завтра—нѣтъ. Но мистеръ Брандретъ нѣсколько формалистъ и врядъ-ли найдетъ приличнымъ въ воскресенье бесѣду съ нетерпѣливымъ авторомъ...

— А мнѣ показалось, что онъ не очень чопорный,—сказалъ Рэй, не давъ Кэйну закруглить періодъ.—Но нѣтъ, это не годится! Какой я оселъ.

— Мы всѣ ослы,—вздохнулъ Кэйнъ. — Это великія узы братства. Когда вы получили эти «вердикты»?

— Мистеръ Брандретъ сказалъ мнѣ, что они у миссъ Хюзъ, и я до тѣхъ поръ не могъ успокоиться, пока не добился разрѣшенія взять ихъ на домъ.

— Такъ. Если мы знаемъ, что къ намъ приближается несчастье, мы не ждемъ его прихода, а отправляемся къ нему на встрѣчу и торопимся его обнять... А какое впечатлѣніе на этотъ разъ произвелъ на васъ мой другъ Хюзъ, если вы его видѣли?

— Да, я видѣлъ и, конечно, все еще предпочитаю *его* друзьямъ.

— Вполнѣ естественно. Немного найдется такихъ даже на нашей столь перенаселенной планетѣ, которые могли бы сравниться съ Давидомъ Хюзомъ. Главнымъ образомъ *онъ* заставляетъ меня питать уваженіе къ людскому роду. Конечно, онъ нѣсколько смѣшонъ. Человѣкъ, который такъ полонъ иллюзій, какъ Хюзъ—это reductio ad absurdum современныхъ понятій. Какъ можетъ жить надежда тамъ, гдѣ только бѣдность и смерть? Правда, Хюзъ разсчитываетъ уничтожить первую и измѣнить значеніе второй. Вы знаете, онъ думаетъ, и совершенно искренно, что въ его золотомъ вѣкѣ исчезнетъ всякое желаніе промѣнять землю на небеса; оно уже не будетъ побуждать людей къ самоубійству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ и ужасъ смерти: люди удостоятся познать, что какъ

жизнь, такъ и смерть — одинаковое благо. Не правда-ли, красивая мысль?

Рэй, по своей юношеской неопытности, не съумѣлъ оцѣнить эту красоту.

— Какъ вы думаете,—воскликнулъ онъ,—не лучше ли мнѣ перенести мѣсто дѣйствія въ Нью-Іоркъ?—Онъ вспомнилъ замѣчаніе одного изъ чтецовъ.—Провинція не такъ интересуетъ публику. Виноватъ!.. вы что-то говорили? Я просто не могу оторваться отъ своей несчастной повѣсти.

Кэйнъ разсмѣялся:

— Не извиняйтесь. Я испыталъ это на себѣ. Можетъ быть перемѣна обстановки *была* бы хороша. Это предписываютъ довольно часто.—Онъ опять разсмѣялся, а за нимъ и Рей, хотя довольно грустно.

— О, неужели вы уходите?—спросилъ онъ, когда Кэйнъ поднялся.

— Да. Вамъ лучше остаться одному: когда человѣкъ страдаетъ, онъ все равно одинъ. Если несчастіе влечетъ къ обществу, то общество не любитъ несчастія. Я могу перенести свои невзгоды, но не чужія. До свиданія! Мы увидимся опять въ счастливый для васъ день.

XXII.

Мистеръ Брандретъ употребилъ всевозможныя усилія, чтобы сгладить послѣдствія отзывовъ о повѣсти Рэя. Благодаря его дружескому оптимизму, они приняли въ глазахъ Рэя чуть ли не благопріятный оттѣнокъ. Онъ доказывалъ, что въ нихъ нѣтъ ничего такого, что абсолютно осуждало бы повѣсть, что каждый «вердиктъ» заключалъ въ себѣ указанія на смягчающія «для виновнаго» обстоятельства. Его личное расположеніе зашло очень далеко, но принять, въ ущербъ интересамъ дѣла, отвергнутую книгу онъ не могъ. Онъ сказалъ, что еще разъ просмотритъ ее.

Черезъ недѣлю Рэй получилъ рукопись обратно и письмо, въ которомъ Брандретъ, выражая свои сожалѣнія, обѣщалъ, что «Чапли и К°» съ удовольствіемъ перечитаютъ ее снова, если будутъ сдѣланы измѣненія соотвѣтственно указаніямъ ихъ редакторовъ.

Рэй говорилъ себѣ, что другого отвѣта онъ и не ждалъ, хотя на самомъ дѣлѣ—лелѣялъ въ глубинѣ своего сердца самыя безразсудныя мечты. Пока рукопись была у Брандрета, ему казалось, что передѣлки пойдутъ довольно удачно. Но какъ только она очутилась снова въ его рукахъ, Рэй убѣдился, что она не поддается никакимъ исправленіямъ она точно за-

стыла, окаменѣла въ своихъ первоначальныхъ формахъ—внѣшность нисколько не мѣняла ея сущности.

Онъ поблагодарилъ Брандрета и извинился, что не попробовалъ еще разъ измѣнить рукопись: онъ желалъ попытать счастья у другихъ издателей. На его вопросъ: не лишится ли онъ благосклонности «Чапли и К°», если вновь получитъ отказъ, ему отвѣтили весьма любезно, что желаніе видѣть повѣсть въ другой обработкѣ рѣшительно ничѣмъ не обусловлено. Мистеръ Брандретъ и въ это письмо, очевидно, вложилъ свою душу. Оно оканчивалось приглашеніемъ навѣстить ихъ.

Рэй бы не повѣрилъ, что можно найти столько причинъ для непринятія книги, сколько нашлось для его повѣсти. Большинство издателей отказывались даже отъ прочтенія рукописи. По ихъ словамъ, никогда еще книжная торговля не доходила до такого упадка; все точно сговорилось вредить ей; на ней отзывались самымъ неожиданнымъ образомъ даже политическія событія: неопредѣленность положенія дѣлъ въ Европѣ, рядъ неудачныхъ сезоновъ на Западѣ, а приближеніе президентскихъ выборовъ уже, само собой разумѣется, отзовется крайне неблагопріятно на этой чувствительной отрасли торговли. Но главная бѣда — выжидательное положеніе, которое вызывается неопредѣленной судьбой закона объ интернаціональномъ авторскомъ правѣ. Пока съ нимъ такъ или иначе не покончатъ, каждое предпріятіе будетъ рискомъ. Тѣ самые люди, которые только что были увѣрены въ проведеніи этого билля, впадали въ полное отчаяніе относительно шансовъ на успѣхъ его, когда Рэй заговаривалъ о своей повѣсти. Нѣтъ, они потеряли всякую надежду, пока англійскія лубочныя изданія будутъ заполнять рынокъ! Они вполнѣ сочувствуютъ Рэю, они точно такъ же страдаютъ, какъ и онъ, и не видятъ другого исхода, кромѣ пропаганды въ пользу билля: нужно оказать давленіе на конгрессъ. Рэю оставалось только ждать, что самъ конгрессъ издастъ его «Ромео» въ видѣ государственнаго документа, а сенаторы и члены палаты раздадутъ его своимъ избирателямъ...

На его долю выпало грустное развлеченіе—подмѣчать, какъ онъ постепенно превращается въ какое-то пугало: прежде, въ качествѣ корреспондента, его прежде встрѣчали весело и радушно; теперь, какъ автора, навязывающаго рукопись,—холодно и серьезно. Нѣкоторые пробовали шутить, другіе—еле говорили. Легче всего было съ тѣми, которые прямо отказывались отъ просмотра: они, по крайней мѣрѣ, не сомнѣвались въ достоинствахъ его произведенія и вѣрили въ его успѣхъ. Тѣ же, что соглашались познакомиться съ «Современнымъ Ромео», или такъ долго держали рукопись, что Рэй снова строилъ воздушные замки, или возвращали такъ скоро, что онъ

оскорблялся—ему казалось, что они и не заглядывали въ рукопись. Иногда ему предлагали произвести столь же радикальныя и невозможныя измѣненія, какъ «Чапли и К°». Нашелся одинъ, который согласился издать, если Рэй приметъ на себя всѣ издержки. Отыскался даже и такой, который предложилъ, конечно, за счетъ Рэя, отпечатать стереотипомъ. Онъ, очевидно, считалъ это выгоднымъ для автора. Рэй нашелъ, что это лучше полнаго отказа и принялся за цифровыя выкладки. Но онъ плохо понималъ техническую сторону и обратился за совѣтомъ къ Кэйну, который на основаніи своего печальнаго опыта оказался, дѣйствительно, знающимъ человѣкомъ. Въ «Современномъ Ромео» выходило больше четырехсотъ страницъ, стереотипъ на которыя, по самой низкой расцѣнкѣ, долженъ былъ стоить слишкомъ триста долларовъ. У Рэя захватило дыханіе. Одна мысль о такой суммѣ дѣлала его бѣднякомъ. Онъ прожилъ изъ своихъ сбереженій уже сто долларовъ, не считая тѣхъ пяти, которые получалъ отъ мидлэндскаго «Эхо» за письма. Если онъ выброситъ триста, у него останется всего девяносто долларовъ.

— Но,—сказалъ Кэйнъ, поднимая брови,—такая ничтожная сумма, которой вы рискуете на изданіе «Современнаго Ромео», можетъ быть, принесетъ вамъ цѣлое богатство.

— Или убытокъ?

— Конечно, есть и рискъ. Но о чемъ же вы просили всѣхъ этихъ господъ? Одинъ изъ нихъ предлагаетъ вамъ раздѣлить этотъ рискъ пополамъ. Онъ даже беретъ на себя больше, чѣмъ вы. Неужели вы откажетесь отъ такихъ великодушныхъ условій?

— Издавать не мое дѣло, мое дѣло писать,—холодно проговорилъ Рэй.

— А—а! совершенно вѣрно. Это прочная позиція. Но для того, чтобы сдѣлать ее неприступной, надо писать такъ, чтобъ на вашу книгу другіе набрасывались съ жадностью, чтобъ они охотно брали на себя рискъ по изданію. Очевидно, вы это упустили изъ виду.

Кэйнъ съ удовольствіемъ наблюдалъ за выраженіемъ лица Рэя.

— Я боялся, что ваше нежеланіе риска покоится на нравственномъ основаніи—что вы по принципу не хотѣли ставить такую ставку.

— Я боюсь,—уныло отвѣтилъ Рэй,—что я вовсе не задавался вопросами нравственности. Если бъ таковые въ данномъ случаѣ могли играть какую нибудь роль, книжная торговля не могла бы существовать.

— Ш-шъ!— прошепталъ Кэйнъ, съ комическимъ страхомъ оглядываясь по сторонамъ и прижимая къ губамъ палецъ.— Это явное возстаніе! Это обвиненіе всей коммерческой системы'

всей цивилизаціи. Продолжайте! вы доставляете мнѣ величайшее наслажденіе. Но будьте осторожны, чтобъ васъ не подслушали.

— Я васъ не понимаю,—съ досадой сказалъ Рэй.—Я говорю то, что всѣмъ извѣстно.

— А-а! но то, что всѣмъ *извѣстно*—это *то*, о чемъ никто *не говоритъ*. Будь иначе—общество распалось бы, какъ карточный домъ.

Рэй молчалъ,—онъ слишкомъ былъ далекъ отъ этихъ обобщеній и весь ушелъ въ свое личное горе.

— Значитъ, вы не считаете возможнымъ рискнуть?.. Простите я хотѣлъ смягчить выраженія, но, кажется, это не удалось.

— Нѣтъ, рискъ слишкомъ великъ!

— Также думаетъ, очевидно, и большинство издателей.. Вы ничего не имѣете противъ, если я возьму рукопись на домъ? Мнѣ хотѣлось бы, если позволите, просмотрѣть ее внимательнѣе,—съ изысканной вѣжливостью спросилъ Кэйнъ.

— Позволить вамъ?!—началъ, было, Рэй въ порывѣ благодарности, но Кэйнъ его остановилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! не ждите ничего, *не стройте* на этомъ никакихъ надеждъ. Я беру ее, какъ любитель беллетристики. Въ издательскомъ дѣлѣ я не имѣю никакого вліянія и не сильнѣе слабѣйшаго кролика. До свиданья, до свиданья! И не удерживайте меня: одному Богу извѣстно, надолго ли хватитъ моего благороднаго намѣренія, если я тотчасъ же не приведу его въ исполненіе.

Рэй провелъ еще день надъ постройкой своего воздушнаго замка, который былъ такъ непроченъ, что не устоялъ бы даже отъ напора слабѣйшаго вѣтерка. Вечеромъ пришелъ Кэйнъ.

— Ну, мой молодой другъ,—сказалъ онъ,—ваша повѣсть, дѣйствительно, столь необыкновенна, что должна приводить въ отчаяніе господъ редакторовъ. Я не удивляюсь разнообразію отзывовъ, но не понимаю, какъ можно разсматривать ее съ одной какой-нибудь точки зрѣнія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это самая неудачная вещь, какая когда либо мнѣ попадалась; но... всетаки она приковала меня къ себѣ. Я буду теперь откровененъ: у меня была тайная надежда убѣдить моего бѣднаго друга Чапли издать ее... Но оказалось, что это было бы съ моей стороны вѣроломствомъ. Я имѣю лишь право сказать ему: вотъ вещь, которая могла бы васъ обогатить, но двадцать противъ одного, что она потерпитъ неудачу. Хотя это и обычная цифра удачъ и пораженій въ торговой жизни, но врядъ ли кто захочетъ увеличивать рискъ. Такъ видите, какъ дѣло обстоитъ.

— Да, вижу,—отвѣтилъ Рэй, стараясь скрыть вновь поднявшуюся горечь обиды.

Въ душѣ—онъ обвинялъ Кэйна въ непослѣдовательности и едва ли не въ зависти. Ему начинало казаться, что чуть ли не по винѣ самого Кэйна онъ лишенъ возможности выпустить въ свѣтъ свою повѣсть. Иногда онъ стыдился этой мысли, но потомъ, когда вспоминалъ холодный цинизмъ Кэйна, который порой такъ отталкивалъ, ему представлялось, что такое противодѣйствіе вполнѣ гармонируетъ съ теоріями этого человѣка. Развѣ онъ не можетъ найти удовольствія въ изученіи страданій? Мнѣніе Рэя о безсердечіи Кэйна нашло еще подкрѣпленіе въ странномъ поведеніи Брандрета, который вдругъ прислалъ за рукописью, обѣщая вернуть ее черезъ нѣсколько дней, а вернулъ въ тотъ же день. Рэй гордо прострадалъ цѣлую недѣлю и отправился къ Брандрету объясняться.

— Я буду говорить откровенно, — нѣсколько смущенно улыбнулся Брандретъ. — Вы помните нашъ первый разговоръ, когда я сообщилъ вамъ, что съ удовольствіемъ издалъ бы какую-нибудь повѣсть? И хотя я не читалъ вашей, но вы меня познакомили съ ея содержаніемъ, и оно показалось мнѣ увлекательнымъ. Я рѣшилъ посовѣтоваться съ однимъ вашимъ другомъ—говорю «другомъ», потому что это былъ человѣкъ, скорѣе расположенный въ пользу вашей повѣсти, чѣмъ противъ нея. Если-бъ мы сошлись съ нимъ во мнѣніяхъ, я бы уговорилъ мистера Чапли приступить къ изданію. Но оказалось, что эта особа... уже читала ее.

— И не одобрила?

— По крайней мѣрѣ, не вполнѣ.

— Ну, это не дѣлаетъ разницы,—съ горькой улыбкой сказалъ Рэй.—Дѣло не въ точности выраженій.

Онъ съ минуту не могъ произнести ни слова, въ его горлѣ словно что-то застряло, но затѣмъ онъ протянулъ Брандрету руку и проговорилъ:

— Благодарю *васъ*! Я увѣренъ, что *вы* относитесь ко мнѣ, какъ другъ, и не забуду вашей доброты.

XXIII.

Рэй страшно страдалъ и послѣ первой неудачи, но тогда его надежды то вспыхивали, то угасали. Теперь пришлось опять разочароваться, и испытаніе стало еще тяжелѣе. Его муки нашли, наконецъ, исходъ, вылившись въ формѣ новыхъ поэмъ и разсказовъ, темой которыхъ служилъ его собственный горькій опытъ. Одна изъ этихъ поэмъ ему такъ понравилась, что явилась потребность кому-нибудь ее показать, и не столько для того, чтобъ получить правдивый отзывъ, сколько для того, чтобъ услышать похвалу... въ особенности Кэйна.

Но, не смотря на то, что они встрѣчались, какъ будто, по прежнему—дружески, между ними замѣчалась молчаливая отчужденность. Рэй дошелъ до того, что съ удовольствіемъ рисовалъ себѣ картину мести: Кэйна, слушающаго ту часть поэмы, гдѣ говорится о невѣрномъ другѣ, въ рукахъ котораго находилась судьба поэта и который холодно отъ него отвернулся. «Невѣрный другъ», разумѣется, не могъ бы не узнать себя и не могъ бы не почувствовать упрека, хотя и время, и мѣсто дѣйствія были измѣнены. Черезъ нѣсколько дней почему-то Рэю стала противна именно эта часть поэмы, и онъ ее уничтожилъ. То, что отъ нея осталось, представляло трогательный разсказъ о поэтѣ, который является ко двору какого-то восточнаго монарха и, послѣ тщетныхъ попытокъ быть услышаннымъ, умираетъ въ неизвѣстности и нищетѣ, не получая славы даже и послѣ смерти. Рэй и самъ не съумѣлъ бы объяснить, почему онъ выбралъ восточную обстановку. Но она лучше замаскировывала факты и давала богатый матеріалъ для фантазіи иллюстратора, если-бъ поэму удалось пристроить въ какой-нибудь журналъ.

Рѣшивъ, что совѣтоваться съ Кэйномъ невозможно и отогнавъ промелькнувшую, было, мысль о Брандретѣ, Рэй сталъ думать о миссъ Хюзъ. На самомъ дѣлѣ, она была единственной, къ кому бы онъ хотѣлъ обратиться, хотя Рэй и старался увѣрить себя, что это не такъ. По отношенію къ ней въ его памяти сохранилось впечатлѣніе какой-то неловкости, отъ котораго онъ могъ бы освободиться гораздо скорѣе, не будь у него вообще такъ много непріятныхъ впечатлѣній. Воспоминаніе о грубой настойчивости, съ какой онъ требовалъ, чтобы миссъ Хюзъ высказала свое мнѣніе, оставляло въ душѣ Рэя острое и жгучее ощущеніе стыда. Онъ уже рисовалъ себѣ, какъ будетъ извиняться, но въ дѣйствительности этого не случилось—его намѣреніе послужило лишь предлогомъ показать ей свое новое произведеніе. Впрочемъ, Рэй не хотѣлъ сознаться въ этомъ даже и въ тотъ моментъ, когда положилъ рукопись въ карманъ.

Хюзы сидѣли за обѣдомъ. Дэнтонъ отворилъ дверь, а старикъ вышелъ къ Рэю въ гостиную и пригласилъ его къ столу.

— По словамъ моихъ дѣтей, я не исполнилъ требованій гостепріимства въ прежнія ваши посѣщенія и слишкомъ обременялъ васъ своими размышленіями. Желая убѣдить другихъ, я забываю, что никому еще не удалось убѣдить меня... Если вы хотите доказать, что не сердитесь, то должны раздѣлить съ нами хлѣбъ-соль.

— Тутъ еще осталось немножко картофеля, съ которымъ можно *ѣсть соль*,—весело крикнула миссисъ Дэнтонъ изъ столовой.

Когда вошелъ туда Рэй, Піа поставила ему приборъ возлѣ отца. Напротивъ сидѣли дѣти на высокихъ стульяхъ, по обѣ стороны мистера Дэнтона, который по временамъ отодвигалъ отъ нихъ то ножъ, то вилку, то блюдечко, то чашку, оставляя въ ихъ распоряженіи только маленькіе мягкіе кулачки, которыми они стучали по столу.

Кромѣ картофеля, нашлись горячіе бисквиты и чай. Рэй когда-то частенько такъ обѣдалъ въ домѣ своихъ родителей, и, не смотря на избалованный вкусъ, развитый многолѣтнею жизнью въ городахъ, остался очень доволенъ трапезой Хюзовъ.

— У насъ долженъ быть сегодня и бифштексъ, — сказала миссисъ Дэнтонъ, дразня мужа взглядомъ,—но Ансель, идя домой, увидѣлъ нѣчто такое, что совершенно лишило его аппетита, и онъ рѣшилъ, что мы тоже не захотимъ бифштекса.

Хюзъ извинился за скудость обѣда и разсѣянно спросилъ:

— Что онъ видѣлъ?

— Цѣлую семью, вытолканную на улицу за неплатежъ квартирныхъ денегъ. Я думаю, что Анселю слѣдуетъ ходить по западной части, если онъ идетъ пѣшкомъ, — на Пятой улицѣ *) выброшенныхъ на улицу онъ не увидитъ.

Рэй разсмѣялся, а Піа улыбнулась, бросивъ сочувственный взглядъ на Дэнтона.

Хюзъ, казалось, не обратилъ вниманія на этотъ разговоръ, Дэнтонъ же замѣтилъ:

— Чѣмъ чаще мы сталкиваемся съ окружающей насъ нуждой, тѣмъ лучше. Если же мы закрываемъ глаза и живемъ въ роскоши...

— О, я совсѣмъ не считаю роскошью картофель съ солью,— перебила его жена.

Онъ мрачно замолчалъ и вдругъ засмѣялся съ той непринужденностью, которая характеризуетъ меланхоликовъ, когда они выйдутъ изъ своего обычнаго состоянія печали.

— Я хотѣлъ бы,—проговорилъ онъ,—видѣть кого-нибудь изъ обитателей Пятой улицы выброшеннымъ на мостовую.— Онъ снова разсмѣялся и опять внезапно умолкъ.

Рэй, желая прекратить непріятную сцену, высказалъ замѣчаніе, что не всегда слѣдуетъ довѣрять заявленіямъ о крайней нуждѣ. Такъ, напримѣръ, сегодня утромъ одинъ нищій встрѣчался съ нимъ въ разныхъ мѣстахъ и все говорилъ, что онъ въ первый разъ протягиваетъ руку за милостыней.

— Я ему напомнилъ,—прибавилъ Рэй,—что онъ ужъ получилъ отъ меня. Тогда онъ разсыпался въ извиненіяхъ и всякихъ пожеланіяхъ.

---

*) Пятая улица — самая аристократическая улица Нью-Іорка. На ней живутъ милліонеры, въ томъ числѣ Вандербильтъ.

— Развѣ онъ производилъ впечатлѣніе, что успѣлъ уже разбогатѣть, занимаясь нищенствомъ?—спросилъ Дэнтонъ.

— Нѣтъ; но онъ, вѣроятно, скорѣй бы разбогатѣлъ, если-бъ взялся за работу,—отпарировалъ Рэй.

Миссисъ Дэнтонъ засмѣялась, но ея смѣхъ не доставилъ удовольствія Рэю. Онъ предпочелъ бы видѣть улыбку Піи.

— Вы такъ думаете? А какъ вы полагаете, сколько можетъ скопить изъ своего заработка средній рабочій, имѣющій семью?—спросилъ Дэнтонъ.

Слово «скопить» вывело Хюза изъ задумчивости:

— Бережливость—одинъ изъ пороковъ, который надо стараться уничтожить, — сказалъ онъ. — Это самая низкая форма себялюбія, которую можно защищать только потому, что мы живемъ въ измаэлитскихъ условіяхъ.

— Но вы, конечно, хотѣли бы, чтобы нищіе могли скопить на старость?—подсмѣялась миссисъ Дэнтонъ.

— Нѣтъ, пусть и они раздѣляютъ судьбу остальныхъ,— отвѣтилъ отецъ, не замѣчая ироніи ея словъ.

— Ихъ такая масса, что врядъ ли всѣ могутъ обезпечить себя подъ старость. Я, по крайней мѣрѣ, встрѣчаю нищихъ на каждомъ шагу,—сказалъ Рэй.

— А для меня и этого мало, — страстно воскликнулъ Дэнтонъ.—Я хотѣлъ бы, чтобы они всѣ повылѣзли изъ своихъ чердаковъ и подваловъ и выстроились на лучшихъ улицахъ. Пусть городъ кишитъ ими, пусть сидятъ они на крыльцѣ каждаго богача, чтобъ показать имъ, на чемъ основано это богатство.

— Все это совершенно безполезно—одна сантиментальность,—возразилъ Хюзъ. — Ну, подали бы двумъ-тремъ, да и будетъ. Всякій понимаетъ, что если надѣлять всѣхъ нищихъ, такъ останешься самъ не причемъ. Какъ теперь, такъ и тогда никто не захочетъ облегчать чужія страданія на счетъ счастья своей семьи. Все могло бы отлично устроиться на болѣе высокомъ нравственномъ основаніи,—сказалъ Хюзъ.

— Въ *семьѣ*,—въ первый разъ заговорила Піа,—никто не страдалъ.

— Да. Но это благодаря тому, что община уединилась отъ міра. Она тоже была себялюбива. Истинная семья должна заключать въ себѣ весь свѣтъ. Въ томъ, что я сегодня написалъ, есть кое-что по этому вопросу. Я вамъ прочту отрывокъ.

Мистеръ Хюзъ поднялся, было, со стула. Но Піа его предупредила:

— Я принесу рукопись.

Хюзъ читалъ безпощадно долго, и Рэй терялъ надежду дождаться очереди для своей поэмы. По его мнѣнію, было очень неделикатно со стороны Хюза отнимать столько времени.

Когда онъ, наконецъ, кончилъ и удалился, Піа принялась убирать посуду, а миссисъ Дэнтонъ продолжала болтать, довольствуясь собственнымъ смѣхомъ. Дѣти заснули на своихъ высокихъ стульяхъ, и она предоставила супругу самому укладывать ихъ въ постель. Онъ осторожно снялъ ихъ и, прижавшись щекой къ сонному мальчику, забралъ его пальчики въ ротъ. Его нѣжная привязанность къ дѣтямъ тронула даже Рэя, хотя онъ весь былъ поглощенъ своими наблюденіями за Піей.

— Вашъ мужъ все еще тоскуетъ? — спросилъ Рэй, когда мистеръ Дэнтонъ вышелъ изъ столовой.

— Да, и еще больше прежняго,—отвѣтила Дженни.—Онъ не раздѣляетъ надеждъ отца на золотой вѣкъ, которыя могли бы его поддержать. Онъ съ радостью бы отсюда уѣхалъ, если бъ было куда.

Піа, ходившая взадъ и впередъ съ посудой, остановилась и, словно боясь, что въ словахъ сестры Рэй усмотритъ недовольство или пренебреженіе къ мужу, сказала:

— Онъ наталкивается на такія вещи, которыя приводятъ его въ уныніе. Теперь все производится машиннымъ способомъ, машины проникли и въ гравированье: скоро средній гравировщикъ съ трудомъ будетъ доставать работу. Ансель видитъ, какъ, благодаря новымъ открытіямъ, граверы постепенно теряютъ заказы. Особенно его печалитъ то обстоятельство, что эти новые способы дѣйствительно даютъ лучшіе рисунки, чѣмъ исполняемые гравировкой отъ руки; это дѣлаютъ жизнь тяжелѣе въ нравственномъ смыслѣ! Ансель никогда не допускалъ, чтобъ артистъ могъ обратить свое искусство въ источникъ существованія.

— Въ такомъ случаѣ я не понимаю, почему онъ возстаетъ противъ новыхъ способовъ гравированія,—замѣтилъ Рэй съ тѣмъ безсердечіемъ, которое сходитъ иногда за остроуміе.

Піа посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

Миссисъ Дэнтонъ разсмѣялась, наклоняясь къ кошкѣ, которая вскочила къ ней на колѣни.

— Я ему тоже самое говорю, но это его не успокаиваетъ.

— Вы знаете,—тономъ упрека сказала младшая сестра, и Рэй почувствовалъ себя виноватымъ,—что, по его убѣжденію, искусство должно быть свободнымъ, чтобъ быть истиннымъ искусствомъ, а гдѣ нужда, тамъ нѣтъ свободы.

— Да,—проговорила миссисъ Дэнтонъ, отклоняя голову, чтобъ видѣть позу кошки съ другой стороны, — но въ *семьѣ* не было нужды и всетаки—не было искусства...

Рэй испытывалъ искушеніе засмѣяться, но ему еще больше хотѣлось прочесть свою поэму и поэтому онъ отказалъ себѣ въ удовольствіи похохотать съ миссисъ Дэнтонъ. Онъ рѣшилъ—безъ

дальнѣйшаго отлагательства направить такъ бесѣду, чтобъ можно было заговорить о поэмѣ.

— Я полагаю, что опытъ эмансипаціи производился въ коммунѣ слишкомъ въ небольшихъ размѣрахъ? — спросилъ онъ.

— Такъ именно думаетъ и отецъ. Поэтому онъ и хотѣлъ бы, чтобъ весь свѣтъ составилъ одну семью,—отвѣтила Піа.

— Можетъ быть это время настало бы скорѣе, если бъ каждый художникъ высказалъ свои взгляды, — непослѣдовательно замѣтилъ Рэй, чувствуя, что Піа смягчилась.

— Я себѣ не представляю, какъ можно выразить ихъ въ картинѣ или, напримѣръ, въ статуѣ? — спросила миссисъ Дэнтонъ.

— Это вѣрно.—Рэй увидѣлъ, что попалъ въ глухой переулокъ, и сталъ выбираться оттуда.—Я сдѣлалъ попытку изобразить въ поэтической формѣ перенесенное мной маленькое разочарованіе,—сказалъ онъ, обращаясь больше къ Піѣ, чѣмъ къ ея сестрѣ, и прибавилъ:—Вы знаете, «Чапли и К°» отказались принять мою повѣсть.

— Да,—застѣнчиво отвѣтила она.

— Можетъ быть, вы позволите, — Рэй вытащилъ рукопись,—прочесть вамъ нѣкоторые отрывки изъ моей поэмы.

Миссисъ Дэнтонъ съ горячностью изъявила свое согласіе Піа болѣе сдержанно, но всетаки выказала настолько интереса что Рэй былъ удовлетворенъ. Прежде чѣмъ онъ приступилъ къ чтенію, миссисъ Дэнтонъ успѣла наговорить множество вещей, совершенно не относящихся къ дѣлу. Затѣмъ она извинилась и вышла, прося подождать ея возвращенія. Пока продолжалось чтеніе, она нѣсколько разъ вставала и уходила и даже не дослушала конца.

XXIV.

— Какъ видите, это только отрывокъ,—сказалъ Рэй, вытирая выступившій на лбу потъ.

— Конечно, — отвѣтила дѣвушка со вздохомъ. — Развѣ разочарованіе можетъ быть выражено иначе?—печально прибавила она.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Счастье—это всегда что-то цѣльное; а разочарованіе мнѣ представляется обломкомъ. Разсказъ, который хорошо кончается, производитъ впечатлѣніе полноты. Грустный конецъ вызываетъ неудовлетвореніе, вы чего-то еще ждете, какъ это бываетъ послѣ смерти близкаго человѣка.

— Такъ поэтому вамъ не нравится и моя повѣсть? — не-

осторожно спросилъ онъ и поспѣшно прибавилъ, замѣтивъ ея смущеніе: — О, я не намѣренъ увеличивать свою вину! Я былъ слишкомъ настойчивъ въ первый разъ и пришелъ просить у васъ прощенія.

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Нѣтъ, да!.. Я не имѣю никакого права разсчитывать на вашу откровенность. Я понималъ это и тогда, но не съумѣлъ удержаться. Но вы, быть можетъ, выскажете свое мнѣніе относительно только что прочитаннаго — это не предназначается для изданія.

Рэй ждалъ похвалы. Піа заговорила о содержаніи поэмы, и онъ увидѣлъ, что она ничего не пропустила и вполнѣ поняла его намѣренія. Она разбирала поэму, какъ будто передъ ней не было автора. Рэй невольно воскликнулъ:

— Ахъ, если бы вы критиковали мои планы прежде, чѣмъ я ихъ осуществлю, я бы не дѣлалъ столько глупостей!

Въ это время вернулась миссисъ Дэнтонъ.

— Я убѣжала нарочно, чтобъ не слышать критики Піи. Она всегда такъ строга!

— Но не на этотъ разъ,—сказалъ Рэй.

— Я не понимаю, какъ бы она могла быть строгой: все, что я слышала—просто великолѣпно.

— Это только отрывокъ.—Рэй остался доволенъ ея лестью.

— Вамъ слѣдуетъ кончить и прочитать намъ всю поэму.

Рэй посмотрѣлъ на Пію и вдругъ сказалъ:

— Я никогда ее не кончу, она не стоитъ того.

— Это говоритъ Піа?

— Нѣтъ, я.

Миссисъ Дэнтонъ разсмѣялась:

— Очень на нее похоже: она всегда заставляетъ другихъ произносить за себя непріятныя слова.

— Какая необыкновенная способность! Что это?—гипнотическое внушеніе?—шутливо спросилъ Рэй, обращаясь больше къ Піѣ, но за нее отвѣтила сестра:

— О, этотъ домъ полонъ всякихъ тайнъ! Вы, напримѣръ, не знаете, что мой мужъ имѣетъ *голосъ*.

— Голосъ? Что же тутъ таинственнаго?

— Да это не простой, а внутренній голосъ, указывающій, какъ и что дѣлать.

— Какъ демонъ Сократа?

— Ну, это не демонъ!

— Все зависитъ отъ того, каковы его совѣты, — продолжалъ Рэй. — Во времена Сократа семейный демонъ могъ быть вовсе не злымъ. Вы должны гордиться, что и въ вашей семьѣ есть нѣчто подобное.

— Не думаю: иногда онъ представляетъ и неудобства... въ особенности, когда совѣтуетъ то, что мнѣ непріятно.

— Но подумайте и о выгодахъ!—настаивалъ Рэй. — Это вѣдь равносильно провидѣнію.

— Да, это своего рода *привидѣніе.*—Рэю показалось, что миссисъ Дэнтонъ произнесла эти слова съ какой-то гордостью, которую нѣкоторымъ внушаетъ мысль о возможности сношеній съ сверхъ-чувственнымъ міромъ.—Вы вѣрите въ сны? — отрывисто спросила она.

— Въ дурные, пожалуй. Вѣдь мы всегда ожидаемъ, что дурные сны и скверныя предзнаменованія оправдаются, не правда ли?—засмѣялся Рэй.

— Не знаю. Но мой мужъ вѣритъ. У него, кромѣ *голоса*, есть и *сонъ*.

— Неужели? Т. е., я понимаю — онъ съ «голосомъ» разговариваетъ «во снѣ»?

Эта фраза разсмѣшила миссисъ Дэнтонъ; но тѣнь страданія, промелькнувшая на лицѣ Піи, заставила Рэя покончить съ семейными «тайнами»—вѣдь, можетъ быть, она сама вѣритъ въ нихъ или, наоборотъ, стыдится.

— Интересно, почему мы иначе относимся къ нашимъ дневнымъ сновидѣніямъ, т. е. къ мечтамъ?—проговорилъ онъ.

— Вѣроятно потому, что они не бываютъ дурные, или потому, что мы сочиняемъ ихъ сами.

— Должно быть такъ! Но развѣ мы всегда ихъ «сочиняемъ»? Развѣ они не приходятъ сами собой, помимо нашей воли? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, они иногда надоѣдаютъ до смерти—какіе-то настоящіе кошмары.

— Если вы хотите отъ нихъ отдѣлаться, то лучше всего—лечь и заснуть.

— Ну, заснуть не такъ легко, какъ проснуться. Человѣкъ можетъ встать для того, чтобъ пойти на казнь, быстро же засыпаютъ только счастливцы.

— Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ выѣзжать въ свѣтъ,—сказала миссисъ Дэнтонъ съ лукавой усмѣшкой, которую тотъ, какъ мужчина, не замѣтилъ. — Конечно, вы часто бываете въ обществѣ?—прибавила она.

Піа сдѣлала неодобрительное движеніе, но промолчала, а Рэй простодушно воскликнулъ:

— *Я* бываю въ обществѣ?! Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я былъ только въ одномъ домѣ, или, вѣрнѣе, въ одной квартирѣ.

— Какъ?—воскликнула миссисъ Дэнтонъ и что-то хотѣла прибавить, но удержалась, поймавъ взглядъ сестры, и предоставила договаривать Рэю. Онъ объяснилъ, что былъ только у Брандрета, и, замѣтивъ пробивавшееся въ нѣкоторыхъ фра-

захъ любопытство миссисъ Дэнтонъ, описалъ ихъ обстановку.

— У меня есть рекомендательныя письма изъ Мидлэнда,— прибавилъ онъ,—но я все не могу собраться отнести ихъ по назначенію. Брандреты—единственные люди изъ общества, съ которыми я знакомъ.

— О, вы знаете о нихъ гораздо больше, чѣмъ мы, и вашъ разсказъ звучитъ, какъ волшебная сказка,—мило подсмѣивалась миссисъ Дэнтонъ.—Я иногда воображала, когда мы покидали *семью*, что и намъ удастся такъ устроиться. Многимъ въ Нью-Іоркѣ и наша жизнь можетъ казаться волшебнымъ сномъ, хотя бы тѣмъ, кто ютится въ одной комнатѣ. Ансель всегда мнѣ на это указываетъ, если я вздумаю роптать.

Она опять занялась кошкой, вскочившей къ ней на колѣни.

— Да,—сказалъ Рэй,—что бы мы ни сдѣлали, намъ всегда кажется, что мы могли бы сдѣлать лучше.

При помощи этой фразы онъ собирался перейти къ разсказу о собственныхъ разочарованіяхъ, но миссисъ Дэнтонъ ужъ говорила:

— О, я не жалѣю о *семьѣ*, если вы подразумѣваете ее. Тутъ — случайности, тамъ — все правила: мы имѣли опредѣленную работу и знали въ точности, что ежедневно насъ ожидаетъ. И, сознаюсь, я нерѣдко желала даже чего-нибудь дурного, лишь бы хоть *что-нибудь* случилось. Я склонна думать, что именно эта причина и отца заставила уйти оттуда.— Она посмотрѣла на сестру.

— А мнѣ показалось,—но, можетъ быть, я ошибаюсь,— что вашъ отецъ хотѣлъ бы передѣлать весь свѣтъ по образцу коммуны,—возразилъ Рэй.

— Онъ, вѣроятно, не прочь бы былъ позабавиться — испробовать и это. Конечно, онъ хочетъ передѣлать міръ на свой ладъ, но, на самомъ дѣлѣ, ему недурно живется и при данныхъ условіяхъ. Я очень рада, что заставила его вернуться сюда. Тамъ онъ не имѣлъ даже возможности примѣнять свои идеи.

— Значитъ, это вы заставили его уйти изъ коммуны?

— По крайней мѣрѣ, для этого я сдѣлала все, что могла. Но не скажу, чтобы я одна была причиной.

— Вы тоже помогали?—обратился Рэй къ Піѣ.

— Я хотѣла, чтобы онъ поступилъ такъ, какъ считаетъ нужнымъ. Онъ сомнѣвался насчетъ полезности жизни въ коммунѣ... т. е. дѣйствительно ли она сдѣлаетъ что-нибудь *для человѣчества* вообще.

Она произнесла это слово просто, безъ всякой рисовки.

— Васъ не тянетъ туда обратно?—спросилъ Рэй.

— Благодаря небесамъ, возвратъ невозможенъ: *семьи*

больше нѣтъ!—радостно воскликнула миссисъ Дэнтонъ. — Вы развѣ этого не знали?

— Я забылъ.—Рэй улыбнулся и продолжалъ:—Ну, а вы, миссъ Хюзъ, хотѣли бы вернуться, если бы община еще существовала?

— Я не могу сказать опредѣленно, — взволнованно отвѣтила дѣвушка. — Когда я дурно себя чувствую, мнѣ хочется быть тамъ. И когда я вижу, какую тяжелую борьбу здѣсь ведутъ, какія терпятъ неудачи, не смотря на всѣ усилія выбиться, мнѣ хочется, чтобъ эти люди очутились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни неудачъ, ни борьбы, ни лишеній. Въ *семьѣ* мы были обезпечены и не имѣли заботъ.

— Но у насъ не изъ чего было также и выбирать, — возразила сестра.

— А какой выборъ здѣсь, когда не знаешь—найдешь работу завтра или нѣтъ?

Рэй оглянулся и увидѣлъ въ дверяхъ Дэнтона. Онъ все время сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ у окна и могъ слышать весь разговоръ. Его безмолвное присутствіе непріятно поразило Рэя, но сестры какъ будто не обратили на это вниманія.

— Ахъ, вы здѣсь,—сказала миссисъ Дэнтонъ, не поворачивая головы. — Да, этотъ вопросъ возникаетъ все чаще и чаще. Слыхали ли вы, мистеръ Рэй, о болѣе ужасномъ положеніи, чѣмъ то, въ которомъ находится мой мужъ? Ему удалось сдѣлать открытіе, которое должно обогатить насъ и оставить безъ работы всѣхъ другихъ граверовъ...

Лицо мужа омрачилось, но миссисъ Дэнтонъ продолжала:

— Ихъ единственная надежда на спасеніе заключается въ томъ, что изобрѣтеніе можетъ оказаться неудачнымъ. Вы, надѣюсь, не имѣете такихъ осложненій въ вашей работѣ? не правда ли, мистеръ Рэй.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Рэй, думая о томъ, какой хорошій матеріалъ для беллетриста представляетъ подобное положеніе.— Если бы моя повѣсть была напечатана и разошлась въ пятидесяти тысячахъ экземпляровъ, то ни одинъ авторъ не впалъ бы отъ этого въ нищету. Но врядъ ли я отказался бы отъ изданія, если бъ даже оно направо и налѣво лишало авторовъ ихъ заработка. Я предпочелъ бы лучше оказать помощь ихъ семействамъ.

— Да; вѣдь это въ самомъ дѣлѣ можно было бы сдѣлать, Ансель,—замѣтила жена съ кривой усмѣшкой. — Намъ представляется такой случай... Но, быть можетъ, изобрѣтеніе также трудно примѣнить, какъ пристроить книгу?

— Это совсѣмъ не относится къ дѣлу, — вырвалось у Дэнтона.—Вопросъ въ томъ, не лучше ли убить творческую мысль, какъ змѣю, разъ она создаетъ для кого-нибудь опас-

ность, разъ она лишаетъ заработка тѣхъ, кто жилъ безбѣдно. Вотъ о чемъ рѣчь.

— А отецъ, — капризно проговорила миссисъ Дэнтонъ,— придерживается такихъ высокихъ принциповъ, что не позволяетъ намъ способствовать наступленію милленіума *). Если бъ удалось устроить пандемоніумъ **), Ансель могъ бы успокоить свою совѣсть размышленіями, что чѣмъ больше онъ обездолитъ своихъ товарищей по ремеслу, тѣмъ скорѣе наступятъ лучшія времена. Я не вижу, чѣмъ плохъ этотъ планъ! Только дѣлайте все такъ скверно, чтобъ, наконецъ, лопнуло всякое терпѣніе. Авось, тогда люди переустроятъ міръ къ общему удовольствію. Не такъ ли, мистеръ Рэй?

— О, я не знаю,—отвѣтилъ онъ.

Всѣ эти мысли, чувства и термины, составлявшіе часть ежедневнаго обихода семьи Хюзовъ, были ему совершенно чужды. Онъ усваивалъ ихъ слабо и неохотно, и не могъ, да и не желалъ, выводить какія бы то ни было заключенія ни изъ ироническихъ словъ миссисъ Дэнтонъ, ни и изъ фанатически-страстныхъ рѣчей ея мужа.

— Нѣтъ, нѣтъ! это не годится, — сказалъ Дэнтонъ. — Я обдумывалъ этотъ путь,—онъ не годится. Имѣй мы дѣло съ теоріей, другой разговоръ; но тутъ живые люди, отъ которыхъ зависятъ женщины и дѣти.

— Мнѣ пріятно это слышать отъ васъ, Ансель, — мягко сказала Піа.

— Да,—говорилъ онъ съ горечью,—куда бы я ни повернулся, всѣ дороги закрыты; за что бы ни взялся — руки связаны. Но кто нибудь долженъ искупить, отвѣтить! Кто-жъ это будетъ?

— Оказывается, что все слишкомъ близко затрагиваетъ личность,—заговорила миссисъ Дэнтонъ съ выраженіемъ комическаго отчаянія. — Я думала, что, вернувшись въ свѣтъ, мы получимъ больше свободы и подадимъ подавляющее большинство голосовъ противъ всѣхъ этихъ затрудненій.

Рэй задумчиво процитировалъ:

— «The world is out of joint:—O cursed spite! That ever I was born to set it right»!

— Да? Кто это сказалъ?

— Гамлетъ,

— О, да! Я такъ же это чувствую, какъ Гамлетъ.

---

*) Намекъ на распространенное въ средніе вѣка ученіе о предстоящемъ тысячелѣтнемъ царствованіи Христа на землѣ прежде наступленія конца міра. Оно основывалось на Апокалипсисѣ.

**) Пандемоніумъ — совѣтъ всѣхъ демоновъ, сборище негодныхъ людей.

Дэнтонъ дико разсмѣялся дерзкой шуткѣ жены, а она продолжала уже съ раздраженіемъ:

— Я думаю, что если этотъ вопросъ васъ такъ сильно безпокоитъ, то почему бы вашему *голосу* не придти на помощь!

Дэнтонъ вскочилъ; его глаза были опущены, брови сдвинуты. Онъ, молча, повернулся и вышелъ.

Жена разсмѣялась ему вслѣдъ:

— Очевидно, иногда *голосъ* знаетъ не больше насъ самихъ.

Піа глядѣла на нее серьезно и строго. Немного погодя, она ушла въ ту же комнату, гдѣ былъ Дэнтонъ.

Миссисъ Дэнтонъ принялась разспрашивать Рэя о миссисъ Брандретъ и ея матери: что это за люди? горды онѣ иль нѣтъ? Она удивлялась, что онѣ не хотятъ сдѣлать ей визитъ и пр.

Все это звучало бы вульгарно, если бъ не говорилось такъ просто, почти по-дѣтски. Рэй даже нѣсколько растрогался, когда вспомнилъ, что тѣ дамы больше всего старались выяснить себѣ вопросъ—насколько дурно можетъ отозваться на мистерѣ Чапли сумасбродство ея старика-отца.

Въ то же время онъ прислушивался къ разговору въ сосѣдней комнатѣ—въ тонѣ Піи слышались желаніе и мольба, чтобъ Дэнтонъ не волновался. Она засидѣлась съ нимъ такъ долго, что Рэй хотѣлъ уже прощаться. Онъ надѣялся улучить минуту и возобновить свои извиненія, ради которыхъ будто бы и явился, но присутствіе сестры связывало его языкъ, лишало его слова нѣжности — при миссисъ Дэнтонъ все какъ-то обращалось въ шутку. При третьемъ лицѣ Рэй не могъ сообщить ни о таинственной запискѣ Брандрета, ни о коварномъ «другѣ», ни о мукахъ послѣдняго разочарованія. Ему казалось, что Піа нашла бы для него утѣшеніе, но миссисъ Дэнтонъ не оставляла ихъ на-единѣ, и онъ удалился— не удовлетвореннымъ.

XXV.

Въ томъ, что Кэйнъ былъ послѣдней инстанціей, куда было направлено безконечное «дѣло» о повѣсти, Рэй нисколько не сомнѣвался. И онъ считалъ съ его стороны большой жестокостью—отказаться просмотрѣть рукопись лишній разъ. Навѣрное, не такъ же она безнадежно плоха, чтобъ «другъ» не нашелъ въ ней ничего, изъ-за чего бы стоило ее перечитать. Очевидно, тутъ вина только друга, и Рэй употреблялъ всѣ усилія отдалиться отъ Кэйна. Выступать противъ него открыто было неудобно—онъ могъ только обходиться съ нимъ все холоднѣе и холоднѣе, предоставивъ ему объяснять это скрытымъ сознаніемъ его некорректнаго поступка. Но до того ли ужъ

очерствѣлъ Кэйнъ, что считалъ себя правымъ, или находилъ себѣ какое нибудь извиненіе,—онъ совершенно явственно не понималъ причинъ такой перемѣны къ нему.

— Мой молодой дорогой другъ, — не вытерпѣлъ однажды старикъ, — развѣ насъ раздѣляетъ еще что нибудь, кромѣ разницы лѣтъ? Она вѣдь была и въ первый день нашего знакомства. Я иногда утѣшалъ себя мыслью, что мы можемъ быть образцовыми друзьями: вы бы съ годами дѣлались старше и мудрѣе, а я моложе и менѣе мудръ, однимъ словомъ, какъ два духа Сведенборга. Но, очевидно, произошло что-то такое, что внесло въ вашу душу разладъ. Вы не можете мнѣ сказать, какое изъ моихъ свойствъ придало нашей дружбѣ этотъ непріятный оттѣнокъ?

Рэю сдѣлалось стыдно, онъ, разумѣется, не могъ сказать правды. Онъ отвѣтилъ, что ничего особеннаго не случилось, даже сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, о чемъ идетъ рѣчь. Это объясненіе обязывало къ большей сердечности, и Рэй постарался проявить ее. А когда онъ еще пораздумался—его чувства къ Кэйну стали снова почти дружескими. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась и досада на собственное поведеніе: да, Кэйнъ поступалъ вполнѣ правильно! Если должна существовать честная критика, то ее не только надо выслушать — надо желать, и истинный другъ — тотъ, кто говоритъ открыто и прямо. Рэй геройски сознался во всемъ самому себѣ и рѣшилъ на будущее время не дѣлать такихъ промаховъ.

Но неудачи не прошли безслѣдно: онъ пересталъ жить будущимъ, какъ живетъ и должна жить молодость, и зажилъ настоящимъ—небрежно и расточительно. Ничего уже не ожидая, онъ не обращалъ вниманія на то, куда уходятъ и его время, и деньги; мысль о сбереженіяхъ исчезла. Рэй забросилъ начатую поэму и не принимался за новыя работы.

Это безцѣльное прозябаніе было нарушено письмомъ братьевъ Гэнксъ, въ которомъ они просили разнообразить корреспонденціи сообщеніями свѣтскихъ новостей. Они прибавляли, что публика всегда интересуется высокопоставленными лицами. Рэй насмѣшливо отнесся къ такому требованію: какъ онъ можетъ сообщать свѣтскія новости, зная въ Нью-Іоркѣ только фасады домовъ? — и написалъ саркастическій отвѣтъ, давая понять, что вовсе отказывается отъ сотрудничества, если господа издатели не довольны его корреспонденціями. Гэнксы не упустили случая и увѣдомили, что впредь будутъ пользоваться услугами газетнаго синдиката.

Этотъ ударъ явился кстати — онъ пробудилъ энергію Рэя, вывелъ его изъ состоянія апатіи. Если онъ потерпитъ новыя неудачи, то онѣ пройдутъ передъ лицомъ всѣхъ друзей, которые вѣрили въ него, въ его успѣхъ... Вспыхнувшая жажда

борьбы была простымъ эгоистическимъ побужденіемъ самозащиты, но Рэй не хотѣлъ этого сознавать: ему казалось доблестью кинуть вызовъ — и онъ отправилъ свою повѣсть въ Бостонъ въ томъ видѣ, въ какомъ она была возвращена последнимъ отвергнувшимъ ее издателемъ въ Нью-Іоркѣ.

Затѣмъ Рэй отправился къ мистеру Брандрету — просить какихъ нибудь литературныхъ или конторскихъ занятій. Духъ американской предпріимчивости и изворотливости заговорилъ и въ немъ. Онъ не только охотно, даже нетерпѣливо рвался къ непріятному положенію, обращаясь съ такой просьбой къ человѣку, передъ которымъ прежде выступалъ въ роли писателя. Его главной заботой была теперь мысль — изложить свою просьбу коротко и ясно.

Мистеръ Брандретъ встрѣтилъ его такъ радушно, что Рэй растерялся, забылъ даже — зачѣмъ пришелъ. У него опять мелькнула надежда: не хотятъ ли «Чапли и К°.» издать его «Ромео»?

— А-а! — воскликнулъ Брандретъ, — а я только что собирался писать вамъ. Присядьте на минутку. Сейчасъ здѣсь былъ издатель газеты «Каждый Вечеръ» и говорилъ, что ему нуженъ рецензентъ для одной книги, присланной на дняхъ изъ Европы. Возможно, что она представляетъ интересъ въ связи съ пріѣздомъ сюда Коклэна, такъ какъ это разборъ игры французскихъ комиковъ, начиная съ Мольера. Я подумалъ о васъ — вы вѣдь знаете французскій языкъ?

— Какже, да... Благодарю васъ... Я читаю совершенно свободно. Это большая любезность, что вы вспомнили обо мнѣ...

— Ну, полноте... я очень радъ... Я не знаю, случалось ли вамъ исполнять такія работы, какая требуется «Каждому Вечеру», и есть ли у васъ свободное время; но мнѣ пришло въ голову, что не мѣшаетъ заручиться... такой удобный случай...

— Я возьмусь очень охотно...

— Я объясню вамъ, почему такъ поступилъ,—перебилъ мистеръ Брандретъ, весь сіяя.—Мнѣ передавали, что въ литературномъ департаментѣ «Каждаго Вечера» произойдутъ перемѣны, и я подумалъ, что если статья ваша понравится, если увидятъ ваши способности, то... Понимаете?!

— Да, и я буду вамъ вѣчно...

— Пожалуйста! не стоитъ, не стоитъ!—Мистеръ Брандретъ досталъ изъ конверта карточку и протянулъ ее Рэю. — Вотъ рекомендація къ редактору «Каждаго Вечера». Вы его теперь застанете.

Рэй въ восторгѣ схватилъ руку Брандрета.

— Я не нахожу словъ... Я вамъ безгранично обязанъ... Я сейчасъ же туда пойду.—Онъ направился къ двери и вернулся.—Надѣюсь, миссисъ Брандретъ здорова и... и... ребенокъ?

— Все великолѣпно! Вы непремѣнно должны придти, какъ только мы устроимся. А отчего вы не бываете у миссисъ Чапли? Развѣ вы не получали отъ нея приглашенія?

— Нѣтъ, получилъ. Но за послѣднее время я не представлялъ изъ себя пріятнаго собесѣдника, и, конечно, не хотѣлъ, чтобъ это стало всюду извѣстно.

— Я васъ понимаю! Теперь вы должны воспрянуть духомъ. До свиданья! желаю успѣха!

Всѣ средства передвиженья показались Рэю слишкомъ медленными, и онъ пошелъ пѣшкомъ. По дорогѣ къ бушующему и кипящему водовороту всякаго рода предпріятій, могучіе потоки котораго неслись мимо конторы редакціи «Каждаго Вечера», онъ рисовалъ себѣ будущее, когда сдѣлается сотрудникомъ этого органа: онъ похоронилъ собственника газеты, воздвигъ ему памятникъ въ Паркъ-скверѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ миновалъ это пространство и повернулъ въ переулокъ.

Рэй привыкъ къ помѣщеніямъ редакцій газетъ и нисколько не удивился, увидѣвъ рядъ сообщающихся между собой каморокъ, окна которыхъ выходили, впрочемъ, на улицу. До поры до времени онъ соглашался оставить все это безъ перемѣны. Но не успѣлъ еще прислуживавшій въ конторѣ мальчикъ донести письмо Брандрета до кабинета главнаго редактора, какъ передъ Рэемъ выросъ уже будущій собственный домъ «Каждаго Вечера», такой же громадный и безобразный, какъ любая изъ сосѣднихъ башень-домовъ. Вмѣсто редактора, онъ попалъ сперва къ двумъ сотрудникамъ, изъ которыхъ одинъ взглянулъ на него и что-то проревѣлъ съ непонятной скорбью; другой — не поднимая головы, кивнулъ на крайнюю комнату. Рэй очутился на стулѣ, рядомъ съ самимъ редакторомъ, хорошенько не понимая, какъ онъ сюда попалъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній не понималъ этого какъ будто и редакторъ; по крайней мѣрѣ, онъ продолжалъ глядѣть на свой письменный столъ, на все, что было передъ нимъ, кромѣ рекомендательнаго письма. Но и когда увидѣлъ его, то всетаки не взглянулъ на Рэя. Во время разговора онъ точно забывалъ, что тутъ кто-то есть. Кровь Рэя кипѣла отъ негодованія. Ему хотѣлось такъ встать и уйти, чтобы редакторъ замѣтилъ его уходъ. Но онъ чувствовалъ себя обязаннымъ остаться ради мистера Брандрета. Наконецъ, редакторъ взялъ книгу, лежавшую на безпорядочномъ ворохѣ газетъ и рукописей, и сказалъ:

— Мы хотимъ получить сжатое и обстоятельное resumé этой книги, причемъ нужно упомянуть спеціально о Коклэнѣ и о томъ мѣстѣ, которое занимаетъ онъ въ искусствѣ и на сценѣ. Мы желали бы напечатать отзывъ въ субботнемъ номерѣ. Посмотрите, что вы можете сдѣлать и принесите рецензію завтра около десяти часовъ. Размѣръ — не меньше тысячи и не больше двухъ тысячъ словъ.

Онъ передалъ книгу и такъ рѣшительно нагнулся къ своимъ рукописямъ, что Рэю оставалось только уйти, что онъ и сдѣлалъ, отвѣсивъ полный достоинства поклонъ. Впрочемъ, ни самаго поклона, ни его достоинства редакторъ не замѣтилъ. Даже мальчикъ-посыльный и тотъ не обратилъ должнаго вниманія на Рэя. Рэй стиснулъ зубы отъ злобы и далъ клятву отмстить, представивъ замѣчательное произведеніе вмѣсто простого resumé. Онъ принялся за него немедленно: просмотрѣлъ книгу дорогой и составилъ планъ работы раньше, чѣмъ добрался до своего отеля. На разсвѣтѣ, когда раздался жалобный крикъ перваго разносчика молока, статья была уже готова. Сердце Рэя освободилось отъ горечи — ему точно передалась легкость этихъ нѣсколькихъ листочковъ, за которые автору не стало стыдно и потомъ, когда онъ перечиталъ ихъ вновь. Рэй былъ увѣренъ, что статья обратитъ на себя вниманіе, и направился въ редакцію безъ того волненія, какое испытывалъ наканунѣ.

Редакторъ взялъ длинныя полоски и перелисталъ ихъ, придерживая лѣвой рукой.

— Почему, чортъ возьми, вы не переписали поразборчивѣй! —воскликнулъ онъ и, прежде чѣмъ Рэй успѣлъ что нибудь отвѣтить, такъ же грубо крикнулъ: — Почему, чортъ возьми, вы начинаете не съ *факта?*—и углубился въ чтеніе статьи, не слушая, что говоритъ въ свою защиту оскорбленный авторъ.

Дочитавъ, редакторъ отбросилъ длинныя полоски и взялъ узенькую книжку, вродѣ чековой, написалъ въ ней что-то и, вырвавъ оттуда страничку, протянулъ Рэю. Это былъ ордеръ на пятнадцать долларовъ.

Рэя охватило такое бѣшенство, что онъ съ трудомъ овладѣлъ собой: ему хотѣлось разорвать этотъ ордеръ и швырнуть его въ лицо редактору. Онъ тутъ же далъ себѣ клятву, что никогда не воспользуется имъ, никогда не предъявитъ въ контору, если бъ даже умиралъ съ голоду.

Когда онъ выходилъ, редакторъ крикнулъ:

— А вашъ адресъ?

Рэй сказалъ и вышелъ, не поклонившись на прощанье.

Труднѣе всего было выразить признательность мистеру Брандрету, не давая понять, какъ мало удовольствія доставила его рекомендація. Рэй сообщилъ, что работа принята, и умолчалъ объ остальныхъ подробностяхъ. Брандретъ пришелъ въ восторгъ:

— Это отлично!—воскликнулъ онъ.—Это можетъ повести къ постоянному сотрудничеству, вамъ могутъ поручить завѣдывать цѣлымъ отдѣломъ. По моему, эта газета будетъ имѣть успѣхъ. Она вполнѣ чистая, приличная и вмѣстѣ съ тѣмъ — живая. Попасть туда—очень важно!

Рэй скрылъ свой гнѣвъ передъ мистеромъ Брандретомъ, потому что тотъ, по его мнѣнію, вполнѣ этого заслуживалъ своей любезностью, но не удержался въ присутствіи Кэйна, съ которымъ встрѣтился въ столовой отеля.

— Ужъ, не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ сидѣть рядомъ съ вами, — отвѣтилъ онъ на приглашеніе Кэйна пересѣсть за его столъ. — Мнѣ только что выпало на долю величайшее униженіе, какое когда либо приходилось выносить. Оно покрыло меня такимъ толстымъ слоемъ позора, что я боюсь — какъ бы не запачкать и другихъ. И въ данномъ случаѣ — не моя вина, а моя бѣда.

— Можно страдать отъ своихъ несчастій, — мечтательно произнесъ Кэйнъ, — но страдать изъ-за своихъ ошибокъ — было бы невыносимо. Какъ тогда сохранить уваженіе къ самому себѣ? Не правда ли? Сознаніе же, что мы страдаемъ незаслуженно, является утѣшеніемъ, оно даже льститъ!

— Мнѣ жаль лишать васъ афоризма,—возразилъ Рэй,— а, кажется, придтеся: случай со мной говоритъ противъ васъ.

— Факты должны подчиняться разуму, — началъ, было, Кэйнъ, но Рэй не могъ уже удержаться: знакомство съ редакціей «Каждаго Вечера» вдругъ представилось ему въ новомъ—юмористическомъ свѣтѣ, и онъ артистически изобразилъ его, не щадя ни своихъ смѣшныхъ надеждъ, ни своихъ смѣшныхъ страданій. При каждомъ мастерскомъ штрихѣ разсказа Кэйнъ восклицалъ: «Это очаровательно, это великолѣпно!

Когда Рэй кончилъ, Кэйнъ сказалъ, вздохнувъ:

— Я его знаю; онъ недурной человѣкъ, очень недурной.

— Недурной? Но почему же онъ держалъ себя, какъ животное? Это единственный человѣкъ въ Нью-Іоркѣ, который отнесся ко мнѣ грубо. Рѣшительно всѣ издатели, къ кому я обращался, были со мной вѣжливы, всѣ вэли себя прилично, хотя никто изъ нихъ,—шутъ ихъ возьми,—не желалъ печатать мою книгу.

— А-а!—воскликнулъ Кэйнъ, — онъ живетъ въ другихъ условіяхъ. Всѣ издатели имѣютъ хоть немного свободнаго времени, а онъ — это видно и изъ вашихъ словъ, — онъ его вовсе не имѣетъ. Я не могу себѣ представить болѣе трогательной картины, чѣмъ та, которую вы сейчасъ нарисовали: человѣкъ долженъ охватить всѣ подробности своей и чужой работы, а тутъ новая мелочь. Это ужасно! развѣ вы не чувствуете, что это ужасно?

— Никто не долженъ ставить себя въ такія условія. Онъ самъ виноватъ,—настаивалъ Рэй.

— Да кто же добровольно создаетъ условія: всякій попадаетъ въ нихъ случайно,—они являются результатомъ процесса общественной жизни. Обстоятельства дѣлаютъ человѣка тѣмъ,

что онъ есть, и, когда подъ давленіемъ этихъ обстоятельствъ, онъ принимаетъ извѣстную форму, то инстинктивно чувствуетъ, что уже не подойдетъ къ другимъ условіямъ. Вы говорите, что редакторъ «Каждаго Вечера» долженъ стряхнуть съ себя ярмо во что бы то ни стало, что онъ долженъ идти куда-то въ другое мѣсто и начать другую жизнь цивилизованнаго человѣка. Но онъ этого не можетъ сдѣлать, не изломавъ себя на части, которыя придется потомъ склеивать. Почему я, напримѣръ, не вернулся къ прошлому? Я оглядываюсь на свою жизнь—она скучна и пуста. Но я положительно не сумѣю отвѣтить,—зачѣмъ я здѣсь остался. Я ничего не жду, и ничего не могу измѣнить. А редактору «Каждаго Вечера» есть чего ждать: онъ надѣется на успѣхъ и, какъ кажется — уже имѣетъ его. Эти условія создались не сразу, не внезапно, и развязаться съ ними такъ быстро, какъ происходитъ развязка на сценѣ, немыслимо. Они должны измѣняться медленно, постепенно, и также медленно будетъ мѣняться и самъ человѣкъ. Конечно, *существуютъ* рѣдкіе случаи переворотовъ: люди, напр., открекались отъ престоловъ и дѣлались монахами. Но, повторяю,—рѣдкіе случаи. Смѣю думать, что если бъ стала извѣстна вся правда, то эти монахи никогда не были бы тѣмъ, чѣмъ ихъ считали до отреченія, или не дѣлались бы такими праведниками, какими имъ хотѣлось быть. Если вы возьмете самый выдающійся примѣръ... по крайней мѣрѣ, нашего времени, если вы возьмете графа Толстого, вы увидите, какъ трудно освободиться отъ условій своей среды. Толстой глубоко вѣритъ въ необходимость труда, простоты образа жизни. Но онъ не можетъ раздать свои деньги бѣднымъ, онъ защищенъ отъ нужды обычными источниками дохода, и его существованіе представляетъ пародію на его намѣренія. Его исторія—предостереженіе для всѣхъ; она показываетъ всю тщетность индивидуальныхъ попытокъ вырваться изъ созданныхъ судьбой условій. Я это часто говорю моему старому другу Чапли, который совершенно помѣшался на Толстомъ и тоже хочетъ «опроститься»—переселиться въ деревню.

— Неужели это правда?—спросилъ съ улыбкой Рэй.

— А почему бы и нѣтъ? Толстой убѣждаетъ разсудокъ, трогаетъ сердце. Его логика безукоризненна, въ его чувствахъ нѣтъ фальши. Я думаю, что не будь Толстой лидеромъ, онъ имѣлъ бы множество послѣдователей.

Этотъ пародоксъ доставилъ Кэйну величайшее удовольствіе. Онъ радостно смѣялся и, потрепавъ Рэя по плечу, потребовалъ себѣ похвалы. Его смѣхъ и радость были такъ искренни, что Рэя снова охватила чарующая прелесть дружбы этого человѣка.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Я не могу забыть

Весенній первый зной. Я на лугу цвѣтистомъ
Лежу, обвѣянъ весь тепломъ незримыхъ струй.
Хмѣльное что-то есть здѣсь, въ воздухѣ душистомъ,
Хмѣльное, какъ любовь, какъ первый поцѣлуй.

Въ лазурной вышинѣ, немолчно заливаясь,
Незримый жаворонокъ слагаетъ гимнъ веснѣ.
Такъ я когда-то пѣлъ, безпечно отдаваясь
Растущихъ юныхъ силъ катящейся волнѣ...

Но нынче не могу я пѣть красу природы.
Къ безпечности былой могу-ль вернуться вновь?
Да, хороши вы,—степь, лѣса, луга и воды,
Да, радостна весна и сладостна любовь,

Да, живы и во мнѣ и грезы, и желанья;
Какъ прежде, милы мнѣ и солнце, и цвѣты,
Но не могу забыть, что вкругъ меня страданье,
И темнота, и грязь, и голодъ бѣдноты...

Но не могу забыть, что тамъ, въ дали туманной,
Подъ зноемъ полудня, на лонѣ тихихъ водъ
Объяты вновь сердца огнемъ тревоги бранной
И въ грохотѣ пальбы людская кровь течетъ...

И въ этотъ часъ, когда мнѣ шлетъ улыбки небо,
И тучки, символъ грезъ, маня мой взоръ, плывутъ,
Здѣсь тысячи людей напрасно молятъ: «хлѣба»,—
Тамъ сотни раненыхъ въ мученьяхъ смерти ждутъ...

Я не могу забыть... И грустно, и обидно:
Что измѣнить могу? Что въ силахъ сдѣлать я?
Но въ сердце ядъ проникъ,—и радоваться стыдно,
И стыдно пѣть восторгъ и прелесть бытія!..

А. М. Вербовъ.

Крестьянскій банкъ послѣ реформы.

Крестьянскій поземельный банкъ издалъ отчетъ за 1896 годъ, *первый* по введеніи въ дѣйствіе новаго устава, изъ-за котораго въ свое время было поломано много журнальныхъ копій. Теперь, по прошествіи трехъ лѣтъ, — уставъ обсуждался въ 1895 году, — обѣ спорившія стороны, повидимому, относятся къ предмету спора спокойнѣе. Время взяло свое: поулеглись страхи передъ реформой 27-го ноября 1895 года, поубавились и надежды на нее. Впрочемъ, если первыя доходили иногда до крайняго предѣла, то вторыя и въ ту пору были довольно скромны. Во всякомъ случаѣ, пока ничто не давало повода думать, чтобы практическіе результаты преобразованія крестьянскаго банка могли особенно тревожить или радовать сторонниковъ того и другого взгляда на эту мѣру. Такое отношеніе къ банку поддерживалось отрывочными свѣдѣніями о дѣятельности его, время отъ времени проникавшими въ печать. Съ выходомъ въ свѣтъ отчета, дающаго обстоятельныя данныя объ операціяхъ крестьянскаго банка за 1896 годъ, представляется возможность съ большею полнотою и точностью опредѣлить, какія перемѣны произошли въ дѣятельности банка, въ какомъ направленіи она развивается и какъ реформа отразилась на отношеніяхъ къ крестьянскому банку его кліентовъ.

Введеніе новаго устава служитъ хорошимъ поводомъ для того, чтобы подвести итогъ дѣятельности учрежденія за извѣстный періодъ. Отчетъ или, правильнѣе, статистическая его часть, начинается именно съ обзора матеріала, характеризующаго прошлое крестьянскаго банка. До преобразованія содѣйствіе банка крестьянамъ могло проявляться единственно въ формѣ выдачи ссудъ на покупку земли, приторгованной самими заемщиками. Общій результатъ этой операціи за тринадцать лѣтъ по 1-е января 1896 года выразился въ выдачѣ 82 милл. руб. для пріобрѣтенія крестьянами 2,411 тыс. десятинъ земли въ 54 губерніяхъ. На первый взглядъ такое приращеніе крестьянскаго земельнаго фонда можетъ показаться значительнымъ. Но если сравнить его съ надѣльнымъ землевладѣніемъ крестьянъ,—это капля въ морѣ. Въ предѣлахъ Европейской Россіи, безъ Царства Польскаго, крестьянскій надѣлъ занимаетъ слишкомъ

109 милл. дес., что не мѣшаетъ, однако, населенію быть далеко необезпеченнымъ въ земельномъ отношеніи. Извѣстно, что крестьяне вынуждены въ широкихъ размѣрахъ арендовать землю у частныхъ землевладѣльцевъ и у казны. Площадь этихъ арендъ точно не можетъ быть опредѣлена, но главнѣйшее значеніе въ качествѣ арендного фонда несомнѣнно принадлежитъ частновладѣльческимъ землямъ. Казна сдаетъ крестьянамъ въ предѣлахъ Европейской Россіи значительно меньше, чѣмъ землевладѣльцы, и тѣмъ не менѣе даже площадь казенной земли, служащей добавочнымъ обезпеченіемъ крестьянъ, много превосходитъ купленную ими съ помощью крестьянскаго банка за все время его существованія. По отчету министерства земледѣлія за 1897—98 годъ, земельныя оброчныя статьи въ губерніяхъ Европейской Россіи занимаютъ 3,9 милл. дес. Если бы крестьянскій банкъ продолжалъ свою дѣятельность въ прежнемъ масштабѣ, то ему пришлось бы, пожалуй, поработать еще лѣтъ десять, чтобы расширить крестьянское землевладѣніе хотя бы настолько, насколько въ настоящее время земельное обезпеченіе крестьянъ увеличивается путемъ сдачи имъ въ аренду казенной земли.

Если невелики общіе результаты дѣятельности крестьянскаго банка, то мѣстами онъ и вовсе бездѣйствовалъ. Изъ 436 уѣздовъ, входящихъ въ составъ 42 губерній Европейской Россіи, на которыя была распространена дѣятельность банка, 52 уѣзда или 11,9% не воспользовались ни разу за 13 лѣтъ его кредитомъ. Если взять данныя по цѣлымъ губерніямъ, то окажется, что лишь въ двухъ изъ нихъ, Могилевской и Уфимской, на ссуды изъ крестьянскаго банка въ теченіе тринадцати лѣтъ пріобрѣтено крестьянами по 200 тыс. дес. Кромѣ этихъ двухъ губерній, насчитывается еще пять (Смоленская, Екатеринославская, Новгородская, Минская и Полтавская), въ каждой изъ которыхъ куплено не менѣе 100 тыс. десятинъ. Въ громадномъ большинствѣ остальныхъ покупки съ помощью крестьянскаго банка были весьма немногочисленны и незначительны по результатамъ. Отчетъ называетъ 15 губерній, въ каждой изъ которыхъ пріобрѣтено не болѣе 10—25 тыс. дес. и 12 такихъ, гдѣ куплено менѣе 10 тыс. дес. Въ общемъ на эти 27 губерній приходится лишь девятая часть всей площади, на которую крестьянскій банкъ увеличилъ крестьянское землевладѣніе. Изъ остальныхъ восьми девятыхъ большая часть досталась на долю семи названныхъ губерній.

Не слѣдуетъ думать, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ операціи крестьянскаго банка слабо развиты, предложеніе земли невелико или хотя бы менѣе значительно, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, пользовавшихся большимъ содѣйствіемъ банка. Это предположеніе можетъ быть опровергнуто фактически. Къ отчету дворянскаго банка за 1896 годъ приложены интересныя свѣдѣнія о движеніи дворянской земельной собственности съ 1861 года по 1897 годъ. Изъ этой

работы, между прочимъ, видно, что въ 36 губерніяхъ Европейской Россіи (изъ числа тѣхъ 42, на которыя распространено дѣйствіе крестьянскаго банка) въ теченіе 1883—95 гг. дворянское землевладѣніе сократилось на $7^1/_2$ милл. дес. Въ дѣйствительности, конечно, въ данное время на рынокъ поступило еще больше дворянской земли, потому что нѣкоторая часть ея была отчуждена въ дворянскія же руки, а въ отчетѣ указано лишь то количество дворянской земли, которое перешло къ не-дворянамъ. Но покупки крестьянъ съ помощью крестьянскаго банка въ теченіе означеннаго періода составили въ тѣхъ же 36 губерніяхъ всего 2 милл. дес. Иначе говоря, съ содѣйствіемъ банка куплена только четвертая часть утраченной дворянами земельной площади. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ участіе крестьянскаго банка было и того скромнѣе. Такъ, къ числу 12 губерній, въ каждой изъ которыхъ заемщики банка владѣютъ менѣе, чѣмъ 10,000 дес., принадлежитъ Казанская. Въ ней на ссуды изъ крестьянскаго банка пріобрѣтено всего 9,4 тыс. дес. Между тѣмъ за время 1883—95 гг. въ этой губерніи дворянское землевладѣніе сократилось на 51,000 дес. Слѣдовательно, здѣсь не было недостатка въ предложеніи земли, но банкъ всетаки бездѣйствовалъ. Въ Московской губ., занимающей одно изъ послѣднихъ мѣстъ по количеству купленной съ помощью крестьянскаго банка земли (7,000 дес.), убыль дворянскаго землевладѣнія за 1886—95 гг. составляетъ 67,000 дес., т. е. почти въ десять разъ больше, чѣмъ пріобрѣтенія крестьянъ при посредствѣ банка. Во Владимірской губ. на 2,000 десятинъ земли, купленной на ссуды крестьянскаго банка, приходится 215,000 дес. дворянской земли, проданной въ недворянскія руки и т. д. Любопытно, что и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьянскій банкъ велъ болѣе значительныя операціи, по крайней мѣрѣ, во многихъ изъ нихъ, купленная съ его помощью земля составляетъ лишь незначительный процентъ къ общей площади, вышедшей изъ владѣнія дворянъ. Въ Екатеринославской губ., напр., съ 1883 г. по 1896 г. дворянское землевладѣніе сократилось на 965,000 дес., крестьянами же куплено при содѣйствіи крестьянскаго банка 166,000 дес. или 17%; въ Новгородской губ. на 1,050 дес. убыли дворянской земли приходится 149,000 дес., купленныхъ на ссуду крестьянскаго банка, или 14%; въ Полтавской губ. убыль дворянскаго землевладѣнія равняется 501,000 дес., а пріобрѣтенія заемщиковъ крестьянскаго банка 107,000 дес., т. е. 21%; въ Тверской на 483,000 дес. первой категоріи насчитывается всего 85,000 дес., подъ которыя выданы ссуды крестьянскимъ банкомъ, или 17%, и т. д. Словомъ, въ большинствѣ губерній (21 изъ 36), о которыхъ имѣются свѣдѣнія этого рода, крестьянскій банкъ пріобрѣлъ для своихъ клiентовъ даже меньше четвертой части того количества, которое ушло изъ дворянскихъ рукъ. Притомъ во многихъ губерніяхъ покупки съ помощью банка составляли прямо ничтожную долю земельной площади, поступившей за 13 лѣтъ на рынокъ.

Слабое развитіе операцій крестьянскаго банка, конечно, не можетъ быть объяснено незначительностью спроса на землю со стороны крестьянъ. Напротивъ, въ отчетѣ приведено немало фактовъ, свидѣтельствующихъ, что спросъ этотъ очень великъ. Но въ виду малодѣятельности банка населеніе стремилось найти средства на покупку земли гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ и изыскивало съ этою цѣлью разные «способы» обходиться безъ помощи крестьянскаго банка. Ссылаясь на «Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи» А. Е. Рейнбота, составители отчета указываютъ, что въ 1893 году сельскими обывателями разныхъ наименованій, за исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ, купившихъ участки болѣе 50 дес., пріобрѣтено въ 42 губерніяхъ, по 8,541 сдѣлкѣ, 630,868 дес. на 30.117,475 рублей. Кромѣ того, разносословными группами, съ участіемъ крестьянъ, по 895 сдѣлкамъ, куплено 96,494 дес. земли за 5.782,627 руб. Въ томъ же году крестьянскимъ банкомъ по тѣмъ же 42 губерніямъ выдано 1,298 ссудъ для покупки всего лишь 142,678 дес. на сумму 6.028,602 руб. Это краснорѣчивое сопоставленіе относится къ одному году. Но нѣтъ никакихъ основаній считать 1893 годъ исключительнымъ. Во всякомъ случаѣ собранный крестьянскимъ банкомъ матеріалъ по вопросу о способахъ, къ которымъ крестьяне прибѣгаютъ для покупки земли помимо банка, указываетъ на широкое развитіе этихъ операцій.

Наиболѣе извѣстный изъ источниковъ, къ которымъ крестьяне обращаются за ссудами на покупку земли,—это земскіе капиталы, образованные въ нѣкоторыхъ губерніяхъ еще до учрежденія крестьянскаго банка. Земскія попытки организаціи поземельнаго кредита для крестьянъ не успѣли получить сколько-нибудь широкаго развитія, когда былъ открытъ этотъ банкъ. Полагая, что при существованіи государственнаго учрежденія, созданнаго спеціально съ цѣлью содѣйствія земельнымъ пріобрѣтеніямъ крестьянъ, матеріальное участіе земства въ этомъ дѣлѣ представляется излишнимъ, большинство земскихъ собраній рѣшило прекратить выдачу ссудъ изъ своихъ капиталовъ, которые къ тому же были незначительны. Лишь въ немногихъ губерніяхъ операція эта продолжалась, нерѣдко съ перерывами, и послѣ учрежденія крестьянскаго банка. Мысль о возобновленіи ея стала возникать въ земскихъ собраніяхъ сравнительно недавно, когда выяснились крупные недочеты въ организаціи и дѣятельности крестьянскаго банка, и послѣ того, какъ рядъ земскихъ ходатайствъ объ измѣненіи его устава былъ оставленъ безъ отвѣта. Интересно, однако, что какъ ни скромны были операціи земствъ по содѣйствію крестьянамъ въ покупкѣ земли, все-таки ихъ дѣятельность въ нѣкоторыхъ губерніяхъ лишь немного уступаетъ дѣятельности крестьянскаго банка. Такъ, въ Московской губ. ссуды выдавались, начиная съ 1881 года. Въ 1886 году операція прекратилась въ виду открытія въ Московской губерніи отдѣленія крестьянскаго банка, и только въ 1895—96 гг., послѣ безу-

спѣшныхъ ходатайствъ, московское земство возобновило выдачу ссудъ. Тѣмъ не менѣе въ результатѣ этой болѣе, чѣмъ скромной дѣятельности явилось пріобрѣтеніе на земскія ссуды 21 сельскимъ обществомъ 2,500 дес. Крестьянскій банкъ за все время своего существованія увеличилъ земельныя владѣнія московскихъ крестьянъ на 7,000 дес. Если принять во вниманіе, что московское земство оперировало съ капиталомъ въ 50,000 руб., а средства банка считаются милліонами, то сравненіе едва ли выйдетъ въ пользу банка. Въ Тверской губ. съ помощью крестьянскаго банка крестьяне пріобрѣли 85,000 дес., съ содѣйствіемъ же земства—33,000 дес. Въ Ярославской только за два года земскаго содѣйствія крестьяне купили 12,000 дес., тогда какъ за 13 лѣтъ существованія крестьянскаго банка его помощь была оказана только для пріобрѣтенія 10,000 дес.

Къ кредиту изъ земскихъ средствъ, какъ и къ позаимствованію изъ мірскихъ капиталовъ или волостныхъ кассъ, крестьяне всетаки прибѣгаютъ нечасто. Болѣе значительную роль играютъ ссуды изъ частныхъ земельныхъ банковъ. «Еще въ началѣ текущаго десятилѣтія,—читаемъ мы въ отчетѣ,—было замѣчено, что, благодаря конкуррирующей съ крестьянскимъ банкомъ дѣятельности частныхъ земельныхъ банковъ, во многихъ мѣстностяхъ въ руки крестьянъ переходитъ при участіи сихъ банковъ количество земли, въ нѣсколько разъ превышающее размѣры пріобрѣтеній, совершаемыхъ при содѣйствіи крестьянскаго банка. И теперь нѣкоторыя отдѣленія указывютъ на довольно широкое пользованіе крестьянами кредитомъ въ частныхъ банкахъ. Такъ, по словамъ виленско-ковенскаго отдѣленія, въ губерніяхъ, входящихъ въ районъ его дѣйствій, покупка земли безъ содѣйствія крестьянскаго банка развита въ широкихъ размѣрахъ и совершается, главнымъ образомъ, съ содѣйствія виленскаго и с.-петербургско-тульскаго земельныхъ банковъ. Наиболѣе распространенный способъ — распродажа состоящихъ въ залогѣ банка имѣній по частямъ (парцелляція) съ переводомъ на крестьянъ-покупщиковъ долга; менѣе распространена, хотя всетаки встрѣчается нерѣдко, прикупка земли съ залогомъ ранѣе пріобрѣтенной. Въ Минской губ. случаи покупки крестьянами земель при содѣйствіи виленскаго и московскаго банковъ сравнительно часты и, въ общемъ, операція сія довольно развита, а въ Псковской изъ числа учрежденій, оказывающихъ населенію кредитъ подъ закладываемыя земли, первое мѣсто по своему значенію занимаютъ виленскій и с.-петербургскій земельные банки. Въ Екатеринославской и Таврической, одновременно съ ослабленіемъ въ послѣдніе годы дѣятельности крестьянскаго банка, покупки крестьянами частновладѣльческихъ земель продолжались и даже усиливались сравнительно съ 80-ми годами и совершались съ помощью банковъ харьковскаго и херсонскаго въ первой и бессарабско-таврическаго во второй. Совершаемыя при

содѣйствіи этихъ банковъ сдѣлки представляли для покупщиковъ ту выгоду, что они, при меньшихъ формальностяхъ, получали большія ссуды и уплачивали болѣе низкіе проценты». Къ сожалѣнію, крестьянскому банку не удалось привести въ точную извѣстность размѣръ содѣйствія, оказываемаго крестьянамъ частными земельными банками. На запросъ объ этомъ московскій земельный банкъ, напр., отвѣтилъ, что онъ, «выдавая ссуды, какъ отдѣльнымъ лицамъ крестьянскаго сословія, такъ и обществамъ, или товариществамъ, не можетъ указать на истинныя цѣли залога и бытовую сторону означенныхъ операцій».

На покупку земли крестьяне занимаютъ деньги и въ учрежденіяхъ краткосрочнаго кредита. Такъ, въ Черниговской губерніи крестьяне, казаки и мѣщане пользуются ссудами изъ городскихъ общественныхъ банковъ. Въ 1896 году черниговскимъ банкомъ выдано 300,000 руб., глуховскимъ — 50,000, нѣжинскимъ — 40,000, подъ личныя обязательства, иногда съ представленіемъ крѣпостныхъ документовъ на землю; кролевецкій банкъ ссудилъ въ томъ же году подъ залогъ купленныхъ земель и съ переводомъ долга на пріобрѣтателя заложенной земли 24,000 руб. Въ общей сложности этими четырьмя банками выдано сельскому населенію на покупку земли больше, чѣмъ крестьянскимъ банкомъ, который въ 1896 г. ссудилъ крестьянамъ Черниговской губ. лишь 190,000 рублей.

Подобныя же операціи ведутся городскими общественными банками въ Орловской, Тульской и Харьковской губ. Дѣятельность псковскихъ обществъ взаимнаго кредита еще виднѣе. По словамъ псковскаго отдѣленія крестьянскаго банка, въ этой губерніи операціи послѣдняго «составили лишь незначительную часть операцій мѣстныхъ кредитныхъ установленій». Въ томъ же направленіи, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, дѣйствуютъ общества взаимнаго кредита въ Донской обл. и въ губ. Орловской и Пензенской.

Однако, не вездѣ крестьяне могутъ пользоваться услугами различныхъ кредитныхъ установленій. Поэтому въ нѣкоторыхъ губерніяхъ получили широкое распространеніе покупка въ разсрочку или частные займы для покупки земли, конечно, на тяжелыхъ, нерѣдко ростовщическихъ условіяхъ. Свѣдѣнія, собранныя крестьянскимъ банкомъ объ этомъ способѣ пріобрѣтенія сельскими обывателями земли, очень интересны. «Въ Новгородской губерніи—читаемъ мы въ отчетѣ,—покупка въ разсрочку производилась въ обширныхъ размѣрахъ. Въ одномъ Череповецкомъ уѣздѣ, по сообщенію мѣстной уѣздной управы, съ 1885 по 1889 г. пріобрѣтено крестьянами безъ содѣйствія банка около 20,000 дес. и съ съ 1890 по 1896 г.—31,323 дес. (при содѣйствіи банка куплено въ первый періодъ 293 дес., во второй—814 дес.). Широко распространенный въ уѣздѣ частный кредитъ вылился въ двѣ формы—разсрочки продажной цѣны, при продажѣ болѣе или менѣе состоятельными продавцами и покупки цѣлыхъ имѣній отдѣльными крестьянами,

обыкновенно изъ торгующихъ, для распродажи. Въ первомъ случаѣ разсрочка дѣлается обыкновенно на 2 года, съ уплатою въ три срока, рѣже на три года, съ уплатою въ 4 срока. При этомъ дѣлается извѣстная прибавка къ продажной цѣнѣ, доходящая до 30%. При распродажѣ скупщиками прибавка составляетъ 30—50%, доходя въ исключительныхъ случаяхъ до 100%. Для взноса разсроченныхъ платежей крестьяне прибѣгаютъ къ продажѣ инвентаря, построекъ, кормовъ... Въ Воронежской губ. покупки въ разсрочку встрѣчаются часто; въ Черниговской, по сообщенію 7 нотаріусовъ (изъ 37), пріобрѣтено при помощи частныхъ займовъ или отсрочекъ въ 1894 г.—1,023 дес. на 30,805 руб., въ 1895 г.—355 дес. на 17,975 руб., въ 1896 г.—2,200 дес. на 11,826 руб.; пять нотаріусовъ заявляютъ, что въ ихъ практикѣ бывали такія покупки, но не указываютъ числа ихъ, причемъ одинъ изъ наиболѣе популярныхъ говоритъ: «по общему впечатлѣнію могу сказать, что, вѣроятно, не менѣе 90% всѣхъ покупокъ совершается не на наличныя деньги, а съ позаимствованіями ихъ или у частныхъ лицъ, чаще всего у самихъ продавцовъ, или въ кредитныхъ учрежденіяхъ подъ обезпеченіе покупаемой земли, чаще подъ личныя обязательства; но случаи эти не зарегистрированы и никакихъ свѣдѣній собрать объ этомъ невозможно»... Въ Казанской губерніи изъ 38 покупокъ, совершонныхъ въ 1896 году, по двумъ часть продажной цѣны (3,400 изъ 4,100 руб.) отсрочены подъ закладныя и 36 (579 дес. на 34,895 р.) совершены безъ долговъ, обезпеченныхъ запрещеніями, но по нѣкоторымъ выданы продавцамъ заемныя письма... Въ Курской губ., какъ видно изъ отзывовъ нотаріусовъ, при невозможности для крестьянъ расплатиться полностью за земли, пріобрѣтаемыя безъ содѣйствія крестьянскаго банка, бываютъ случаи какъ разсрочекъ недоплаченныхъ суммъ подъ заемныя письма, срочныя или до востребованія, такъ и займа у третьихъ лицъ, подъ личныя долговыя обязательства изъ 10—12%. Въ Смоленской губ. встрѣчаются покупки съ разсрочкою платежа на срокъ до 10 лѣтъ подъ отработки, или по векселямъ и закладнымъ съ уплатою 5, 10 и даже 12% годовыхъ на остающуюся въ долгу сумму. Отработка, какъ способъ уплаты части покупной цѣны, встрѣчается и въ Калужской губ.; по словамъ одного изъ земскихъ начальниковъ Жиздринскаго уѣзда, въ сдѣлкахъ, бывшихъ во ввѣренномъ ему участкѣ, крестьяне недостающую при покупкѣ сумму пополняютъ работами у лица, продавшаго землю. То же встрѣчается, по словамъ мѣстнаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ Рогачевскомъ уѣздѣ, Могилевской губ. Въ Екатеринославской и Таврической губ. наиболѣе употребительной формой разсрочки продажныхъ цѣнъ является выдача покупателями закладной на пріобрѣтенную землю, съ уплатою денегъ опредѣленными ежегодными взносами или же полностію по истеченіи срока закладной; по такимъ закладнымъ взимаются проценты отъ 8 до 12 годовыхъ и очень часто совершаются при

этомъ неустойчивыя записи. Въ Витебской губ. крестьяне при покупкѣ земли безъ содѣйствія крестьянскаго поземельнаго банка весьма часто прибѣгаютъ къ займамъ у третьихъ лицъ, часто у евреевъ, по векселямъ. Такіе займы, изъ 15—20% и болѣе, весьма тяжелы для крестьянъ»...

Естественно, что, въ виду многочисленности сдѣлокъ, совершаемыхъ помимо крестьянскаго банка, у администраціи его возникъ вопросъ: почему во многихъ случаяхъ, когда, казалось бы, ссуда могла быть получена и изъ банка, къ нему не обращались съ просьбами о помощи? Нѣкоторыя отдѣленія, будучи спрошены объ этомъ, отвѣтили, что причина добровольнаго отказа крестьянъ отъ содѣйствія крестьянскаго банка заключается «частію въ сложности и медленности производства по испрошенію ссуды изъ банка, частію же въ томъ, что среди крестьянъ недостаточно распространены свѣдѣнія объ операціяхъ банка. Въ Черниговской губерніи, по словамъ отдѣленія, есть мѣстности, въ которыхъ сельское населеніе до сихъ поръ не знаетъ о существованіи банка, что объясняется не только низкимъ уровнемъ общественнаго развитія такихъ мѣстностей и незначительностью операцій банка, но также тѣмъ, что черниговское отдѣленіе никогда не дѣлало публикацій о банкѣ. Въ Казанской губерніи тоже существуютъ цѣлые районы, въ которыхъ крестьянамъ неизвѣстно о существованіи банка. На то же обстоятельство указываетъ ранненбургскій, Рязанской губерніи, уѣздный съѣздъ, по словамъ котораго, крестьяне не обращаются къ содѣйствію банка, между прочимъ, вслѣдствіе незнакомства съ его правилами о выдачѣ ссуды. Въ Новгородской губерніи, особенно въ восточныхъ ея уѣздахъ, населеніе почти совсѣмъ незнакомо съ операціями банка». Признаться, болѣе обиднаго для себя открытія крестьянскій банкъ не могъ сдѣлать, обозрѣвая свою тринадцатилѣтнюю дѣятельность при старомъ уставѣ. Нужно было особенное искусство въ веденіи дѣла, чтобы остаться неизвѣстнымъ въ той самой средѣ, для которой учрежденъ банкъ, и бездѣйствовать, когда кругомъ населеніе напрягаетъ всѣ свои силы и пускаетъ въ ходъ всевозможные способы, чтобы раздобыть денегъ на покупку земли. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что, напр., въ Черниговской губ., гдѣ крестьяне такъ плохо знаютъ о существованіи крестьянскаго банка, они отлично находятъ дорогу къ городскимъ общественнымъ банкамъ? Теперь, послѣ введенія новаго устава, додумались, что не худо публиковать о существованіи банка. Раньше отдѣленіе, очевидно, ограничивалось публикаціями, на точномъ основаніи дѣйствующихъ правилъ, о продажѣ съ торговъ имѣній неисправныхъ заемщиковъ... Какъ бы, однако, новоявленная вѣра въ спасительность публикацій не разбилась въ близкомъ будущемъ все о тотъ же «низкій уровень общественнаго развитія» и, вѣроятно, грамотности черниговскихъ крестьянъ? Придется, пожалуй, поискать и

другихъ способовъ для того, чтобы имя крестьянскаго банка сдѣлалось въ Черниговской губерніи болѣе популярнымъ.

Не всѣ, однако, и не вездѣ были такъ плохо освѣдомлены о существованіи банка и объ условіяхъ полученія изъ него ссуды. Многіе изъ крестьянъ, прибѣгавшихъ къ кредиту на покупку земли изъ разныхъ источниковъ, знали кое-что о дѣятельности крестьянскаго банка и, если не обращались къ нему, то именно потому, что знали... Въ этомъ не оставляютъ никакого сомнѣнія отвѣты нѣкоторыхъ отдѣленій банка на заданный имъ совѣтомъ его вопросъ: «Значеніе новаго устава, по мнѣнію отдѣленій, заключается въ томъ, что имъ устранены многія правила положенія 1882 года, которыя препятствовали развитію покупокъ съ содѣйствіемъ банка. Недостаточность установленныхъ размѣровъ ссуды на домохозяина и на душу, несоотвѣтствіе нормальныхъ оцѣнокъ земель ихъ дѣйствительной стоимости въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, значительные размѣры доплаты изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ, которыми обусловливалось разрѣшеніе ссудъ,—все это ослабляло дѣятельность отдѣленій. Низкія нормальныя оцѣнки въ губерніяхъ Екатеринославской и Таврической, составляющія 30—50% дѣйствительно существующихъ цѣнъ на землю, въ связи съ требованіемъ большихъ доплатъ отъ покупщиковъ,—говоритъ екатеринославское отдѣленіе,—почти прекратили дѣятельность крестьянскаго банка въ этомъ районѣ: въ Таврической губерніи за послѣднія 5 лѣтъ не было ни одной сдѣлки, по Екатеринославской ихъ было очень мало, да и бывшія сдѣлки на половину состояли изъ продажи самимъ банкомъ земель, оставшихся за нимъ по безуспѣшности торговъ, не смотря на то, что покупки крестьянами земли въ этихъ губерніяхъ продолжались и даже усиливались сравнительно съ восьмидесятыми годами».

Очевидно, что крестьянскій банкъ не можетъ смотрѣть на свое прошлое съ чувствомъ удовлетворенія. Онъ сдѣлалъ слишкомъ мало, и самая реформа 27-го ноября 1895 года имѣетъ за себя сильнѣйшій доводъ именно въ этой скудости результатовъ тринадцатилѣтняго существованія крестьянскаго банка. Но чѣмъ скромнѣе были его операціи до преобразованія, тѣмъ рѣзче должно бы обнаружиться оживленіе ихъ при новыхъ условіяхъ, послѣ того, какъ устранены многіе важные недостатки въ законѣ, нормирующемъ дѣятельность банка. Единственно — что могло помѣшать, это недовѣрчивое отношеніе къ крестьянскому банку со стороны сельскаго населенія. Можно было опасаться, что крестьяне не скоро постигнутъ важное значеніе перемѣны, происшедшей въ условіяхъ дѣятельности крестьянскаго банка, и по прежнему будутъ избѣгать обращенія къ нему за содѣйствіемъ... Во всемъ остальномъ, казалось бы, обстоятельства сложились благопріятно для крестьянскаго банка, даже прежнія неудачи должны были только оттѣнять успѣхи его при новомъ режимѣ.

На дѣлѣ вышло не совсѣмъ такъ. Въ отношеніяхъ населенія къ крестьянскому банку произошла перемѣна: реформа возбудила надежду и повела на первыхъ же порахъ къ увеличенію спроса на кредитъ. По числу сдѣланныхъ крестьянами заявленій о выдачѣ ссудъ на покупку земли 1896 годъ,—говорится въ отчетѣ,—превзошелъ всѣ предыдущіе. За время существованія банка наибольшее число заявленій не превышало 2,324 въ годъ; въ отчетномъ же году поступило 3,029 заявленій. Это составляетъ увеличеніе, противъ средняго за послѣднее пятилѣтіе въ полтора раза (на 47,8%)... Больше всего спросъ на кредитъ увеличился въ новороссійскихъ губерніяхъ. Въ одной изъ нихъ, Таврической, какъ мы видѣли, послѣдніе годы совсѣмъ не было сдѣлокъ, въ отчетномъ же году поступило 40 заявленій, въ Екатеринославской губ. число ихъ возросло съ 7 до 45, въ Бессарабской—съ 6,6 до 64, въ Херсонской—съ 6,8 до 99. Для всѣхъ новороссійскихъ губерній вмѣстѣ увеличеніе числа ходатайствъ о ссудахъ, противъ средняго за послѣднее пятилѣтіе, опредѣляется слишкомъ въ 1,100%. Второе мѣсто, по обнаружившемуся въ 1896 году усиленному стремленію крестьянъ получить ссуды изъ крестьянскаго банка, принадлежитъ центрально-земледѣльческой полосѣ—приростъ сравнительно со среднимъ за пятилѣтіе 287%. Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что однимъ изъ мотивовъ пересмотра устава крестьянскаго банка было слабое развитіе его операцій въ густо населенныхъ и исключительно земледѣльческихъ губерніяхъ центрально-черноземнаго района. Въ общемъ,—замѣчаютъ составители отчета,—обращеніе къ банку усилилось въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ за послѣднее время дѣятельность банка была незначительна. Наоборотъ, въ губерніяхъ западныхъ и въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ, число заявленій уменьшилось. Но это еще не значитъ, что тамъ именно покупки съ помощью крестьянскаго банка стали менѣе притягательными. Вѣроятнѣе, что вообще подъ вліяніемъ различныхъ причинъ въ этомъ районѣ произошло временное пониженіе сдѣлокъ по куплѣ-продажѣ земли. Но почти повсемѣстное, за немногими исключеніями, увеличеніе спроса на кредитъ крестьянскаго банка было, главнымъ образомъ, вызвано введеніемъ въ дѣйствіе новаго устава. Такъ объясняютъ это явленіе 20 мѣстныхъ отдѣленій банка, и только три отдѣленія полагаютъ, что это обстоятельство не успѣло еще сказаться на отношеніяхъ населенія къ банку.

Указаніе большинства отдѣленій крестьянскаго банка на реформу его, какъ на причину столь значительнаго прироста заявленій о ссудахъ, можетъ быть подкрѣплено нѣкоторыми данными отчета. Возросло число заявленій, но еще больше увеличилось количество приторгованной земли и средній размѣръ покупокъ по сдѣлкамъ, которыя населеніе предполагаетъ совершить при содѣйствіи крестьянскаго банка. Въ 54 губерніяхъ крестьяне приторговали въ 1896 году 529,000 дес. слишкомъ, болѣе противъ средняго

за послѣднее пятилѣтіе на 305,000 дес. или на 136,6%. Среднее же количество земли на одну покупку отчетъ опредѣляетъ въ 171,5 дес., что дастъ увеличеніе 62,3 дес. или на 57%. Ясно, что заемщики разсчитываютъ на болѣе значительную, чѣмъ прежде, помощь со стороны банка, если даже составъ ихъ остался неизмѣннымъ. Но увеличеніе средняго размѣра пріобрѣтаемаго участка могло последовать не только оттого, что покупщики руководствовались новыми, болѣе широкими земельными нормами, но и по другой причинѣ. Чѣмъ больше въ сдѣлкахъ участвуютъ союзы крестьянъ— сельскія общества и товарищества, тѣмъ больше, понятно, при существованіи предѣльныхъ размѣровъ ссудъ и пріобрѣтаемаго участка на душу, средняя величина покупокъ. Въ 1896 году, наряду съ возрастаніемъ послѣдней, наблюдается и другое интересное явленіе: распредѣленіе сдѣлокъ по разрядамъ покупщиковъ измѣнилось въ пользу союзовъ. Такимъ образомъ, послѣ реформы произошла характерная перемѣна не только въ числѣ, но и въ составѣ кліентовъ крестьянскаго банка. Повидимому, среди крестьянъ распространилось мнѣніе, что съ введеніемъ новаго устава шансы союзовъ на полученіе кредита въ банкѣ возросли. И, конечно, тотъ разрядъ заемщиковъ, которому раньше труднѣе было получить ссуду изъ банка, теперь предъявляетъ особенно усиленный спросъ на его помощь. Въ наименѣе выгодномъ положеніи, по старому уставу банка, какъ извѣстно, находились сельскія общества. Слѣдовало ожидать, что они-то и поспѣшатъ воспользоваться кредитомъ въ крестьянскомъ банкѣ, разъ до сельскаго населенія дошли вѣсти о наступленіи новаго режима, болѣе благопріятнаго для общественныхъ покупокъ. И, дѣйствительно, число заявленныхъ сельскими обществами сдѣлокъ возросло на 75%, количество приторгованной ими земли на 175% и средній размѣръ покупокъ на 59%. Товарищескія сдѣлки нѣсколько отстали отъ общественныхъ въ этомъ движеніи: число ихъ, по заявленіямъ о ссудахъ, увеличилось на 66%, количество покупаемой земли на 132% и размѣръ пріобрѣтаемаго участка въ среднемъ на 43%. Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду одно обстоятельство: приростъ товарищескихъ заявленій былъ только относительно меньше, а въ абсолютныхъ цифрахъ товарищества значительно преобладали надъ сельскими обществами. Какъ въ отчетномъ году, такъ и въ предыдущее пятилѣтіе товарищескія сдѣлки составляли почти три четверти общаго числа заявленныхъ банку сдѣлокъ.

Быть можетъ, самое наглядное доказательство того, что реформа крестьянскаго банка возбудила немало надеждъ у крестьянъ, представляютъ данныя о размѣрѣ испрашиваемыхъ ссудъ. Общая сумма ихъ превышаетъ 34,8 милл. руб., тогда какъ въ среднемъ за послѣднее пятилѣтіе она равняется лишь 7,8 милл., т. е. почти въ 4½ раза меньше. На десятину приторгованной земли испрашиваемая ссуда опредѣляется въ 65,8 руб. противъ средняго за пяти-

лѣтіе въ 34,8 руб. Очевидно, заемщики крестьянскаго банка разсчитывали, что съ введеніемъ новаго устава банкъ станетъ оцѣнивать пріобрѣтаемыя съ его помощью земли соотвѣтственно дѣйствительной стоимости ихъ и не будетъ требовать значительныхъ доплатъ изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ.

Словомъ, анализъ свѣдѣній о заявленныхъ сдѣлкахъ показываетъ, что у крестьянскаго населенія зародилась надежда на коренную перемѣну въ условіяхъ пользованія ссудами крестьянскаго банка. Населеніе, подобно мѣстнымъ органамъ банка, повидимому, думало, что вмѣстѣ съ Положеніемъ 1882 года устранены и главнѣйшіе недостатки стараго режима. Эти ожиданія выразились въ необычномъ приливѣ просьбъ о содѣйствіи крестьянскаго банка по операціямъ, составляющимъ и теперь его главную задачу. Но наряду съ ней, по уставу 27-го ноября, на крестьянскій банкъ возложены еще двѣ другія. Самая новизна дѣла должна была служить препятствіемъ тому, чтобы значеніе ихъ было сразу достаточно усвоено населеніемъ. Тѣмъ не менѣе первый же годъ показалъ, что вѣсть о новыхъ формахъ содѣйствія со стороны крестьянскаго банка успѣла проникнуть въ среду крестьянъ. Въ 1896 году по 29 губерніямъ поступило 219 заявленій о выдачѣ ссудъ подъ залогъ 30,000 дес. земли, для погашенія долга, лежащаго на ней въ размѣрѣ 1,243 тыс. руб. Если имѣть въ виду, что покупки безъ содѣйствія крестьянскаго банка совершались въ теченіе долгаго времени въ крупныхъ размѣрахъ и во многихъ случаяхъ на тяжелыхъ условіяхъ, то нельзя признать значительнымъ число заявленныхъ ходатайствъ о погашеніи долговъ, обезпеченныхъ крестьянскою землею. Но какъ доказательство того, что и эта перемѣна въ условіяхъ дѣятельности крестьянскаго банка не прошла незамѣченной въ заинтересованной средѣ, и немногочисленныя ходатайства, попоступившія въ 1896 году, заслуживаютъ вниманія. Въ томъ же году положено начало и другой новой операціи крестьянскаго банка. Какъ извѣстно, ему разрѣшено покупать за счетъ собственнаго капитала земли съ торговъ и у частныхъ владѣльцевъ для перепродажи крестьянамъ. Оказывается, что за отчетное время въ банкъ поступило 45 ходатайствъ отъ крестьянъ изъ 17 губерній о пріобрѣтеніи для нихъ, просителей, 50,000 дес. земли. Заявленія частныхъ землевладѣльцевъ о желаніи продать банку свои имѣнія были чаще — 238 заявленій о 336,000 дес. въ 36 губерніяхъ. Но иниціатива самого банка въ этомъ дѣлѣ проявлялась рѣже, чѣмъ иниціатива крестьянъ. Банкъ возбудилъ предположенія о покупкѣ 7 имѣній въ количествѣ 8,8 тыс. дес.

Относительно обѣихъ новыхъ операцій можно сказать, что вѣсть о разрѣшеніи крестьянскому банку производить ихъ дошла до крестьянъ, и они, съ своей стороны, успѣли сдѣлать, въ первый же годъ по преобразованіи, нѣсколько попытокъ, о судьбѣ и значеніи которыхъ можно будетъ судить лишь впослѣдствіи. Иное дѣло—

ссуды на покупку приторгованной земли. Вялыя отношенія къ банку, мѣстами за послѣдніе годы полное игнорированіе его, замѣнились рѣдкимъ, небывалымъ спросомъ на его кредитъ, какъ только разнеслась вѣсть, что условія выдачи ссудъ измѣнились къ лучшему.

Въ настроеніи кліентовъ крестьянскаго банка вслѣдъ за реформой произошла, такимъ образомъ, крутая перемѣна. Какъ же отвѣтилъ на нее банкъ, въ какой мѣрѣ его дѣятельность оправдала надежды, возложенныя на недавнее преобразованіе сельскимъ населеніемъ?

Операціи крестьянскаго банка увеличились, но не настолько, чтобы можно было говорить о новомъ курсѣ при новомъ уставѣ.

Мы видѣли, какъ еще сравнительно мало было сдѣлано заявленій о ссудахъ подъ залогъ земли, купленной крестьянами безъ содѣйствія крестьянскаго банка. Дѣла о покупкѣ имѣній за счетъ его собственнаго капитала тоже только еще завязывались въ отчетномъ году. Число рѣшенныхъ и законченныхъ сдѣлокъ того и другого рода еще меньше. Для погашенія старыхъ долговъ—первая изъ названныхъ операцій—разрѣшено выдать 15 ссудъ на 136 тыс. рубл. подъ залогъ 2,7 тыс. дес. и выдано въ теченіе года всего 4 ссуды на сумму 12,213 руб. подъ залогъ 823 дес. въ губерніяхъ Смоленской, Полтавской и Черниговской. За счетъ собственнаго капитала банка куплено въ 1896 г. 11 имѣній, съ 48,3 тыс. дес., за 3958 тыс. руб. Эти цифры, конечно, представляются болѣе внушительными. Но надо замѣтить, что изъ числа 11 купленныхъ банкомъ имѣній одно занимаетъ 41,8 тыс. дес. Оно пріобрѣтено въ Саратовской губ. у гр. Воронцова-Дашкова за 3½ милл. руб. Остальныя 10 имѣній въ 6½ тыс. дес., обошлись банку въ 458 тыс. руб. Изъ послѣдующихъ отчетовъ крестьянскаго банка мы, конечно, узнаемъ, какъ развивалась далѣе эта операція, а до тѣхъ поръ приходится ограничиться лишь простымъ указаніемъ на первые шаги крестьянскаго банка въ новомъ для него направленіи, тѣмъ болѣе, что въ отчетѣ нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ банкъ распорядился самымъ крупнымъ изъ купленныхъ имъ имѣній. Эти интересныя свѣдѣнія, вѣроятно, предназначаются для отчета за 1897 г., съ выходомъ котораго, надо думать, и вообще значительно пополнятся фактическія данныя о ходѣ этой операціи.

Пока, по прежнему, судить о дѣятельности крестьянскаго банка удобнѣе на основаніи данныхъ о выдачѣ ссудъ на покупку приторгованной крестьянами земли. Въ 1896 году, по словамъ отчета, было выдано 1783 такихъ ссудъ на 7.254.782 рубл. для пріобрѣтенія 208.658 дес. земли въ 50 губерніяхъ. По сравненію съ 1895 г., число выданныхъ ссудъ нѣсколько уменьшилось, но оно возросло на 18% противъ средняго годового за послѣднее пятилѣтіе. Количество купленной съ помощью банка земли увеличилось на 25,3%, а сумма ссудъ, выданныхъ заемщикамъ—на 13,3%. Мы видимъ, что операція выдачи ссудъ изъ крестьянскаго банка выросла

послѣ реформы далеко не въ такой мѣрѣ, какъ спросъ на его кредитъ. Успѣхи банка въ дѣлѣ осуществленія этой главнѣйшей изъ его задачъ не выдерживаютъ и другого сравненія, которое само напрашивается при разсмотрѣніи результатовъ его дѣятельности.

Рядомъ съ крестьянскимъ банкомъ дѣйствуетъ дворянскій банкъ, тоже государственное учрежденіе для поземельнаго кредита. Этотъ банкъ основанъ нѣсколько позже, но развиваетъ свои операціи быстрѣе. Къ началу 1896 года онъ выдалъ уже 445 милл. руб. слишкомъ подъ залогъ 13,3 милл. дес. земли, такъ что результаты его операцій въ томъ и другомъ отношеніи *въ шестеро* превосходятъ результатъ тринадцатилѣтней дореформенной дѣятельности крестьянскаго банка. Для послѣдняго отчетный годъ былъ годомъ преобразованія, съ цѣлью расширенія операцій; въ дворянскомъ же банкѣ все шло по-старому, въ принятомъ однажды направленіи. Однако, указанное соотношеніе между операціями этихъ двухъ государственныхъ установленій поземельнаго кредита не измѣнилось и въ отчетномъ году въ пользу крестьянскаго банка. Лишь по первоначальнымъ ссудамъ дворянскій банкъ выдалъ въ 1896 году 47,7 милл. подъ залогъ 1.730 тыс. дес., т. е. въ шесть съ половиною разъ больше, нежели крестьянскій банкъ, по суммѣ ссудъ и въ восемь разъ больше по количеству земли. Но еще, быть можетъ, важнѣе то, что по сравненію съ предшествующими годами одна эта операція дворянскаго банка (рядомъ съ ней шла и другая, не менѣе крупная—по перезалогу, результатъ которой оцѣнивается въ 50 милл. руб. ссудъ) увеличилась, по выданной суммѣ, почти на 19,5%, тогда какъ такой же приростъ для крестьянскаго банка опредѣляется лишь въ 15,1%.

Конечно, не всѣ завершенныя въ 1896 году сдѣлки разрѣшены въ томъ же году. Часть ихъ относится еще къ тому времени, когда дѣйствовалъ старый уставъ. Въ свою очередь многія изъ разрѣшенныхъ въ 1896 году ссудъ были выданы лишь въ 1897 году. Поэтому можно думать, что данныя о разрѣшенныхъ ссудахъ даютъ болѣе точное понятіе о вліяніи реформы на дѣятельность банка. Въ отчетѣ эти свѣдѣнія не сопоставлены со средними за пятилѣтіе. Сравненіе же съ 1895 г., дѣйствительно, указываетъ, что въ отчетномъ году сумма, разрѣшенная въ ссуду, увеличилась на 55,2%. Но количество десятинъ земли, для пріобрѣтенія которой разрѣшены ссуды, возросло лишь на 15,3%, т. е. почти въ той же пропорціи какъ и количество купленной земли (13,9%) по законченнымъ сдѣлкамъ. Близость двухъ послѣднихъ цифръ и большая разница между увеличеніемъ суммы по разрѣшеннымъ (55,2%) и законченнымъ сдѣлкамъ (15,1%) могутъ быть объяснены либо тѣмъ, что въ 1896 году крестьяне покупали болѣе дорогія или правильнѣе оцѣненныя банкомъ земли, либо тѣмъ, что банкъ требовалъ отъ заемщиковъ менѣе значительныя доплаты. Вѣроятно, дѣйствовали вмѣстѣ обѣ причины, но въ пользу преимущественнаго

вліянія перваго фактора говоритъ то обстоятельство, что разрѣшенныя ссуды составляютъ 75,7% покупной цѣны, а выданныя лишь немного меньше 71,3%.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ теченіе перваго года реформа возбудила въ сельскомъ населеніи много больше ожиданій, чѣмъ оправдала. По сравненію съ предыдущимъ годомъ, выданныя крестьянскимъ банкомъ ссуды увеличились, какъ мы видѣли, на 15,1%, разрѣшенныя—на 55,2%, а для испрашиваемыхъ у банка ссудъ прирость опредѣляется въ 327%. Съ другой стороны, и количество земли, подъ которую дѣйствительно была выдана ссуда, поднялось только на 13,9%, по разрѣшеннымъ сдѣлкамъ—прибавка составляетъ 15.3%, тогда какъ крестьяне предполагали пріобрѣсти съ помощью банка земли больше противъ заявленнаго въ 1895 г. количества на 150,7%. Поэтому разстояніе между дѣйствительною помощью крестьянскаго банка и спросомъ на нее въ первый годъ послѣ реформы значительно раздвинулось. Наглядное представленіе о величинѣ такого несоотвѣтствія въ спросѣ и предложеніи услугъ банка можно получить изъ слѣдующаго разсчета. Въ 1895 году на каждые 100 рублей, выданныхъ банкомъ въ ссуду, приходилось 100 рублей, разрѣшенныхъ къ выдачѣ, и 130 рублей, испрашиваемыхъ заемщиками. Въ 1896 году, послѣ реформы, на каждую сотню рублей, выданную банкомъ, причитается 139 рублей разрѣшенной ссуды и 483 рубл. испрашиваемыхъ. Сопоставленіе данныхъ о количествѣ земли по операціямъ крестьянскаго банка до и послѣ преобразованія приводитъ къ такому же результату. Въ 1895 году на каждую сотню десятинъ по совершеннымъ сдѣлкамъ насчитывалось 106 дес. по разрѣшеннымъ ссудамъ и 115 дес. по заявленіямъ о ссудахъ. Въ 1896 году на 100 дес., купленныхъ съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка приходится 108 дес., подъ которыя ссуда разрѣшена, и 254 дес., на пріобрѣтеніе которыхъ испрашивается кредитъ. Отсюда можно заключить, что кліенты банка ждали отъ него больше, чѣмъ получили. Если принять во вниманіе трудности, съ которыми всетаки сопряжено распространеніе свѣдѣній о самомъ банкѣ, не только о перемѣнахъ въ его уставѣ, то не слѣдуетъ ли предположить, что съ теченіемъ времени спросъ на ссуды долженъ былъ еще увеличиться. Но можно ли думать, что за послѣдующіе годы и дѣятельность крестьянскаго банка по выдачѣ ссудъ развивалась въ соотвѣтствующемъ спросу размѣрѣ?

Въ первое время послѣ преобразованія банка операціи его, какъ мы видѣли, не испытали большого приращенія. Быть можетъ, еще важнѣе то, что они велись въ одностороннемъ направленіи и не были достаточно согласованы съ потребностями массы населенія, поскольку тѣ выразились въ заявленіяхъ о ссудахъ. Выше были приведены отзывы отдѣленій банка о неблагопріятномъ вліяніи на его дѣятельность значительныхъ доплатъ изъ средствъ по-

купщика. Мѣстами, гдѣ въ доплату къ ссудѣ требовалась половина или треть покупной цѣны, дѣятельность банка совсѣмъ было прекратилась въ послѣдніе годы. По сдѣлкамъ, совершеннымъ въ 1896 году, средній размѣръ доплатъ опредѣляется въ 28,7%, т. е. близокъ къ тому, при которомъ самое совершеніе сдѣлокъ при посредствѣ банка дѣлается не рѣдко невозможнымъ. Правда, какъ отмѣчено въ отчетѣ, въ среднемъ за 1896 г. всетаки доплаты были значительно ниже, чѣмъ въ четыре предыдущіе года, когда онѣ колебались между 31,3—37,2% покупной цѣны. Но это плохое утѣшеніе, тѣмъ болѣе, что временами и при прежнемъ уставѣ, даже въ годы, когда банкъ не обнаруживалъ большой склонности къ расширенію операцій, доплаты требовались въ томъ же размѣрѣ, какъ и послѣ преобразованія: такъ въ 1891 г. онѣ составляли 29,1% покупной цѣны, въ 1890 г.—26,9%. Въ первый же годъ по учрежденіи крестьянскаго банка заемщикамъ его приходилось приплачивать не болѣе 15—17%, въ 1883 году—даже менѣе 10% въ среднемъ для всѣхъ сдѣлокъ.

Требованіе значительныхъ доплатъ больше всего отражается на покупкахъ общественныхъ. Въ отчетномъ году, какъ уже было отмѣчено, число заявленій о предположенныхъ общественныхъ сдѣлкахъ (354) значительно возросло сравнительно со среднимъ за пятилѣтіе (202). Обращаясь къ законченнымъ сдѣлкамъ, по которымъ выданы ссуды, мы находимъ, напротивъ, сокращеніе покупокъ цѣлыми сельскими обществами: въ 1896 году ихъ было 174, тогда какъ среднее за 1890—95 гг. число общественныхъ сдѣлокъ равняется 207, и только въ 1895 году ихъ было меньше, чѣмъ въ отчетномъ году—116.

Быть можетъ, однако, фактъ сокращенія общественныхъ покупокъ не имѣетъ никакого отношенія къ величинѣ доплатъ изъ собственныхъ средствъ заемщиковъ и объясняется какими либо другими причинами. Такое предположеніе кажется вѣроятнымъ въ виду того, что приплаты по общественнымъ покупкамъ обыкновенно составляютъ меньшую долю покупной цѣны, чѣмъ по сдѣлкамъ другихъ заемщиковъ банка. Въ 1896 году на 100 рублей покупной цѣны сельскія общества приплатили изъ собственныхъ средствъ по 20,8 руб., товарищества—по 29,5 и отдѣльныя лица—по 49,8 руб. Въ прежніе годы наблюдалось то же самое: доплаты обществъ были наименьшія. Но наряду съ этимъ обнаружилось, что и менѣе значительныя доплаты обременительны для обществъ. Процентъ единовременныхъ приплатъ, требующихъ наибольшаго напряженія платежныхъ силъ покупщиковъ, для общественныхъ покупокъ равняется 80,9%, тогда какъ товарищества вносятъ сразу 89,7% своихъ более значительныхъ доплатъ, а отдѣльныя лица даже 93,1%. Очевидно, что доплаты дѣйствительно играютъ немаловажную роль въ судьбѣ общественныхъ покупокъ. Въ этомъ смыслѣ, впрочемъ, совершенно опредѣленно высказались мѣстныя отдѣленія крестьянскаго банка, отвѣчая на запросъ его центральнаго управленія. «Бли-

жайшимъ поводомъ,—говорится въ отчетѣ,—къ выдѣленію изъ обществъ болѣе состоятельныхъ группъ для покупки земли товариществами служитъ необходимость затраты при покупкѣ наличныхъ собственныхъ средствъ (такъ называемой доплаты), которыми не всѣ члены обществъ обладаютъ. Въ Пермской губ., по словамъ мѣстнаго отдѣленія, существующія въ настоящее время цѣны на земли значительно выше ссудъ, которыя могъ выдавать банкъ по нормальнымъ оцѣнкамъ, увеличеннымъ на 50%; поэтому со стороны покупщиковъ требовались весьма часто значительныя доплаты изъ собственныхъ средствъ, что и вызывало необходимость набирать желающихъ изъ числа крестьянъ болѣе зажиточныхъ. Въ Смоленской губ. въ составъ товариществъ входятъ лица, болѣе или менѣе состоятельныя, могущія нести, при установившейся дорогой цѣнѣ на земли, и большую долю затратъ на покупку. Въ Рязанской губ. требованіе доплатъ отъ крестьянъ—покупщиковъ вызываетъ съ ихъ стороны стремленіе образовать изъ своей среды такой составъ заемщиковъ, который былъ бы въ силахъ собрать необходимую для доплаты сумму. Понятно, что общество, состоящее всегда изъ сильныхъ и слабыхъ членовъ, не можетъ явиться такимъ составомъ: сильные не захотятъ платить за слабыхъ и не могущихъ ничего дать, и непремѣнно выдѣлятся отъ нихъ. На доплаты, какъ причину товарищескихъ покупокъ, указываютъ также отдѣленія курское и калужское».

Товарищества, по словамъ мѣстныхъ органовъ крестьянскаго банка, стремятся «къ образованію союзовъ, болѣе однородныхъ и равносильныхъ по состоятельности». Но эта однородность состава долженъ быть понимаема лишь въ смыслѣ установленія извѣстнаго минимума состоятельности, ниже котораго товарищъ по покупкѣ не долженъ опускаться, а если опустится, то, какъ объясняетъ, напр., воронежское отдѣленіе, замѣняется болѣе надежнымъ. Поэтому и самый размѣръ участія членовъ товарищества въ пользованіи купленной землей неодинаковъ: одни получаютъ большія доли, другіе довольствуются меньшими.

Въ отчетѣ за 1896 годъ крестьянскимъ банкомъ сдѣлана интересная попытка выяснить вліяніе двухъ факторовъ на распредѣленіе товарищеской земли—размѣра землевладѣнія покупщиковъ въ моментъ покупки и ихъ имущественной состоятельности, поскольку она выражается въ количествѣ крупнаго рабочаго и молочнаго скота. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этого интереснаго изслѣдованія и приведемъ здѣсь только главные выводы изъ него. Изслѣдованію подверглись товарищества, совершившія свои сдѣлки въ 1896 году въ 23 губерніяхъ. Въ этихъ покупкахъ участвовало 10,695 домохозяевъ съ 35,000 наличныхъ душъ мужского пола. Между ними распредѣлено 79,9 тыс. дес., такъ что въ среднемъ выводѣ на домохозяина приходится по 7,4 дес. и на душу 2,2 дес. Распредѣливъ членовъ товариществъ на 6 группъ

по земельному обезпеченію, составители отчета нашли, что двѣ группы, самыя многочисленныя, по личному составу, и сравнительно малоземельныя, получили земли, въ процентномъ отношеніи къ общему количеству, менѣе сравнительно съ тѣмъ, что имъ причиталось бы при равномѣрномъ надѣленіи. Въ этихъ двухъ группахъ размѣръ земельной доли на душу ниже средняго для всѣхъ товарищей и вообще размѣръ долей оказывается прямо пропорціональнымъ размѣру земельнаго владѣнія покупщиковъ до сдѣлки. Такъ, имѣвшіе до 1 дес. на душу получили, при распредѣленіи товарищеской земли, по 1,3 дес., имѣвшіе до 3 дес.—1,8 дес., въ группѣ съ 5 дес. прибавка составила 2,8 дес. на душу, въ группѣ съ 10 дес.—3,4 дес.; наконецъ, самая многоземельная группа (свыше 10 дес.) выдѣлила себѣ изъ товарищеской земли по 6,7 дес. Высокой оказывается доля и безземельныхъ—4,2 дес. на душу. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что для безземельныхъ имѣетъ смыслъ покупка лишь болѣе значительнаго участка: они основываютъ новое хозяйство, а не прикупаютъ земли для расширенія стараго. Понятно затѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ только очень состоятельная часть безземельнаго сельскаго населенія можетъ вступать въ товарищество для покупки земли. На это отчасти указываютъ данныя о количествѣ скота у безземельныхъ членовъ товарищескихъ покупокъ. Согласно разсматриваемому изслѣдованію, у группъ съ высшими надѣлами процентъ имѣющихъ большое количество скота, болѣе 3 штукъ на душу, выше, чѣмъ у малоземельныхъ. Послѣдніе въ этомъ отношеніи уступаютъ и безземельнымъ товарищамъ. Добавимъ, что изслѣдованіе вопроса о вліяніи количества скота на распредѣленіе земли въ товариществахъ привели къ слѣдующему выводу: размѣры долей прямо пропорціональны количеству скота, какъ у безземельныхъ, такъ и у всѣхъ разрядовъ, имѣющихъ землю.

Такимъ образомъ очевидно, что, поощряя требованіемъ значительныхъ доплатъ товарищескія покупки въ ущербъ общественнымъ, крестьянскій банкъ придаетъ своей дѣятельности одностороннее направленіе и кредитуетъ преимущественно болѣе состоятельную и многоземельную часть сельскаго населенія.

Но вліяніе доплатъ не ограничивается превращеніемъ извѣстной части общественныхъ покупокъ въ товарищескую форму, съ цѣлью исключенія менѣе сильныхъ домохозяевъ. Доплаты вызываютъ неравномѣрное распредѣленіе земли и при общественныхъ покупкахъ, опять-таки къ выгодѣ богатаго меньшинства и къ ущербу менѣе состоятельныхъ крестьянъ. Такъ, въ Гродненской губ., по словамъ мѣстнаго отдѣленія крестьянскаго банка, «сдѣлки отъ имени общества совершаются только при покупкѣ сѣнокосовъ или пастбищъ, нужныхъ каждому домохозяину, или же при очень дешевой покупкѣ, когда выгодность сдѣлки заставляетъ каждаго въ ней участвовать. Земля, по основному приговору, дѣлится обыкновенно на неравные участки пропорціональные доплатѣ каждаго изъ до-

мохозяевъ». ВъМогилевской губ. участники общественныхъ покупокъ «точно опредѣляютъ количество покупаемой каждымъ земли и соотвѣтственно этому размѣры задатковъ, доплаты, ссуды и платежи банку... Въ случаѣ желанія неучаствовавшихъ въ покупкѣ получить землю, общество иногда удовлетворяетъ такія просьбы, требуя отъ вступающихъ денежнаго взноса, и распредѣляетъ послѣдній между участниками, пропорціонально степени участія... Въ Минской губ.— всѣ общественныя покупки имѣютъ характеръ товарищескихъ: купленная обществомъ земля, послѣ совершенія купчей крѣпости, а иногда и ранѣе, распредѣляется на участки, въ опредѣленныхъ доляхъ, причемъ число наличныхъ душъ въ семьяхъ въ разсчетъ не принимается. Всѣ члены общества участвуютъ въ покупкахъ очень рѣдко: дѣйствительными участниками являются только тѣ, которые, заявивъ ранѣе желаніе, принимали участіе въ доплатѣ и расходѣ по покупкѣ». Эти факты относятся къ губерніяхъ, въ которыхъ преобладаетъ подворное землевладѣніе. Гораздо важнѣе, что по отзывамъ мѣстныхъ отдѣленій крестьянскаго банка, то же явленіе наблюдается и въ губерніяхъ съ общиннымъ владѣніемъ землею. Правда, нельзя говорить о повсемѣстномъ распространеніи его. Такъ, въ Смоленской губ.,—«по всѣмъ общественнымъ сдѣлкамъ участвуютъ всѣ домохозяева и, какъ исключеніе, встрѣчаются весьма рѣдкія отступленія, въ тѣхъ только случаяхъ, когда домохозяинъ давно уже занимается батрачествомъ и въ деревнѣ не живетъ, или когда не имѣетъ рабочаго скота... Спокойное владѣніе землей продолжается по разъ заведенному обществомъ порядку и со времени открытія дѣйствій банка ни по одной общественной сдѣлкѣ до отдѣленія не доходило слуха, что между покупщиками возникали споры въ зависимости отъ доплаты». Въ Казанской губерніи также дѣло обстоитъ сравнительно благополучно: тамъ «по всѣмъ покупкамъ, кромѣ одной, земля распредѣляется по наличнымъ душамъ и никакихъ недоразумѣній не встрѣчается». Иную картину рисуютъ другія отдѣленія. «Въ Самарской губ.—неравномѣрное распредѣленіе доплатъ вліяло на распредѣленіе земли, такъ какъ общества старались вознаградить внесшихъ доплату... Въ Таврической губ. изъ 15 общественныхъ сдѣлокъ по двумъ распредѣленіе неравномѣрное, по 13—общее пользованіе по равной части». Въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ переходнымъ типомъ. Въ Самарской губ. во многихъ случаяхъ общества впослѣдствіи допустили къ участію въ пользованіи землею лицъ, не участвовавшихъ сначала въ покупкѣ. Въ Донской области можно наблюдать новый фазисъ въ развитіи того же явленія. По словамъ отдѣленія банка, въ этой области «по 4 обществамъ установились между членами обостренныя взаимныя отношенія, главною и даже, можетъ быть, единственною причиною которыхъ служитъ доплата, создавшая въ каждомъ изъ нихъ по двѣ группы лицъ съ интересами, прямо противоположными участвовавшихъ въ доплатѣ и потому считающихъ только за собою

право пользоваться землею, и неучаствовавшихъ по недостатку средствъ, или другимъ причинамъ, но въ качествѣ членовъ того же общества домогающихся того же права». Наиболѣе обстоятельный отзывъ о вліяніи доплаты на эволюцію общественныхъ покупокъ въ товарищескія дало рязанское отдѣленіе. «Въ распредѣленіи купленной земли,—говоритъ оно,—участвуютъ не всѣ домохозяева, почему всѣ общественныя сдѣлки (въ Рязанской губ.), по существу, представляются товарищескими. Причина уклоненія нѣкоторыхъ домохозяевъ отъ участія въ покупкѣ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что уклоняющіеся или не нуждаются въ данное время въ землѣ, или считаютъ покупку невыгодной, болѣе же общая причина—вліяніе доплатныхъ денегъ. Эти послѣднія рѣдко вносятся изъ общественныхъ суммъ, въ большинствѣ же—изъ собственныхъ средствъ домохозяевъ. Затративъ на покупку земли деньги, крестьяне стремятся удержать ее за собою, почему составляютъ приговоры о распредѣленіи земли между домохозяевами въ извѣстныхъ доляхъ навсегда, во избѣжаніе передѣловъ. Съ другой стороны, въ обществѣ остается убѣжденіе, что земля—общественная, что если нѣкоторые члены общества въ данное время и не участвовали въ покупкѣ, то отсюда не слѣдуетъ, что они лишились права принять въ ней участіе въ будущемъ. Такимъ образомъ для лицъ, затратившихъ на покупку свои деньги, является лишь право на вознагражденіе за сдѣланныя затраты, но отнюдь не право удерживать землю, которою въ будущемъ могутъ воспользоваться всѣ. Отсюда—приговоры о размѣрѣ вознагражденія тѣхъ покупщиковъ, кои затратили на покупку извѣстныя средства. Но,—прибавляетъ отдѣленіе,—стремленіе отобрать часть земли у домохозяевъ, внесшихъ доплатныя деньги и сдѣлавшихъ улучшенія, и передать лицамъ, ранѣе непринимавшимъ участія въ покупкѣ и не сдѣлавшимъ никакихъ затратъ, представляется явленіемъ, вполнѣ исключительнымъ».

Таково вліяніе доплатъ на общественныя покупки. Они переливаются въ другую форму, сохраняя, впрочемъ, иногда названіе общественныхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ фактически помощью крестьянскаго банка пользуются лишь состоятельные элементы деревни, и болѣе богатые—въ большей мѣрѣ. Можно предполагать, что увеличеніе числа сдѣлокъ отъ имени сельскихъ обществъ, испрашивавшихъ ссуду въ 1896 году, непосредственно за преобразованіемъ крестьянскаго банка, послѣдовало подъ впечатлѣніемъ слуховъ о благопріятной перемѣнѣ въ порядкахъ банка. Та часть населенія, которая можетъ участвовать въ общественныхъ сдѣлкахъ только подъ условіемъ, что покупка не требуетъ денегъ на доплаты, очевидно, попыталась заручиться содѣйствіемъ крестьянскаго банка. Но отъ заемщиковъ его и послѣ преобразованія требуются, какъ мы видѣли, хоть и меньшія, но все же значительныя доплаты. Поэтому судьба

многочисленныхъ общественныхъ сдѣлокъ, о которыхъ поступили заявленія въ 1896 году, не можетъ не внушать опасеній.

Разсматриваемый отчетъ повѣствуетъ о дѣятельности крестьянскаго банка въ первый годъ послѣ реформы. Впослѣдствіи противорѣчіе между размѣрами предлагаемыхъ банкомъ услугъ и спросомъ на нихъ, конечно, сгладится, а, быть можетъ, уже и сгладилось. Либо кліенты банка постигнутъ тщету своихъ надеждъ и обратятся къ другимъ способамъ пріобрѣтенія земли; либо банкъ расширитъ свои операціи въ мѣру существующей потребности и согласуетъ свою дѣятельность съ интересами тѣхъ слоевъ сельскаго населенія, которые наиболѣе нуждаются въ помощи крестьянскаго банка.

В. Р.

Новыя книги.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ. Странички жизни. 1-я книга разсказовъ. Спб. 1898. Ц. 1 руб.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ. Счастье. Повѣсть. Спб. 1898.

Положительно приходится изобрѣтать новый терминъ, что нибудь въ родѣ „мужененавистничества, мужчиноненавистничества, мизандріи", такъ какъ иначе трудно охарактеризовать очень распространенную болѣзнь современной женской беллетристики. „Всѣ мужчины двуличны, двуязычны и нетверезы"—это еще Лизочка Голощапова сказала, но сказала отчасти по наивности, отчасти потому, что за ней никто не ухаживалъ. Теперь и ухаживанія рѣшительно ни къ чему. Казалось бы, у насъ въ Россіи, гдѣ такъ называемое эманципаціонное движеніе было вызвано, поддержано и осмыслено прежде всего сильнымъ поломъ, гдѣ Некрасовъ написалъ „Русскихъ женщинъ", Шашковъ „Исторію русской женщины", Михайловъ—извѣстныя „эмансипаторскія" статьи, Тургеневъ—свои романы, гдѣ Кремпинъ издавалъ „Журналъ для молодыхъ дѣвицъ", гдѣ Толстой освободилъ даже паденіе женщины (Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ) отъ суда человѣческаго, гдѣ имѣются въ наличности „Что дѣлать" и статьи Писарева, гдѣ никогда не отталкивали женскихъ претензій на равноправность, гдѣ жестоко осмѣивались увѣренія западно-европейскихъ авторитетовъ, будто бы женщина не способна исполнять общественныя функціи въ виду сравни-

тельно малаго вѣса своего мозга, и т. д. и т. д.—можно было бы относиться совсѣмъ иначе; но—нѣтъ, обидная характеристика: „а все же вы, господа, двуличны, двуязычны и... „нетверезы" остается во всей ея силѣ и неприкосновенности. „Мы лучше, мы *чище* васъ" и этимъ тезисомъ побиваются всѣ—теперь уже мужскія—претензіи на равноправность. Очевидно, такая полоса нашла; не то чтобы очень уже умная, а просто—полоса.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія написанное г-жей Щепкиной-Куперникъ, просто удивляешься ея настойчивости. Она не устаетъ казнить, упрекать, презирать; она твердо знаетъ, что есть въ мірѣ свѣтлыя силы—это женщины, и есть въ немъ сила темная—это мужчина и, разъ укрѣпившись на этой позиціи, она становится просто безпощадной. Женихъ Зои (разсказъ „Одиночество")—чувственникъ, хвастунъ и негодяй; Тобольцевъ („Свѣжія чувства") — нечистоплотенъ, обладаетъ при маломъ дарованіи большими претензіями, грубъ и блудливъ; Анатолій Григорьевичъ — педантиченъ, жестокъ и самодоволенъ; старикъ Бергъ (Дашенька) безобразно скупъ; Мятлевъ („Одна изъ нихъ")—чувственникъ и деспотъ; Ветлищевъ (Лишняя)—пошлъ, самодоволенъ и добивается отъ женщины „только своего"; Торскій („Счастье")—пошлъ, самодоволенъ, недалекъ, фразеръ, чувственникъ, картежникъ и часто бываетъ въ нетрезвомъ состояніи... Правда, г-жа Щепкина-Куперникъ дѣлаетъ нѣкоторыя исключенія, но эти исключенія только, въ сущности, подтверждаютъ ея правило и лишь усиливаютъ наносимую ею обиду. Этихъ исключеній всего три: старикъ профессоръ въ разсказѣ «Одиночество», геніальный старикъ виртуозъ въ повѣсти „Счастье" и юноша, даже мальчикъ, Тимъ—тамъ-же. Но профессоръ, виртуозъ и Тимъ—это прошлое и будущее; для настоящаго же г-жа Щепкина другихъ красокъ, кромѣ голландской сажи, не знаетъ. Почему же, за что? Отвѣтить на эти вопроса нетрудно. Прежде всего—за чувственность, за преобладаніе грязныхъ помысловъ надъ всѣми остальными, и это-то прежде всего отталкиваетъ отъ нихъ женщину и заставляетъ ее презирать ихъ. Правда, они говорятъ высокія фразы, подчеркиваютъ свои идеальныя стремленія, свою будто бы духовную неудовлетворенность, но, въ дѣйствительности, фразы, стремленія, неудовлетворенность—не что иное, какъ распущенные павлиньи хвосты, и распущенные исключительно ради обладанія. Какъ только оно достигнуто—блестящій вѣеръ складывается и передъ женщиной вмѣсто гордаго павлина—„самая что ни на есть глупая птица на свѣтѣ„. Въ этомъ г-жа Щепкина-Куперникъ видитъ прежде всего трагедію въ жизни своихъ героинь и подъ часъ испытанное ими разочарованіе оставляетъ по себѣ

глубокіе, на долго и долго неизгладимые и мучительные слѣды въ душѣ. Возьмемъ хотя бы одинъ примѣръ. Наивная идеалистка, шестнадцатилѣтняя Маруся (повѣсть «Счастье») влюбляется въ своего преподавателя руской словесности—Торскаго, отуманившаго ея юную голову благородными фразами,—сначала открываетъ ему душу свою, свои порывы и замыслы, свое стремленіе служить благу людей, потомъ выходитъ замужъ и вскорѣ съ ужасомъ убѣждается, что «все это совсѣмъ не то». Торскій чуть ли не на другой день послѣ вѣнчанія преображается въ самаго обыкновеннаго чиновника по педагогическимъ дѣламъ, бросаетъ въ уголъ свое боевое оружіе и надѣваетъ халатъ семейнаго благополучія. Маруся недоумѣваетъ, мучится, но долго терпитъ молча, пока супругъ не открываетъ, наконецъ, окончательно своихъ картъ и не затѣваетъ сразу дюжины интригъ. Тогда она бросаетъ его, отдается своему артистическому призванію къ музыкѣ, но, въ сущности, и музыка далеко не вполнѣ удовлетворяетъ ее. Полноту удовлетворенія, значитъ и счастье, она находитъ лишь послѣ того, какъ у нея родился ребенокъ. Этотъ «ребенокъ», однако, не правило; обыкновенно героини г-жи Щепкиной-Куперникъ или дѣвушки или бездѣтныя женщины, отдавшіяся своему призванію. Всѣми силами старается она доказать, что любовь къ мужчинѣ далеко не является главной необходимостью въ жизни женщины, что это совсѣмъ не та ось, на которой вертится и должно вертѣться истинное женское существованіе, что, кромѣ любви, есть еще трудъ, искусство, материнство, на что женщина безъ малѣйшаго вздоха можетъ положить свою жизнь, и что мужчина, благодаря своей чувственности, безпорядочности и деспотическимъ наклонностямъ, для нея скорѣе помѣха, чѣмъ необходимость. И женщина рвется изъ подъ вліянія и власти мужчинъ, мучается, тоскуетъ, работаетъ, но не идетъ къ нимъ. Иногда даже и не мучается и не тоскуетъ, находя для себя все въ свободѣ, трудѣ и самостоятельности. «Тріаду» эту г-жа Щепкина-Куперникъ окружаетъ какимъ-то ореоломъ величія и почти героическаго подвижничества, но, какъ намъ кажется, зачастую хватаетъ черезъ край, забывши, что отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ. Агнеса («Одна изъ многихъ»), убѣдившись, что ея возлюбленный Мятлевъ такой же деспотъ и чувственникъ, какъ и всѣ прочіе, сразу порываетъ съ нимъ. Происходитъ рѣшительная, послѣдняя сцена объясненія. «Я дала вамъ счастье, говоритъ Агнеса, такъ будьте благодарны мнѣ. Я за него ничего не прошу, кромѣ того, чтобы вы *забыли*»... Онъ бросился къ ней, не вѣря въ искренность того, что такъ спокойно произносилъ этотъ металлическій и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный голосъ; онъ схватилъ ея руки..., но въ

это время на стѣнѣ прозвучалъ три раза электрическій звонокъ. Агнеса рѣшительно высвободилась. — Редакторъ требуетъ своего секретаря,—сказала она.—Прощайте, Алексѣй Васильевичъ». Не находите ли вы это слишкомъ уже торжественнымъ?

Агнеса твердо увѣрена, что упорнымъ любимымъ трудомъ она можетъ замѣнить свою личную жизнь и не тоскуетъ, не мучается по любви; Любовь («Счастье), та лишь изрѣдка вздыхаетъ по ней, вся отдавшись ребенку, больницамъ и школамъ въ своемъ имѣніи; Маруся находитъ свое счастье въ ребенкѣ и музыкѣ, Зоя—въ живописи—словомъ, всѣ и каждая въ чемъ нибудь идеальномъ, «сверхъ-личномъ».

Крупнаго, оригинальнаго дарованія мы у г-жи Щепкиной-Куперникъ не замѣтили. Пишетъ она хорошо, но большею частью по шаблону и даже ея точка зрѣнія очень обыденна для нашихъ дней. На ту же тему написаны произведенія гораздо болѣе яркія. Когда Агнеса говоритъ: «Мы съ вами не можемъ любить другъ друга; вамъ нужна прежде всего женщина, я же, повторяю, прежде всего человѣкъ и человѣкъ дѣла»—никто не поклянется, что это оригинально. Впрочемъ, вѣдь и закона необходимости быть оригинальнымъ еще не издано. Достаточно быть искреннимъ, самимъ собой и имѣть что нибудь за душой, что хотѣлось бы высказать. А все это имѣется въ наличности у г-жи Щепкиной-Куперникъ.

Самой слабой ея вещью оказывается повѣсть «Счастье». Большая по объему, она малоцѣнна по художественности, за исключеніемъ первыхъ главъ, описывающихъ гимназическіе годы Маруси и имѣющихъ надъ собой трогательный эпиграфъ: «Дитя мое! Сама того не зная, ты любишь въ немъ лишь первую любовь». Повѣсть растянута и—рискнемъ замѣтить—мѣстами страдаетъ излишней откровенностью. Многія сцены между Патти Новосольцевой и Марусей мы нашли нѣсколько неудобными и съ бо́льшимъ удовольствіемъ прочли бы ихъ во французскомъ оригиналѣ, чѣмъ въ русскомъ подлинникѣ. Лучшія вещи г-жи Щепкиной-Куперникъ читатель найдетъ въ сборникѣ разсказовъ, гдѣ онѣ носятъ общее заглавіе «Ничтожные міра сего». Это милыя миніатюры, полныя чувства и сердечной теплоты. Но за большія вещи г-жѣ Щепкиной-Куперникъ браться или слишкомъ рано или совсѣмъ не надо.

Викторъ Рышковъ. На больничныхъ койкахъ. Три очерка. **Въ паутинѣ.** Землевладѣльческая эпопея. Спб. 1898.

Послѣ знакомства съ писателями въ родѣ г. Рышкова, никакъ нельзя отдѣлаться отъ мысли, что они смотрятъ на

читателя, какъ на жертву, у которой имъ поручено по какимъ то высшимъ и никому невѣдомымъ соображеніямъ измучить, истерзать и даже исполосовать всѣ нервы до единаго, вытянуть всѣ жилы, лишить его сна, аппетита, бодрости и, въ концѣ концовъ, сдать въ домъ умалишенныхъ, страдающимъ mania melancholica hallucinata. Пріемъ это не новый. Онъ заимствованъ, конечно, отъ бывшихъ обитателей подваловъ натуральной школы, но, сколько бы разъ вы ни встрѣчались съ нимъ, вами овладѣваетъ такое же непріятное ощущеніе, какъ при знакомствѣ съ подвигами Тиверія, Нерона, испанскихъ инквизиторовъ и т. д. Конечно—„ужасы жизни" такой же законный матеріалъ художественнаго творчества, какъ и соловьиное пѣніе, но, во первыхъ, ужасъ ужасу рознь, а во вторыхъ—за каждое дѣло надо браться умѣючи. А г. Рышковъ не умѣетъ и вся его задача, очевидно, сводится къ тому, чтобы отхлестать читателя по нервамъ. Какую въ самомъ дѣлѣ могутъ имѣть другую цѣль всѣ его очерки—собранные подъ общимъ заглавіемъ „На больничной койкѣ",—изъ которыхъ въ первомъ главнымъ героемъ является отвратительная и грязная болѣзнь „Sicosis", во второмъ—ужасная гангрена, въ третьемъ—также грязный, также ужасный, также отвратительный „Lupus" („волчанка"). Читателя съ первыхъ же страницъ начинаетъ просто тошнить отъ всѣхъ этихъ подробностей о гнойныхъ наростахъ, о провалахъ носа и, если онъ здоровый человѣкъ, а не психопатъ изъ типа любителей дурного запаха, онъ броситъ книгу послѣ первыхъ же 10-ти страницъ. Быть можетъ, и не споримъ — большой талантъ сдѣлалъ бы что-нибудь даже съ „Sycosis" и „Lupus" но въ томъ-то и горе, что у г. В. Рышкова ни большого, ни малаго таланта не замѣчается, что онъ блистательно подтверждаетъ и второй частью своей книги, занятой „землевладѣльческой эпопеей", написанной совсѣмъ въ другомъ тонѣ. Тутъ потуги на юморъ и остроуміе, на изображеніе широкой картины помѣщичьяго раззоренія и трогательная исторія четы Мечтаевыхъ, взявшихся за хозяйство, ни бельмеса въ немъ не смысля и Богъ знаетъ за чѣмъ. Мечтаевъ, впрочемъ, говоритъ: „не хочу быть чиновникомъ"; супруга же его, изящная Вѣрочка, совсѣмъ ничего не говоритъ и лишь старается по столичному устроиться во вновь пріобрѣтенномъ имѣніи, боится коровъ и зоветъ ихъ говядиной. Результатъ ясенъ—черезъ 7 мѣсяцевъ непутеваго поведенія Мечтаевъ бросаетъ все и вмѣстѣ съ изящной Вѣрочкой мчится на курьерокомъ поѣздѣ въ Петербургъ, случайно расщедрившійся для него мѣстомъ въ три тысячи рублей. Очень поучительно—не правда ли?

Будущее человѣчество (3000-й годъ). Соціальная фантазія профессора **Паоло Мантегацца**. Переводъ съ итальянскаго. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1898.

Представьте себѣ человѣка XV-го, XVI-го столѣтій, который идетъ по лѣсной тропинкѣ, каждую минуту натыкается на пни и кочки, ждетъ нападенія разбойниковъ, претерпѣваетъ вообще всяческіе ужасы отъ звѣрей, природы и людей, потомъ, всяческими проклятіями проклявши судьбу, начинаетъ мечтать, усѣвшись подъ широковѣтвистымъ деревомъ: „пройдутъ—думается ему—вѣка и мой отдаленный потомокъ не будетъ имѣть даже малѣйшаго представленія о томъ, что претерпѣвалъ я, его предокъ, здѣсь. Дорогу расширятъ, уберутъ эти глупѣйшіе пни, по бокамъ пророютъ канавы для стока воды, понаставятъ на должномъ разстояніи другъ отъ друга висѣлицъ, на которыхъ съ нравоучительными цѣлями будутъ раскачиваться разбойники, и по этой тропинкѣ не только проходъ, но и проѣздъ, быть можетъ даже на парѣ лошадей, окажется не только свободнымъ, но и пріятнымъ". Нашему путнику, конечно, и въ голову не можетъ придти мысль, что его отдаленный потомокъ не увидитъ совсѣмъ ни лѣса, ни тропинки и вмѣсто того, чтобы тащиться пѣшкомъ или на лошадяхъ, помчится по рельсовому пути, обставленному не висѣлицами, а телеграфными столбами. Онъ, сообразуясь съ своими желаніями, предугадалъ кое-что, но это кое-что или слишкомъ мизерно по сравненію съ дѣйствительнымъ будущимъ или совсѣмъ не отвѣчаетъ ему. Путникъ, предположимъ, былъ человѣкъ необразованный, но увы—даже очень образованные люди легко впадаютъ въ такую же ошибку. Возьмите, напр., описаніе человѣческой жизни черезъ тысячу лѣтъ, принадлежащее перу проф. Мантегацца. Хотя онъ и не уничтожаетъ желѣзныхъ дорогъ, но проектируетъ въ то же время воздушные корабли, которые можно будетъ нанимать такъ же легко, какъ теперь мы нанимаемъ извозчиковъ; вмѣсто пара, электричества и другихъ силъ, чьими услугами мы пользуемся, будетъ, по его увѣренію, открыто таинственное „пандинамо" (вседвигатель) и оно-то „отодвинетъ на второй планъ Папиновъ котелъ, различныя баттареи и прочіе снаряды и машины древней механики и электротехники"; вмѣсто нашихъ буравовъ будутъ, разумѣется, такіе, которыми можно просверлить землю „до самаго центра", черезъ телескопы 31-го вѣка жизнь обитателей разныхъ планетъ будетъ видна, какъ на ладони; изобрѣтутъ особый инструментъ „психоскопъ", посредствомъ котораго можно свободно читать мысли людей; о воздушныхъ телеграфахъ и телефонахъ нечего и говорить и т. д., и т. д. Пальцемъ по небу можно рисовать, что угодно, и несомнѣнно, что всѣ эти проекты проф. Мантегацца представляютъ пре-

восходный образчикъ такого художества. Если бы только онъ вспомнилъ, что въ XVIII вѣкѣ никто не предвидѣлъ ни пароходовъ, ни телеграфовъ, ни локомотивовъ, ни телефоновъ, ни даже велосипедовъ, онъ, вѣроятно, не написалъ бы своей „утопіи". Онъ поступаетъ по самому шаблонному методу. „У насъ, разсуждаетъ онъ, такъ-то, а въ 31 в. будетъ въ сто разъ лучше; у насъ столько-то силы—тогда ея окажется въ сто разъ больше; у насъ кашу съ масломъ ѣдятъ, а тогда будутъ масло съ кашей ѣсть". Поражаетъ во всемъ этомъ столько же произвольность, сколько и скудость фантазіи. Мы ищемъ секрета воздушныхъ кораблей—у г. Мантегацца они летаютъ; мы говоримъ о единствѣ силъ—туринскій профессоръ предлагаетъ пандинамо; мы сочиняемъ проекты затопленія Сахары—г. Мантегацца затопилъ ее, да кстати прихватилъ и частицу Египта; мы выдумываемъ всевозможные и невозможные „эсперанто"—г. Мантегацца заставляетъ говорить на всемірномъ языкѣ своихъ героевъ и, конечно, этотъ языкъ прекрасенъ, легокъ, благозвученъ; у насъ гипнотизеры—тамъ психоскопъ и т. д. Также легко, какъ съ техническими, расправляется проф. Мантегацца и со всѣми другими затрудненіями нашей жизни. Войны больше нѣтъ, всѣ народности слились въ человѣчество, правительство—одно на весь міръ и пребываетъ на вершинахъ Гималаевъ (оттуда, конечно, виднѣе), несчастные браки невозможны, такъ какъ женихъ и невѣста должны получить для брака особое разрѣшеніе отъ свадебной академіи,—а вѣдь съ психоскопомъ чего не разсмотришь; умственное развитіе имѣетъ прочный фундаментъ въ физическомъ; но деньги, разумѣется, остались. А болѣзни, преступленія? Отвѣчая на этотъ вопросъ, проф. Мантегацца проявляетъ нѣкоторую свою индивидуальность, такъ какъ раньше, очевидно, онъ только повторялъ сто разъ сказанное. Онъ защитникъ правила: „измите злого отъ васъ самихъ". Прирожденныхъ неизлѣчимо-больныхъ дѣтей и преступниковъ онъ уничтожаетъ довольно таки отвратительнымъ способомъ, отправляя ихъ въ какую-то отдушину съ температурой 2000 градусовъ, гдѣ они немедленно же обращаются въ пепелъ. И очевидно это самая дорогая его идея. Кстати и не кстати онъ возвращается къ ней, утѣшая, впрочемъ, читателя, что прирожденная преступность—явленіе исключительное. Поэтому крупныя злодѣйства почти невозможны. Остается мелкое жульничество и изрѣдка—злодѣйства. Но противъ нихъ достаточно кратковременнаго лишенія свободы, нравоучительныхъ бесѣдъ и... бантиковъ. Не вѣрите? „Когда преступника—читаемъ мы на стр. 44-й—выпускаютъ на свободу, ему нашиваютъ на платье цвѣтную ленту, благодаря чему всѣ смотрятъ на него съ презрѣніемъ. Воры носятъ

ленты желтаго цвѣта, убійцы (очевидно, отдушина не совсѣмъ помогаетъ?) и вообще всѣ совершившіе болѣе тяжкія преступленія—краснаго. Рецидивистамъ удваиваютъ срокъ тюремнаго заключенія, а иногда, при отягчающихъ вину обстоятельствахъ, и утраиваютъ. Рецидивисты, выходя изъ дома правосудія, получаютъ двѣ ленты вмѣсто одной"—а значитъ и двойную порцію презрѣнія...

Іоганнъ Шерръ. Комедія всемірной исторіи. Историческій очеркъ событій 1848 г. Переводъ съ нѣмецкаго въ двухъ томахъ. Томъ I-ый. Ц. 3 р. 50 к. Спб. 1898 г.

Книга Шерра была уже однажды переведена на русскій языкъ, но такъ какъ первое ея изданіе давнымъ давно разошлось, то второй переводъ является очень кстати. Несомнѣнно хорошая книга для начинающихъ, замѣчательно живо, а мѣстами и остроумно написанная. Шерръ такъ и сыплетъ анекдотами, но эти анекдоты не сбродъ какой нибудь, а, напротивъ, очень характерныя мелкія подробности, хорошо подобранныя и въ общей своей массѣ составляющія блестящую мозаику. Насчетъ философіи слабо и скудно, но порою приходится пожелать, чтобы и вовсе ея не было. Шерръ, во первыхъ, совсѣмъ не философъ, ни большой, ни маленькій, а во вторыхъ, его гораздо больше занимаетъ пестрая смѣна событій, часто дѣйствительно поражающихъ своей феерической неожиданностью, чѣмъ ихъ внутренній смыслъ. Шерръ занялъ позицію остроумнаго и наблюдательнаго зрителя, который все видитъ, все наблюдаетъ, самъ ни во что, въ сущности, не вмѣшивается и относится ко всему происходящему не безъ юмора. Но, разумѣется, всякій можетъ спросить себя, вполнѣ ли удобна такая позиція по отношенію къ событіямъ 48-го года? Прежде всего подозрительно самое заглавіе. Какая тутъ комедія, когда каждая страница или залита кровью или зачернена преступленіемъ и обманомъ. Намъ извѣстна другая книга тоже современника 48 года, своими собственными глазами видѣвшаго все происходившее тогда въ Римѣ и въ Парижѣ, пережившаго всю глубину подъема духа и всю тяжесть послѣдовавшаго разочарованія—однако, когда онъ сталъ передавать свои впечатлѣнія, его книга вылилась въ формѣ элегіи—одной изъ самыхъ мрачныхъ во всемірной литературѣ. Мы говоримъ объ „Am andern Ufer", гдѣ все сурово и даже безнадежно. Не въ заглавіи, конечно, суть и было бы безсмыслицей упрекать за него, но не трудно видѣть, что, назвавши свой трудъ комедіей, Шерръ слишкомъ уже проникся аристофановскимъ духомъ.

Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898.

Сочиненіе Гобсона, появляющееся въ переводѣ на русскомъ языкѣ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія всѣхъ интересующихся судьбами капитализма. Отличительныя черты его книги заключаются въ безпристрастномъ и строго критическомъ отношеніи къ предмету. Онъ не сгущаетъ красокъ при описаніи темныхъ сторонъ капиталистическаго строя, не отрицаетъ и не замалчиваетъ фактовъ и выясняетъ историческую миссію, выполняемую капитализмомъ въ промышленныхъ странахъ Запада; но въ то же время Гобсонъ и не выступаетъ панегиристомъ существующаго, воздерживаясь отъ схематизаціи исторіи и упрощенія эволюціи до сухихъ формулъ, представляющихъ, по выраженію Маркса, „passe par tout историко-философской теоріи, высшее достоинство которой состоитъ въ томъ, чтобы быть надъ-исторической (supra-historique)".

Гобсонъ не только сообщаетъ въ своемъ сочиненіи массу интересныхъ фактовъ, но пользуется также дедуктивнымъ разсужденіемъ для выясненія вопросовъ, которые не могутъ быть рѣшены индуктивнымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія глава о монополіяхъ капитала. При помощи теоретическаго изслѣдованія Гобсонъ выясняетъ вліяніе такихъ монополій (синдикатовъ, трестовъ, картелей и пр.) на цѣны товаровъ и показываетъ, насколько ненаучно и неправильно рѣшать этотъ вопросъ, исключительно ограничиваясь сравненіемъ цѣнъ до и послѣ возникновенія монополіи. Гобсонъ теоретически устанавливаетъ факторы, вліяющіе на монопольныя цѣны, и опредѣляетъ условія, при которыхъ синдикату выгоднѣе понижать ихъ, преслѣдуя въ то же время свою основную цѣль — полученіе высокихъ барышей, чѣмъ при свободѣ соперничества. Такое научное изслѣдованіе вопроса особенно полезно для лицъ, которыхъ могла увлечь извѣстная книга проф. Янжула о синдикатахъ. Читатель увидитъ, что вопросъ о вліяніи „трестовъ" на цѣны рѣшается далеко не такъ просто и въ такомъ благопріятномъ смыслѣ, какъ полагалъ московскій ученый.

Отмѣтимъ также главу объ экономіи высокой заработной платы. Авторъ подвергаетъ критикѣ ученіе экономистовъ, старающихся доказать, будто предприниматели заинтересованы въ томъ, чтобы хорошо оплачивать трудъ рабочаго, потому что высокая заработная плата повышаетъ и качество, и производительность труда. Гобсонъ справедливо указываетъ на то, что это положеніе можетъ быть принято лишь при извѣстныхъ условіяхъ и до извѣстнаго предѣла. „Если бы было въ общемъ вѣрно, замѣчаетъ онъ, что при увеличеніи заработной платы и при сокращеніи рабочаго дня ежедневный

продуктъ, приготовляемый каждымъ рабочимъ, увеличится или даже удержится на той же высотѣ, то общественная задача, поскольку она касается облегченія бѣдности и нищеты среди низшихъ слоевъ рабочихъ, допустила бы легкое рѣшеніе... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выгоденъ болѣе высоко оплачиваемый трудъ и короткій рабочій день, въ другихъ случаяхъ болѣе дешевый трудъ и болѣе долгій рабочій день. Совершенно невозможно, ссылаясь на сосуществованіе высокой заработной платы и хорошей работы, низкой заработной платы и плохой работы во многихъ высокоразвитыхъ индустріяхъ, апеллировать къ просвѣщеннымъ эгоистическимъ интересамъ предпринимателей въ пользу общаго подъема заработной платы и общаго сокращенія рабочаго дня". При обсужденіи этого вопроса Гобсонъ основательно обращаетъ вниманіе на напряженность труда, замѣчая, что иногда „выгода, получаемая отъ прибавленія двухъ часовъ досуга, можетъ быть уничтожена уменьшеніемъ значенія каждаго часа досуга. Другими словами, чрезмѣрность интенсивности труда можетъ имѣть худшія послѣдствія, чѣмъ чрезмѣрность въ длинѣ труда". Поэтому, „гдѣ только замѣчается, что каждый подъемъ уровня жизненныхъ потребностей и каждое сокращеніе рабочаго дня сопровождается болѣе сильнымъ напряженіемъ мускуловъ и нервовъ или же умственной энергіи въ продолженіе болѣе короткаго рабочаго дня, мы не вправѣ считать болѣе высокую заработную плату и болѣе короткій рабочій день чистымъ выигрышемъ для рабочаго".

Мы остановились на двухъ вопросахъ, разсматриваемыхъ Гобсономъ, чтобы охарактеризовать общее направленіе его книги и пріемы, которыми онъ пользуется при изслѣдованіи. Сочиненіе его затрогиваетъ и освѣщаетъ рядъ другихъ вопросовъ, касающихся современнаго капитализма,—вліянія машинъ на разныя стороны народнаго хозяйства, значенія частныхъ сбереженій, какъ стимула для производства, причинъ промышленнаго застоя, положенія женщины въ современной индустріи, развитія и роли городовъ, какъ промышленныхъ центровъ и пр.

Разсмотрѣніе перечисленныхъ и другихъ неупомянутыхъ здѣсь предметовъ составляетъ главное содержаніе и главный интересъ сочиненія Гобсона. Что же касается собственно эволюціи современнаго капитализма, то выясненіе ея занимаетъ въ книгѣ второстепенное мѣсто и не отличается ни глубиной, ни достаточной ясностью. Основные вопросы, относящіеся къ этой важной области изслѣдованія современныхъ формъ народно-хозяйственной жизни, или вовсе обходятся Гобсономъ, или только намѣчаются имъ. Читатель выноситъ довольно смутное представленіе объ идеяхъ автора по этому

предмету,—которому посвящена послѣдняя глава „о цивилизаціи и промышленномъ развитіи". Нѣкоторыя разсужденія Гобсона и здѣсь отличаются оригинальностью мысли, но далеко не всѣ убѣдительны. Въ заключеніе отмѣтимъ предисловіе, написанное авторомъ къ русскому изданію. Въ немъ Гобсонъ высказывается, правда очень осторожно, по вопросу о развитіи капитализма въ Россіи. По его мнѣнію, „по мѣрѣ того, какъ ростетъ международное общеніе, промышленность въ различныхъ странахъ будетъ, вѣроятно, стремиться принять одинаковыя формы, и уже во всякомъ случаѣ этого можно ожидать въ широкой области машинной промышленности". Но, выдвигая это общее положеніе, онъ рѣшительно высказывается „противъ извѣстной фаталистической интерпретаціи, которую часто придаютъ эволюціи... Уроки, преподанные капитализмомъ въ Англіи и другихъ странахъ, бывшихъ піонерами въ развитіи крупной промышленности, могутъ помочь Россіи сократить много ступеней этого развитія, или даже совершенно опустить ихъ, или пройти ихъ иначе". Гобсонъ полагаетъ, что ясное пониманіе опыта другихъ народовъ можетъ помочь Россіи избѣжать или въ крайнемъ случаѣ ослабить „то тираническое господство, которое машина распространила на жизнь рабочей массы, принудивъ рабочаго тратить свою энергію на узкіе рутинные процессы и разстаться съ болѣе устойчивыми и здоровыми условіями деревенской жизни и заставивъ населеніе скопляться въ большихъ городахъ, какъ мѣстахъ экономической дѣятельности, а не какъ мѣстахъ, наиболѣе пригодныхъ для постоянной жизни человѣка".

А. К. Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. Спб. 1898.

Такое крупное и оригинальное явленіе умственной жизни русскаго народа, какое представляетъ изъ себя расколъ, издавна привлекало вниманіе какъ спеціалистовъ по исторіи церкви, такъ и общихъ историковъ русской культуры. Въ частности и о протопопѣ Аввакумѣ, этомъ первоапостолѣ и главномъ борцѣ раскола за первыя двадцать пять лѣтъ его существованія, немало написано въ нашей литературѣ, хотя все же въ ней до сихъ поръ не имѣется полнаго и исчерпывающаго изслѣдованія о жизни и сочиненіяхъ этого замѣчательнаго дѣятеля. Книга г. Бороздина, несомнѣнно, будетъ способствовать заполненію этого пробѣла, и однако мы не рѣшились бы утверждать, что послѣдняго съ ея появленіемъ уже не существуетъ. Авторъ ея не мало, повидимому, поработалъ надъ своей темой и даетъ читателю не только посвя-

щенное ей изслѣдованіе, но и новые матеріалы, относящіеся въ ней. Еще въ 1889 и 1890 гг. онъ напечаталъ въ журналѣ „Христіанское Чтеніе“ нѣсколько вновь открытыхъ сочиненій Аввакума, не вошедшихъ въ извѣстное изданіе проф. Субботина: „Матеріалы для исторіи раскола“, и въ приложеніяхъ къ настоящей своей книгѣ перепечаталъ ихъ съ нѣкоторыми добавленіями. Изъ нихъ особенно интересенъ Казанскій списокъ „Житія протопопа Аввакума“, ранѣе лишь подробно описанный г. Бороздинымъ, теперь же изданный имъ вполнѣ. Представляя изъ себя новую редакцію знаменитой автобіографіи Аввакума, значительно отличающуюся отъ той, какая послужила для предыдущихъ изданій „Житія“, этотъ списокъ является важнымъ пріобрѣтеніемъ и сравнительно съ нимъ другіе документы и сочиненія Аввакума и иныхъ раскольниковъ, напечатанные въ приложеніяхъ къ книгѣ, имѣютъ менѣе цѣны, хотя сами по себѣ они далеко не лишены значенія. Указывая это значеніе, приходится однако отмѣтить и то обстоятельство, что самъ издатель этихъ матеріаловъ относился къ нимъ порой не съ такой внимательностью, какой они заслуживаютъ. Такъ, въ число произведеній Аввакума онъ вноситъ, между прочимъ, и „Отвѣтъ А. Плещееву“ (Приложенія, № 2), хотя въ слогѣ этого произведенія нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ простымъ и образнымъ языкомъ Аввакума, а въ рукописныхъ сборникахъ оно всегда помѣщается въ числѣ сочиненій Спиридона Потемкина. Г. Бороздинъ, руководясь тѣмъ, что въ заглавіи упоминается имя Аввакума, отвергаетъ оба указанные критерія, какъ ненадежные (с. 129—30; въ дѣйствительности, впрочемъ, въ другихъ случаяхъ онъ самъ пользуется ими, см. напр. с. 161—2), и не замѣчаетъ того, что въ первыхъ же строкахъ изданнаго имъ „Отвѣта“ авторъ его называетъ себя Спиридономъ („списатель же сему авва Спиридонъ“, Приложенія, с. 4). Въ другомъ случаѣ, печатая сочиненіе, которое, по его словамъ, является позднѣйшей подделкой, составленной изъ посланій дьякона Ѳедора и отрывка Аввакумовскаго посланія, г. Бороздинъ не сличаетъ его съ сочиненіями Ѳедора, хотя послѣднія и напечатаны, а изъ произведеній Аввакума указываетъ мѣсто, не служащее полной параллелью къ произведенію, о которомъ идетъ рѣчь (с. 342, примѣч. 6; приложенія, № 15, с. 47—8 и № 11, с. 32). Подобныхъ примѣровъ нѣкоторой издательской небрежности можно было бы привести и еще нѣсколько. Приходится также пожалѣть, что г. Бороздинъ не проявилъ болѣе вниманія къ тексту напечатанныхъ имъ матеріаловъ, въ которомъ теперь не всегда легко отличить опечатку или ошибку издателя отъ особенности рукописи.

Что касается самаго изслѣдованія г. Бороздина, то въ

немъ авторъ поставилъ себѣ задачей дать „литературную біографію“ Аввакума. „Въ такой біографіи — говоритъ онъ, поясняя этотъ не совсѣмъ ясный терминъ,—мнѣ представлялось прежде всего необходимымъ указать связи, соединяющія Аввакума съ общимъ движеніемъ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, вслѣдствіе чего мнѣ нужно было остановиться на всякаго рода столкновеніяхъ, возникавшихъ въ русской жизни, благодаря усиленію западныхъ новшествъ; затѣмъ, при разсмотрѣніи литературныхъ произведеній Аввакума, я старался, насколько это возможно, пріурочить ихъ къ обстоятельствамъ его жизни, которыми многое въ нихъ объясняется, и отмѣтить тѣ ихъ стороны, которыя представляются наиболѣе оригинальными и которыми, вѣроятно, обусловливается сила Аввакума, какъ расколоучителя; при этомъ я обращалъ вниманіе и на источники, которыми онъ могъ пользоваться для своихъ писаній, потому что эти источники опредѣляютъ намъ характеръ и степень его образованія“ (I—II). Итакъ, книга г. Бороздина разбивается собственно на двѣ, неравныя, прибавимъ, по объему, части: меньшую—біографію Аввакума и большую—разборъ его сочиненій. Въ своемъ разсказѣ біографіи юрьевецкаго протопопа авторъ успѣлъ исправить нѣкоторыя ошибки прежнихъ изслѣдователей и сообщить нѣсколько—не много, впрочемъ,— новыхъ свѣдѣній, но въ общемъ этотъ разсказъ оставляетъ желать весьма многаго. Уже изъ приведеннаго опредѣленія самимъ авторомъ его задачи можно замѣтить, въ какомъ неясномъ видѣ представлялась ему связь, существовавшая между Аввакумомъ и современнымъ ему обществомъ. Эта неясность общаго представленія отразилась и на всемъ характерѣ изложенія г. Бороздина, создавъ въ его разсказѣ, съ одной стороны, серьезные пробѣлы, съ другой — крайнюю пестроту и расплывчатость. Авторъ не счелъ нужнымъ дать въ своей книгѣ какую-либо характеристику русской цер ви и религіознаго настроенія русскаго общества XVI—XVII вв., благодаря чему вся дѣятельность расколоучителей оказалась у него оторванной отъ своей естественной почвы. Не далъ онъ и сколько нибудь обстоятельнаго описанія тѣхъ условій, которыя съ половины XVII столѣтія заставляли московское правительство, а за нимъ и общество, поворачиваться къ западу и служили однимъ изъ поводовъ для происхожденія раскола. За то онъ дѣйствительно подробно говоритъ о «всякаго рода столкновеніяхъ“ между иноземцами и москвичами, начиная со столкновеній на религіозной и культурной почвѣ, продолжая чисто экономической борьбой московскихъ гостей съ иноземными купцами и кончая простыми драками иноземцевъ съ русскими людьми. Въ результатѣ получается мало

говорящая объ „исторіи умственной жизни общества“, безпорядочно набросанная картина, въ деталяхъ своихъ часто къ тому же и невѣрная. Небрежность автора доходитъ порою до такой степени, что онъ даетъ, напримѣръ, совершенно фантастическое описаніе диспута, происходившаго при Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ Москвѣ между протестантами и православнымъ духовенствомъ, или изображаетъ драку изъ-за корчемнаго вина между русскими солдатами, обучавшимися иноземному строю, и стрѣльцами, какъ „цѣлое сраженіе стрѣльцовъ съ нѣмцами“, возникшее благодаря „страшному самовольству“ послѣднихъ (45—6, 39). Подобную же небрежность, хотя и въ нѣсколько болѣе скромныхъ размѣрахъ, проявляетъ авторъ и при разсказѣ о жизни Аввакума и его ближайшихъ друзей, впадая въ силу этого по временамъ въ ошибки, едва-ли меньшія тѣхъ, какія ему удалось исправить у своихъ предшественниковъ. Отношеніе г. Бороздина къ предшествовавшей ему литературѣ въ свою очередь не отличается большою внимательностью. Мало отмѣчая свою зависимость отъ этой литературы даже тамъ, гдѣ такая зависимость несомнѣнно существуетъ, онъ въ другихъ случаяхъ недостаточно считается съ поставленными уже въ произведеніяхъ другихъ авторовъ вопросами. Наконецъ, необходимо отмѣтить и то обстоятельство, что самое изложеніе фактической стороны біографіи Аввакума въ книгѣ г. Бороздина крайне сухо и блѣдно, причемъ авторъ не съумѣлъ устранить эти недостатки даже съ помощью вновь открытыхъ имъ источниковъ, дающихъ достаточное количество свѣжаго матеріала. Въ его вяломъ и безцвѣтномъ разсказѣ совершенно стушевывается энергичная, эпическая въ своей наивной простотѣ фигура протопопа-мученика, веревкой и палкой смирявшаго своихъ учениковъ и горько плакавшаго съ ними объ ихъ бѣдахъ, „лихаго драться“ и безропотно сносившаго жесточайшія истязанія за свои убѣжденія.

Разбирая сочиненія Аввакума, г. Бороздинъ пытается опредѣлить время и обстоятельства написанія каждаго изъ нихъ, равно какъ служившіе Аввакуму источники, передаетъ содержаніе этихъ произведеній и, наконецъ, излагаетъ заключающееся въ нихъ ученіе Аввакума, какъ вождя раскола. Къ сожалѣнію, въ данной части своей книги авторъ употребилъ неудачный пріемъ, сливъ вмѣстѣ обѣ эти, совершенно различныя по существу, стороны изслѣдованія и пріурочивъ передачу ученія Аввакума къ отдѣльнымъ его произведеніямъ. Такой пріемъ лишилъ эту передачу необходимой цѣльности и вызвалъ многочисленныя повторенія со стороны автора. Такъ, къ вопросу о взглядѣ Аввакума на самосожженіе онъ возвращается пять разъ на протяженіи 90 страницъ, объ

отношеніи Аввакума къ церковной іерархіи говоритъ шесть разъ на 150 страницахъ, и эта разбросанность изложенія неизбѣжно вліяетъ и на характеръ его, сообщая ему значительную неопредѣленность. На страницахъ, посвященныхъ разбору сочиненій Аввакума съ формальной стороны, имѣются нѣкоторыя полезныя указанія, главнымъ образомъ по вопросу объ ихъ источникахъ, но и здѣсь приходится указывать на тотъ же недостатокъ точности, который мы отмѣчали уже въ другихъ частяхъ работы автора. Датировка сочиненій Аввакума въ большей части случаевъ основана у него на крайне произвольныхъ и небрежныхъ разсчетахъ и сопоставленіяхъ. Ограничимся указаніемъ двухъ болѣе рѣзкихъ случаевъ изъ цѣлаго ряда подобныхъ. Въ сочиненіи „Списаніе и сказаніе о божествѣ и о твари", по словамъ автора, „обстоятельство, опредѣляющее дату, есть собственное указаніе Аввакума: „отъ Христа до сѣхъ мѣстъ 1680 лѣтъ", а такъ какъ по раскольническому счету отъ сотворенія міра до Рождества Христова прошло 5500 лѣтъ, то дата Аввакума соотвѣтствуетъ нашему 1672 году" (218). Начать съ того, что раскольники, какъ и православные, считали отъ сотворенія міра до Р. Х. 5508, а не 5500 лѣтъ, и самъ авторъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги пользуется этимъ, измышленнымъ имъ для раскольниковъ, счетомъ, а въ другихъ употребляетъ общеизвѣстный (105, стр. 327 и Прилож. 88). Но если даже признать этотъ вымышленный счетъ дѣйствительно существовавшимъ, то все же въ данномъ случаѣ Аввакумъ считаетъ годы отъ Р. Х. и переводить этотъ вѣрный счетъ на завѣдомо невѣрный отъ сотворенія міра значитъ совершать простую ариѳметическую ошибку. Въ другомъ случаѣ, опредѣляя время написанія Казанскаго списка „Житія", г. Бороздинъ сопоставляетъ, какъ совершенно равнозначущія, два мѣста этого произведенія, изъ которыхъ въ одномъ Аввакумъ считаетъ себѣ 55 лѣтъ, а въ другомъ 51 годъ (323, ср. Прилож. 86 и 91); заключающееся здѣсь противорѣчіе, повидимому, ускользнуло отъ вниманія автора. Иногда же послѣдній основываетъ свою датировку разбираемыхъ произведеній исключительно на однихъ, ничѣмъ недоказанныхъ предположеніяхъ. Тѣмъ же характеромъ небрежности отличаются въ значительной мѣрѣ и остальные его комментаріи къ сочиненіямъ Аввакума. Возвращаясь еще къ изложенію самаго ученія Аввакума г. Бороздинымъ, слѣдуетъ сказать, что это изложеніе рѣдко переходитъ у него за границы простой передачи отдѣльныхъ мѣстъ изъ сочиненій Аввакума, не всегда къ тому же точной, и страдаетъ нѣкоторыми важными пробѣлами. Авторъ отодвигаетъ ученіе Аввакума въ сторону безпоповщины гораздо далѣе, чѣмъ позволяютъ это сдѣлать

его сочиненія, а съ другой стороны почти ничего не говоритъ объ отношеніи протопопа къ роли свѣтской власти въ церковныхъ дѣлахъ. Не намѣтивъ связи, соединявшей Аввакума съ предыдущей исторіей русской церкви, авторъ не обрисовалъ достаточно ярко и центральнаго пункта его протеста противъ Никоновскихъ исправленій. Этотъ недостатокъ книги стоитъ въ связи съ общимъ взглядомъ автора на расколъ. И теорія Щапова, согласно которой главная суть раскола заключалась въ соціальномъ протестѣ, и новѣйшая теорія, по которой расколъ является непосредственнымъ порожденіемъ того своеобразнаго націоналистическаго пониманія религіи, какое сложилось въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVI вв., представляются ему равно неудовлетворительными, хотя онъ не тратитъ времени на ихъ опроверженіе, а отдѣлывается отъ нихъ лишь нѣсколькими, бѣгло высказанными и мало убѣдительными, соображеніями (131, 159—60). Самъ онъ какъ бы возвращается къ старому объясненію раскола, какъ простого результата невѣжества духовенства и нелюбви народа къ иноземцамъ, на долю которыхъ выпало исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ, но и этотъ взглядъ не находитъ себѣ въ его книгѣ обстоятельной аргументаціи и не проводится имъ вполнѣ послѣдовательно при разборѣ Аввакумовскихъ сочиненій. Въ виду всѣхъ этихъ особенностей книги г. Бороздина приходится повторить, что хотя она и принесетъ, благодаря большому труду, положенному въ нее авторомъ, свою долю пользы въ дѣлѣ изслѣдованія вопроса о первыхъ расколоучителяхъ, но все-жъ читатель не найдетъ въ ней полной характеристики протопопа Аввакума, какъ борца и проповѣдника раскола. Такой характеристики приходится еще ожидать отъ будущихъ изслѣдователей.

Ив. Ивановъ. Исторія русской критики. Части первая и вторая. Изданіе журнала „Міръ Божій“. Спб. 1898 г.

На характерную особенность русской критики, объясняющую ея важное значеніе въ ходѣ нашей культурной жизни, указывали не разъ: она была не столько критикой, сколько публицистикой. Поэтому у насъ болѣе часты попытки представить обзоръ исторіи критики, чѣмъ гдѣ бы то ни было на Западѣ. Нѣмецкая литература, напримѣръ, до сихъ поръ не имѣетъ цѣльной исторіи критики, хотя можетъ указать нѣсколько работъ изъ области ея отдѣльныхъ моментовъ—Возрожденія (Боринскаго), вѣка просвѣщенія (Брайтмайера); характерно, что въ этихъ трудахъ центръ тяжести лежитъ не столько въ самой критикѣ, въ ея пріемахъ и выводахъ,

сколько въ тѣхъ теоретическихъ данныхъ, изъ которыхъ исходили ея представители. Во французской литературѣ полное обозрѣніе судебъ французской критики вызвано потребностью въ соотвѣтственной статьѣ для «Grande Encyclopédie»; обширная для словаря работа Брюнетьера, напечатанная здѣсь, также не выходитъ изъ круга чисто литературныхъ вопросовъ въ очень узкомъ смыслѣ. У насъ, наоборотъ, всякая новая исторія критики есть въ то же время исторія нашей умственной жизни—въ видѣ исторіи одного изъ самыхъ чуткихъ ея выразителей; работы объ отдѣльныхъ русскихъ критикахъ иного, спеціальнаго, болѣе ученаго, болѣе западнаго и, можно сказать, менѣе публицистическаго характера рѣдки и принадлежатъ нашимъ оффиціальнымъ словесникамъ; таковы книги Чистякова о Мерзляковѣ и его предшественникахъ, Булича о Сумароковѣ и др.

Г. Ивановъ принимаетъ указанный взглядъ на содержаніе русской критики и ея роль, но онъ не соглашается съ общепринятымъ толкованіемъ причинъ, по которымъ критика взяла на себя эту особенную роль. По его мнѣнію, дѣло вовсе не въ томъ, что литературная критика, по разнымъ условіямъ, явилась для русскихъ писателей единственнымъ доступнымъ орудіемъ общественной мысли. „Это справедливо только отчасти и касается только внѣшней исторіи вопроса. Публицистическая сущность нашей критики создана историческимъ развитіемъ художественнаго творчества. Оно—первый и самый могущественный источникъ постепеннаго наплыва публицистики въ эстетику и, наконецъ, полнаго исчезновенія эстетики“ (стр. 115). Авторъ указываетъ, какъ глубокій реализмъ русской художественной литературы долженъ былъ привести критику къ *разбору* жизненныхъ явленій, изображенныхъ художникомъ, и *оцѣнкѣ* ея воззрѣній на эти явленія. Своего эстетическаго канона не было, и наши художники—въ противоположность, напр., французскимъ—являлись не съ новыми піитическими формулами, а съ новыми образами, проникнутыми исконной общенародной правдой; критика не видѣла мѣста эстетическому анализу и ставила себѣ иныя, болѣе жизненныя задачи.

Не все въ этихъ воззрѣніяхъ представляется намъ безспорнымъ. Того факта, что у насъ, за невозможностью примѣнить свои силы инымъ образомъ, уходили въ критику люди съ безспорнымъ публицистическимъ дарованіемъ,—не устранить голословнымъ указаніемъ на то, что это „внѣшняя сторона вопроса“. Не забудемъ, что публицистика—быть можетъ, въ самой сложной, самой возвышенной своей формѣ—была жизненнымъ нервомъ не только русской критики, но и русскаго романа. „Учителями жизни“ были прежде всего и

русскіе критики и русскіе поэты; не проще ли предположить въ основѣ этого какую либо общую черту въ этихъ писателяхъ, разнообразныхъ по всему, иногда враждебныхъ другъ другу, но съ неизмѣнной искренностью „взыскующихъ града“?

Взгляды автора на періоды развитія нашей критики были уже изложены имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ соотвѣтственной статьѣ энциклопедическаго словаря. Но даже и въ первомъ „стилистическо-схоластическомъ періодѣ“ онъ не усматриваетъ исключительнаго господства чисто литературныхъ и эстетическихъ темъ; борьба за свою національную индивидуальность, за духовную самобытность проникаетъ даже стилистическія разсужденія первыхъ русскихъ критиковъ. Тонъ ихъ „литеральныхъ войнъ“ доходилъ до сообщенія о пріятелѣ, который „покритиковалъ другаго доброю великороссійскою пощечиною“; пріемы критическаго анализа переходили, при оживленіи полемики, въ „юридическія бумаги“; прочитавъ въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* духовную оду Сумарокова, а въ ней разсужденія о множествѣ міровъ, Тредьяковскій сообщаетъ Синоду: „понеже *Ежемѣсячныя книжки* обращаются многихъ читателей руками, изъ которыхъ иные могутъ и въ соблазнъ придти; того ради по ревности и вѣрѣ моей истинному слову Божію, о такой помянутыя оды лжи на Псаломника покорнѣйше донося, извѣщаю“. Въ концѣ концовъ, даже ихъ борьба за русскіе элементы была не выдержана: русскія стихіи исчерпывались для нихъ словаремъ и ложно-классическая теорія омертвѣлаго сочинительства по чужеземнымъ образцамъ всетаки была ихъ эстетическимъ евангеліемъ. По этому указанія Лукина на то, что дѣйствующія лица въ популярныхъ пьесахъ говорятъ „рѣчи, не наши поведенія знаменующія“, вызывали лишь дружный отпоръ. И это споръ не чисто литературнаго характера, а стилистическія разсужденія на общественной подкладкѣ. И это взаимоотношеніе двухъ элементовъ русской критики пройдетъ красной нитью по ея исторіи—сверху литературные вопросы, въ глубинѣ—борьба общественныхъ теченій. Этимъ характеромъ запечатлѣнъ и чисто стилистическій съ виду споръ карамзинистовъ и шишковистовъ; за изступленнымъ пуризмомъ безсмертнаго изобрѣтателя гобзованія и прозябенія, мокроступовъ и шарокаталища не трудно увидать боязнь за „основы“— и только этой боязнью объясняется азартъ, съ которымъ защищалась замѣна аллеи просадомъ, оратора краснословомъ и героизма добледушіемъ. И непосредственно за этой полемикой слѣдующія нападенія на сантиментализмъ также черпаютъ доводы не въ литературной, а въ общественной сторонѣ вопроса; даже Жуковскій видитъ худшую сторону „сей при-

торной чувствительности" въ томъ, что она влечетъ за собой „неспособность къ отправленію должности въ общежитіи".

Карамзинымъ заканчивается первая часть книги; вторая посвящена слѣдующему періоду исторіи русской критики,— по терминологіи автора—національно-философскому. Главные его представители—русскіе шеллингіанцы: Велланскій, Галичъ, Павловъ, Надеждинъ, Веневитиновъ; отдѣльно стоятъ запоздалый классикъ Мерзляковъ и наши поэты-критики— Рылѣевъ и Бестужевъ-Марлинскій, будущіе декабристы. Критическая дѣятельность Марлинскаго, имѣющая мало общаго съ его трескучей беллетристикой и по достоинству оцѣненная еще Бѣлинскимъ, заслуживала бы особаго изслѣдованія; еще болѣе это можно сказать о Полевомъ, которымъ заканчивается вторая часть лежащей предъ нами книги.

Кстати сказать, это послѣднее обстоятельство наводитъ вообще на печальныя мысли о положеніи, въ которомъ находится всякій русскій изслѣдователь, взявшій на себя задачу представить цѣльную картину какого либо историческаго движенія, развитія какой либо области общественной или духовной жизни и т. п. Тамъ, гдѣ европейскій ученый находитъ множество частныхъ изслѣдованій, біографическихъ монографій и т. д., предъ русскимъ разстилается необозримая масса сырыхъ матеріаловъ. Нужно знать состояніе нашихъ предварительныхъ изслѣдованій, того, что во Франціи называется travail d'érudition, чтобы понять, какъ трудно писать исторію русской критики: у насъ нѣтъ не только изслѣдованія о критической дѣятельности, напр., Лукина или Марлинскаго—нѣтъ такого изслѣдованія даже о Карамзинѣ, Давыдовѣ, Надеждинѣ.

Новая исторія русской критики прочтется съ пользой многими. Извѣстная слабость ея автора—склонность къ обширнымъ отступленіямъ, быть можетъ, и необходимымъ съ его точки зрѣнія, но уводящимъ читателя слишкомъ далеко отъ основной темы,—выражена въ его новой книгѣ очень сильно; но въ этихъ отступленіяхъ много интереснаго и поучительнаго. Обыкновенно это—справки о параллельныхъ духовныхъ движеніяхъ на Западѣ, бросающія подчасъ новый свѣтъ на наши былыя литературныя отношенія.

Насъ удивило въ книгѣ г. Иванова систематическое игнорированіе старой русской поэтики. Представить исторію критики, избѣгнувъ при этомъ всякихъ упоминаній о теоретическихъ воззрѣніяхъ на поэзію, которыми проникались литературные дѣятели еще въ школѣ—едва-ли значитъ дать исчерпывающее представленіе о предметѣ. Новый историкъ русской критики такъ увлеченъ ея публицистическими тенденціями, что обходитъ молчаніемъ цѣлую литературу, правда,

очень мало самостоятельную, но воспитавшую у насъ цѣлый рядъ поколѣній въ извѣстныхъ литературныхъ воззрѣніяхъ, съ которыми приходилось считаться. Отрицалъ ли критикъ „Пiитику" Аполлоса и знаменитую „Риторику" Кошанскаго, или внималъ ихъ догматическимъ завѣтамъ, онъ становился въ опредѣленное къ нимъ отношенiе, и молчать о нихъ въ исторiи русской критики не приходится. А „Чтенiя о словесности" Давыдова — эта новая для своего времени книга, правда, тоже „по Блеру", но прямо, въ предисловiи провозглашавшая, что теорiя поэзiи не руководство къ пiитическимъ упражненiямъ, а наука, изучающая поэзiю. Падали, стало быть, обязательные для художественнаго произведенiя эстетическiя формулы—и это должно было отразиться на критикѣ. Настоящаго новаго слова тутъ, повторяемъ, не было, но значенiе этихъ произведенiй не въ ихъ внутренней новизнѣ, а въ ихъ роли въ средней и высшей школѣ. Такъ или иначе, молчать о нихъ не приходится.

В. Я. Стоюнинъ. О преподованiи русской словесности. Изданiе пятое. Спб. 1898.

Новаго изданiя этой книги, до сихъ поръ, кажется, не переставшей быть настольной для многихъ преподавателей исторiи русской словесности, пришлось ждать болѣе двадцати лѣтъ. Многое перемѣнилось за это время; въ средней школѣ были сдѣланы попытки реформъ, которыя въ эпоху Стоюнина были немыслимы. Въ нихъ легко, при поверхностномъ взглядѣ, усмотрѣть движенiе къ осуществленiю завѣтной мечты покойнаго педагога—къ усиленiю въ преподаванiи родныхъ стихiй на счетъ классическихъ; но достаточно присмотрѣться къ дѣйствительному положенiю вещей, чтобы разувѣриться въ этой мечтѣ. Но положенiя книги Стоюнина это не коснется; одни цѣнятъ въ ней ея практическую сторону—ясныя указанiя, какъ надо вести преподаванiе, другихъ привлекутъ къ ней ея идейныя основы, ея стремленiе пропитать школьную науку опредѣленными, возвышенными началами. Эта сторона книги особенно оправдываетъ ея права на почетное положенiе; не смотря на то, что съ появленiя ея прошло болѣе четверти вѣка,—или, быть можетъ, именно поэтому—отъ нея вѣетъ тѣми идеями, которыя, по печальной иронiи судьбы, относятся къ области „забытыхъ словъ". Люди, знакомые съ духомъ нашихъ гимназiй 80-хъ годовъ, пожалуй, удивятся прозорливости, съ какой Стоюнинъ формулировалъ нѣкоторые оттѣнки этого духа тогда, когда онъ былъ совсѣмъ не такъ ясенъ. Таковы—беремъ первый попавшiйся примѣръ—его замѣчанiя объ „оффицiальныхъ вос-

торгахъ, съ которыми иные педагоги хотятъ у насъ связать даже нравственное развитіе", для чего преподаваніе ограничивается простымъ чтеніемъ произведеній и казенными похвалами ихъ, „которыя должны непремѣнно повторять и ученики съ голоса наставника, а если бы кто либо изъ учениковъ вздумалъ усомниться въ достоинствѣ восхваляемаго, то такого считать уже испорченнымъ и на пути къ нигилизму".

Вполнѣ законное и симпатичное требованіе Стоюнина—давать дѣйствительныя знанія, а не поверхностное знакомство съ ихъ внѣшней оболочкой—приводитъ его къ выводамъ, съ которыми не всегда можно согласиться. Противополагая, напримѣръ, самостоятельное изученіе старыхъ литературныхъ произведеній усвоенію одной схемы литературнаго развитія, онъ находитъ возможнымъ ограничиться самымъ небольшимъ количествомъ произведеній. Онъ понимаетъ, что это уже не будетъ исторія литературы, и старается доказать, что обзоръ исторіи литературы безъ разбора произведеній „есть повтореніе чужихъ фразъ, не имѣющихъ никакого значенія для того, кто не успѣлъ познакомиться съ самой литературой". Но говоритъ такъ, значитъ утрировать до абсурда вполнѣ законныя требованія. Невозможно упускать изъ виду, что безъ рамокъ обзора, безъ исторической періодизаціи, установленной въ наукѣ, ученикъ никогда не можетъ разобраться въ матеріалѣ самостоятельно усвоенныхъ произведеній. Отождествлять изученіе исторіи литературы по компетентному и научному курсу съ «повтореніемъ чужихъ фразъ» можно было только тогда, когда учебники исторіи литературы наполнялись произвольными эстетическими оцѣнками, въ которыхъ, дѣйствительно, можно не видѣть ничего, кромѣ «чужихъ фразъ». Самая книга Стоюнина, дающая довольно полный обзоръ важнѣйшихъ явленій русской литературно-общественной исторіи, съ педагогической точки зрѣнія, указываетъ на то, что самъ авторъ умѣлъ дать непосредственному знакомству ученика съ произведеніемъ необходимыя историческія основы. Въ его преподаваніи несомнѣнно не было тѣхъ недостатковъ, которые могутъ быть вызваны его теоріей въ неумѣлыхъ рукахъ. Впрочемъ, теперь исторію русской литературы полагается изучать въ средне-учебныхъ заведеніяхъ не годъ, какъ было при Стоюнинѣ (стр. 21), а три года—довольно времени для знакомства со всѣмъ ея теченіемъ—даже и послѣ Пушкина и Гоголя.

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Переводъ П. И. Вейнберга. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1898.

Тоже. Переводъ Городецкаго. Изданіе журнала „Дѣтское Чтеніе". М. 1898.

Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Переводъ А. Страхова. Съ предисловіемъ профессора Н. И. Стороженко. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1898.

Шекспировская литература на русскомъ языкѣ весьма обширна; не говоря о безднѣ отдѣльныхъ статей, оригинальныхъ и переводныхъ, и объ обширныхъ главахъ въ общихъ изслѣдованіяхъ, русскій читатель имѣетъ въ своемъ распоряженіи книги Гервинуса (4 тома), Даудена, Коха, Женэ, Чуйко. Если это богатство литературы и является въ извѣстной степени свидѣтельствомъ законнаго интереса къ жизни и творчеству «царя поэтовъ», то въ немъ все же нельзя отрицать отголоска той шекспироманіи, которая одно время такъ сильно владѣла вниманіемъ западно-европейской критики. Трудно повѣрить, что на всѣ эти книги о Шекспирѣ у насъ приходится всего три книги о Гете, одна—компилятивная біографія—о Гейне, одна о Байронѣ, одна о Шиллерѣ, одна о Гюго и т. д. И вотъ, предъ нами цѣлый рядъ новыхъ книгъ о Шекспирѣ; законченъ обширный трудъ г. Соколовскаго, давшаго полный переводъ всего Шекспира съ комментаріями; лекціи Тенъ-Бринка сразу въ двухъ переводахъ; обѣщанъ г. Солдатенковымъ также переводъ книги Брандеса, уже переведенной въ прошломъ году. Намъ кажется, что вниманіе нашихъ издателей могло бы быть направлено и на другихъ выдающихся представителей всемірной литературы. Напомнимъ, что у насъ нѣтъ почти ничего, напр., о дѣятеляхъ Поръ-Рояля; если не выходить изъ области историко-литературныхъ монографій объ отдѣльныхъ писателяхъ, то пора обратить вниманіе на извѣстныя коллекціи «Grands écrivains français» Гашетта и «Great Writers» или «English Men of Letters», издан. подъ редакціей Дж. Морлея.

Публичныя лекціи Тенъ-Бринка, покойнаго автора обширной исторіи англійской литературы, весьма пригодны для перехода отъ непосредственнаго знакомства съ Шекспиромъ къ критическому изученію великаго поэта. Онѣ не предполагаютъ въ читателѣ никакихъ предварительныхъ свѣдѣній, но и не забрасываютъ его ненужными фактами и разсужденіями. Пробѣжавъ эту небольшую книжку, выносишь нѣсколько неопредѣленное впечатлѣніе; въ ней, пожалуй, больше Schöngeisterei, чѣмъ фактическихъ свѣдѣній; но надо отдать справедливость автору—онъ говоритъ только о томъ, что, дѣйствительно, нужно сказать, и все, о чемъ онъ говоритъ, остается въ памяти. Онъ касается мимоходомъ чуть не всѣхъ

произведеній Шекспира, и о каждомъ умѣетъ сказать что нибудь такое, что легко чувствуется при чтеніи Шекспира всякимъ, но не легко находитъ себѣ столь простое и опредѣленное выраженіе. Намъ показалась особенно интересной глава, посвященная комедіямъ Шекспира, и въ ней указанія на причины, почему Шекспиръ въ этой области драмы не нашелъ себѣ такого безусловнаго и повсемѣстнаго признанія, какъ Мольеръ; любопытенъ также краткій, но основательный анализъ Шейлока, особенно послѣдней его сцены.

Къ свѣдѣнію читателей, которые, прочитавъ послѣднія слова автора о серьезности времени, переживаемаго имъ вмѣстѣ со своими слушателями, не поймутъ, о какомъ времени идетъ рѣчь: Тенъ-Бринкъ читалъ свои лекціи въ мартѣ 1888 г.

Книга Левеса (въ русскомъ изданіи къ ней присоединена еще статья Даудена о томъ же предметѣ) довольно безцвѣтна. Содержаніе ея, правда, не исчерпывается характеристикой шекспировскихъ героинь—въ ней встрѣчаются недурныя замѣчанія о его герояхъ, о структурѣ его драмъ и т. ц., но общее впечатлѣніе отъ нея есть впечатлѣніе ненужности. Такія книги можно писать, но переводить ихъ рѣшительно не къ чему.

Отъ Редакціи. Авторъ книги: «Петръ В., его жизнь и государственная дѣятельность», разборъ которой былъ помѣщенъ въ іюльской книжкѣ «Р. Богатства», прислалъ въ редакцію письмо, изъявляя желаніе, чтобы въ нашемъ журналѣ было оговорено, что въ изложеніи фактовъ въ своей книгѣ онъ основывался на указанныхъ имъ источникахъ и пособіяхъ. Охотно исполняя это желаніе г. Иванова, мы съ своей стороны можемъ лишь сказать, что при оцѣнкѣ его книги имѣли въ виду отмѣтить, насколько написанная имъ біографія Петра соотвѣтствуетъ современному состоянію исторической литературы, не ограничиваясь книгами, названными авторомъ біографіи.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Сочиненія **Шелли.** Переводъ съ англ. К. Д. Бальмонта. Вып. V. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 98. Ц. 75 к.

Юрій Веселовскій. Стихотворные переводы. Вып. 1. М. 98. Ц. 50 к.

Сборникъ стихотвореній историческаго содержанія. Составленъ Е. Васильевой. Изданіе Натали Коваль. Кишиневъ 98. Ц. 30 к.

Бичеръ Стоу. Хижина дяди Тома. Переводъ съ англ. З. Н. Журавской. Съ 66 рисунками. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р. 20 к.

Теодоръ Герцль. Новое гетто. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Переводъ Е. М. Бабецкаго. Харьковъ 98. Ц. 75 к.

Н. Пружанскій. Дѣти рока. Повѣсти и разсказы. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

В. Вересаевъ. Очерки и разсказы. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Александръ Смѣловъ. Аскетъ и другіе разсказы. Спб. 98. Ц. 60 к

И. С. Бѣляевъ. Искушеніе. Историческій романъ XVIII вѣка. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

С. Т. Семеновъ. Счастливый случай. Разсказъ. Изданіе И. Ѳ. Жиркова. Съ 2-мя рис. М. 98. Ц. 3 к.

Ив. Жирковъ. Друзья—враги. Изъ деревенскихъ воспоминаній. Изданіе Н. Ѳ. Жиркова. Съ 10-ю рис. М. 98. Ц. 5 к.

Шекспиръ. Критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества. Сочиненіе **Эдуарда Даудена**. Переводъ Л. Д. Черновой. Изданіе 2-е, Южно-русскаго общества печатнаго дѣло. Съ потретомъ Шекспира и біографическими свѣдѣніями. Одесса 98. Ц. 2 р., безъ пересылки.

Б. Глинскій. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и чествованія его памяти. Съ 5-ю иллюстраціями и приложеніемъ его юношескаго «журнала поѣздки въ Москву и пребыванія въ оной». Спб. 98. Ц. 75 к.

Сборникъ учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ. Томъ I. Юрьевъ 98. Ц. 2. р.

Труды перваго всероссійскаго съѣзда сценическихъ дѣятелей. Части первая и вторая. Спб. 98.

Народный театръ. Чертежи лѣтнихъ театровъ Невскаго общества устройства народныхъ развлеченій. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб. 98. Ц. 1 р. (Выручка поступитъ въ фондъ по постройкѣ зимняго театра «Невскаго общества»).

Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Переводъ съ англ. С. И. Ершова подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. Вып. IV. Изданіе кн. магазина «Книжное Дѣло».

Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый проф. **А. А. Козловымъ**. № 5. Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к., безъ пересылки.

Исторія философіи права. Пособіе къ лекціямъ **Н. М. Коркунова**. Изданіе 2-е. Спб. 98. Ц. 2 р. 50 к.

Ев. Темниковскаго. Государственное положеніе религіи во Франціи съ конца прошлаго столѣтія въ связи съ общимъ ученіемъ объ отношеніи новаго государства къ религіи. Опытъ изъ области церковнаго права. Казань 98.

Жанъ Ревилль. Религія въ Римѣ при Северахъ. Переводъ съ франц. подъ редакціей В. Н. Линда. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Эрнетъ Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Переводъ съ нѣм. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 98 Ц. 1 р.

П. Неждановъ. Нравственность. М. 98. Ц. 1 р. 25 к.

М. Г. Моргулисъ. Значеніе гипноза для юристовъ. Изданіе 3-е Спб. 98. Ц. 40 к.

Д-ръ **Артуръ Каннъ**. Нервозность и велосипедная ѣзда. Переводъ съ нѣм. Б. Остермана. Изданіе Я. Е. Кутенко. Спб. 98. Ц. 20 к.

Истерія и истерическій характеръ у дѣтей. Лѣчебныя и медико-воспитательныя мѣры. **В. А. Муратовъ** (Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія»). М. 98.

Проф. **П. Ферстеръ.** Вивисекція съ естественно-научной медицинской и нравственной точки зрѣнія. Переводъ съ нѣм. Спб. 98. Ц. 50 к. (Чистый доходъ въ пользу о-ва покровительства животнымъ).

Исторія древней медицины. Составилъ **С. Ковнеръ.** Вып. I. Кіевъ. 78. Ц. 1 р. 60 к. Вып. II. Кіевъ 83. Ц. 2 р. Вып. III. Кіевъ. 88. Ц. 2 р. 40 к. Исторія средневѣковой медицины. Вып. I. Кіевъ. 93. Ц. 2 р. 20 к. Вып. II. Кіевъ. 97. Ц. 2 р. 40 к.

Нѣмецкіе университеты и ихъ историческое развитіе. **Ф. Паульсена.** Переводъ съ нѣм. Н. Е. Вернадской подъ редакціей В. И. Вернадскаго. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 98. Ц. 40 к.

В. С. Кривенко. Юнкерскіе годы. 25 лѣтъ назадъ. Спб. 98. Ц. 40 к.

Промысловые синдикаты. **Бруно Шенланкъ.** Переводъ съ нѣм. Л. С. Зака. Приложеніе: «Синдикаты въ Россіи» **С. Сергѣева.** Изданіе 2-е, Южно-русскаго о-ва печатнаго дѣла. Одесса 98. Ц. 25 к., безъ пересылки.

Техническій прогрессъ въ современной промышленности. **М. Шиппеля.** Переводъ въ нѣм. Л. М. Зака. Изданіе 2-е, Южно-русскаго о-ва печатнаго дѣла. Одесса 98. Ц. 25 к., безъ пересылки.

В. К. Дмитріевъ. Экономическіе очерки. Вып. I. Теорія цѣнности Рикардо. (Опытъ точнаго анализа). М. 98. Ц. 75 к.

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе **В. И. Семевскаго.** Изданіе И. М. Сибирякова. Въ двухъ томахъ. Спб. 98. Ц. 3 р. за томъ.

М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII вв.) Изданіе археографической коммиссіи. Спб. 98.

Сибирь и ея дореформенные суды. Администрація по дѣламъ фирмы Бр. Бутиныхъ. Ея учрежденіе, дѣятельность и упраздненіе со всѣми послѣдствіями общимъ собраніемъ правительствующаго сената. Спб. 98.

Герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ Фритіофъ Нансенъ. Очеркъ **О. Н. Поповой.** Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98 Ц. 50 к.

Къ сѣверному полюсу по теченію. **Ѳ. Ѳ. Вишневскій.** Вятка 98.

И. И. Майновъ. Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ якутскаго края. (Труды восточно-сибирскаго отдѣла русскаго географическаго общества № 2). Иркутскъ 98.

Новый способъ и новыя задачи скораго и легкаго изученія иностранныхъ языковъ. Вып. 1-й. Доктора **Евгенія Гурина.** Кіевъ 98. Ц. 25 к.

Звуковой натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ и его примѣненіе къ англійскому языку. **Л. Д. Чудновской.** Изданіе Южно-русскаго о-ва печатнаго дѣла. Одесса 98. Ц. 50 к., безъ пересылки.

Опытъ упрощенья русскаго правописанья. Проф. **Л. Ф. Воеводскаго.** Одесса 98. Ц. 20 к.

Курсы грамоты. Объ урокахъ обученія взрослыхъ чтенію и письму. **И. М. Цвѣткова.** Спб. 98. Ц. 3 к.

Самодѣльный волшебный фонарь. **Н. Н. Захарьина.** Сызрань 98. Ц. 10 к.

А. А. Комовъ. Общая ариѳметика. Опытъ руководства для техническихъ жел.-дорожныхъ училищъ. Курсъ 1-го класса. Изданіе Н. Н. Комовой. Асхабадъ 98. Ц. 30 к.

Столѣтіе учрежденія лѣсного департамента. 1798—1898. Спб. 98.

Улучшенное крестьянское хозяйство. Вып. I. Изданіе Кіевскаго о-ва сельскаго хозяйства. Кіевъ 98.

Современная постановка вопросовъ по постройкѣ дешевыхъ жилищъ въ западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Сообщеніе д-ра **П. И. Кедрова.** М. 98.

С. Ленинъ. Выборъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Вып. 1-й. Съ 83 рисунками и чертежами. Изданіе кн. магазина «Деревня». Спб. 98. Ц. 50 к.

Руководство къ опредѣленію числа зубьевъ на колесахъ различныхъ токарныхъ станковъ для нарѣзки винтовъ, зубцовъ на рельсахъ и зубчатыхъ колесъ на зуборѣзныхъ станкахъ. Съ 14 таблицами. Составилъ **Н. X. Малежикъ.** Изданіе 2-е, Южно-русскаго о-ва печатнаго дѣла. Одесса 98. Ц. 60 к., безъ пересылки.

М. Г. Моргулисъ. Современныя опасенія западно-европейскихъ евреевъ. Спб. 99. Ц. 40 к.

Д-ръ **И. К. Хмѣлевскій.** Г-нъ Б. А. Шпаковскій и его правда объ одесской психіатрической эпопеѣ. Спб. 98.

Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Омскѣ за 1897 годъ. Омскъ 98.

Отчетъ Саратовскаго общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ съ 30 марта 1896 г. по 29 апрѣля 1898 г. Саратовъ 98.

Императорское Вольное Экономическое Общество. Отчетъ комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая (Оттискъ изъ кн. 3 «Трудовъ» И. В. Э. О-ва за 1898 г.).

Дѣтскій пріютъ трудолюбія въ Вяземскомъ домѣ. Съ 4 рис. Спб. 98.

Екатеринославскій календарь-альманахъ на 1898 годъ. Изданіе Е. Т. Сысоевой. Екатеринославъ 97. Ц. 30 к.

Das Aktivitätsprincip in der Pädagogik Jean-Jacques Rousseaus. Von **Peter M. Noikow.** Leipzig 98.

Le musée social. Fête pour le concours sur les associations ouvrières et patronales. Paris 98.

Опровержение

на статью «Родственные распорядки въ земствѣ», помѣщенную во 2-ой книжкѣ с. г. журнала «Русское Богатство».

Печатается на основаніи ст. 138 Устава о цензурѣ и печати.

Авторъ упомянутой статьи въ изложеніи фактовъ и событій, бывшихъ предметомъ обсужденія послѣдняго грайворонскаго очередного земскаго собранія, XXXIII сессіи, оттѣнилъ дѣятельность грайворонской уѣздной земской управы и нѣкоторыхъ гласныхъ земскаго собранія въ невыгодномъ для мѣстнаго земскаго хозяйства смыслѣ. Въ виду изложеннаго, я, для возстановленія истиннаго по-

ложенія дѣла, какъ предсѣдатель грайворонской уѣздной земской управы, считаю своимъ долгомъ въ опроверженіе этой статьи огласить нижеслѣдующее:

Въ числѣ вопросовъ, разсматриваемыхъ авторомъ статьи «Родственные распорядки въ земствѣ» стоитъ вопросъ о народномъ продовольствіи нашего уѣзда. Вотъ что говоритъ управа въ своемъ докладѣ земскому собранію (стр. 376 и 377 доклад. курск. губ. зем. упр. 2 декабря 1897 г.): «По вѣдомостямъ волостныхъ правленій на покрытіе продовольственныхъ и сѣменныхъ нуждъ населенія потребуется 119,209 четвертей озимого и 64,788 четвертей ярового хлѣба. Но не слѣдуетъ придавать большого значенія приведеннымъ цифрамъ... Управа позволяетъ себѣ надѣяться, что картина не настолько печальна, какъ представляется изъ цифръ, добытыхъ при помощи волостныхъ правленій. Нужно, говорится далѣе, обратить вниманіе, что въ уѣздѣ двѣ волости, населеніе коихъ занимается не исключительно хлѣбопашествомъ, а существуетъ ремеслами, торговлей, культурою огородныхъ растеній; затѣмъ въ уѣздѣ имѣются 3 крупныхъ сахарныхъ завода, дающіе значительный заработокъ населенію. Кромѣ того, большимъ подспорьемъ для населенія могутъ служить запасы въ общественныхъ магазинахъ, въ количествѣ 36,487 четвертей озимого и 62,10 четвертей ярового хлѣба, а также продовольственный капиталъ, принадлежащій обществамъ двухъ волостей, въ суммѣ 44,473 руб. Затѣмъ предшествовавшіе годы, 1894 и 1895, были урожайные и, по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій, дали остатокъ озимого и ярового хлѣба 105,578 четвертей. Въ виду приведенныхъ цифровыхъ данныхъ, управа полагала продовольствіе населенія обезпеченнымъ.

При обсужденіи этого доклада, образовавшаяся въ собраніи оппозиція изъ четырехъ лицъ желала вселить въ собраніе недовѣріе къ выводамъ земской управы и цифровымъ даннымъ доклада, но такъ какъ въ опроверженіе ихъ ничего не представила, кромѣ личнаго сомнѣнія и какого-то интимнаго разговора члена оппозиціи съ однимъ изъ девяти сельскихъ старостъ, то собраніе, конечно, и согласилось съ докладомъ управы, признавъ продовольствіе населенія обезпеченнымъ. При обсужденіи этого вопроса никто въ собраніи не касался физіологическихъ свойствъ крестьянскаго желудка, какъ говоритъ авторъ статьи, а говорилось много о томъ, что къ просьбамъ о ссудахъ, а въ особенности къ ходатайствамъ предъ правительствомъ объ отпускѣ суммъ изъ государственнаго казначейства на покупку хлѣба, слѣдуетъ отнестись съ большою осторожностью, чтобы не повторить ошибки прошедшихъ 1892 и 1893 годовъ, когда ссуды раздавались не однимъ нуждающимся, а каждому желающему воспользоваться ими.—Указывались и на такіе факты, какъ, напр., сопровожденіе транспортовъ правительственнаго хлѣба и охраненіе въ пути волостными старшинами, полицейскими сотскими и урядниками, такъ какъ не мало было примѣровъ, что крестьяне не дово-

зили полученную ссуду домой, а по пути продавали, либо пропивали въ первомъ шинкѣ. Тѣ гг. гласные нашего собранія, которые рекомендовали осторожность и осмотрительность въ вопросѣ о народномъ продовольствіи, по опыту прошлыхъ недородныхъ годовъ знали, такъ какъ они въ эти годы состояли членами продовольственной коммиссіи, къ какимъ практическимъ результатамъ привела прежняя выдача ссудъ. Неужели тѣ гласные, которые рекомендовали осторожность и осмотрительность въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ народное продовольствіе, похожи на лукояновцевъ? Неужели они, умудренные опытомъ прошлыхъ годовъ, должны были промолчать о тѣхъ ошибкахъ, которыя ими были замѣчены, какъ членами продовольственной коммиссіи, и не должны были предотвратить повтореніе ихъ? Мнѣ кажется, къ этому обязывалъ ихъ законъ, совѣсть и то званіе гласнаго, которое дало имъ право въ собраніи разсуждать о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ своего уѣзда. Примѣры прежнихъ лѣтъ показываютъ, что можно разбросать цѣлые милліоны пудовъ хлѣба, но не нужно забывать, что это ляжетъ тяжелымъ бременемъ на тотъ же народъ. Неужели для того, чтобы не быть похожимъ на лукояновцевъ, необходимо кричать о голодѣ, когда его нѣтъ, взывать о помощи къ правительству тогда, когда есть полная возможность обходиться своими средствами?

Лучшимъ доказательствомъ—насколько земскою управой вопросъ о народномъ продовольствіи серьезно обслѣдованъ, данныя, на которыхъ обоснованъ былъ ея докладъ собранію, вѣрны, а потому и земское собраніе, утвердившее докладъ во всѣхъ его частяхъ и отвергнувшее предложеніе оппозиціи ходатайствовать предъ правительствомъ, поступило правильно и въ интересахъ населенія, служитъ тотъ фактъ, что ссуды изъ общественныхъ магазиновъ начали выдаваться съ марта мѣсяца текущаго года и выдано по сей день, т. е. по 1 іюля, не болѣе одной трети имѣющагося запаса. При такомъ конечномъ результатѣ недорода истекшаго года, я полагаю, не было никакого основанія прибѣгать къ правительству за помощью, замаскировавъ ходатайство не бывшимъ въ уѣздѣ неурожаемъ. Развѣ для того нужно было все это продѣлать, чтобы управу и земское собраніе не назвали лукояновцами.

Далѣе, перехожу къ вопросу о расширеніи ярмарочной площади въ слоб. Ракитной. Вотъ вкратцѣ исторія возникновенія его въ нашемъ земствѣ и дальнѣйшее развитіе. Въ 1892 году, въ моментъ самаго земскаго собранія, повѣренными общества крестьянъ слободы Ракитной было подано прошеніе о расширеніи ярмарочной площади, другими словами, о перенесеніи торговли съ владѣльческой земли на крестьянскую, мотивируя свое прошеніе крайнею тѣснотою во время ярмарочнаго съѣзда и болѣе чѣмъ высокою платою за мѣста, отводимыя торговцамъ. Упомянутое прошеніе повѣренныхъ общества, безъ надлежащей повѣрки мотивовъ на мѣстѣ, было въ ту же сессію доложено собранію, которое и постановило: возбудить хода-

тайство предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о расширеніи ярмарочной площади, путемъ перенесенія торговли и на крестьянскую площадь.

Курское губернское земское собраніе, разсматривавшее постановленіе нашего уѣзднаго собранія, не могло не замѣстить большой въ немъ пробѣлъ, почему поручило губернской управѣ, чрезъ одного изъ своихъ членовъ, на мѣстѣ, въ слоб. Ракитной, обслѣдовать приведенные въ прошеніи мотивы и доложить ближайшему земскому собранію. Вотъ что говоритъ въ своемъ актѣ членъ губернской управы (стр. 281—282 докл. курск. губ. зем. упр. 2 декабря 1897 г.), командированный на мѣсто по постановленію губернскаго собранія: «Тѣсноты никакой не было и не можетъ быть, и мотивъ, послужившій главнымъ образомъ къ ходатайству крестьянъ слоб. Ракитной, какъ не подтверждающійся на дѣлѣ, не долженъ заслуживать никакого уваженія, такъ какъ, надо полагать, въ отношеніяхъ мѣстнаго населенія къ экономіи скрываются скорѣе иныя причины, но не тѣснота ярмарочной площади, или какія либо другія экономическія неудобства». Такого же содержанія было подано прошеніе управленіемъ имѣніями княгини Юсуповой въ управу съ просьбою, въ виду выяснившихся обстоятельствъ на мѣстѣ, вопросъ о расширеніи ярмарочной площади вновь подвергнуть обсужденію въ уѣздномъ земскомъ собраніи.—Управѣ, получившей это заявленіе, оставалось одно: доложить его собранію со всѣми къ нему справками, начиная со дня возникновенія этого вопроса, что и было сдѣлано. Когда по этому вопросу были возбуждены въ собраніи пренія, то я, какъ гласный земскаго собранія, указывалъ ему, что мотивы крестьянъ, какъ видно изъ акта члена губернской управы, неосновательны, что членъ губернской управы уже три раза съѣзжалъ на мѣсто въ моментъ самыхъ ярмарочныхъ съѣздовъ и не находилъ ни тѣсноты, ни дороговизны, почему и полагалъ справедливымъ вновь подвергнуть обсужденію вопросъ о площади. Къ такому же заключенію пришла и губернская управа, и губернское земское собраніе, слѣдовательно, обвинять меня въ какой-то тенденціозности, какъ это дѣлаетъ авторъ статьи, болѣе чѣмъ неосновательно.

Затѣмъ авторъ статьи переходитъ къ вопросу о совмѣстимости званія гласнаго съ должностью волостного старшины и заканчиваетъ разсмотрѣніе его какимъ-то смѣшнымъ, не имѣвшимъ мѣста въ дѣйствительности эпизодомъ. Какъ извѣстно, вопросъ этотъ о совмѣстимости былъ предложенъ министерствомъ на обсужденіе земскаго собранія. Судя по содержанію вопроса, отъ собранія требовался отвѣтъ, признаетъ ли оно удобнымъ совмѣстительство званія гласнаго съ должностью волостного старшины, въ виду служебныхъ обязанностей послѣдняго. При обсужденіи этого вопроса, образовавшаяся въ собраніи оппозиція, желая уклониться отъ рѣшенія министерскаго вопроса, предложила совершенно новый вопросъ— о совмѣстимости званія гласнаго съ должностью земскаго началь-

ника. Я, не какъ предсѣдатель управы, а какъ простой гласный, возразилъ оппозиціи, что собраніе прежде всего должно дать категорическій отвѣтъ на вопросъ министерства, т. е. о совмѣстимости должности волостного старшины, а затѣмъ уже можно будетъ обсудить вопросъ о совмѣстимости должности земскаго начальника съ званіемъ гласнаго, но такъ какъ вопросъ этотъ новый, ничего общаго не имѣющій съ предложеніемъ министерства и не вытекающій изъ него, то прежде обсужденія его нужно просить предсѣдателя собранія разрѣшить поставить этотъ вопросъ, а до тѣхъ поръ всякаго рода дебаты являются праздными и даже незаконными (параг. 4, 5, 6 и 7 прилож. къ ст. 77-й). Вотъ все, что мною было сказано по этому вопросу.

Теперь посмотримъ, что за шейлоковскія условія, какъ ихъ назвалъ авторъ статьи, которыми былъ обставленъ обмѣнъ участковъ, необходимыхъ для надворныхъ построекъ при ремесленномъ училищѣ. Много времени тому назадъ наше земство подъ училище ремесленныхъ учениковъ отдало свой заново отстроенный домъ съ усадьбою и надворными постройками, стоимостью до 40 тысячъ руб. и, кромѣ того, обязалось ежегодно вносить въ смѣту на содержаніе училища по 5000 рублей. Вопросъ объ открытіи этого училища пошелъ въ министерство. Въ началѣ истекшаго года министерство народнаго просвѣщенія командировало на мѣсто для осмотра зданія своего инженеръ-технолога, по заключенію котораго нашло уступленную училищу усадьбу слишкомъ тѣсною, а потому предложило нашему земству уступить еще и сосѣдственную, гдѣ нынѣ устроены земская больница на 20 кроватей, амбулаторія и больничныя службы. Предложеніе это управою было передано на обсужденіе земскаго собранія послѣдней сессіи, которое, въ виду различныхъ экономическихъ условій, постановило ходатайствовать предъ министерствомъ объ открытіи училища на прежде уступленной усадьбѣ. Правда, крестьянское общество той слободы, гдѣ предполагается открыть училище, предлагало собранію, взамѣнъ требуемой министерствомъ больничной усадьбы, другую, а на устройство зданія больницы тотъ лѣсной матеріалъ, который оно разсчитываетъ получить, буде обратится оно, общество, съ ходатайствомъ къ владѣльцу графу Шереметьеву. Лица, стоящія въ оппозиціи, старались доказать собранію, что предлагаемыя условія обмѣна выгодны для земства, но земское собраніе съ доводами ихъ не согласилось, находя неудобнымъ и даже рискованнымъ отдать усадьбу съ устроенною на ней больницею на 20 кроватей, амбулаторіей и всѣми приспособленіями и за все это получить неизвѣстно когда, и неизвѣстно что, въ видѣ могущаго быть пожертвованія со стороны графа Шереметьева. Я, какъ предсѣдатель управы и гласный, считалъ своимъ долгомъ обратить вниманіе собранія на то положеніе вещей, что грайворонское земство, передавая министерству 40-тысячный домъ съ усадьбою и надворными постройками и ассигнуя ежегодно на со-

держаніе училища 5000 рублей, является крупнымъ жертвователемъ, и если собранію угодно будетъ передать еще и больничную усадьбу съ постройками въ вѣдѣніе администраціи училища, то оно, т. е. собраніе, теперь же должно внесть въ смѣту отъ 15—20 тысячъ и немедленно приступить къ постройкѣ больничнаго зданія. Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду и то еще обстоятельство, что въ уѣздѣ уже ведутся крупныя сооруженія, потребовавшія внесенія въ уѣздную смѣту въ послѣдніе три года до 70,000 рублей. И при всемъ этомъ нужно считаться съ крайне напряженнымъ положеніемъ платежныхъ силъ населенія. Вотъ тѣ основанія, которыя легли въ основу состоявшагося постановленія земскаго собранія и тѣ условія обмѣна, которыя авторомъ статьи названы «по истинѣ шейлоковскими».

Въ послѣднемъ вопросѣ,—въ вопросѣ о постройкѣ земскаго дома, или какъ называетъ его авторъ статьи «земскимъ домостроительствомъ», авторъ въ исторію постройки дома вводитъ обстоятельства, никогда не бывшія, къ которымъ авторъ обратился съ цѣлью набросить неблагопріятную тѣнь на дѣйствія управы въ дѣлѣ постройки земскаго дома.

Исторія нашего «домостроительства» слѣдующая: 1894 года всѣ земскія учрежденія и тѣ, которыя по закону содержатся за счетъ земства, размѣщались въ земскомъ домѣ, исключая уѣздной земской управы, для которой нанимался особый домъ. Упомянутое земское зданіе до того было ветхо, что губернскія власти предложили вывесть изъ него всѣ учрежденія, а самое зданіе разобрать. При такихъ обстоятельствахъ впервые зародилась мысль у нашего земства построить собственный домъ со всѣми приспособленіями въ немъ: для уѣздной земской управы, уѣзднаго съѣзда, воинскаго присутствія, дворянской опеки, съ помѣщеніемъ для арестуемыхъ по приговорамъ земскихъ начальниковъ и городского судьи и съ помѣщеніемъ для склада машинъ, орудій и сѣмянъ. Впредь же до оборудованія собственнаго дома всѣ учрежденія пришлось размѣстить въ наемныхъ домахъ, не приспособленныхъ къ требованіямъ учрежденій. Словомъ, приходилось мириться по невозможности имѣть лучшее. Затѣмъ были изготовлены на новое зданіе планъ и смѣты, но къ постройкѣ зданія не было приступлено, въ виду того, что земское собраніе предполагало возможнымъ назначенный въ продажу домъ купца Булгакова купить и приспособить для своихъ нуждъ. Уѣздная земская управа, получившая уполномочіе на покупку этого дома, доложила экстренному земскому собранію, бывшему 12 февраля 1897 года, что купецъ Булгаковъ, узнавъ о состоявшемся постановленіи земскаго собранія купить его домъ и видя въ земствѣ солиднаго конкуррента на торгахъ, возвысилъ цѣну на домъ съ 5 на 11 тысячъ. Кромѣ того, если бы и удалось купить домъ Булгакова и приспособить его, то въ немъ нельзя будетъ размѣстить всѣхъ учрежденій, какъ предполагалось раньше, а только лишь два.

Въ виду такого положенія дѣла, экстренное земское собраніе, въ отмѣну прежняго своего рѣшенія, постановило: отъ покупки дома Булгакова отказаться, а приступить къ постройкѣ новаго зданія по плану, фасаду и смѣтѣ, раньше утвержденнымъ, причемъ постройку сдать съ торговъ; а если послѣдніе не состоятся, то поручить управѣ постройку произвести хозяйственнымъ способомъ. Земская управа, приступая къ выполненію постановленія экстреннаго земскаго собранія, за полтора мѣсяца до дня торговъ, оповѣстила путемъ пропечатанія въ мѣстныхъ газетахъ объявленій о сдачѣ съ торговъ постройки земскаго дома, но въ назначенный день никто къ торгамъ не явился — почему они и не состоялись. Между тѣмъ до момента торговъ многіе подрядчики являлись въ управу и просматривали планы и смѣты, въ числѣ послѣднихъ былъ и мѣстный городской голова К. А. Болдыревъ, и всѣ они въ одинъ голосъ заявили, что по предлагаемой смѣтѣ выполнить работъ нельзя, такъ какъ въ послѣдней замѣчаются большіе пропуски и цѣны въ ней ниже существующихъ. Строго придерживаясь постановленія экстреннаго земскаго собранія, управа, вслѣдствіе несостоявшихся торговъ, должна была приступить къ постройкѣ хозяйственнымъ способомъ. Но, принимая во вниманіе, что этотъ способъ всегда ведетъ къ расширенію смѣты, что такая капитальная постройка со стороны управы потребуетъ спеціальнаго знанія и опытности въ строительномъ дѣлѣ и что нашъ уѣздъ находится въ исключительномъ положеніи: вдали отъ большихъ городовъ и торговыхъ центровъ и не имѣетъ рельсоваго къ нимъ пути, и, кромѣ того, полное отсутствіе въ уѣздѣ годнаго лѣсного матеріала для крупныхъ сооруженій, а слѣдовательно, все отъ гвоздя до простой шелевки пришлось бы пріобрѣтать далеко на сторонѣ, чрезъ различныхъ посредниковъ,—управа, въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, еще разъ попыталась постройку сдать съ торговъ, объявивъ тѣмъ же путемъ о днѣ торговъ въ мѣстныхъ газетахъ. Но и вторые не состоялись по той же причинѣ. Такимъ образомъ, управа, вмѣсто однихъ торговъ, какъ установлено экстреннымъ земскимъ собраніемъ, назначаетъ и вторые, а это обстоятельство говоритъ за то, что управа избѣгала (въ дѣлѣ постройки дома) всякій другой способъ, кромѣ сдачи съ торговъ. И если затѣмъ она и перешла къ способу подрядному, то это потому, что послѣдній, по мнѣнію управы и коммиссіи, менѣе обѣщалъ приплатъ со стороны земства при данныхъ условіяхъ. По предварительному договору съ подрядчикомъ, вся постройка сдана за смѣтную цѣну, но съ тѣмъ лишь, что если при выполненіи работъ въ будущемъ окажутся значительные пропуски по смѣтѣ, то подрядчику за таковые должно быть уплачено за матеріалы по смѣтнымъ цѣнамъ, а за работы по урочному положенію. Вводя въ договоръ послѣднее условіе о приплатахъ, управа и строительная коммиссія, избранная отъ земства въ составѣ четырехъ лицъ, руководствовались тѣми соobра-

женіями, что разъ существуютъ пропуски по смѣтѣ, что пропуски, по мнѣнію техническаго надзора, окажутся существенно важными, вліяющими на прочность зданія, либо на его законченность, то независимо отъ способа выполненія работъ, т. е. хозяйственнымъ-ли, подряднымъ, либо съ торговъ выполняются работы, пробѣлы должны быть исправлены. Единовременно съ заключеніемъ предварительнаго условія, управа, совмѣстно съ строительной коммиссіей, обратились къ губернскому инженеру съ просьбою пересоставить смѣту, указавъ въ ней пропуски, буде таковые окажутся, и сумму могущихъ за нихъ приплатъ. Когда уже было подрядчикомъ приступлено къ работамъ и зданіе выведено изъ земли, получилась новая пересоставленная смѣта, дѣйствительно превысившая прежнюю на 6.400 руб. Такимъ образомъ, высказываемыя до торговъ опасенія подтвердились; въ смѣтѣ дѣйствительно оказались большіе пропуски: такъ, напр., фундаментъ всего зданія предполагалось заложить на два аршина глубины, а по мѣстному грунту необходимо было углубить до 4-хъ ар., это углубленіе фундамента, при размѣрахъ зданія: 75 ар. по длинѣ при 36 ар. ширины, потребовало до 25,000 кирпича, соотвѣтствующее количество извести, песку и работы, по мѣстнымъ цѣнамъ на матеріалы и работы составитъ сумму 4,580 руб., или 18 руб. каждая тысяча въ дѣлѣ, затѣмъ оказались выпущенными двѣ металлическія лѣстницы на второй этажъ, въ отдѣленіи для арестуемыхъ печи устроены непосредственно на полу, безъ фундамента, выпущены ворота и ограда и масса различныхъ мелочей, безъ которыхъ хотя зданіе и могло существовать, но тѣмъ не менѣе въ будущемъ не могли не имѣть вліянія на прочность зданія, напр., пропущены желоба и водосточныя трубы. Всѣ эти дополнительныя во второй смѣтѣ расходы настолько необходимы и такъ очевидны, что, право, трудно что-либо сказать противъ цѣлесообразности и необходимости ихъ, разъ только смотрѣть на дѣло безъ предубѣжденія и на исполнителей его безъ особой злобы. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли обвинять управу за то, что она распорядилась углубить фундаментъ на должную глубину, а не основала его «на песцѣ» и тѣмъ предупредила его разрушеніе? Возможно ли обвинять и за то, что управа предложила своему подрядчику устроить лѣстницы на второй этажъ, поставить печи не на полу, а на фундаментѣ, устроить на крышѣ желоба и водосточныя трубы? Конечно, можно было построить зданіе и безъ фундамента, лѣстницъ, желобовъ, водосточныхъ трубъ, но, спрошу автора, что это было бы за зданіе, долговѣчно ли оно было, удовлетворяло ли оно своему назначенію, можно ли было разсчитывать, что въ зданіе, устроенное съ такими упущеніями, разрѣшать перевести правительственныя учрежденія? И наконецъ, кто бы отвѣчалъ и по закону, и по совѣсти, если бы зданіе черезъ годъ, много—два распалось, какъ устроенное не на фундаментѣ?

Я въ своемъ докладѣ уѣздному земскому собранію 8 октября

1897 года предлагалъ три выхода изъ такого положенія: первый — продолжать постройку по первой смѣтѣ, т. е. безъ фундамента, лѣстницъ, печей и вообще всего того, что выпущено по смѣтѣ, но за прочность его ни я, ни управа, ни строительная коммиссія не ручаемся; второй—продолжать постройку по новой смѣтѣ, тогда зданіе выйдетъ прочно и будетъ отвѣчать своему назначенію, но необходимо принять и доплаты; наконецъ, третій,—если собранію не угодно будетъ остановиться на первомъ, ни на второмъ предложеніи, то разсчитать подрядчика по первой смѣтѣ и прекратить постройку.

Собраніе, всесторонне обсудивъ предложенные способы, остановилось на второмъ, т. е. рѣшило принять дополнительную смѣту, утвердивъ вмѣстѣ и расходы по техническому надзору за постройкой. Вотъ какова исторія постройки земскаго дома. Далѣе, я не могу пройти молчаніемъ обвиненія управы, почему она не созвала экстреннаго земскаго собранія и не доложила ему сдѣланное мѣстнымъ купцомъ Николаенко предложеніе продать земству свой домъ. Послѣ несостоявшихся вторыхъ торговъ въ управѣ было получено заявленіе купца Николаенко о томъ, что онъ предлагаетъ свой домъ за 25 тысячъ, но не за 20 тысячъ, какъ говоритъ авторъ статьи. Получивъ такое заявленіе, управа въ полномъ составѣ, но безъ городского головы, какъ завѣдомо невѣрно говоритъ авторъ статьи, осмотрѣли предлагаемый домъ и тогда же указали владѣльцу, что хотя его домъ и очень хорошъ для семейной жизни, но приспособить къ нуждамъ земства врядъ ли возможно, по мнѣнію управы, такъ какъ, во первыхъ, невозможно въ немъ размѣстить всѣ учрежденія земства, а во вторыхъ, для образованія залъ необходимо вынуть капитальную стѣну. Затѣмъ планъ дома мною былъ переданъ на заключеніе архитектора, который высказался въ томъ смыслѣ, что зданіе приспособить невозможно, не вынувъ капитальной стѣны, а такъ какъ на зданіе придется еще и надстраивать второй этажъ, то ни въ какомъ случаѣ нельзя трогать капитальную стѣну. Спрашиваю автора: при наличности такого категорическаго отвѣта спеціалиста строительнаго дѣла, какая была надобность въ созывѣ экстреннаго земскаго собранія? Развѣ для того,—чтобы доложить собранію, что предлагался домъ, который по заключенію архитектора оказался негоднымъ, и тѣмъ самимъ затормозить постройку дома. Но вѣдь за однимъ предложеніемъ могли быть и другія, и по каждому изъ нихъ, придерживаясь мнѣнія автора статьи, собирать экстренныя земскія собранія, а учрежденіямъ между тѣмъ ютиться въ наемныхъ домахъ? Да и когда при такихъ условіяхъ можно было приступить къ постройкѣ своего зданія?

Для того, чтобы получился полный отвѣтъ на статью «Родственные порядки въ земствѣ», я долженъ обратить вниманіе на составъ образовавшейся въ собраніи оппозиціи. Одинъ изъ ея членовъ, нѣкто М. Кутомановъ—въ прошлое трехлѣтіе состоялъ секретаремъ нашей

управы, но, съ избраніемъ другого состава управы, долженъ былъ оставить службу въ канцеляріи управы. Двое другихъ гласныхъ М. Кучерявенко и И. Волковъ въ истекшемъ трехлѣтіи служили членами управы, но на текущее трехлѣтіе были не избраны,—нужно думать, что такой исходъ результатовъ баллотировки привелъ ихъ въ ряды опозиціи. И, наконецъ, четвертый членъ оппозиціи, нѣкто К. Болдыревъ—городской голова, домъ—сарай котораго, впредь до оборудованія новаго собственнаго дома, заарендованъ для земскихъ учрежденій.

Предсѣдатель грайворонской земской управы Н. Григоросуло.

Литература и жизнь.

О г. Максимѣ Горькомъ и его герояхъ.

Года три тому назадъ въ разныхъ журналахъ стали появляться разсказы, подписанные новымъ въ литературѣ именемъ: Максимъ Горькій. Они читались съ интересомъ, отъ нихъ вѣяло чѣмъ-то свѣжимъ; но частію потому, что многіе изъ нихъ печатались въ мало распространенныхъ изданіяхъ, частію вслѣдствіе разбросанности ихъ вообще, трудно было составить себѣ опредѣленное представленіе о литературной физіономіи новоявленнаго писателя. Могло даже возникать сомнѣніе,—обладаетъ ли еще онъ какою нибудь опредѣленною физіономіей и не есть ли онъ одно изъ тѣхъ мимолетныхъ явленій, какихъ много въ современной литературѣ: появится новый авторъ, съ повѣстью или разсказомъ, представляющими извѣстный интересъ въ смыслѣ оригинальности замысла или художественности исполненія, какъ будто обѣщающими что-то и въ будущемъ, но затѣмъ очень скоро оказывается, что у автора только и хватило пороху на одинъ, на два разсказа. Всегда, разумѣется, были въ литературѣ подобныя мимолетныя явленія, но нынѣ что то особенно много стало случайныхъ гостей; побесѣдовали они съ вами разъ, другой, и, пожалуй, вы заинтересовались ихъ бесѣдой, и не дурно съ ними время провели, но затѣмъ они выбываютъ изъ круга вашихъ знакомыхъ, да такъ, что точно ихъ и на свѣтѣ никогда не было, и помянуть ихъ нечѣмъ. Иные, правда, еще пытаются удержаться и не безъ гордости говорятъ, подобно Ипполиту Островскаго: «Коль скоро я пришелъ»... Но читатель съ грустью припоминаетъ реплику Ахова: «Коль скоро ты пришелъ, толь скоро ты и уйдешь»... Это одно изъ проявленій современнаго литературнаго, скажу больше,—современнаго житейскаго оскудѣнія вообще.

Оскудѣнію этому есть вполнѣ уловимыя причины, говорить о которыхъ теперь трудно. Объ нихъ разскажетъ въ свое время исторія. Но каковы бы ни были причины, а печальный фактъ остается фактомъ, и не удивительно, если люди, любовно слѣдящіе за русской литературой, встрѣчаютъ заинтересовавшаго ихъ новаго автора съ нѣкоторымъ скептицизмомъ: можно ли разсчитывать на сколько нибудь продолжительное общеніе съ нимъ? есть ли у него за душой что нибудь прочное, не изнашивающееся въ два-три пріема?

Скептицизмъ этотъ былъ естественъ и относительно г. Максима Горькаго. Не скажу, чтобы онъ былъ устраненъ и теперь, когда разсказы г. Горькаго, частію погребенные въ такихъ литературныхъ могилахъ, какъ «Сѣверный Вѣстникъ», да и вообще раскиданные, собраны и изданы отдѣльно. Но во всякомъ случаѣ два томика его разсказовъ представляютъ собою нѣчто вполнѣ опредѣленное, притомъ такое, что можетъ доставить и художественное наслажденіе, и пищу для размышленія, что можно не только съ удовольствіемъ читать, но и перечитывать, и что помянется исторіей литературы, хотя бы г. Максимъ Горькій уже ничего болѣе не написалъ.

Г. Горькій разрабатываетъ если не совсѣмъ новый, то очень мало извѣстный рудникъ,—міръ босяковъ, босой команды, золоторотцевъ. Въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, которыхъ, впрочемъ, было всего одинъ, два, да и обчелся, и которые занимались этимъ своеобразнымъ міромъ мимоходомъ и между прочимъ, онъ отдаетъ ему все свое вниманіе и весь свой недюжинный талантъ. Міръ—дѣйствительно въ высокой степени заслуживающій вниманія, какъ по своей, благодарной для художника, живописной яркости, такъ и по своему общественному значенію. Это—чандалы европейской цивилизаціи. Индійскіе чандалы живутъ внѣ кастоваго строя и состоятъ частію изъ плодовъ строго воспрещенныхъ mesalliance'овъ между представителями трехъ высшихъ кастъ, частію изъ потомковъ судръ, за преступленія или по какимъ нибудь другимъ причинамъ выбывшихъ изъ своей касты, частію, наконецъ, изъ покоренныхъ не-арійскихъ туземныхъ элементовъ. Наши чандалы,—то, что въ западной Европѣ называется Lumpenproletariat, а у насъ босяки, золоторотцы,—будучи такими же отверженными изъ отверженныхъ, такими же отбросами различныхъ общественныхъ слоевъ, имѣютъ, однако, совершенно иное происхожденіе. Не говоря уже о западной Европѣ, и у насъ въ Россіи не только нѣтъ кастоваго строя, но и сословныя перегородки постепенно сглаживаются и теряютъ свое значеніе. Сынъ дворянина и мѣщанки или крестьянина и дворянки можетъ, конечно, попасть въ ряды босяковъ, но не по рожденію, а по такому же стеченію обстоятельствъ, какое и чистокровнаго дворянина, какъ и чистокровнаго мужика, можетъ ввести въ эти ряды. Лишеніе правъ состоянія за преступленіе тоже не обязательно ввергаетъ людей въ «золотыя роты».

Наконецъ и о какой нибудь національной особности босяковъ не можетъ быть рѣчи. И тѣмъ не менѣе они, подобно индійскимъ чандаламъ, стоятъ внѣ общественнаго строя, и даже наиболѣе демократическія европейскія партіи презрительно сторонятся отъ Lumpenproletariat'a. Онѣ имѣютъ на то свои резоны. Босяки отъ всѣхъ береговъ отстали, но ни къ которому не пристали, ни въ какіе регулярные кадры не устанавливаются, никакой партійной или классовой дисциплинѣ не поддаются. Правда, г. Горькій готовъ видѣть въ нихъ особый классъ. Это—говоритъ онъ—люди, «которыхъ давно пора считать за классъ и которые вполнѣ достойны вниманія, какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые» (II, 26). Что босяки вполнѣ достойны вниманія, это несомнѣнно, и г. Горькій, показавшій намъ ихъ въ цѣломъ рядѣ картинъ и образовъ, можетъ по праву гордиться тѣмъ дѣломъ, которое онъ дѣлаетъ. Но не потому, однако, достойны вниманія босяки, что они «сильно алчутъ и жаждутъ, очень злы и далеко не глупы». Это признаки слишкомъ общіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ индивидуальные. Какъ и a priori можно было бы сказать, какъ и изъ разсказовъ г. Горькаго видно, есть между босяками и совсѣмъ не «очень злые», а даже очень добрые, есть, конечно, и глупые; всякіе есть. Достойны они вниманія, какъ общественное явленіе, притомъ все ростущее. Но чтобы босяки составляли или могли составить «классъ»,—въ этомъ позволительно сомнѣваться, хотя бы на основаніи показаній самого г. Горькаго, съ которыми мы сейчасъ познакомимся.

Остановимся на одномъ изъ лучшихъ разсказовъ г. Максима Горькаго, озаглавленномъ по прозвищу героя «Челкашъ». Кстати же онъ стоитъ первымъ въ первомъ томѣ. Разсказъ этотъ былъ напечатанъ въ «Русскомъ Богатствѣ», но я считаю нужнымъ напомнить читателямъ нѣкоторыя его подробности, быть можетъ позабытыя, тѣмъ болѣе, что въ общей связи съ другими разсказами г. Горькаго «Челкашъ» получаетъ особенное значеніе.

Дѣло происходитъ въ большомъ приморскомъ южномъ городѣ въ родѣ Одессы или Севастополя. Разсказъ открывается описаніемъ мѣста дѣйствія. Г. Горькій любитъ подобныя описанія и большой мастеръ на нихъ. Особенно ему удаются марины и степные пейзажи, между которыми есть истинно превосходные. Но описаніе, которымъ начинается «Челкашъ», не принадлежа къ числу лучшихъ, имѣетъ за то нѣкоторое принципіальное значеніе, давая отправную точку для сужденія о многомъ изъ того, что занимаетъ г. Горькаго; и можетъ быть не случайно описаніе это попало на первыя же страницы перваго тома. Я приведу его цѣликомъ:

Потемнѣвшее отъ поднятой въ гавани пыли, голубое южное небо мутно; жаркое солнце тускло смотритъ въ зеленоватое море, точно сквозь тонкую сѣрую вуаль. Оно не можетъ отразиться въ водѣ, то и дѣло разсѣкаемой ударами веселъ, пароходныхъ винтовъ, глубокими, острыми ки-

лями турецкихъ фелюгъ и другихъ парусныхъ судовъ, бороздящихъ по всѣмъ направленіямъ тѣсную гавань, въ которой закованныя въ гранитъ свободныя волны моря, подавленныя громадными тяжестями, скользящими по ихъ хребтамъ, бьются о борта судовъ, о берега, бьются и ропщутъ, вспѣненныя ударами, загрязненныя разнымъ хламомъ.

Звонъ якорныхъ цѣпей, грохотъ сцѣпленій у вагоновъ, подвозящихъ грузъ, металлическій вопль желѣзныхъ листовъ, откуда-то падающимъ на камень мостовой, глухой стукъ дерева, дребезжаніе извозчичьихъ телѣгъ, свистки пароходовъ, то пронзительно рѣзкіе, то глухо ревущіе, крики грузчиковъ, матросовъ и таможенныхъ надсмотрщиковъ, — всѣ эти звуки сливаются въ оглушительную симфонію трудового дня и, нерѣшительно колыхаясь, стоятъ въ небѣ надъ гаванью, какъ бы боясь всплыть выше и исчезнуть въ немъ; а къ нимъ вздымаются съ земли все новыя и новыя волны: то глухія, рокочущія и сурово сотрясающія все кругомъ, то рѣзкія, гремящія, разрывающія уши и пыльный знойный воздухъ.

Гранитъ, желѣзо, мостовая гавани, суда и люди, — все дышетъ мощными звуками бѣшено страстнаго гимна Меркурію. Но голоса людей, еле слышные въ немъ, слабы и смѣшны. И сами люди, первоначально родившіе этотъ шумъ, смѣшны и жалки: ихъ фигурки, пыльныя, рваныя, юркія, согнутыя подъ тяжестью товаровъ, лежащихъ на ихъ спинахъ, подъ тяжестью заботы, толкающей ихъ то туда, то сюда, въ тучахъ пыли, въ морѣ зноя и звуковъ, такъ ничтожны и малы по сравненію съ окружающими ихъ желѣзными колоссами, грудами товаровъ, гремящими вагонами и всѣмъ, что они создали. Созданное ими поработило и обезличило ихъ.

Стоя подъ парами, тяжелые гиганты пароходы то свистѣли, то шипѣли, то какъ-то глубоко вздыхали, и въ каждомъ рожденномъ ими звукѣ чудилась насмѣшливая нота ироническаго презрѣнія къ сѣрымъ, пыльнымъ фигуркамъ людей, ползавшихъ по ихъ палубамъ и наполнявшихъ ихъ глубокіе трюмы продуктами своего рабскаго труда. До слезъ смѣшны были длинныя вереницы грузчиковъ, таскавшихъ на себѣ тысячи пудовъ хлѣба и ссыпавшихъ его въ желѣзные животы судовъ для того, чтобы заработать нѣсколько фунтовъ того же хлѣба для своего желудка, къ несчастію людей, не желѣзнаго и чувствующаго боли голода. Рваные, потные, отупѣвшіе отъ усталости, шума и зноя люди и могучія, блестѣвшія на солнцѣ дородствомъ и безмятежностью машины, созданныя этими людьми; машины, которыя, въ концѣ концовъ, приводились въ движеніе всетаки не паромъ, а мускулами и кровью своихъ творцовъ... въ этомъ сопоставленіи была цѣлая поэма жестокой и холодной ироніи.

Шумъ подавлялъ, пыль, раздражая ноздри, слѣпила глаза, зной пекъ тѣло и изнурялъ его, и все кругомъ,—зданія, люди, мостовая,—казалось напряженнымъ, назрѣвшимъ, готовымъ прорваться, теряющимъ терпѣніе, готовымъ разразиться какой-то грандіозной катастрофой, взрывомъ, за которымъ въ освѣженномъ имъ воздухѣ будетъ дышаться свободно и легко, на землѣ воцарится тишина, а этотъ пыльный шумъ, оглушительный, раздражающій нервы, доводящій до тоскливаго бѣшенства, исчезнетъ, и въ городѣ, на морѣ, въ небѣ станетъ тихо, ясно, славно... Но это только казалось. Это казалось потому, что человѣкъ еще не усталъ надѣяться на лучшее, и желаніе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ.

Изъ этой цитаты видно, что г. Горькій не принадлежитъ къ числу тѣхъ оптимистовъ, которыхъ радуетъ промышленный прогрессъ, какъ таковой. Въ нарисованной имъ грандіозной и мрачной картинѣ есть только одинъ свѣтлый лучъ, да и то скорѣе намекъ на лучъ: «человѣкъ еще не усталъ надѣяться на лучшее, и же-

ланіе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ». Это-то желаніе и это чувство г. Горькій и улавливаетъ въ своихъ босякахъ. Но не только къ промышленному прогрессу, а—въ связи ли съ нимъ или независимо отъ него—и къ другимъ сторонамъ цивилизаціи нашъ авторъ относится весьма скептически. Въ разсказѣ «Въ степи», между прочимъ, читаемъ: «Я хочу быть только правдивымъ, и не въ моихъ интересахъ быть грубымъ. Я знаю, что люди становятся все мягче душой въ наши высоко-культурные дни, и, даже когда берутъ за глотку своего ближняго съ явною цѣлью удушить его, такъ стараются сдѣлать это съ возможной любезностью и съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, умѣстныхъ въ этомъ случаѣ. Опытъ собственной моей глотки заставляетъ меня отмѣтить этотъ прогрессъ нравовъ, и я съ пріятнымъ чувствомъ увѣренности подтверждаю, что все развивается и совершенствуется на этомъ свѣтѣ. Въ частности этотъ замѣчательный процессъ вѣско подтверждается ежегоднымъ ростомъ тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости» (II, 327—328). И г. Горькій держитъ своихъ героевъ неизмѣнно по близости отъ тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости.

Таковы два устоя босяцкой жизни, какъ намъ ее рисуетъ г. Максимъ Горькій: свободолюбіе съ одной стороны, кабаки, тюрьмы, дома терпимости, вообще «порочность»—съ другой.

Гришка Челкашъ—«старый травленый волкъ, хорошо знакомый гаваньскому люду, какъ заядлый пьяница и ловкій, смѣлый воръ» (I, 3). Но просто пьяница и воръ не удостоился бы вниманія г. Горькаго,—мало ли ихъ! Пьяница и воръ можетъ вызывать къ себѣ презрѣніе, въ лучшемъ случаѣ сожалѣніе и другія подобныя сочетанія презрительно снисходительныхъ и брезгливыхъ чувствъ. Челкашъ не таковъ. «Пьяница и воръ»—это только одна сторона его души и жизни. Есть въ немъ еще многое другое, что не только не унижаетъ его, а даже создаетъ ему нѣкоторый поэтическій ореолъ и высоко поднимаетъ его надъ уровнемъ не только обыкновенныхъ пьяницъ и воровъ, но и многихъ честныхъ и трезвыхъ людей. Такъ, «онъ, воръ и циникъ, любилъ море; его кипучая, нервная натура, жадная на впечатлѣнія, никогда не пресыщалась созерцаніемъ этой темной широты, безкрайной и мощной» (19). Уже это показываетъ, что Челкашъ не о единомъ хлѣбѣ думаетъ, не о хлѣбѣ и водкѣ только. И не даромъ онъ такъ любитъ именно море съ его широкимъ просторомъ: его душѣ особенно родственъ этотъ просторъ. Онъ смѣлъ, великодушенъ, преисполненъ чувства собственнаго достоинства, никому не позволитъ наступить ему на босую ногу, и тѣ грандіозныя сочетанія металла, дерева и пара, которыя г. Горькій изобразилъ въ началѣ разсказа, никоимъ образомъ не могли бы похвалиться, что они поработили, обезличили Челкаша.

Всѣ эти качества Челкаша развертываются передъ читателемъ въ одномъ эпизодѣ. Челкашъ затѣялъ рискованное предпріятіе,—ком-

бинацію воровства съ продажей контрабанднаго товара,—съ которымъ ему одному не справиться. Но подъ рукой нѣтъ привычнаго къ такому дѣлу помощника, и Челкашъ беретъ къ себѣ въ товарищи случайно встрѣченнаго, прохожаго молодого мужика Гаврилу. Парень шелъ домой къ себѣ въ деревню съ косовицы, заработки были плохи, и Гаврила, не совсѣмъ понимая въ чемъ дѣло, согласился на предложеніе Челкаша. При исполненіи предпріятія онъ, добродушный и глуповатый девевенскій парень, вдоволь натрусился, вызывая то насмѣшки, то гнѣвные окрики Челкаша, а затѣмъ произошла слѣдующая сцена при дѣлежѣ добычи. Операція принесла пятьсотъ сорокъ рублей, изъ которыхъ сорокъ Челкашъ отдѣлилъ Гаврилѣ, предполагая, повидимому, и еще прибавить. Но Гаврилу, при видѣ радужныхъ бумажекъ, обуяла жадность,—на эти огромныя для него деньги, «заработанныя» въ одну ночь, онъ у себя въ деревнѣ какъ бы устроился! а Челкашъ вѣдь ихъ просто пропьетъ!—И Гаврила униженно страстно молитъ Челкаша отдать ему всю добычу. Молитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто и отнять покушается, потому что неожиданнымъ движеніемъ валитъ Челкаша на землю.

«На, собака, жри!—гаркнулъ Челкашъ, дрожа отъ возбужденія, острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу. И, бросивъ деньги, онъ почувствовалъ себя героемъ. Удальство свѣтилось въ его глазахъ». Гаврила сталъ столь же униженно благодарить. «Челкашъ слушалъ его визги, вопли, смотрѣлъ на его сіявшее, искаженное жадной радостью лицо и чувствовалъ, что онъ, воръ и гуляка, оторванный отъ всего въ жизни, никогда не станетъ такимъ жаднымъ, низкимъ, не помнящимъ себя. Никогда не станетъ такимъ! И эта мысль и ощущеніе, наполняя его сознаніемъ своей свободы и удали, удерживали его около Гаврилы на пустынномъ морскомъ берегу». Но когда Гаврила, въ порывѣ восторга, признается, что онъ хотѣлъ убить Челкаша, тотъ рѣшается отобрать деньги. Происходитъ драка, Челкашъ, пораженный камнемъ въ затылокъ, падаетъ, Гаврила проситъ прощенія и проклинаетъ соблазнившія его деньги. Челкашъ, однако, презрительно заставляетъ его взять добычу, оставляя себѣ лишь одну радужную, и случайные товарищи расходятся...

Таковъ босякъ Гришка Челкашъ. Въ сравненіи съ добродушнымъ, работящимъ и глуповатымъ мужикомъ Гаврилой онъ, воръ и пьяница, есть настоящій герой и рыцарь чести. Онъ, въ освѣщеніи г. Горькаго, имѣетъ полное право смотрѣть сверху внизъ на этого «жаднаго раба». И критики, недавно восторгавшіеся посредственнымъ разсказомъ г. Чехова собственно потому, что въ немъ «мужики» своимъ «деревенскимъ идіотизмомъ» выгодно оттѣняютъ фигуры трактирнаго лакея и горничной меблированныхъ комнатъ, уже за одно это униженіе мужика—такая теперь мода—высоко оцѣнятъ г. Максима Горькаго. Я тоже цѣню, какъ талантъ г. Горькаго, такъ

и употребленіе, которое онъ изъ него дѣлаетъ, но по нѣсколько инымъ соображеніяхъ.

Повидимому, глубокое презрѣніе къ мужику и къ деревенскому житью, презрѣніе, сопровождаемое даже ненавистью, свойственно не одному Гришкѣ Челкашу, а вообще излюбленнымъ героямъ г. Горькаго. Такъ, въ разсказѣ «Мальва» удалой золоторотецъ Сережка называетъ мужиковъ «землеѣдами тупорылыми» и «кротами таракановичами», а объ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ отзывается такъ: «Мнѣ онъ не по душѣ... деревней отъ него воняетъ, а я запаха этого не терплю» (II, 109, 110—112). Сама Мальва презрительно говоритъ, что въ деревнѣ «какъ въ ямѣ—и темно, и тѣсно» (85). Сережка же такъ поясняетъ свою мысль въ другомъ мѣстѣ: «Я, видишь ты, всѣхъ мужиковъ не люблю... они сволочи! Они прикинутся сиротами, имъ и хлѣба даютъ и... все!.. У нихъ вонъ земство есть и оно все для нихъ дѣлаетъ... Хозяйство у нихъ, земля, скотъ... Я у земскаго доктора кучеромъ служилъ, насмотрѣлся на нихъ... потомъ бродяжилъ по землѣ много. Придешь, бывало, въ деревню, попросишь хлѣба—цапъ тебя! Кто ты, да что ты, да подай паспортъ... Бивали сколько разъ... То за конокрада примутъ... то просто такъ... Въ холодную сажали... Они ноютъ да притворяются, но жить могутъ, у нихъ есть зацѣпка—земля. А я что противъ нихъ?» (117). Въ «Бывшихъ людяхъ» ненавидитъ мужиковъ нѣкій Тяпа. «Каждый разъ, когда въ ночлежкѣ являлся какой нибудь свѣжій экземпляръ человѣка, вытолкнутаго нуждой изъ деревни, Тяпа при видѣ его впадалъ въ тоскливое озлобленіе и безпокойство. Онъ преслѣдовалъ этого несчастнаго ѣдкими насмѣшками, съ злымъ хрипомъ выходившими изъ его горла; онъ натравливалъ на него какого нибудь злющаго босяка, грозилъ, наконецъ, собственноручно избить и ограбить его ночью и почти всегда добивался того, что запуганный и растерявшійся мужикъ исчезалъ изъ ночлежки и уже больше не являлся въ ней». Въ газетѣ Тяпа читалъ «о томъ, что въ такой то деревнѣ градомъ побило хлѣбъ, а въ другой сгорѣло тридцать дворовъ, а въ третьей баба отравила свою семью,—все, что принято писать о деревнѣ и что рисуетъ ее только несчастной, глупой и злой. Тяпа читалъ все это глухо и мычалъ, выражая этими звуками, быть можетъ, состраданіе, быть можетъ, удовольствіе» (II, 200, 201). Емельянъ Пиляй, «мѣщанинъ-голаштанникъ», какъ онъ самъ себя называетъ, грозитъ «дворянамъ отъ сохи» разными непріятностями. Онъ мечтаетъ открыть кабакъ и съ нѣкоторымъ даже сладострастіемъ представляетъ себѣ, какъ онъ будетъ грабить мужика: «Мужика бы этого, черноземнаго барина—ухъ ты!.. грабь! дери шкуру! выворачивай на изнанку. Придетъ опохмѣлиться—«Емельянъ Павлычъ, дай въ долгъ стаканчикъ!»—А? что?.. Въ долгъ?!.. Не даемъ въ долгъ!—«Емельянъ Павлычъ, будь милосердъ!»—Изволь, буду: вези телѣгу, шкаликъ дамъ. Ха-ха-ха! Я бы его, чорта тугопузаго, пронзилъ!» (II, 276).

Такимъ образомъ босякъ, представитель городской культуры, является антагонистомъ деревенскаго мужика и, какъ ни низко стоитъ самъ онъ въ обществѣ, смотритъ на мужика сверху внизъ и имѣетъ, повидимому, для этого достаточныя основанія. Но прежде, чѣмъ дѣлать изъ этого какіе нибудь выводы, прежде, чѣмъ радоваться или горевать или искать подтвержденія той или другой излюбленной теоріи, посмотримъ, какъ относится босякъ къ представителямъ другихъ сословій или классовъ, напримѣръ, къ купцамъ.

Аристидъ Кувалда, одинъ изъ «бывшихъ людей» и нѣкоторымъ образомъ глава ихъ или, по крайней мѣрѣ, пристанодержатель, дѣлаетъ такое опредѣленіе: «Что есть купецъ? Разсмотримъ это нелѣпое и грубое явленіе. Прежде всего каждый купецъ—мужикъ. Онъ является изъ деревни и по истеченіи нѣкотораго времени дѣлается купцомъ. Для того, чтобы сдѣлаться купцомъ, нужно имѣть деньги. Откуда у мужика могутъ быть деньги? Какъ извѣстно, онѣ не являются отъ трудовъ праведныхъ. Значитъ, мужикъ такъ или иначе мошенничалъ. Значитъ, купецъ—мошенникъ-мужикъ... О, если бъ я писалъ въ газетахъ!.. о, я показалъ бы его въ настоящемъ видѣ, я бы показалъ, что онъ только животное, временно исполняющее должность человѣка. Я понимаю его! Онъ? Онъ грубъ, онъ глупъ, не имѣетъ вкуса къ жизни, не имѣетъ представленія объ отечествѣ и ничего выше пятака не знаетъ» (II, 207, 208).

Правда, Аристидъ Кувалда—отставной ротмистръ и дворянинъ, и можно, пожалуй, подумать, что его ненависть къ купцамъ есть нѣчто исключительное. Но его дворянское прошлое, какъ и прошлое другихъ его разношерстныхъ товарищей, давно быльемъ поросло. Онъ принадлежитъ къ числу «изгнанныхъ изъ жизни, рваныхъ, пропитанныхъ водкой и злобой, ироніей и грязью» (211). Мало того, благодаря нѣкоторому образованію, недюженному уму и ораторской способности, Аристидъ Кувалда, пользующійся въ своей средѣ огромнымъ авторитетомъ, можетъ логически выразить и болѣе или менѣе ясно формулировать бродящія въ душахъ золоторотцевъ инстинкты и чувства. Вотъ, напримѣръ, одна изъ бесѣдъ Аристида Кувалды съ братіей:

— Какъ бывшій человѣкъ (говоритъ Кувалда), я долженъ смарать въ себѣ всѣ чувства и мысли, когда-то мои. Это, пожалуй, вѣрно. Но чѣмъ же я и всѣ вы—чѣмъ же вооружимся мы, если отбросимъ эти чувства?

— Вотъ ты начинаешь говорить умно,—поощряетъ его учитель.

— Намъ нужно что-то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства... намъ нужно что-то такое новое, ибо и мы въ жизни новость...

— Несомнѣнно намъ нужно это,—говоритъ учитель.

— Зачѣмъ,—спрашиваетъ Конецъ,—не все ли равно, что говорить и думать? Намъ недолго жить... мнѣ сорокъ, тебѣ пятьдесятъ, моложе тридцати нѣтъ среди насъ. И даже въ двадцать долго не проживешь такой жизнью.

— И какая мы новость, — усмѣхается Объѣдокъ, — гольтепа всегда была.

— И она создала Римъ,—говоритъ учитель.

— Да, конечно,—ликуетъ ротмистръ,—Ромулъ и Ремъ, развѣ они не золоторотцы? И мы, придетъ нашъ часъ, создадимъ...

— Нарушеніе общественной тишины и спокойствія,—перебиваетъ Объѣдокъ. Онъ хохочетъ, довольный собой. (210).

Мы еще вспомнимъ нѣкоторыя подробности этой знаменательной бесѣды, а пока замѣтимъ, что среди «бывшихъ людей» есть всякіе—и мужики, и дворяне, и интеллигенція, и городскіе, и деревенскіе жители, и всѣмъ имъ «нужно что то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства, нужно что то такое новое». И если Мальва находитъ, какъ мы видѣли, что въ деревнѣ, «какъ въ ямѣ,—и темно, и тѣсно», то вотъ, напримѣръ, босякъ Коноваловъ говоритъ автору: «Совсѣмъ напрасно ты, Максимъ, въ городахъ трешься. И что тебя къ нимъ тянетъ? Тухлая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху, ни простору, ничего, что человѣку надо». (II, 61). «Настроили люди городовъ, домовъ, собрались тамъ въ кучи, пакостятъ землю, задыхаются, тѣснятъ другъ друга... Хорошая жизнь!» И только послѣ убѣдительной реплики товарища Коноваловъ съ сожалѣніемъ соглашается, что «для зимы города дѣйствительно нужны... тутъ ужъ ничего съ ними не подѣлаешь» (63). Въ деревнѣ, какъ въ ямѣ,—и темно и тѣсно. Но вотъ и городской рабочій, сапожникъ Орловъ говоритъ тѣми же словами: «Сижу въ ямѣ и шью» (I, 263), «сижу вотъ въ ямѣ и все работаю, и ничего у меня нѣтъ» (266); «хоть на чердакъ заберись, все же въ ямѣ будешь... не квартира яма... жизнь яма» (268). И въ итогѣ своей карьеры и своихъ размышленій о жизни Орловъ говоритъ: «Противно все—города, деревни, люди разныхъ калибровъ... тьфу!» (332).

Итакъ, герои г. Горькаго не къ одному мужику относятся презрительно и ненавистно, и деревня и городъ равно вызываютъ въ нихъ недобрыя и вообще отрицательныя чувства. Мало того, если вы внимательно прочтете того же «Челкаша», то увидите, что къ презрѣнію, которое босякъ питаетъ къ Гаврилѣ, примѣшивается странное сочетаніе зависти и сочувствія. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ Гришка Челкашъ самъ былъ деревенскимъ мужикомъ, и въ разговорѣ съ Гаврилой онъ «чувствовалъ себя обвѣяннымъ примиряющей, ласковой струей родного воздуха, донесшаго съ собой до его слуха и ласковыя слова матери, и солидныя рѣчи исконнаго крестьянина-отца, много забытыхъ звуковъ и много сочнаго запаха матушки-земли, только что оттаявшей, только-что вспаханной и только что покрытой изумруднымъ шелкомъ озими... И онъ чувствовалъ себя сбитымъ, упавшимъ, жалкимъ и одинокимъ, вырваннымъ и выброшеннымъ навсегда изъ того порядка жизни, въ которомъ выработалась та кровь, что течетъ въ его жилахъ» (I, 34). Любопытно также, что нашъ авторъ колеблется въ опредѣленіи тѣхъ чувствъ, съ которыми другой ненавистникъ мужика, Тяпа, вычитываетъ въ газетѣ непріятныя извѣстія о деревнѣ: «быть можетъ со-

страданіе, быть можетъ удовольствіе». Тяпа даже посылаетъ одного изъ «бывшихъ людей» въ деревню: «шелъ бы ты въ деревню... просился бы тамъ въ учителя или въ писаря... и былъ бы сытъ, и провѣтрился бы. А то чего маешься?» (II, 206).

Изъ всего этого видно, что задача г. Горькаго лежитъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ грубаго противопоставленія деревни и города. Его образы и картины разные читатели могутъ, разумѣется, истолковывать различно, смотря по степени своего пониманія, а можетъ быть и добросовѣстности. Одинъ можетъ подчеркнуть для себя, — а если онъ не просто читатель, а и критикъ, то и для другихъ, — одну сторону дѣла, другой другую. Эти одностороннія освѣщенія могутъ быть очень остроумны и представлять большой интересъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Но любопытно знать и мнѣнія самого наблюдателя-автора, хотя для насъ вовсе не обязательно съ этими мнѣніями соглашаться. Но въ двухъ томахъ разсказовъ г. Горькаго есть, кажется, только одно мѣсто, гдѣ авторъ прямо отъ себя какъ будто сопоставляетъ деревню и городъ. А именно: «Быть можетъ порядочный человѣкъ культурнаго класса и выше такого же человѣка изъ мужиковъ, но всегда порочный человѣкъ изъ города неизмѣримо гаже и грязнѣе порочнаго человѣка деревни» (II, 199). Но и это мнѣніе, конечно интересное,—въ качествѣ итога очевидно тщательныхъ наблюденій, — очень далеко отъ огульнаго сопоставленія мужика-земледѣльца и городского жителя вообще или, какъ у насъ недавно еще до тошноты часто повторяли, «деревенской и городской культуры». Г. Горькій сравниваетъ не вообще деревенскихъ и городскихъ жителей, а лишь опредѣляемыхъ извѣстными нравственными признаками — «порядочности» и «порочности», причемъ относительно «порядочныхъ» выражается сомнительно: «быть можетъ». Да и вообще все это мимоходомъ брошенное замѣчаніе не имѣетъ большого значенія для основной темы г. Горькаго, разрабатываемой въ большинствѣ его разсказовъ. *Всѣ* его излюбленные герои «порочны», близки къ тюрьмамъ, кабакамъ и домамъ терпимости, всѣ,—какъ деревенскіе, такъ и городскіе. Если, напримѣръ, городскіе «бывшіе люди» «охотно, много и скверно говорили о женщинахъ», то, во первыхъ, одинъ изъ ихъ же среды— «учитель» — сердился, «если очень ужъ пересаливали», а во вторыхъ, и бывшій мужикъ Челкашъ — «циникъ». Если въ разсказѣ «Дѣло съ застежками» бывшій мужикъ Мишка, къ негодованію своего необузданнаго товарища Семки, способенъ растрогаться чтеніемъ, то и городской человѣкъ Коноваловъ ему въ этомъ отношеніи не уступитъ. Все это оттѣнки, подробности, хотя и подлежащія сложенію въ общія правила и вычитанію исключеній, но имѣющія мало значенія для главной темы г. Горькаго. Важно, что всѣ эти чандалы, отъ какого бы общественнаго слоя они ни откололись, будучи отверженцами изъ отверженцевъ и сами сознавая свою «порочность», считаютъ себя вправѣ свысока относиться ко всему

окружающему и въ какихъ то отношеніяхъ дѣйствительно имѣютъ это право.

Характеризуя только что упомянутаго Мишку («Дѣло съ застежками»), г. Горькій говоритъ, что онъ «типичнѣйшій мечтатель-мужикъ, излюбленный персонажъ писателей-народниковъ, такъ много говорившихъ о немъ и позабывшихъ разсказать, какъ онъ, этотъ типъ, вымираетъ, постепенно отравляемый суровой жизнью, которая никогда не благоволила мечтателямъ, ни мало не нуждается въ нихъ и всегда предпочитаетъ здоровыя руки слабой головѣ» (II, 167). Кого бы ни разумѣлъ здѣсь почтенный авторъ подъ писателями-народниками,—вообще ли писателей, черпавшихъ свои темы изъ народнаго быта и съ особеннымъ интересомъ приглядывавшихся къ мужицкой жизни, или же народниковъ, такъ сказать, принципіальныхъ, идеализировавшихъ мужика и «устои» его жизни,—онъ во всякомъ случаѣ неправъ; фактически неправъ, утверждая, что писатели эти позабыли разсказать, какъ вымираетъ «мечтатель». Это было бы нетрудно доказать многочисленными примѣрами, но такая экскурсія въ сторону недавней исторіи нашей литературы слишкомъ отвлекла бы насъ отъ г. Горькаго, да и не нужна она для нашей цѣли. Г. Горькій не рѣшается заполнить указанный имъ якобы пробѣлъ. Онъ даетъ рядъ фигуръ, уже отвергнутыхъ «суровой жизнью», и все это «мечтатели»: мечтатели-поэты или мечтатели-философы, быть можетъ слишкомъ поэты и философы. И глядя на нихъ, приходится признать, что наша жизнь не нуждается не только въ «слабыхъ головахъ», предпочитая имъ «здоровыя руки». Тутъ еще не было бы ничего удивительнаго или вниманія достойнаго. Здоровыя руки, конечно, предпочтительнѣе слабой головы, какъ маленькій каменный домъ предпочтительнѣе большого чернаго таракана. Удивительно то, что отвергнутые жизнью мечтатели г. Горькаго въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не слабыя головы (г. Горькій считаетъ даже возможнымъ, какъ мы видѣли, объединить ихъ общимъ признакомъ: «далеко не глупы»), и руки у большинства ихъ тоже здоровыя, а они всетаки отверженцы. Отчего же это такъ выходитъ?

Есть, впрочемъ, у г. Горькаго одинъ совершенно безрукій герой—Михаилъ Антонычъ въ разсказѣ «Тоска». Объ немъ узнаемъ отъ него самого, что онъ перепробовалъ множество профессій: былъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ, пѣвчимъ, смазчикомъ на желѣзной дорогѣ, приказчикомъ у лѣсоторговца, торговалъ роговыми издѣліями и, наконецъ, гдѣ то на фабрикѣ въ пьяномъ видѣ попалъ въ приводный ремень, которымъ ему и оторвало обѣ руки. Тутъ мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, указаніе на причину, окончательно выбившую человѣка изъ строя. Но и то надо сказать, что и прежде этого печальнаго случая Михаилъ Антонычъ почему то не могъ приспособиться

ни къ одной изъ перепробованныхъ имъ профессій, да и въ приводный ремень попалъ пьяный, можетъ быть, конечно, и случайно, а можетъ быть и какъ привычный уже пьяница. Вообще г. Горькій чрезвычайно скупъ на разъясненіе тѣхъ условій, при которыхъ «суровая жизнь» вышвыриваетъ за бортъ его героевъ; и даже когда болѣе или менѣе подробно разсказываетъ ихъ біографію, то обрываетъ ее на самомъ интересномъ мѣстѣ. Вотъ, напримѣръ, Гришка Челкашъ. Онъ вспоминаетъ свое прошлое. «Онъ успѣлъ посмотрѣть себя ребенкомъ, свою деревню, свою мать, краснощекую, пухлую женщину съ добрыми сѣрыми глазами, отца, рыжебородаго гиганта съ суровымъ лицомъ; видѣлъ себя женихомъ и видѣлъ жену, черноглазую Анфису, съ длинной косой, полную, мягкую, веселую; снова себя красавцемъ гвардейскимъ солдатомъ; снова отца, уже сѣдого и согнутаго работой, и мать, морщинистую, осѣвшую къ землѣ; посмотрѣлъ и картину встрѣчи его деревней, когда онъ возвратился со службы; видѣлъ и то, какъ гордился передъ всей деревней отецъ своимъ Григорьемъ, усатымъ, здоровымъ солдатомъ, ловкимъ красавцемъ...» (I, 33, 34). Все это только вступленіе къ жизни босяка, но г. Горькій ставитъ многоточіе и затѣмъ ограничивается темнымъ намекомъ на какія то «ошибки». Въ чемъ состояли эти ошибки, такъ и остается неизвѣстнымъ, но достовѣрно, что голова у Челкаша не слабая, а руки здоровыя. Изъ біографіи удалого золоторотца Сережки (въ «Мальвѣ») только и извѣстно, что онъ мѣщанинъ города Углича и «вездѣ бывалъ, скрозь прошелъ всю землю». А если г. Горькій кое гдѣ и намѣчаетъ исходный моментъ босячества, то довольствуется общими выраженіями въ родѣ того, что «нужда загнала» или «запилъ»,—просто запилъ, да и все тутъ. Это слишкомъ неопредѣленно. Нужда то медленно и постепенно захватываетъ людей своими цѣпкими когтями, то настигаетъ ихъ внезапно, безъ предостереженій, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ подбираясь съ очень разныхъ сторонъ; а «запиваютъ» люди, кромѣ нужды, еще и по многимъ другимъ, разнообразнымъ, притомъ часто случайнымъ, не поддающимся обобщенію причинамъ. Попробуемъ обратиться за разъясненіемъ не къ г. Горькому, а къ самимъ его героямъ.

Я уже замѣтилъ, что большинство этихъ героевъ поэты и философы, поэты по крайней мѣрѣ, въ душѣ и философы, по крайней мѣрѣ по склонности осмысливать и обобщать явленія жизни. Г. Горькій утверждаетъ даже, что «каждый человѣкъ, боровшійся съ жизнью, побѣжденный ею и страдающій въ безжалостномъ плѣну ея грязи, болѣе философъ, чѣмъ самъ Шопенгауеръ, потому что отвлеченная мысль никогда не выльется въ такую точную и образную форму, въ какую выльется мысль, непосредственно выдавленная страданіемъ» (II, 29). Г. Горькій не даромъ говоритъ не только о точной, а и объ образной формѣ и, надо думать, не случайно выбралъ именно Шопенгауера, этого мыслителя-художника, для сравненія съ своими героями. Его излюбленные персонажи, даже въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда имъ не удается точно формулировать свои мысли, выражаютъ ихъ картинно, художественно, образно. До такой степени картинно и образно, что читателя невольно беретъ сомнѣніе, — возможно ли, правдиво ли это? Въ знаніи той среды, которую онъ описываетъ, г. Горькому никоимъ образомъ отказать нельзя; подлинная правда чувствуется какъ въ общей концепціи его произведеній, такъ и во множествѣ житейскихъ подробностей, которыхъ нельзя выдумать, сочинить. Но иногда, читая рѣчи и размышленія его босяковъ, поневолѣ вспоминаешь его собственную оцѣнку босяцкихъ словесныхъ автобіографій, «въ которыхъ ужасная, душу потрясающая правда фантастически перепутывалась съ самою наивною ложью» (II, 29). Конечно, «ложь» въ данномъ случаѣ слишкомъ грубое слово по отношенію къ столь почтенному писателю, но рѣчь идетъ не о сознательной какой-нибудь лжи. Да и босяцкую ложь надо тоже понимать. Кроткій и ко всѣмъ, кромѣ себя, снисходительный Коноваловъ, на вопросъ одного изъ товарищей босяковъ—«не вѣришь?»—отвѣчаетъ: «Нѣтъ, вѣрю... Какъ можно не вѣрить человѣку? Даже если видишь—вретъ онъ, вѣрь ему. Т. е. слушай и старайся понять, почему онъ вретъ? Иной разъ вранье-то лучше правды объясняетъ человѣка... Да и какую мы всѣ про себя правду можемъ сказать? Самую пакостную... А соврать можно хорошо... Вѣрно?»—«Вѣрно», соглашается разсказчикъ» (II, 30). Г. Горькій разсказываетъ про своихъ героевъ ужасную, истинно душу потрясающую правду, не скрывая ни одной изъ чертъ ихъ многоразличной «порочности», но вышеприведенное убѣжденіе въ ихъ превосходствѣ надъ Шопенгауеромъ заставляетъ его влагать въ ихъ головы мало вѣроятныя мысли, а въ ихъ уста—мало вѣроятныя рѣчи. Языкъ его босяковъ до крайности не характеренъ, напоминая собою превосходный языкъ самого автора, только намѣренно и невыдержанно испорченный, и тоже можно сказать, по крайней мѣрѣ отчасти, объ ихъ философіи. Вы понимаете, что старуха Изергиль можетъ выражаться, напримѣръ, такъ: «Однажды гроза грянула надъ лѣсомъ и зашептали деревья глухо и грозно; и стало въ лѣсу такъ темно, точно въ немъ собрались сразу всѣ ночи, сколько ихъ было на свѣтѣ съ той поры, какъ онъ родился» (II, 318). Эта цвѣтистая рѣчь, эти оригинально красивые поэтическіе образы, можетъ быть, и умѣстны въ устахъ старухи Изергиль въ виду ея восточнаго происхожденія. Безрукій Михаилъ Антонычъ философствуетъ въ такомъ родѣ: «О чемъ разсуждать, когда существуютъ законы и силы? И какъ можно имъ противиться, ежели у насъ всѣ орудія въ умѣ нашемъ, а онъ тоже подлежитъ законамъ и силамъ? Вы понимаете? Очень просто. Значитъ, живи и не кобенься, а то тебя сейчасъ же разрушитъ въ прахъ сила, состоящая изъ собственныхъ твоихъ свойствъ и намѣреній и изъ движеній жизни! Это называется философія дѣйствительной жизни... Понятно?» (I, 123). Прочитавъ эти и многія другія рѣчи безру-

каго, вы чувствуете нѣкоторую неловкость за автора, однако успокаиваетесь, когда узнаете, что безрукій «съ умнѣйшими людьми велъ по этимъ дѣламъ бесѣды—со студентами и со многими священнослужителями церкви» (его собственное показаніе), и что эти «законы и силы» суть «слова, которыя онъ произносилъ съ какимъ то особеннымъ подчеркиваніемъ и пониженіемъ голоса, но значеніе которыхъ врядъ ли было ему понятно» (показаніе автора). Но если въ этихъ случаяхъ вы находите объясненіе въ экзотическомъ происхожденіи Изергили и въ томъ, что безрукій нахватался у «умнѣйшихъ людей» словъ, которыхъ хорошенько не понимаетъ, то въ другихъ—и, къ сожалѣнію, многихъ—случаяхъ босяки г. Горькаго безмѣрно щеголяютъ красотою рѣчи и философскимъ пареніемъ безъ всякихъ оправданій... Мѣстами ихъ размышленія и разговоры звучатъ такой фальшью, что просто больно и обидно читать. Таковы, напримѣръ, очень лестныя для нашего брата—писателя, но дѣланные, слащавые разговоры о «Подлиповцахъ» Рѣшетникова и о «психологіи сочинителей» въ разсказѣ «Коноваловъ», да и многое другое еще. Образчиковъ приводить не буду, тѣмъ болѣе, что ниже, по другимъ поводамъ, придется вѣроятно цитировать кое что изъ подобныхъ непріятныхъ страницъ.

Если отрѣшимся, по возможности, отъ разныхъ ненужныхъ и фальшивыхъ украшеній и не будемъ требовать отъ босяковъ, чтобы они превосходили Шопенгауера точностью и образностью выраженія своихъ мыслей, то увидимъ слѣдующее. Босяки несчастны и иногда съ грустью вспоминаютъ свое прошлое, когда они такъ или иначе стояли въ общемъ строѣ жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они у г. Максима Горькаго какъ будто не столько вышвырнуты изъ этого строя какими нибудь внѣшними, объективными условіями, сколько сами ушли изъ него, добровольно, побуждаемые жаждою свободы, наилучше для нихъ удовлетворяемою бродячей жизнью. «Въ босяки бы лучше уйти,—говоритъ сапожникъ Орловъ,—тамъ хоть голодно, да свободно, иди куда хочешь! Шагай по всей землѣ!» (I, 266). «Люблю я, другъ, эту бродяжную жизнь,—разсуждаетъ отставной солдатъ въ разсказѣ «Въ степи».—Оно и холодно, и голодно, но свободно ужъ очень. Нѣтъ надъ тобой никакого начальства... самъ ты своей жизни хозяинъ. Хоть голову себѣ откуси; никто тебѣ слова не можетъ сказать... Хорошо... Наголодался я за эти дни, назлился, а вотъ теперь лежу, смотрю въ небо... Звѣзды мигаютъ мнѣ, ровно говорятъ: ничего, Лакутинъ, ходи знай по землѣ и никому не поддавайся» (II, 336, 337). «Родился я, слышь, подъ заборомъ и помру подъ нимъ,—говоритъ Кузька Косякъ въ «Тоскѣ».—Судьба такая. По сѣдые волосы вдоль да поперекъ шляться буду... А на одномъ мѣстѣ скучно мнѣ» (I, 87). Старый цыганъ Макаръ Чудра учитъ автора или лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ: «Ходи и смотри, насмотрѣлся, лягъ и умирай, вотъ и все!» Всякій человѣкъ, ведущій иной образъ жизни, есть, по мнѣнію

Макара, «рабъ, какъ только родился, и во всю жизнь рабъ». «Иди, иди, и все тутъ,—продолжаетъ поучать Макаръ.—Долго не стой на одномъ мѣстѣ, чего въ немъ? Вонъ какъ день и ночь вѣчно бѣгаютъ, гоняясь другъ за другомъ вокругъ земли, такъ и ты бѣгай отъ думъ про жизнь, чтобы не разлюбить ее... Похаживай да посматривай кругомъ себя, вотъ и тоска не возьметъ никогда» (I, 234, 235). Удалецъ Сережка излагаетъ такую програму жизни: «Ничего не будемъ дѣлать... гулять будемъ по землѣ» (II, 101), и героиня разсказа, Мальва, ставитъ Сережкѣ въ большое достоинство, что онъ «вездѣ бывалъ, скрозь прошелъ всю землю». Коноваловъ отказывается жениться по слѣдующимъ основаніямъ: «Первое дѣло у меня запой, во вторыхъ, нѣтъ у меня никакого дому, въ третьихъ, я есть бродяга и не могу на одномъ мѣстѣ жить» (II, 35). Сказочный Ларра (имя это, по объясненію старухи Изергиль, значитъ «отверженный, выкинутый вонъ») «ходитъ, ходитъ повсюду... все ищетъ, ходитъ, ходитъ» (II, 300).

Я не скуплюсь на выписки изъ разсказовъ г. Горькаго, не только не смотря на ихъ однообразіе, а даже именно въ виду этого однообразія. Авторъ имѣетъ право требовать особеннаго вниманія къ такимъ многократно повторяющимся мотивамъ, очевидно играющимъ значительную роль въ кругѣ его наблюденій. Да и читатель, можетъ быть не замѣтившій или пропустившій ихъ безъ вниманія въ отдѣльныхъ разсказахъ г. Горькаго, когда они печатались въ журналахъ, теперь естественно подчеркиваетъ и суммируетъ ихъ для себя.

Что же говорятъ намъ только что сдѣланныя выписки? Что это за новѣйшіе Агасферы, которымъ какою-то неумолимою внѣшнею или внутреннею силою дано предписаніе: ходи! ходи! ходи!? Агасферы не Агасферы, но невольно приходитъ въ голову, что это если не отголосокъ кочевого быта, то прямое наслѣдіе или продолженіе нашей старой «вольницы», тѣхъ «гулящихъ» удальцовъ, не менѣе героевъ г. Горькаго прикосновенныхъ къ тюрьмамъ и кабакамъ, которые еще въ прошломъ столѣтіи слагались временами въ яркое и громкое общественное явленіе и которые, однако, никогда не считались и не могли считаться «классомъ». А вѣдь г. Горькій полагаетъ, что его героевъ «пора считать за классъ». А Аристидъ Кувалда, главный философъ этого якобы класса, утверждаетъ, что онъ составляетъ «новость въ жизни». Въ чемъ же новость? Г. Горькій, къ сожалѣнію, даетъ своими разсказами не особенно много матеріаловъ для отвѣта на этотъ вопросъ.

Ядовитый скептикъ Объѣдокъ возражаетъ Аристиду Кувалдѣ, что совсѣмъ они не новость, потому что «гольтепа всегда была». Всегда не всегда, но «гольтепа», движимая непосѣдливостью и удальствомъ и склонная къ «нарушенію общественной тишины и спокойствія», дѣйствительно не новость. Припоминая, однако, фигуры старорусской «гольтепы», «голи кабацкой» и всякой «вольницы»,

мы припоминаемъ и указанія исторіи не только на внутренніе, психологическіе, субъективные моменты удальства и непосѣдливости, но и на внѣшнія обстоятельства, вызывавшія или сопровождавшія эти мотивы. Гнетъ только еще слагавшагося государства, требовавшаго часто непосильныхъ жертвъ, всеобщая неурядица и безправіе, сосѣдство полудикихъ кочевниковъ, внезапнымъ налетомъ сметавшихъ цѣлыя населенія,—вотъ нѣкоторыя изъ условій, способствовавшихъ образованію общей «движущейся почвы», по выраженію историка, на которой выростала и вольница. А затѣмъ, когда государство, наконецъ, «прикрѣпило» населеніе, гнетъ крѣпостного права явился въ свою очередь стимуломъ для бѣгства съ насиженнаго мѣста и сопряженныхъ съ этимъ бѣгствомъ приключеній. Все это давно миновалось, и нынѣ должны быть на лицо совершенно иныя, дѣйствительно новыя внѣшнія условія, способствующія выработкѣ «гольтепы». Но г. Горькій намъ ихъ не показалъ, быть можетъ, «позабылъ объ нихъ разсказать». Относительно безъимянной голытьбы или «радовыхъ босяковъ», какъ въ одномъ мѣстѣ выражается г. Горькій, еще можно найти нѣкоторыя, слишкомъ общія и неопредѣленныя указанія въ родѣ того, что «нужда загнала»; но, не говоря уже о томъ, что этого слишкомъ мало, мы и такихъ указаній не получаемъ относительно, такъ сказать, именованныхъ чиселъ его разсказовъ, относительно его главныхъ героевъ. Всѣ они какъ будто не отъ нужды бѣгутъ изъ разныхъ «ямъ», а, напротивъ, сами лѣзутъ на рожонъ нужды, хотя ищутъ, конечно, не ея, а воли,—«свободно ужъ очень». Они даже не столько отверженные, сколько отвергшіе. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ можно бы было даже примѣнить лермонтовское обращеніе къ «тучкамъ»:

—...вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Согласитесь, что это немножко слишкомъ красиво и поэтично для циниковъ, воровъ и пьяницъ. Но если въ самой глубинѣ явленія, занимающаго г. Горькаго, подъ толстымъ слоемъ грязи, и заключается нѣчто подобное, то не исключительно же только скуку наводили «нивы безплодныя», по крайней мѣрѣ, на тѣхъ, которые нѣкогда орошали эти нивы своимъ потомъ. А г. Горькій до такой степени скупъ на счетъ указаній этого рода, что даже «голодающіе» вслѣдствіе неурожаевъ мелькаютъ у него всего раза два на протяженіи всѣхъ разсказовъ, да и то гдѣ то совсѣмъ вдали, не въ дѣйствіи, а въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Положимъ, что голодовки отъ неурожаевъ, какъ и другія стихійныя бѣдствія, не «новость» на Руси и, можетъ быть, поэтому, не удостоились вниманія нашего автора. Но вотъ грандіозно мрачная картина подавленія человѣка его собственнымъ созданіемъ, которою начинается разсказъ «Челкашъ». Какъ бы ни увѣряли насъ нѣкоторые неос-

новательные люди, что мы чуть не сравнялись съ Англiей въ дѣлѣ промышленнаго прогресса, но вѣдь это они разсказываютъ «обманъ своего сердца», по выраженiю пророка Iеремiи. Означенная картина есть у насъ новость, не сегодняшняго или вчерашняго дня, конечно, но настолько новость, что связанныя съ нею явленiя жизни мы вправѣ считать исторически новыми. И естественно было бы ожидать, чтобы г. Горькiй, нарисовавъ свою грандiозную картину, связалъ съ нею судьбу своихъ героевъ. Ничего такого мы, однако, не получаемъ. А между тѣмъ пути воздѣйствiя промышленнаго прогресса въ его современныхъ формахъ на образованiе Lumpenproletariat'a хорошо извѣстны. Прогрессъ этотъ «освобождаетъ» разныхъ Челкашей, Тяпъ и проч. отъ земли и отъ другихъ «путъ и узъ», сгоняетъ ихъ къ нѣсколькимъ центрамъ, изъ которыхъ, однако, перiодически выталкиваетъ часть ихъ, иногда цѣлыми массами, на улицу въ качествѣ безработныхъ; а изъ послѣднихъ, подъ влiянiемъ разныхъ неблагопрiятныхъ условiй, главнымъ образомъ условiй городской жизни, съ царящею въ ней сутолокой и необузданной конкурренцiей, съ ея соблазнами, возбуждающими аппетитъ безъ возможности его удовлетворенiя,—осѣдаютъ босяки. Со стороны этого то процесса, оставленнаго, однако, г. Горькимъ безъ малѣйшей иллюстрацiи, его персонажи представляютъ собою, дѣйствительно, новое явленiе. Къ нимъ примыкаютъ, съ одной стороны, деревенскiе люди, сорванные съ корня стихiйными бѣдствiями, а съ другой—разные неудачники изъ болѣе высокихъ слоевъ общества, не приспособившiеся по какимъ бы то ни было причинамъ къ условiямъ жизни, въ которой родились или для которой готовились.

Но новъ не только, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ источниковъ происхожденiя героевъ г. Горькаго. Нова въ значительной степени и ихъ психологiя, что уже гораздо лучше раскрывается въ произведенiяхъ нашего автора. Какъ ни неистово и буйно прожигала жизнь старая русская вольница и голь кабацкая, но уже одно то, что она слагалась временами въ цѣлыя шайки, даже въ огромныя полчища, то осѣдавшiя гдѣ нибудь на привольи въ далекихъ краяхъ и «кланявшiяся» московскому государю цѣлыми областями, то входившiя въ составъ своеобразныхъ постоянныхъ обществъ, какова была Запорожская Сѣчь, то нарушавшiя покой всего государства,—одно это свидѣтельствуетъ о ея способности къ организацiи и дисциплинѣ. Совсѣмъ иное представляютъ герои г. Горькаго.

Герои г. Горькаго крайнiе индивидуалисты. Любопытно слѣдующее замѣчанiе автора. Описывая постройку мола въ Ѳеодосiи, онъ разсказываетъ: «Въ Россiи голодали, и голодъ согналъ сюда представителей чуть не всѣхъ охваченныхъ несчастiемъ губернiй. Они дѣлились на маленькiя группы, стараясь держаться землякъ къ земляку, и только космополиты босяки сразу выдѣлялись и своимъ

независимымъ видомъ, и костюмами, и особымъ складомъ рѣчи изъ людей, еще находившихся во власти земли, лишь временно порвавшихъ съ нею связь, оторванныхъ отъ нея голодомъ и не забывшихъ о ней. Они были во всѣхъ группахъ: и среди вятичей, и среди хохловъ, всюду чувствуя себя на своемъ мѣстѣ» (II, 54). Это «всюду на своемъ мѣстѣ» надо, однако, понимать только въ отрицательномъ смыслѣ, въ томъ смыслѣ, что «нѣтъ у нихъ родины, нѣтъ имъ изгнанія». Пожалуй, и Сережка въ разсказѣ «Мальва», когда ему предсказали Сибирь, отвѣтилъ: «ухъ, страшно!» и «искренно расхохотался». Герои г. Горькаго вездѣ на своемъ мѣстѣ только потому, что нигдѣ у нихъ своего мѣста нѣтъ. «Нѣтъ для меня на землѣ ничего удобнаго! Не нашелъ я себѣ мѣста!»—говоритъ Коноваловъ (II, 63). Люди эти порвали всѣ старыя общественныя связи и не нажили никакихъ новыхъ. Самыя пылкія ихъ мечты лишены какого бы то ни было общественнаго характера и пропитаны индивидуализмомъ. Тотъ же Коноваловъ такъ разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него чтеніемъ «Робинзона»: «Интересно страхъ какъ! Очень мнѣ понравилась книга; такъ бы туда къ нему и поѣхалъ. Понимаешь, какая жизнь? Островъ, море, небо—ты одинъ себѣ живешь, и все у тебя есть и совершенно ты свободенъ! Тамъ еще дикій былъ. Ну, я бы дикаго утопилъ,—на кой чортъ онъ мнѣ нуженъ, а? Мнѣ и одному не скучно» (II, 58). Мальва мечтаетъ: «Иной разъ сѣла бы въ лодку и въ море! Далеко-о! И чтобы никогда больше людей не видать» (II, 116). Челкашъ, въ минуту душевнаго размягченія нахлынувшими на него деревенскими воспоминаніями, рисуетъ себѣ мужика какимъ то своего рода тоже Робинзономъ, «королемъ на своей землѣ», «хозяиномъ самому себѣ», у котораго все свое—домъ, курица, яблоко. «Король вѣдь? такъ ли?—воодушевленно закончилъ Челкашъ длинный перечень крестьянскихъ преимуществъ и правъ и почему то запамятовалъ объ обязанностяхъ» (I, 32). Челкашъ запамятовалъ не только объ обязанностяхъ, но и о людяхъ, притомъ не только о начальствѣ въ его административныхъ, военныхъ, финансовыхъ функціяхъ, но и о родственникахъ, сосѣдяхъ, товарищахъ; его мужикъ-«король» одинокъ какъ перстъ. «Я отверженъ,— говоритъ Аристидъ Кувалда,—значитъ, я свободенъ отъ всякихъ путъ и узъ. Значитъ, я могу наплевать на все!» (II, 234).

Всѣ общественныя отношенія, въ которыя вступаютъ герои г. Горькаго, случайны и кратковременны. Работники они плохіе, не потому, чтобы были неспособны къ труду, а потому, что не считаютъ для себя обязательными какіе бы то ни было договоры (см. напр. «Дѣло съ застежками»), да и бродяжническій инстинктъ не даетъ засиживаться на одномъ мѣстѣ. Но не только съ «работодателями», а и съ своимъ братомъ они чрезвычайно легко порываютъ свои связи. Челкашъ, какъ мы видѣли, прихватываетъ себѣ въ товарищи перваго встрѣчнаго Гаврилу и тотчасъ по окон-

чаніи операціи они расходятся въ разныя стороны, чтобы уже никогда въ жизни болѣе не встрѣчаться. Въ разсказѣ «Въ степи», «студентъ» тайно отъ двухъ своихъ товарищей грабитъ и убиваетъ встрѣчнаго путника и затѣмъ безслѣдно исчезаетъ. И если одинъ изъ покинутыхъ товарищей, «солдатъ», очень строго осуждаетъ этотъ поступокъ «студента», то не по существу.

Въ высшей степени характерны отношенія героевъ г. Горькаго къ женщинамъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, остановимся на мрачной, истинно страшной картинѣ времяпровожденія золоторотцевъ въ разсказѣ «Бывшіе люди». Тутъ изображено нѣкоторое, болѣе или менѣе постоянное гнѣздо босяцкое,—«ночлежка», въ которой изо дня въ день встрѣчаются другъ съ другомъ одни и тѣ же люди, связанные долгой привычкой, одинаковостію положенія и взаимнымъ пониманіемъ.

И вдругъ среди нихъ вспыхивала звѣрская злоба, пробуждалось ожесточеніе людей загнанныхъ, измученныхъ своей суровой судьбой. Или ощущалась близость того неумолимаго врага, который всю жизнь ихъ превратилъ въ одну жестокую нелѣпость. Но этотъ врагъ былъ неуловимъ, ибо невидимъ. И тогда они били другъ друга, били жестоко, звѣрски били и снова, помирившись, напивались, пропивая все, что могъ принять въ закладъ нетребовательный Вавиловъ. Такъ въ тупой злобѣ, въ тоскѣ, сжимавшей ихъ сердца, въ невѣдѣніи исхода изъ этой подлой жизни, они проводили дни осени, ожидая еще болѣе суровыхъ дней зимы... Иногда... вдругъ отчаянное, удалое веселье вскипало въ трактирѣ: пѣли, плясали, хохотали и на нѣсколько часовъ становились похожими на безумныхъ... И потомъ опять входили въ тупое, равнодушное отчаяніе и сидѣли за столами трактира въ копоти лампъ, въ табачномъ дыму, угрюмые, оборванные, лѣниво переговариваясь другъ съ другомъ, слушая торжествующій вой вѣтра и думая о томъ, какъ бы напиться водки, напиться до безчувствія. И всѣ были глубоко противны каждому, и каждый таилъ въ себѣ безсмысленную злобу противъ всѣхъ» (II, 221—222).

Вотъ что таится въ центрахъ современной цивилизаціи, вотъ какъ живетъ нашъ Lumpenproletariat, тѣ современные европейскіе чандалы, которые откалываются отъ всѣхъ слоевъ общества вездѣ, гдѣ «гранитъ, желѣзо, мостовая, люди, — все дышетъ мощными звуками бѣшено страстнаго гимна Меркурію». Было время,— еще недавно, — что разные проницательные люди предсказывали разгромъ европейской цивилизаціи ордами новыхъ, внутреннихъ варваровъ — рабочаго пролетаріата, которому, дескать, чужды всѣ высшія блага, достигнутыя вѣками прогресса. Можно съ увѣренностью сказать, что это пророчество, имѣвшее за себя нѣкоторую вѣроятность десятки лѣтъ тому назадъ, не сбудется. Европейскіе рабочіе, составляя общепризнанный классъ и правомѣрно участвуя въ общей жизни своихъ странъ, имѣютъ свою положительную задачу и примыкаютъ къ преемственной культурной работѣ, какъ бы ни отличался ихъ общественный идеалъ отъ идеаловъ другихъ классовъ. Но процессъ общественнаго дифференцированія не останавливается на выдѣленіи рабочаго пролетаріата и, не говоря

о другихъ осложненіяхъ, въ центрахъ цивилизаціи копится Lumpenproletariat. Здѣсь уже мы не видимъ никакого общественнаго идеала, никакой сколько нибудь прочной солидарности, все разсыпается на самодовлѣющіе, ничѣмъ не спаянные атомы, передъ которыми нѣтъ положительной, творческой задачи и которые, какъ говоритъ Объѣдокъ, могутъ «создать» только нарушеніе общественной тишины и спокойствія. «Особливые мы будемъ люди и ни въ какой порядокъ не включаемся», — философствуетъ Коноваловъ. Этимъ чандаламъ, конечно, ничто изъ благъ цивилизаціи не можетъ быть дорого, и рѣшеніе Пушкинскаго Фауста — «все утопить» — было бы имъ вполнѣ понятно. Ихъ и посѣщаютъ подобныя мечты. Такъ Мальва, выразивъ желаніе убѣжать далеко въ море и никогда больше людей не видѣть, прибавляетъ: «А иной разъ такъ бы каждаго человѣка завертѣла, да и пустила волчкомъ вокругъ себя... Избила бы весь народъ. И потомъ бы себя страшною смертью». Такъ бывшій сапожникъ Орловъ скорбитъ, что онъ «никакого геройства не совершилъ». «А и по сю пору, — продолжаетъ онъ, — хочется мнѣ отличиться на чемъ нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одного! Или вообще что нибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И потомъ внизъ тормашками съ высоты и... и въ дребезги!» (I, 332). «Зло въ глазахъ этихъ людей имѣло много привлекательнаго», — замѣчаетъ г. Горькій отъ себя (II, 230). Это не значитъ, что то были все злые люди. Напротивъ, прямо злыхъ, кажется, и совсѣмъ нѣтъ въ коллекціи г. Горькаго, а многимъ изъ его персонажей свойственны черты добродушія и великодушія, и на добрыя дѣла они способны. Емельянъ Пиляй идетъ на убійство и грабежъ, а кончаетъ спасеніемъ дѣвушки (вслѣдъ зачѣмъ, впрочемъ, совершаетъ безсмысленнѣйшій уличный скандалъ). Коноваловъ, единственно ради добраго дѣла, извлекаетъ изъ дома терпимости проститутку (изъ чего, впрочемъ, въ концѣ концовъ ничего путнаго не выходитъ). Да и Мальва вовсе не злая женщина. Но въ ожиданіи случая «избить весь народъ», она хотѣла бы хоть домъ поджечь,—«вотъ суматоха была бы!» (II, 117), а затѣмъ, сообща съ удалымъ Сережкой, придумываетъ планъ (и приводитъ его въ исполненіе) стравить отца съ сыномъ, собственно потому, что «потѣшно будетъ». На лицѣ Сережки «не было замѣтно ни злобы, ничего, кромѣ добродушной и немножко озорной улыбки», когда онъ убѣждалъ Мальву: «Ты подумай... развѣ не пріятно смотрѣть, какъ изъ за тебя люди ребра другъ другу ломаютъ? Изъ-за однихъ только твоихъ словъ?.. двинула ты языкомъ разъ, два и готово!.. Эхъ, ежели бы я красивой женщиной былъ! Такую бы я на семъ свѣтѣ заваруху завелъ!» (118). Словомъ, они готовы сдѣлать всякую пакость ближнему, и не со зла, а такъ, для утѣшенія своего *я*, надъ всемъ и всѣми возвышающимся. Это даже не индивидуалисты, а, выражаясь моднымъ, но по

нынѣшнему времени, очевидно, нужнымъ терминомъ,—«эготисты». Орловъ заявляетъ своей женѣ Матренѣ, что ему жениться не слѣдовало бы, а лучше бы идти въ босяки. «Такъ иди, — говоритъ Матрена, — а меня отпусти на волю». Но Орловъ ее за эти слова прибилъ «безпощадно»... Одно дѣло самъ онъ и другое дѣло — его жена...

Но этотъ эпизодъ уже вводитъ насъ въ область отношеній героевъ г. Горькаго къ женщинамъ, объ чемъ до слѣдующаго раза.

Ник. Михайловскій.

Пасынки общественной медицины*).

По даннымъ медицинскаго департамента **), на Европейскую Россію (включая Кавказъ) приходится 12,814 врачей и 17,503 фельдшеровъ и фельдшерицъ. За исключеніемъ губерній Петербургской и Пермской, а также земли Войска Донского (по которымъ не дано свѣдѣній о распредѣленіи медицинскаго персонала между городомъ и деревней) изъ остального количества (12,180 врачей и 16,212 фельдшеровъ)—8,611 врачей (болѣе 70%) живутъ въ городахъ и только 30% (3,569)—въ деревнѣ. Фельдшера распредѣляются въ обратномъ порядкѣ: 64% приходится на деревню (10,453) и только 36% живутъ въ городахъ (5,759). Уже эти цифры показываютъ до извѣстной степени, какой нуждѣ стремится удовлетворить институтъ фельдшеровъ. Что спросъ на фельдшерскую помощь со

*) Давая на страницахъ «Р. Богатства» мѣсто настоящей статьѣ, редакція не имѣетъ въ виду рѣшать принципіально вопросъ о такъ называемомъ «фельдшеризмѣ», занимающемъ сильно и врачей, и земства. Наступило ли уже время думать о замѣнѣ «полуврачей» фельдшеровъ настоящими врачами, или, быть можетъ, долго еще придется стремиться къ замѣнѣ хотя бы фельдшерами безчисленныхъ знахарей, дѣйствующихъ порой невинными, а порой самыми варварскими «цѣлебными» средствами по всему лицу нашего обширнаго отечества,—этотъ вопросъ остается незатронутымъ въ настоящей замѣткѣ. Какъ бы то ни было однако,—институтъ фельдшеровъ существуетъ, и попытка освѣтить до извѣстной степени общественное положеніе этихъ «пасынковъ общественной медицины» заслуживаетъ полнаго вниманія. *Ред.*

**) Отчетъ за 1895 г.—«Вѣстникъ общ. гигіены, судебной и практической медицины», 1897, кн. XII и 1898, кн. I II.

стороны темной и почти безпомощной деревни не прекращается, видно изъ того факта, что, не смотря на многочисленныя нападки на «фельдшеризмъ»—количество фельдшеровъ и фельдшерскихъ участковъ ежегодно возрастаетъ въ значительной прогрессіи.

Слово *фельдшеръ* объединяетъ въ одномъ понятіи цѣлый классъ людей, рѣзко различающихся какъ по общему, такъ и по спеціальному образовательному цензу. Родиной этого слова была Германія; къ намъ же оно перешло оттуда. Но въ то время, какъ на западѣ должность и званіе фельдшера уже упразднены,—у насъ они претерпѣли двоякое измѣненіе. Въ войскахъ, на случай военнаго времени, подготовляется фельдшеръ, который до сихъ поръ находится въ качествѣ простого исполнителя порученій врача, т. е. остался почти въ тѣхъ же рамкахъ, въ какихъ онъ былъ и съ самаго возникновенія института. Между тѣмъ въ гражданскомъ быту дѣятельность фельдшера получила дальнѣйшее развитіе. При уничтоженіи крѣпостной зависимости и введеніи земства была организована медицинская помощь народу, были учреждены спеціальныя заведенія, которыхъ теперь въ Россіи болѣе 25, для подготовленія въ помощь врачу «низшаго медицинскаго персонала». Съ теченіемъ времени, благодаря численному недостатку врачей и все возраставшему спросу на медицинскую помощь, границы дѣятельности фельдшера значительно расширились, а въ зависимости отъ этого увеличилось число и объемъ проходимыхъ имъ въ школѣ предметовъ. Выработанная въ 1872 году, такъ называемая, *нормальная программа*, показывающая минимумъ знаній для фельдшера, давно уже не удовлетворяетъ ни одну фельдшерскую школу. И это вполнѣ понятно. Успѣхи медицины, какъ науки, не могли остаться безъ вліянія на спеціальномъ образованіи фельдшеровъ. Современный «школьный» фельдшеръ имѣетъ болѣе ясное и правильное понятіе о нѣкоторыхъ болѣзняхъ, чѣмъ 15—25 лѣтъ тому назадъ иной врачъ. Нельзя, однако, не признать, что отсутствіе однообразной программы, которой бы могли придерживаться школы, всетаки внесло путаницу въ дѣло обученія фельдшеровъ. Поэтому даже между школьными фельдшерами, по общему и спеціальному образованію, существуютъ нѣкоторыя градаціи. Высшую ступень занимаютъ фельдшера и фельдшерицы съ болѣе продолжительнымъ курсомъ, а низшую,—вышедшія изъ школъ, гдѣ срокъ ученія слишкомъ сокращенъ.

Впрочемъ, рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ, и будущіе фельдшера не встрѣтятся въ школахъ съ указанною ненормальностью. Основываясь на томъ, что «*весьма часто*, за отсутствіемъ врачей, *фельдшерамъ приходится дѣйствовать самостоятельно*» и что обученіе въ фельдшерскихъ школахъ ведется по самымъ разнообразнымъ программамъ, медицинскій совѣтъ въ истекшемъ году выработалъ *новую* нормальную программу съ увеличеннымъ числомъ и объемомъ предметовъ, подлежащихъ изученію, и обязательнымъ для всѣхъ фельдшерскихъ школъ 4-хъ-

лѣтнимъ курсомъ *). Программа уже утверждена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и вводится въ дѣйствіе.

До поступленія въ школу, такъ называемые, школьные фельдшера обыкновенно оканчиваютъ курсъ 3—4 классныхъ городскихъ училищъ, или проходятъ 4 класса гимназіи, а затѣмъ въ школѣ они изучаютъ цѣлую серію медицинскихъ предметовъ. Тогда какъ подготовка войсковыхъ (ротныхъ, эскадронныхъ, батарейныхъ и т. п.) фельдшеровъ не идетъ дальше обученія правильному уходу за больными. Набираются эти фельдшера изъ молодыхъ, маломальски грамотныхъ солдатъ.

Такимъ образомъ у насъ создалось два типа фельдшера— школьный и войсковой, — строго обособленные по своему общему и спеціальному образованію и по дѣятельности. Но — странное дѣло! — оба они носятъ одно и то же названіе. Отсюда сдѣлалось весьма растяжимымъ и сбивчивымъ самое понятіе, которое связывается со словомъ—фельдшеръ. Съ одной стороны, подчиняясь эволюціи, оно, какъ и нѣкоторыя другія заимствованныя слова, фактически утратило свой первоначальный смыслъ; но съ другой—за нимъ еще сохраняется прежнее значеніе. Нужно замѣтить, что школьный и войсковой фельдшера смѣшиваются другъ съ другомъ не только публикой, но и врачами. Любопытный случай въ этомъ отношеніи произошелъ недавно въ г. Невелѣ. Газета «Курьеръ» (1898 г., № 35) разсказываетъ:

Поселившійся недавно въ г. Невелѣ, Витебской губ., фельдшеръ Р. прибилъ на своихъ дверяхъ вывѣску: «фельдшеръ съ высшимъ образованіемъ». Но невельскій городовой врачъ г. Р., находя, что «такія вывѣски могутъ ввести публику въ заблужденіе», распорядился о снятіи вывѣски. Фельдшеръ же Р. подалъ прошеніе въ витебское губернское правленіе, въ коемъ онъ проситъ разрѣшить ему прибить таковую вывѣску, ссылаясь на свой аттестатъ. Врачебное отдѣленіе высказалось утвердительно по этому вопросу, т. е. всякій фельдшеръ, окончившій могилевскую центральную фельдшерскую школу, можетъ прибить къ дверямъ вывѣску: «фельдшеръ съ высшимъ образованіемъ».

На страницахъ «Фельдшера»—пока единственнаго органа, обсуждающаго вопросы фельдшерскаго быта — неоднократно отмѣчалось, что къ наиболѣе больнымъ мѣстамъ фельдшерской дѣйствительности принадлежитъ спутанность и неопредѣленность законоположеній о фельдшерахъ. Въ лицѣ школьныхъ представителей нынѣшній фельдшеръ во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ неизмѣримо выше своего предшественника, дореформеннаго «рудомета», и во многихъ отношеніяхъ—выше своего современника, войскового собрата. Не смотря на это, надъ нимъ все еще тяготѣетъ прежнее устарѣвшее законодательство. Всякое должностное лицо той или иной профессіи имѣетъ извѣстныя права, которыми опредѣляются его служебныя обязанности. Этого, однако, нельзя сказать про фельд-

*) «Вѣстникъ общественной гигіены, судебн. и практической медицины», 1897 г., № 6.

шера, поставленнаго въ «полное подчиненіе» и «безпрекословное повиновеніе» врачу. Въ виду того, что онъ является величиною неопредѣленной, не застрахованной даже отъ произвола и капризовъ ближайшаго начальства, нисколько не удивительно, что про фельдшера приходится слышать самыя противорѣчащія мнѣнія. У общества нѣтъ критерія для сужденія о фельдшерѣ на основаніи вынесенныхъ впечатлѣній изъ случайнаго знакомства съ его дѣятельностью и съ нимъ самимъ. Къ тому же не могутъ быть одинаковы и полученныя впечатлѣнія, во первыхъ, въ силу разнаго образованія фельдшеровъ (школьный и войсковой), а во вторыхъ — различнаго ихъ положенія. На ряду со школьными фельдшерами—иногда вслѣдствіе ихъ недостаточности, а часто и по другимъ соображеніямъ—допускаются на службу и ротные.

Что же касается служебнаго положенія фельдшеровъ, то къ нему всецѣло приложима поговорка: «что городъ — то норовъ, что деревня—то обычай». Д-ръ Никольскій объяснилъ IV съѣзду врачей Саратовской губерніи, что земскимъ фельдшерамъ Саратовскаго уѣзда «было наказано отнюдь не употреблять меркуріальныхъ препаратовъ» при лѣченіи сифилитиковъ *). Ртуть же до сего времени остается единственнымъ средствомъ, съ помощью котораго возможно достигнуть излѣченія сифилиса. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобный порядокъ вещей сводитъ продуктивность работы фельдшеровъ къ минимуму и въ то-же время умаляетъ ихъ значеніе въ борьбѣ съ этою ужасною болѣзнью, все болѣе и болѣе распространяющеюся среди населенія.

Отсутствіе точнаго и яснаго закона о фельдшерахъ весьма часто ставитъ ихъ въ крайне щекотливое положеніе и служитъ поводомъ для возникновенія довольно странныхъ распорядковъ. Примѣромъ могутъ быть нѣкоторые §§ Инструкціи для фельдшеровъ Сызрано-Вяземской желѣзной дороги.

«§ 12. При пользованіи больныхъ (фельдшера) должны возможно воздерживаться отъ лѣченія *во что-бы то ни стало*, употребляя лѣкарство только въ случаяхъ дѣйствительной надобности, памятуя, что легкія болѣзни проходятъ безъ всякаго лѣченія, а лѣченіе тяжелыхъ болѣзней не входитъ въ кругъ обязанностей фельдшеровъ».

Но—курьезная вещь!—тѣмъ же фельдшерамъ предписывается выдавать медикаменты по требованію пассажировъ.

«§ 14. Въ случаѣ требованія кѣмъ-либо изъ пассажировъ, желающихъ лично пользоваться въ своей болѣзни необходимыми медикаментами и средствами, таковые должны быть выдаваемы фельдшерами безпрекословно, причемъ должны наблюдать только за тѣмъ, чтобы употребленіе лѣкарствъ было сдѣлано въ допущенныхъ фармакопеей пріемахъ и формахъ».

Далѣе, § 5 предписываетъ фельдшерамъ находиться въ полной

*) Протоколы IV съѣзда земскихъ врачей Саратовской губ., стр. 151.

«зависимости и распоряженіи» врача; а по § 6 имъ, кромѣ того, вмѣняется въ обязанность «безпрекословно выполнять» требованія и «другихъ оффиціальныхъ лицъ».

Въ началѣ прошлаго года г. тамбовскій губернаторъ издалъ распоряженіе, чтобы фельдшера въ своей практикѣ не примѣняли сильно дѣйствующихъ средствъ (Циркуляръ отъ 8 января 1897 г. за № 56 *). Отъ фельдшеровъ была отобрана подписка и представлена въ мѣстное врачебное отдѣленіе.

Слѣдуя буквѣ закона, г. губернаторъ, пожалуй, не могъ поступить иначе; тѣмъ не менѣе подобныя распоряженія не соотвѣтствуютъ требованіямъ жизни. При современномъ уровнѣ научныхъ знаній, безъ нѣкоторыхъ средствъ (напр., сулемы, карболовой кислоты, іодоформа и т. п.), принадлежащихъ къ сильно дѣйствующимъ, рѣшительно невозможно выполнить, въ особенности при деревенской обстановкѣ, ни одного хирургическаго пособія, не рискуя вмѣсто пользы причинить вредъ. Можно напередъ утверждать, что въ той же Тамбовской губ. чрезъ годъ или два совершенно откажутся слѣдовать предписанію губернатора. По крайней мѣрѣ, такъ случилось въ Саратовской губ. Достойно также вниманія, что сила упомянутаго циркуляра распространяется лишь на фельдшеровъ Тамбовской губ.; но на рукахъ у тѣхъ же самыхъ фельдшеровъ за предѣлами Тамбовской губ. сильно дѣйствующія средства имѣются. Кромѣ того, распоряженіе г. тамбовскаго губернатора противорѣчитъ нѣкоторымъ указаніямъ закона. Ст. 872 Уложен. о наказ. (св. зак. т. XV, издан. 1885 г.) говоритъ слѣдующее: «Не оставившіе практики фельдшера, которые по приглашенію больныхъ не явятся для поданія имъ помощи, безъ законныхъ къ тому препятствій, подвергаются за сіе: въ первый разъ денежному взысканію не свыше десяти рублей; во второй—не свыше пятидесяти, а въ третій—не свыше ста рублей. Если кто-либо изъ нихъ состоитъ на службѣ, то, сверхъ постановленныхъ денежныхъ взысканій, можетъ за такую неоднократно оказываемую неисправность и неуваженіе къ страдающему человѣчеству быть отрѣшенъ отъ должности». «Если же притомъ они знали объ опасности больного, то сверхъ сего, по ст. 1522, приговариваются къ аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ».

Итакъ, подъ угрозой строгого взысканія, законъ обязываетъ фельдшера являться къ больнымъ по требованію и оказывать имъ соотвѣтствующую медицинскую помощь, т. е.—другими словами—разрѣшаетъ ему заниматься практикой. Спрашивается: какъ можно лѣчить больныхъ, не имѣя права употреблять *надлежащихъ* средствъ? Гдѣ выходъ изъ этого ложнаго положенія? Безъ твердой почвы подъ ногами фельдшеръ одинаково будетъ отвѣчать не только за каждый неудачный шагъ, но, если ему захотятъ повредить, и за разумное

*) «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости», 1897 г., 11 января.

дѣяніе. Краснорѣчивой иллюстраціей могутъ быть нижеприведенные судебные процессы.

По жалобѣ врача Волковыскаго, мировой судья обвинилъ фельдшера Сырмана въ мошенничествѣ и приговорилъ его къ двухъ-мѣсячному аресту. Въ слѣдующей же судебной инстанціи была установлена полная невиновность г. Сырмана. Не найдя состава преступленія въ его дѣйствіяхъ, съѣздъ мировыхъ судей выяснилъ, что, какъ участковый фельдшеръ, г. Сырманъ оказывалъ помощь безкорыстно *).

Менѣе счастливо отдѣлался фельдшеръ М., который завѣдывалъ самостоятельнымъ пунктомъ въ *80 верстахъ* отъ своего участковаго врача. Обстоятельства дѣла, какъ передаетъ газета «Фельдшеръ» (1897 г., № 23), заключались въ слѣдующемъ:

Въ срединѣ іюля, когда въ городѣ В. и его окрестностяхъ свирѣпствовала эпидемія кроваваго поноса, къ больному помѣщику, жившему въ 2-хъ верстахъ отъ города, былъ приглашенъ частный врачъ *М—ръ*; помѣщикъ, зная, что одинъ изъ его рабочихъ тоже боленъ дизентеріей, просилъ врача осмотрѣть и того. Но рабочій заявилъ врачу, что онъ уже пользуется у фельдшера М. и получилъ лѣкарство, которымъ совершенно доволенъ, а потому къ помощи врача обращаться не желаетъ.

Считая, вѣроятно, такое предпочтеніе для себя обиднымъ, врачъ отобралъ данные фельдшеромъ порошки отъ больного; далѣе, сдѣлавъ наказъ, чтобы къ фельдшеру за совѣтами обращаться больше не смѣли, врачъ прописалъ больному морфій съ лавровишневыми каплями.

По прибытіи въ городъ, врачъ представилъ отобранные порошки въ полицейское управленіе, прося начать противъ фельдшера М. уголовное преслѣдованіе.

Произведенный анализъ обнаружилъ въ порошкахъ небольшое количество морфія (т. е. того-же лѣкарства, какое назначилъ и врачъ. *Авт.*), почему дѣло это и передано было мировому судьѣ для привлеченія фельдшера М. къ отвѣтственности по статьѣ 104 устава о наказаніяхъ.

Мировой судья призналъ фельдшера виновнымъ и приговорилъ его къ штрафу въ пять рублей.

Значитъ, вслѣдствіе противорѣчій въ законодательствѣ, фельдшеръ понесъ наказаніе, если судить по назначенію врача, даже за разумную помощь. Но это сообщеніе поучительно и въ другомъ отношеніи: повидимому, врачеваніе фельдшера признано незаконнымъ лишь потому, что оно случайно распространилось на больного изъ другого участка. Всѣ же пособія, которыя фельдшеръ оказываетъ больнымъ своего района, хотя бы при назначеніи сильнодѣйствующихъ средствъ, не считаются беззаконіемъ и не преслѣдуются. Оказывается, что положеніе фельдшера, какъ врачевателя, несравненно хуже, чѣмъ любого знахаря. Послѣдній привлекается къ отвѣтственности въ томъ только случаѣ, когда примѣненіемъ сильнодѣйствующаго средства причинитъ больному вредъ или смерть. А фельдшеръ подвергается наказанію и за раціональную помощь, если это будетъ угодно врачу.

---

*) «Виленскій Вѣстникъ», 1895 г.—«Фельдшеръ», 1895 г., № 17.

Фельдшера не одинъ разъ пробовали взывать къ суду общественнаго мнѣнія, не одинъ разъ указывали на ненормальности своего положенія; но пока безъ всякаго успѣха. Доводы фельдшеровъ въ свою защиту остаются «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Не мудрено, поэтому, что для фельдшера сплошь и рядомъ создаются гнетущія условія жизни и дѣятельности. Ожесточенныя нападки на фельдшеризмъ помогли дѣлу и въ конецъ отравили и безъ того уже плачевное существованіе фельдшеровъ. Ихъ трудъ нерѣдко оплачивается почти нищенскимъ содержаніемъ; они не имѣютъ покоя ни днемъ, ни ночью, не имѣютъ минуты, въ которую бы могли располагать собой вполнѣ; ихъ круглый годъ—въ дождь и мятель, въ слякость и ростепель—гоняютъ по больнымъ. При разъѣздахъ по дѣламъ службы фельдшера получаютъ вмѣсто лошади какую-нибудь клячу, да и то зачастую предварительно выслушавъ градъ ругательствъ отъ почтосодержателя.

«Признавая и называя сельскаго учителя труженикомъ, совершенно игнорируютъ трудъ фельдшера,—сообщаетъ одинъ изъ земскихъ врачей на запросъ г. казанскаго врачебнаго инспектора объ условіяхъ службы фельдшеровъ,—и если сравнить ихъ работу, то получится большая разница. При одинаковомъ вознагражденіи учитель работаетъ въ день 5 часовъ, а остальное время дня свободенъ; работаетъ 5—6 мѣсяцевъ въ годъ; фельдшеръ же, работая подъ часъ 8—10 часовъ въ сутки, не имѣетъ ни одного свободнаго дня въ году, даже праздники не освобождаютъ его отъ работы; отпуски фельдшерамъ даются не потому, что они имѣютъ на нихъ законнѣйшее право, а какъ особая милость, да и то очень рѣдко» *).

Въ селахъ фельдшерамъ приходится жить въ простыхъ крестьянскихъ избахъ, нерѣдко вмѣстѣ съ домохозяевами и ихъ живымъ инвентаремъ. Сюда же къ фельдшеру приходятъ и больные, между которыми почти всегда имѣются заразные. Какъ хороши и удобны такія фельдшерскія амбулаторіи, — легко судить по описанію земскаго врача 5 участка Царевококшайскаго уѣзда, А. А. Бедрина.

«При пріемѣ аптекъ отъ фельдшеровъ,—пишетъ онъ въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ,—я нашелъ слѣдующее. Лушмарская аптека находилась, да и по сіе время находится въ отвратительномъ помѣщеніи: сыро, холодно и грязно. Эта обстановка одинаково вліяла, вліяетъ, да и будетъ вліять, если, конечно, не будетъ она измѣнена, и на аптечные препараты и приборы, и на хирургическіе инструменты, и на самого фельдшера. Каломель, напримѣръ, подъ вліяніемъ сырости и холода, превратился въ какую-то грязно-бѣлую безформенную массу, до того далекую отъ настоящаго его вида, что я могъ только узнать, что въ данномъ случаѣ имѣется каломель—по этикеткѣ на банкѣ; вѣсы мѣдные покрылись зеленью; жалкіе уже отъ времени инструменты до того проржавѣли отъ сырости и до того измѣнились, что употреблять ихъ положительно опасно, да и не возможно по ихъ внѣшнему виду: нельзя же загрязненнымъ обломкомъ ланцета, похожаго болѣе на подпилокъ, вскрывать нарывъ; да и самъ

*) Ф-ръ Ан. Петровъ. Фельдшерскій вопросъ на VII съѣздѣ земскихъ врачей Казанской губ. (2—12 сентября 1896 г.), стр. 26.

фельдшеръ совершенно гармонировалъ съ этой обстановкой: блѣдный, съ воспаленными глазами, насморкомъ и непріятнымъ, докучливымъ кашлемъ, болѣе походилъ на какого-то заточеннаго узника среднихъ вѣковъ, чѣмъ на настоящаго фельдшера — расторопнаго, здороваго и веселаго работника» *).

Не говоря уже про рискъ получить ту или другую болѣзнь, которому подвергается ни въ чемъ не повинное семейство фельдшера, нельзя обойти молчаніемъ, что такой порядокъ дурно отражается и на медицинскомъ дѣлѣ. Самъ фельдшеръ страдаетъ нравственно и его же обвиняютъ въ нерадѣніи, безполезности и т. д. До чего, однако, доходитъ безучастіе иныхъ врачей къ своимъ помощникамъ-фельдшерамъ, показываетъ постановленіе черниговскаго съѣзда.

Съѣзду врачей—передаютъ «Биржевыя Вѣдомости» (1897 г., № 338),—предстояло высказаться «по вопросу объ улучшеніи обстановки существующихъ фельдшерскихъ амбулаторій, «для огражденія семьи фельдшера отъ зараженій». Съѣздъ... порѣшилъ подавить въ себѣ всякую «мягкость» и «не призналъ возможнымъ рекомендовать улучшеніе фельдшерскихъ амбулаторій, «въ виду принципіальныхъ соображеній» о вредности фельдшеровъ».

Едва ли въ лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ живутъ и городскіе фельдшера. Ни квартиръ, ни квартирныхъ денегъ, по большей части, имъ не полагается; а если и дается готовая квартира, то это—1-2 маленькихъ комнаты, гдѣ нибудь на чердакѣ или въ подвальномъ этажѣ, часто темныя, сырыя и холодныя. Намъ доводилось видѣть квартиры нѣкоторыхъ городскихъ фельдшеровъ; но что это за жилыя помѣщенія! Небольшая комната въ нижнемъ этажѣ; съ одной стороны къ ней прилегаетъ холодный корридоръ, а съ другой—отхожее мѣсто. Отъ влажной стѣны воздухъ въ квартирѣ постоянно пропитанъ зловоніемъ.

«Даже новыя московскія клиники—гордость нашей медицины—страдаютъ этимъ недостаткомъ», говоритъ фельдшеръ Гр. Коваленко въ своихъ «Злободневныхъ очеркахъ». «Въ госпитальной терапевтической клиникѣ квартира фельдшерицы помѣщается на чердакѣ, состоитъ изъ одной темной и низенькой комнаты съ какой то щелью подъ потолкомъ, вмѣсто окна. Просвѣщенная строительная коммиссія позаботилась обо всемъ и обо всѣхъ, только не о фельдшерскихъ квартирахъ... А между тѣмъ фельдшеровъ обязываютъ жить непремѣнно въ клиникахъ» **).

Но это еще далеко не все. Начальство въ большинствѣ случаевъ относится къ фельдшерамъ высокомѣрно и почти всегда третируетъ и унижаетъ ихъ. По словамъ черниговскаго корреспондента газеты «Фельдшеръ», черниговская уѣздная управа, напр.,

*) «Фельдшеръ», 1887 г., № 21.
**) «Фельдшеръ» 1895 г., № 22.

отзывается о фельдшерѣ, какъ о человѣкѣ, «не нуждающемся ни въ какихъ улучшеніяхъ и могущемъ въ силу своего крестьянскаго происхожденія жить и служить при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ» *). А новохоперская—даже въ оффиціальныхъ бумагахъ не признаетъ иной формы обращенія съ фельдшерами, какъ на *ты*.

Здѣсь невольно приходитъ на память распоряженіе харьковскаго губернскаго правленія о томъ, чтобы становые пристава строго соблюдали правила вѣжливости съ подчиненными (старостами, сотскими и десятскими) не только въ перепискѣ, но и при личныхъ сношеніяхъ. Поводомъ послужила жалоба одного изъ старостъ на своего пристава. Приставъ прислалъ старостѣ бумагу, которую тотъ нашелъ для себя обидной **).

„Врачи «образцовой» пермской больницы—разсказываетъ «Камско-Волжскій Край» (1897 г., 31 октября)—усиленно принялись культивировать молчалинскія правила въ своихъ подчиненныхъ. Началось съ одного молодого врача, которому фельдшеръ больницы при встрѣчахъ не кланялся. У врача явилось «предубѣжденіе» противъ фельдшера. Что оставалось дѣлать непокорному фельдшеру, какъ не уйти, и онъ ушелъ изъ образцовой больницы, отъ образцоваго врача. Другой врачъ, г. Ц., сталъ совершенно несправедливо придираться къ фельдшерицѣ и своимъ грубымъ обращеніемъ довелъ ее до того, что она перестала при встрѣчахъ кланяться ему. Г. Ц. это привело прямо въ бѣшенство.—«Неужели вы не понимаете своего глупаго поведенія? накинулся онъ на фельдшерицу. Неужели вы не знаете, что когда вы проходите мимо врача, то должны ему кланяться!» Фельдшерица продолжала упорствовать.—„Неужели вы и теперь меня не замѣчаете?“ вопилъ врачъ.

«И откуда въ фельдшерахъ такой гоноръ?» размышляли коллеги этихъ почтенныхъ врачей. «Отъ слишкомъ деликатнаго обращенія», рѣшилъ молодой хирургъ и далъ клятву отнынѣ быть построже“.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1896 г. коммиссія докладывала казанскому съѣзду врачей, что при настоящемъ положеніи земско-медицинскаго дѣла фельдшера необходимы и что, ради наибольшей продуктивности, нужно поставить ихъ въ лучшія условія дѣятельности, а также облегчить участь самихъ тружениковъ ***). Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что коммиссія почти наполовину состояла изъ ординаторовъ губернской больницы. Между тѣмъ, какъ передаетъ «Волжскій Вѣстникъ» (1897 г., № 87), врачи казанской земской больницы стараются держать фельдшеровъ

«въ черномъ тѣлѣ». Вотъ тому наглядный примѣръ. Оказывается, что во всемъ громадномъ зданіи больницы не нашлось помѣщенія для дежурнаго фельдшера, кровать котораго стоитъ въ коридорѣ мужского отдѣленія, гдѣ не рѣдко служитъ мѣстомъ отдохновенія какъ для больныхъ, такъ и прислуги. Не удивительно поэтому, что фельдшера дежурятъ не въ больницѣ, а въ собственныхъ квартирахъ. Въ прежнее время, гово-

*) «Фельдшеръ», 1898 г., № 5.

**) «Южанинъ», 1897 г., № 235.

***) Фельдшерскій вопросъ на съѣздѣ земскихъ врачей Казанской губ. 1897

рать, для дежурныхъ фельдшеровъ имѣлась отдѣльная комната, но она съ нѣкоторыхъ поръ, по какимъ-то соображеніямъ старшаго врача, упразднена.

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ, что губернская земская больница, не смотря на существующую при ней фельдшерскую школу, часто нуждается въ фельдшерахъ и принуждена довольствоваться, какъ напр., въ данное время, даже въ должности старшаго фельдшера (по случаю болѣзни послѣдняго) бывшимъ ротнымъ фельдшеромъ».

Когда говорятъ о фельдшерахъ, то обыкновенно указываютъ на низкій ихъ умственный или нравственный уровень; но, какъ видно, нѣкоторые врачи и прочее начальство не долюбливаютъ и развитыхъ фельдшеровъ. «Новости» (1897 г., № 228) сообщаютъ, что сторонникомъ гласности на Сормовскихъ заводахъ оказался «простой служитель медицины» — фельдшеръ, который за свое сотрудничество въ «Волгарѣ» навлекъ на себя негодованіе директора заводовъ, а также врача заводской больницы и поплатился потерею мѣста.

«Интересно — говоритъ газета — отмѣтить нѣкоторыя подробности, касающіяся удаленія со службы фельдшера. 14-го мая врачъ заводовъ, придя въ больницу и встрѣтя тамъ фельдшера, обратился къ нему съ такими словами: «вамъ, конечно, извѣстно, что вашимъ писаніемъ въ газетахъ очень многіе недовольны; въ виду этого вамъ необходимо подыскать другое мѣсто». Это буквальныя слова врача, сказанныя имъ фельдшеру, въ присутствіи бывшихъ въ то время тутъ другихъ фельдшеровъ. Послѣ такихъ словъ фельдшеръ-корреспондентъ попытался было протестовать противъ увольненія его отъ службы, говоря, что «писать и говорить правду никому не возбраняется, да, наконецъ, и можетъ ли это служить причиной къ его увольненію, когда онъ въ исполненіи обязанностей фельдшера исправенъ, когда онъ за все время службы на заводахъ, за свое добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, кромѣ лестныхъ отзывовъ какъ со стороны больныхъ, такъ и со стороны самого врача ничего не слыхалъ». Но этотъ справедливый протестъ фельдшера былъ «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», врачъ не слушалъ его, заявивъ, что «этотъ вопросъ рѣшенъ уже категорически».

Нужно, однако, замѣтить, что подобный случай далеко не единиченъ. Иногда фельдшера несутъ кару даже за чужія прегрѣшенія и поступки.

Со словъ «Казанскаго Телеграфа», газета «Фельдшеръ» (1898 г., № 2) приводитъ, что

8 ноября 1897 г. г. казанскій губернаторъ, посѣтивъ, въ сопровожденіи г. врачебнаго инспектора, Забулачную больницу, находящуюся въ вѣдѣніи города, обнаружилъ тамъ многіе безпорядки: переполненіе палатъ больными, дурныя качества прислуги, обращеніе усыпальницы въ курятникъ и т. д. Не смотря на то, что надзоръ за зданіями ввѣренъ дѣлопроизводителю управы *Мясникову*, а больницей завѣдуетъ д-ръ *Захарьевскій*, городская управа, по какой то непонятной логикѣ, признала во всемъ виновной фельдшерицу-акушерку *Иванову-Гольшухъ* и немедленно уволила ее со службы. Акушерка *Сесюнина*, не желая подобнаго репримaнда управы, сама подала прошеніе объ отставкѣ. Впрочемъ, поступокъ управы остается загадкой для самого д-ра Захарьевскаго, который выдалъ г-жѣ Ивановой-

Гольшухъ аттестацію о службѣ слѣдующаго содержанія: «акушерка-фельдшерица Софья Петровна Иванова-Гольшухъ, съ 20 сентября 1895 г. по 11 ноября 1897 г. занимала должность фельдшерицы-акушерки при думскомъ врачѣ 1-го участка г. Казани, а съ 16 іюля 1896 г., кромѣ того, занимала должность акушерки въ городскомъ родильномъ покоѣ при томъ же думскомъ врачѣ, безъ особой за то платы. Работа г-жи Ивановой-Гольшухъ по обѣимъ должностямъ заслуживаетъ высокой похвалы какъ по знанію дѣла, такъ и по той самоотверженности и добросовѣстности, съ какою относилась г-жа Иванова-Гольшухъ къ своему дѣлу».

Точно такая же участь постигла фельдшера Ольшанскаго, прослужившаго полтавскому уѣздному земству 17 лѣтъ. 29 сентября 1896 г. г. Поповъ (членъ ревизіонной коммиссіи полтавскаго уѣзднаго земства) внесъ въ очередное собраніе докладъ. Въ этомъ докладѣ онъ указалъ на нѣкоторые грѣшки 5 медицинскаго участка и, между прочимъ, упомянулъ, что земскіе врачи «эксплоатируютъ чужой трудъ для личныхъ цѣлей». Дѣло въ томъ, что въ отсутствіе врача фельдшера и фельдшерицы принимаютъ приходящихъ больныхъ и посѣщаютъ ихъ на дому; въ медицинскихъ же отчетахъ всѣ эти совѣты значатся какъ оказанные самимъ врачемъ. Сообщеніе г. Попова было столь ново и неожиданно, что вызвало среди гласныхъ весьма оживленный обмѣнъ мнѣній и сильно не понравилось земскимъ врачамъ и управѣ. Послѣдніе въ доставленіи свѣдѣній для доклада заподозрили фельдшера Ольшанскаго и поторопились удалить его со службы. По поводу этого были напечатаны корреспонденціи въ «Южномъ Краѣ» и въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Въ своемъ опроверженіи г. Старицкій (предсѣдатель управы) объяснилъ, будто фельдшеръ «отмѣнялъ методы лѣченія врача и не допускалъ больныхъ принимать назначенныя врачемъ лѣкарства» *). Но основательность обвиненій, возводимыхъ на фельдшера, категорически отрицаетъ г. Поповъ.

«Я—пишетъ онъ—могу только сказать, что, просмотрѣвъ по листику всѣ дѣла по земской медицинѣ 1895 г. включительно по 10-е августа 1896 года, я рѣшительно ничего не нашелъ въ дѣлахъ управы относящагося къ неправильнымъ дѣйствіямъ г. Ольшанскаго въ служебномъ отношеніи, въ чемъ обвиняли его врачъ и управа, и потому думаю и убѣжденъ, что это позднѣйшее измышленіе ничего общаго съ дѣйствительностію не имѣетъ. Между тѣмъ я имѣю полное основаніе утверждать, что несправедливый и столь жестокій поступокъ управы въ отношеніи г. Ольшанскаго принесъ огромный вредъ населенію, которое въ лицѣ г. Ольшанскаго лишилось опытнаго фельдшера и усерднаго земскаго труженика, приносившаго страждущему народу огромную пользу» **).

Фельдшерамъ отовсюду грозитъ непріятность; но все прочнѣе и прочнѣе устанавливающіяся пагубныя условія, при которыхъ протекаетъ ихъ жизнь и дѣятельность, вызываютъ, разумѣется, реакцію и со стороны этихъ тружениковъ. Смотря по обстоятельствамъ и индивидуальнымъ особенностямъ того или другого лица, она про-

*) «Биржевыя Вѣдомости», 1897 г., № 35.
**) «Фельдшеръ», № 1897 г., № 22.

является различно. Одни фельдшера, прослуживъ 3—5 и болѣе лѣтъ, избираютъ себѣ новую профессію, или продолжаютъ свое образованіе, причемъ нѣкоторые изъ нихъ поступаютъ даже въ университеты; другіе, изнемогая въ неравной борьбѣ, ослабѣваютъ духомъ и падаютъ нравственно; третьи—преждевременно сходятъ въ могилу и четвертые, наконецъ (а такихъ большинство), съ цѣлью самозащиты прибѣгаютъ къ единственному средству, которое суровая судьба оставила имъ для огражденія своихъ служебныхъ правъ и человѣческаго достоинства—это уходъ со службы ради перемѣны мѣста. Средство, нѣтъ спору, крайнее и рискованное; но надо полагать, что къ этой формѣ протеста, выпавшей на долю фельдшеровъ, они прибѣгаютъ довольно часто.

Къ протесту фельдшеровъ противъ матеріально и духовно приниженнаго положенія относятся въ разныхъ мѣстахъ различно. Иныя земства, находя стремленіе фельдшеровъ охранять свое человѣческое достоинство вполнѣ естественнымъ, стараются улучшить условія ихъ дѣятельности и, по возможности, увеличить содержаніе. Другія же нежеланіе фельдшеровъ мириться съ невыносимо тяжелымъ положеніемъ, напротивъ, признаютъ *дерзкою претензіей и противопоставляютъ ей благодѣтельныя мѣры.*

Въ Тишанской больницѣ бобровскаго земства за послѣднія 4—5 лѣтъ оставили службу свыше 10-ти фельдшеровъ, а изъ бобровской земской больницы уволилось за тотъ же срокъ еще большее число лицъ. Казалось бы, что поголовное бѣгство служащихъ только изъ двухъ больницъ должно было навести бобровскую уѣздную земскую управу на мысль поискать дѣйствительныхъ причинъ этого прискорбнаго явленія. Но управѣ заблагоразсудилось поступить иначе. При участіи съѣзда врачей, она составила кондиціи и разослала ихъ фельдшерамъ съ требованіемъ изъявить согласіе и подписать.

Въ «Кондиціяхъ» бобровской уѣздной земской управы съ поступающими на службу въ земство фельдшерами и фельдшерицами акушерками имѣются слѣдующіе два параграфа (8 и 9), которые мы и приводимъ дословно.

«8) Въ случаѣ выхода въ отставку фельдшера или фельдшерицы-акушерки обязаны за мѣсяцъ письменно объ этомъ объявить чрезъ врача управѣ».

«9) Во время эпидемій отставка управой не допускается и въ случаѣ самовольнаго оставленія службы управа можетъ востребовать неустойку въ размѣрѣ 75 р.» *).

Никто, вѣроятно, не станетъ оспаривать, что эти параграфы не были бы *явной несправедливостью,* когда бы они одинаково рас-

*) «Журналы бобровскаго очередного и чрезвычайнаго земскаго собранія. Воронежъ. 1896 г., стр. 125.

пространялись на обѣ заинтересованныя стороны. Но, очевидно, управа не пожелала стѣснять себя: требуя отъ фельдшеровъ увѣдомленія объ увольненіи за мѣсяцъ, она оставила за собою право лишать ихъ службы въ каждый моментъ. Безцеремонность управы въ отношеніи фельдшеровъ станетъ еще замѣтнѣй, если обратить должное вниманіе на послѣдній параграфъ. Эпидеміи въ уѣздахъ, что прекрасно знаютъ всѣ и каждый, почти не прекращаются. Слѣдовательно, по § 9, управа всегда можетъ потребовать съ фельдшера неустойку, если только не захочетъ отпустить его со службы. Между фельдшерами совсѣмъ нѣтъ лицъ, которые были бы въ состояніи пожертвовать 75 руб.—и такимъ образомъ фактически эти «кондиціи» являются полнымъ закрѣпощеніемъ.

Поползновенія бирскаго земства въ этомъ направленіи пошли еще дальше. Отъ 10 марта 1897 года уѣздная управа снабдила своихъ фельдшеровъ циркуляромъ слѣдующаго содержанія:

«До свѣдѣнія управы дошло, что нѣкоторые изъ фельдшеровъ бирскаго земства, манкируя служебными обязанностями, иногда уклоняются отъ исполненія приказаній врачей, въ распоряженіи которыхъ они состоятъ, и, кромѣ того, по отношеніи къ нимъ позволяютъ себѣ грубости.

Вслѣдствіе сего и въ устраненіе на будущее время подобныхъ явленій, уѣздная управа считаетъ нужнымъ предупредить фельдшеровъ бирскаго земства, что случаи засвидѣтельствованія врача о неисполненіи ими служебныхъ обязанностей и о непозволительномъ обращеніи ихъ съ врачами, въ распоряженіи которыхъ они состоятъ, могутъ повлечь за собою увольненіе ихъ отъ службы съ такимъ аттестатомъ, съ которымъ трудно будетъ разсчитывать на пріисканіе гдѣ бы то ни было мѣста.

Примѣромъ тому можетъ служить фактъ, недавно имѣвшій мѣсто въ бирскомъ земствѣ съ фельдшеромъ Калегинской больницы Абрамовымъ, который былъ уволенъ отъ службы по распоряженію г. губернатора, не нашедшаго возможнымъ допустить его къ занятію должности фельдшера въ бирскомъ земствѣ потому только, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, Абрамовъ, состоя на службѣ въ стерлитамакскомъ земствѣ, позволилъ себѣ входить въ пререканія съ своими начальниками — врачами, отличался небрежностью и полнымъ отсутствіемъ надлежащаго служебнаго такта».

Ежели бирское земство задалось цѣлью пріучить своихъ служащихъ къ «деликатнымъ манерамъ» и взяло на себя попытку точнѣе опредѣлить отношенія фельдшеровъ къ врачамъ, то не мѣшало бы управѣ разослать кстати циркуляры и послѣднимъ. Съ кѣмъ грѣхъ не случается,—вѣдь и врачи могутъ не знать границъ между вѣжливостью и грубостью. И точно, среди врачей, какъ учитъ опытъ, встрѣчаются (и вовсе ужъ не столь рѣдко) лица, которыя примѣняютъ къ своимъ помощникамъ—фельдшерамъ далеко не «тактичные» пріемы внушенія. Изъ достаточнаго количества опубликованныхъ фактовъ возьмемъ хотя нѣкоторые. Годъ съ небольшимъ тому назадъ изъ больницы общества Донскихъ углепромышленниковъ сразу уволились три фельдшера вслѣдствіе грубаго обращенія

съ ними д-ра Ульянова. По словамъ «Врача», онъ не только позволялъ себѣ браниться и кричать на фельдшеровъ, но «даже грозилъ кулаками» *). Въ 1893 году то же самое произошло въ больницѣ ядринскаго земства, подвергшейся, по выраженію корреспондента «Волжскаго Вѣстника» (1893 г., № 82), «блокадѣ и ожесточенному штурму» со стороны д-ра Бѣднякова, который съ такимъ же успѣхомъ подвизался потомъ въ Аткарскомъ уѣздѣ **). А д-ръ Коховскій, предъ рыцарскимъ подвигомъ котораго воинственныя дѣянія гг. Ульянова и Бѣднякова просто меркнутъ. Какъ выяснилось въ судѣ, д-ръ Коховскій, при содѣйствіи и участіи своего кучера, избилъ и истерзалъ фельдшера Бѣлявскаго, изломавъ на немъ отъ излишняго усердія палку, а затѣмъ послалъ за полиціей и возбудилъ дѣло по обвиненію фельдшера въ преступленіи противъ порядка управленія ***).

Равнымъ образомъ повседневная жизнь доказываетъ, что было бы крайне опрометчиво полагаться на одно только заявленіе врача о небрежномъ отношеніи фельдшеровъ къ службѣ, а тѣмъ паче о «непозволительномъ» обращеніи ихъ съ начальствомъ. Врачи—не ангелы и «свидѣтельство» ихъ не чуждо эгоистическихъ мотивовъ и, потому, часто бываетъ весьма и весьма сомнительнымъ.

По словамъ «Южнаго Обозрѣнія» (1897 г., № 218) въ херсонскую уѣздную управу обратился фельдшеръ К. и подалъ прошеніе объ увольненіи со службы по болѣзни. Но случайно обнаружилось, что мотивировать отставку въ такой формѣ фельдшера принудилъ врачъ Васильковъ, угрожая дать о немъ плохой отзывъ. Зная по горькому опыту нѣкоторыхъ товарищей, какъ много значитъ для фельдшера аттестація врача, и имѣя въ виду, что изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее, К. согласился пожертвовать истиной, лишь бы исполнить капризное желаніе своего патрона. Газета увѣряетъ, что такихъ врачей, какъ г. Васильковъ, которые сдѣлались грозой для фельдшеровъ, въ Херсонскомъ уѣздѣ нѣсколько.

«Довольно характерная исторія разыгралась недавно въ Хвалынскомъ уѣздѣ между врачемъ и лѣкарской помощницей: врачъ М.—разсказываетъ газета «Лучъ» (1896 г., 17 декабря)—написалъ лѣкарской помощницѣ г-жѣ Г. довольно дерзкое письмо; письмо это г-жа Г. предъявила земской управѣ, прося привлечь М. къ отвѣтственности. На разбирательствѣ этого дѣла управою врачъ М. сдѣлалъ нѣсколько указаній, порочащихъ г-жу Г., не подтверждая, однако, своихъ заявленій свидѣтельскими показаніями, считая ссылку на свидѣтелей «унизительнымъ» для врача, которому, какъ авторитетному лицу, должна вѣрить управа на слово, и просилъ уволить г-жу Г. отъ службы. Но, по счастію для г-жи Г., узналъ объ этомъ членъ ревизіонной коммиссіи П. Н. Давыдовъ и потребовалъ дѣло для передачи ему на разсмотрѣніе. Тутъ выяснилось, что обвиненіе врачемъ М. г-жи Г. «лишено всякаго основанія»; такъ, напримѣръ, врачъ говоритъ о плохой

*) «Врачъ», 1896 г., № 31.
**) «Фельдшеръ», 1896 г., стр. 182.
***) «Новости», 1895 г., № 235.

дѣятельности фельдшерицы; между тѣмъ самъ онъ никогда не былъ у нея на пунктѣ; далѣе онъ указываетъ, что по винѣ Г., больная заболѣла родильной горячкой, между тѣмъ оказалось, что больная вовсе не болѣла».

Въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ истина обнаружилась. Но сколько случаевъ съ совершенно другимъ исходомъ, да и въ этихъ случаяхъ, благодаря «засвидѣтельствованію» врача, легко могли жестоко пострадать совсѣмъ невиновные фельдшера.

Что касается бирской управы, то въ справедливости вышесказаннаго она должна бы убѣдиться по злополучному фельдшеру Абрамову, на котораго сама же ссылается. Врачъ стерлитамакскаго земства нашелъ его дурнымъ человѣкомъ, а врачъ бирскаго уѣзда, какъ извѣстно управѣ, наоборотъ, былъ имъ вполнѣ доволенъ. Невозможно же, разумѣется, допустить, чтобы при діаметрально противоположныхъ мнѣніяхъ были правы оба врача!

Имѣются, къ глубокому сожалѣнію, факты, когда отъ своеобразнаго воззрѣнія врачей на фельдшеровъ и, въ зависимости отъ этого, не менѣе своеобразнаго отношенія ихъ къ послѣднимъ,— весьма проигрываетъ и само медицинское дѣло. Фельдшеръ при современномъ строѣ земской медицины является помощникомъ врача *въ самомъ широкомъ значеніи этого слова*. Но многіе изъ врачей желаютъ видѣть въ фельдшерѣ также своего лакея или кого-нибудь въ этомъ родѣ и, пользуясь правомъ сильнаго, предъявляютъ такія порученія, которыхъ отнюдь нельзя отнести къ спеціально фельдшерскимъ.

«Замѣчу кстати»,—сообщаетъ г. Бодякъ въ корреспонденціи «Мнѣніе врача о ротныхъ фельдшерахъ»,—«что одинъ фельдшеръ, принадлежащій къ хорошимъ—бывшій кучеръ д-ра Краинскаго, а другой—больничный служитель» *).

«Въ Нижне-Ломскомъ уѣздѣ Пензенской губ., не требуется, какъ я узналъ позже, знающій свое дѣло фельдшеръ» (пишетъ фельдшеръ Лосевъ въ замѣткѣ «Изъ современной жизни»), а нуженъ человѣкъ, умѣющій подавать врачу галоши, да надѣвать шубу, отчего тамъ и служатъ только солдаты, да лѣкарскіе ученики, спеціально подготовляемые докторомъ больницы къ такимъ, т. е. лакейскимъ обязанностямъ. Можете судить, каково служить въ больницѣ съ бариномъ-врачемъ и тремя самоучками фельдшерами, изъ крестьянъ того же села, исполнявшими вначалѣ служительскія обязанности, а потомъ за «стараніе и способности» повышенными въ чинѣ» **).

Существуютъ среди врачей и такія лица, которыя фельдшерскія обязанности находятъ возможнымъ довѣрять служителямъ:

«Въ одномъ изъ уѣздовъ Тульской губерніи, по словамъ ф-ра *В. А. Казанскаго*, служитъ женщина-врачъ, которая крайне дурно обращается съ фельдшерами, отчего фельдшера съ ней не уживаются и служатъ тамъ обыкновенно мѣсяцъ, много два. Но кратковременная служба фельдшеровъ, повидимому, мало ее (женщину-врача) безпокоитъ. Многія фельд-

*) «Фельдшеръ», 1896 г., № 1.

**) «Фельдшеръ», 1896 г., № 2.

шерскія обязанности у нея выполняетъ полуграмотный служитель. «Снабдивъ его лѣкарствами и сообщивъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія по діагностикѣ», она иногда посылаетъ своего служителя даже къ эпидемическимъ больнымъ» *).

О такомъ же врачѣ сообщаютъ «Уральскія вѣдомости» (1897 г. № 11).

Вотъ эти-то случаи управамъ не слѣдуетъ упускать изъ виду при выясненіи недоразумѣній между врачемъ и фельдшеромъ, а также при опредѣленія отношеній между ними. Нѣтъ ничего удивительнаго, если бирское земство чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени останется совсѣмъ безъ фельдшеровъ. Разъ управа даетъ такія полномочія своимъ врачамъ, то служба для каждаго фельдшера сопряжена съ весьма большимъ рискомъ. Дѣйствительно, какая гарантія у фельдшера, что сегодня или завтра его не наградятъ «волчьимъ билетомъ»? И, конечно, всякій благоразумый человѣкъ постарается убраться по добру по здорову изъ такого опаснаго края.

Разсматривать и обсуждать отношенія врача къ фельдшеру должно исключительно съ точки зрѣнія служебной дисциплины, но никакъ не «безпрекословнаго повиновенія» и «распоряженія», представляющихъ возведеніе въ законъ произвола и санціонирующихъ посягательство на духовную свободу человѣка. Къ тому же подобное опредѣленіе отношеній между врачемъ и фельдшеромъ, безъ сомнѣнія, можетъ оказывать деморализующее вліяніе на нихъ обоихъ и служить источникомъ недоразумѣній, вся тяжесть которыхъ будетъ ложиться на одного лишь фельдшера.

Разумѣется, мы не думаемъ обвинять *всѣхъ* врачей въ подобномъ отношеніи къ своимъ помощникамъ, и знаемъ примѣры дружной работы и истинно гуманныхъ взаимныхъ отношеній на этой почвѣ. Къ сожалѣнію, однако, это далеко не общее правило. Это съ одной стороны, съ другой—въ оскорбленіяхъ фельдшера нерѣдко изощряются и другіе «дѣятели». «Волжскій Вѣстникъ» (1896 г., № 262) сообщаетъ:

«Тетюшская земская управа долго не могла замѣстить вакансіи фельдшера въ селѣ Ф-вѣ. Наконецъ г. С., только что окончившій курсъ фельдшерской школы, согласился занять это мѣсто. Однако приглашеніе управою на эту должность фельдшера, а не фельдшерицы, почему то крайне не понравилось извѣстному въ уѣздѣ г. К—у, человѣку въ нѣкоторой степени интеллигентному. Зайдя недавно въ управу въ то время, когда фельдшеръ С. подавалъ тамъ прошеніе, г. К. обратился къ нему съ ироническимъ вопросомъ: «Ты кто»?—Прошу меня не оскорблять, говоря мнѣ ты; если же желаете знать кто я, не угодно ли справиться у членовъ управы, отвѣтилъ съ достоинствомъ г. С. «Смотри-ка:—каковъ гусь! Съ гоноромъ еще!? Ну, братъ, я тебя разложу и выдеру, какъ мнѣ захочется»—объявилъ г. К. Донельзя оскорбленный такимъ дерзкимъ поступкомъ г. С. изорвавъ свое прошеніе, быстро вышелъ изъ помѣщенія управы. Но за нимъ поспѣшилъ членъ управы и, послѣ долгихъ уговоровъ послѣдняго, фельдшеръ С. согласился временно занять мѣсто въ селѣ Ф—вѣ».

*) «Фельдшеръ», 1896 г., № 24.

Фельдшера отрываетъ отъ исполненія служебныхъ обязанностей и упрятываетъ въ кутузку безнаказано для себя и земскій начальникъ. «Если ты при встрѣчѣ со мной еще разъ осмѣлишься не снять шапки, то я тебѣ съ головой сорву ее». Такими словами земскій начальникъ 6 участка Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи увѣщевалъ доставленнаго къ нему фельдшера Ракуна и, наконецъ, распорядился запереть послѣдняго въ арестантскую при волостномъ правленіи *).

Но довольно... Дальше, кажется идти ужъ некуда!

Еще и теперь въ видѣ наиболѣе сильнаго довода за непригодность фельдшеровъ, какъ народныхъ врачевателей, любятъ ссылаться на низкій ихъ уровень, на безчеловѣчное отношеніе ихъ къ больнымъ и т. п. Было время, когда увлеченіе фельдшероненавистничествомъ переходило всякія разумныя границы. Даже лица, знакомыя съ дѣятельностью фельдшеровъ гораздо менѣе, нежели съ китайской азбукой, и тѣ изъ тщеславной боязни отстать отъ вѣка и прослыть ретроградами наперерывъ старались возможно ярче щегольнуть своимъ презрѣніемъ къ фельдшерамъ. Нашлись услужливые врачи, которые заговорили о спеціальной фельдшерской недобросовѣстности **).

«Да, велика вина и неразумѣніе этихъ темныхъ людей, говоритъ, вспоминая о холерныхъ бунтахъ, г. Коваленко (бывшій фельдшеръ, прослужившій въ этомъ званіи 10 лѣтъ и теперь покончившій съ нимъ), — но не большая ли вина лежитъ на «просвѣщенной» публикѣ, которая хотя и не убивала и не сожигала живыми этихъ честныхъ тружениковъ, за то ставила ихъ всегда въ тяжелыя условія, третировала и унижала ихъ, лишала поддержки и ободряющаго слова, не помогла имъ и не сказала спасибо, изо-дня въ день (а не только во времена эпидемій) медленно убивала ихъ душу—своимъ презрѣніемъ, безучастіемъ, равнодушіемъ?»

Мы не думаемъ бросать столь жестокое обвиненіе обществу. Настоящимъ очеркомъ мы только хотѣли обратить вниманіе общества на тяжелое положеніе фельдшеровъ и оказать услугу какъ имъ самимъ, такъ и народу, въ пользу котораго они работаютъ.

А. Горбачевичъ.

---

*) «Фельдшеръ», 1892 г, № 20.

**) «Русская медицина», 1890 г., № 30.

Эволюція владѣльческой недоимки.

*(Изъ исторіи земскихъ финансовъ *).*

«Тяжелый финансовый кризисъ, переживаемый, между прочимъ, въ ряду другихъ и нашими южнорусскими земствами,—писали мы болѣе четырнадцати лѣтъ тому назадъ **),—поневолѣ обращаетъ на себя вниманіе и вызываетъ на далеко невеселыя размышленія. Вотъ уже сколько лѣтъ, какъ земская касса сдѣлалась синонимомъ пустоты, и то съ той, то съ другой стороны доносятся громкія жалобы на чувствительныя немаловажныя финансовыя затрудненія. Въ одномъ мѣстѣ земство оказывается въ состояніи выполнить однѣ только лежащія на немъ обязательныя повинности, урѣзавъ при этомъ до невозможности расходы по необязательнымъ и оставивъ на $^2/_3$ неудовлетворенными самыя настоятельныя свои нужды и потребности. Въ другомъ мѣстѣ земство и не заикается уже о необязательныхъ потребностяхъ, не будучи въ состояніи собственными средствами выполнить даже обязательныя, почему оно вынуждено прибѣгать къ позаимствованіямъ изъ губернской земской кассы, что не всегда удается, или чаще всего къ частному займу подъ вексель кого нибудь изъ членовъ управы, за приличные, конечно, проценты. Въ третьемъ мѣстѣ служащіе въ земствѣ писцы, учителя, врачи и т. д. по нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и по цѣлымъ годамъ ждутъ не дождутся уплаты слѣдуемаго имъ жалованья; въ четвертомъ—народныя училища стоятъ безъ учебныхъ пособій, земскія аптеки—безъ медикаментовъ; въ пятомъ, наконецъ, земство открыто заявляетъ о своей полнѣйшей несостоятельности».

Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написаны были цитированныя строки, а между тѣмъ нарисованная ими кар-

*) При составленіи настоящей статьи мы пользовались главнымъ образомъ: 1) земскими смѣтами и раскладками, 2) отчетами уѣздныхъ губернскихъ земскихъ управъ, 3) журналами уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній, 4) изданіями департамента окладныхъ сборовъ: «Доходы» и «Расходы земствъ 34 губ. по смѣтамъ на 1895 г.». Остальные источники указаны въ текстѣ.

**) См. нашу статью: «Владѣльческая недоимка на югѣ Россіи» въ «Отечественныхъ Запискахъ», ноябрь, 1883 г.

тина до мельчайшихъ ея деталей кажется какъ будто бы только что списанной съ самой животрепещущей, самой злободневной дѣйствительности. Таковы — поразительное постоянство и непоколебимая устойчивость отрицательныхъ явленій нашей жизни... А, казалось бы, истекшіе полтора десятка лѣтъ представляютъ собою цѣлый крупный періодъ въ нашей государственной, общественной и экономической жизни, вліяніе котораго, быть можетъ, чувствительно скажется еще на многихъ послѣдующихъ страницахъ ея исторіи. Достаточно того, что въ теченіе этого періода само земство подверглось коренному преобразованію, сдѣлавшему его очень мало похожимъ на прежнее земство. И всетаки въ конечномъ результатѣ все какъ будто бы осталось по прежнему и цѣлаго пятнадцатилѣтія какъ не бывало. Какъ въ началѣ 80-хъ годовъ, такъ и въ концѣ текущаго десятилѣтія передъ подавляющимъ большинствомъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ стоитъ тотъ же роковой вопросъ: гдѣ взять денегъ? — вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго они по прежнему тщетно бьются. Какъ въ началѣ 80-хъ годовъ, финансовое положеніе многихъ изъ нихъ оказывается и въ настоящее время прямо-таки трагическимъ. Различіе развѣ только въ томъ, что въ настоящее время познакомились уже съ финансовыми затрудненіями даже тѣ немногія земства, которыя 14—15 лѣтъ тому назадъ еще не знали ихъ. Само собою разумѣется, можно и теперь насчитать въ видѣ исключенія нѣсколько земствъ, ни на какія затрудненія не жалующихся и пользующихся, повидимому, полнымъ финансовымъ благополучіемъ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи и это благополучіе очень часто оказывается мнимымъ или въ высшей степени неустойчивымъ. Даже и въ такихъ случаяхъ, когда балансы земскихъ счетовъ склоняются въ благопріятную сторону, когда активъ превышаетъ пассивъ и по счетамъ земство «имѣетъ» болѣе чѣмъ «должно», — не всегда это значитъ, чтобы земство на самомъ дѣлѣ располагало реальными свободными остатками. Чаще мы имѣемъ дѣло съ простою бухгалтерскою иллюзіею: какъ свидѣтельствуетъ оффиціальное изданіе д-та окладныхъ сборовъ, въ земскихъ смѣтахъ въ качествѣ свободныхъ остатковъ не рѣдко значатся «доходы, *еще не поступившіе* въ земскую кассу до утвержденія смѣты, а лишь *ожидаемые* къ поступленію». Благопріятный балансъ основывается не на томъ, что уже есть, а на томъ, что еще предполагается — и притомъ не всегда основательно. Такъ, въ екатеринославскомъ уѣздномъ земствѣ, — одномъ изъ относительно-благополучныхъ, — по балансу на 1 января 1896 г. активъ опредѣлялся въ 94,608 р., а пассивъ въ 65,025; превышеніе актива надъ пассивомъ составляло 29,583 р., можно было ожидать, слѣдовательно, что такая сумма составляетъ свободный рессурсъ въ рукахъ земства; но если мы обратимся къ счету наличности кассы, получаются другіе результаты. Оказывается, что таковой на 1 янв. 1896 г. было всего

62,034 р., т. е. на 2991 р. *менѣе*, чѣмъ требовалось на покрытіе пассива. Свободный излишекъ, показанный по балансу, находился не въ кассѣ управы; онъ числился весь по счету должниковъ земства (недоимщиковъ, стипендіатовъ, заемщиковъ), часть которыхъ, навѣрное, должна была оказаться несостоятельною къ платежу. По счетамъ сарапульскаго уѣзднаго земства (Вятской губ.) на іюль 1895 г. въ активѣ баланса числилось 283,864 р., а въ пассивѣ 248,754 р., свободный излишекъ получался по счетамъ въ 35,110 р., а въ дѣйствительности наличность кассы составляла на то же число всего 4,333 р. Такихъ примѣровъ можно бы привести очень много. Только какъ рѣдкое исключеніе можно встрѣтить такое уѣздное земство, въ которомъ равновѣсіе приходовъ и расходовъ было бы прочно обезпечено. Въ большинствѣ случаевъ кажущееся благополучіе очень шатко, каждый экстраординарный случай, каждое, даже не особенно значительное, потрясеніе можетъ его разрушить. Есть земства, которыя сводятъ кое-какъ концы съ концами при выполненіи текущихъ расходовъ, но безсильны погашать свои обязательства предъ казною и губернскимъ капиталомъ.

«Наличность земской кассы, — читаемъ мы въ докладѣ сергачской у. земской управы,—далеко не въ равновѣсіи съ тѣми... платежами, которые не могли быть списаны». (Именно: недоимка казнѣ на институтъ земскихъ начальниковъ болѣе 29 тыс. руб. и въ общегубернскій доходн. капиталъ болѣе 19 тыс. руб.). «При постоянныхъ хозяйственныхъ расходахъ,—поясняетъ далѣе управа,— текущіе фонды гарантируютъ только эти расходы, и если бы одновременно на счетъ тѣхъ же фондовъ обратить хотя часть платежей только что отмѣченной задолженности—уже пришлось бы затормозить прямо неотложныя отправленія». И всетаки такое положеніе нельзя еще считать самымъ худшимъ. Сергачское земство во всякомъ случаѣ еще сводитъ концы съ концами, кое-какъ покрываетъ текущіе расходы «текущими фондами» и хотя не погашаетъ старыхъ долговъ, но, по крайней мѣрѣ, не дѣлаетъ новыхъ. Очень многимъ уѣзднымъ земствамъ и это не подъ силу. Вотъ, напр., въ какихъ краскахъ рисуется намъ положеніе сычевскаго уѣзднаго земства. По заявленію мѣстной уѣздной управы (см. отношеніе ея на имя сычевскаго исправника, опубликованное въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» 1897 г.), — «отсутствіе наличныхъ денегъ въ кассѣ земства не дозволяетъ ей выполнять обязательные для земства расходы, какъ то: выдачу квартирныхъ денегъ и разъѣздныхъ судебному слѣдователю, чинамъ полиціи, на содержаніе арестуемыхъ, канцеляріи воинскаго присутствія; она вынуждена прекратить заготовку матеріаловъ для постройки школьныхъ зданій и другихъ сооруженій, остановиться въ выдачѣ жалованья сельскимъ учителямъ и другимъ служащимъ земства». Не будучи въ силахъ сама придумать какой-нибудь выходъ изъ такого отчаяннаго положенія, управа сочла необходимымъ «просить разрѣшенія на созывъ чрез-

вычайнаго земскаго собранія для изысканія денежныхъ средствъ на веденіе земскаго хозяйства». Мы не знаемъ, что придумало сычевское земское собраніе, но сомнѣваемся, чтобы ему удалось придумать что нибудь дѣйствительное. Въ основательности нашего сомнѣнія убѣждаютъ насъ тщетныя попытки придумать что нибудь, сдѣланныя рядомъ другихъ земствъ, находящихся уже много лѣтъ точно въ такомъ же положеніи. Назовемъ хотя бы земства: тимское—Курской губ., новомосковское и славяносербское—Екатеринославской, оргѣевское—Бессарабской, остерское—Черниговской, спасское — Рязанской, городищенское и наровчатское — Пензенской губ. и др., гдѣ земскія управы уже нѣсколько лѣтъ прекратили платежи казнѣ, перестали выдавать разъѣздныя и квартирныя чинамъ полиціи и судебнымъ слѣдователямъ, удерживаютъ по годамъ уплату по контрактамъ содержателямъ земскихъ станцій и перевозовъ, равно какъ уплату жалованья учителямъ, врачамъ, фельдшерамъ, причемъ больницы по мѣсяцамъ живутъ въ кредитъ, а школы, какъ это сообщалось относительно Городищенскаго уѣзда, «за отсутствіемъ денегъ и *отказомъ въ кредитѣ* остаются совсѣмъ безъ учебныхъ пособій». Вообще безъ кредита современное земство просто немыслимо. Трудно даже представить себѣ такое уѣздное земство, которое въ данное время обходилось бы собственными силами, не прибѣгая къ займамъ у казны и губернскаго земства, и не пользуясь банковскимъ или частнымъ кредитомъ, въ послѣднемъ случаѣ изъ 12—15% годовыхъ. Къ такимъ чрезмѣрно дорогимъ займамъ у частныхъ лицъ вынуждены были въ теченіе послѣднихъ 3—4 лѣтъ прибѣгнуть десятки уѣздныхъ земствъ, (назовемъ для примѣра одесское и александрійское земства Херсонской губ., сорокское, аккерманское, оргѣевское—Бессарабской губ., остерское—Черниговской, шацкое, липецкое, усманское, елатомское, кирсановское — Тамбовской губ., спасское, сапожковское, егорьевское — Рязанской губ., саранское—Пензенской, ардатовское—Нижегородской губ., камышинское, хвалынское, вольское—Саратовской губ. и т. д., и т. д.). Каждый новый заемъ, конечно, только ухудшаетъ положеніе земства, еще болѣе увеличивая его задолженность, которая и безъ того достигла уже мѣстами огромныхъ размѣровъ. Какъ видно изъ свѣдѣній департамента окладныхъ сборовъ, уже въ 1895 году четвертое мѣсто въ земскомъ бюджетѣ принадлежало различнаго рода расходамъ по уплатѣ долговъ: на эту потребность въ 1895 году было ассигновано 7,997 тыс. руб. или 12,1% всего итога ассигнованій, причемъ, въ частности, въ губерніяхъ Рязанской, Бессарабской, Самарской, Таврической, Симбирской, Екатеринославской и Калужской долги исчислялись сотнями тысячъ и поглощали отъ 21 до 33% бюджета! А съ тѣхъ поръ, съ 1895 года, положеніе еще болѣе ухудшилось и долги возросли до сотенъ тысячъ даже тамъ, гдѣ еще два-три года тому назадъ они исчислялись десятками. Напомнимъ, напр., что еще въ этомъ году елисаветградское земство

возбудило ходатайство о разрѣшеніи ему займа въ 100 тыс. руб., или что уѣздныя земства Псковской губ. въ 1896 году поставлены были въ необходимость кредитоваться въ псковскомъ коммерческомъ банкѣ на сумму 824,000 руб., но отъ этого земское оскудѣніе не уменьшилось, и въ слѣдующемъ 1897 году имъ снова пришлось кредитоваться тамъ же на сумму 817,000 руб. И къ недешевому банковскому, и къ еще болѣе дорогому частному кредиту уѣзднымъ земствамъ приходится прибѣгать тѣмъ чаще, чѣмъ болѣе съ теченіемъ времени уменьшаются шансы на займы у казны и въ особенности—на помощь губернскихъ земствъ. Въ этомъ смыслѣ очень характерной и поучительной является нижеслѣдующая страничка изъ исторіи вятскаго земства. Въ 1893 году почти всѣ уѣздныя земства Вятской губерніи обратились къ губернскому съ ходатайствомъ о займахъ на текущіе расходы изъ суммъ губернскаго запаснаго капитала. Ходатайства эти встрѣтили поддержку и со стороны мѣстнаго губернатора, который, открывая губернское собраніе, въ своей рѣчи рекомендовалъ ему удовлетворить просьбы уѣздныхъ земствъ, такъ какъ финансовая нужда ихъ не подлежала сомнѣнію, а «установленныя земскимъ положеніемъ формальности почти лишаютъ уѣздныя земскія управы возможности произвести, въ случаѣ надобности, заемъ на сторонѣ». Ходатайства были удовлетворены, ссуды выданы, помощь оказана, но хватило ее не надолго. Такъ, въ Елабугѣ уже 16 мая 1894 года опять созвано было экстренное уѣздное земское собраніе почти спеціально для рѣшенія того же вопроса—гдѣ взять денегъ? Изъ доклада земской управы выяснилось, что земская касса абсолютно пуста, а между тѣмъ на текущіе расходы—на земскую медицину, на школы, на жалованье служащимъ и т. д. хотя бы только до осени потребно, по крайней мѣрѣ, 40,000 руб. Управа предлагала просить необходимую сумму у губернскаго земства, но по справкѣ оказалось, что «нормальный кредитъ, установленный губернскимъ земствомъ для елабужскаго земства, давно изсякъ, такъ какъ оно получило уже взаймы изъ губернскаго запаснаго капитала болѣе установленной для него нормы». Однако управа успокоила собраніе, объяснивъ, что, къ счастью уѣздныхъ земствъ, въ губернскомъ земствѣ давно уже установился порядокъ, въ силу котораго «норма существуетъ только для того, чтобы уѣздныя земства имѣли право брать сверхъ нормы еще норму, съ единственнымъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы первая норма не была превышена», т. е., если для елабужскаго земства норма опредѣлена въ 35 тыс. руб., а оно состоитъ уже должнымъ губернскому земству 37 тыс. рублей, то, желая получить еще «норму» въ 35 тыс. руб., оно должно прежде уплатить излишне сверхъ нормы взятые 2,000 р. Собраніе такъ и рѣшило: уплатить губернскому земству 2,000 рублей и просить у него въ счетъ второй нормы еще 4,000 рублей. Но привести въ исполненіе это постановленіе оказалось не такъ-то легко, по той простой причинѣ, что

въ земской кассѣ не было необходимыхъ 2,000 руб. Чтобы выйти изъ затрудненія, собраніе постановило «уполномочить управу заложить въ городскомъ банкѣ или еще куда нибудь нѣсколько серій, а если ихъ не хватитъ, то и процентныя бумаги, принадлежащія капиталу общественнаго призрѣнія». На сколько такая операція была убыточна для земства, легко судить потому, что мѣстному банку нужно было платить по ссудѣ 8% годовыхъ, между тѣмъ какъ губернское земство открываетъ уѣзднымъ кредитъ изъ суммъ запаснаго капитала за 3% годовыхъ,—но другого выхода не было. Правда, нѣкоторые гласные указывали такой выходъ: они предлагали просить губернское земство, вмѣсто того, чтобы принуждать уѣздное земство сначала уплатить ему 2000 р., а затѣмъ уже занимать у него же 40 тыс. р., — выдать сумму второй нормы съ вычетомъ изъ нея долга въ 2000 р.,—но предложеніе это не было и не могло быть принято собраніемъ, такъ какъ уѣздная земская управа разъяснила, что «губернская управа не согласится *нарушить установленнаго порядка*».

Таковы тѣ ухищренія, къ которымъ нерѣдко приходится прибѣгать уѣзднымъ земствамъ, чтобы получить ссуду и какъ нибудь извернуться въ бѣдѣ. Справедливость требуетъ, однако, признать, что у губернскихъ земствъ есть извѣстныя основанія къ такой (въ данномъ случаѣ довольно неудачной) самозащитѣ отъ посягательствъ на ихъ кассу. Не слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, забывать, во-1-хъ, что помимо чрезмѣрно частыхъ займовъ у губернскаго земства, уѣздныя земства еще чаще совершаютъ просто «захваты» губернскихъ суммъ, т. е., по-просту, безъ спроса и разрѣшенія, расходуютъ на свои нужды поступившія къ нимъ отъ плательщиковъ суммы губернскаго сбора, и во-2-хъ, что сами губернскія земства часто оказываются въ гораздо болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ уѣздныя. Ихъ безсиліемъ оказать надлежащую помощь уѣзднымъ земствамъ и объясняется, главнымъ образомъ, эта масса произведенныхъ послѣдними займовъ у частныхъ лицъ. Прибѣгать къ такого рода дорого стоющимъ займамъ нерѣдко приходится и самимъ губернскимъ земствамъ, такъ какъ у большинства изъ нихъ давно уже нѣтъ въ наличности запасныхъ капиталовъ и влачатъ они свое весьма неблестящее существованіе, только благодаря безпрерывнымъ, систематическимъ «позаимствованіямъ» изъ разныхъ спеціальныхъ суммъ. И въ конечномъ результатѣ задолженность губернскихъ земствъ оказывается въ общемъ, если не болѣе, то и не менѣе задолженности уѣздныхъ, какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая табличка, составленная нами на основаніи данныхъ департамента окладныхъ сборовъ.

По смѣтамъ на 1895 г. земствами:	ассигновано: всего расходовъ.	въ томъ числѣ на уплату долговъ *).
Уѣздными	48.222,239 р.	5.863,339 р. или 12,1%
Губернскими. . .	17.655,502 »	2.133,666 » » 12,0%

Но это—въ общемъ; въ частности же, напр., таврическое и бессарабское губернскія земства расходуютъ на погашеніе своихъ долговъ *болѣе половины* расходнаго бюджета. Долги самарскаго губернскаго земства на 1 января 1895 года достигали суммы въ 1.544,427 р., въ томъ числѣ было 1.071,790 р. долга разнымъ спеціальнымъ капиталамъ, какъ земскимъ, такъ равно и правительственнымъ, отпущеннымъ на разныя нужды, которыхъ само земство удовлетворить оказалось не въ силахъ. Къ долгамъ же, очевидно, должны быть отнесены и невыполненнные за безденежьемъ расходы, а именно: не выплачено казнѣ по займу по мѣрамъ противъ чумы рогатаго скота 160,000 р. капитальной суммы и 32,640 р. процентовъ и, наконецъ, не выплачено опять-таки казнѣ изъ внесенныхъ еще въ смѣту 1890 года на погашеніе ссудъ по неурожаямъ 1873 и 1880 гг.—244,496 р. Словомъ, одна сплошная масса долговъ и позаимствованій. Саратовское губернское земство еще въ іюлѣ 1893 года очутилось въ такомъ затруднительномъ положеніи, что вынуждено было ходатайствовать о займѣ у правительства въ суммѣ 250,000 руб. Вслѣдъ затѣмъ въ сентябрьской экстренной сессіи губернская управа вновь докладываетъ земскому собранію «о безъисходномъ финансовомъ положеніи земства». Въ очередномъ февральскомъ собраніи слѣдующаго 1894 года губернская земская управа опять-таки, уже въ третій разъ—«невольно обращается къ печальной картинѣ финансоваго положенія земства». И вотъ какъ рисуетъ она ее — эту картину: «Всѣ бумаги земства заложены и касса губернской управы часто сводится до того минимума, что рискуетъ сдѣлаться несостоятельной къ платежамъ. Кто знаетъ,— замѣчаетъ управа,—далекъ ли тотъ часъ, когда управа вынуждена будетъ отказывать въ платежахъ своимъ кредиторамъ?» Когда же затѣмъ въ собраніи явилось довольно основательное подозрѣніе, что гласные разбѣгутся раньше, чѣмъ будетъ разрѣшенъ вопросъ объ изысканіи средствъ на текущіе расходы, то предсѣдатель управы, въ видѣ предостереженія гласнымъ, прямо заявилъ, что «если собраніе преждевременно разъѣдется, то управѣ придется закрыть лавочку». Предостереженіе подѣйствовало и средства на текущіе расходы были изысканы—опять-таки въ видѣ стотысячнаго займа у правительства. Однако этимъ дѣло не кончилось. Въ экстренномъ майскомъ собраніи губернская управа снова и снова, уже въ четвертый разъ констатируетъ пустоту земской кассы и, по обыкно-

*) Сюда же входятъ и разныя позаимствованія и невыполненные расходы.

венію, рекомендуетъ ходатайствовать передъ правительствомъ о новомъ займѣ въ 100,000 руб. «Если мы будемъ просить ссуду каждую недѣлю,—возмутился по этому поводу гласный Уваровъ,—то потеряемъ всякій кредитъ». Это резонное замѣчаніе имѣло, однако, своимъ послѣдствіемъ только то, что собраніе сократило сумму предположеннаго управою займа до 75,000 руб.,—ровно въ обрѣзъ до того предѣльнаго минимума, какой по разсчету былъ необходимъ для покрытія самыхъ настоятельныхъ текущихъ нуждъ. Да и какъ иначе могло оно поступить, когда подъ руками никакихъ другихъ рессурсовъ не было? Не менѣе печально положеніе курскаго губернскаго земства. Касса его къ 1 января 1898 года оказалась совершенно пустою, въ виду чего губернское земское собраніе послѣдней очередной сессіи, какъ сообщалось въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», увидѣло себя вынужденнымъ разрѣшить губернской управѣ кредитоваться въ суммѣ 100,000 руб. на 12 мѣсяцевъ изъ 4% годовыхъ, изъ обязательнаго страхового капитала, «какъ единственнаго почти рессурса губернскаго земства въ его безвыходномъ положеніи». Можетъ быть, еще съ большимъ правомъ можетъ назвать «безвыходнымъ» свое положеніе смоленское земство, относительно котораго сообщалось въ «Нов. Времени», что «въ послѣднюю сессію губернскаго земскаго собранія обнаружилась несостоятельность смоленскаго губернскаго земства къ выполненію смѣтныхъ назначеній въ 1898 году». Губернское собраніе поручило ревизіонной и редакціонной коммиссіямъ изслѣдовать экономическое состояніе земства, и въ результатѣ этого изслѣдованія, между прочимъ, выяснилось, что кассовая наличность губернскаго земскаго сбора, обязательнаго страхового, дорожнаго и др. капиталовъ часто «недостаточна даже на удовлетвореніе текущихъ расходовъ и послѣдніе по необходимости удовлетворяются способами, которые едва ли могутъ быть допустимы». Такъ, въ 1896 году пришлось на удовлетвореніе текущихъ расходовъ позаимствовать изъ капиталовъ запаснаго и оборотнаго 72,000 руб., а въ 1897 году «на насущныя потребности земскаго хозяйства, проведенныя по смѣтамъ и одобренныя земскимъ собраніемъ, исчерпана почти вся наличность запаснаго и оборотнаго капиталовъ и временно позаимствовано даже 60,000 руб. изъ обязательнаго страхового капитала», т. е. капитала неприкосновеннаго... Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при такихъ условіяхъ въ Смоленскѣ рѣшено было созвать чрезвычайное губернское земское собраніе «для изысканія способовъ къ предотвращенію *банкротства*» въ 1898 году. И это дѣйствительно очень похоже на банкротство. Не имѣя ни фактической, ни юридической возможности прекратить свое существованіе и хотя временно «закрыть лавочку», вынужденное существовать во что бы то ни стало и, слѣдовательно, во что бы то ни стало вести текущіе расходы, но не имѣя необходимыхъ для того средствъ, земство хватаетъ деньги налѣво и направо, гдѣ

только къ тому представляется возможность, заимствуетъ изъ земскаго, оборотнаго, страхового, и всякихъ другихъ спеціальныхъ и даже неприкосновенныхъ капиталовъ, беретъ у казны, въ банкахъ, у частныхъ лицъ, гдѣ только представится случай взять что нибудь, словно бы зарвавшійся и потерявшій голову биржевикъ, пускающій въ ходъ послѣднія усилія, чтобы еще хотя бы на одинъ часъ отдалить моментъ неизбѣжнаго краха!..

Думается, вышеприведенныхъ данныхъ вполнѣ достаточно для того, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ томъ, что наши земства, какъ уѣздныя, такъ и губернскія, въ серединѣ 90-хъ годовъ остаются лицомъ къ лицу все съ тѣмъ же финансовымъ оскудѣніемъ, которое констатировано было нами въ 1883 году на основаніи данныхъ за предшествовавшее двадцатилѣтіе. Въ чемъ же искать причины этого оскудѣнія?

II.

Въ 1883 году мы, на основаніи приведенныхъ тогда данныхъ, пришли къ заключенію, что основной причиной земскихъ финансовыхъ затрудненій были земскія недоимки, проявлявшія тогда «рѣзко опредѣленную тенденцію возростать безъ конца» *). Въ теченіе послѣднихъ четырнадцати лѣтъ условія земской жизни и дѣятельности значительно измѣнились не только въ смыслѣ реорганизаціи земскихъ учрежденій, но и въ томъ отношеніи, что на ряду со старыми, далеко еще неудовлетворенными нуждами измѣнившіяся и усложнившіяся условія народной жизни предъявили земству новые запросы, новыя требованія, поставили на очередь рядъ новыхъ задачъ, которыя не менѣе настойчиво, чѣмъ прежнія, требуютъ своего разрѣшенія. Тамъ, гдѣ недавно еще дѣятельность даннаго земства сводилась, напр., главнымъ образомъ къ участію въ содержаніи немногихъ школъ, устроенныхъ за счетъ сельскихъ обществъ, затѣмъ къ болѣе или менѣе энергичнымъ заботамъ о народномъ здравіи, ветеринаріи и путяхъ сообщенія,—тамъ въ послѣдніе годы явилось сознаніе настоятельной необходимости всеобщаго обученія и безусловной обязательности для земства принять на себя также ближайшую прямую и непосредственную заботу объ экономическихъ нуждахъ населенія. Явилась необходимость въ цѣломъ рядѣ соотвѣтствующихъ земскихъ мѣропріятій, каковы, напр., снабженіе населенія улучшенными сѣменами, орудіями, скотомъ, устройство кустарныхъ банковъ, музеевъ, учебныхъ мастерскихъ, поддержка въ той или иной формѣ падающихъ народныхъ промысловъ, содѣйствіе возникновенію новыхъ и т. п. Сфера земской дѣятельности такимъ образомъ замѣтно разрослась въ ширину и глубину; вмѣстѣ

---

*) «Владѣльч. недоимка на югѣ Россіи», «От. Зап.». ноябрь 1883 г. стр. 45.

съ тѣмъ потребовались новыя затраты, новые расходы. И если бы финансовыя затрудненія земства вытекали изъ этого источника, если бы причиною ихъ была недостаточность *нормальныхъ* рессурсовъ земства въ сравненіи съ быстро возростающимъ кругомъ потребностей, то это было бы въ извѣстной степени даже отраднымъ явленіемъ. Въ такомъ случаѣ самая мѣра финансовыхъ затрудненій служила бы, пожалуй, довольно вѣрнымъ показателемъ силы и быстроты прогресса въ земской дѣятельности. Но кто не знаетъ, какъ въ дѣйствительности немного земствъ, которыя сколько нибудь значительно расширили сферу своей дѣятельности въ указанныхъ направленіяхъ. Обращаясь хотя бы къ даннымъ департамента окладныхъ сборовъ о земскихъ ассигновкахъ на «мѣры содѣйствія сельскому хозяйству и промышленности», именно о расходахъ на «содержаніе сельско-хозяйственныхъ складовъ, выставокъ, опытныхъ полей и станцій, случныхъ пунктовъ, по содѣйствію кустарной промышленности, по содержанію аграномовъ и т. д.»,—обращаясь къ этимъ даннымъ, мы узнаемъ, что *167 земствъ* не ассигновали на этотъ предметъ въ 1895 году *ни единой копѣйки*, а ассигновки остальныхъ земствъ по существу настолько ничтожны, что въ общемъ составляютъ едва 0,9% общаго итога земскихъ расходовъ. Ассигновки нѣкоторыхъ земствъ прямо производятъ впечатлѣніе какой-то шутки. Вотъ любопытный списокъ подобнаго рода ассигновокъ «на мѣры содѣйствія сельскому хозяйству и промышленности».

Земства.	Ассигновка.
Покровское, Владимірской губ.	60 руб.
Арзамасское, Нижегородской губ.	50 »
Евпаторійское, Таврической губ.	50 »
Бѣльское, Тульской губ.	50 »
Даниловское, Ярославской губ.	50 »
Тотемское, Вологодской губ	25 »
Цивильское, Казанской губ.	20 »
Боровичское, Новгородской губ.	20 »
Петрозаводское, Олонецкой губ.	15 »
Петергофское, Петербургской губ.	10 »

Что касается старыхъ отраслей земской дѣятельности, то и здѣсь нельзя отмѣтить быстраго возрастанія земскихъ ассигновокъ. Наоборотъ, рядомъ съ учрежденіемъ «экономическихъ совѣтовъ», «сельско-хозяйственныхъ бюро» и т. п., еще недавно мы были свидѣтелями, если не прямого регресса, какъ, напр., отказа отъ дальнѣйшихъ заботъ о школьномъ дѣлѣ, то полнѣйшаго застоя въ сферѣ заботъ о народномъ образованіи, народной медицинѣ, какъ будто въ этихъ областяхъ уже все достигнуто и больше дѣлать нечего. Не здѣсь поэтому приходится искать причину финансовыхъ затрудненій, не въ чрезмѣрномъ ростѣ

земской дѣятельности, а слѣдовательно, и расходовъ. Факты дѣйствительности свидѣтельствуютъ, что источникъ земскаго оскудѣнія лежитъ въ томъ, что земство и въ настоящее время не получаетъ своихъ нормальныхъ ресурсовъ, благодаря крайней скудости поступленій, точно такъ же, какъ то было до 1883 года. И тутъ за истекшій періодъ все осталось безъ перемѣны за исключеніемъ того, что недоборы въ доходахъ усилились тамъ, гдѣ они были раньше, и появились тамъ, гдѣ ихъ раньше не было; въ настоящее время недоимки по земскимъ сборамъ насчитываются уже милліонами.

За доказательствами ходить недалеко. Въ послѣднемъ очередномъ курскомъ губерискомъ земскомъ собраніи особенно оживленныя пренія вызвало сдѣланное губернаторомъ при открытіи собранія указаніе на необходимость сокращенія земскихъ расходовъ. Въ преніяхъ этихъ выяснилось, что переживаемый курскимъ земствомъ финансовый кризисъ обусловливается не чрезмѣрными расходами, а недостаткомъ поступленій: на 1 января 1898 года, какъ указано было въ докладѣ управы, по счету губернскаго земства оставалось недоимокъ губернскаго сбора 955,000 руб. и долговъ этого сбора 876,000 р. «Несвоевременное поступленіе земскихъ сборовъ,—читаемъ мы въ «Русск. Вѣд.», въ корреспонденціи изъ Твери,—давно уже составляетъ больное мѣсто въ хозяйствѣ тверского земства, такъ что благодаря этому могучему тормазу многія мѣропріятія остаются только въ проектѣ, а нѣкоторыя благія начинанія земства не могутъ развиться и окрѣпнуть и глохнутъ въ самомъ зародышѣ». «Обсуждая этотъ вопросъ,—читаемъ мы далѣе,—нынѣшнее (1897 г.) тверское губернское земское собраніе volens-nolens созналось въ полномъ своемъ безсиліи сдѣлать что либо къ устраненію такого ненормальнаго положенія дѣла, не выразивъ даже надежды на что либо лучшее и въ будущемъ»—до того времени, пока не будутъ созданы надлежащія гарантіи для исправнаго поступленія земскихъ сборовъ, которые здѣсь оказываются въ недоимкѣ въ размѣрѣ, составляющемъ болѣе 90% оклада. Почти такія же рѣчи раздавались и на послѣднемъ калужскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ Саратовской губ. по даннымъ на 1 января 1895 года числилось въ недоимкѣ губернскаго и уѣзднаго земскаго сборовъ 1.230.081 р. 13 к., что составляетъ 76,6% годового оклада, въ томъ числѣ губернскаго сбора 298,322 р. или 83,6% оклада. Всѣ поступленія самарскаго земства за послѣднія 14 лѣтъ въ сильной степени сократились и въ такой же степени возросли недоимки. По нѣкоторымъ статьямъ доходовъ процентъ поступленій сократился вдвое, втрое и болѣе, не говоря уже о долгахъ, уплаты по которымъ сократились даже въ 50 разъ. Такъ, поступленіе губернскаго земскаго сбора съ земель и недвижимыхъ имуществъ, составлявшее раньше 58%, опустилось до 23%, поступленіе страховыхъ платежей за тотъ же періодъ сократилось съ 48% до 22%, поступленіе недоимокъ по капиталамъ

благотворительныхъ заведеній понизились съ 14% до 4,6% и т. д. Въ Екатеринославской губерніи въ 1883 году при бюджетѣ губернскаго земства въ 345.433 р. недоимка по губернскому сбору числилась въ суммѣ 128.877 р., т. е., не превышала 37% оклада, а въ 1895 году при бюджетѣ въ 257.708 р. *) недоимка возрасла до 168,176 р. 49 к., т. е., до 65,2% оклада! Относительно Смоленской губерніи упомянутое выше изслѣдованіе, произведенное ревизіонной и редакціонной коммиссіями земскаго собранія выяснило, что «увеличеніе чистаго капитала земства достигается главнѣйшимъ образомъ огромною и необыкновенно быстро возрастающею задолженностью плательщиковъ по отдѣльнымъ капиталамъ». Такъ уже на 1 января 1897 года по книгамъ управы числилось долговъ къ полученію 1.060,292 р., а на 4 декабря 1897 г. долги выросли уже до 1.540,364 р., т. е. въ теченіе неполнаго года задолженность плательщиковъ земству увеличилась на громадную сумму въ 480,071 р., въ томъ числѣ по губернскому земскому сбору на 132,425 р., такъ какъ изъ предположенныхъ въ 1897 году къ поступленію 182,535 р. поступило всего 50,110 р., т. е., менѣе одной трети оклада. Весьма любопытны также слѣдующія данныя, относящіяся къ донецкому бассейну, гдѣ урожаи причиняютъ столько непріятностей горнопромышленникамъ, лишая ихъ рабочихъ рукъ. Въ трехъ, входящихъ въ составъ бассейна уѣздахъ—Бахмутскомъ, Маріупольскомъ (частью) и Славяносербскомъ—числилось недоимокъ уѣзднаго сбора на 1 января:

1890 г.	369,897 р.
1891 »	383,512 »
1892 »	383,683 »
1893 »	372,541 »
1894 »	376,823 »
1895 »	387,038 »
1896 »	353,238 »

Окладъ этого сбора въ тотъ же періодъ колебался въ предѣлахъ отъ 338 т. до 380 т. р. Такимъ образомъ здѣсь въ теченіе 7 лѣтъ изъ года въ годъ въ недоимкѣ оставался цѣлый годичный окладъ, иначе—въ недоимкѣ оставался *цѣлый годъ* земской жизни, земскаго хозяйства. Впрочемъ, донецкій бассейнъ не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія: можно насчитать еще 18 уѣздовъ, въ которыхъ недоимки уѣзднаго земскаго сбора превышаютъ 100% оклада **).

*) Сокращеніе бюджета обусловлено уменьшеніемъ съ 1 января 1888 г. территоріи губерніи въ виду присоединенія Ростовскаго н./Д. уѣзда съ Таганрогскимъ градоначальствомъ къ Обл. В. Донск.

**) Именно, въ губерніяхъ: Бессарабской—Оргѣевскій у., Казанской—Казанскій и Чистопольскій уу., Калужской—Бобровскій, Мещовскій и Жиздринскій уу., Курской—Бѣлгородскій и Дмитріевскій уу., Орловской—Малоархангельскій у., Рязанской—Пронскій и Скопинскій, Самарской—Бе-

Еще гораздо болѣе многочисленный списокъ можно бы составить изъ такихъ уѣздовъ, гдѣ недоимки земскихъ сборовъ колеблются въ предѣлахъ отъ 50% до 100% оклада. Встрѣчаются и такія земства, какъ уманское Тамбовской губ., у котораго при годовомъ окладѣ въ 178,229 р. въ недоимкѣ числось 390,500 р., т. е., *болѣе 223%*! Тутъ, значитъ, безвозвратно потеряны цѣлыхъ два года земской жизни!..

И такъ, ясно, что основной причиной земскихъ финансовыхъ затрудненій теперь, какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, являются недоимки, что размѣры послѣднихъ, сравнительно съ прежнимъ, значительно увеличились, и что онѣ въ настоящее время по прежнему проявляютъ «рѣзко-опредѣленную тенденцію возрастать безъ конца». Гдѣ же причина явленія, отличающагося такой замѣчательной устойчивостью и чѣмъ обусловливается эта послѣдняя?

Въ оффиціальномъ «Обзорѣ Екатеринославской губ. за 1894 годъ» причина накопленія земскихъ недоимокъ, между прочимъ, усматривается «въ крайне несвоевременной передачѣ земскими управами полицейскимъ управленіямъ надлежащихъ о нихъ свѣдѣній, къ устраненію чего соотвѣтствующія мѣры приняты» (стр. 17). Но мѣры, повидимому, ни къ чему не привели, потому что въ слѣдующемъ «Обзорѣ», за 1895 годъ, въ отношеніи причинъ земскихъ недоимокъ дословно повторяется тоже самое (стр. 12). Само собою, настойчивое повтореніе столь неожиданнаго объясненія причинъ накопленія земскихъ недоимокъ не дѣлаетъ его основательнымъ и мы приводимъ это объясненіе только какъ образчикъ тѣхъ взглядовъ на земскіе вопросы, какіе существуютъ подчасъ въ административныхъ сферахъ, отъ которыхъ зависятъ земскія судьбы. Не раздѣляя взгляды екатеринославской администраціи на источники земскихъ недоимокъ, мы въ то же время не считаемъ также возможнымъ согласиться безусловно и съ общепринятымъ воззрѣніемъ, ставящимъ накопленіе земскихъ недоимокъ въ исключительную причинную связь съ урожаемъ, являющимся главнымъ факторомъ экономической состоятельности плательщиковъ земскаго сбора. Для иллюстраціи того положенія, что между этими двумя фактами—размѣрами урожая и размѣрами недоимки—не всегда можно найти причинную зависимость, прослѣдимъ движеніе земскихъ недоимокъ по одной губерніи,—Екатеринославской—относительно которой у насъ есть систематическія данныя за рядъ лѣтъ.

Данныя эти сгруппированы въ таблицѣ, помѣщенной ниже. Въ этой таблицѣ сопоставлены за каждый годъ четырнадцатилѣтія 1882—95 гг. недоимки и урожаи (ярового и озимого). Такъ какъ въ теченіе этого періода площадь губерніи не была одинакова (до 1888 года въ ней было 9 уѣздовъ, съ этого же года одинъ изъ нихъ—

зулукскій у., Саратовской—Аткарскій, Балашовскій, Кузнецкій и Сердобскій уу., Харьковской—Старобѣльскій и Черниговской—Остерскій.

Ростовскій—отошелъ къ области Войска Донского), то для однородности сравниваемыхъ данныхъ мы взяли цифры недоимокъ каждый годъ не въ общей суммѣ на всю губернію, а по среднему разсчету на 1 уѣздъ.

Годы:	Сумма недоимки на 1 уѣздъ (руб.):	Урожай (самъ сколько) озимого:	яроваго:
1882	90,170	3,0	3,2
1883	90,954	3,25	3,33
1884	109,673	3,0	4,5
1885	104,188	2,33	1,25
1886	116,210	4,33	5,25
1887	101,878	7,0	6,75
1888	102,859	8,0	9,0
1889	107,805	0,5	2,5
1890	116,015	3,4	3,6
1891	104,516	2,8	5,0
1892	107,415	2,8	7,0
1893	108,738	7,0	9,0
1894	109,567	5,0	7,0
1895	107,061	5,1	5,4

Достаточно бѣглаго взгляда на данныя нашей таблицы, чтобы замѣтить оригинальныя особенности земской недоимки. Отмѣтимъ прежде всего, что на протяженіи 14 лѣтъ она сокращается только три раза, въ 1887, 1891 и 1895 гг., на протяженіи же остальныхъ 11 лѣтъ она находится постоянно въ состояніи роста, которое, повидимому, и является ея *естественнымъ* состояніемъ. Затѣмъ невольно бросается въ глаза, что самое сокращеніе земской недоимки происходитъ только послѣ того, какъ она при постоянномъ и неуклонномъ ростѣ въ теченіе 4—5 лѣтъ достигнетъ извѣстнаго maximum'а. И сокращеніе происходитъ не постепенно, подобно росту, въ теченіе ряда лѣтъ, а сразу, послѣ чего снова начинается періодъ роста. Но, что особенно замѣчательно и что мы особенно рекомендуемъ вниманію читателей, такъ это то, что сокращеніе недоимки съ каждымъ разомъ дѣлается все слабѣе—*ограничивается все болѣе тѣсными предѣлами* и періодъ роста каждый разъ начинается съ minimum'а все болѣе и болѣе высокаго, а именно, въ

первомъ періодѣ	(1882—1886 гг.)	съ	90,170 р.
второмъ »	(1887—1890 »)	»	101,878 »
третьемъ »	(1891—1894 »)	»	104,516 »
четвертомъ »	(1895 г.)	»	107,061 »

Можно отсюда не безъ основанія заключить, что тѣ условія, которыя вызываютъ сокращеніе земской недоимки, съ каждымъ періодомъ дѣйствуютъ все слабѣе; причемъ эти условія находятся повидимому внѣ всякой связи съ урожаемъ, по крайней мѣрѣ, связь

эта нигдѣ не выступаетъ наружу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прослѣдимъ данныя нашей таблицы шагъ за шагомъ, годъ за годомъ.

Въ 1883 году урожай выше, чѣмъ въ предыдущемъ, но недоимка замѣтно увеличивается. Тоже въ еще болѣе рѣзкой формѣ наблюдается въ слѣдующемъ 1884 году. Въ 1885 году Екатеринославскую губ. постигаетъ давно небывалый неурожай, особенно яровыхъ хлѣбовъ, играющихъ здѣсь главную роль, но земская недоимка лишь немного повышается. Слѣдующій затѣмъ, 1886 годъ, мѣстный губернскій статистическій комитетъ по справедливости относитъ къ числу «наиболѣе благопріятныхъ по результатамъ урожая» за все предыдущее десятилѣтіе. Хлѣба въ этомъ году собрано было на 3.650,294 четв. больше, чѣмъ въ 1884 году и на 5.560,065 четв. больше, чѣмъ въ 1885 году, а между тѣмъ именно въ этомъ 1886 году земская недоимка достигаетъ своей максимальной величины. 1887 годъ въ отношеніи урожая оказывается еще болѣе благопріятнымъ, чѣмъ предыдущій. Хлѣба въ общемъ собрано было на 1.401,606 четв. болѣе, чѣмъ въ 1886 году, хотя посѣяно было на 114,747 четв. менѣе. По свидѣтельству мѣстнаго статистическаго комитета, урожай «оказалъ благотворное вліяніе на общее экономическое положеніе населенія», онъ «нѣсколько оживилъ сельское хозяйство и далъ возможность крестьянскому населенію собственными средствами обезпечить свое продовольствіе и обсѣмененіе полей до будущаго урожая, а вмѣстѣ съ тѣмъ пополнить значительную часть недоимокъ по сельскимъ запаснымъ магазинамъ и увеличить наличную засыпку ихъ». И вотъ на этотъ разъ впервые въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ урожаемъ земская недоимка понижается на 12%. Однако, вслѣдъ затѣмъ 1888 годъ награждаетъ Екатеринославскую губ. еще большимъ, давно небывалымъ урожаемъ. «Метеорологическія условія этого года,—свидѣтельствуетъ мѣстный статистическій комитетъ,—были чрезвычайно благопріятны для роста какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ». Даже исконные враги мѣстнаго земледѣлія—суслики, расплодившіеся здѣсь до того, что въ одномъ 1887 году ихъ было истреблено до 72 милліоновъ штукъ,—даже они не принесли въ 1888 году почти никакого вреда. Такимъ же счастливымъ былъ этотъ годъ и въ отношеніи вредныхъ насѣкомыхъ. Хотя мѣстами и появился было хлѣбный жукъ, но «уже тогда, когда рожь поспѣла, а съ пшеницы его смывали часто перепадавшіе дожди». Въ результатѣ получился обильный урожай, притомъ не одного только хлѣба: «урожай сѣна, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, почти вездѣ получился болѣе чѣмъ удовлетворительный; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ урожай былъ на столько хорошъ, что далъ возможность приготовить даже на будущій годъ довольно значительные запасы сѣна». И тѣмъ не менѣе, не смотря на такія рѣдко благопріятныя условія, какъ два урожайныхъ года подрядъ, земская недоимка въ 1888 году

отнюдь не проявляетъ стремленія къ дальнѣйшему пониженію, а наоборотъ, сократившись въ предыдущемъ, менѣе урожайномъ году, теперь снова увеличивается въ среднемъ на 0,4%. Въ слѣдующемъ, 1889 году Екатеринославскую губернію постигаетъ почти полный неурожай. Въ общемъ урожай этого года въ 5 — 6 разъ меньше предыдущаго и, казалось бы, земская недоимка должна возрасти чрезвычайно, а между тѣмъ она увеличивается всего на 5,4%. Урожай 1890 года значительно выше; хлѣба собрано на 1.906,121 четв. больше, чѣмъ въ предыдущемъ году, хотя посѣяно было на 279,687 четв. менѣе; долгъ населенія общему по имперіи и губернскому продовольственнымъ капиталамъ съ 797,042 р. 77 к. уменьшается до 775,666 р. 39 к.; но земской недоимки все это не касается, она продолжаетъ идти своимъ путемъ, продолжаетъ рости и увеличивается почти на 8%.

Въ 1891 году Екатеринославская губ. удѣляетъ даже часть своего урожая голодающимъ губерніямъ. Но хлѣбъ, который скупленъ былъ здѣсь земствами и Особымъ Комитетомъ, былъ преимущественно, даже исключительно, хлѣбъ владѣльческій, что же касается положенія главной массы населенія, то вотъ какъ обрисовано оно на стр. 10—11 «Обзора» за 1891 г. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ «почти окончательно были уяснены результаты уборки хлѣба и тогда стало очевиднымъ, что населеніе многихъ мѣстностей, въ виду недостаточности урожая и даже мѣстами полнаго неурожая хлѣбовъ, будетъ нуждаться въ продовольствіи и зернѣ на обсѣмененіе полей». Но на общегосударственную помощь, въ виду голода въ другихъ губерніяхъ, населенію Екатеринославской губерніи разсчитывать нельзя было, а потому,—читаемъ мы далѣе,—«положеніе Екатеринославской губ. было трудное, но губернскимъ начальствомъ было сдѣлано распоряженіе о произведеніи во всей губерніи повѣрки наличности хлѣба во всѣхъ запасныхъ магазинахъ; это было поручено земскимъ начальникамъ при участіи уѣздной полиціи и земскихъ органовъ, причемъ... было рекомендовано возможно болѣе озаботится о пополненіи общественныхъ магазиновъ взысканіемъ хлѣбныхъ ссудъ и недоимокъ съ населенія въ томъ разчетѣ, что хлѣбъ, засыпанный въ магазины, скорѣе уцѣлѣетъ, чѣмъ оставшійся въ рукахъ крестьянъ. Земскіе начальники и уѣздная полиція, сознавая значеніе возложеннаго на нихъ порученія достигли того, что, не смотря на недородъ, возвратъ хлѣбныхъ ссудъ и недоимокъ происходилъ довольно успѣшно». Въ самомъ дѣлѣ, энергія земскихъ начальниковъ и уѣздной полиціи сказалась въ томъ, что хлѣбная недоимка съ 510,790 четвертей уменьшилась до 480,510 четв., т. е., всего на *30,280* четв., а на ряду съ этимъ пришлось снова выдать населенію на продовольствіе и обсѣмененіе полей *158,826* четв.,— количество, какого не выдавалось еще ни разу за весь разсматриваемый періодъ. Въ то же время долгъ населенія губернскому продовольственному капиталу возросъ съ 332,593 р. до 380,203 р.

Ясно, что 1891 годъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ хуже предыдущаго, что экономическое положеніе основной массы земскихъ плательщиковъ было въ этомъ году несравненно болѣе тяжелымъ, а между тѣмъ земская недоимка уменьшилась на 9,9%. Въ 1892 году урожай озимыхъ былъ не вполнѣ удовлетворителенъ, часть ихъ пришлось даже, въ виду плохихъ всходовъ, пересѣять яровыми. Но, какъ сказано уже, главную роль въ Екатеринославской губерніи играютъ яровые хлѣба, урожай же послѣднихъ оказался вполнѣ хорошимъ. Въ общемъ сборъ на 4.996,237 четв. превысилъ сборъ предыдущаго года, а земская недоимка между тѣмъ все таки увеличилась. Урожай 1893 года гораздо лучше и равняется почти урожаю 1888 года; хлѣба собрано на 5.076,808 четв. больше, чѣмъ въ 1892 году, «продовольствіе населенія съ избыткомъ обезпечивалось урожаемъ», но земская недоимка продолжаетъ рости. Въ 1894 году урожай нѣсколько хуже, чѣмъ въ 1893 году, но все таки значительно лучше, чѣмъ въ 1892 г., причемъ во всякомъ случаѣ опять таки «продовольствіе населенія съ избыткомъ обезпечивалось», но земская недоимка все ростетъ и ростетъ. Гораздо хуже, наконецъ, урожай 1895 года; «Обзоръ» констатируетъ сокращеніе посѣвовъ яровыхъ на 68,358 десят. и озимыхъ на 92,219 десят. Затѣмъ метеорологическія условія были въ высшей степени неблагопріятны: съ половины марта до конца апрѣля были холода съ дождями, морозами и снѣгомъ, въ іюлѣ стояли чрезмѣрные жары, во всѣхъ уѣздахъ свирѣпствовали: хлѣбный червь, яровая сойка и пильщикъ, а въ уѣздахъ Александровскомъ и Верхнеднѣпровскомъ, кромѣ того, гессенская муха. Въ результатѣ хлѣба собрано было почти на 4 милл. четвертей менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году, а земская недоимка, точно на перекоръ всему этому, уменьшилась на 2,3%.

Всѣ эти данныя приводятъ къ заключенію, что между земской недоимкою и урожаемъ, повидимому, нѣтъ никакой связи, а если такая связь и существуетъ, то чаще всего выражается она въ томъ, что недоимка находится не въ обратномъ, какъ обыкновенно предполагается, а *въ прямомъ* отношеніи къ урожаю, т. е., повышается въ годы урожайные и падаетъ въ неурожайные годы.

Выводъ этотъ является очевидною несообразностью, а между тѣмъ факты, на которыхъ онъ основанъ, не подлежатъ сомнѣнію.

Выходъ изъ этого противорѣчія мы найдемъ, если будемъ разсматривать земскую недоимку не какъ одно цѣлое (какъ это мы дѣлали до сихъ поръ), а разобьемъ ее на отдѣльные элементы, изъ которыхъ она составляется.

III.

Приходится опять начинать съ того, что мы говорили по интересующему насъ вопросу пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Уста-

новивъ тогда, въ 1883 году, тотъ фактъ, что земская недоимка состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ неравныхъ частей—недоимки крестьянской и недоимки владѣльческой—мы, на основаніи цѣлаго ряда данныхъ, пришли къ заключенію, что хотя платежныя силы крестьянскаго хозяйства значительно слабѣе платежныхъ силъ хозяйства частновладѣльческаго, тѣмъ не менѣе крестьянская недоимка, какъ факторъ земскаго оскуденія, играетъ роль второстепенную, на первомъ же планѣ стоитъ недоимка частновладѣльческая. Мы констатировали тогда, что послѣдняя, «при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ мѣста и времени, всегда и вездѣ превышаетъ крестьянскую и при этомъ отличается чрезвычайно характерной особенностью, проистекающей изъ самой ея сущности и выражающейся въ неуклонномъ стремленіи *возрастать вмѣстѣ съ возрастаніемъ площади владѣнія*» *). Затѣмъ относительно источниковъ происхожденія крестьянской недоимки мы рядомъ документальныхъ данныхъ установили тогда, что «помимо недоимки, какъ слѣдствія истощенія платежной силы, на крестьянской шеѣ создается еще искусственно недоимка путемъ неправильныхъ зачетовъ и взысканій», ибо въ ту пору не только взносимые крестьянами земскіе сборы, но и страховые платежи очень часто зачитывались въ казенные платежи и даже бывали случаи, что они обращались на пополненіе выкупной операціи **). Въ прямую противоположность этому относительно владѣльческой недоимки мы привели тогда свидѣтельства десятковъ земскихъ управъ о томъ, что она обусловливалась не обременительностью земскаго налога и слабостью платежныхъ силъ, а имѣла своимъ источникомъ главнымъ образомъ «недостаточное вниманіе къ платежнымъ обязанностямъ», простое нежеланіе платить, встрѣчавшее точку опоры въ крайней слабости направленной противъ владѣльцевъ-недоимщиковъ фискальной репрессіи. «Безсиліе или бездѣятельность полиціи, — говорили мы тогда, — тѣмъ замѣтнѣе, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ крупнѣе землевладѣлецъ, слѣдовательно, чѣмъ выше его ступень въ уѣздной общественной лѣстницѣ. Требовались особенно энергическія ходатайства со стороны земства для того, чтобы полиція, побуждаемая начальниками губерній, проявила больше энергіи въ дѣлѣ взысканія владѣльческихъ недоимокъ. Само собою разумѣется, что такого рода ходатайства возбуждались по преимуществу въ годы неурожаевъ, когда, благодаря сокращенію крестьянскихъ поступленій, земство чувствовало особенно острую нужду въ деньгахъ. Однако, и въ этихъ случаяхъ, когда побуждаемая губернаторскими предписаніями полиція проявляла «особенную дѣятельность», послѣдняя давала обыкновенно незначительные результаты и владѣльческая недоимка умень-

*) „Владѣльческая недоимка на югѣ Россіи", „От. Зап.", ноябрь, 1883, стр. 51.

**) Ibid. стр. 53.

шалаеь очень туго; за то на ряду съ этимъ часто случалось совершенно неожиданно такъ, что, какъ будто нечаянно, по пути оказывалась взысканной почти цѣликомъ крестьянская недоимка, хотя ее собственно при возбужденіи ходатайства земство и не имѣло въ виду. Тѣмъ естественнѣе, что въ урожайные годы, когда крестьянскіе платежи сами собою поступали исправно, почему земство не чувствовало болѣе острой нужды въ деньгахъ, не ходатайствовало, и полицейская взыскательная энергія принимала свои обычные нормальные размѣры,—въ такіе годы частновладѣльческая недоимка, предоставленная своей естественной участи, спѣшила вознаградить себя и возрастала гораздо быстрѣе, чѣмъ раньше сократилась. Въ результатѣ и получалось, что земская недоимка въ общей суммѣ сокращалась въ неурожайные годы и увеличивалась въ годы урожайные...

Приведенная выше таблица показываетъ, что то же самое повторяется и теперь. И въ послѣднее время мы наблюдаемъ, что недоимка въ годы неурожайные мѣстами сокращается, а въ урожайные ростетъ; но тождество съ прошлымъ обнаруживается и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ относительно недоимокъ губернскаго земскаго сбора въ Екатеринославской губ. мы имѣемъ для 1890 года слѣдующее свидѣтельство мѣстной губернской земской управы, изложенное на стр. 5 отчета ея за этотъ годъ, а именно: «накопленіе недоимокъ въ отчетномъ году замѣчается, какъ и въ предыдущіе годы, преимущественно на имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ». То же самое констатируется и въ отношеніи последующихъ лѣтъ, вплоть до текущаго, причемъ изъ общей суммы земской недоимки на долю крестьянъ падаетъ всего 45%, а на долю частныхъ владѣльцевъ почти 55%. А вотъ данныя, заимствованныя нами изъ отчетовъ екатеринославской *уѣздной* земской управы. На населеніи уѣзда числилось недоимокъ по губернскому и уѣздному земскому сборамъ:

На 1 января:	На крестьянскихъ обществахъ.	На частныхъ владѣльцахъ.
1894 г. . .	3,524 р.	10,283 р.
1895 » . .	4,910 »	9,272 »
1896 » . .	3,824 »	11,932 »

Ясно, что тутъ частновладѣльческая недоимка не только больше крестьянской, но и испытываетъ отличную отъ нея судьбу, повышаясь тогда, когда эта сокращается, и наоборотъ. Затѣмъ въ отчетѣ той же уѣздной управы за 1895 года мы наряду съ поименнымъ спискомъ недоимщиковъ находимъ также поименный списокъ всѣхъ частныхъ владѣльцевъ уѣзда съ показаніемъ размѣровъ землевладѣнія каждаго изъ нихъ. Сопоставленіе этихъ двухъ поименныхъ списковъ дало намъ возможность составить слѣдующую табличку,

въ которой показано распредѣленіе земской недоимки по группамъ владѣній.

Группы владѣній:	Всего владѣльцевъ:	Изъ нихъ недоимщиковъ:	Числится на нихъ недоимки:
до 100 десятинъ	216	35 или 16,2%	402 р. 63 к.
100—1000 »	233	48 » 16,9%	3489 » 13 »
1000 и болѣе »	62	13 » 20,9%	8039 » 91 »

Эта табличка не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, во-первыхъ, что главная масса частновладѣльческой недоимки лежитъ именно на крупныхъ владѣльцахъ и, во-вторыхъ, что крупные владѣльцы относительно *гораздо чаще* (20,9%), чѣмъ мелкіе (16,9%), фигурируютъ въ роли земскихъ недоимщиковъ. Далѣе. Въ позапрошлогоднемъ казанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи нѣкоторые изъ гласныхъ заявили, что «пора заняться взысканіемъ земскихъ недоимокъ, такъ какъ сваливать бѣду на неурожаи теперь уже нельзя и притомъ многіе уклоняются отъ платежа не вслѣдствіе трудности положенія, *а просто по нежеланію платить*». Гласные предлагали поэтому: «ходатайствовать передъ начальникомъ губерніи, чтобы онъ поручилъ полиціи обратить, наконецъ, серьезное вниманіе на земскіе сборы». Трудно, конечно, придумать предложеніе болѣе скромное и дипломатически уклончивое, однако, и предсѣдатель управы, и предсѣдатель собранія—оба возмутились его «строгостью». Тогда возмутился въ свою очередь и присутствовавшій въ качествѣ гласнаго въ собраніи предсѣдатель мѣстнаго отдѣленія дворянскаго банка, г. Купріяновъ: онъ слишкомъ хорошо знакомъ былъ съ фактами, чтобы не настаивать на безусловно строгомъ взысканіи владѣльческихъ недоимокъ, такъ какъ, производя по обязанностямъ своей службы разсчеты по многимъ дворянскимъ имѣніямъ, онъ убѣдился воочію, что «*землевладѣльцы не вносили земскаго сбора съ самаго введенія земскихъ учрежденій* и нисколько не заботились о недоимкахъ». Такимъ образомъ гласный Купріяновъ въ отношеніи Казанской губ. только повторилъ почти дословно то, что еще въ 1882 году утверждала, напр., таврическая губернская земская управа, жаловавшаяся на наличность массы «богатыхъ владѣльцевъ, не уплатившихъ ни копѣйки въ кассу земства, начиная съ 1867 года, т. е., со дня введенія земскихъ учрежденій» *). Одновременно съ казанскимъ значительную долю вниманія удѣлило владѣльческой недоимкѣ и тамбовское губернское земское собраніе, въ которомъ, между прочимъ, заслушанъ былъ докладъ кирсановскаго земства, настойчиво указывавшій на то, что «главный контингентъ земскихъ неплательщиковъ составляетъ классъ помѣщиковъ и что, взыскивая строго недоимки съ крестьянъ, полиція не употребляетъ никакихъ принудительныхъ мѣръ

*) Ibid. стр. 50.

по отношенію къ помѣщикамъ». Но особенно характерны пренія, происходившія по тому же поводу въ саратовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ майскую экстренную сессію 1894 года. Въ засѣданіи 24 мая здѣсь подвергнуто было обсужденію предложеніе гласнаго Полякова, рекомендовавшаго возбудить ходатайство о томъ, чтобы «изъ поступленій въ уѣздныя казначейства изъ первыхъ окладныхъ платежей каждаго плательщика отчислять изъ вносимой имъ суммы прежде всего числящуюся за нимъ недоимку и окладъ земскихъ сборовъ текущаго года». Предложеніе это вызвало горячія пренія, во время которыхъ было констатировано: а) *въ отношеніи владѣльческой недоимки*: 1) что земскій сборъ для частныхъ владѣльцевъ далеко не обременителенъ; ибо въ Саратовскомъ уѣздѣ, напр., на 1,000 рублей оцѣнки приходится 7 р. земскихъ сборовъ, причемъ десятина оцѣнена въ 40 р., на десятину это выйдетъ 25 коп., а на десятину пахотной земли, если послѣдняя составляетъ половину всей—50 к. (гласный Кропотовъ); еще меньше земскій сборъ, напр., въ Камышинскомъ уѣздѣ, гдѣ между тѣмъ владѣльческая недоимка особенно разрослась: здѣсь со ста рублей оцѣнки платится всего 5 руб., что составитъ не болѣе 18 коп. съ десятины (гласный Поляковъ). «Этого,—замѣтилъ гласный Кропотовъ,—и сравнить нельзя съ платежами крестьянъ, которымъ приходится вносить, сверхъ земскихъ и казенныхъ сборовъ, еще выкупные и мірскіе». И тѣмъ не менѣе, во-вторыхъ, собраніемъ констатировано, что, гораздо менѣе крестьянъ обремененные платежами, частные владѣльцы проявляютъ и меньшую охоту платить, а въ результатѣ оказывается громадная владѣльческая недоимка, благодаря тому, что землевладѣльцы «не платятъ земскихъ сборовъ по $1\frac{1}{2}$ года *по нежеланію*».

И б) *въ отношеніи крестьянской недоимки*: 1) что «изъ крестьянъ выколачиваютъ гораздо больше, чѣмъ они могутъ платить безъ разоренія своего хозяйства» (гласный Уваровъ); 2) что крестьянская недоимка чаще всего является продуктомъ того, что даже въ тѣхъ случаяхъ, «когда плательщикъ прямо оговариваетъ, что деньги вносятся въ уплату земскихъ сборовъ, исправникъ поворачиваетъ ихъ въ уплату казенныхъ податей», причемъ «бываютъ случаи, что и страховые платежи зачисляются въ казенные сборы» (гласный Столыпинъ) и 3) что, не смотря на неправильные зачеты крестьянскихъ земскихъ платежей въ казенные, всетаки «за крестьянами недоимки почти нѣтъ» (гласн. Поляковъ и Уваровъ). Такіе же почти причины крестьянской земской недоимки установлены были и въ очередномъ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1897 года. Здѣсь «какъ и въ предшествующія 6—7 лѣтъ, такъ и теперь (въ 1897 г.) земство пришло къ убѣжденію, что дѣло взысканія съ населенія земскихъ повинностей поставлено крайне ненормально». Ревизіонная коммиссія губернскаго собранія «изъ массы актовъ земскихъ страховыхъ агентовъ наглядно убѣдилась въ томъ,

что органами взиманія податей заурядъ практикуются перечисленія земскихъ страховыхъ платежей въ казенные сборы. Даже ссуды, выдаваемыя земствомъ крестьянскимъ обществамъ на устройство школьныхъ зданій, взыскиваются съ должниковъ и зачисляются сборщиками въ казенные сборы». Очевидно, собраніе имѣло всѣ основанія утверждать, что при такихъ порядкахъ крестьянское населеніе «при всемъ желаніи быть исправнымъ плательщикомъ земскихъ налоговъ вообще и частныхъ земскихъ долговъ въ особенности, оказывается въ положеніи невольнаго недоимщика, а само земство является совершенно безсильнымъ въ устраненія этихъ ненормальностей и силою вещей вынуждено мириться съ расшатанностью своихъ финансовъ». Очень характерны и поучительны выяснившіяся въ собраніи статистическія данныя о «понудительныхъ мѣрахъ для обезпеченія большаго поступленія казенныхъ повинностей», т. е. о тѣхъ именно мѣрахъ, которыми главнымъ образомъ обусловливаются неправильные зачеты крестьянскихъ земскихъ платежей въ казенные сборы. Въ теченіе 1894 года, напр., въ Тверской губерніи было подвергнуто аресту при полиціи отъ 1 до 7 дней болѣе 500 сельскихъ старостъ, до 20 волостныхъ старшинъ и 2,867 человѣкъ крестьянъ-недоимщиковъ, не считая большинства старшинъ, поплатившихся денежнымъ штрафомъ за недостаточное рвеніе ко взысканію повинностей. А въ 1895 году, напр., въ одномъ Вышневолоцкомъ уѣздѣ было 74 случая тѣлеснаго наказанія крестьянъ за неисправный платежъ податей. Въ виду такихъ фактовъ тверское губернское земское собраніе, «документально ознакомившись съ порядкомъ взысканія повинностей», рѣшило вновь возбудить неоднократно раньше имъ возбуждавшееся уже ходатайство объ измѣненіи порядка и упорядоченіи взысканія земскихъ сборовъ. Однородныя же ходатайства и по тѣмъ же основаніямъ возбуждены теперь земствами калужскимъ, курскимъ, симбирскимъ, самарскимъ и др.

Мы видимъ такимъ образомъ, что оба разряда недоимокъ—крестьянская недоимка и недоимка владѣльческая—испытываютъ совершенно различныя судьбы. Въ то время какъ первая взыскивается съ энергіей, достойною лучшаго примѣненія, вторая—почти безпрепятственно ростетъ и копится. И, конечно, трудно было ожидать, чтобы какія-нибудь серьезныя задержки для этого роста создались со введеніемъ новаго земскаго положенія 1890 года, почти всецѣло отдавшаго земское хозяйство въ руки тѣхъ именно группъ плательщиковъ, за которыми накоплялись неоплатныя недоимки.

Если новые порядки измѣнили что либо въ этомъ отношеніи, то далеко не въ томъ направленіи, какое было желательно. Не уменьшивъ возможности «свободнаго накопленія» владѣльческой недоимки, они усилили ея значеніе для общаго положенія земскаго хозяйства и для интересовъ другихъ категорій земскихъ плательщиковъ. До сихъ поръ неисправность владѣльческихъ платежей

вела къ тому, что недоимки крестьянскія взыскивались съ чрезмѣрною энергіею: земству необходимы были деньги, оно обращалось къ администраціи съ просьбою о «понужденіи» плательщиковъ; мѣры такого «понужденія» обрушивались обыкновенно только на одну часть плательщиковъ и были тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ менѣе исправною была другая, привилегированная группа плательщиковъ. Но во всякомъ случаѣ крестьяне платили только то, что по раскладкѣ причиталось съ нихъ, т. е. платили только за себя, а не за владѣльцевъ. Въ качествѣ земскихъ плательщиковъ они только косвенно несли отвѣтственность за владѣльческую недоимку, по стольку, по скольку, благодаря ей, съ нихъ взыскивали болѣе той части ихъ оклада, какую при другихъ условіяхъ они могли бы уплатить безъ крайняго напряженія своихъ платежныхъ силъ. Если бы, напр., они могли, не боясь взыскательныхъ репрессій, уплатить половину своего оклада, то при наличности крупной владѣльческой недоимки имъ по неволѣ приходилось уплачивать ¾ и даже $^4/_5$ его. Дальше этого дѣло не шло. При новыхъ порядкахъ на нихъ переходитъ неизбѣжно и часть владѣльческой недоимки, превращающейся постепенно въ крестьянскій окладъ. Происходитъ это такъ.

IV.

При прежде существовавшемъ порядкѣ составленія земскихъ смѣтъ, недоимки предшествующаго года многими земствами, цѣликомъ или частью, вносились въ смѣту будущаго года; такимъ образомъ удовлетвореніе части потребностей будущаго года относилось на счетъ недоимокъ предшествующаго. Такой порядокъ зачета недоимокъ приводилъ къ двоякаго рода результатамъ. Недоимки входили въ составъ бюджетныхъ средствъ, были необходимы на покрытіе текущихъ смѣтныхъ нуждъ и потому земство усиленно старалось объ ихъ взысканіи. Это, во первыхъ. Во вторыхъ, такой порядокъ составленія земскихъ смѣтъ приводилъ къ тому, что не приходилось безъ существенной необходимости повышать норму земскаго обложенія, ростъ котораго, поэтому, шелъ обыкновенно слабѣе роста земскихъ расходовъ. Если сумма предположенныхъ на данный годъ смѣтныхъ расходовъ превышала смѣту прошлаго года, то всетаки можно было оставаться при прежней нормѣ обложенія, отнеся излишній противъ прежняго расходъ на счетъ имѣющихъ поступить недоимокъ. Если же сумма предположенныхъ смѣтныхъ расходовъ не превышала прошлогодней, то являлась даже возможность уменьшить окладъ, соотвѣтственно суммѣ предположенныхъ къ поступленію и принятыхъ къ зачету недоимокъ. Этимъ путемъ значительно облегчалось положеніе земскихъ плательщиковъ, которые получали такимъ образомъ возможность, платя столько же, сколько и прежде, не только погасить окладъ, но и всю свою прежнюю недоимку. Само собою разумѣется, что облегченное положеніе плательщиковъ

вело въ конечномъ результатѣ и къ болѣе исправному поступленію земскихъ сборовъ. Уменьшеніе раскладки на сумму недоимокъ было преміей исправнымъ плательщикамъ, побуждая въ тоже время и недоимщиковъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ—внести уменьшенный окладъ и погасить недоимку,—чѣмъ въ дѣйствительности пользовались всѣ, такъ сказать, случайные, непреднамѣренные недоимщики. Конечно, и новая смѣта, и новый окладъ давали снова извѣстную сумму недобора, но такъ какъ онъ возмѣщался поступленіемъ прежней недоимки, то сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнялась.

Нынѣ дѣйствующее земское положеніе, рѣзко измѣнивъ въ пользу частновладѣльческаго элемента личный составъ земскихъ учрежденій, въ то же время съ несравненно меньшимъ, чѣмъ прежнее, довѣріемъ отнеслось къ ихъ свободной самодѣятельности, на мѣсто которой поэтому и поставлена строгая регламентація. Объектомъ послѣдней, само собою, сдѣлался и сильно измѣнившійся порядокъ составленія земскихъ смѣтъ, на каковой случай земству преподаны къ обязательному руководству «Правила о составленіи, утвержденіи и исполненіи земскихъ смѣтъ и раскладокъ». Правила эти (нужно думать, неожиданно для ихъ составителей) оказались весьма и весьма пригодны для цѣлей, ничего общаго съ упорядоченіемъ земскихъ финансовъ не имѣющихъ, но выгодны для преобладающихъ въ новомъ земствѣ элементовъ; вотъ почему тамъ, гдѣ дѣлались попытки сохраненія или возстановленія прежняго порядка составленія смѣтъ, онѣ не такъ часто встрѣчались съ губернаторскимъ veto, сколько съ противодѣйствіемъ частновладѣльческаго большинства земскихъ собраній. Тутъ случилось именно то, что чаще всего бываетъ со всякой регламентаціей: только излишне стѣснивъ земскую самодѣятельность, она частью оказалась безцѣльна, частью привела къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, какіе ею предполагалось достигнуть. Упомянутыми «правилами» несомнѣнно имѣлось въ виду упорядочить земскіе финансы, противодѣйствуя излишнему вздутію земскихъ смѣтъ и раскладокъ, а слѣдовательно, излишнему обремененію земскаго плательщика. Въ дѣйствительности же «Правила», связавъ руки истинно земскимъ людямъ, оказались только удобнымъ *легальнымъ* средствомъ къ еще большему обремененію плательщиковъ, но притомъ обремененію не равномѣрному, а падающему главной своей тяжестью на одну только группу ихъ и, въ концѣ концовъ, сводящемуся собственно къ *переложенію* земскаго налога. За силою ст. 5 «Правилъ» на покрытіе исчисленныхъ по смѣтѣ земскихъ расходовъ прежде всего обращаются, т. е., принимаются къ зачету: во 1) не имѣющая опредѣленнаго назначенія наличность земскихъ суммъ, иначе, свободный остатокъ ихъ, и во 2) недоимки по земскимъ сборамъ, начетамъ и взысканіямъ, *признаваемыя благонадежными* къ поступленію. Вслѣдъ затѣмъ въ разсчетъ должны быть приняты всѣ ожидаемыя въ смѣтномъ году

неокладныя поступленія и только послѣ того, когда этими зачетами и предполагаемыми поступленіями расходная смѣта всетаки останется непокрытой, вся остальная, не достающая на покрытіе ея, сумма идетъ въ раскладку, т. е., назначается ко взиманію съ подлежащихъ земскому сбору предметовъ обложенія—земли, недвижимыхъ имуществъ и торговыхъ документовъ. Такимъ образомъ сумма земскаго сбора или тяжесть земскаго обложенія находится въ обратномъ отношеніи къ суммѣ зачета вообще, недоимокъ въ частности, и плательщикамъ земскаго сбора, очевидно, тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ большая сумма недоимокъ принята къ зачету. Требуя обязательнаго зачета недоимокъ, «Правила» преслѣдовали благую цѣль—по возможности задержать слишкомъ быстрый, безъ существенной въ томъ необходимости, ростъ земскаго оклада, но «Правила» сами же тутъ же парализуютъ достиженіе этой ими же намѣченной цѣли, допуская только зачетъ признанныхъ *благонадежными* недоимокъ; никакого обязательнаго критерія «благонадежности» «Правилами» не дается—все предоставляется свободному усмотрѣнію и личнымъ взглядамъ тѣхъ земскихъ и неземскихъ людей, которымъ предоставлено вѣдать судьбы земскихъ смѣтъ и раскладокъ. При настоящемъ составѣ земства это привело вотъ къ чему. По даннымъ департамента окладныхъ сборовъ, изъ 367 уѣздныхъ и 34 губернскихъ земскихъ смѣтъ на 1895 г., мы только въ 167 уѣздныхъ и 12 губернскихъ находимъ зачеты недоимокъ, да и то сдѣланы они далеко не въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ можно и должно бы. Такъ, напр., въ бессарабской губернской смѣтѣ принято къ зачету недоимокъ 135 тыс., а числится ихъ на счету этого земства болѣе 500 тыс., въ самарской губ. смѣтѣ зачтено менѣе 136 тыс., а числится болѣе 300 тыс., въ бахмутской уѣздной зачтено 30,279, а числится до 100 тыс., въ маріупольской уѣздной зачтено менѣе 25 тыс., а числится до 140 тыс. р., и т. д., и т. д. Въ остальныхъ 210 уѣздныхъ и 22 губернскихъ смѣтахъ *не зачтено ни единой копейки* недоимокъ, между тѣмъ какъ зачеты тутъ смѣло можно было бы сдѣлать сотнями тысячъ, потому что насчитываются здѣсь недоимки милліонами. Такимъ образомъ недоимки, благодаря частью дѣйствительно усилившейся ихъ неблагонадежности, частью—излишнему признанію ихъ неблагонадежными въ силу нежеланія даннаго состава особенно энергично взыскивать ихъ,—почти утратили и ту свою единственную благодѣтельную функцію, которая была имъ свойственна въ прежнее время, когда земство употребляло ихъ, по крайней мѣрѣ, какъ средство для пониженія оклада. Но это еще далеко не все. Когда въ силу недостаточности поступленій образуется недоборъ въ доходахъ, то тѣ изъ земскихъ расходовъ, на производство которыхъ не хватаетъ рессурсовъ, постигаетъ двоякая участь: одни такъ и остаются невыполненными, другіе же выполняются на счетъ средствъ занятыхъ у казны, частныхъ лицъ, губернскаго земства или позаимствованныхъ изъ разныхъ спеціаль-

ныхъ суммъ и капиталовъ. Предположимъ теперь такой случай: по смѣтѣ на 1896 г. земство ассигновало 5000 руб. на производство какого нибудь единовременнаго расхода, притомъ не терпящаго отлагательства, и по недостаточности поступленія земскихъ сборовъ расходъ этотъ всетаки остался невыполненнымъ. Затѣмъ составляется смѣта расходовъ на 1897 годъ и въ нее вносится также этотъ невыполненный расходъ, причемъ, по нежеланію ли, по безнадежности ли—все равно, не дѣлается на соотвѣтствующую сумму зачета недоимки по смѣтѣ доходовъ,—иначе—невыполненный расходъ 1896 года относится всецѣло на счетъ сборовъ 1897 года. Легко понять, что, поступая такимъ образомъ, земство вольно или невольно совершаетъ двойное покушеніе на карманъ плательщика: во 1) косвенное, путемъ искусственнаго вздутія итога расходной смѣты, о значеніи чего для плательщика ниже будетъ рѣчь особо, во 2) прямое, предъявляя къ нему вторичное требованіе того, что уже разъ было взято: эти 5000 р. уже входили въ раскладку 1896 года, слѣдовательно, уже уплачены плательщикомъ или, по крайней мѣрѣ, числятся на немъ, какъ подлежащая взысканію недоимка. Снова вносить ее, эту сумму, въ смѣту и раскладку 1897 года, значитъ снова вторично требовать ее отъ плательщика, драть съ одного вола двѣ шкуры. А если предположить, что такое внесеніе въ смѣту одного и того же невыполненнаго расхода можно практиковать 5—6 лѣтъ подрядъ, то очевидно, что съ одного вола можно содрать не только 2, но и 5—6 шкуръ. И, къ несчастью, это не только отвлеченный примѣръ, не только маловѣроятное предположеніе, не только гипотетическая возможность, а самая реальная, живая и непосредственная дѣйствительность. Оказывается, къ несчастью, что именно такому многократному одиранію шкуръ при усиливающейся неблагонадежности надоимокъ и ростѣ невыполненныхъ расходовъ «Правила» не только не препятствуютъ, но и вполнѣ благопріятствуютъ, особенно, если на то добрая воля даннаго земства. Ибо, допуская къ зачету только «благонадежныя» недомки, они въ то же время нисколько не воспрещаютъ хотя бы и 10 лѣтъ сряду вносить въ смѣты послѣдующихъ лѣтъ даже одни и и тѣ же невыполненные расходы прошлыхъ лѣтъ и такимъ образомъ 10 разъ получить съ плательщиковъ то, что слѣдовало получить только одинъ разъ. И вотъ мы имѣемъ свидѣтельство департамента окладныхъ сборовъ: «Во *многихъ* земскихъ *смѣтахъ* показываются, *безъ подраздѣленія на категоріи*, расходы за счетъ прежнихъ лѣтъ, оставшіеся неисполненными и *относимые на сборы текущаго года*». Мы подчеркнули слова «безъ подраздѣленія на категоріи», какъ въ высшей степени характерныя для многихъ современныхъ земскихъ смѣтъ,—вѣдь это значитъ: безъ возможности для непосвященнаго судить о настоятельности и неотложности такихъ невыполненныхъ расходовъ, слѣдовательно объ обязательности и настоятельности внесенія ихъ въ смѣту... Приходится, по-

этому, особенно пожалѣть о томъ, что въ изданіи департамента мы находимъ свѣдѣнія о невыполненыхъ расходахъ только по 16 губерніямъ и то далеко не полныя. И эти немногія данныя, впрочемъ, достаточны для того, чтобы читатель могъ судить, насколько существенно важенъ для земскихъ плательщиковъ затронутый нами здѣсь вопросъ. Въ смѣты на 1895 годъ внесено невыполненныхъ расходовъ по губерніямъ: Владимірской 75,261 р., Екатеринославской—239,350 р., Калужской—289,973 р., Курской—358,492 р., Нижегородской—150,000 р., Орловской—133,990 р., Пермской—121,745 р., Рязанской—708,942 р., Самарской—342,693 р., Симбирской — 49,263 р., Смоленской — 16,000 р., Таврической — 697,472 р., Харьковской — 224,121 р., Херсонской — 40,000 р., Черниговской—57,283 р., и Ярославской—6,163 р., а всего—3.510,748 р. Поучительность этихъ цифръ является сугубой: во 1) онѣ наглядно свидѣтельствуютъ о солидныхъ размѣрахъ той бреши, какую благодаря недоимкамъ образуютъ въ земскомъ хозяйствѣ невыполненные расходы, во 2) даютъ легкую возможность представить себѣ, что, въ концѣ концовъ, останется отъ исправнаго земскаго плательщика (неисправный ихъ не платитъ), если заставить его изъ года въ годъ, сверхъ нормальнаго оклада, снова и снова выплачивать эти милліоны, уже разъ входившіе въ раскладку и, слѣдовательно, уже взысканные съ него. А вѣдь еще, сверхъ невыполненныхъ расходовъ, точно такую же роль въ земскихъ смѣтахъ играютъ также упомянутые выше займы и позаимствованія. Обусловливаемыя недостаткомъ поступленій, они, какъ и невыполненные расходы, фактически, конечно, могутъ быть погашены изъ текущихъ рессурсовъ, текущихъ поступленій, но только *за счетъ недоимокъ*, а отнюдь не за счетъ текущаго земскаго сбора*), т. е., отнюдь не путемъ вторичнаго включенія ихъ въ раскладку. Въ дѣйствительности же оказывается слѣдующее. Въ сборникѣ департ. окл. сбор., посвященномъ расходамъ земствъ, мы встрѣчаемъ въ гр. 45 категорію расходовъ подъ рубрикою «уплата долговъ». Какъ видно изъ предисловія (стр. III), въ эту графу внесены именно ассигновки на подобнаго рода погашенія позаимствованій и, сверхъ того, сюда же включены всѣ невыполненные расходы, «такъ какъ выполненіе этихъ расходовъ имѣетъ по существу характеръ расплаты по долгамъ». Такимъ образомъ мы имѣемъ въ гр. 45, подъ рубрикою «уплата долговъ», какъ разъ всѣ тѣ данныя, которыя намъ необходимы въ настоящую минуту и, сопоставивъ ихъ съ данными о доходахъ, узнаемъ, что изъ 367 уѣздныхъ и 34 губернскихъ земствъ—40 уѣздныхъ не включаютъ въ расходныя

*) Конечно, только въ томъ случаѣ, если недоимки благонадежны; на счетъ *безнадежныхъ* недоимокъ ничего обращать нельзя, въ такомъ случаѣ и не выполненные расходы и позаимствованія невольно приходится относить на счетъ текущаго сбора, т. е., снова назначить въ раскладку.

смѣты ассигновокъ на уплату долговъ, но въ то же время не принимаютъ къ зачету недоимокъ; 117 уѣздныхъ земствъ и 5 губернскихъ зачитываютъ недоимокъ 2.316,894 р., а въ смѣты расходовъ вносятъ на погашеніе заимствованій и невыполненныхъ расходовъ 1.225,419 р. Слѣдовательно, здѣсь ассигновка на «уплату долговъ» не только покрывается зачетомъ недоимокъ, но послѣдній даетъ излишекъ въ 1.091,475 руб., который открываетъ возможность соотвѣтственно уменьшить раскладку. Конечно, и тутъ есть извѣстная невыгода для плательщиковъ, вытекающая изъ излишняго увеличенія итога росписи, но объ этомъ рѣчь будетъ ниже особо. Затѣмъ мы насчитываемъ 58 уѣздныхъ и 7 губернскихъ земствъ, которыя, на ряду со внесеніемъ въ расходныя смѣты невыполненныхъ расходовъ и позаимствованій, принимаютъ также къ зачету недоимки, но въ размѣрѣ недостаточномъ, почему здѣсь «уплата долговъ» производится частью за счетъ недоимокъ, частью за счетъ новой раскладки. Наконецъ, 166 уѣздныхъ и 22 губернскихъ земства, внося въ расходныя смѣты ассигновки на погашеніе невыполненныхъ расходовъ и позаимствованій, въ то же время не зачитываютъ ни единой копѣйки недоимокъ, слѣдовательно, относятъ эти ассигновки всецѣло на счетъ раскладки 1895 года, т. е., всецѣло вторично требуя ихъ отъ плательщиковъ. Ниже эти двѣ послѣднія сходныя группы земствъ—не достаточно зачитывающихъ и совсѣмъ не зачитывающихъ недоимокъ—при наличности ассигновокъ на уплату долговъ—соединены вмѣстѣ и сгруппированы по районамъ:

ГУБЕРНІИ:	Число уѣздовъ. Всего въ районѣ.	Мало и совсѣмъ не зачитывающ. недоимокъ.	Принято къ зачету недоимокъ.	Ассигновано на уплату долговъ.	Излишекъ долговъ, идущій въ раскладку.
Сѣверныя . . .	44	21	11,580 р.	117,251 р.	105,671 р.
Восточныя . . .	48	33	622.220 »	987,570 »	365,350 »
Средне-промышл.	99	56	249,584 »	555,414 »	305,830 »
Средне-черноз. .	106	61	983,807 »	1.625,953 »	642,146 »
Малороссійскія.	41	23	311,366 »	420,063 »	108,697 »
Южныя	29	20	799,987 »	1.037,310 »	237,323 »
Итого	367	214	2.978,544 р.	4.743,561 р.	1.765,017 р.
Присоединяя сюда губернскія земства. .		29	1.001,901 р.	2.028,025 р.	1.026,124 р.
Всего		243	3,980,445 р.	6.771,586 р.	2.791,141 р.

Это значитъ, что въ 243 земствахъ, т. е. въ подавляющемъ большинствѣ ихъ, въ раскладку вносятся и на плательщиковъ наваливаются излишнія суммы, исчисленныя въ общемъ итогѣ милліонами, которые взыскиваются такимъ путемъ съ плательщиковъ во второй, а можетъ быть, и въ третій разъ. Это значитъ, затѣмъ, что земская раскладка, при правильной постановкѣ дѣла, могла бы

быть понижена на сумму этихъ милліоновъ, и соотвѣтственно понизилась бы тяжесть обложенія, соотвѣтственно облегчилось бы положеніе земскихъ плательщиковъ. Положеніе это, впрочемъ, отягчается не только переплатой тѣхъ милліонныхъ излишковъ, которые не покрываются зачетами недоимокъ. Дѣло въ томъ, что, въ силу предписанія ст. 3 «Правилъ», въ смѣту расходовъ обязательно вносится «сумма (запасная) на непредвидѣнныя издержки и недоборъ въ доходахъ, назначаемая въ размѣрѣ не свыше *пяти процентовъ общаго итога расходовъ*». Само собою разумѣется, чѣмъ больше общій итогъ расходовъ, тѣмъ больше и эта запасная сумма, извлекаемая путемъ раскладки изъ кармана плательщиковъ обыкновенно въ размѣрѣ 2—3% общаго итога. Въ этомъ смыслѣ вольное или невольное, но во всякомъ случаѣ искусственное увеличеніе итога земскихъ расходовъ путемъ включенія въ нихъ невыполненныхъ расходовъ и позаимствованій, является превосходнымъ легальнымъ средствомъ взять лишнее съ плательщиковъ даже тамъ, гдѣ «уплата долговъ» покрывается зачетомъ недоимокъ и гдѣ, поэтому, на первый взглядъ казалось бы, плательщикамъ ничего лишняго платить не приходится.

Чтобы яснѣе представить себѣ послѣдствія такого порядка вещей, приведемъ слѣдующій гипотетическій разсчетъ. Предположимъ, что земство, на счету котораго числится 50,000 рублей недоимокъ и на 10,000 рублей невыполненныхъ расходовъ, разсчитываетъ произвести текущихъ расходовъ на сумму 200,000 руб. При прежнихъ порядкахъ и условіяхъ благонадежности недоимокъ было бы назначено къ раскладкѣ только 160,000 руб., такъ какъ для покрытія расходовъ въ остальной суммѣ былъ бы принятъ къ зачету остатокъ недоимокъ въ 40,000 р., сдѣлавшійся свободнымъ за покрытіемъ и выполненіемъ расходовъ. Въ этомъ случаѣ недоимка считалась бы бюджетнымъ рессурсомъ и потому волей-неволей съ грѣхомъ пополамъ всетаки была бы взыскана. При нынѣшнемъ порядкѣ, какъ мы знаемъ уже, произойдетъ совершенно другое. Въ лучшемъ случаѣ невыполненные расходы не будутъ внесены въ смѣту, но въ то же время не будетъ принята къ зачету и недоимка, какъ дѣйствительно безнадежная или «признаваемая» таковою, почему потребные на покрытіе смѣты расходовъ 200,000 р. будутъ полностью назначены въ раскладку. Допустимъ, что общая сумма земскаго сбора распредѣляется по ровну (по 100,000 р.) между исправными и неисправными плательщиками. Исправные внесутъ свою долю оклада—100,000 р.—полностью, но, очевидно, если бы была принята въ зачетъ и недоимка въ 40,000 руб., то имъ пришлось бы заплатить всего 80,000 р., слѣдовательно, они переплатили лишнихъ 20,000 руб. Что же касается неисправныхъ плательщиковъ, то они, по обыкновенію, внесутъ только половину своего оклада, а другая половина (50,000 р.) останется въ недоимкѣ. Съ наступленіемъ новаго бюджетнаго года составляется новая роспись

Недоимки, какъ безнадежныя или признаваемыя таковыми, опять игнорируются. Между тѣмъ, благодаря имъ, въ предыдущемъ году снова остались невыполненными многіе расходы и въ ихъ числѣ нѣкоторые обязательные и неизбѣжные, или, если они даже были выполнены, то на позаимствованныя деньги, за которыя нужно хотя уплатить проценты. Придется каждому при составленіи смѣты имѣть въ виду, помимо предстоящихъ текущихъ нуждъ, также эти оставшіеся невыполненными, но обязательные къ выполненію расходы или проценты по займу и потому придется соотвѣтственно увеличить смѣту. Послѣдняя будетъ исчислена, по крайней мѣрѣ, въ 210.000 р., каковая сумма и назначена будетъ въ раскладку. Ясно, что въ раскладку пойдетъ сумма на 60,000 руб. большая, чѣмъ слѣдовало бы и можно было бы, если бы приняты были къ зачету недоимки, хотя бы только въ суммѣ 50,000 р. (всего ихъ теперь уже 100,000 р.) и если бы не было необходимости, благодаря имъ, вносить еще лишнія 10,000 руб. на невыполненные расходы. Половина этого излишка (въ 60,000 р.) будетъ, конечно, въ составѣ тѣхъ 105,000 р., которые придется теперь уплатить исправнымъ плательщикамъ, т. е., они заплатятъ на 30,000 руб. больше, чѣмъ слѣдовало бы. И результатъ получается вотъ какой.

	Бюджетъ въ руб.		Уплачиваютъ исправн. плательщики руб.		За неисправными остается недоимокъ въ руб.
	Всего.	Въ томъ числѣ лишнихъ.	Всего.	Въ томъ числѣ лишнихъ.	
I годъ	200,000	40,000	100,000	20.000	50.000
II »	210,000	60,000	105,000	30;000	52,500

Тутъ, кажется, достаточно рѣзко бросается въ глаза, что въ теченіе двухъ лѣтъ исправные плательщики излишне уплачиваютъ какъ разъ ту сумму (20 + 30 тыс.), какую составляетъ недоимка неисправныхъ плательщиковъ. Конечно, въ дѣйствительности процессъ этотъ происходитъ нѣсколько болѣе сложно и не такъ быстро, какъ въ нашемъ упрощенномъ для ясности примѣрѣ, но сущность именно такова. Понятно также, что исправные плательщики, выплачивая въ повышенномъ окладѣ недоимку неисправныхъ, формально уплачиваютъ ее не какъ чужую недоимку, а какъ свой собственный окладъ, но эта формальная сторона дѣла нисколько не измѣняетъ ея сущность. А сущность эта, какъ мы теперь уже знаемъ, такова. Финансовыя затрудненія земства усилились благодаря росту земскихъ недоимокъ, которымъ соотвѣтствуетъ ростъ невыполненныхъ расходовъ и задолженности земства. Вмѣстѣ съ тѣмъ благодаря усилившейся для главной группы недоимщиковъ свободѣ накопленія недоимокъ, уменьшилась ихъ благонадежность къ взысканію, а потому и пригодность ихъ, какъ рессурса для зачета и уменьшенія раскладки. Послѣдняя возростаетъ поэтому, и тѣмъ быстрѣе, что тому содѣйствуетъ еще внесеніе въ нее ассигновокъ

на покрытіе невыполненныхъ расходовъ и позаимствованій, причемъ дѣлается это частью по необходимости, частью безъ всякой нужды, съ задней цѣлью, достиженію которой благопріятствуетъ данная регламентація порядка составленія земскихъ смѣтъ, связавшая руки благонадежнымъ земцамъ и безсильная противъ своекорыстныхъ. Такимъ путемъ земство при посредствѣ повышеннаго оклада получаетъ съ исправныхъ плательщиковъ тѣ средства, которыя оно недополучаетъ съ недоимщиковъ. Кто является неисправнымъ недоимщикомъ, а кто, по преимуществу, исправнымъ плательщикомъ земскихъ налоговъ—это мы уже знаемъ. Знаемъ мы теперь также и то, что пятнадцать лѣтъ, которые протекли съ тѣхъ поръ, какъ мы подняли вопросъ о роли и значеніи владѣльческой недоимки, не только не прошли для нея безслѣдно, а, наоборотъ, дали въ этомъ отношеніи такой замѣчательный результатъ, какъ *превращеніе владѣльческой недоимки въ крестьянскій окладъ*. Въ этомъ и заключается ея эволюція.

Какое существенное значеніе для хода земскаго хозяйства имѣетъ эта своеобразная эволюція, мы не будемъ здѣсь разбирать.

Гр. Шрейдеръ.

Изъ Англіи.

«Отправьте философа въ Лондонъ, помѣстите его на Чипсайдѣ и онъ тамъ узнаетъ больше, чѣмъ узналъ бы, прочитавъ всѣ книги, привезенныя на лейпцигскую ярмарку»,—писалъ когда-то Гейне въ своихъ «Reisebilder». Чипсайдъ это — боевая артерія той части Лондона, которая называется Сити; это—проѣзжая дорога того округа, гдѣ постоянныхъ жителей 30 тысячъ, но гдѣ днемъ бываетъ болѣе милліона народа. Прямоѣзжая дорога начинается темной, закоптѣлой Ньюгэтской тюрьмой и кончается не менѣе закопченной биржей.

Какъ извѣстно, Сити это—сердцевина Лондона, самая древняя часть столицы, управляемая особымъ совѣтомъ. Когда-то, много вѣковъ тому назадъ, жители столицы частью купили, частью отвоевали себѣ у англійскихъ королей различныя вольности, между прочимъ, родъ вѣча, folkmote, во главѣ съ лордъ-мэромъ. Тогда самоуправленіе Сити было самымъ демократическимъ изъ извѣстныхъ правительственныхъ формъ. Посадникъ—лордъ-мэръ былъ сильнѣе короля; безъ его разрѣшенія король не могъ въѣхать въ

столицу. Самъ же лордъ-мэръ избирался всѣми жителями на одинъ годъ. Населеніе принадлежало къ 12 гильдіямъ (суконщики, кожевники, шорники, бакалейщики, скорняки, портные, виноторговцы, золотыхъ дѣлъ мастера, рыбопромышленники, мелочные торговцы, торговцы мелкимъ желѣзнымъ товаромъ и солильщики *). Гильдіи были открыты для всѣхъ, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Мало того, поступленіе въ гильдію было обязанностью. Гильдіи обучали всякаго новичка дѣлу. Тогда зарѣчное населеніе Лондона,— ремесленники и огородники, ютившіеся въ хибаркахъ, разбросанныхъ по болотамъ, близко принимали къ сердцу интересы гильдій, и съ дрекольемъ и рогатинами поднимались скопомъ, когда вольностямъ Сити угрожала какая-нибудь опасность. Въ тѣ времена гильдіи пріобрѣли хартіи на огромные участки земли. Мало по малу связь между гильдіями и зарѣчнымъ населеніемъ исчезала. Гильдіи превратились въ замкнутыя касты денежной аристократіи, цѣпко держащейся за льготы, отвоеванныя когда-то всѣмъ Лондономъ. Съ 1888 г., со времени основанія лондонскаго муниципальнаго совѣта,— послѣдній требуетъ отъ Сити отчета въ распоряженіи «историческимъ наслѣдствомъ всей столицы». Нѣкоторыя цифры очень интересны. Съ земель своихъ гильдіи получаютъ теперь въ годъ 750,000 ф. ст. ренты. Значительная часть (175,000 ф. ст.) уплачивается въ видѣ жалованія 1,500 членамъ гильдій (теперь ихъ всего 74), часть идетъ на дѣйствительно хорошія дѣла: на содержаніе школъ и госпиталей (но безъ общественнаго контроля), часть же—проѣдается и пропивается гильдіями на тѣхъ колоссальныхъ парадныхъ обѣдахъ, которые задаются ежегодно лордъ-мэромъ. Корпорація суконщиковъ, напр., получаетъ въ годъ 50,141 ф. ст. съ своихъ земель; изъ этой суммы проѣдено и пропито въ прошломъ году 16,576 ф. ст. Въ общемъ въ прошломъ году на банкеты гильдіями затрачена громадная сумма въ 100 тысячъ ф. ст.

Мы на Чипсайдѣ, въ столицѣ золотой олигархіи. Узкія, извилистыя улицы сплошь залиты живымъ потокомъ. Омнибусы, кареты, кэбы, огромные фургоны съ кладью тянутся безпрерывной цѣпью. Каждую минуту потокъ останавливается, пересѣченный гдѣ либо на углу такимъ же живымъ теченіемъ, идущимъ перпендикулярно. Лавируя между мордами лошадей и между колесами экипажей, перебѣгаютъ тогда пѣшеходы съ одной стороны улицы на другую. На тротуарахъ тоже сплошной потокъ пѣшеходовъ. Всѣ какъ будто бы вычеканены по одному образцу: всѣ въ черныхъ сюртукахъ и въ цилиндрахъ, всѣ одинаково выбриты, у всѣхъ на лицѣ застыло одинаковое, сосредоточенно дѣловитое выраженіе. Вотъ улица кончилась площадью, на которой настоящая живая толчея. Прямо передъ нами встаетъ закопченное, почернѣлое зданіе съ

*) Drapers, mercers, grocers, leathersellers, saddlers, fishmongers, goldsmiths, s kinners, haberdashers, salters, ironmongers, vintners.

неизбѣжнымъ фронтономъ съ кориноскими колоннами: это—храмъ Сити, королевская биржа, «le temple de la Peur», по выраженію кажется, Барбье. Въ этомъ храмѣ есть свои канонизированные святые, какъ Барнай Барнато, какъ Улфъ Джайлъ; есть свои герои, подвиги которыхъ, въ назиданіе потомству, выхваляютъ пышныя надписи на мраморныхъ доскахъ. Одна изъ такихъ досокъ посвящена газетѣ «Times», раскрывшей лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ грандіозный заговоръ противъ «temple de la Peur». Королевская биржа еще доступна для постороннихъ; но къ ней примыкаетъ другой храмъ, Stock Exchange, порогъ которой могутъ переступать лишь тѣ 3,000 «jobbers» и «brokers» (биржевые маклера), которые состоятъ членами биржи. Въ этомъ храмѣ по вторникамъ и пятницамъ устраиваются генеральныя сраженія, на которыхъ сталкиваются бумаги всего міра, акціи существующихъ и не существующихъ, а имѣющихъ лишь народиться компаній. Обыкновенные смертные знаютъ лишь очень немногое изъ внутренней жизни этого храма. Они знаютъ терминологію «медвѣдь» и «быкъ» («bear», спекулянтъ, играющій на пониженіе фондовъ; «bull», играющій на повышеніе), знаютъ, что кого-то «загоняютъ въ уголъ», а несостоятельность кого либо изъ корпораціи возглашается торжественно спеціальнымъ швейцаромъ, который всходитъ для этого на спеціальную трибуну и стучитъ деревяннымъ молотомъ (церемонія называется hammering). Большею частью, впрочемъ, эти познанія пріобрѣтаются изъ романовъ или изъ модной пьесы, державшейся весь прошлый сезонъ въ Дрюрилэнскомъ театрѣ. Обыкновенная публика знаетъ, что на биржѣ съ поразительной быстротой создаются изъ ничего колоссальныя состоянія, какъ создалъ покойный Барнай Барнато, бывшій нѣкогда уличнымъ клоуномъ въ Уайтчепелѣ, какъ создалъ здравствующій африканскій герой Сесиль Родсъ. Внутренняя жизнь биржи остается невѣдомой, пока не вмѣшается случай и не отдернетъ занавѣсъ, скрывающій невѣдомый міръ. Такимъ случаемъ является громкій процессъ, какъ напр. дѣло Гули, которое, не назрѣвъ еще, произвело цѣлую бурю и вызоветъ ураганъ, когда своеобразный цвѣтокъ распустится вполнѣ. Кто такой Гули? Это—своего рода биржевой Наполеонъ. Всего лишь два мѣсяца тому назадъ онъ былъ героемъ мелкой, уличной прессы. О его милліонахъ, какъ о его лошадяхъ, остротахъ и гражданскихъ добродѣтеляхъ помѣщались цѣлые столбцы въ «Sun», въ «Evening News», въ «Financial News» и въ другихъ уличныхъ листкахъ. Онъ былъ шерифомъ двухъ графствъ, почетнымъ рыцаремъ ультра-консервативной «Лиги подснѣжника», будущимъ кандидатомъ консервативной партіи, старостой собора Св. Павла, куда онъ подарилъ драгоцѣнную вазу, наконецъ, героемъ аристократическихъ клубовъ. А теперь! Изъ окна моей комнаты я вижу такую сцену. Оборванный balladmonger, съ пачкой подъ мышкой,

собравъ вокругъ себя толпу, учитъ ее мотиву модной пѣсни, слова которой продаетъ.

Sing, o! Muse, this glorious news—
Peers are cheap to-day!
Whate'er the views that you may choose,
This should make you gay.
Good old Hooley, on his rounds,
Kept peers well in moderate bounds,
Two for fifty thousand pounds!
Peers are cheap to-day!

(Муза! воспой радостную вѣсть: лорды сегодня дешевы. Каковы бы тамъ ни были ваши взгляды, новость эта должна обрадовать васъ. Добрый старина Гули держитъ въ запасѣ пэровъ по сходной цѣнѣ: парочку за пятьдесятъ тысячъ ф. ст.).

Толпа, выслушавшая уже разъ двадцать пѣсенку, подхватила припѣвъ:

Therefore, on your way,
Blithely blare «Hooray!»
Blow the trumpet, bang the drums.
Since the holy Hooley comes,
To show us by his unbooked sums,
Peers are cheap to-day!

(Поэтому, всѣ прохожіе весело ревите «ура!» Дуйте въ трубы, лупите въ барабаны! Съ тѣхъ поръ, какъ благочестивый Гули явился, чтобы показать свои книги,—пэры дешевы!)

Продавецъ поетъ о томъ, что «въ палатѣ лордовъ пэры бываютъ строптивы и дыбомъ становятся противъ всякой реформы; но нѣжно за то начинаютъ мурлыкать, когда биржевикъ дастъ имъ понюхать пачку банковыхъ билетовъ».

Эту пѣсенку, которую написалъ одинъ изъ сотрудниковъ «Star», теперь услышишь всюду въ Лондонѣ. Гули явился на лондонскомъ горизонтѣ года два тому назадъ организаторомъ акціонерныхъ компаній. Велосипедная манія тогда достигла кульминаціоннаго пункта, и Гули основывалъ одну за другой компаніи для эксплоатаціи различныхъ усовершенствованій въ бициклетѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ созданы были компаніи: «Simpson Lever Chain» «Cycle Tube Company», «Singer Cycle», «Dunlop Tyre» «Buston tyres» и др. Компаніи эти вводили новыя усовершенствованныя пневматическія шины. За ними явились компаніи, не имѣющія ничего общаго съ велосипедами, напр., «Bovril» (мясной экстрактъ). Гули основывалъ компанію или же покупалъ только что народившуюся, ставилъ ея акціи на ноги, затѣмъ быстро продавалъ, пока «медвѣди» (bears) не успѣли еще загнать на биржѣ дѣтище «въ уголъ». Такъ, въ *апрѣлѣ* 1897 г. Гули купилъ «Dunlop Pneumatic Tyre» за 3 милліона ф. ст., а въ *маѣ* того же года продалъ за 5 милліоновъ ф. ст. Акціи компаніи Bovril были куплены 23 ноября 1896 г. за 2 мил.

ф. ст., а черезъ 22 дня проданы за 4 мил. и т. д. Чтобы заставить публику покупать акціи, т. е., чтобы имѣть возможность быстро сбыть на биржѣ компанію, Гули прибѣгалъ къ двумъ способамъ: 1) «создавалъ манишку» и 2) пускалъ «предварительный гвалтъ и пуфъ». Какъ та, такъ и другая терминологія принадлежитъ самому Гули. «Манишка» это—списокъ титулованныхъ директоровъ, будто бы принимающихъ участіе въ дѣлахъ правленія. «Предварительный гвалтъ» это—хвалебныя статьи въ продажныхъ газетахъ. Гули одержалъ цѣлый рядъ блестящихъ биржевыхъ сраженій. Только при Барнаѣ-Барнато, когда на биржу были брошены акціи кимберлейскихъ бриллiантовыхъ копей,—«быки» (bulls) играли такъ сильно на повышеніе, какъ при Гули, когда онъ пустилъ въ ходъ акціи «Dunlop Tyre». Наконецъ биржевой Наполеонъ нашелъ свое Ватерлоо, и имя его «простучало» съ высоты каѳедры. Гули обанкротился. По англійскимъ законамъ, банкротъ даетъ публичныя показанія въ Court of Bankruptcy. И вотъ эти показанія раскрыли предъ непосвященными цѣлый новый, невѣдомый міръ. Обыкновенно въ Court of Bankruptcy никого нѣтъ. Развѣ забѣжитъ случайно какой-нибудь кредиторъ да забредетъ добросовѣстный туристъ, желающій осмотрѣть въ Лондонѣ рѣшительно все. Когда же давалъ показанія Гули, залъ былъ биткомъ набитъ. И это 1 августа, въ «день св. Леббока», какъ называютъ въ Лондонѣ праздники для служащихъ, проведенные въ парламентѣ Леббокомъ. Обыкновенно, въ такой день Лондонъ пустѣетъ совершенно. Лавки заперты. На улицахъ не видно ни прохожихъ, ни экипажей и почти не видать омнибусовъ. Лондонская шутка говоритъ, что въ день св. Леббока вы можете съ утра до вечера ходить по улицамъ съ высунутымъ языкомъ и не найдете доктора, который бы согласился взглянуть на него. Все населеніе нужно искать на континентѣ, на берегу моря или же въ окрестностяхъ столицы. А между тѣмъ, въ день св. Леббока, когда Гули давалъ показанія, зала Court of Bankruptcy была набита биткомъ. До такой степени видное лицо Гули, до такой степени живо была заинтересована публика.

— Скажите, вы были организаторомъ акціонерныхъ компаній,— предлагаетъ вопросъ «регистраторъ» (предсѣдатель);—не можете ли вы сказать, въ чемъ, собственно, заключается эта обязанность?

— Первымъ дѣломъ, нужно купить компанію, а затѣмъ продать ее возможно быстрѣе и возможно дороже,—отвѣчаетъ Гули, плотный, изящно одѣтый джентльмэнъ, лѣтъ 45, и обязательно сообщаетъ, какъ именно нужно поступать для этого.—Прежде всего нужно накупить титулованныхъ директоровъ. Публика любитъ лордовъ,—съ циничной улыбкой замѣчаетъ банкротъ.—Мнѣ «манишка» стоила 100 тысячъ ф. ст.

— Не можете ли вы сказать, кому именно изъ директоровъ вы платили, помимо жалованія? — допытывается предсѣдатель, до-

ставая книжку съ корешками чековъ. «Долженъ ли я отвѣтить непремѣнно?» «Да, обязаны».

— Ну, предположимъ, что я этого не сдѣлаю?

— Тогда, къ крайнему сожалѣнію, я вынужденъ буду принять нѣкоторыя несовсѣмъ пріятныя для васъ мѣры,—отвѣчаетъ предсѣдатель.

— Ладно. Я далъ графу Де-ла-Уоръ 25 тысячъ ф. ст., лорду Ольбермалю 12,5000 ф. ст. Онъ хотѣлъ было половину всѣхъ барышей, когда мы торговались съ нимъ; но я подозрѣваю, что благородный лордъ несовсѣмъ понималъ, что значитъ половина,—со злобной улыбкой замѣчаетъ Гули.—Затѣмъ, я далъ еще лорду Де-ла-Уоръ 2 тысячи ф. за то, что онъ познакомилъ меня съ лордомъ Гревиллемъ. Графъ Уинчильси получилъ 10 тысячъ ф. ст. за то, что далъ свое имя для Cycle Tube Company. Лордъ Фредъ Гордонъ познакомилъ меня съ лордомъ Дунканономъ, будущимъ директоромъ компаніи *Bovril*, и получилъ за это 5 тысячъ ф. ст. Лордъ Диргаретъ получилъ 2 тысячи ф. ст.

— Вы имъ какъ платили? Наличными деньгами или акціями?

— Нѣтъ, чистоганомъ. Акціи они брали своимъ путемъ. Акціи стоили по 1 фунту; но одни лорды брали себѣ ихъ по 10 ш., другіе—по 5 ш., сбывая эти акціи сейчасъ же мнѣ за полную цѣну. Уступалъ я акціи по различнымъ цѣнамъ потому, что одинъ лордъ мнѣ больше годился для *манишки*, а другой меньше.

Лордъ Де-ла-Уоръ, Ольбермаль, Уинчильси и др., названныя Гули лица являются наиболѣе богатыми землевладѣльцами Англіи, столпами современнаго министерства. За лордами слѣдуетъ безконечная вереница великосвѣтскихъ джентльмэновъ, которыхъ Гули аттестуетъ: «это чудные ребята; но только съ ними денежныхъ дѣлъ вести совершенно невозможно». Мы имѣемъ представленіе, что такое «манишка». Теперь, что такое «предварительный гвалтъ» и «пуфъ»? У Гули имѣлись спеціальныя акціи для представителей прессы. Акціи эти номинально покупались по 10—8 шиллинговъ и тутъ же сбывались самому Гули по 1 фунту и даже по 27 шиллинговъ. За эти, такъ называемыя, «press cals» издатели и журналисты писали хвалебныя статьи въ честь компаній, основанныхъ Гули. Впрочемъ, кромѣ акцій, журналисты получали, какъ и лорды, также и наличныя деньги. Къ чести англійской прессы, безъ различія направленій, нужно сказать, что ея репутація идеальной неподкупности оказалась и на этотъ разъ выше всякихъ подозрѣній. Гули заявилъ, что не смѣетъ даже и подступить къ серьезной утренней прессѣ. «Предварительный гвалтъ» и «пуфъ» производили другія газеты, органы улицы, народившіеся въ послѣднее время. Передъ слушателями, въ Court of Bankruptcy, въ показаніяхъ Гули прошли безконечной вереницей своеобразные журналисты, являющіеся костью отъ кости и плотью отъ плоти того самаго класса, который выдвинулъ «быковъ», «медвѣдей» и другихъ ге-

роевъ биржи. Можно было подумать, что знаменитый разбойникъ прошлаго вѣка Джэкъ Шепардъ умеръ не совсѣмъ безъ потомства. Сначала скажу нѣсколько словъ о тѣхъ газетахъ, которыя фигурируютъ въ процессѣ Гули. Вечерняя пресса въ Лондонѣ народилась въ послѣднее время. Кромѣ четырехъ газетъ (консервативныя: «Globe» и «St. James'Gazette, радикальная «Westminster Gazette» и безшабашная «Pall Mall»), все это дешевыя полупенсовыя изданія. Большинство ихъ разсчитано на читателя, который занятъ весь день и имѣетъ досугъ пробѣжать газету лишь вечеромъ, возвратившись домой. Духъ вечерней прессы совсѣмъ особый, рѣзко отличающій ее отъ спокойныхъ, солидныхъ утреннихъ левіаѳановъ. Она гораздо больше вниманія удѣляетъ сенсаціямъ; ея главный сотрудникъ—юркій, всезнающій, всюду проникающій репортеръ. Вечерняя пресса, кромѣ трехъ изъ перечисленныхъ выше газетъ, почти не помѣщаетъ руководящихъ статей. Читателю нужно что либо острое, возбуждающее усталые нервы. Нѣкоторыя вечернія газеты ведутся крайне талантливо, живо и, во всякомъ случаѣ, корректно. Таковы консервативная газета «Globe», радикальная «Star», безъ сомнѣнія, лучшая изъ вечернихъ газетъ, затѣмъ, демократическая, но стоящая внѣ партій, «Echo», на которую издатель наложилъ легкій квакерскій характеръ и, отчасти, радикальная «Westminster». Вообще, послѣднее изданіе блѣдновато; но въ немъ участвуетъ талантъ первой величины, каррикатуристъ Гульдъ. Его «картинки», появляющіяся раза два въ недѣлю,—лучшія политическія каррикатуры въ Англіи. Газета держится и имѣетъ большой успѣхъ только благодаря Гульду.

Мало лестнаго можно сказать объ остальной вечерней прессѣ. Она разсчитана на многочисленныхъ слугъ «господина Купона», пріобщенныхъ къ литературѣ въ послѣднія тридцать лѣтъ. Классъ этотъ ненавидитъ и презираетъ массы; онъ воспринялъ внѣшній лоскъ культуры своего «хозяина», оставшись глубоко невѣжественнымъ, безпринципнымъ, сохранивъ всѣ наиболѣе грубые инстинкты, которыми обладала когда либо раса. Я писалъ уже о «литературѣ»» этого многочисленнаго класса. Типичными органами печати этого класса (по англійской терминологіи, lower middle classes, нижній слой среднихъ классовъ) являются газеты: «Sun», «Evening News», которая извѣстна подъ кличкой «Evening Mews» (Вечернія конюшни) и «Pall Mall». Вмѣсто передовыхъ статей, въ этихъ газетахъ помѣщается отдѣлъ «Out and About». Изъ него читатели узнаютъ такія свѣдѣнія, какія, напр., помѣщены въ № «Sun» отъ 27 августа: «На Нижегородской ярмаркѣ существуетъ своеобразный способъ покупки бирюзы. Покупатель платитъ условленную сумму, а затѣмъ запускаетъ руку въ мѣшокъ съ камнями и захватываетъ сколько можетъ въ горсть». Видное мѣсто въ этихъ газетахъ занимаетъ отдѣлъ «Men aud Things» (Люди и дѣянія), посвященный знаменитостямъ, т. е. лордамъ и спортсмэнамъ. Изъ него мы узнаемъ,

что лордъ Вестминстеръ получаетъ въ годъ съ своей земли 200 тысячъ ф. ст. дохода, что лэди Клинтонъ имѣетъ ожерелье въ 30 тысячъ ф. ст., а сережки цвѣта «голубиной крови» лэди Комбермэръ стоятъ 40 т. ф. ст. Далѣе повѣствуется, что лордъ Дераморъ такъ любитъ лошадей, что самъ подстригаетъ имъ хвосты, что боксеръ «Большой Джимъ» недавно разбилъ носъ знаменитому американцу Питкису и, такимъ образомъ, поддержалъ честь Англіи и т. п. полезныя и интересныя свѣдѣнія. Всѣ эти газеты ультра-консервативныя, джингоистическія par excellence и славу и блескъ англійскаго оружія воспѣваютъ даже больше, чѣмъ кулаки «Большого Джима», сережки лэди Комбермэръ или же хвосты лошадей лорда Дерамора. Кто знаетъ лишь серьезную англійскую печать, тотъ подумаетъ, когда ему попадется въ руки нумеръ «Sun» или «Evening „News», что вечерняя пресса выходитъ гдѣ-то въ другомъ полушаріи. Духъ этой прессы лучше всего выясняется изъ отношенія къ нѣкоторымъ вопросамъ жизни. Возьмемъ, для примѣра, такъ называемый, «гулиганизмъ», занимающій теперь сильно лондонскую печать. Въ послѣднее время въ газетахъ постоянно появляются замѣтки о грубыхъ нравахъ Ламбета, одного изъ самыхъ бѣдныхъ и дикихъ кварталовъ Лондона. Тамъ нѣтъ общественной библіотеки, нѣтъ ни университетскаго центра, ни зала для митинговъ, ни школъ, кромѣ одной начальной. Населеніе состоитъ изъ нищихъ, бродягъ, рѣчныхъ рабочихъ и пр. Въ послѣднее время на улицахъ Ламбета стало «не благополучно»: появились группы (или шайки, по терминологіи округа) молодыхъ люди, именующихъ себя «гулиганами». Они грабятъ прохожихъ, бьютъ ихъ и пр. Если вѣрить уличной прессѣ, «гулиганы» держатъ въ страхѣ и трепетѣ весь округъ. Дошло до того, что зажиточные обыватели Ламбета, лавочники и содержатели питейныхъ домовъ, собрали митингъ и постановили организовать «лигу самозащиты». Уличная пресса такъ усиленно муссировала явленіе, что, въ концѣ концовъ, стало не яснымъ: что именно такое «гулиганизмъ»? Есть ли это шайки граб телей, вродѣ тѣхъ «гарротеровъ», которые наводили ужасъ на Лондонъ въ шестидесятыхъ годахъ, или же просто мальчишки-буяны, толкающіе прохожихъ въ грязь съ тротуаровъ. Подобное выясненіе крайне интересно, потому что вечерняя пресса съ мѣста въ карьеръ взяла крайне высокій тонъ. «Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ нѣкоторые округи Лондона терроризированы шайками уличныхъ грабителей, смѣющимися надъ закономъ и властью и причиняющими величайшее безпокойство почтеннымъ обывателямъ»,—пишетъ «Sun» въ № отъ 20 августа. Далѣе газета говоритъ, что «гулиганизмъ» поддерживается слабыми наказаніями. По ея мнѣнію, «гулиганы» не боятся ни тюрьмы, ни, тѣмъ болѣе, денежнаго штрафа. Единственно, что можетъ помочь бѣдѣ—тѣлесныя наказанія, именно, «кошки». Парламентъ долженъ уполномочить судей присуждать «гулигановъ» къ плетямъ. «Evening News» не захотѣлъ отстать отъ «Sun». «Единственное лѣкарство отъ «гу-

лиганизма» это—«кошки». Средство это—дешево, быстро и дѣйствительно», пишетъ газета въ передовой статьѣ своей. «Financial News», вечерняя газета, редактируемая однимъ изъ тѣхъ двухъ джентльмэновъ, которыхъ вкупѣ Гули назвалъ «величайшими шантажистами города Лондона»—выступила съ одой въ защиту кошекъ. Изъ нея я помню слѣдующіе стихи:

«But give them the cat:
Nothing like that
To make a man-brute feel his sinning;
Without mind or heart,
He never will smart,
Save by something aproaching to skinning».

(Т. е. «Бейте ихъ кошками. Нѣтъ лучшаго средства заставить злодѣя восчувствовать свои грѣхи. Такъ какъ у него нѣтъ ни души, ни совѣсти, то ухо востро онъ будетъ держать лишь тогда, когда вы спустите ему шкуру»). Газеты открыли, своего рода, плебисцитъ по вопросу о «гулиганизмѣ». Посыпались градомъ письма за подписью: «почтенный гражданинъ», «не вѣрующій въ мягкіе приговоры» etc. Смыслъ всѣхъ посланій былъ одинъ и тотъ же: «драть!» Одно изъ этихъ писемъ сохранилось у меня. Оно появилось въ «Sun» отъ 16 августа. Авторъ виновникомъ созданія «гулиганизма» дѣлаетъ современныя англійскія школы, забывъ совершенно, что онѣ-то меньше всего повинны уже по той простой причинѣ, что въ Ламбетѣ нѣтъ *никакихъ* школъ. «Гулиганы» нигдѣ не учились. «Прежде дѣтямъ низшихъ классовъ внушалось почтеніе и повиновеніе,—пишетъ обличитель.—Теперь... ихъ учатъ никуда негоднымъ вещамъ. Вслѣдствіе этого, по отсутствію дисциплины... они дѣлаютъ существованіе *лучшихъ* классовъ несноснымъ (they are making the existence of the better classes intolerable)... Говорятъ, бѣдность, въ которой растутъ «гулиганы», дѣлаетъ ихъ таковыми. Но кто же виноватъ въ этой бѣдности, какъ не сами низшіе классы? Кто имъ велитъ вступать въ бракъ и плодить нищихъ?.. Нужно принять энергичныя мѣры, а пока палліативомъ могутъ служить кошки». Подъ этимъ посланіемъ, при чтеніи котораго, навѣрное, радостно забьется сердце кое у кого на континентѣ, подписанъ Бофинъ, владѣлецъ огромнаго завода для изготовленія мясного экстракта и страсбургскихъ пироговъ. Въ газетахъ я только что прочелъ замѣтку, касающуюся новаго Катона, который, конечно, себя причисляетъ къ «лучшимъ» классамъ. Санитарный инспекторъ арестовалъ на заводѣ семьдесятъ восемь бочекъ съ печенями воловъ, свиней, барановъ и лошадей, изъ которыхъ приготовлялись «страсбургскіе» пироги и мясной экстрактъ. Печени были осклизлыя, совершенно разложившіяся и абсолютно негодныя для употребленія. Когда бочки привезли въ судъ для освидѣтельствованіи, вонь отъ нихъ была такая, что по улицѣ нельзя было пройти. «Уничтожьте все немедленно,—распорядился

судья.—Ничего болѣе мерзкаго и отвратительнаго я не видалъ во всю жизнь». А между тѣмъ «это мерзкое и отвратительное» потреблялось тѣми «низшими классами», пороки и отсутствіе «дисциплины» которыхъ такъ сурово обличалъ Бофинъ. (Такъ называемые «мясные экстракты» и «страсбургскіе пироги» въ Лондонѣ гораздо дешевле мяса, именно 5—6 пенсовъ за коробку. Въ силу этого, потребителями являются тѣ, которымъ свѣжее мясо не по карману). Заводъ Бофина помѣщается въ Ламбетѣ.

«Гулиганизмъ» заставилъ, наконецъ, заговорить серьезную утреннюю прессу. Она сказала, что явленіе, конечно, очень печальное; но для лѣченія его нужны не террористическія мѣры, а нѣчто другое. Нужно прежде всего опредѣлить, что такое «гулиганы». Если это грабители, то законъ достаточно вооруженъ уже. Если же гулиганизмъ только грубость нравовъ, то меньше всего можно бороться съ нимъ терроромъ. «Daily News» привели въ примѣръ сосѣдній съ Ламбетомъ округъ Батерси. Двадцать лѣтъ тому назадъ само названіе округа считалось неприличнымъ. Батерси былъ населенъ «гулиганами», а теперь—его называютъ «Сердцемъ молодого Лондона». На 165 тысячъ жителей Батерси имѣетъ нѣсколько безплатныхъ библіотекъ, университетскій «центръ», политехникумъ съ тремя тысячами студентовъ обоего пола и пр. Батерси первый устроилъ у себя кооперативныя муниципальныя мастерскія, первый выстроилъ муниципальныя жилища для рабочихъ и пр. Въ муниципальномъ органѣ «London» выступилъ ламбетскій священникъ Джедлонъ съ цѣлой программой борьбы съ «гулиганизмомъ». По его мнѣнію, требуются школы и рядъ университетскихъ поселеній. Молодежь бродитъ по улицамъ, потому что ей дѣться некуда: жилища въ Ламбетѣ такъ бѣдны и такъ тѣсны, что туда приходятъ лишь спать да ѣсть. Юноши въ Ламбетѣ такъ же подвижны, какъ и въ любомъ богатомъ кварталѣ. Въ послѣднихъ молодежь имѣемъ «гимназіумы», клубы, крокеты, тогда какъ въ Ламбетѣ—только улицу.

Кромѣ постоянныхъ вечернихъ газетъ, есть еще и временныя. Онѣ нарождаются, какъ дождевые пузыри, и исчезаютъ такъ же быстро. За короткій періодъ своего существованія онѣ стараются «урвать» все, что лишь возможно. Для аналогичной прессы на континентѣ для «урыванія» существуетъ широкое поле шантажа. Въ Англіи, вслѣдствіе различныхъ условій, поле это крайне ограничено. И вотъ, вся голодная орава ломитъ въ одну сторону, къ тому «champ clos où c'est, au lieu de sang, de l'or qui coule à flots» (выраженіе Понсара). Лондонская печать, большая и малая, имѣетъ своихъ спеціальныхъ сотрудниковъ въ Сити, сообщающихъ о биржевыхъ дѣлахъ. Это—акредитованные посланники прессы къ его величеству Капиталу. Въ такой богатой странѣ, какъ Англія, биржевой отдѣлъ едва-ли не самый важный. «Посланники» серьезной печати выше подкупа; за то у мелкой прессы биржевой отдѣлъ сдѣлался источникомъ крупныхъ доходовъ. Организаторы

акціонерныхъ компаній платятъ ей за молчаніе и платятъ за то, чтобы она говорила, когда нужно.

— За что вы платили деньги издателямъ?—спросилъ регистраторъ.

— За то, чтобы затянуть глотку вечерней прессѣ и поставить ее на пневматическія шины,—живописно выразился Гули. Въ процессѣ прошелъ цѣлый легіонъ такихъ ловцовъ совереновъ.

— Здѣсь три чека Бекеру, въ 260 ф. каждый,—говоритъ регистраторъ.—Кто этотъ джентельменъ? За что вы ему дали деньги?

— Это—представитель «Pall Mall» въ Сити. Я заплатилъ ему, чтобы успокоить его.

А вотъ три джентельмэна, Билъ, Гаррисонъ Дэвисъ и Кирби, которыхъ Гули аттестуетъ «величайшими шантажистами города Лондона». Первый изъ нихъ—адвокатъ и редакторъ невѣдомой газетки «Corporation of British Investors», о существованіи которой я, какъ и многіе другіе, узналъ лишь во время процесса. Билъ—законный преемникъ знаменитыхъ адвокатовъ, ведшихъ дѣло мистрисъ Бардль (Пиквикъ); но летаетъ онъ гораздо выше. Онъ явился къ Гули и заявилъ, что «можетъ ему сильно напакостить въ газетахъ» (he could be nasty in the papers). «Это былъ чистый шантажъ,—объясняетъ Гули,—но я платилъ и платилъ ему». Всего Билъ получилъ 6 тысячъ ф. ст.

За Биломъ слѣдуетъ Гаррисонъ Дэвисъ, издатель мелкой газетки, которому выдано 7,250 ф. ст.

— Кто такой Гаррисонъ Дэвисъ?—спрашиваетъ регистраторъ, просматривая корешки книжки чековъ со странной отмѣткой: «на умасливаніе лающихъ».

— Я не знаю, кто именно; но онъ брался успокоить вечернія газеты, чтобы онѣ не трепали насъ на куски.

— Кто вамъ это представилъ?

— Его соучастникъ Финчъ-Гаттонъ, братъ лорда Уинчельси, разыскивавшій для меня лордовъ и прицѣнивавшійся къ нимъ.— Въ залѣ раздаются крики: «слушайте!» и восклицанія «ого»! Я постараюсь объяснить читателямъ, почему именно такъ поражена публика.

Весною этого года газеты сообщили, что одинъ изъ членовъ консервативной партіи слагаетъ съ себя депутатскія обязанности по случаю болѣзни. На другой день появились дополнительныя подробности, сообщенныя прессѣ самимъ коммонеромъ. Депутатъ прислалъ газетамъ свое письмо къ предсѣдателю «консервативной ассоціаціи».

«Съ глубокимъ сожадѣніемъ, я пришелъ къ заключенію, что я не могу болѣе къ выгодѣ моихъ избирателей представлять ихъ въ парламентѣ и, въ силу этого, слагаю съ себя депутатскія обязанности,—писалъ коммонеръ. Фактъ тотъ, что я нахожу невозможнымъ болѣе поддерживать нынѣшнее министерство, такъ какъ стало

очевиднымъ, что какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика его противорѣчитъ основнымъ принципамъ консервативной партіи, къ которой я принадлежу. Политика эта нарушаетъ интересы націи. На общихъ выборахъ 1895 г. консерваторы обѣщали сдѣлать многое для землевладѣльцевъ, если станутъ у власти; но до сихъ поръ министерство провело лишь одинъ земельный законъ (Agricultural Rating Act), который принесъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу *). Большинство въ 150 голосовъ дѣлало партію совершенно независимой отъ ирландскихъ депутатовъ. Бальфуръ, такимъ образомъ, имѣлъ полную возможность разрѣшить на патріотическихъ началахъ земельный вопросъ въ Ирландіи. Вмѣсто этого, онъ предпочелъ сдѣлать новыя уступки ирландской крамолѣ. Эти уступки долженъ былъ по необходимости сдѣлать предшественникъ Бальфура; но въ данномъ случаѣ въ уступкахъ не представлялось никакой необходимости. Говорятъ, что гомъ-руль долженъ быть убитъ. А между тѣмъ, достояніе ирландскихъ лэндлордовъ, да еще всѣ принципы справедливости на придачу, были брошены въ ненасытную утробу ирландскаго вѣроломства (into the insatiable maw of Irish disloyalty) **). Земельный актъ, проведенный парламентомъ, основанъ на принципахъ, осужденныхъ нѣкогда самимъ же Бальфуромъ. Въ этомъ «законѣ» заключается конфискація собственности и вмѣшательство въ свободу договора. Такимъ образомъ, актъ не только подрываетъ интересы ирландскаго лэндлорда, но всѣ тѣ основные принципы, на которыхъ держится общество. Теперь нельзя даже сказать, какую массу зла причинитъ этотъ актъ не только Ирландіи, но и всему Соединенному королевству. Далѣе, министерство провело въ 1897 г. законъ объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье рабочихъ (Employers'Liability Act), который служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что, хотя правительство себя и называетъ консервативнымъ,—оно, въ сущности, состоитъ изъ соціалистовъ. Крайне вредный и опасный актъ этотъ направленъ противъ капиталистовъ, какъ цѣлаго класса... Внѣшняя политика министерства такова, что иностранныя державы пришли къ заключенію, что Англія вынесетъ и потерпитъ всякое униженіе... Я пришелъ къ заключенію, что министерство обмануло избирателей на послѣднихъ выборахъ. Оно показало имъ не ту программу. Внутренняя политика его—рядъ систематическихъ нападеній на капиталистовъ; внѣшняя—рядъ униженій».

Благородный коммонеръ нѣсколько хватилъ черезъ край. На вы-

*) Въ силу этого земельнаго акта лэндлорды получили около 2 милліоновъ ф. ст., но они ждали большаго.

**) Обличитель имѣлъ въ виду „The Irish Land Law Act", 1896 года, своего рода компромиссъ между интересами фермера и лэндлорда, съ сильнымъ тяготѣніемъ къ послѣднему. Суть закона—большее обезпеченіе фермера за тѣ улучшенія, которыя онъ дѣлаетъ на арендуемомъ имъ участкѣ.

борахъ 1895 г. консервативная партія не только обѣщала ирландскій земельный актъ и билль объ отвѣтственности предпринимателей, но цѣлую «соціальную программу» (по совѣту Чэмберлена), какъ восьмичасовой рабочій день и государственный пенсіонъ въ размѣрѣ 5 ш. въ недѣлю для всѣхъ престарѣлыхъ. Этой программой были выиграны выборы, но министерство меньше всего спѣшило исполнить обѣщаніе. Вопросъ о государственномъ пенсіонѣ отложенъ въ долгій ящикъ. Тѣ билли, которые министерство проводило, оно старалось смягчить до послѣдней степени. Возьмемъ, напр., страшный, по мнѣнію обличителя, билль объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье рабочихъ. Онъ проведенъ лишь въ прошломъ году, между тѣмъ уже оказывается, что наиболѣе опасныя производства не подходятъ подъ него. Такъ, отравленіе свинцомъ на гончарныхъ заводахъ огромно. Въ отчетѣ за 1897 г. главнаго фабричнаго инспектора говорится о 80 случаяхъ. Вотъ нѣсколько иллюстрацій: № 1. Сарра Титсъ. Замужняя женщина, 29 лѣтъ. Работала 16 мѣсяцевъ на гончарномъ заводѣ. Черезъ 10 мѣсяцевъ показались признаки отравленія свинцомъ. Затѣмъ начались конвульсіи эпилептическаго характера. Она ослѣпла совершенно и стала страдать галлюцинаціями. Страданія закончились смертью. Фабричный законъ не примѣненъ. № 2. Джени Смайкъ. Замужняя женщина. Работаетъ на гончарныхъ заводахъ два года. Чувствуетъ такія жестокія головныя боли, что близка къ умопомѣшательству. Вскорѣ ослѣпла. Законъ не примѣненъ. № 3. Гарри Уэгстафъ, умеръ въ лондонскомъ госпиталѣ. Работалъ на гончарномъ заводѣ. Съ первыхъ мѣсяцевъ стали пухнуть у него конечности. Вскорѣ прибавилась боль въ почкахъ (характерный симптомъ отравленія свинцомъ). Посмертное вскрытіе доказало, что почки уничтожены почти совершенно. Наиболѣе ужасно дѣйствіе свинца на умственныя способности, затѣмъ на здоровье и жизнь будущаго поколѣнія. При употребленіи для глазури не свинцовыхъ бѣлилъ, а такъ называемой фритты (стекловатаго шлака),—отравленія свинцомъ прекратились бы, но пока законъ не въ силахъ заставить фабрикантовъ сдѣлать это.

Я привелъ эти примѣры для доказательства, что коммонеръ сильно сгустилъ краски, изображая страданія капиталистовъ отъ «соціалистическихъ» покушеній консервативнаго министерства. Все же думаю, читатель оцѣнилъ духъ благороднаго протеста, которымъ проникнутъ манифестъ. Увы! я долженъ сказать, что благородный обличитель—Финчъ-Гаттонъ, закадычный другъ одного изъ величайшихъ «шантажистовъ Лондона», правая рука Гули, разыскивавшій для него лордовъ и «прицѣнивавшійся къ нимъ».

Теперь очередь за третьимъ шантажистомъ, м-ромъ Кирби, редокторомъ газеты «Financial Post».—Онъ явился ко мнѣ и потребовалъ 1,000 ф. ст.,—показываетъ Гули.—Я отказался на отрѣзъ. Въ то время я основывалъ акціонерное общество «Dunlop Tyres»,

На другой день въ «Financial Post» я читаю объявленіе, набранное огромными буквами: «прежде, чѣмъ подписаться на акціи «Dunlop Tyres», прочтите статью, которая появится у насъ черезъ три дня». Затѣмъ Кирби явился ко мнѣ и заявилъ, что если я дамъ 1,000 ф. ст.. то обѣщанную статью могу написать я самъ.

— Ну, вы написали?

— Да.

— И заплатили тысячу фунтовъ?

— Разумѣется.

Велика должна быть боязнь свѣта на биржѣ, если дѣльцы готовы швырять тысячи, чтобы заткнуть глотку первому явившемуся шантажисту!

Крайне своеобразны представленія о честности въ томъ особомъ мірѣ, въ которомъ вращаются Гули, Кирби и др. Предсѣдатель интересуется знать, за что Гули далъ два чека по пятисотъ фунтовъ нѣкоему мистеру Дженингсу, сотруднику газеты «Financial News».

— О, это изъ чувства благодарности за честность его,—отвѣчаетъ Гули.—Онъ помѣстилъ въ газетѣ нѣсколько прекрасныхъ статей. Онѣ принесли мнѣ огромную пользу. Я спросилъ имя автора и послалъ ему въ подарокъ два чека. М-ръ Дженингсъ не похожъ на другихъ: онъ никогда не просилъ денегъ, не сдѣлавъ еще ничего.

А вотъ другой журналистъ, выступившій совсѣмъ Баяромъ. Регистраторъ справляется, за что нѣкій м-ръ Дюгундъ получилъ три тысячи фунтовъ. Гули объясняетъ, что Дюгундъ былъ представителемъ «Pall Mall» въ Сити и получилъ 3 тысячи ф. за то, что оставилъ газету.

— Зачѣмъ вамъ нужно было, чтобы онъ оставилъ редакцію?

— Да онъ писалъ всегда противъ меня,— отвѣчаетъ Гули.—На другой день Дюгундъ выступилъ съ грознымъ опроверженіемъ и съ обѣщаніемъ привлечь Гули за клевету. Странное, однако, впечатлѣніе производитъ это опроверженіе! Дюгундъ говоритъ, что онъ работалъ въ «Pall Mall» и обличалъ Гули, доказывая, что всѣ предпріятія его дутыя и что самъ онъ—не заслуживаетъ никакого довѣрія. «Гули предложилъ мнѣ взятку въ 1,000 ф., чтобы я замолчалъ, но я отвѣтилъ еще болѣе рѣзкимъ опроверженіемъ»,—гордо пишетъ Дюгундъ *). Тогда Гули предложилъ ему перейти тоже на постъ сотрудника изъ Сити, на *двойное* жалованье, въ газету «Sun», издаваемую акціонерной компаніей, во главѣ которой стоялъ биржевой Наполеонъ. Баяръ нашелъ вполнѣ естественнымъ сдѣлку съ другой компаніей, которую самъ же обличалъ, и согласился. «Когда я оставилъ «Pall Mall», Гули мнѣ заявилъ, что компанія не хочетъ меня. Тогда я потребовалъ неустойку за нарушеніе контракта, исчисливъ ее въ 5 т. фунтовъ. Мы сошлись на трехъ ты-

---

*) «Pall Mall», 2 августа.

сячахъ. Вотъ за что я получилъ деньги отъ Гули!»—побѣдно заканчиваетъ Дюгундъ. «Мы обращаемъ вниманіе читателей на патетическое и благородное опроверженіе м-ромъ Дюгундомъ лживыхъ показаній м-ра Гули»,—сдѣлала «Pall Mall» отъ себя примѣчаніе къ статьѣ сотрудника.

Послѣ первыхъ же показаній Гули заинтересованныя лица употребили всѣ усилія, чтобы замять дѣло и заставить банкрота замолчать. Посыпались опроверженія крайне страннаго характера. Объ одномъ я только что говорилъ. Лордъ Ольбермаль тоже «опровергалъ»: онъ заявилъ, что получилъ не 12,500 ф., а лишь девять тысячъ, которыя взялъ, потому что считалъ ихъ присланными ему въ подарокъ. Такъ какъ въ судѣ имѣлась книжка съ корешками чековъ, изъ которой не подлежало сомнѣнію, что лорду Де-ла-Уору переданы 12,500 ф. ст. для врученія лорду Ольбермалю и такъ какъ послѣдній увѣрялъ, что получилъ лишь 9 тысячъ ф., то явилось новое осложненіе: гдѣ оставшіеся 3500 ф? Де-ла-Уоръ и директоры компаніи «Dunlop Tyre» прибѣгли къ другому способу, чтобы возстановить свою репутацію: къ подкупу. Второго августа предсѣдатель, прочитавъ переданную ему телеграмму, задаетъ Гули вопросъ: « дѣлалъ ли вамъ кто либо какія нибудь предложенія по поводу вашихъ послѣднихъ показаній»? Затаивъ дыханіе, выслушали посѣтители слѣдующій разсказъ. «Да. Въ прошлую субботу я пошелъ пѣшкомъ со станціи Папвартъ по сельской дорогѣ къ себѣ домой. Вдругъ меня нагоняетъ кэбъ, откуда выскочилъ молодой человѣкъ. «Вы Гули?—спросилъ онъ меня.—У меня для васъ 1000 ф». «За что?»—спрашиваю я. «Вы должны сказать,что дали лорду Ольбермалю деньги лишь за оказанныя услуги». Я пригрозилъ молодому человѣку поколотить его и онъ уѣхалъ». Показаніе Гули вызвало сомнѣніе. Оно носило слишкомъ ужъ характеръ эпизода изъ уличнаго романа. Чтобы провѣрить его, газета «Daily Chronicle» нарядила свое собственное слѣдствіе. Она отрядила наиболѣе ловкихъ и юркихъ репортеровъ своихъ. Дѣло предстояло не легкое: розыскать среди 15—20 тысячъ кэбовъ тотъ, въ которомъ неизвѣстный молодой человѣкъ догонялъ Гули. Репортеры,однако, разрѣшили трудную задачу. Они нашли кучера, который сказалъ, что дѣйствительно возилъ молодого человѣка по сельской дорогѣ отъ станціи Папвартъ; что когда они нагнали Гули, молодой человѣкъ выскочилъ съ какимъ то сверткомъ въ рукахъ. Что говорилъ молодой человѣкъ Гули,—кучеръ не слыхалъ; но послѣ разговора молодой человѣкъ велѣлъ везти себя обратно на станцію. Подтвердился лишь скелетъ показанія, но вотъ тринадцатаго августа представитель короны требуетъ у судьи Райта въ Queen's Bench Division постановленія объ арестѣ лорда Де-ла-Уора, Бродли, Рукера и Брадшоу за «униженіе суда». «Contempt of court» это своеобразное и крайне растяжимое преступленіе. По англійскимъ законамъ, всякій, не осужденный еще, не долженъ быть называемъ преступникомъ. Это можетъ возстановить заранѣе

присяжныхъ противъ подсудимаго, а подобное возбужденіе есть преступленіе—contempt of court. Газеты, которыя стали бы называть арестованнаго «злодѣемъ», «негодяемъ» и пр., какъ то часто дѣлается на континентѣ, могли бы сильно поплатиться. Никто не долженъ вмѣшиваться, пока общество въ лицѣ «twelve good men and true» (двѣнадцати честныхъ и вѣрныхъ людей) не высказалось. Уговариваніе свидѣтелей скрыть что либо отъ этихъ «двѣнадцати честныхъ и вѣрныхъ людей» и есть опять contempt of court. По мнѣнію представителя короны, перечисленныя имъ лица именно совершили это преступленіе. Послѣ оффиціальныхъ разслѣдованій, выяснилось слѣдующее. Въ отель Брауншвейгъ, гдѣ останавливается Гули, когда бываетъ въ Лондонѣ, явились лордъ Де-ла-Уоръ, Бродли и Брадшоу (послѣдніе два—директоры одной изъ основанныхъ имъ компаній) и предложили банкроту 2 тысячи ф. ст., если онъ подпишетъ слѣдующій документъ: «Я желаю исправить невольную ошибку, сдѣланною мною во время послѣднихъ показаній въ банкротской палатѣ. Чекъ въ 25 тысячъ ф. ст., корешокъ котораго имѣется въ книжкѣ, не былъ данъ лорду Де-ла-Уоръ. Онъ получилъ лишь восемь тысячъ и то за свою службу, какъ директоръ» *). Выяснилось далѣе оффиціально, что лордъ Де-ла-Уоръ послалъ Гулю слѣдующую телеграмму: «Пожалуйста, скажите, что я не получалъ 25 тысячъ ф. ст. и не бралъ денегъ, назначенныхъ для лорда Ольбермаля. Скажите, что получалъ лишь за службу. Все это крайне важно». Такъ какъ Гули не подписалъ документа и не отвѣтилъ на телеграмму, то лордъ Де-ла Уоръ послалъ г-жѣ Гули, женѣ банкрота, два чека по 5 тысячъ ф. ст. Выяснилось, что директора Humber Company предлагали Гули 3 тысячи ф. за измѣненіе показаній. Когда банкротъ объ этомъ разсказалъ на судѣ, секретарь компаніи, присутствовавшій въ залѣ, послалъ директорамъ слѣдующую телеграмму: «пропали окончательно, вплоть до попытки умаслить».

Процессъ еще не разрѣшенъ. Вмѣстѣ съ дѣломъ Гули, онъ будетъ разбираться лишь въ ноябрѣ. Судья отнесся крайне снисходительно къ подсудимымъ: постановленіе объ арестѣ, какъ этого требовалъ представитель интересовъ короны,—не сдѣлано. Кромѣ подкупа, заинтересованныя лица прибѣгали и къ другимъ способамъ, чтобы заставить банкрота замолчать. Двѣнадцатаго августа, послѣ того, какъ Гули только что далъ свои показанія, адвокатъ его заявляетъ предсѣдателю, что свершилось новое contempt of court. Къ банкроту на улицѣ подошелъ слуга одного изъ директоровъ и сказалъ ему: «если вы еще скажете хоть слово обо мнѣ или о насъ вообще, я явлюсь въ судъ и заявлю, откуда взя-

*) Директора получали положеннаго жалованья по 1 тысячѣ фунтовъ въ годъ. Компанія просуществовала лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

лись деньги у вашей жены». На это Гули отвѣтилъ палкой и завязалась потасовка.

Меньше всего Гули можно назвать человѣкомъ, топящимъ всѣхъ, потому что самъ утонулъ. «Мнѣ крайне жаль, что приходится дѣлать показанія противъ прежнихъ друзей,—сказалъ Гули въ судѣ.—Что дѣлать? Эти показанія вытягиваются у меня клещами». Дѣйствительно, онъ отстаивалъ «друзей» изо всѣхъ силъ. Напримѣръ, въ книжкѣ чековъ значится, что Гарри Марксу выдано 24.770 ф. ст. Марксъ—своеобразная знаменитость. Это видный дѣятель консервативной «лиги подснѣжника», грозный обличитель въ газетѣ «Sun» «революціонныхъ» стремленій муниципальныхъ совѣтовъ, правая рука туркофила Ашмета-Бартлета.

— За что это даны деньги?—спрашиваетъ регистриторъ.

— О, ничего, это все allright. У насъ дружескія дѣла были съ м-ромъ Марксомъ, — отвѣчаетъ Гули. «Что же, вы дали ему взаймы?» «То есть несовсѣмъ взаймы; но приблизительно такъ».—Изъ дальнѣйшихъ изслѣдованій оказывается, что Марксъ въ видѣ дружескаго подарка получилъ еще яхту, стоющую 7 тысячъ ф. ст.

Лишь выслушавъ эти безконечные списки, пестрѣющія колоннами цифръ въ десятки и сотни тысячъ ф. ст., становится понятнымъ, какимъ образомъ возможно было банкротство, когда компаніи такъ легко создавались, когда публика такъ жадно хватала наживу и когда барыши получались такіе невѣроятно колоссальные. Безъ сомнѣнія, не у одного изъ тѣхъ посѣтителей, которые были на всѣхъ засѣданіяхъ, возникала слѣдующая картина: стая тѣхъ хищныхъ рыбъ, которыхъ зовутъ подлипалами, окружила огромную акулу, только что схватившую въ широкую зубчатую пасть огромную добычу. Подлипалы выпрыгиваютъ изъ воды, напираютъ другъ на друга, обкусываютъ другъ другу плавники, чтобы ближе подплыть къ добычѣ, которую теребятъ со всѣхъ сторонъ. Наиболѣе жадные хватаютъ за бока акулу.—Пока снятъ только допросъ съ Гули. Послѣдній явился только какъ свидѣтель. Самый процессъ будетъ лишь въ ноябрѣ, послѣ вакацій. И если теперь раскрылись такія картины мало извѣстной жизни, то можно себѣ представить, что раскроется тогда, когда названныя банкротомъ лица будутъ подвергнуты перекрестному допросу, въ которомъ такіе большіе искусники англійскіе адвокаты. А имъ будетъ работа. Судейскія свѣтила составятъ любопытное созвѣздіе въ этомъ процессѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, дѣло Гули возбудило многочисленные толки въ печати. Ему посвятили свои столбцы газеты; о немъ говорили «reviews», эта тяжелая артиллерія англійской прессы. Въ оцѣнкѣ героевъ, сконцентрированныхъ вокругъ биржевого Наполеона, конечно, разногласія нѣтъ. «Трудно даже представить себѣ болѣе презрѣнную коллекцію человѣческихъ особей, чѣмъ та жад-

ная, голодная, прожорливая и вульгарная шайка, которая собралась вокругъ этого Гули»,—писали Daily News. Для сдержанной, осторожной на эпитеты, корректной газеты, конечно, это сказано сильно. Перо Свифта или Ювенала нужно, чтобы очертить тотъ образъ наглаго, продажнаго коллективнаго чудища, которое лишь на мгновеніе мелькнуло предъ нами въ Court of Bankruptcy», — пишетъ въ сентябрьской книжкѣ «Blackwood Magazine» *) авторъ статьи «The Company Promoter». Этими словами характеризуется взглядъ всей англійской періодической печати. Но лишь въ трехъ-четырехъ изданіяхъ я нашелъ пока выводы и обобщенія. Гули— не чудовище какое-нибудь; онъ не стоитъ внѣ класса; это не волкъ, котораго не признавали раньше, потому что онъ ловко носилъ овечью шкуру. Старинная русская эпиграма говоритъ:

Какихъ ни измышляй пружинъ,
Чтобы мужу бую ухитриться,—
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.

Гули, правда, «измышлялъ пружины»; но онъ никогда не носилъ личинъ. Самъ онъ себя считаетъ вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, котораго утопили лишь неблагодарные, кормившіеся вокругъ него. Такого же взгляда держится не только биржевой Наполеонъ. Когда Гули разсказывалъ, что его хотѣли подкупить 1000 ф., старшій регистраторъ спросилъ: «И вы не взяли денегъ»?

— Гули для этого слишкомъ джентельмэнъ,—отвѣтилъ за банкрота товарищъ предсѣдателя. «Человѣческія особи», группировавшіяся вокругъ Гули, дѣйствительно «жадны», «прожорливы» и «вульгарны», какъ аттестовали ихъ Daily News; но это опять отнюдь не выродки, стоящіе внѣ класса. Даже совсѣмъ напротивъ. Лордъ Де-ла-Уоръ, Ольбермаль, Уинчельси и др.—законодатели верхней палаты, члены аристократическаго консервативнаго карльтонскаго клуба, во главѣ котораго находятся лица, стоящія на общественной лѣстницѣ даже выше графа Де-ла-Уора. То, что они сдѣлали, дѣлаютъ другіе титулованные лорды: многіе изъ нихъ идутъ «на манишку», прельщенные совеpенами, предложенными другими Гули. Въ печати указывалось, что на любомъ проспектѣ любой акціонерной компаніи значатся совершенно фиктивные титулованные директора. Многіе изъ нихъ фигурируютъ въ десяти, пятнадцати и даже двадцати компаніяхъ разомъ. Послѣ разоблаченій Гули, публика стала осторожнѣе. Она не набрасывается болѣе съ такою жадностью на акціи всякой новой компаніи, пущенной съ благословенія лордовъ Де-ла-Уоръ или Ольбермаль. На биржѣ августъ мѣсяцъ былъ, въ силу этого, совсѣмъ мертвымъ сезономъ. Все же, по отчету, который я нашелъ въ финансовомъ отдѣлѣ «*Times*» за 31 августа, въ

*) *Blackwood Magazine*—одинъ изъ самыхъ старыхъ англійскихъ журналовъ, чопорный, чистенькій, умѣренно консервативный въ политикѣ, радикальный въ вопросахъ искусства.

прошломъ мѣсяцѣ пущено было на биржу шесть новыхъ компаній и разобрано акцій на 2,015,000 ф. ст. Въ іюлѣ же, т. е. до процесса, акцій новыхъ компаній было разобрано на 32 мил. ф. ст.

Итакъ, Гули не есть какое либо исключеніе. Онъ представитель цѣлаго многочисленнаго класса. Даже тѣ герои, которые были охарактеризованы, какъ «величайшіе шантажисты города Лондона», и тѣ не являются выродками. У Свифта разсказывается, какъ д-ръ Гулливеръ посѣтилъ академію прожектеровъ въ Лапутѣ и что онъ тамъ видѣлъ. Мы знаемъ, въ силу этого, о господахъ, которые пробовали извлекать солнечную теплоту изъ огурцовъ, чтобы закупорить ее въ бутылки и продавать въ холодные годы огородникамъ; о прожектерахъ, пытавшихся обжигать и ковать ледъ и превращавшихъ паутину въ цвѣтную ткань. Обстоятельно разсказываетъ намъ бывалый путешественникъ про новый способъ вспахивать поля: нужно закопать на глубину восьми дюймовъ и на разстояніи другъ отъ друга въ шесть дюймовъ,—финики, желуди, яблоки и пр., затѣмъ загнать на пашню 600 свиней. Онѣ взроютъ всю землю и удобрятъ ее своимъ навозомъ. Раблэ описываетъ такихъ же прожектеровъ. Одни пашутъ лисицами песчаный берегъ, когда отойдетъ море во время отлива; другіе—выдавливаютъ изъ брюха дохлаго осла вѣтры, чтобы вить изъ нихъ веревки и продавать, не помню по сколько экю за локоть. Какъ ни безрезультатны дѣянія прожектеровъ Свифта и Раблэ, но они затрачиваютъ на нихъ массу силъ, лучшіе годы жизни. Вспомните, напр., того свифтовскаго экспериментатора, который съ юныхъ лѣтъ до глубокой старости сидѣлъ въ заперти въ вонючей комнатѣ, занятый важной работой: «to reduce human excrement to its original food» (да простятъ мнѣ читатели, что я не перевожу эти слова). Прожектеръ получалъ лишь субсидію въ видѣ бочки съ «матеріаломъ» еженедѣльно. «Дѣла» всѣхъ Гули такъ же неосязаемы, какъ витье веревокъ изъ вѣтровъ дохлаго осла; въ этомъ отношеніи современные прожектеры ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыхъ описалъ Свифтъ; но результаты неосязаемыхъ дѣйствій совсѣмъ другіе Золото льется широкимъ потокомъ. Герои начинаютъ счетъ только съ десятковъ тысячъ рублей. Они берутъ все, не давая взамѣнъ ничего. Были ли вы когда нибудь на фабрикѣ, гдѣ приготовляются духи? Изъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ ароматъ, пріобрѣтенный ими естественнымъ подборомъ для опредѣленной цѣли,—извлекается разомъ спиртомъ. Есть другіе цвѣты, какъ напр., фіалки, гіацинты и полевые ирисы, лепестки которыхъ такъ нѣжны, что спиртъ лишь разомъ разрушаетъ ихъ. Для извлеченія аромата прибѣгаютъ къ другому способу. Нѣжные, изящные лепестки съ тонкимъ запахомъ полей и тѣнистыхъ лѣсовъ высыпаются на застывшее свиное сало. Черезъ день лепестки блекнутъ, сморщиваются, теряютъ совершенно свой запахъ и выбрасываются, какъ совершенно негодные. Свиное сало совершенно отнимаетъ нѣжный цвѣтъ и тонкій

запахъ лѣсныхъ фіалокъ. Тогда пускаютъ въ ходъ крѣпкій спиртъ, который вытягиваетъ у свиного сала цвѣточную эссенцію, и жиръ остается просто саломъ. Простите, что я ударился въ символизмъ, но я посѣтилъ фабрику духовъ сейчасъ же послѣ того, какъ просидѣлъ нѣсколько часовъ на процессѣ Гули. Меня поразила аналогія между этимъ грубымъ саломъ и «гуліанизмомъ» (послѣднее слово англичане производятъ отъ имени героя процесса). Гуліанизмъ впитываетъ въ себя эссенцію культуры, выработанной не имъ. Для этого слоя свиного сала играютъ роль цвѣтовъ тѣ несчастныя дѣвушки, которыхъ онъ превращаетъ въ ту страшную стотысячную армію, что бродитъ ночью по тротуарамъ Лондона. Этотъ слой сала не въ состояніи самъ ничего дать, даже матеріала для искусства. Мнѣ припоминаются слова стараго писателя: «искусство не брезгливо, оно все можетъ изобразить, ставя на всемъ неизгладимую печать дара духа изящнаго и безкорыстно поднимая всякую случайность бытія, всякій звукъ и всякую форму, сонную лужу подъ деревомъ, вспорхнувшую птицу, лошадь на водопоѣ, нищаго мальчика, обожженнаго солнцемъ,въ уровень... полу-боговъ. Отъ дикой, грозной фантазіи ада и страшнаго суда до фламандской таверны, отъ Фауста до ребенка, отъ Requiem'а до Камаринской, все подлежитъ искусству... Но и искусство имѣетъ свой предѣлъ. Есть камень преткновенія, который рѣшительно не беретъ ни смычекъ, ни кисть, ни рѣзецъ; искусство, чтобы скрыть свою немоготу, издѣвается надъ нимъ, дѣлаетъ каррикатуры». Этотъ «камень преткновенія»—гуліанизмъ, свиное сало, которое само ничего не имѣетъ, кромѣ запаха, впитаннаго отъ лѣсныхъ и полевыхъ цвѣтовъ. Въ искусствѣ «гуліанизмъ» далъ лишь, такъ называемыя, Music Halls (лондонское изданіе Moulin Rouge), эти ублюдки кабака и бульварнаго театра; въ литературѣ онъ создалъ романы съ героями сыщиками и ловкими великосвѣтскими ворами, въ прессѣ—газеты, какъ «Pall Mall», какъ «Financial News», какъ «Sun». Его храмъ славы—закопченное зданіе съ коринескими колоннами, что въ концѣ Чипсайда, а герои тѣ, образы которыхъ промелькнули предъ читателемъ въ этомъ письмѣ.

Діонео.

Политическія партіи Австріи.

Статистическій очеркъ.

Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ: реформа австрійской избирательной системы, послѣдовавшіе за ней политическіе выборы, происходившіе при неслыханномъ дотолѣ давленіи со стороны властей и даже обагрившіе кровью почву Галиціи; возникновеніе цѣлаго ряда новыхъ партій; превзошедшій всѣ ожиданія и опасенія ростъ соціалъ-демократіи; сложная и запутанная политическая борьба въ рейхсратѣ, и, какъ результатъ ея, необычно частая смѣна министерствъ, и, наконецъ, бурныя и скандальныя сцены въ палатѣ депутатовъ,—всего болѣе, конечно, эти послѣднія,—вызвали особенный интересъ къ Австріи. Всѣ наши періодическія изданія посвятили ей довольно большое количество статей и замѣтокъ, и публика съ не совсѣмъ обычнымъ вниманіемъ слѣдила за событіями въ сосѣднемъ намъ государствѣ. Но одна, быть можетъ самая важная, сторона въ этихъ событіяхъ осталась неясной не только для русской, но даже и для австрійской публики; это именно настроеніе австрійскаго народа, его отношеніе къ парламентской борьбѣ и къ парламентскимъ партіямъ.

Намъ хорошо извѣстны цифры. Въ австрійскомъ рейхсратѣ, насчитывающемъ 425 членовъ, числится представителей конституціоннаго крупнаго землевладѣнія—26, моравскаго крупнаго землевладѣнія—3, феодальнаго землевладѣнія—23, членовъ польскаго клуба—59, нѣмецкихъ клерикаловъ—41, младочеховъ—62, прогрессистовъ (нѣмецкихъ либераловъ) — 49, нѣмецкой народной партіи — 39, антисемитовъ — 28, соціалъ-демократовъ—14, польскихъ демократическихъ партій—9, русиновъ—11, словинцевъ—16, кроатовъ и сербовъ—13, румынъ—6, итальянцевъ—19, партіи Шенерера—5, соціальный политикъ—1.

Какое значеніе имѣютъ эти цифры?

Очень большое. Онѣ говорятъ о томъ, кому въ настоящее время принадлежитъ власть въ Австріи, и въ общихъ чертахъ указываютъ, какое направленіе должна принять въ ближайшіе годы австрійская внутренняя и иностранная политика. Такъ какъ программы и стремленія партій въ общихъ чертахъ извѣстны, то на основаніи этихъ цифръ мы можемъ судить о томъ, изъ кого правительство можетъ составлять свое парламентское большинство, совершенно необходимое ему для руководительства государствомъ.

Но эти цифры говорятъ только о распредѣленіи партій въ парламентѣ, точнѣе — въ нижней палатѣ парламента, созданной выборами 1897 г.; соотвѣтственно съ этимъ онѣ говорятъ о направленіи австрійской политики только въ *ближайшіе* годы.

Но каково численное отношеніе тѣхъ же партій не въ парламентѣ, а въ народѣ, или, по крайней мѣрѣ, среди избирателей? На этотъ громадной важности вопросъ приведенныя цифры не даютъ никакого отвѣта. Даже въ Германіи, гдѣ господствуетъ система всеобщаго голосованія, даже тамъ число депутатовъ въ рейхстагѣ далеко не соотвѣтствуетъ истинному настроенію народа; даже тамъ партія, имѣющая на своей сторонѣ 27% всѣхъ избирателей, въ парламентѣ представлена только 56 депутатами изъ 397, т. е. 14%, а партія, насчитывающая 18% сторонниковъ въ странѣ, имѣетъ въ рейхстагѣ 27% *); одна и та же партія можетъ усилиться въ странѣ и ослабѣть въ парламентѣ, какъ это было съ соціалъ-демократами въ 1887 г. и, наоборотъ, ослабѣть въ странѣ и усилиться въ парламентѣ, какъ это случилось съ ними же 6-ю годами раньше. Въ еще несравненно большей степени эта неравномѣрность представительства партій въ парламентѣ имѣетъ мѣсто въ Австріи съ ея сложной и запутанной избирательной системой. Поэтому-то приведенныя выше цифры не даютъ, можно сказать, никакого представленія о дѣйствительномъ настроеніи австрійскаго народа или австрійскихъ народовъ. Мы можемъ для сравненія съ ними привлечь цифровыя данныя о распредѣленіи партій въ рейхсратѣ въ предыдущіе періоды 1891—1897 г., 1885—1891, 1879—1885 и, наконецъ, 1873—1879 гг., и всетаки мы ничего не узнаемъ о движеніи политическихъ идей въ Австріи. Между тѣмъ при подобномъ же сравненіи въ Германіи мы получаемъ, если не вполнѣ точные и не безусловные, то всетаки приблизительно вѣрные результаты. На основаніи этихъ данныхъ, слѣдовательно, мы не можемъ сдѣлать никакихъ предположеній о ходѣ политическаго развитія Австріи, о будущей судьбѣ политическихъ партій въ этомъ государствѣ, а въ случаѣ какихъ нибудь серьезныхъ осложненій въ жизни страны даже о направленіи его политики въ ближайшіе годы, ибо, какъ бы ни распредѣлялись политическія партіи въ парламентѣ, но въ окончательной инстанціи приговоръ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ произноситъ всетаки народъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Изъ 425 депутатовъ австрійскаго рейхсрата только 72 избираются народомъ; изъ остальныхъ 353 — 85 посылаетъ крупное землевладѣніе, 118—города, 21—торговыя и промышленныя палаты и 129—сельскіе округа; при этомъ во II-й (городской) и IV (сельской) куріяхъ имѣютъ право голоса только лица, платящія не менѣе 5 гульденовъ въ годъ прямыхъ налоговъ. Въ I куріи (крупнаго землевладѣнія) число избирателей равняется

*) Соціалъ-демократы и центръ. Цифры 1898 г.

5,280; слѣдовательно, одинъ депутатъ приходится на 64 избирателя. Въ III куріи (торговыхъ и промышленныхъ палатъ) число избирателей равняется 591; одинъ депутатъ, слѣдовательно, приходится на 28 избирателей. Во II-й куріи число избирателей равняется 394,196; одинъ депутатъ, слѣдовательно, на 3,341 избирателя. Въ IV-й куріи правомъ голоса пользуется 1.490,659 человѣкъ; итого 1 депутатъ — на 11,555 избирателей. Если мы соединимъ II и IV куріи, вмѣстѣ обнимающія всю страну, то мы получимъ 1.884,855 избирателей изъ зажиточнаго класса; изъ нихъ въ среднемъ каждые 7,226 имѣютъ право посылать въ рейхсратъ одного депутата. Въ V-й же куріи или куріи всеобщаго голосованія, тоже обнимающей всю страну—и городскіе и сельскіе участки, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что въ ней въ этихъ участкахъ голосуютъ не только тѣ зажиточные классы, которые уже воспользовались правомъ голоса въ первыхъ куріяхъ, а и вся та масса бѣднаго люда, которая голосуетъ только одинъ разъ въ одной этой куріи,—число лицъ, имѣющихъ право голоса, почти въ три раза больше: оно равняется 5.018,217; а такъ какъ число депутатовъ въ 3 слишкомъ раза меньше, то 1 депутатъ приходится на въ десятеро большее число избирателей (69,697). Уже изъ этого видно, что каждый депутатъ австрійскаго рейхсрата имѣетъ за собою армію избирателей, далеко неравную по своимъ силамъ, хотя и одинаково вѣсящую на политическихъ вѣсахъ даннаго историческаго момента.

Но этого мало. Избирательные участки во всѣхъ 5 куріяхъ отличаются крайней неравномѣрностью. Такъ, 212 помѣщиковъ Нижней Австріи посылаютъ въ парламентъ 8 депутатовъ, а 296 помѣщиковъ Зальцбурга, 443 помѣщика Герца и Градиски, или наконецъ, 618 помѣщиковъ Далмаціи посылаютъ всего по 1 депутату. Въ городской куріи есть провинціи, гдѣ 1 депутатъ приходится на 1,300 избирателей (Каринтія), тогда какъ въ другихъ (Истрія) на 7 съ лишнимъ тысячъ. Въ сельской куріи въ Галиціи 1 депутатъ приходится почти на 20,000 избирателей (19,882), тогда какъ счастливая Каринтія представлена въ 4 раза лучше (4,999). То же самое въ нѣсколько слабѣйшей степени имѣетъ мѣсто въ куріи всеобщаго голосованія, въ которой всего лучше представленъ Зальцбургъ съ 1 депутатомъ на 40,000 избирателей, а всего хуже и именно болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ раза хуже—Крайна, гдѣ 1 депутатъ приходится на 103,000 избирателей. Если читатель поинтересуется, онъ можетъ взять двѣ политическія карты съ картограммами и діаграммами проф. Гикмана *), на которыхъ онъ

*) G. Freytag's Reichsrathswahlkarte aller 5 Kurien von Oesterrich. von Prof. A. L. Hickmann. Verlag von G. Freitag u. Berndt. Wien. 1879 Die politischen und nationalen Parteigruppierungen des oesterreichischen Abgeordnetenhauses. XIII Session. 1897. Von Prof. A. L. Hickmann. Verlag von G. Freitag. Wien.

найдетъ графическое, чрезвычайно наглядное изображеніе всѣхъ этихъ отношеній. Онъ увидитъ тамъ пирамиду, изображающую представительство въ рейхсратѣ отъ различныхъ австрійскихъ земель. Внизу лежитъ Галиція, въ которой 1 депутатъ приходится на 84,000 населенія; надъ нею лежатъ, и какъ бы ее давятъ, болѣе счастливыя по отношенію къ представительству въ рейхсратѣ земли; пирамиду увѣнчиваетъ Зальцбургъ, въ которомъ одинъ депутатъ приходится на 28,000 жителей. Это представительство во всѣхъ пяти куріяхъ вмѣстѣ. Рядомъ находятся такія же графическія изображенія отношенія депутатовъ къ избирателямъ и населенію въ отдѣльныхъ куріяхъ, а также размѣра податей, уплачиваемыхъ въ среднемъ жителемъ каждой изъ австрійскихъ земель,—и тутъ можно увидѣть, что не тяжесть податей влечетъ за собою большія права населенія, а скорѣе обратно, большія политическія права населенія влекутъ за собою облегченіе податного бремени.

Еще ярче встанетъ передъ нами эта неравномѣрность въ представительствѣ, если мы отъ разсмотрѣнія цѣлыхъ земель обратимся къ отдѣльнымъ избирательнымъ округамъ. Тутъ мы найдемъ въ городской куріи города, гдѣ одинъ депутатъ приходится на 811 избирателей и на 8½ тыс. жителей (Рудольфсвертъ въ Крайнѣ) и рядомъ округи, гдѣ одинъ депутатъ приходится на въ 20 разъ большее число избирателей и на въ 33 раза большее населеніе (11-й округъ Вѣны). Тоже самое и въ остальныхъ куріяхъ. Впрочемъ, объ этомъ достаточно было говорено въ русской печати, чтобы стоило останавливаться на дальнѣйшихъ подробностяхъ. Въ настоящую минуту для насъ важно только уяснить полную невозможность пользоваться данными о распредѣленіи партій въ рейхсратѣ съ цѣлью понять политическое настроеніе австрійскаго народа.

Но кромѣ отдачи власти въ руки людей, не имѣющихъ никакого права называться истинными представителями своего народа, австрійская избирательная система влечетъ за собою еще одно важное послѣдствіе. При системѣ всеобщаго голосованія, господствующаго во Франціи или Германіи, и даже при системѣ голосованія, основаннаго только на имущественномъ цензѣ (по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ цензъ не высокъ, какъ, напр., въ Англіи), политическая партія, желающая во время выборовъ завоевать болѣе или менѣе значительное число полномочій, бываетъ вынуждена представлять избирателямъ программу, возвышающуюся надъ частными требованіями отдѣльныхъ сословныхъ или классовыхъ группъ. Это не значитъ, конечно, чтобы какая либо партія могла освободиться отъ вліянія классовой борьбы, или чтобы какая либо программа могла стоять выше ея. Но это значитъ, что партія должна представлять общеполитическую программу, что она не можетъ въ ней ограничиваться какими-либо частными и второстепенными вопросами. Поэтому въ такихъ странахъ возникаютъ немногія, но за то могучія партійныя организаціи, охватывающія всю или почти всю

страну. Бываютъ исключенія; такъ, въ Германіи существуютъ мѣстныя партіи датчанъ, поляковъ, эльзасцевъ, вельфовъ; но исключенія эти рѣдки, и стоитъ взглянуть на діаграмму, изображающую ростъ партій въ Германіи съ 1871 по 1898 г., чтобы убѣдиться, что эти группы, являясь пережиткомъ болѣе или менѣе недавняго прошлаго, не имѣютъ никакой будущности. *) Всѣ остальныя партіи Германіи: консервативная, двѣ главныхъ либеральныхъ, клерикальная, соціалъ-демократическая, при всей противоположности своихъ стремленій, сходятся на одной общей имъ всѣмъ чертѣ: все это партіи общегосударственныя съ широкими общими программами политическихъ и экономическихъ требованій.

Совершенно не то мы видимъ въ Австріи. Здѣсь избирательная борьба ведется въ предѣлахъ одной куріи, т. е. одной опредѣленной группы населенія; борющіеся кандидаты должны давать обѣщанія, въ исполненіи которыхъ заинтересовано не все населеніе даннаго округа, а только одна опредѣленная его часть съ опредѣленными интересами и съ опредѣленнымъ уровнемъ образованія и политическаго развитія. Совершенно естественно, что при этихъ условіяхъ на первый планъ выступаютъ мелкія различія въ интересахъ и стремленіяхъ одной, именно этой группы населенія; борьба, имѣя специфическій характеръ въ предѣлахъ каждой куріи, ведется на почвѣ этихъ частныхъ различій, и въ результатѣ является не сглаживаніе, а обостреніе ихъ. Поэтому-то, вмѣсто немногихъ крупныхъ партій, въ Австріи явилось множество слабыхъ партійныхъ организацій. Въ предисловіи къ отчету о выборахъ 1897 г. **) насчитано 42 партіи, но въ дѣйствительности число ихъ еще больше. Такъ, вмѣсто одной клерикальной партіи, мы находимъ клерикаловъ нѣмецкихъ, богемскихъ, польскихъ, итальянскихъ, словинскихъ и т. д., организующихся въ совершенно самостоятельныя, хотя и союзныя партіи, и рядомъ съ ними совершенно уже ничтожную по значенію чистую клерикальную партію безъ національной окраски; мы встрѣчаемъ нѣмецкихъ либераловъ, нѣмецкую народную партію, соціалъ-политиковъ, которые, не смотря на большую близость идей всетаки не могутъ слиться въ нѣчто цѣльное и единое, ведущее борьбу совмѣстными силами; и даже радикалы и радикальная народная партія, совершенно ничтожныя по числу своихъ сторонниковъ, существуютъ и ведутъ борьбу отдѣльно, ослабляя не только другъ друга, но и родственныхъ имъ прогрессистовъ и соціалъ-политиковъ. Чешскіе націоналисты, точно также какъ и чешскіе демократы, тоже представляютъ самостоятельныя политическія орга-

---

*) Такъ, въ Германіи эльзасская партія въ 1887 г. собрала 233,000 голосовъ, въ 1898 г. уже только 107,000.

**) Die Ergebnisse der Reichsrathswahlen für das Jahr 1897. Bearbeitet von der K. K. statistischen Central Commission (Oesterrechische Statistik. B. XLIX, 1 Heft) Wien 1897.

низаціи и не желають слиться ни со старочехами, ни съ младочехами. Не всѣ изъ названныхъ партій успѣли завоевать на выборахъ хотя бы одно полномочіе въ парламентѣ, но всѣ принимали участіе въ общей борьбѣ, большинство только въ какой либо одной куріи. Въ парламентѣ всѣ подобныя партіи всегда обречены на безсиліе. Онѣ пытаются сдѣлать тамъ то, что при иной системѣ дѣлается ранѣе и въ другомъ мѣстѣ—во время выборовъ или до нихъ и на народныхъ собраніяхъ и партійныхъ съѣздахъ—слиться въ болѣе обширныя организаціи; но это, конечно, оказывается совершенно немыслимымъ, хотя безпрестанно создаетъ въ рейхстатѣ новыя партійныя группировки депутатовъ, съ новыми названіями, которыхъ не было во время выборовъ. Конечно, для этой раздробленности партій можно указать и другое, притомъ, повидимому, болѣе глубокое объясненіе: это разнообразіе этнографическаго состава Австріи и вызываемый имъ своеобразный характеръ политической борьбы. Однако, въ дѣйствительности этнографическія отличія не обязательно ведутъ за собою соотвѣтственное раздробленіе партій. Не трудно видѣть, что интересы, напр., крупнаго чешскаго землевладѣнія вовсе не настолько противоположны интересамъ польскаго или нѣмецкаго, чтобы была необходимость въ особыхъ партіяхъ; и онѣ станутъ немыслимы, какъ только борьба за самыя насущные интересы крупнаго землевладѣнія съ противоположными интересами промышленности, крестьянства, рабочаго класса замѣнитъ домашній споръ въ предѣлахъ одного и того же класса. *) Отчасти мы видимъ это въ самой Австріи. Въ V—ой куріи всеобщаго голосованія борьба уже въ 1897 г. приняла болѣе общій и принципіальный характеръ. Но тѣмъ не менѣе выборы происходили въ ней одновременно съ выборами въ другихъ куріяхъ, подъ давленіемъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя созданы самымъ существованіемъ курій; борьба велась партіями, уже созданными предшествующими обстоятельствами и имѣющими прочныя традиціи. И всетаки многія мелкія группы не осмѣлились предстать предъ лицо новаго избирателя, ограничившись по прежнему участіемъ въ борьбѣ въ одной

*) Конечно, отрицать вліяніе этнографическаго состава Австріи на характеръ политической борьбы было бы совершенной нелѣпостью. Но дѣло въ томъ, что этнографическій составъ есть основная причина, дѣйствующая на явленія государственной жизни черезъ посредство опредѣленныхъ государственныхъ институтовъ; однимъ изъ нихъ и является избирательная система. Эта послѣдняя сложилась подъ вліяніемъ всей исторіи Австріи и носитъ на себѣ яркій отпечатокъ національной борьбы. Поэтому, говоря, что раздробленность политическихъ партій опредѣляется ближайшимъ образомъ избирательной системой, я не говорю ничего, противорѣчащаго мысли, что въ окончательномъ итогѣ объясненіемъ этому явленію служитъ національный характеръ всей политической борьбы. Новыя условія жизни стираютъ эту окраску, и политическая борьба облекается въ новыя формы; самое созданіе V избирательной куріи является первымъ признакомъ этого.

изъ первыхъ четырехъ курій. Такимъ образомъ V—ая курія, внеся болѣе общую, принципіальную струю въ политическую жизнь Австріи созданіемъ новыхъ, болѣе широкихъ и принципіальныхъ партій, въ то же время увеличила ихъ общее число и, такимъ образомъ, сдѣлала составъ парламента еще болѣе пестрымъ. Рядомъ съ 353 депутатами, представляющими интересы привилегированнаго меньшинства, въ рейхсратъ явились 72 новыхъ депутата, представляющихъ весь народъ въ цѣломъ. Эти депутаты имѣли полное право говорить, обращаясь къ парламентскому большинству: «Да, здѣсь мы пока безсильны, но за нами стоятъ цѣлыя арміи избирателей. А вы кто такіе? Кто послалъ васъ сюда? Настанетъ день, и наши взаимныя отношенія рѣзко измѣнятся». Такимъ образомъ, дальнѣйшее обостреніе уже достаточно острой парламентской борьбы, неустойчивость парламентскаго большинства, быстрая смѣна министерствъ и дикія сцены въ парламентѣ,—все это въ весьма значительной мѣрѣ послѣдствія избирательной реформы, даровавшей право голоса всему народу рядомъ съ сохраненіемъ почти всей власти въ рукахъ привилегированныхъ сословій. Исходъ изъ этого положенія можетъ быть только одинъ, а именно: новая избирательная реформа въ ту или другую сторону: либо въ сторону возвращенія къ старинѣ, либо въ сторону расширенія всеобщаго голосованія въ ущербъ голосованію привилегированному. *)

Каковы бы, однако, ни были недостатки австрійской избирательной системы съ точки зрѣнія равномѣрнаго представительства партій въ парламентѣ соотвѣтственно съ настроеніемъ въ народѣ или съ точки зрѣнія ея вліянія на ходъ государственной жизни страны,—она имѣетъ одно громадное достоинство—достоинство, такъ сказать, научное или въ частности статистическое. Когда мы узнаемъ, что въ какомъ либо избирательномъ округѣ Германіи подано 50% голосовъ за консерватора, 30% голосовъ за клерикала, 10 % за либерала и 10 за соціалъ-демократа, то мы не имѣемъ никакой возможности узнать съ достовѣрностью, кто именно, какія общественныя группы голосовали за перваго, за второго, за третьяго

*) Та реформа избирательнаго права, о которой постоянно мечтали австрійскія консервативныя партіи, и которой онѣ стали требовать въ послѣднее время, ссылаясь именно на тотъ характеръ, который приняла парламентская борьба послѣ созданія V куріи, есть отмѣна системы выборовъ депутатовъ въ рейхсратъ въ четырехъ или пяти куріяхъ избирателей и замѣна ея системой ихъ избранія ландтагами отдѣльныхъ австрійскихъ земель, какъ это практиковалось съ реформы 1873 года. Такая система имѣла бы своимъ необходимымъ результатомъ усиленіе децентрализаторскихъ и федералистическихъ стремленій. Но, кромѣ того, въ настоящее время, послѣ избирательной реформы 1896 г., такая мѣра имѣла бы еще одно весьма крупное значеніе. Выборы въ мѣстные ландтаги донынѣ совершаются по старой системѣ четырехъ курій; пролетаріатъ въ нихъ совершенно не представленъ. Поэтому передача выбора депутатовъ въ руки ландтаговъ означала бы уничтоженіе V куріи.

за четвертаго. Когда мы хотимъ рѣшить вопросъ о томъ, какія общественныя группы, напримѣръ, сочувствуютъ антисемитизму, то мы должны привлекать къ сравненію различные округа въ различные избирательные періоды, сопоставлять данныя избирательной статистики съ данными статистики экономической, и наши выводы все-таки будутъ подлежать извѣстному сомнѣнію до тѣхъ поръ, пока не будутъ подтверждены обстоятельнымъ историческимъ анализомъ. Напротивъ того, въ Австріи избирательная статистика прямо даетъ намъ ясные и точные отвѣты почти на всѣ подобные вопросы. Если статистика выборовъ въ V куріи даетъ намъ результаты, сходные до нѣкоторой степени съ результатами статистики германской, то выборы въ первыхъ 4-хъ куріяхъ пополняютъ ихъ новыми и весьма цѣнными данными. *) Никто не сомнѣвается въ великой важности избирательной статистики для пониманія народной психологіи и въ частности и въ особенности для оцѣнки политическаго настроенія массъ. Въ Германіи, во Франціи, а всего болѣе въ Англіи ея данными пользуются и ученые историки, и политическіе борцы для уясненія того, какую почву въ народѣ и какое будущее имѣютъ ихъ идеи. Въ одной только Австріи эта статистика остается въ совершенномъ загонѣ, въ той самой Австріи, гдѣ она представляетъ особенно цѣнный матеріалъ для подобнаго рода изслѣдованій. Для этого можно указать нѣсколько причинъ.

Первою изъ нихъ является слишкомъ недавнее возникновеніе условій, при которыхъ эта статистика можетъ имѣть цѣну. До 1897 г., когда впервые къ избирательной урнѣ были призваны новые избиратели изъ низшихъ классовъ народа, она давала результаты голосованія привилегированныхъ классовъ, для сравненія съ которыми не было никакихъ данныхъ. И теперь, впрочемъ, цѣна этихъ данныхъ не такъ велика, какъ могла бы быть при иныхъ условіяхъ, а именно при большемъ интересѣ населенія къ политическимъ выборамъ. Изъ 5 милл. избирателей V куріи воспользовались своимъ правомъ и подали голосъ на выборахъ только два съ небольшимъ милл., т. е. 43, 3%. Въ Германіи на послѣднихъ выборахъ голосовало 68% всѣхъ избирателей, а въ 1887 г.—въ моментъ особен-

---

*) Въ Германіи, кромѣ рейхстага—парламента для всей имперіи,—существуютъ ландтаги, т. е. парламенты для 25 отдѣльныхъ государствъ (Пруссіи, Баваріи и т. д.), составляющихъ германскую имперію. Выборы въ первый совершаются по системѣ всеобщаго голосованія, выборы во вторые—по очень разнообразнымъ системамъ, основаннымъ на имущественномъ иногда сословномъ) цензѣ. Слѣдовательно, сопоставленіе тѣхъ или другихъ могло бы дать результаты, до нѣкоторой степени сходные съ австрійскими, но, во-первыхъ, выборы въ рейхстагъ и въ отдѣльные ландтаги совершаются въ различное время и отражаютъ на себѣ народное настроеніе совершенно различныхъ моментовъ, а во вторыхъ—и это всего важнѣе—статистика выборовъ въ большую часть ландтаговъ (и въ томъ числѣ важнѣйшій — прусскій) не публикуется въ сколько нибудь полномъ видѣ.

наго общественнаго возбужденія—даже 77, 5% Такимъ образомъ, въ Австріи по разнымъ причинамъ болѣе половины всѣхъ избирателей уклоняется отъ пользованія своимъ правомъ, такъ что избирательная статистика свидѣтельствуетъ о настроеніи лишь одной меньшей половины народа, достаточно политически развитой и энергичной, чтобы не отказываться отъ правъ, завоеванныхъ не безъ борьбы и жертвы. Это является второю причиною слабаго интереса къ австрійской избирательной статистикѣ.

Третьею и, по всей вѣроятности, самою важною причиной является чрезвычайная трудность пользованія австрійскими статистическими данными, вызываемая сложностью и запутанностью австрійской выборной системы. Германская статистика даетъ намъ обобщенныя статистическія данныя въ такомъ родѣ:

		въ 1890			въ 1893	въ 1898
за консерваторовъ	подано	895,000	голосовъ		1.038,000	872,000
за націоналъ-либераловъ	»	117,000	»	»	996,000	972,000
за соціалъ-демократовъ	»	1427,00	»	»	1.786.000	2.105,000

и т. д.. *)

Остается пользоваться этими цифрами для выводовъ. Совершенно иное находимъ въ австрійской статистикѣ. Тутъ нѣтъ такихъ цифръ и быть ихъ не можетъ, въ особенности ихъ не можетъ быть для наиболѣе интересной куріи всеобщаго голосованія, а также для сельской куріи.

Дѣло въ томъ, что въ этихъ двухъ куріяхъ лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ, а именно въ одной Нижней Австріи, а для V-ой куріи, сверхъ того, въ шести большихъ городахъ (Грацѣ, Прагѣ, Брюннѣ, Лембергѣ, Краковѣ, Тріестѣ) выборы депутатовъ совершаются прямо, непосредственно избирателями. Въ остальныхъ мѣстахъ избиратели выбираютъ особыхъ выборщиковъ, которые уже избираютъ депутатовъ. Благодаря этому, статистическія таблицы представляютъ приблизительно такой видъ:

V курія. Округъ Линцъ (въ Верхней Австріи):

Населеніе	257,552
Число первичныхъ избирателей	60,124
Число избирателей, подавшихъ голосъ	29,725
Число избранныхъ выборщиковъ	512
Изъ нихъ подали голосъ	497
Изъ нихъ подали негодные (ungültige) бюллетени	2
Поданныхъ годныхъ (gültige) бюллетеней . . .	495
Изъ нихъ за католическую народную партію .	383
» » » соціалъ-демократовъ	105
Раздробившихся голосовъ	7

*) Оффиціальный статистическій отчетъ о результатѣ германскихъ выборовъ 1898 г. въ настоящую минуту (15 сент. 1898 г.) еще не опубликованъ, я пользуюсь предварительнымъ подсчетомъ, произведеннымъ въ бюро рейхстага.

Мы можемъ, конечно, сложить по всей Австріи голоса выборщиковъ (Urwähler) *), поданные за представителей различныхъ партій, и дѣлать выводы на основаніи полученныхъ такимъ способомъ итоговъ. Но на бѣду одинъ выборщикъ приходится иногда на 10 избирателей, воспользовавшихся своимъ голосомъ (Зара въ Далмаціи), а иногда на 71 (Рейхенбергъ въ Богеміи), и, слѣдовательно, такого рода итоги будутъ страдать значительной неправильностью. Чтобы исправить ошибку, мы можемъ прибѣгнуть къ одному и только къ одному способу. Мы должны высчитывать, какому количеству избирателей соотвѣтствуетъ число голосовъ, поданныхъ выборщиками въ каждомъ отдѣльномъ округѣ. Такъ, въ приведенномъ для примѣра округѣ Линцъ одинъ подавшій голосъ выборщикъ приходится въ среднемъ на 59,8 первичныхъ избирателей. Слѣдовательно, можно принять, что голоса избирателей раздѣлились въ дѣйствительности слѣдующимъ образомъ:

Негодныхъ бюллетеней	$2\times59{,}8$	=	120
За католическую народную партію	$383\times59{,}8$	=	22904
За соціалъ-демократовъ	$105\times59{,}8$	=	6282
Раздробившихся голосовъ	$7\times59{,}9$	=	419

Но тутъ на пути встаетъ одно препятствіе. Какъ мы видѣли, въ Линцѣ одинъ выборщикъ приходится въ среднемъ на 59,8 избирателей. Можемъ ли мы утверждать, что то же самое среднее вѣрно и для выборщиковъ, подавшихъ голосъ за соціалъ-демократа, и для выборщиковъ, подавшихъ за представителя католической народной партіи? Другими словами, можемъ ли мы утверждать, что каждый соціалъ-демократическій выборщикъ выбранъ въ среднемъ тоже 60-ю (приблизительно) избирателями, какъ и каждый изъ 383 клерикально-демократическихъ выборщиковъ? Развѣ не возможно, что одинъ клерикально-демократическій выборщикъ приходится въ среднемъ на 70 избирателей, тогда какъ соціалъ-демократическій на соотвѣтственно меньшее число? Конечно, возможно; конечно, наше предположеніе неизбѣжно будетъ до нѣкоторой степени произвольнымъ, и притомъ тѣмъ болѣе произвольнымъ, чѣмъ болѣе раздробились голоса выборщиковъ между различными партіями. И однако, мы не можемъ ступить далѣе ни шагу, если не согласимся на презумпцію, что настроеніе выборщиковъ въ каждомъ округѣ болѣе или менѣе точно отражаетъ настроеніе избирателей, или другими словами, что число выборщиковъ различныхъ партій прямо пропорціонально числу избирателей тѣхъ же партій; если же въ

*) Для термина Urwähler на языкѣ галиційскихъ русиновъ имѣется удобный терминъ «правиборци»; на русскомъ языкѣ этого слова нѣтъ, и потому приходится прибѣгать къ громоздкому выраженію «первичные избиратели», до нѣкоторой степени искусственно проводить различіе въ смыслѣ двухъ словъ, обыкновенно являющихся полными синонимами: избиратели и выборщики.

какомъ нибудь отдѣльномъ случаѣ эта презумпція не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то, при сложеніи большого числа разнообразныхъ данныхъ, уклоненія въ различныя стороны взаимно уравновѣсятся.

Сдѣлать это тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ уже было сказано, въ 15 округахъ V куріи (9 въ Нижней Австріи и 6 въ названныхъ выше большихъ городахъ) выборы производятся прямо; тамъ нѣтъ выборщиковъ, и всѣ голоса избирателей подаются, слѣдовательно, непосредственно въ пользу депутата. Можно ли 13,800 голосовъ, поданныхъ за соціалъ-демократа въ первомъ вѣнскомъ округѣ, складывать со 105 голосами выборщиковъ, поданными въ Линцѣ тоже за соціалъ-домократа? Очевидно, нѣтъ.

Но когда мы переведемъ указаннымъ способомъ голоса выборщиковъ въ 57 округахъ съ двухстепенной подачей голосовъ на голоса первичныхъ избирателей, то мы получимъ цифры вполнѣ однородныя съ цифрами избирателей въ 15 округахъ съ прямой подачей голосовъ. Сложивъ тѣ и другія, мы получимъ общіе итоги для всей страны, которые будутъ достаточно точно изображать политическое настроеніе австрійскихъ народовъ,—по крайней мѣрѣ, той ихъ части, которая принимала участіе въ выборахъ.

Въ первыхъ трехъ куріяхъ нѣтъ ничего подобнаго. Голосованіе тамъ повсемѣстно прямое и потому для сложенія имѣются величины болѣе однородныя. Однако не совсѣмъ. Вотъ, напримѣръ, въ городской куріи 1 вѣнскій округъ избираетъ сразу 4 депутатовъ, тогда какъ второй и всѣ слѣдующіе, до 11-го включительно, избираютъ всего по одному депутату. Слѣдовательно, въ 1 округѣ каждый избиратель имѣетъ 4 голоса. И вотъ мы получаемъ таблицу такого рода:

		I округъ:	II округъ:
1.	Число жителей	67,029	158,374
2.	Число избирателей	6,301	11,003
3.	Подали голоса	4,606	8,946
4.	Изъ нихъ подали не дѣйствит. бюллетени	8	50
5.	Дѣйствительныхъ бюллетеней	4,598	8,896
6.	Подано голосовъ не дѣйствительныхъ	137	50
7.	Подано голосовъ дѣйствительныхъ	18,287	8,896
8.	Изъ нихъ за нѣмецк. либераловъ	7,314	4,455
9.	» » » нѣмецк. націоналистовъ	0	72
10.	» » » соціальныхъ политиковъ	4,051	0
11.	» » » антисемитовъ	6,844	4,311
12.	» » » чешск. націоналистовъ	0	43
14.	Раздробившихся голосовъ	78	25

Итакъ: въ первомъ округѣ подали голосъ (строка 3) 4,606 избирателей, а голосовъ подано (строка 7) 18,287 (нѣсколько менѣе чѣмъ въ 4 раза; есть, слѣдовательно, такіе избиратели, которые воспользовались сполна своимъ правомъ голосовать за четырехъ кан-

дидатовъ). Въ остальныхъ же округахъ число голосовъ равняется числу лицъ, подающихъ голосъ.

Совершенно тоже самое имѣетъ мѣсто въ I и III куріяхъ. Опять таки спрашивается, можно ли производить сравненія подобныхъ цифръ, можно ли, напр., складывать данныя перваго столбца въ приведенной таблицѣ съ данными второго и слѣдующихъ не приведенныхъ здѣсь, но составленныхъ по тѣмъ же образцамъ? Очевидно нѣтъ; очевидно, что подобное сложеніе привело бы къ результату нисколько не лучшему, чѣмъ сложеніе первичныхъ избирателей съ выборщиками въ IV и V куріяхъ. И то, и другое имѣло бы приблизительно ту же цѣну, какъ если бы мы для опредѣленія богатства сельскаго хозяина, имѣющаго 1 лошадь, 1 корову, 5 овецъ, 5 свиней съ 30 поросятами и 40 куръ, сложили бы всѣ эти цифры и пришли бы къ выводу, что онъ располагаетъ 82 головами скота и птицы, и потому богаче, чѣмъ его сосѣдъ, имѣющій всего 20 лошадей и 30 коровъ. Между тѣмъ, какъ это ни странно, австрійская статистика занимается подобнаго рода исчисленіями и представляетъ намъ какъ разъ такіе итоги. Она дѣлаетъ даже больше этого. Она складываетъ не только количество первичныхъ избирателей съ цифрами выборщиковъ, но прилагаетъ къ полученнымъ такимъ образомъ итогамъ голосовъ въ V куріи такіе же итоги голосовъ въ первыхъ четырехъ куріяхъ и представляетъ намъ таблицы такого рода: во всей Австріи подано голосовъ:

	Абсолютныя числа:	
Нѣмецкихъ либераловъ . .	84,413	7,97%
Антисемитовъ	381,076	35,04%
Соціалъ-демократовъ . . .	238,428	22,52%

Изъ этой таблицы явствуетъ, что наиболѣе могущественная партія въ Австріи—это антисемиты; что соціалъ-демократы почти въ полтора раза слабѣе ихъ; что нѣмецкіе либералы принадлежатъ тоже къ числу крупныхъ партій. Между тѣмъ, въ дѣйствительности эти цифры сложились изъ слѣдующихъ данныхъ:

За соціалъ-демократовъ подано 231,000 прямыхъ голосовъ, т. е. 38% въ V куріи и за нихъ же 6,400 голосовъ выборщиковъ, т. е. 18% въ той же куріи и совершенно ничтожное количество голосовъ въ остальныхъ куріяхъ. Если мы переведемъ по указанному выше способу число голосовъ выборщиковъ на голоса первичныхъ избирателей, то мы получимъ въ окончательномъ итогѣ, что къ соціалъ-демократической партіи принадлежитъ 27,5% всѣхъ избирателей V куріи. Напротивъ того, за антисемитовъ въ V куріи подано 262,000 прямыхъ голосовъ и 2,700 голосовъ выборщиковъ; послѣ приведенія получается общая сумма 341,000 или 15,77%. Приведенная въ таблицѣ цифра, однако, гораздо выше, и это объясняется тѣмъ, что она составлена изъ слѣдующихъ слагаемыхъ (цифры округляю):

Въ первыхъ 3-хъ куріяхъ	55,000	или	18,5%
Прямыхъ голосовъ въ сельск. куріи.	49,000	»	70,3%
Голосовъ выборщиковъ въ ней же.	2,300	»	5,5%
Въ V куріи прямыхъ	262,000	»	42,9%
Выборщиковъ	2,600	»	7,3%
Всего	371,000	или	35,0%

Не трудно убѣдиться, что высокая сумма получилась отъ сложенія однѣхъ и тѣхъ же слагаемыхъ по два, а иногда и по 3 раза, ибо 49,000 крестьянъ и 50,000 горожанъ, голосовавшихъ за антисемита въ своихъ куріяхъ, вновь голосовали за него же въ куріи всеобщаго голосованія; точно также каждый горожанинъ, подавшій бюллетень въ 1 вѣнскомъ округѣ за антисемитовъ, подалъ сразу по 4 голоса (и онъ же сверхъ того въ V куріи).

Изъ всего сказаннаго ясно, что для пріобрѣтенія сколько нибудь цѣнныхъ выводовъ намъ нужно вовсе отказаться отъ оффиціальныхъ австрійскихъ итоговъ, воспользоваться лишь сырыми статистическими матеріалами и самостоятельно произвести надъ ними всю работу приведенія голосовъ выборщиковъ къ голосамъ избирателей въ IV и V куріи и данныхъ множественныхъ вотумовъ I и III куріи къ дѣйствительнымъ голосамъ избирателей *).

Но есть еще одна причина, значительно понижающая цѣнность австрійской статистики. Какъ извѣстно, выборы 1897 г. происходили подъ жестокимъ полицейскимъ давленіемъ. Многимъ избирателямъ или выборщикамъ не было дано возможности подать голосъ; одни были арестованы и посажены въ тюрьму наканунѣ выборовъ; другіе были избиты передъ самымъ избирательнымъ бюро; третьи были просто запуганы наглымъ нарушеніемъ избирательной тайны, и т. д. Общественный контроль надъ правильностью выборовъ не былъ допущенъ, и были приняты всѣ возможныя мѣры, чтобы газетные корреспонденты не имѣли возможности изобличать злоупотребленія. И этого было мало, есть несомнѣнныя указанія на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при самомъ подсчетѣ голосовъ были допущены странныя ошибки, всегда въ пользу правительственныхъ кандидатовъ. Множество бюллетеней зачислялось въ разрядъ негодныхъ (ungültig) не вслѣдствіе того, что они въ чемъ нибудь не соотвѣтствовали предписаніямъ закона,

*) Отчетъ австрійской избирательной статистики появился чрезвычайно поздно, въ самомъ концѣ 1897 г., хотя выборы были закончены уже въ мартѣ. Въ дополненіе къ тѣмъ особенностямъ его редакціи, о которыхъ говорится въ текстѣ, можно указать, что онъ составленъ крайне небрежно и переполненъ грубѣйшими опечатками въ самыхъ цифрахъ, что совершенно непозволительно для статистическаго изданія. Опечатки эти не отмѣчены въ спискѣ опечатокъ и сказываются только при провѣркѣ итоговъ, что страшно затрудняетъ пользованіе отчетомъ.

а вслѣдствіе того, что на нихъ стояло имя оппозиціоннаго кандидата. Такимъ образомъ, помимо всѣхъ остальныхъ причинъ, о которыхъ мы говорили выше, выборы 1897 г. еще вслѣдствіе этой причины не могли съ достаточной правильностью отразить настроеніе народа. Система давленія, несомнѣнно, значительно увеличила количество голосовъ, поданныхъ за сторонниковъ правительственныхъ партій, и уменьшила число голосовъ, которые могли бы быть поданы за представителей партій оппозиціонныхъ, а система фальсификаціи итоговъ, практиковавшаяся нѣкоторыми избирательными бюро, докончила начатое полиціей. Но тѣмъ не менѣе число голосовъ, поданныхъ за оппозиціонныхъ кандидатовъ, настолько велико, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что давленіе далеко не достигло своей цѣли; оно ясно свидѣтельствуетъ, что политическое развитіе австрійскаго народа стоитъ на той ступени, при которой полицейскій гнетъ не можетъ совершенно исказить результы народнаго голосованія.

Какъ же распредѣлились всѣ эти голоса? Какъ уже было сказано, они распредѣлились между 42 партіями. Австрійская государственная жизнь препятствуетъ сліянію мелкихъ фракцій въ крупныя политическія партіи; однако въ интересахъ читателя, рѣдко питающаго симпатію къ обстоятельнымъ статистическимъ таблицамъ, я позволю себѣ представить данныя лишь о главнѣйшихъ группахъ политическихъ партій или фракцій въ Австріи.

Изъ 42 политическихъ партій не болѣе 11 возвысились надъ національными различіями и представили общія политическія и экономическія программы. Въ самомъ ихъ названіи есть указаніе только на ихъ политическія убѣжденія, а не на ихъ національное происхожденіе. Изъ нихъ только 2 являются партіями крупными— это именно соціалъ-демократы и антисемиты. Послѣдняя, конечно, не совершенно лишена національнаго характера, но тутъ національная окраска оказывается отрицательнаго, а не положительнаго свойства. Впрочемъ, и эта партія не смогла остаться совершенно чуждой національныхъ различій Австріи и выдѣлила изъ себя фракцію богемскихъ антисемитовъ. Въ слѣдующей ниже таблицѣ я позволяю себѣ слить эту послѣднюю съ главнымъ ядромъ той же партіи. Затѣмъ, къ числу общихъ партій относятся соціалъ-политики, извѣстные по звучнымъ именамъ своихъ вождей (Кронаветтеръ, Зингеръ, Офнеръ, Филипповичъ), но совершенно не имѣющіе сторонниковъ въ V куріи и лишь ничтожное ихъ количество (6,319) въ III куріи, притомъ сосредоточившееся въ одной Нижней Австріи. Затѣмъ сюда относится столь же ничтожная группа аграріевъ. Она захотѣла возвыситься надъ національными различіями до общихъ интересовъ всего крупнаго землевладѣнія Австріи, но не достигла своей цѣли и смогла собрать едва 7,704 голоса въ

IV куріи въ одной Богеміи *). Приблизительно такое же или даже меньшее значеніе имѣютъ радикалы и радикальная народная партія, демократы, крестьянская партія, партія ремесленниковъ, чистые клерикалы, чистые консерваторы. Только клерикальная народная партія собрала довольно значительное число голосовъ (76,144 или 3,5%) въ V куріи.

Къ этимъ 11, или, чтобы не говорить о партіяхъ, имѣющихъ совершенно ничтожное значеніе, къ этимъ 2 крупнымъ партіямъ нужно прибавить нѣмецкихъ либераловъ (прогрессистовъ). Партія эта и по названію, и по программѣ является національною, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея національзмъ въ силу обстоятельствъ имѣетъ особый характеръ. Нѣмцы разсѣяны по всей Австріи, а не сосредоточены въ опредѣленныхъ мѣстахъ, какъ чехи, поляки, русины, румыны, итальянцы и др. Поэтому всякая національная нѣмецкая партія, и либеральная въ томъ числѣ, неизбѣжно является по своимъ стремленіямъ партіей централистической, а слѣдовательно, почти также неизбѣжно партіей съ болѣе или менѣе широкою программою. Въ большей степени это вѣрно въ примѣненіи къ нѣмецкимъ прогрессистамъ, и въ меньшей—въ примѣненіи къ нѣмецкимъ консерваторамъ, клерикаламъ, націоналистамъ, нѣмецкой крестьянской партіи.

Затѣмъ уже идутъ чисто національныя группы, какъ то: итальянскіе клерикалы, итальянскіе націоналисты, итальянскіе либералы; словинскіе націоналисты, словинскіе либералы, словинскіе клерикалы и т. д. Изъ всѣхъ этихъ партій крупное значеніе имѣютъ только: старо-чехи, младо-чехи, польскіе консерваторы, польскіе клерикалы, русинскіе радикалы.

Въ Австріи числится 23.707,906 жителей. Изъ нихъ право голоса въ V куріи имѣютъ 5.018,217 человѣкъ, т. е. 21,1%. Норма процента равна германской (21,1%). Изъ нихъ 36% имѣютъ одновременно право голоса въ другихъ куріяхъ, а 64%—только въ V куріи. Но изъ 5 милл., имѣющихъ право голоса, воспользо-

---

*) Всѣ эти и дальнѣйшія цифры представляютъ уже результатъ тѣхъ вычисленій, о которыхъ говорено раньше: голоса выборщиковъ приведены къ голосамъ избирателей, множественные вотумы сведены къ вотумамъ единичнымъ. Только въ итогахъ по IV куріи въ виду чрезвычайной громоздкости этой работы, и въ виду сравнительно слабаго интереса этихъ данныхъ, я позволилъ себѣ прибѣгнуть къ болѣе простому, но за то менѣе точному пріему: именно я сложилъ по всѣмъ округамъ, гдѣ существуютъ двухстепенные выборы, итоги голосованія выборщиковъ и затѣмъ уже помножилъ эти итоги на частное отъ дѣленія числа избирателей на число выборщиковъ. О неправильности этого пріема я говорилъ въ текстѣ, но иначе я поступить не могъ. Исчисленія V куріи произведены, напротивъ, вполнѣ детально. Въ моихъ разсчетахъ я совершенно оставляю въ сторонѣ тѣхъ выборщиковъ, которые воздержались отъ подачи голоса, ибо тутъ сказывается политическій индифферентизмъ, такъ сказать, второй степени. Для оцѣнки этого явленія намъ вполнѣ достаточно знать степень индефферентизма, сказывающагося у первичныхъ избирателей.

валисъ своимъ правомъ всего 2.176,530 человѣкъ или 43,3%. Такимъ образомъ, политическій индифферентизмъ австрійцевъ весьма великъ (въ Германіи, какъ уже было указано, голосуетъ не менѣе 68% избирателей). Но цифры даютъ совершенно достаточное объясненіе этого страннаго явленія. Изъ всѣхъ 17 земель, представленныхъ въ рейхсратѣ, только въ одной избиратели охотно идутъ къ избирательной урнѣ, и это въ Нижней Австріи, гдѣ господствуетъ система прямыхъ выборовъ. Тамъ голосовало 75,5%, т. е. значительно болѣе, чѣмъ даже въ Германіи (кромѣ исключительнаго 1887 года). Достаточно высокъ (71,1%) также процентъ участія въ выборахъ во всѣхъ 6 городахъ съ прямыми выборами, такъ что общая для всѣхъ 15 округовъ норма равняется 71,9% *). Во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ % крайне низокъ, нигдѣ не поднимаясь до средней нормы 43%, а въ Далмаціи спускаясь даже до 10%. Можетъ быть, это объясняется для городовъ городскимъ характеромъ населенія и жизни, а для Нижней Австріи какими либо мѣстными условіями? Нѣтъ. Въ 1891 г., когда въ сельской куріи Нижней Австріи господствовала еще та же система двухстепенныхъ выборовъ, въ нихъ принимало участіе тоже всего 28% избирателей; а къ 1897 году, когда тамъ была введена система прямого голосованія, оно сразу поднялось до 68%. Участіе избирателей V куріи, явившихся къ избирательной урнѣ впервые въ 1897 г., не сильно отличается отъ этой нормы, и, слѣдовательно, мы можемъ сказать, что высокая степень индифферентизма въ Австріи объясняется именно системой выборовъ. Ясно, что когда избиратель голосуетъ не за депутата, а только за выборщика, притомъ, какъ это установлено для подобныхъ выборовъ, голосуетъ открыто, то онъ чувствуетъ мало охоты тратить время и рисковать своимъ общественнымъ положеніемъ. Напротивъ, какъ только его призываютъ къ урнѣ непосредственно, какъ только ему даютъ право не объявлять открыто о своихъ политическихъ мнѣніяхъ, такъ у него является охота бороться за нихъ. То же самое мы видимъ и въ Германіи: избиратель, охотно являющійся къ урнѣ на выборы въ общегерманскій рейхстагъ, оказывается совершенно индифферентнымъ въ день прусскихъ выборовъ въ ландтагъ (гдѣ господствуетъ система двухстепенныхъ и открытыхъ выборовъ), выдѣляя изъ своей среды для участія въ нихъ всего 12—15% людей, по большей части такихъ, которымъ нечего бояться открыто высказать свое мнѣніе: % опять-таки ниже, чѣмъ въ Австріи при приблизительно такихъ же условіяхъ. Итакъ, мы можемъ сказать, что выборы 1897 года, вопреки оффиціальнымъ итогамъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что австрійскіе избиратели политически развиты не менѣе своихъ германскихъ собратьевъ.

Изъ избирателей V куріи нѣсколько большую энергію обнару-

*) Для Вѣны онъ равняется даже 78%.

живаютъ тѣ, которые имѣютъ также право голоса и въ какой-либо изъ другихъ курій; они выдѣляютъ изъ своей среды 46,5% людей, отправляющихся къ урнѣ, тогда какъ изъ пролетаріевъ, имѣющихъ право голоса въ одной V куріи, голосуетъ лишь 41,5%, и это совершенно понятно.

Первые, являясь элементомъ зажиточнымъ и политически болѣе благонамѣреннымъ, могутъ смѣлѣе и откровеннѣе высказывать свои убѣжденія, чѣмъ вторые, люди болѣе зависимые и къ тому же по общему правилу настроенные болѣе оппозиціонно.

Кромѣ того, все давленіе, всѣ усилія австрійскихъ полицейскихъ и всѣ ухищренія избирательныхъ бюро, занимавшихся фальсификаціей результатовъ выборовъ, были направлены преимущественно на этихъ послѣднихъ.

При такихъ условіяхъ можно находить, что, не смотря на болѣе долговременное участіе въ политической жизни страны, первые скорѣе обнаружили болѣе индифферентизма, чѣмъ вторые.

Поданные въ разныхъ куріяхъ голоса распредѣлились между сторонниками различныхъ партій слѣдующимъ образомъ:

	I курія (крупное землевлад.)	III курія (торговыя палаты)	II курія (города)	IV курія (сельскіе округа)	V курія (всеобщаго голосованія) Абсолютныя числа	%%
Населеніе (по переписи 1890)	—	—	5.304,026	18.403,880	23.707,906	—
Имѣющихъ право голоса	5,280	591	394,196	1.490,659	5.018,217	21,1
Число депутатовъ . . .	85	21	118	129	72	—
Голосовали	3,333*)	499	264,688**)	638,489	2.176,530	43,3
Подали недѣйствительные (ungiltige) бюллетени	41	18	1,704	3,726	11,972	0,5
Подали дѣйствительные (giltige) бюл.	3,292	481	262,984	634,763	2.164,558	99,5

Изъ нихъ за:

*) Эта цифра нѣсколько не сходится съ соотвѣтственной цифрой оффиціальнаго отчета (3,347) потому, что въ послѣдней занесены всѣ подавшіе голосъ землевладѣльцы, въ томъ числѣ и тѣ, которые воспользовались своимъ правомъ не вполнѣ; такъ, въ Богеміи подали бюллетени 167 чел.; каждый имѣетъ право тамъ подавать голосъ за восьмерыхъ депутатовъ сразу: 167 × 8 = 1336 голосовъ; между тѣмъ голосовъ подано всего 1,297. Я же зачисляю въ свою таблицу только людей, голосовавшихъ въ полномъ объемѣ, лицо же, подавшее 4 голоса вмѣсто 8, принимаю за ½, 2 голоса вмѣсто 8 за ¼ избирателя (въ итогахъ дроби конечно округляю); слѣдовательно я принимаю, что въ Богеміи голосовало 1297 : 8 = 162 помѣщика (а не 167). Все это можетъ показаться условнымъ и путаннымъ, а дробные избиратели могутъ подать даже поводъ къ различнымъ остротамъ; но, къ сожалѣнію, иначе поступить совершенно невозможно.

**) Въ оффиціальномъ отчетѣ 265,790. См. предыдущее примѣчаніе.

	I курія (крупное землевлад.)	III курія (торговыя палаты)	II курія (города)	IV курія (сельскіе округа)	V курія (всеобщаго голосованія) Абсолютныя числа	%%
Консерваторовъ, аграріевъ, клерикаловъ, католич. народн. партію (безъ прямой національной окраски) .	1,460	—	8,044	101,950	100,378	4,7
Радикаловъ, народную партію, демократовъ (тоже безъ національн. окраски)	—	—	3,778	45,974	—	—
Соціалъ-политиковъ . .	—	—	6,319	—	—	—
Антисемитовъ (включая и богемскихъ), христіанскихъ соціалистовъ	—	—	48,317	81,105	341,322	15,8
Соціалъ-демократовъ . .	—	—	7,014	7,177	595,610	27,6
Нѣмецкихъ националистовъ, консерваторовъ, клерикаловъ, нѣмецкихъ «компромиссныхъ кандидатовъ»	265	2	15,218	35,062	113,464	5,2
Нѣмецкихъ либераловъ (прогрессистовъ) . .	361	244	61,921	36,507	66,549	3,1
Нѣмецкихъ радикаловъ, народную партію . .	63	40	27,055	33,132	76,674	3,5
Чешскихъ националистовъ, консерваторовъ, чешскую народную партію, чешскихъ компромиссныхъ кандидатовъ	—	—	7,896	20,865	43,248	2,0
Старочеховъ	—	—	4,116	9,765	30,064	1,4
Младочеховъ	—	68	30,149	97,687	262,467	12,1
Польскихъ консерваторовъ и клерикаловъ .	—	82	7,939	5,369	150,875	7,0
Польскихъ либераловъ, радикаловъ, демократовъ, партію Стояловскаго	—	—	6,464	—	103,349	4,7
Русинскихъ консерваторовъ, старо и младорусиновъ, руссофиловъ	—	—	—	47,722	33,088	1,5
Русинскихъ радикаловъ	—	—	247	37,450	109,788	5,1
Словинцевъ, итальянцевъ, сербовъ, кроатовъ, румынъ	1,087	33	19,680	64,554	115,917	5,3
За неопредѣленныхъ и безпартійныхъ кандидатовъ	56	17	8,827	10,744	21,764	1,0

Изъ этого видно, что соціалъ-демократія въ Австріи достигла большаго развитія, чѣмъ даже въ Германіи (въ 1893 г. въ Германіи было подано 23,4% соціалъ-демократическихъ голосовъ, и

даже въ 1898 всего 27,1%); но затѣмъ ясно видно, что соціалъ-демократія не можетъ имѣть почвы, по крайней мѣрѣ въ Австріи, нигдѣ, кромѣ чистаго пролетаріата. Нужно помнить, что въ Австріи при весьма высокомъ уровнѣ подомоваго, поземельнаго и прочихъ прямыхъ налоговъ, 5 гульденовъ податей приходится на каждаго крестьянина, имѣющаго хотя бы ничтожный клочекъ земли, на каждаго горожанина, платящаго за квартиру 60—70 гульденовъ въ годъ, такъ что только лица, не имѣющія никакой собственности и живущія на чужой квартирѣ, лишены права голоса въ городской или сельской куріяхъ. При этомъ соціализмъ является единственнымъ знаменемъ, которое развѣвается почти во всѣхъ австрійскихъ земляхъ: исключеніе составляютъ только Герцъ, Форарльбергъ и Далмація, гдѣ его вовсе нѣтъ, да еще, пожалуй, Истрія и Крайна, гдѣ онъ весьма слабъ (въ V куріи менѣе 5% всѣхъ голосовъ). Всего сильнѣе распространенъ соціализмъ въ Богеміи (42,5%), Моравіи (27,2%), Штиріи (29,5%), Вѣнѣ (40,9%). Въ Богеміи онъ распространенъ преимущественно на сѣверѣ, въ мѣстности, населенной нѣмцами. Замѣтимъ, что въ наиболѣе соціалистической части Германіи, Саксоніи, соціалъ-демократы только въ 1898 г. собрали 49% всѣхъ голосовъ.

Вторымъ по значенію изъ политическихъ теченій является антисемитизмъ. Въ V куріи онъ собралъ 15% всѣхъ голосовъ, преимущественно въ Вѣнѣ (50,4%), Нижней Австріи (не считая Вѣны, 64,1%) и Штиріи (32,6%). При сравненіи съ данными по первымъ куріямъ ясно видно, что главный контингентъ антисемитовъ вербуется въ зажиточныхъ классахъ.

То же самое нужно сказать о третьей по численности партіи—младочехахъ. Партія эта имѣетъ сторонниковъ только въ двухъ земляхъ: Богеміи и Моравіи; на первую падаетъ 243,934 голоса (35,3%), на вторую—18,533 (11,0%). Всетаки какъ въ той, такъ и въ другой въ V куріи эта партія занимаетъ всего второе мѣсто, уступая первое соціаль-демократіи съ ея 29,374 голосами (42,5%) въ Богеміи и 45,652 (27,2%) въ Моравіи, за то въ городской и сельской куріяхъ обѣихъ этихъ земель эта партія имѣетъ несомнѣнное первенство, насчитывая:

	Городская курія. Абсолютная цифра.		Сельская курія. Абсолютная цифра.	
Богемія . .	26,581	38,6%	90,026	51,5%
Моравія . . .	3,568	13,1%	14,045	29,3%

Само собою разумѣется, что четвертая по численности (въ V куріи) партія, именно польская консервативная, еще значительнѣе представлена въ куріи сельской.

В. Водовозовъ.

Политика.

Русская нота 12 августа.—Первое впечатлѣніе.—Оффиціальные и оффиціозные отвѣты.—Вестфальская рѣчь императора Вильгельма.—Ея отзвуки въ странахъ тройственнаго союза.—Задача будущаго конгресса мира.—Спорные вопросы, рейнскій, восточный. колоніальные.—Австро-Венгрія.—Другіе вопросы.—Планы и вѣроятности.—*Текущія событія.*—Женевское убійство.—Вторая вестфальская рѣчь императора Вильгельма.—Англо-германское соглашеніе.—Верхній Нигеръ.—Выборы въ Капландіи.

I.

16 (28) августа была обнародована въ Петербургѣ циркулярная нота русскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ иностраннымъ государствамъ, сообщенная ихъ представителямъ при русскомъ правительствѣ 12 (24) августа. Русскій переводъ этого документа напечатанъ въ «Русскомъ Богатствѣ», въ прошломъ номерѣ, въ post-scriptum'ѣ къ нашей «Политикѣ». Тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ здѣсь еще разъ напомнить содержаніе русской ноты прежде, нежели приступить къ обсужденію ея значенія и назначенія и къ изложенію впечатлѣнія, ею произведеннаго въ цивилизованномъ мірѣ, къ которому она обращается съ несовсѣмъ обычнымъ приглашеніемъ.

«Миръ» давно не сходитъ съ устъ государственныхъ людей Европы и давно во всѣхъ падежахъ склоняется подъ перьями великодержавныхъ дипломатовъ. L'Empire c'est la paix, произнесъ Наполеонъ III, все свое правленіе тревожившій Европу и остальныя четыре части свѣта своими воинственными предпріятіями. Наслѣдовавшій ему въ качествѣ руководителя европейской политики князь Бисмаркъ тоже только и заботился, по его словамъ, о поддержаніи мира. Онъ даже основалъ «лигу мира», тройственный союзъ, вотъ уже двадцать лѣтъ держащій подъ ружьемъ все европейское человѣчество. Бисмаркъ, въ качествѣ охранителя мира,— это даже не иронія, а просто безсмыслица! Впрочемъ, не больше, чѣмъ наполеоновская имперія въ качествѣ гарантіи мира... Тройственный союзъ, эта лига мира, такъ усердно охранялъ миръ при Бисмаркѣ и послѣ него, что возбудилъ всеобщія опасенія и привелъ къ комбинаціи франко-русскаго союза, торжественно возвѣщеннаго въ тостахъ русскаго императора и французскаго президента на палубѣ французскаго броненосца 12 августа 1897 года. Въ этихъ тостахъ было сказано, что главная задача союзныхъ народовъ—охраненіе мира, но и тройственный союзъ охраняетъ, по его словамъ, миръ! Отъ кого же охраняется миръ, этотъ неуловимый узникъ, котораго надо окружать такою стѣною штыковъ и за которымъ надо гоняться по всѣмъ океанамъ нашей планеты на

тысячахъ военныхъ кораблей? Всѣ будто бы желаютъ мира; всѣ будто бы поставили единственною своей задачею сохраненіе мира; это якобы общее желаніе, общая задача, общая мысль... Всѣ, однако, не будто бы и не якобы, а совершенно реально постоянно опасаются войны и всѣми силами готовятся къ ней, громоздя вооруженія за вооруженіями, новыя безумныя траты милліардовъ за недавними милліардными тратами... Миръ у всѣхъ на устахъ и заряженное со взведеннымъ куркомъ оружіе въ рукахъ,—таково современное положеніе человѣчества. На это указываетъ и русская нота отъ 12 августа.

«Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ», говорится въ нотѣ и говорится совершенно справедливо. Въ *сознаніи народовъ* идея мира пріобрѣла и пріобрѣтаетъ все больше признанія, но отъ сознанія народовъ до дѣятельности ихъ правительствъ остается сдѣлать еще очень, очень большой шагъ. Поэтому, когда, вслѣдъ за приведенными словами, нота замѣчаетъ, что «сохраненіе мира было поставлено цѣлью международной политики», то этимъ лишь констатируется несомнѣнный фактъ, что таковы были *заявленія* правительствъ, которыя могли и не сходиться съ дѣйствительными задачами ихъ политики. Ни Наполеона III, ни Бисмарка, ни Биконсфильда, ни Вильгельма II, ни Криспи, ни даже маленькихъ Милана и Дельяниса исторія никогда не назоветъ миролюбивыми. Далѣе въ нотѣ читаемъ: «Во имя мира великія державы сплотились въ могучіе союзы. Для лучшаго огражденія мира увеличили онѣ въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни передъ какими жертвами». Да, миръ на устахъ и постоянное выслѣживаніе сосѣда съ цѣлью выбрать удобный моментъ для нападенія, такъ переводятся эти дипломатическія выраженія на обыкновенный разговорный языкъ. Не мудрено, если послѣ этихъ строкъ русская нота замѣчаетъ: «Однако, усилія эти не могли привести къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ желаемаго умиротворенія». Даже напротивъ, совершенно напротивъ: «по мѣрѣ того, какъ ростутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли». Иначе говоря, мы все удаляемся и удаляемся отъ «желаемаго умиротворенія» (кѣмъ, однако, желаемаго?) и приближаемся къ войнѣ, отъ которой будто бы всѣ желаютъ сохранить себя: «*Очевиднымъ*, поэтому, представляется, говоритъ далѣе русская нота, что если бы такое положеніе продолжалось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка».

Логика этихъ доводовъ неотразима. Если люди вооружаются, если для этого они истрачиваютъ послѣдніе гроши, то это можетъ имѣть только двѣ цѣли: или *оборону* отъ грозной и несомнитель-

ной опасности, или *нападеніе* съ очень широкими видами. Несомнѣнно очень значительное число поспѣшно вооружающихся государствъ имѣютъ въ виду оборону, но *всѣ* такой цѣли имѣть не могутъ, если не предположить поголовнаго помѣшательства всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Имѣя же основаніе думать, что цивилизованное человѣчество не одержимо бредомъ преслѣдованія, остается признать, что если одни, поспѣшно и не жалѣя средствъ, готовятся къ оборонѣ, то другіе, не менѣе поспѣшно и также мало щадя свои силы и средства, готовятся къ нападенію. Въ этомъ логика современнаго положенія вещей въ мірѣ и въ этомъ роковой узелъ этого положенія, петля, все тѣснѣе и плотнѣе обвивающая шею цивилизованныхъ народовъ, въ сознаніи которыхъ, по справедливому замѣчанію ноты 12 августа, «въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились». И вопреки этому, петля затягивается съ ужасающею быстротою. «Все возрастающее бремя финансовыхъ тяготей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе,—говоритъ русская нота. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній». Иначе говоря, истраченные милліарды оказываются выброшенными въ море и «миръ», столь всѣми любимый и желаемый, требуетъ новыхъ милліардовъ! Напр., недавно всѣ великодержавныя арміи закончили перевооруженіе пѣхоты малокалиберными, 8—9 миллиметровыми ружьями. Нынѣ появилось новое пятимиллиметровое ружье, значительно превосходящее (по слухамъ) принятые образцы. Если это превосходство оправдается, то державы поспѣшатъ съ перевооруженіемъ, а на это потребуется, по вычисленіямъ г. Бліоха *), не менѣе 3½ милліардовъ франковъ! Только теперь заканчивается перевооруженіе артиллеріи, а уже проникаютъ въ печать слухи о новыхъ изобрѣтеніяхъ, о новыхъ, стало быть, милліардныхъ тратахъ... и т. д. и т. д. Надо ихъ гдѣ нибудь брать, эти милліарды. Ихъ отнимаютъ отъ насущныхъ потребностей и, какъ говоритъ русская нота, «просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути». Несомнѣнно, если еще не пресѣклись, то рано или поздно (скорѣе рано, чѣмъ поздно) должны пресѣчься. Потому что, какъ замѣчаетъ нота, «нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаетъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое

*) *Бліохъ*. Будущая война. 1898 г. 5 томовъ.

народы выносятъ все съ большимъ трудомъ». И, однако, выносятъ...

Эта печальная картина современныхъ международныхъ отношеній приводитъ русскую ноту къ заключенію, что «положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія,—таковъ нынѣ высшій долгъ всѣхъ государствъ». Русская нота не сомнѣвается въ сочувствіи державъ этой задачѣ: «Въ убѣжденіи (читаемъ въ нотѣ), что столь возвышенная цѣль соотвѣтствуетъ существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ вожделѣніямъ всѣхъ державъ, императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благопріятно для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный, прочный миръ и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій». Здѣсь ясно ставятся двѣ задачи: *прежде всего* положить предѣлъ вооруженіямъ, а затѣмъ обезпечить *истинный, прочный миръ*. Послѣдняя задача еще ярче выступаетъ въ замѣчательныхъ словахъ ноты: «она (конференція) сплотила бы въ одно могучее цѣлое усилія всѣхъ государствъ, искренно стремящихся, чтобы *великая идея всеобщаго мира* восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ тоже время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ *началъ права и справедливости*, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ». Это очень широко поставленная задача: «истинный, прочный» миръ, который долженъ быть установленъ предлагаемымъ совѣщаніемъ, исходитъ изъ «великой идеи всеобщаго мира» и опирается на «начала права и справедливости», которыя должны получить «совмѣстное признаніе». Рядомъ съ этою главною задачею, нота «прежде всего» предлагаетъ заняться тѣмъ, что называютъ обыкновенно частичнымъ разоруженіемъ. Пріостановимъ вооруженія немедленно и займемся послѣ того вопросомъ объ установленіи всеобщаго мира на началахъ права и справедливости, а для того и другого соберемся на конференцію,—такъ можно резюмировать содержаніе русской ноты 12 августа.

Съ этой же точки зрѣнія мы и сдѣлаемъ, хотя бы сжатый, обзоръ громадной проблемы, ею выдвинутой столь неожиданно для занятаго военными приготовленіями человѣчества. Сначала, однако, нѣсколько словъ о томъ, какъ откликнулось это человѣчество на столь необычный призывъ...

II.

16 августа обнародована въ Россіи разбираемая нота, 17 августа она появилась въ телеграммахъ иностранныхъ газетъ, 18—20 августа печать всего міра высказалась о нотѣ и ея задачахъ. Время опубликованія ноты было политически глухое. Нигдѣ не за-

сѣдали парламенты, кабинеты были всюду не въ полномъ составѣ, даже въ редакціяхъ газетъ отсутствовали ихъ главныя руководящія силы. Пресса была взята врасплохъ. Однако, молчать о такомъ фактѣ было невозможно. Приходилось высказываться и пресса высказалась. Не получая указаній изъ пустующихъ дипломатическихъ канцелярій, не слыша голоса парламентскихъ лидеровъ, лишенная даже своихъ собственныхъ руководителей, пресса на первыхъ порахъ явилась, болѣе, чѣмъ когда либо, отраженіемъ думъ и желаній средняго европейскаго человѣка. А этотъ человѣкъ уже давно чувствуетъ непосильность возложеннаго на него военнаго бремени, давно втихомолку мечтаетъ объ «истинномъ, прочномъ мирѣ», опирающемся на «начала права и справедливости». Его вожди ему твердили, что это невозможно, что это химера, созданная безпочвенными идеологами и мечтателями, и что только именно эти непосильныя вооруженія и обезпечиваютъ миръ, хотя и не истинный, и не прочный, и не согласный съ правомъ и справедливостью. Средній европейскій человѣкъ вѣритъ своимъ вождямъ и твердо помнитъ, что плохой миръ лучше доброй ссоры. Онъ и держится за этотъ плохой миръ. Еще въ школѣ онъ затвердилъ латинскую премудрость: si vis pacem para bellum... Что ему остается послѣ этого дѣлать, какъ не идти покорно за своими вождями, отдавать имъ послѣдніе гроши и кричать имъ *ура!?* Идеологамъ и мечтателямъ онъ не вѣрилъ, хотя и очень желалъ-бы вѣрить... И вдругъ не идеологи и не мечтатели, а правительство самой могущественной военной державы взываетъ къ миру. Не къ тому плохому миру, который только немного лучше доброй ссоры. И не къ тому миру, ради котораго нужно готовиться къ войнѣ. Эта военная держава призываетъ къ разоруженію и къ утвержденію мира на правѣ и справедливости... Значитъ, это не химера, не мечта ничего не смыслящихъ филантроповъ, не миражъ воображенія. И средній европейскій человѣкъ несказанно обрадовался. Эта радость и сказалась въ первыхъ отзывахъ печати, покуда руководители не дали другихъ лозунговъ.

Ошеломляющее впечатлѣніе русскаго циркуляра сказалось особенно сильно на печати тройственнаго союза, гдѣ военное бремя особенно непосильно и гдѣ пресса безъ компетентной указки болѣе безпомощна, нежели во Франціи и въ Англіи. Въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Буда-Пештѣ и Римѣ русская нота была встрѣчена просто восторженно печатью. *Berliner Tageblatt* (самая распространенная берлинская газета) писалъ: «Значеніе русскаго сообщенія не поддается оцѣнкѣ. Что оно обусловливается великодушнѣйшими побужденіями, это, конечно, не требуетъ объясненій. Дѣйствительно, сообщеніе такъ благородно, такъ человѣчески прекрасно, что возникаетъ опасеніе на счетъ возможности осуществленія великаго проекта молодого монарха». *Berliner Neueste Nachrichten* выражались еще восторженнѣе и безусловно одобряли проектъ. *Kleines Journal* прямо

заявлялъ, что «Сообщеніе это останется на всѣ времена достопамятнымъ межевымъ столбомъ въ исторіи народовъ. Царь, этотъ могущественнѣйшій повелитель на всемъ земномъ шарѣ, возвысилъ свой голосъ, чтобы осуществить на дѣлѣ идею, которая мерещилась просвѣщеннѣйшимъ умамъ всѣхъ народовъ, какъ идеалъ прогресса и цивилизаціи». *Fossische Zeitung* была сдержаннѣе въ выраженіяхъ, но тоже безусловно становилась на сторону русскаго циркуляра. Она сознавалась, что предстоитъ преодолѣть значительныя затрудненія, которыя, однако, способны развѣ отсрочить великое дѣло: «Конгрессъ, который несомнѣнно соберется, будетъ имѣть въ такой мѣрѣ на своей сторонѣ сердца и умы народовъ, какъ никакой изъ бывшихъ конгрессовъ». *Post* (считающаяся полуоффиціозною) тоже привѣтствовала иниціативу Россіи, прибавляя, что «въ Германіи всѣ встрѣтятъ съ радостью предложеніе о разоруженіи». *Local Anzeiger* впадалъ прямо въ дифирамбическій тонъ. Все это органы умѣренно-либеральные и умѣренно-консервативные, именно представляющіе средняго человѣка, привыкшаго идти за своими вождями. Если эти слои, покорно вотировавшіе расходы на вооруженія, такъ отнеслись къ русской нотѣ, то *Volkszeitung* и *Freisinnige Zeitung*, органы свободомыслящихъ, постоянно боровшихся съ милитаризмомъ, естественно отнеслись съ полнымъ и сознательнымъ сочувствіемъ къ русскому предложенію. Другіе враги милитаризма въ Германіи, соціалисты, встрѣтили, напротивъ того, недовѣрчиво ноту 12 августа. Ихъ главный органъ *Vorwaerts* высказалъ предположеніе, что эта нота является попыткою отсрочить неизбѣжную войну съ Англіей съ цѣлью выиграть время и приготовиться. За то вѣчно враждебная всякому сокращенію вооруженій юнкерская *Kreuzzeitung* такъ потерялась, что заявила: «императорское сообщеніе будетъ встрѣчено всѣми друзьями мира общею свѣтлою радостью».

Столь же единодушное восхищеніе вызвано было русскою нотою и въ Вѣнѣ. *Neue Freie Presse* въ теплыхъ словахъ привѣтствовала ноту и замѣчала: «Если суждено будетъ этой великой идеѣ осуществиться, то для Европы наступитъ новая культурная эпоха». *Neues Wiener Tagblatt* писалъ: «Самыя смѣлыя мечты друзей мира всѣхъ народовъ превзойдены. Сдѣлано заявленіе, долженствующее служить эпохою». Тоже въ *Vaterland*'ѣ, *Wiener Abendpost*'ѣ, тоже въ будапештскихъ и итальянскихъ газетахъ. Хоръ—почти безъ диссонансовъ, общее ликованіе и общія надежды.

Мы уже замѣтили выше, что пресса Англіи и Франціи, даже въ эти глухіе августовскіе дни, болѣе освѣдомлена и вообще по своему настроенію ближе стоитъ къ руководящимъ сферамъ. Она и оказалась сдержаннѣе и скептичнѣе. Ея привѣтъ и съ самаго начала походилъ скорѣе на долгъ учтивости и любезности, чѣмъ на серьезное сочувствіе. Такъ *Times*, послѣ общихъ мѣстъ сочувствія, замѣчалъ: «Весьма возможно, что конференція и вовсе не соберется.

Весьма вѣроятно, что, и собравшись, она убѣдится въ неосуществимости поставленной цѣли. Полезно, однако, чтобы поднятый вопросъ былъ практически обсужденъ свѣдущими государственными людьми всѣхъ цивилизованныхъ націй». Не болѣе того ожидалъ Times даже въ первой передовицѣ своей по вопросу о русской нотѣ. Другіе органы господствующей партіи были еще менѣе расположены восхищаться нотою 12 августа. *Standard*, главный органъ торизма, прямо замѣтилъ, что если бы Россія отказалась отъ политики расширенія своей территоріи, то это было бы наилучшимъ и наивѣрнѣйшимъ шагомъ къ разрѣшенію предлагаемой ею задачи, потому что это отреченіе отъ наступательной политики разсѣяло бы атмосферу взаимныхъ подозрѣній и взаимныхъ опасеній, которая насъ окружаетъ въ настоящее время. Еще неблагосклоннѣе къ русской нотѣ отнесся другой присяжный органъ торизма, аристократическій *Morning Post*. Эта газета находила, что разоруженіе въ настоящее время выгодно одной Россіи, которая въ послѣднее время пріобрѣла столько новыхъ территорій, что нуждается въ нѣкоторомъ срокѣ для ихъ организаціи. *Morning Post* замѣчала при этомъ, что предположенное совѣщаніе объ разоруженіи не должно никоимъ образомъ касаться морского разоруженія, на которое Англія никогда не согласится. Не столь непріязненно, но столь же скептически отнесся къ русскому предложенію и *Daily Telegraph*. Отдавая должную дань благодѣтельности самой идеи разоруженія, *Daily Telegraph* спрашивалъ, «на какой почвѣ можно бы было обсуждать вопросъ о разоруженіи? Не должна ли будетъ конференція примѣнить начала права и справедливости къ Эльзасъ-Лотарингіи, къ французскому завладѣнію Тунисомъ, къ англійскому протекторату въ Египтѣ, къ результатамъ испано-американской войны?» Газета находила, что Германія не согласится на обсужденіе status quo на Рейнѣ, а Франція не согласится признать это status quo основаннымъ на правѣ и справедливости. Газета указывала и на другія подобныя же противорѣчія и сомнѣвалась, чтобы конференція уменьшила какую нибудь армію хотя бы на одного комбатанта. Столь же скептически смотрѣлъ на вопросъ и *Daily Cronicle*, а либеральный *Daily News*, послѣ самыхъ теплыхъ выраженій сочувствія русской нотѣ и упрековъ по адресу консервативнаго кабинета, не умѣющаго ладить съ столь миролюбивою державою, всетаки, въ концѣ концовъ, находилъ, что наилучшее было бы, если бы Россія сама показала первая примѣръ разоруженія. Ту же мысль высказалъ и Чарльзъ Дилькъ, интервьюированный репортерами. Недовѣріе къ намѣреніямъ русскаго правительства проникаетъ всѣ эти отзывы, довольно пышно убранные сочувственными фразами.

Иначе зазвучало эхо ноты этой во Франціи. Здѣсь не было мѣста недовѣрію и подозрительности. Франція, конечно, ничего не опасается отъ Россіи и едва ли въ настоящее время есть въ Европѣ нація, болѣе миролюбивая, чѣмъ французская. Но у нея есть

вѣчно открытая рана, нѣмецкое господство въ Эльзасѣ и Лотарингіи, которыя стремятся къ Франціи и которыя не желаютъ иного отечества. И не далѣе, какъ въ іюнѣ настоящаго 1898 года, двѣ трети эльзасскаго и все лотарингское населеніе при выборахъ въ рейхстагъ снова заявили свою неизмѣнную приверженность отечеству, отъ котораго уже двадцать восемь лѣтъ насильственно отторгнуты. Не реваншъ въ собственномъ смыслѣ слова волнуетъ французовъ. Они примирились съ Ватерлоо и Трафальгеромъ и не думаютъ объ отмщеніи. Они, конечно, примирились бы также и съ Седаномъ и Вертомъ. Равнымъ образомъ, и не потеря территоріи ихъ держитъ въ возбужденіи. Они примирились съ потерею Бельгіи, Кельна, Ахена, Лигуріи. Они помирились бы, конечно, и съ потерею Страсбурга, Мюльгаузена и Меца, если бы граждане Страсбурга, Мюльгаузена и Меца примирились съ этимъ фактомъ, какъ граждане Брюсселя, Антверпена или Кельна. Но эльзасцы и лотарингцы не мирятся съ этимъ фактомъ. Они продолжаютъ любить свое французское отечество и ждутъ отъ него своего освобожденія. За эту вѣрность Франціи эльзасцы и лотарингцы доселѣ лишены всей совокупности политическихъ и гражданскихъ правъ. Они не имѣютъ своего парламента, ни другихъ органовъ самоуправленія. Ихъ пресса подавлена, ихъ личныя права ограничены, они подвергаются насильственной германизаціи. Съ этимъ не могутъ примириться французы и кто осмѣлится ихъ упрекнуть за это? Не реваншъ, а освобожденіе угнетенныхъ (по истинѣ, угнетенныхъ) соотечественниковъ, взывающихъ къ ихъ помощи, является цѣлью французскаго народа, отъ которой онъ не можетъ отречься, не почувствовавъ себя предателемъ братьевъ своихъ. Но разоруженіе не будетъ ли означать какъ бы перваго шага къ такому отреченію, вотъ что смутило французовъ по полученіи русской ноты. Но если бы даже возможно было такъ обставить это дѣло, что оно явно не имѣло бы такого смысла, то и тогда разоруженіе не отдаляло-ли бы освобожденія Эльзаса и Лотарингіи? Вѣдь Франція гораздо богаче Германіи и бремя, уже разорительное для нѣмцевъ, еще выносимо для французовъ. Если же Германія скорѣе придетъ къ разоренію, то и уступить должна будетъ скорѣе. Облегчать бремя, стало быть, для французовъ невыгодно. Вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи представляется до такой степени кардинальнымъ для Франціи, что имъ опредѣляется вся международная политика французской республики, а съ этой точки зрѣнія вопросъ о разоруженіи можетъ казаться несвоевременнымъ. Тѣмъ не менѣе русская нота 12 августа была встрѣчена французскою прессою въ общихъ чертахъ очень сочувственно. Глубокая правда печальной картины, нарисованной въ нотѣ, не могла не быть оцѣнена такою миролюбивой націей, какой стала теперь Франція. Но это общее сочувствіе всюду сопровождалось оговорками, показывавшими, быть можетъ ярче и яснѣе, чѣмъ когда либо, что отъ

освобожденія Эльзаса и Лотарингіи Франція не отказывается и никогда не откажется.

Говоря о французской прессѣ, быть можетъ, не лишнее будетъ замѣтить, что французскіе соціалисты иначе отнеслись къ русской нотѣ, чѣмъ соціалисты германскіе. Послѣдніе, какъ мы видѣли, старались возбудить недовѣріе къ нотѣ, французскіе же взяли ее за исходный пунктъ для усиленія агитаціи противъ милитаризма. Соціалисткіе депутаты даже приготовляются внести въ палату предложеніе о разоруженіи Франціи, что, по ихъ мнѣнію, могло бы послужить сигналомъ ко всеобщему разоруженію.

Если таково было впечатлѣніе въ средѣ великодержавныхъ народовъ, которые готовятся не только къ оборонѣ, но и къ нападенію, то еще гораздо единодушнѣе высказалась пресса мелкихъ государствъ, Бельгіи, Швейцаріи, Голландіи, Даніи, Норвегіи. Здѣсь, кажется, вполнѣ повѣрили, что вслѣдъ за нотою 12 августа немедленно послѣдуетъ разоруженіе и установится вѣчный миръ. Однако, скоро сказка сказывается, мѣшкотно дѣло дѣлается. Прошелъ мѣсяцъ, а еще неизвѣстно даже, состоится ли конференція? Неизвѣстно даже, получены ли въ Петербургѣ оффиціальные отвѣты державъ. Папа Левъ XIII отвѣтилъ выраженіемъ своего полнаго сочувствія и обѣщаніемъ полной поддержки. Ближайшіе сосѣди Россіи, наиболѣе пострадавшіе отъ ея могущества, Швеція и Турція, поспѣшили увѣдомить, что принимаютъ приглашеніе на конференцію. Такой же отвѣтъ дала Данія. О такомъ же отвѣтѣ возвѣстила королева Вильгельмина при открытіи засѣданій нидерландскаго парламента. Извѣстно также, что королева-регентша Испаніи увѣдомила петербургскій кабинетъ о согласіи на конференцію. Было напечатано, что президентъ Соединенныхъ Штатовъ сказалъ о назначеніи имъ делегата на конференцію. Что касается великихъ державъ Европы, то покуда откликнулась только Англія, выразившая черезъ своего посла сочувствіе русской нотѣ. Есть-ли, однако, это согласіе на участіе въ конференціи, не видно изъ неопредѣленной версіи, проникшей въ печать. О другихъ державахъ нѣтъ и такихъ свѣдѣній *). Оффиціальныхъ нѣтъ, но есть очень важныя оффиціозныя. Не прямой отвѣтъ, но косвенный и вполнѣ опредѣленный отвѣтъ далъ императоръ Вильгельмъ II въ рѣчи, произнесенной имъ въ Портѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ городовъ Вестфаліи. Рѣчь эта была тостъ на оффиціальномъ обѣдѣ. Отвѣчая на тостъ въ свою честь, германскій императоръ провозгласилъ обычный тостъ въ честь провинціи, но счелъ умѣстнымъ высказать его въ слѣдующихъ, отнюдь не спеціально вестфальскихъ вы-

*) Уже послѣ написанія этой статьи появилось въ «Times» извѣстіе, что Италія отвѣтила Россіи согласіемъ на конференцію, но обусловила свое участіе исключеніемъ изъ программы конференціи вопроса о возстановленіи свѣтской власти папъ. Оффиціальныхъ свѣдѣній, впрочемъ, еще нѣтъ.

раженіяхъ: «Я надѣюсь, что подъ эгидою мира мнѣ удастся утвердить гармонію среди громадныхъ ресурсовъ германской промышленности. Миръ этотъ невозможно обезпечить иначе, какъ содержаніемъ сильной, отлично вооруженной и готовой къ бою арміи. Да поможетъ намъ Богъ и въ будущемъ поддерживать миръ при помощи того же надежнаго остраго орудія. Пью за процвѣтаніе Вестфаліи». Конечно, Вестфалія страна промышленная и Вильгельмъ, какъ и слѣдуетъ, началъ съ обращенія къ этой промышленности, но это былъ только приступъ, и даже не очень искусный. Онъ ничего не маскировалъ, да императоръ и не желалъ что-либо скрывать или маскировать. Старая формула *мира на штыкахъ*, отнюдь не на какихъ-то *началахъ права и справедливости*; старая латинская мудрость si vis pacem para bellum; старое требованіе отъ народовъ «сильной, отлично вооруженной и вполнѣ готовой къ бою арміи», какъ *единственной* гарантіи мира,—вотъ чего «и въ будущемъ» императоръ Вильгельмъ проситъ у Бога и у германскаго народа. Конечно, никогда третья заповѣдь Господня не нарушалась такъ явно, какъ въ этомъ призывѣ имени Бога въ помощь вооруженіямъ и пріуготовляемымъ ими кровопролитіямъ.

Сама по себѣ эта рѣчь мало чѣмъ отличается отъ обычныхъ ораторскихъ упражненій Вильгельма II и, если бы она была сказана на какомъ нибудь военномъ празднествѣ и не черезъ десять дней послѣ русскаго циркуляра, она никого не удивила бы и прошла бы мало замѣченной, но въ этотъ моментъ и безъ всякаго военнаго повода, на мирномъ гражданскомъ торжествѣ, слова германскаго императора пріобрѣтаютъ очень серьезное и отнюдь не преходящее значеніе. Оффиціальный отвѣтъ германскаго правительства еще неизвѣстенъ, но не можетъ быть уже сомнѣнія, что если Германія и пойдетъ на конференцію, то не съ тѣмъ, чтобы оказать желаемое содѣйствіе русскому предложенію.

Замогильный голосъ кн. Бисмарка присоединился къ голосу Вильгельма, чтобы расхолодить увлеченіе добрыхъ нѣмцевъ, въ самомъ дѣлѣ уже готовыхъ, было, повѣрить въ возможность и вѣроятность разоруженія и прочнаго мира на основахъ права и справедливости. Въ бесѣдѣ съ редакторомъ газеты *Hamb. Nachrichten*, послѣднія восемь лѣтъ служившей органомъ покойнаго канцлера, Бисмаркъ однажды коснулся вопроса о возможности и желательности разоруженія. Теперь редакторъ сообщаетъ главныя черты этой бесѣды. Оказывается, какъ и слѣдовало ожидать, что Бисмаркъ «не вѣрилъ, чтобы было возможно достигнуть въ этомъ вопросѣ какихъ либо практическихъ осуществимыхъ результатовъ, и еще менѣе того допустилъ бы онъ, чтобы Германія при настоящихъ обстоятельствахъ согласилась на сокращеніе нынѣшняго размѣра своихъ вооруженій. Бисмаркъ не вѣрилъ, кромѣ того, въ добросовѣстное выполненіе государствами принятыхъ ими обязательствъ». Интересно такъ же, что Бисмаркъ находилъ, что «прекращеніе

вооруженій было бы нежелательно и потому еще, что военная служба развиваетъ энергію, физическія и духовныя силы народа». Бисмаркъ вѣрилъ только въ силу кулака. Его формула *Kraft macht Recht* навѣки останется памятникомъ варварства XIX вѣка. Но Бисмаркъ великій человѣкъ и ему поклоняются милліоны нѣмцевъ. Его замогильное слово могущественно поддержало и безъ того вѣское и авторитетное слово Вильгельма, и печать Германіи, Австріи и Италіи повернула фронтъ. Громкіе комплименты «великодушной инициативѣ» продолжаютъ служить вступленіемъ къ разсужденіямъ о конгрессѣ мира, но затѣмъ обыкновенно слѣдуютъ возраженія, далеко оставляющія за собою и недовѣрчивый скептицизмъ англійской печати, и патріотическія оговорки французской.

Opinione, одинъ изъ авторитетныхъ органовъ правительственной партіи въ Италіи, напечаталъ, вскорѣ послѣ рѣчи Вильгельма, любопытную статью за подписью Сильвани, одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ Ди-Рудини. Авторъ всѣми способами доказываетъ невозможность и неисполнимость русскаго предложенія и въ заключеніе восклицаетъ: «Италія, съ 1866 года, издержала на свои вооруженія свыше десяти милліардовъ и неужели послѣ такихъ жертвъ она можетъ согласиться на разоруженіе, не получивъ въ вознагражденіе за эти жертвы ничего, кромѣ Адуанской неудачи?» Сильвани находитъ это абсурдомъ и рѣшительно протестуетъ противъ разоруженія. Это очень откровенно, конечно, но и очень поучительно. Здѣсь уже отнюдь не поддержаніе мира ставится цѣлью вооруженій, а полученіе вознагражденія, эквивалентнаго (по меньшей мѣрѣ) понесеннымъ издержкамъ. Что эти строки напечатаны въ такомъ вліятельномъ органѣ за подписью человѣка, политически близкаго такому дѣятелю, какъ Ди-Рудини, и непосредственно послѣ рѣчи Вильгельма, эти обстоятельства не могутъ не придать значенія цитируемой статьѣ. Вся умѣренно либеральная и консервативная печать Италіи и Германіи въ той или другой формѣ держится того же способа разсужденія, впрочемъ, чаще повторяя мысли Вильгельма и рѣже сбиваясь на откровенія Сильвани. Надо отдать справедливость австрійской печати, она менѣе своихъ нѣмецкихъ и остальныхъ собратій измѣнила первоначальному тону. Тому можетъ быть причиною извѣстное миролюбіе Франца-Іосифа, напряженное вниманіе къ внутренней борьбѣ, наконецъ, потрясающее впечатлѣніе женевскаго событія, на время заслонившаго въ Австріи интересъ къ другимъ дѣламъ.

Pour la bonne bouche приведемъ еще мнѣніе турецкое, сообщаемое константинопольскимъ корреспондентомъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* *). Этотъ корреспондентъ цитируетъ статью газеты «Servet», считающейся наиболѣе пріятной и читаемой въ правящихъ сферахъ. «Несомнѣнно велики слова рускаго императора,

*) Спб. Вѣд., 1898 г. № 248.

пишетъ упомянутая «Servet», но въ то же время не слѣдуетъ особенно увлекаться ими. По нашему мнѣнію, это своего рода политика. Русское правительство отлично сознаетъ, что избѣжать войны нѣтъ возможности. Однако, чтобы исторія не упрекнула его въ томъ, что оно стремится къ войнѣ, русское правительство заявило о своемъ желаніи прекратить вооруженіе и облегчить такимъ образомъ благосостояніе своихъ подданныхъ». Такъ думаетъ турецкій авторъ. Болѣе наивно выраженныя, эти мысли очень близки тѣмъ, которыя внушили Standard'у, Morning Post'у, Daily News'у ихъ ироническое приглашеніе, обращенное къ Россіи, чтобы она подала примѣръ, начавъ разоруженіе. Къ той же сферѣ настроеній и мыслей принадлежитъ и выше приведенное мнѣніе соціалистскаго Vorwaerts'а. Не думаемъ, чтобы отсюда были далеки и теперешнія ноты, звучащія въ печати Берлина и Рима. Поэтому турецкій авторъ, вѣроятно, не очень далекъ отъ истины, когда въ заключеніе своей статьи выражаетъ надежду, что высказанное имъ мнѣніе раздѣляется многими.

Однако, въ самомъ ли дѣлѣ уже такъ неосуществима идея, положенная въ основу русской ноты, что единственно задними мыслями русской дипломатіи приходится объяснять появленіе этой ноты? Неужели идея права и справедливости, какъ основа международныхъ отношеній, явная химера, надъ которой всѣ смѣялись бы и которую никто серьезно не захотѣлъ бы и обсуждать, если бы на этотъ разъ эта химера не явилась подъ охраною полутора милліоновъ штыковъ и пяти тысячъ пушечныхъ жерлъ? Неужели современныя громадныя вооруженія неизбѣжно *должны* разрѣшиться войною и никоимъ образомъ не могутъ разрѣшиться мирнымъ совѣщаніемъ, гдѣ интересы, право и достоинство народовъ были бы безпристрастно оцѣнены и надежно обезпечены?

Взглянемъ теперь нѣсколько ближе на эти вопросы, поставленные на очередь русскою циркулярною нотою отъ 12 августа 1898 года.

III.

Прежде всего, предѣлы задачи. Воюетъ не одна Европа. Воюютъ разные туземные князьки и корольки Африки. Это, конечно, не дѣло предстоящаго конгресса (если ему суждено состояться). Европейскія государства ведутъ войны съ варварскими государствами, пограничными ихъ колоніямъ. По скольку такія столкновенія не задѣваютъ интересовъ и правъ другихъ европейскихъ державъ, эти колоніальные войны тоже не дѣло проектированнаго конгресса. Въ Южной Америкѣ романскія республики, на которыя она подѣлена, нерѣдко ведутъ между собою войны. Недавно Парагвай велъ неравную борьбу съ Бразиліей. Затѣмъ Чили воевала съ Перу. Въ настоящее время таже задорная аристократическая

республика Чилійская собирается воевать съ Аргентиной. Всѣ эти кровопролитія, конечно, очень прискорбны. Ихъ прекращеніе было бы, конечно, не менѣе желательно, чѣмъ прекращеніе кровопролитій въ Старомъ Свѣтѣ, но эти американскія столкновенія настолько далеки отъ системы европейскихъ отношеній, что, быть можетъ, было бы благоразумнѣе и ихъ исключить изъ задачъ конгресса. Американскія государства приглашены на конгрессъ, и во всѣхъ вопросахъ, имѣющихъ цѣлью выработать основы международнаго суда, ихъ сотрудничество и желательно, и необходимо. Желательно также сообща разграничить систему европейскихъ политическихъ международныхъ отношеній отъ такой же системы американской. А затѣмъ пусть рядомъ съ европейскимъ концертомъ образуется американскій концертъ и пусть на его обсужденіе и разрѣшеніе поступаютъ всѣ вопросы между американскихъ столкновеній. Это будетъ соотвѣтствовать и доктринѣ Монроэ, столь дорогой американцамъ, и задачамъ конгресса, который своимъ главнымъ предметомъ долженъ считать умиротвореніе Европы и всего Стараго Свѣта, какъ зависимаго отъ Европы и тѣсно съ нею связаннаго интересами и договорами. И въ этихъ предѣлахъ задача предстоитъ огромная и прямо устрашающая своею грандіозностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и плѣняющая своимъ величіемъ и своимъ блескомъ.

«Право и справедливость» въ отношеніяхъ международныхъ также нуждаются въ охранѣ, какъ и въ отношеніяхъ индивидуальныхъ. Кн. Бисмаркъ не могъ понять и себѣ представить, *кто* ихъ будетъ охранять въ отношеніяхъ международныхъ. До утвержденія государственнаго союза существовали сотни и тысячи такихъ же Бисмарковъ своего вѣка, которые совершенно также никакъ не могли понять, кто будетъ охранять интересы и права частныхъ лицъ, если эти лица сами не будутъ ихъ охранять собственною вооруженною рукою. Кто имѣлъ эту собственную вооруженную руку, тотъ охранялъ не только свое право, но и свой произволъ и свое правонарушеніе. Господствовало кулачное право. Каждый баронъ имѣлъ свою фантазію, каждая колокольня своихъ патріотовъ. Рыцари грабили на дорогахъ; феодалы самовластно распоряжались жизнью, имуществомъ и честью безоружнаго населенія; города обставлялись стѣнами и пользовались своими силами, чтобы угнетать и обирать слабѣйшіе города... А Бисмарки того вѣка смѣялись надъ идеологами и опасными мечтателями, воображавшими, что возможно или желательно отмѣнить кулачное право. Его, однако, отмѣнили и оно отошло въ область печальныхъ преданій, о которыхъ человѣчество вспоминаетъ со стыдомъ и ужасомъ. Его отмѣнили утвержденіемъ государственнаго союза, т. е. соединеніемъ частныхъ лицъ въ установленный союзъ противъ нарушителей права, противъ послѣдователей кулачнаго права. Прошло нѣсколько вѣковъ и этотъ порядокъ уже никому не кажется чѣмъ-то особеннымъ. Предстоитъ теперь этотъ же порядокъ ввести и въ область международныхъ

отношеній, отмѣнивъ и здѣсь господство кулачнаго права, нынѣ невозбранно властвующаго, какъ ultima ratio при рѣшеніи международныхъ разногласій и споровъ. И предстоитъ это сдѣлать тѣмъ же путемъ, которымъ отмѣнено господство кулачнаго права въ индивидуальныхъ и междусословныхъ отношеніяхъ, путемъ соединенія цивилизованныхъ государствъ въ союзъ для совмѣстной договорной охраны установленнаго порядка и признанныхъ правъ и интересовъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ союзъ. Европейская гарантія дана Бельгіи, Швейцаріи, Турціи, отчасти Греціи. Остается дать эту гарантію всѣмъ государствамъ и признать нарушителя общимъ врагомъ, чтобы положить такую же прочную основу порядку и международному миру, какую государственная гарантія даетъ внутреннему порядку и внутреннему миру. Однажды эта комбинація осуществилась бы, она оказалась бы настолько выгодна для громаднаго большинства участвующихъ, что невозможно сомнѣваться въ общемъ желаніи ее поддержать и сохранить. И теперь европейская гарантія далеко не пустой звукъ, а очень солидное обезпеченіе. Между тѣмъ, въ случаѣ всеобщаго взаимнаго страхованія значеніе и сила гарантіи еще усилились бы и возросли.

Установленіе внутренняго порядка и мира не устраняетъ раздоровъ и споровъ между частными лицами. Имъ только не дано рѣшать ихъ силою. Они должны рѣшать ихъ или полюбовно, или судебнымъ порядкомъ, взвѣшивающимъ, на чьей сторонѣ находится право, какъ оно установлено государственными законами страны. Равнымъ образомъ, нельзя ожидать, чтобы съ установленіемъ международнаго союза, утверждающаго международный порядокъ и миръ, устранились всякія разногласія и споры между государствами. Они только не должны ихъ рѣшать войною. Подобно частнымъ лицамъ они должны рѣшать свои споры или полюбовно переговорами и посредничествомъ, или же судебнымъ порядкомъ. Установленіе института международнаго суда является поэтому второю задачею послѣ установленія взаимной международной гарантіи, причемъ эта гарантія должна быть дарована и судебнымъ рѣшеніямъ международнаго трибунала.

Международный судъ—дѣло вовсе не новое. Такіе суды пробовали еще учреждать греки для рѣшенія безконечныхъ раздоровъ между греческими республиками. Въ XVI—XVII вѣкѣ не однажды папы брали на себя роль судьи. Въ XIX вѣкѣ вошли въ обыкновеніе третейскіе суды. Споры между Англіей и Соединенными Штатами, между Англіей и Голландіей, между Германіей и Испаніей, между Англіей и Португаліей и, наконецъ, между Англіей и и Венецуэлой и между Италіей и Колумбіей улаживались при помощи третейскихъ судовъ. Въ 1896 году была сдѣлана попытка государственными людьми Англіи и Соединенныхъ Штатовъ отмѣнить во взаимныхъ отношеніяхъ право войны и установить разъ

навсегда судебный порядокъ для рѣшенія споровъ. Извѣстно, что американскій сенатъ отказалъ въ утвержденіи этого договора. Отказъ былъ вызванъ не сопротивленіемъ идеѣ договора, но недостатками этого договора. Весьма вѣроятно, что въ новомъ видѣ онъ будетъ предложенъ американскому сенату, если только его не замѣнитъ всеобщій договоръ на ту же тему. Парламенты Норвегіи и Даніи уже нѣсколько разъ высказывались за заключеніе подобныхъ трактатовъ съ другими, особенно сосѣдними государствами. Парламентъ Франціи вотировалъ подобную же резолюцію о такомъ трактатѣ съ Соединенными Штатами. Наконецъ, не далѣе іюля этого 1898 года Италія и Аргентина подписали на десять лѣтъ трактатъ, въ которомъ на этотъ срокъ отказываются во взаимныхъ отношеніяхъ отъ права войны и замѣняютъ войну судомъ, составленіе котораго и предвидится въ трактатѣ. Надо замѣтить, что въ Аргентину преимущественно направляется итальянская эмиграція и, слѣдовательно, споры между двумя правительствами легко возможны. Если къ этому прибавимъ, что вопросъ о международномъ судѣ обстоятельно разработанъ въ юридической литературѣ, то увидимъ, что мирный конгрессъ, если соберется, увидитъ передъ собою не общія мѣста и теоретическія разсужденія по вопросу о международномъ судѣ, но рядъ прецедентовъ, готовыя частныя соглашенія и тщательно разработанную юридическую сторону крупными авторитетами науки и практики. И общее соглашеніе, подобно аргентино-итальянскому, могло бы сначала состояться на срокъ. Что осуществлено между Италіей и Аргентиной, что проектировано между Англіей и Штатами, чего добиваются парламенты Даніи и Норвегіи, чего по отношенію къ Америкѣ желалъ парламентъ Франціи, что не однажды воплощалось въ частныхъ случаяхъ международныхъ судовъ, что наконецъ, служитъ темою изученія многихъ серьезныхъ авторитетовъ науки и практики, то не можетъ почитаться химерой и несбыточною мечтою, но должно быть поставлено на очередь самаго серьезнаго и добросовѣстнаго обсужденія. Изложенные факты показываютъ, что вопросъ созрѣлъ для такого обсужденія, если не для немедленнаго рѣшенія. Хотѣлось бы думать, что и для послѣдняго. Мы сейчасъ увидимъ, что единственно служитъ практическою помѣхою, но сначала еще одинъ вопросъ права.

Взаимная гарантія державъ замѣняетъ исполнительную власть государственнаго союза. Объ установленіи судебной власти мы только что говорили. Но судебная власть должна опираться на какое-либо положительное право. Источниками такого права до сихъ поръ служили единственно трактаты, заключенные тяжущимися сторонами, да имъ въ помощь, для ихъ толкованія, международные обычаи, собираемые юристами подъ именемъ международнаго права. Для начала ничего болѣе и не надобно. Но въ будущемъ предстоитъ кодификація международнаго права, санкція этого кодекса

конгрессомъ и установленіе порядка для дальнѣйшаго развитія международнаго права. На этой почвѣ едва-ли возможны серьезныя разногласія въ принципѣ; но на практикѣ при примѣненіи международнаго права въ томъ или другомъ случаѣ могутъ произойти прискорбныя столкновенія, если это лишь учеными кодифицированное международное право не будетъ санкціонировано соотвѣтствующимъ трактатомъ.

Мы сказали, что главнымъ источникомъ международнаго права служатъ трактаты, подписанные державами. Они и подлежатъ взаимной гарантіи. Ихъ же постановленія призваны охранять международный судъ. Однако, не всѣ эти трактаты могутъ почитаться справедливыми. Этими трактатами далеко не одинаково охраняются права, интересы и достоинство ихъ подписавшихъ сторонъ, которыя къ тому были вынуждены силою оружія. Эти стороны, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, не склонны окончательно, на вѣки, признать этотъ порядокъ, установленный силою и нарушающій ихъ права, интересы и достоинство. Мы уже видѣли этотъ примѣръ на вопросѣ объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Къ сожалѣнію, это не единственная зіяющая рана на тѣлѣ европейскаго человѣчества. Безславное угнетеніе христіанской райи турками, которыхъ господство Европа гарантировала трактатами; недоконченное строительство германскаго отечества; Italia irredenta; гнетущія впечатлѣнія національныхъ раздоровъ въ Австріи; польскій вопросъ, датско-шлезвигскій и цѣлый клубокъ колоніальныхъ споровъ, постоянно готовыхъ перейти въ открытое столкновеніе, таковы печальныя стороны европейскаго statu quo, препятствующіе разъ на вѣки признать его гарантированнымъ при помощи вышеупомянутаго взаимнаго страхованія европейскихъ державъ.

Мы не думаемъ входить въ анализъ всѣхъ этихъ больныхъ вопросовъ современности, но было бы неудобно совершенно пропустить ихъ въ этомъ обзорѣ проблеммы предстоящаго мирнаго конгресса, потому что едва-ли ему удастся избѣгнуть этой тревожной задачи. Анализъ этихъ вопросовъ потребовалъ-бы цѣлой книги, а не журнальной статьи. Однако, указаніе на основные принципы, которые могли бы быть приняты при ихъ разрѣшеніи, и общій взглядъ на направленіе, которое желательно было бы придать этой работѣ, если она когда нибудь будетъ предпринята не съ оружіемъ въ рукахъ, а на мирномъ совѣщаніи, ищущемъ права и справедливости и желающемъ устранить всякій поводъ къ войнѣ, такое указаніе и такой общій взглядъ вполнѣ умѣстны и даже необходимы для полноты нашего обзора великой проблеммы, нынѣ поставленной на очередь.

IV.

Для того, чтобы оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ тревожныхъ международныхъ вопросовъ и чтобы отдѣлить вопросы, хотя и важные, но не стоящіе непреодолимо поперекъ дороги мирнаго конгресса, отъ такихъ настоятельныхъ, безъ разрѣшенія которыхъ невозможно и помышлять объ умиротвореніи и разоруженіи, посмотримъ на statu quo и оцѣнимъ его съ точки зрѣнія каждой великой державы въ отдѣльности. Мелкія государства, кромѣ развѣ балканскихъ, готовы примириться съ statu quo ради безопасности, даруемой европейскою гарантіей. Итакъ, что̀ въ европейскомъ statu quo можетъ возбуждать справедливый и могущественный протестъ той или иной великой державы? Колоніальные вопросы мы разсмотримъ потомъ; сначала ограничимся территоріей Европы.

Менѣе всѣхъ имѣютъ основаніе быть недовольны современнымъ statu quo Англія и Россія. Онѣ, повидимому, не ищутъ пріобрѣтеній въ Европѣ и навѣрное въ нихъ не нуждаются. Онѣ обѣ считаютъ себя весьма заинтересованными въ наслѣдствѣ больного человѣка, менѣе всего склонны уступить это наслѣдство другъ другу и не желаютъ его видѣть въ рукахъ и какой либо другой великой державы. Это обстоятельство, какъ извѣстно, и является главною причиною, что больной человѣкъ все тянетъ свою несчастную жизнь, весь зараженный безпорядкомъ, неправдой и угнетеніемъ и постоянно угрожающій вызвать своимъ воспаленіемъ общеевропейское воспаленіе.

Только этотъ одинъ турецкій вопросъ и способенъ глубоко задѣвать Англію и Россію. Изъ европейскихъ вопросовъ за послѣднее полстолѣтіе только изъ-за него Россія и Англія обнажили оружіе и только изъ-за него же, по европейскимъ дѣламъ, онѣ способны и нынѣ обнажить оружіе. Однако, такъ какъ онѣ сами не ищутъ наслѣдства больного человѣка и такъ какъ этотъ больной человѣкъ можетъ быть не умерщвленъ Европою (это открыло бы опасный вопросъ о наслѣдствѣ), а только взятъ въ европейскій госпиталь, то, право, эта общеевропейская опека надъ Турціей могла бы благополучно разрѣшить вопросъ восточный, единственный, который могъ бы помѣшать Россіи и Англіи признать современное европейское statu quo окончательно установленнымъ порядкомъ. Опека должна быть полная и всесторонняя, финансовая и административная, съ распущеніемъ турецкой арміи, съ европейскими оккупаціями, гдѣ понадобится умиротвореніе и реформированіе. Франція такъ оккупировала въ 1858 году Сирію; Россія въ 1829 году такъ же оккупировала Молдавію и Валахію, а въ 1878 году—Болгарію. По умиротвореніи и введеніи порядка и реформъ оккупаціонныя войска удалились. То же слѣдуетъ ожидать и во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ въ будущемъ. Эта общая опека Европы представ-

ляется мнѣ единственнымъ такимъ рѣшеніемъ восточнаго вопроса, который могъ бы удовлетворить Россію, Англію, Австрію и Францію, т. е. всѣ заинтересованныя могущества. Это было бы осуществленіемъ для Турціи той программы равно для всѣхъ открытыхъ дверей, о которой мечтала Англія для Китая.

Гораздо труднѣе восточнаго вопроса чисто европейскіе вопросы. Для Франціи это вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи, для Германіи — о завершеніи германскаго объединенія. Вопросы эти представляются тѣсно связанными между собою. Покуда Франція ищетъ возврата Эльзаса и Лотарингіи, до тѣхъ поръ она никогда не согласится на расширеніе Германіи, ни на включеніе Люксембурга, ни на соединеніе съ нѣмецкою Австріей. Только возвращеніе французамъ Эльзаса и Лотарингіи, или точнѣе говоря, только предоставленіе самому населенію этихъ областей права рѣшить свою судьбу, развязало бы Германіи руки и дало бы ей возможность снова поставить на очередь вопросъ о завершеніи германскаго единства, иначе надолго безнадежно невозможнаго. Несправедливость германскаго господства надъ просвѣщеннымъ европейскимъ населеніемъ, не желающимъ этого господства, невыгодность этого господства, задерживающаго окончательное объединеніе Германіи, связывающаго Германію во всѣхъ пяти частяхъ свѣта и возлагающаго на нее непосильное военное бремя; наконецъ, явная невозможность на-вѣки удержать это господство, такъ какъ для каждой страны наступаютъ минуты потрясеній и экономическихъ затрудненій, минуты, зорко и съ нетерпѣніемъ выжидаемыя могучимъ, искуснымъ и настойчивымъ врагомъ по ту сторону Вогезовъ, вся эта цѣпь обстоятельствъ и условій постепенно въ теченіе трехъ десятилѣтій этого неправаго господства выяснилась до очевидности. Въ чемъ еще можно было сомнѣваться въ 1870 году, то представляется въ 1898 году внѣ всякихъ сомнѣній. И право, и выгода, и историческая необходимость одинаково должны бы подсказать нѣмцамъ своевременность пересмотра франкфуртскаго трактата 1871 года. Конечно, нѣмцы получили бы отъ Франціи соотвѣтственное вознагражденіе деньгами или колоніальными территоріями и еще болѣе цѣнное вознагражденіе отъ Европы дозволеніемъ на немедленное включеніе въ составъ Германіи великаго герцогства Люксембургскаго и на обсужденіе условій, при которыхъ возможно бы было и допустимо возвращеніе въ Германію и Австріи, исключенной изъ имперіи въ 1866 году.

Въ Эльзасъ-Лотарингіи около полутора милліона населенія, представленнаго въ рейхстагѣ пятнадцатью депутатами. Изъ нихъ десять неизмѣнно преданныхъ Франціи, два нейтральныхъ и три примкнувшихъ къ Германіи. Эти три избраны тремя нижне-эльзасскими округами, лежащими вдоль прусской и баварской границы и съ сѣвера прикасающимся къ округу Страсбурга, приславшаго депутата нейтральнаго, одинаково избраннаго нѣмцами и французами

противъ соціалиста. Второй нейтральный депутатъ — соціалистъ, избранный въ Мюльгаузенскомъ округѣ, въ самомъ центрѣ округовъ, неизмѣнно преданныхъ Франціи. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что Лотарингія и Верхній Эльзасъ тяготѣютъ къ Франціи и въ случаѣ опроса населенія несомнѣнно пожелаютъ возвратиться въ составъ французской республики. Это территорія съ населеніемъ приблизительно 1.000,000—1.100,000 жителей. Что касается Нижняго Эльзаса, то три округа, около 300 тысячъ населенія, вѣроятно, выскажутся за Германію. Серьезная избирательная борьба была бы только за Страсбургъ, гдѣ обѣ стороны имѣютъ шансы на успѣхъ. Итакъ, опросъ населенія Эльзаса и Лотарингіи угрожаетъ Германіи потерею населенія отъ одного милліона до милліона двухъ сотъ тысячъ при немедленномъ включеніи Люксембурга; населеніе свыше 400 тысячъ. Иначе говоря, самый неблагопріятный исходъ голосованія повлекъ бы, въ сущности, утрату лишь около половины пріобрѣтеннаго въ 1870 году, при самыхъ широкихъ перспективахъ въ будущемъ, при общемъ благословеніи народовъ за великодушное и благородное дѣло, при громадныхъ финансовыхъ и экономическихъ выгодахъ...

Мы говорили только что о возвращеніи Австріи въ составъ Германіи, откуда она была исключена близорукою политикою великаго Бисмарка въ 1866 году. Австрія теперь несомнѣнно самое больное мѣсто Германіи и всей Европы. Какъ ни трудны рѣшенія вопросовъ рейнскаго и восточнаго, трудности австрійскаго вопроса много значительнѣе. Австрія—великая держава, членъ тройственнаго союза. Всякая мирная комбинація должна имѣть въ виду ея сохраненіе и удовлетвореніе всѣхъ ея интересовъ. Между тѣмъ, доселѣ неизвѣстно, что такое сама Австрія и чѣмъ кончится болѣзненная эволюція, нынѣ ею переживаемая? Выйдетъ ли она изъ нея федераціей мелкихъ народностей, чеховъ, венгровъ, хорватовъ поляковъ, русиновъ, словинцевъ? Или же въ ней удержится система дуализма: Цислейтаніи съ нѣмецкимъ господствомъ и Транслейтанія, лишь персоною императора-короля связанной съ Цислейтаніей? Въ томъ и другомъ случаѣ значительная часть Австріи будетъ стремиться къ возсоединенію съ Германіей. Въ первомъ случаѣ это будутъ, такъ называемыя, наслѣдственныя земли (два эрцгерцогства Нижней и Верхней Австріи, Тироль, Зальцбургъ, Штирія, Каринтія и береговыя земли), территорія съ населеніемъ около 7 — $7^1/_2$ милліоновъ, изъ коихъ безъ малаго два милліона словинцевъ, хорватовъ и итальянцевъ и до $5^1/_2$ милліоновъ нѣмцевъ. При предполагаемомъ случаѣ торжества федералисткаго движенія, эти земли составили бы собою нѣмецкій элементъ Габсбургскихъ владѣній и, оставаясь подъ скипетромъ Габсбурговъ, могли бы войти въ составъ Германіи, сохраняя лишь персональную унію съ остальною славяно-мадьярскою федеративною монархіей. Эта славяно-мадьярская федеративная монархія могла бы жить своею

собственною національною жизнью, создавала бы свою собственную національную культуру или медленно, безъ насилія и угнетенія, принимала бы одну изъ сосѣднихъ великихъ національныхъ культуръ, нѣмецкую, латинскую или русскую. Военный же союзъ этой федеративной державы съ Германіей явился бы только продолженіемъ факта и нынѣ существующаго и всѣми терпимаго. Но федерація это лишь одинъ изъ возможныхъ исходовъ нынѣшней австрійской эволюціи. Возрожденіе дуализма никакъ не менѣе вѣроятно при нынѣшнихъ смутныхъ и неясныхъ обстоятельствахъ. Тогда Цислейтанія (безъ Галиціи, Буковины и Далмаціи, какъ того желаютъ сами дуалисты) представила бы страну съ населеніемъ въ 15—16 милліоновъ, изъ которыхъ были бы 8½ милліоновъ нѣмцевъ, ½ милліона итальянцевъ, ½ милліона евреевъ и до 6½ милліоновъ славянъ (чеховъ, поляковъ, словинцевъ и хорватовъ). Эта комбинація тоже обезпечила бы въ Цислейтаніи нѣмецкое господство, и тогда вся эта страна потянула бы къ Германіи. Далмація, вѣроятно, была бы включена въ составъ Хорваціи, какъ того давно желаютъ и далматинцы и хорваты, а Галиція могла бы стать къ Венгріи въ отношенія, аналогичныя нынѣшнему положенію Хорваціи. А затѣмъ эта Венгрія съ автономными Хорваціей и Галиціей сохраняла бы подъ скипетромъ Габсбурговъ такую же персональную унію съ Цислейтаніей, какъ въ случаѣ торжества федерализма вся федеративная габсбургская монархія съ наслѣдственными землями. Можно еще ожидать и третьяго исхода нынѣшней австрійской неурядицы, именно распаденія монархіи, но это маловѣроятное разрѣшеніе кризиса, къ тому же не осложняющее, а упрощающее его съ международной точки зрѣнія.

Какое бы ни оказалось, въ концѣ концовъ, рѣшеніе австрійскаго кризиса, оно еще далеко отъ вожделѣннаго конца и, обсуждая вопросъ объ окончательномъ территоріальномъ устроеніи германской имперіи, Европа еще не знаетъ той площади изъ состава австрійской имперіи, которая можетъ быть поглощена Германіей. Это не Венгрія съ Хорваціей; это не Галиція съ Буковиной; вѣроятно, это и не Далмація... Но затѣмъ только ли наслѣдственныя габсбургскія земли или же еще земли короны Св. Вячеслава, семь милліоновъ или пятнадцать, — этого теперь никто не можетъ ни предвидѣть, ни даже гадать съ какою нибудь вѣроятностью... Достовѣрно, что рано или поздно часть Австріи войдетъ и должна войти въ составъ объединенной Германіи. Достовѣрно, что таково общее желаніе восьми съ половиною милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ и такова же главная задача германской политики. Не гарантировавъ нѣмцамъ, что на этомъ пути они не встрѣтятъ могущественнаго европейскаго veto, невозможно отъ нихъ требовать ни разоруженія, ни освобожденія Эльзаса и Лотарингіи. Съ другой стороны, въ настоящемъ фазисѣ австрійскихъ дѣлъ возбужденіе этого вопроса и несвоевременно, и не было бы допущено самою Австріей.

Остается открыть широкія двери для свободнаго рѣшенія этого вопроса въ будущемъ. Федерализмъ, дуализмъ или распаденіе — это внутренній вопросъ Австро-Венгріи и не подлежитъ никакому международному контролю. Быть можетъ, не все будетъ справедливо въ этомъ рѣшеніи, но гдѣ же въ другихъ странахъ все справедливо? Вспомнимъ ирландскіе протесты противъ англійскаго угнетенія, нескончаемую тяжбу между норвежцами и шведами, нѣмецкое господство надъ датчанами и поляками... Распространить свою компетенцію на всѣ эти внутренніе вопросы конгрессъ не могъ бы, не скомпрометировавъ въ корень дѣло мира, ради котораго онъ собирается *). Поэтому, не его дѣло и заниматься будущей судьбою австрійскихъ народовъ, поскольку это не нарушаетъ международнаго statu quo. Но федеративная дуалистическая или расчленившаяся, Австрія всегда будетъ заключать болѣе или менѣе значительную территорію, которая раньше или позже должна войти въ составъ германской имперіи. Какъ это случится, никто не знаетъ, но всѣ знаютъ, что это будетъ и что для осуществленія этого нѣмцы не остановятся ни передъ какою жертвою, ни передъ какою войною.

Эти разсужденія насъ привели, повидимому, въ глухой переулокъ, изъ котораго нѣтъ покуда выхода и не будетъ выхода до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится наконецъ австрійскій кризисъ. Съ одной стороны, едва ли скоро можно ожидать окончательнаго разрѣшенія кризиса, а, съ другой стороны, разоруженіе невозможно, покуда Германія не получитъ твердыхъ гарантій, что Европа не поставитъ препятствія завершенію германскаго объединенія возсоединіемъ австро-нѣмецкихъ владѣній. Въ настоящее время Европа не можетъ дать такой гарантіи, потому что первая Австрія запротестовала бы противъ нея, усмотрѣвъ въ ней посягательство на свою независимость. Намъ кажется, однако, что исходъ можетъ быть найденъ, если бы конгрессъ призналъ право за всѣми независимыми государствами сливаться другъ съ другомъ вполнѣ или частью своей территоріи, конечно, подъ условіемъ вполнѣ добровольнаго и свободнаго соглашенія. Если бы признаніе этого права повлекло, напримѣръ, соединеніе Румыніи, Болгаріи и Сербіи въ одну федерацію, то это было бы только желательно. Если бы возникла такая же скандинавская федерація, то кому бы это могло мѣшать? Опасенія могла бы возбудить лишь возможность добровольнаго присоединенія тѣхъ или иныхъ балканскихъ государствъ къ

*) Вспомнимъ только, что отложенное не есть потерянное и что право и справедливость въ отношеніяхъ внутреннихъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ торжествуютъ гораздо скорѣе, нежели въ отношеніяхъ международныхъ. Такимъ образомъ, вышенаписанныя строки вовсе не осуждаютъ внутреннія несправедливости на вѣчное существованіе. Онѣ и впредь будутъ устраняться, какъ и доселѣ: путемъ внутренняго прогресса, или новыхъ международныхъ соглашеній.

Россіи, Австріи или Англіи (напр. Греціи, Крита, Самоса), но это могло бы быть трактатомъ предвидѣно и, ради общаго умиротворенія, эти державы, какъ и другія, могли бы отказаться отъ всякихъ новыхъ пріобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ.

Мнѣ кажется, въ указанномъ здѣсь направленіи могли бы, къ общей выгодѣ и безъ нарушенія чьихъ либо правъ или достоинства, быть рѣшены всѣ тѣ *европейскіе* вопросы, которые серьезно затрогиваютъ Англію, Россію, Францію, Германію и Австрію. Остается Италія. Для нея жизненный вопросъ—гарантировать себя противъ всякаго нападенія съ цѣлью возстановить свѣтскую власть папы. Австрія уже участвуетъ въ тройственномъ союзѣ и тѣмъ дала такую гарантію Италіи. Не Франція въ ней откажетъ своимъ латинскимъ соплеменникамъ, а некатолическія правительства Англіи, Россіи и Германіи тѣмъ менѣе *). Italia irredenta—другой вопросъ, волнующій итальянцевъ. Это Тріестъ и Южный Тироль для однихъ, Ницца и Савоя—для другихъ. Вступленіе Италіи въ тройственный союзъ доказываетъ, что отъ перваго притязанія она отказалась, а второе, никогда, впрочемъ, громко не высказываемое, лишено почвы уже потому, что присоединеніе этихъ провинцій къ Франціи въ 1860 году совершилось съ согласія населенія, которое своимъ голосованіемъ передало себя Франціи. Къ тому же савояры отнюдь не итальянцы, а провансальцы. Въ маленькой же пограничной Ниццѣ итальянцы составляютъ едва половину, нисколько не тяготѣющую къ итальянскому отечеству, что доказывается отсутствіемъ итальянской партіи не только въ парижскомъ парламентѣ, но и въ мѣстномъ генеральномъ совѣтѣ. Это вопросъ, созданный незаконными аппетитами криспинскаго режима и подлежащій забвенію съ первою вѣстью объ истинномъ прочномъ мирѣ. Что касается истраченныхъ десяти миллиардовъ, то вѣдь и всѣ остальныя державы тратили еще больше. Если бы всѣ онѣ предъявили счета, то кто платилъ бы? Очень сожалѣнія достойно, что эти десятки миллиардовъ погибли непроизводительно. Благоразумнѣе думать не объ ихъ возвращеніи цѣною проблематическихъ успѣховъ на войнѣ, а о прекращеніи этихъ безумныхъ тратъ въ будущемъ.

Мы теперь стоимъ передъ колоніальными вопросами. Западно-африканскіе вопросы регулированы между Англіей, Франціей и Германіей. Въ послѣднее время появилось извѣстіе о такомъ же регулированіи южно-африканскихъ вопросовъ между Англіей и Германіей. Конгрессъ могъ бы санкціонировать и гарантировать эти соглашенія. Остаются вопросы сѣверной Африки и Азіи, Китай, Корея, Сіамъ, Персія, Аравія, Египетъ, Марокко... А что если ко всѣмъ этимъ странамъ примѣнить вышесказанную систему опеки

*) Гарантируя Италію отъ всякаго крестоваго похода изъ-за возстановленія свѣтской власти папы, Европа могла бы гарантировать и тѣ законы, коими сама Италія обезпечила духовную власть папы.

(для Турціи). Это была бы столь рекомендованная англичанами политика открытыхъ дверей, потому что всѣ цивилизованные народы получили бы одинаковое право участвовать въ экономическомъ развитіи этихъ обширныхъ странъ, а европейскій концертъ установилъ бы безопасность и даровалъ бы возможность прогресса угнетеннымъ народамъ. Для дальняго Востока могло бы понадобиться сотрудничество Америки. Проблема громадная и тяжелая, но столько же достойная цивилизованнаго человѣчества, сколько во всѣхъ отношеніяхъ многое ему обѣщающая.

Набросавъ эту картину возможныхъ рѣшеній для больныхъ вопросовъ современности, мы не разсчитываемъ, чтобы она уже осуществилась на ближайшемъ конгрессѣ мира. Хорошо, если проблема будетъ серьезно поставлена, вооруженное рѣшеніе въ этихъ видахъ отсрочено и дано время добросовѣстно обсудить великое дѣло всеобщаго мира и разоруженія. Это наибольшее, чего можно ожидать отъ предстоящей конференціи. Къ сожалѣнію, не такъ мало вѣроятія, что будутъ правы пессимисты, предсказывающіе полный крахъ дѣлу конгресса. Можно одно утверждать, что самыя искреннія пожеланія всѣхъ народовъ будутъ сопровождать дѣятельность конгресса.

V.

Истекшій мѣсяцъ богатъ политическими событіями во всѣхъ частяхъ свѣта. Наибольшее впечатлѣніе произвело убійство императрицы австрійской Елизаветы въ Женевѣ рукою итальянскаго анархиста Луккени. Полное неучастіе императрицы Елизаветы въ политическихъ дѣлахъ и уединенная ея жизнь, не создавшая ей личныхъ враговъ, только прибавляютъ и усиливаютъ глубину впечатлѣнія, производимаго ея трагическою кончиною. Если Луккени имѣлъ въ виду только такое впечатлѣніе и ничего больше, то онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Изъ многихъ анархистскихъ покушеній послѣднихъ лѣтъ ни одно не производило такого впечатлѣнія и не приводило человѣчество въ столь полное недоумѣніе передъ цѣлью и смысломъ этого непонятнаго преступленія... Впрочемъ, о цѣли говорить еще рано, потому что слѣдствіе еще продолжается. Арестъ Джермени, редактора анархистской газеты въ Невшателѣ, вмѣстѣ съ тремя другими его сотрудниками, заставляетъ предполагать не единичное покушеніе, а заговоръ, или по крайней мѣрѣ подозрѣніе такого заговора. Судъ надъ Луккени и его сообщниками, если таковые окажутся, выяснитъ намъ подкладку этого событія. Вѣроятно, тогда мы вернемся къ нему. Къ тому времени, надо думать, выяснится и результатъ итальянскаго предложенія о выработкѣ правительствами общаго плана борьбы съ анархизмомъ.

Удививъ міръ своей рѣчью въ Портѣ, императоръ Вильгельмъ не менѣе того удивилъ и Германію, произнесъ рѣчь въ Эйнгау-

зенѣ, другомъ городѣ Вестфаліи. Эта другая вестфальская рѣчь августѣйшаго оратора, обращенная къ представителямъ крупной промышленности, заключалась въ рѣзкомъ осужденіи рабочихъ стачекъ и въ обѣщаніи скоро внести въ рейхстагъ проектъ закона о наказаніи каторжными работами за подстрекательство къ стачкамъ и за насильственное удерживаніе отъ работъ лицъ, желающихъ возобновить работы. Надо замѣтить, что названныя Вильгельмомъ дѣянія и теперь признаются германскими законами за преступленія, наказуемыя тюремнымъ заключеніемъ. Обѣщаніе императора сводится къ огромному усиленію наказанія. Однако, обѣщаніе это испугало не столько рабочихъ, сколько крупныхъ промышленниковъ, которые совершенно справедливо увидѣли въ немъ новое острое орудіе для соціалистической пропаганды. Вся національно-либеральная, умѣренно-консервативная и клерикальная печать единодушно возстала противъ иниціативы императора. Приготовленный законопроектъ не имѣетъ никакихъ шансовъ быть принятымъ въ рейхстагѣ, но соціалисты уже успѣли имъ воспользоваться въ цѣляхъ своей пропаганды, указывая, что слова Вильгельма II раскрыли желанія, присущія всѣмъ господствующимъ классамъ, которыя только изъ страха ихъ скрываютъ.

Эта нервная перемѣнчивость настроеній и намѣреній Вильгельма сказывается одинаково во внутренней и во внѣшней политикѣ. Недавно состоявшееся англо-германское соглашеніе можетъ служить тоже примѣромъ этой нервности руководителя германской политики, еще недавно столь враждебнаго соглашенію съ Англіей. Въ чемъ заключается это соглашеніе, еще подлинно неизвѣстно. По наиболѣе распространенной версіи оно касается Южной Африки. Англія будто бы признала независимость Трансвааля, а Германія согласилась на пріобрѣтеніе Англіей бухты Делагоса, которую Португалія давно уступила бы, если бы не эти англо-германскія пререканія... Кажется нельзя сомнѣваться, что нѣчто въ этомъ родѣ заключается въ англо-германскомъ соглашеніи, но ограничивается ли оно этими южно-африканскими дѣлами, или касается и другихъ, извѣстія очень расходятся. Говорятъ и объ Египтѣ, и о Китаѣ, и даже о Сиріи. Достовѣрно узнаемъ, когда откроются засѣданія англійскаго парламента. Во всякомъ случаѣ соглашеніе это пришлось Англіи очень кстати, особенно если въ самомъ дѣлѣ оно касается и Египта. Рѣшительная побѣда генерала Киченера надъ Омдурманскимъ калифомъ, взятіе его столицы и уничтоженіе его арміи только выигрываютъ въ своемъ значеніи отъ заключенія англо-германскаго соглашенія. Только внезапное извѣстіе о занятіи французами Фашоды на Нилѣ выше Омдурмана сильно омрачило радость англичанъ. Они этого менѣе всего ожидали. Французскій отрядъ майора Маршана шелъ отъ береговъ Атлантическаго океана и опередилъ и Киченера, шедшаго изъ Египта, и Мак-Дональда, двигавшагося съ юга изъ страны Великихъ Озеръ. Англійская пресса очень опеча-

лена этимъ tour de force французскаго майора. Она даже угрожала войною. Будемъ надѣяться, что дѣло ограничится переговорами и будетъ также благополучно и мирно приведено къ согласію, какъ и дѣло о Нигерѣ въ прошломъ году. Англійскіе журналисты и тогда очень охотно садились на коня и выступали въ походъ. Фашода несомнѣнно принадлежала Египту съ 1837 года, но если самъ Каиръ оккупированъ англичанами, а Массова, тоже несомнѣнно принадлежавшая Египту, итальянцами, то почему Фашодѣ не быть оккупированной французами? Впрочемъ, вопросъ еще не выяснился и мы и о немъ отложимъ бесѣду.

Фашода нужна англичанамъ, потому что они мечтаютъ имѣть непрерывное по собственной территоріи соединеніе Египта и Капландіи, этихъ важнѣйшихъ пунктовъ необъятной англо-африканской имперіи, создаваемой нынѣ британцами. Съ этой точки зрѣнія не лишены интереса недавно происходившіе законодательные выборы въ Капландіи. Со времени введенія Гладстономъ полной автономіи этой колоніи, здѣсь совершенно прекратилась, было, прежде очень острая національная борьба между голландскими и англійскими колонистами. Однако, враждебная голландскимъ республикамъ Оранжа и Трансвааля политика Чемберлена и Родса снова пробудила этотъ антагонизмъ, было совершенно угасшій. Настоящіе выборы и происходили на почвѣ этого печальнаго антагонизма. Партія Сесиля Родса потерпѣла пораженіе и новый парламентъ получилъ голландское большинство.

Много и другихъ интересныхъ и важныхъ событій волновало міръ въ отчетный мѣсяцъ: критское кровавое столкновеніе, развитіе дрейфусовскаго кризиса во Франціи, Чили-аргентинское столкновеніе, возобновившееся столкновеніе между Италіей и Колумбіей, продолжающаяся великодержавная борьба въ Китаѣ... Для мертваго сезона это даже слишкомъ и эта усиленная пульсація исторической жизни показываетъ обиліе скопившихся горючихъ матеріаловъ и лучше всего доказываетъ настоятельность ихъ удаленія съ общаго согласія.

С. Южаковъ.

По поводу доклада священника Блинова.

(Новые факты изъ области человѣческихъ жертвоприношеній).

24 августа на кіевскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей вятскій священникъ Н. Н. Блиновъ прочиталъ докладъ о религіи вотяковъ, а въ бесѣдѣ, вызванной этимъ докладомъ, коснулся, между прочимъ, вопроса о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. «Читатели, конечно, помнятъ,—пишутъ по этому поводу въ «Кіевскомъ Словѣ» (25 августа),—какое сильное волненіе вызвалъ во всемъ русскомъ интеллигентномъ обществѣ этотъ процессъ. Цѣлая народность, хотя и немногочисленная, обвинена въ чудовищномъ преступленіи—принесеніи своимъ языческимъ богамъ человѣческой жертвы... Защита вотяковъ привела къ тому, что судъ, въ концѣ концовъ, вынесъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ... Но вотъ, на X съѣздѣ естествоиспытателей и врачей изъ глубины Вятской губ. является священникъ Блиновъ и категорически (!) утверждаетъ, что человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ дѣйствительно существуютъ... Понятно, съ какимъ глубокимъ интересомъ слушала его аудиторія».

Понятно также, что теперь докладъ о. Блинова обошелъ уже или обходитъ всю русскую прессу, и передо мною куча газетъ, повторяющихъ или комментирующихъ данныя этого «ученаго» доклада. Перечитывая ихъ, я вижу, что въ своей бесѣдѣ почтенный докладчикъ счелъ нужнымъ упомянуть мое имя, хотя и съ лестными эпитетами, но при такихъ, однако, условіяхъ, которыя подаютъ поводъ къ недоумѣніямъ въ публикѣ и къ самымъ неудобнымъ для меня толкованіямъ въ нѣкоторой части прессы. А такъ какъ и самое содержаніе «бесѣды» о. Блинова также подаетъ поводъ къ весьма существеннымъ недоумѣніямъ, то я вижу себя вынужденнымъ взяться за перо, чтобы сказать нѣсколько словъ по этому предмету.

Прежде всего pro domo. «На съѣздѣ выяснилось, между прочимъ,—читаю я уже въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (№ 235),—что во время мултанскаго дѣла о. Блиновъ не выступалъ ни за, ни противъ вотяковъ». И виною того, что это дѣло лишилось столь компетентнаго и авторитетнаго эксперта, оказываюсь я,—В. Г. Короленко. Дѣло въ томъ, что «онъ (т. е. о. Блиновъ) написалъ письмо В. Г. Короленко, что тотъ заблуждается, отрицая такъ страстно наличность и даже возможность (?) человѣческой жертвы у вотяковъ. Почтенный писатель, будто бы, отвѣтилъ, что въ настоящее время (т. е. тогда) рѣчь идетъ о томъ, чтобы оправдать

ни въ чемъ неповинныхъ темныхъ вотяковъ; выясненіемъ же вопроса о возможности у вотяковъ человѣческаго жертвоприношенія вообще придется заняться впослѣдствіи».

Прежде всего, долженъ оговориться, что о «возможности» или «невозможности» человѣческихъ жертвоприношеній я О. Блинову не писалъ. «Все возможно въ этомъ мірѣ»—въ этомъ мои оппоненты несомнѣнно правы. Возможно ли, чтобы въ томъ или другомъ, скажемъ, департаментѣ, образовалась шайка грабителей, которые, положимъ, и стали бы заниматься грабежомъ, скрывая поличное въ канцелярскихъ шкафахъ? Это мыслимо, скажете вы, но невѣроятно. Вы бывали въ канцеляріяхъ, знаете ихъ составъ, и наконецъ, условія ихъ занятій... Но что, если бы противники, не слушая этихъ резоновъ, стали васъ обвинять въ томъ, что вы не допускаете «самой возможности», чтобы чиновникъ занялся предосудительнымъ ремесломъ, и на этомъ сосредоточили бы споръ? И вамъ стали бы приводить отдѣльные случаи предосудительныхъ поступковъ не только мелкихъ чиновниковъ, но даже дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ... И разные глубокомысленные люди стали бы мотать головами: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, отрицать «даже возможность»...

Такъ вотъ, во 1-хъ, и я ни о какой «самой возможности» не говорилъ. Наоборотъ, когда мои товарищи провинціальные корреспонденты прислали мнѣ первый газетный отчетъ, гдѣ нѣсколько десятковъ свидѣтелей обвиненія, подбиравшіеся въ теченіе 2½ лѣтъ, говорили довольно согласно разныя мрачныя вещи, то вначалѣ я и самъ весьма сомнѣвался въ невинности вотяковъ. Но затѣмъ, изучивъ тщательно характеръ обвинительнаго акта, переполненнаго непозволительными и доказанными впослѣдствіи «неточностями», *) а также познакомившись на мѣстѣ со всѣми обстоятельствами дѣла и перечитавъ неособенно богатую литературу вопроса, я пришелъ къ глубокому убѣжденію въ томъ, что обвиняемые—сами жертвы своего рода «человѣческаго жертвоприношенія» и что религія ихъ «не требуетъ человѣческой жертвы»,—слова эксперта, тоже (какъ и о. Блиновъ)—вятскаго священника Верещагина. Итакъ, я говорилъ лишь о существованіи или несуществованіи даннаго явленія въ данной средѣ и въ данное время, оставляя вопросъ о «возможностяхъ» вообще Кифѣ Мокіевичу и философамъ той же школы...

Однако, дѣло, конечно, и не въ этой неточности. Сообщеніе Н. Н. Блинова о нашей перепискѣ есть одна сплошная неточность, кидающая на меня, какъ на профессіональнаго писателя (и лишь случайнаго адвоката въ единственномъ дѣлѣ) самую невыгодную тѣнь. Въ самомъ дѣлѣ, изъ цитированнаго выше сообщенія о. Блинова слѣдуетъ какъ будто, что я, во 1-хъ, страстно доказывая въ печати «невозможность» человѣческихъ жертвоприношеній, самъ въ то же

*) См. объ этомъ «Новое Время», мое письмо въ редакцію 23 янв. 1896, № 7149.

время считалъ этотъ вопросъ еще открытымъ; во 2-хъ, что, опасаясь вліянія взглядовъ о. Блинова, я старался въ его лицѣ зажать ротъ одному изъ сильныхъ приверженцевъ противоположнаго мнѣнія и значитъ, въ 3-хъ, что вообще я въ этомъ случаѣ сдѣлалъ печатное слово адвокатскимъ орудіемъ въ степени, далеко не соотвѣтствующей искренности и достоинству профессіональнаго писателя.

Этотъ упрекъ, въ болѣе или менѣе замаскированномъ видѣ, я встрѣчаю уже не впервые въ печати. «Слухи и толки» самаго невѣжественнаго свойства огромная сила. Мнѣ невольно вспоминается теперь одинъ эпизодъ. Во время елабужскаго (значитъ второго) разбирательства, по окончаніи судебнаго слѣдствія былъ объявленъ перерывъ, и я съ защитникомъ М. I. Дрягинымъ (которому должна быть приписана главная заслуга въ дѣлѣ мултанцевъ) вышли, чтобы прогуляться по городу и нѣсколько отряхнуться отъ мрачныхъ впечатлѣній процесса. На одной изъ пустынныхъ улицъ Елабуги намъ попался мальчишка извозчикъ, и мы рѣшили проѣхаться за городъ.

— Откуда ты?—спросилъ я у нашего возницы.

— Изъ N (онъ назвалъ село Елабужскаго уѣзда).

— Не вотякъ?

— Нѣту-у...,—отвѣтилъ онъ, растягивая слова чисто по вотски, что и подало поводъ къ моему вопросу.—У насъ ихъ и по близости нѣту...

И черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Я ихъ боюся... Сказываютъ,—людей рѣжутъ они.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что страхъ мальчишки, не знавшаго вотяковъ, былъ уже производнымъ отъ четырехлѣтняго мултанскаго процесса.

— Вотъ что погубитъ мултанцевъ,—сказалъ М. I. Дрягинъ, печально пожимая плечами. И дѣйствительно, присяжные, подавленные массой односторонне-обвинительныхъ слуховъ и толковъ, которые были тѣмъ болѣе мрачны, чѣмъ менѣе въ нихъ было точности и опредѣленныхъ указаній—вынесли въ Елабугѣ обвинительный приговоръ всѣмъ безъ исключенія подсудимымъ, что,—я хорошо помню,—поразило даже обвинителя.

Обвиненіе въ мултанскомъ дѣлѣ хорошо чувствовало силу этого элемента и на третьемъ разбирательствѣ (назначенномъ въ Мамадышѣ, т. е. на границѣ того же Малмыжскаго уѣзда, въ самомъ очагѣ «толковъ и слуховъ») одиннадцать новыхъ свидѣтелей, со стороны обвиненія главнымъ образомъ, дали опять цѣлую серію «слуховъ и толковъ»,—къ счастью, впрочемъ, уже явно абсурднаго характера, совершенно скомпрометировавшаго обвиненіе. Затѣмъ, усиленіе защиты, а также нѣкоторыя новыя обстоятельства, раскрытыя разспросами Н. П. Карабчевскаго,—измѣнили картину, и приговоръ послѣдовалъ оправдательный. Казалось, послѣ этого атмосфера «неизвѣстно откуда исходящихъ толковъ и слуховъ» значительно разсѣялась. Печать единодушно привѣтствовала

этотъ исходъ, и можно было думать, что вопросъ о самомъ существованіи человѣческихъ жертвоприношеній среди вотяковъ, если совсѣмъ не сойдетъ со сцены, то во всякомъ случаѣ будетъ уже поставленъ на дѣйствительно научную почву, а толки и слухи вынуждены будутъ появляться впредь въ сопровожденіи критики, опредѣленныхъ указаній и доказательствъ.

Но это только казалось. Уже по истеченіи самаго короткаго времени «слухи и толки» опять заняли свое мѣсто даже на страницахъ газетъ и нѣкоторыхъ журналовъ. Если не ошибаюсь, починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ г-ну Дѣдлову изъ «Недѣли». «Недѣля» въ свое время тоже привѣтствовала рѣшеніе присяжныхъ, разсѣявшее инквизиціонный кошмаръ, а г. Дѣдловъ печаталъ лично по моему адресу разные комплименты. Но вотъ, вскорѣ послѣ этого онъ попадаетъ мимоѣздомъ въ гор. Сарапулъ. Въ городѣ Сарапулѣ есть клубъ, а въ клубѣ есть лакей, который и поднесъ г-ну Дѣдлову цѣлый букетъ «слуховъ и толковъ». Разумѣется, лакей могъ быть вполнѣ искреннимъ и очень почтеннымъ человѣкомъ, но что же новаго узналъ отъ него г. Дѣдловъ? Что въ вятскомъ краѣ ходятъ слухи и толки, которые, однако, по провѣркѣ, напр., въ мултанскомъ дѣлѣ, гдѣ они выступили во всеоружіи, оказались вполнѣ несостоятельными. Казалось бы, кромѣ вопроса и новой критики едва ли заслуживалъ чего нибудь большаго и авторитетъ клубнаго лакея. Но г. Дѣдловъ быстро становится на его сторону. «Можетъ быть,—пишетъ онъ, защитники на этотъ разъ совершенно правы. Можетъ быть ихъ мултанскіе кліенты никого не убивали (спасибо и за это послѣ оправдательнаго вердикта!). Но почему, зачѣмъ отрицать возможность (опять «возможность»!) человѣческихъ жертвъ, вопреки народному мнѣнію». Вопросъ, на который очень легко отвѣтить. Говорятъ, одного изъ генераловъ Людовика XIV обвинили въ томъ, что онъ не отдалъ артиллеріи приказа стрѣлять, когда это было необходимо. Когда король потребовалъ у генерала объясненія, тотъ началъ такъ: «у меня есть тысячи причинъ, ваше величество. Во 1-хъ, не было ни зерна пороху...»—«Довольно, сказалъ король. Докажи мнѣ эту единственную причину, и не надо остальныхъ». Г. Дѣдловъ гораздо строже Людовика. Я легко могъ бы отвѣтить на его вопросъ—«почему и зачѣмъ»? Потому, что я вмѣстѣ съ очень почтенными изслѣдователями вотскаго быта (и притомъ уроженцами вятскаго края, какъ и клубный лакей),—глубоко убѣжденъ въ томъ, что человѣческихъ жертвъ у вотяковъ нѣтъ, и представлялъ посильныя доказательства этому своему убѣжденію, которыя успѣли убѣдить часть прессы и присяжныхъ. Пока эти доказательства вами не опровергнуты, вы не вправѣ подозрѣвать искренность моего убѣжденія; народная молва—не доказательство съ вашей стороны, потому что народная молва приписывала человѣческія жертвы даже христіанамъ первыхъ вѣковъ. Но г. Дѣдловъ недоступенъ этимъ простымъ требованіямъ самой элементарнѣйшей житейской порядоч-

ности. И посмотрите, съ какой развязностію этотъ господинъ суетъ свою «смѣлую» руку въ мою душу и начинаетъ въ ней распоряжаться, докапываясь непремѣнно низкихъ и дрянныхъ побужденій... По его мнѣнію, я могъ дѣйствовать такъ, какъ я дѣйствовалъ, лишь «для поэзіи, для эффекта, для геройничества (sic!). Для того, чтобы произнести нѣсколько словъ объ угнетенномъ племени, о достоинствѣ Россіи...» и т. д. Послушайте, однако, господинъ Дѣдловъ, что я вамъ скажу. Вотъ вы ѣздите по Россіи и мимоходомъ вамъ случается писать восторженныя статьи о генералахъ разныхъ ранговъ. Что, если бы я, увлекшись вашимъ примѣромъ, сталъ васъ допрашивать «почему, зачѣмъ?» и откапывать непремѣнно гадкія, низенькія и дрянныя побужденія. Не сказали ли бы вы мнѣ: «какое вы имѣете право читать въ моей душѣ и какія у васъ доказательства? И неужели нельзя похвалить генерала безъ того, чтобы не вызвать низкія подозрѣнія?» Такъ вотъ и я спрашиваю у васъ, г. Дѣдловъ: какія же у васъ основанія читать въ моей душѣ? Неужели только то, что вы подобно гоголевскому Тентетникову пишете о генералахъ, а я осмѣлился приводить резоны въ пользу вотяковъ, которые не умѣютъ заступиться не только уже за меня, но и за себя...

Я долго оставлялъ безъ отвѣта и г. Дѣдлова, и много другихъ господъ, которыхъ «толки и слухи» и «народная молва» вдохновляли на разныя инсинуаціи по моему личному адресу. Я полагалъ, что теперь, когда вопросъ потерялъ свою остроту и страстность,— люди науки, sine ira et studio, приступятъ къ разбору тѣхъ и другихъ собственно этнографическихъ мнѣній, подвергнутъ критикѣ, а можетъ быть и изслѣдованію «толки и слухи». Мнѣ лично, по многимъ причинамъ, было бы гораздо пріятнѣе остаться въ сторонѣ въ этомъ (полагалъ я) чисто научномъ спорѣ. Къ сожалѣнію, неосторожное (вполнѣ убѣжденъ, что именно неосторожное) упоминаніе Н. Н. Блинова о моей съ нимъ перепискѣ подаетъ уже болѣе осязательный поводъ для разговоровъ во вкусѣ г. Дѣдлова, направленныхъ по моему адресу и обязывающихъ меня къ отвѣту. Такъ «Московскія Вѣдомости», цитируя (изъ 509 № газ. «Народъ») извѣстіе о докладѣ Н. Н. Блинова, снабжаютъ цитату слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Факты, сообщенные отцомъ Блиновымъ, весьма краснорѣчивы, и надо удивляться только стараніямъ нашего либерализма закрывать глаза на всякія преступленія, если только они совершаются инородцами». Это по адресу либерализма, а вотъ что говоритъ газета уже прямо по моему личному адресу: «Когда надѣлавшее не мало шума мултанское дѣло подняло вопросъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ среди вотяковъ, всполошивъ всю администрацію и русское общество, защитникомъ вотяковъ выступилъ г. Короленко. Дѣло это, *благодаря ему*, *заглохло*, оставивъ подъ сомнѣніемъ вопросъ о фактѣ совершившагося въ Мултанѣ жертвоприношенія...»

Это довольно ясно. Дѣло мултанскихъ вотяковъ велось 4½ года; свѣдѣнія о немъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ тов. прокурора г. Раевскаго, собирали 2 пристава, 5 урядниковъ, не считая сельской администраціи. Г. Короленко написалъ о немъ первыя строки уже послѣ того, какъ сенатъ отмѣнилъ одно разбирательство, вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій и правонарушеній въ пользу обвиненія. Послѣ этого тотъ же тов. прокурора, съ тѣми же помощниками «дополняли слѣдствіе» еще 1½ года, вызвали на послѣднее засѣданіе еще 1½ десятка свидѣтелей; между тѣмъ, какъ во всѣхъ ходатайствахъ защиты до суда и на судѣ—было отказано... Какимъ же образомъ г-ну Короленко удалось «заглушить» дѣло, веденное такъ долго и съ такой энергіей?.. Или онъ имѣлъ право распоряжаться слѣдствіемъ, или отказывать въ вызовѣ свидѣтелей и экспертовъ?

Разумѣется, ничего подобнаго г. Короленко сдѣлать не могъ... Если авторъ этихъ строкъ потрудится заглянуть хотя бы въ отчетъ о мултанскомъ дѣлѣ, въ свое время напечатанный въ тѣхъ же «Моск. Вѣдомостяхъ», то онъ увидитъ, что обвиненіе было совершенно свободно, а на всѣ просьбы защиты до суда и на судѣ—слѣдовали неизмѣнные отказы. Отсюда очевидно, что, если я всетаки повиненъ въ какомъ-то «заглушеніи» дѣла, то это можетъ относиться лишь къ одному предмету: благодаря мнѣ въ мултанскомъ дѣлѣ не было слышно авторитетнаго голоса о. Блинова, нынѣ выступившаго со своимъ ученымъ докладомъ.

Что дѣлать, приходится защищаться отъ обвиненія, которое, если бы оно было справедливо, дѣйствительно должно быть признано существеннымъ для совѣсти профессіональнаго писателя.

Прежде всего, я долженъ возстановить фактъ, неточно изложенный о. Блиновымъ. Въ письмѣ, которое онъ мнѣ написалъ 4-го декабря 1895 года и которое въ настоящую минуту лежитъ передо мною, никакихъ новыхъ фактовъ и даже взглядовъ на мултанское дѣло не содержится. Мнѣніе свое по этому вопросу онъ изложилъ въ статьѣ, которую я получилъ въ Нижнемъ, въ декабрѣ-же 1895 года съ просьбой «отдѣлать» ее для печати и потомъ напечатать. Въ январѣ 1896 года, переѣхавъ въ Петербургъ и успѣвъ здѣсь ознакомиться со статьей Н. Н. Блинова, я увидѣлъ, во 1-хъ, что это не статья, а торопливые, необработанные наброски, въ которыхъ, кромѣ изображенія невѣжества вотской среды и «толковъ», циркулирующихъ о вотякахъ въ неменѣе невѣжественной средѣ ихъ русскихъ сосѣдей,—ничего не было. Что оцѣнка моя вѣрна, доказываетъ всего лучше слѣдующее обстоятельство: уже въ январѣ я получилъ другое письмо о. Блинова, въ которомъ онъ пишетъ: «у меня явилось опасеніе, что вы напечатаете мои замѣтки. Но въ томъ видѣ, какъ онѣ изложены въ рукописи, я *нахожу невозможнымъ появленіе ихъ въ свѣтъ*». Поэтому Н. Н. Блиновъ проситъ меня послать ему рукопись обратно для дополненій и исправленій. Совершенно понятно,

что мнѣ не оставалось ничего больше, какъ исполнить желаніе автора. Слѣдующее извѣстіе о статьѣ я получилъ уже послѣ процесса, и значитъ, очевидно, ничего заглушать мнѣ не приходилось. Но меня, дѣйствительно, нѣсколько изумила поспѣшность, съ которой Н. Н. Блиновъ счелъ нужнымъ послать необработанныя замѣтки со «слухами и толками», какъ бы торопясь внести ихъ, въ качествѣ матеріала, въ разбирающееся дѣло. Это заставило меня, высылая обратно статью, написать о. Блинову письмо слѣдующаго содержанія: «Мултанское дѣло имѣетъ двѣ стороны. Одна изъ нихъ человѣческое жертвоприношеніе вообще,—другая—виновность данныхъ лицъ». Приведя затѣмъ причины, почему я ни мало не сомнѣваюсь въ невинности обвиняемыхъ, я продолжаю: «Теперь вы поймете и мое отношеніе къ *слухамъ*, которыми переполнено это дѣло. Основное требованіе юридической справедливости—не осуждать людей на основаніи слуховъ, потому что слухами даже о вѣдьмахъ и лѣшихъ полна наша земля, на основаніи слуховъ же св. инквизиція сжигала нѣкогда колдуновъ и язычниковъ... Вотъ почему въ этомъ дѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ участіи живыхъ людей, и безъ того опутанныхъ слухами и толками,—печать, понимающая свое назначеніе, должна стремиться къ тому, что ясно и точно, а не плодить еще новые «толки и слухи», неопредѣленные и неясные. Пусть лишь точно установленные факты даютъ матеріалъ, на основаніи котораго людей ссылаютъ въ каторгу,—это азбука справедливости. Для общаго вопроса будетъ еще время, когда онъ и будетъ разсматриваться, какъ общій, безъ отношенія къ участи живыхъ лицъ. *Я убѣжденъ* и тутъ (вмѣстѣ съ Богаевскимъ, Магницкимъ, Кузнецовымъ и др.), что (культа) *человѣческихъ жертвоприношеній у насъ нѣтъ въ земледѣльческомъ населеніи.* Вы думаете иначе, но вѣдь, кромѣ невѣжества вотяковъ (а русскіе не невѣжественны) и *темныхъ слуховъ—тоже ничего не приводите.* Я полагаю, что *съ этимъ* (кажется, понятно—съ чѣмъ?) во всякомъ случаѣ слѣдуетъ воздержаться до окончанія дѣла. Слухами, темными и неопредѣленными, оно и безъ того переполнено стараніями гг. Раевскихъ и Шмелевыхъ. Задача печати внести хоть нѣкоторую долю свѣта, а свѣтъ—въ точности и ясности, въ отысканіи чего нибудь опредѣленнаго среди толковъ и слуховъ, слишкомъ часто неопредѣленныхъ и невѣжественныхъ».

Полагаю, этой справки совершенно достаточно. Н. Н. Блиновъ прислалъ торопливую статью, *которую самъ призналъ непригодной для печати.* Я съ этимъ согласился и высказалъ г. Блинову свое мнѣніе, состоявшее изъ трюизмовъ: рѣшеніе общаго вопроса оставляетъ вамъ достаточно времени для провѣрки и критики вашихъ «толковъ и слуховъ», а въ частномъ дѣлѣ обвиняемыхъ вотяковъ приводить одни толки и слухи уже совсѣмъ грѣшно и неприлично:—вотъ сущность моего мнѣнія. Не знаю, можно ли съ этимъ спорить,—и мнѣ приходится лишь пожалѣть, что о. Блиновъ, приводя

только мою фразу «объ общемъ вопросѣ» и умолчавъ о томъ, что она вызвана торопливостью и недостатками присланной мнѣ статьи,— подалъ поводъ нѣкоторымъ изъ моихъ собратьевъ по перу для поспѣшныхъ заключеній по моему адресу...

Но, можетъ быть, моя оцѣнка была пристрастна и невѣрна? Очень хорошо. Послѣ моего письма прошло болѣе двухъ лѣтъ, и у о. Блинова было достаточно времени для дополненій и для критики. И вотъ о. Блиновъ бесѣдуетъ о вопросѣ въ средѣ ученаго общества, передъ ученой аудиторіей, причемъ каждое слово докладчика по вопросу, все еще, очевидно, занимающему общество,— подхватывается газетами и разносится по лицу русской земли въ сотнѣ тысячъ экземпляровъ. Очевидно, это уже не торопливая статейка и не частная переписка по ея поводу. Очевидно, мы встрѣтимъ здѣсь интересные факты, строго провѣренные и подвергнутые ученой критикѣ. Условія для меня, очевидно, невыгодныя, и однако, я охотно соглашаюсь на провѣрку моего мнѣнія даже при этихъ условіяхъ.

Вотъ два «факта», которые о. Блиновъ вноситъ въ качествѣ своей ученой лепты для рѣшенія интереснаго вопроса, и которые я беру въ очень, повидимому, толковомъ изложеніи «Кіевск. Слова».

Фактъ первый. «Лѣтъ *за десять* до поступленія въ приходъ о. Блинова, *въ одно прекрасное время* исчезъ молодой парень русскій, служившій въ работникахъ у вотяка. Случилось это осенью, а весной его нашли въ лѣсу, причемъ у трупа не хватало головы правой руки и правой ноги. Полицейское дознаніе рѣшило, что человѣкъ замерзъ, а голову, руку и ногу у него отъѣли собаки». Казалось бы, что́ можно сдѣлать изъ такого случая? Очевидно, что о. Блиновъ не читалъ самъ полицейскаго дознанія, иначе онъ не говорилъ бы «лѣтъ за десять, въ одно прекрасное время», а прямо привелъ бы даты: «такого-то числа и года» и т. д. Затѣмъ онъ разобралъ бы точно актъ осмотра. Ничего этого нѣтъ. О. Блиновъ просто заявляетъ, что отсутствіе головы, руки и ноги—молва считаетъ признакомъ ритуальнаго убійства; что же касается собакъ,— то ихъ дѣйствія обнаруживаютъ явную непослѣдовательность: «докладчикъ удивляется, почему собаки не тронули другихъ частей тѣла»...

Признаюсь, если бы о. Блиновъ ограничился этимъ случаемъ, я не понялъ бы, почему его докладъ произвелъ на слушателей «тяжелое», а не совсѣмъ противоположное впечатлѣніе. Полагаю, что и мнѣ можно было бы въ такомъ случаѣ не пускаться въ длинныя объясненія... Отчего въ самомъ дѣлѣ собаки съѣли только половину трупа? Можетъ быть только половина оттаяла, обнажившись изъ подъ снѣга? Можетъ быть собаки насытились, можетъ быть ихъ испугалъ кто нибудь, можетъ быть... можетъ быть, просто, «молва» уже забыла подробности того, что было «лѣтъ за десять, въ одно прекрасное время». Вообще, трудно иногда объяснить причудливость собачьихъ вкусовъ...

Случай второй уже не подаетъ повода для невольной улыбки, вызываемой первымъ. Случай второй производитъ дѣйствительно тяжелое впечатлѣніе и онъ-то именно, очевидно, вызываетъ негодующее замѣчаніе «Моск. Вѣдомостей» о либеральномъ потакательствѣ мрачнымъ инородческимъ преступленіямъ. Въ то самое время,—говорилъ Н. Н. Блиновъ,—какъ только началось громкое мултанское дѣло,—когда въ деревню (село) Старый Мултанъ то и дѣло наѣзжали судебныя и административныя власти, когда *вотяковъ таскали то къ слѣдователю, то къ становому, то къ урядпику* (курсивы мои), слѣдовательно, когда вотяки были очень напуганы совершоннымъ уже ими (какъ предполагали власти) человѣческимъ жертвоприношеніемъ, въ это самое время, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, и въ сосѣдней же деревушкѣ (опять село и волость!) Кизнеры, по словамъ о. Блинова, еще одинъ разъ погибъ человѣкъ жертвой кровожаднаго вотяцкаго божества. Только на этотъ разъ въ жертву былъ принесенъ не русскій бродяжка-нищій, какъ въ Мултанѣ, а коренной вотякъ. Почему именно вотякъ, это г. Блиновъ объясняетъ тѣмъ, что вотяки желали избѣжать громкаго скандала и вторичнаго наѣзда всяческихъ властей, что имѣло мѣсто послѣ мултанскаго жертвоприношенія (удивительно глупый народъ: они полагаютъ, очевидно, что власти наѣзжаютъ только изъ за убитыхъ русскихъ!). Но былъ ли этотъ второй случай случаемъ ритуальнаго убійства? О. Блиновъ *увѣряетъ, что народная молва (!) не оставляетъ въ этомъ тамъ, на мѣстѣ, никакого сомнѣнія.* Кромѣ того, на лицо *всѣ аттрибуты* ритуальнаго убійства. Вотякъ этотъ исчезъ внезапно и еще за нѣсколько дней до исчезновенія обнаруживалъ безпокойство и сожалѣніе о своей жизни, даже, какъ увѣряетъ о. Блиновъ, говорилъ объ этомъ православному священнику. Нѣсколько дней спустя его нашли на опушкѣ лѣса повѣшеннымъ, причемъ на его тѣлѣ были обнаружены характерныя раны—двѣ глубокія по обѣимъ сторонамъ груди и двѣ небольшія на бедрахъ. По мнѣнію докладчика, *основанному на знакомствѣ съ полицейскимъ дознаніемъ по этому дѣлу,* удушеніе вотяка было пожизненное, т. е. онъ былъ повѣшанъ уже послѣ того, какъ умеръ отъ ранъ. Полицейское дознаніе (было-ли слѣдствіе, о. Блиновъ не сказалъ) признало, что удушенный *вотякъ страдалъ умопомѣшательствомъ, каковое и было причиной его смерти. Но, добавляетъ докладчикъ, если человѣкъ, хотя бы и помѣшанный, нанесъ себѣ двѣ смертельныя раны, ему уже не было надобности вѣшаться на вязовомъ суку и наоборотъ—вися на немъ, онъ лишенъ былъ возможности наносить себѣ раны»*.

Прежде всего, я долженъ замѣтить, что о. Блиновъ и здѣсь опять изумительно неточенъ, не смотря на то, что, повидимому, черпалъ свои свѣдѣнія изъ весьма компетентныхъ, хотя, очевидно, одностороннихъ источниковъ. Не говорю уже о томъ, что Мултанъ не деревня, а большое село съ церковью и школой; что Кизнеры—

не деревушка, а тоже большое село, съ волостнымъ правленіемъ и мѣстопребываніемъ властей, «главная квартира» всѣхъ дѣятелей по мултанскому процессу. Но самое важное—случай этотъ имѣлъ мѣсто не въ самомъ началѣ, а наоборотъ, въ самомъ концѣ мултанскаго дѣла. Въ это время казанскій окр. судъ уже назначилъ разбирательство въ Мамадышѣ, а товар. прокурора г. Раевскій, который наблюдалъ за этимъ дѣломъ, со всѣми его вопіющими, отмѣченными сенатомъ правонарушеніями почти съ самаго возникновенія, въ теченіе 4-хъ лѣтъ,—получилъ командировку въ Малмыжскій уѣздъ для наблюденія за новымъ «дополненіемъ слѣдствія». Правда, этотъ конецъ для Мултана и его окрестностей былъ совершенно похожъ на начало дѣла, такъ какъ опять тотъ же тов. прокурора, слѣдователь и полицейскіе принялись за тѣ же дѣйствія. Это, вѣроятно, и ввело въ заблужденіе о. Блинова, очевидно, не особенно склоннаго къ точности свѣдѣній. Какъ бы то ни было, именно во время пребыванія властей, когда вотяковъ таскали на допросы,—найдена повѣсившейся, по словамъ полицейскаго дознанія, или повѣшенной—по мнѣнію о. Блинова—новая жертва «человѣческаго жертвоприношенія». Отецъ Блиновъ нимало въ этомъ не сомнѣвается. Онъ находитъ, что здѣсь налицо *всѣ признаки* ритуальнаго убійства...

Меня это категорическое заявленіе нѣсколько смущаетъ. Какъ *всѣ* признаки? У мултанскаго нищаго не было головы, легкихъ и сердца,—это были признаки ритуала. У неизвѣстнаго, умершаго «въ одно прекрасное время за десять лѣтъ»—есть легкія и сердце—но отсутствуетъ голова, руки и ноги. Это тоже признаки. Наконецъ, у несчастнаго вотяка въ Кизнерахъ—и голова, и сердце, и легкія, и руки, и ноги—все на мѣстѣ. Есть только раны неизвѣстнаго происхожденія (неужели о. Блиновъ не привелъ точнаго описанія изъ врачебнаго акта?)—и опять признаки ритуала. Помилуйте, господа «ученые»! Не слишкомъ ли ужъ много признаковъ? Вѣдь съ этакими точными указаніями науки не останется ни одного убійства, которое не подошло бы подъ признаки человѣческаго жертвоприношенія! Въ судебной рѣчи по поводу экспертизы г-на Смирнова, допустившаго всѣ «исключенія» изъ «выводовъ науки», мнѣ пришлось уже вспоминать извѣстнаго въ свое время «ученаго» г-на Вельтмана, о которомъ писалъ когда-то Добролюбовъ. Желая доказать во что бы то ни стало, что всѣ люди, въ сущности, славяне,—этотъ ученый филологъ руководствовался (очевидно, для облегченія дѣла) слѣдующими упрощенными правилами словопроизводства: 1) При переходѣ словъ изъ одного языка въ другой—всякая гласная буква можетъ превращаться во всякую гласную. 2) Всякая согласная можетъ превращаться во всякую гласную. 3) Во всякомъ словѣ, согласно требованіямъ благозвучія, можетъ быть выпущена или прибавлена всякая какъ гласная, такъ и согласная буква. NB. Нерѣдко также гласныя превращаются въ согласныя и наоборотъ.

Совершенно понятно, что съ этими облегченными правилами можно доказать что угодно. Я помню, съ какими усиліями, достойными лучшаго успѣха, И. Н. Смирновъ старался во время разбирательства въ Елабугѣ удержаться на почвѣ научной экспертизы. Оказалось, что мултанское убійство противорѣчитъ многимъ несомнѣнно установленнымъ понятіямъ о родовомъ бытѣ и вотскомъ культѣ. Прежде всего, напримѣръ, никогда представители разныхъ родовъ не смѣшиваются на моленіяхъ въ одномъ родовомъ шалашѣ. А «мултанская» жертва, якобы, принесена въ шалашѣ и притомъ обвиняются представители разныхъ родовъ. Г. Смирновъ вполнѣ добросовѣстно отмѣтилъ это противорѣчіе.—А не можете-ли вы допустить, что, подъ вліяніемъ опасеній и т. д.—спрашиваетъ обвинитель,—они всетаки смѣшались въ одномъ шалашѣ? Сначала г. Смирновъ никакъ не можетъ допустить, но и обвинитель, и предсѣдатель опять, и опять возвращаются къ этому вопросу... Приглашенія такъ настойчивы, что рѣчь, очевидно, начинаетъ идти уже не о наукѣ, а лишь о твердости характера. И вотъ, черезъ нѣкоторое время, г. Смирновъ соглашается, что все возможно въ этомъ мірѣ, и покорно слѣдуетъ въ злополучный шалашъ. А тамъ,—послѣ рокового шага онъ уже даетъ разрѣшеніе на вся—и вотъ «дѣло» составляется все изъ какихъ-то исключеній... Всѣ гласныя переходятъ во всѣ согласныя и обратно...

Тоже самое теперь происходитъ и съ признаками ритуала. Передъ нами три случая, изъ которыхъ ни одинъ не похожъ на другой, и всетаки ученые-обвинители во всѣхъ видятъ «всѣ признаки ритуала».

Однако, послѣдній случай, о которомъ говоритъ Н. Н. Блиновъ, всетаки имѣлъ мѣсто. И не въ сѣдой древности, и даже не «лѣтъ за десять въ одно прекрасное время», а совсѣмъ, можно сказать, на дняхъ. Когда во время самаго процесса рѣчь зашла о томъ, почему же въ самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ столь частыхъ случаевъ «жертвоприношеній» до сихъ поръ ни разу не былъ предметомъ судебнаго разбирательства, то обвинитель, г. Раевскій, объяснилъ дѣло очень просто: извѣстно, что «въ старину» полиція брала взятки, суды тоже не были чужды корысти, и потому мирволили преступникамъ. «Тотъ взялъ взятку, другой взялъ взятку, ничего и не вышло» *). Объясненіе, казалось бы, весьма вѣроятное. Но вотъ теперь передъ ученымъ обществомъ выступаетъ г. Блиновъ и разсказываетъ публикѣ и всей читающей Россіи, что въ то самое время, когда современная малмыжская полиція и самъ обвинитель мултанцевъ производили свои разслѣдованія, у нихъ на глазахъ (Кизнеръ расположенъ не далѣе 5—6 верстъ отъ Мултана) совершено новое жертвоприношеніе. Докладчикъ *самъ читалъ* полицейскій протоколъ, изъ котораго будто бы выходитъ, что, повѣсившись, можно еще наносить

*) См. «Дѣло мултанскихъ вотяковъ», Москва 1896.—Стр. 178.

себѣ смертельныя раны, или, нанеся себѣ смертельныя раны, еще повѣситься! Какъ же могло случиться, что современныя власти опять закрыли глаза на этотъ новый случай и опять явно «заглушили» вопіющее преступленіе инородцевъ? Не чувствуете-ли вы, какое ужасное обвиненіе сквозитъ между строкъ ученаго доклада уже не по отношенію къ вотякамъ, но и по адресу тѣхъ самыхъ полицейскихъ и судебныхъ властей, которыя приложили столько труда въ мултанскомъ дѣлѣ.

Просто трудно повѣрить и, изъ чувства справедливости, я позволю себѣ заступиться за «современныхъ властей», обвиняемыхъ Н. Н. Блиновымъ. Не можетъ быть, чтобы они были повинны въ столь явномъ укрывательствѣ человѣческаго жертвоприношенія. Подумайте только: люди 4½ года трудились, собирая и дополняя данныя слѣдствія. Они добыли свидѣтелей противъ вотяковъ вообще и мултанцевъ въ частности даже изъ другихъ уѣздовъ. Они не проронили ни одного двусмысленнаго словечка, которое кто нибудь когда нибудь сболтнулъ въ мултанскомъ питейномъ заведеніи... Этого мало. Лѣтъ 15 назадъ въ Ледовитомъ океанѣ, на пустынномъ островѣ Новой землѣ номадъ Пырерка, оголодавшій и вѣроятно помѣшанный, убилъ дѣвочку въ угоду своему идолу. Зная, что даже номады не одобрятъ этого поступка, и боясь доноса, онъ убилъ еще жителей сосѣдняго самоѣдскаго чума. Остался только Пырерка, да олени, да холодное море. И всетаки онъ не избѣгъ карающей десницы правосудія. Все дѣло возстановлено, оформлено въ протоколахъ, съ острова Новой Земли переѣхало (въ дореформенный, замѣтьте) архангельскій судъ, а оттуда было вытребовано въ Мамадышъ и положено на столъ передъ судьями въ назиданіе защитникамъ, «отрицающимъ самую возможность»... Наконецъ, извѣстно изъ газетъ, что уже послѣ дѣла одинъ «русскій мальчикъ, жившій среди вотяковъ»*) въ одинъ прекрасный день исчезъ, то малмыжская полиція немедленно вся встала на ноги, и въ газетахъ появились извѣстія и о пропажѣ, и объ обыскахъ у «заподозрѣнныхъ вотяковъ», что продолжалось до тѣхъ поръ, пока мальчикъ не нашелся здравымъ и невредимымъ на базарѣ въ «Вятскихъ Полянахъ», куда ушелъ самъ...

На этомъ основаніи я совершенно не допускаю и мысли, чтобы «современныя» малмыжскія власти, во время самаго мултанскаго дѣла, помирволили явному жертвоприношенію, не воспользовавшись этимъ фактомъ, какъ матеріаломъ на судѣ, и скрыли бы преступниковъ отъ новаго суда и наказанія.

И однако дѣло не возбуждено. Что же это значитъ?

Утвержденіе, будто въ прессѣ тоже не было ни строчки объ

*) Бѣда съ этими русскими, работниками и мальчиками, живущими среди инородцевъ,—см., напримѣръ, случай съ еврейскимъ мальчикомъ въ Нижнемъ, «Русское Богатство», августъ н. г.

этомъ замѣчательнѣйшемъ изъ всѣхъ «человѣческихъ жертвоприношеній», опять совершенно невѣрно, и меня повергаетъ въ глубочайшее изумленіе то обстоятельство, что почтенный докладчикъ не зналъ или умолчалъ о печатныхъ извѣстіяхъ по этому предмету, не смотря на то, что они появились первоначально въ мѣстномъ оффиціальномъ органѣ («Вятскія Губернскія Вѣдомости», 1896 г.), затѣмъ воспроизведены въ «Вятскомъ Краѣ» и, наконецъ, мною же, «заглушающимъ истину» въ этомъ вопросѣ, перепечатаны въ журналѣ «Русское Богатство». Вотъ это извѣстіе, въ томъ видѣ, какъ оно появилось въ оффиціальномъ губернскомъ органѣ:

> «**Село Мултанъ, Малмыжскаго** уѣзда. (*Предъ разборомъ Мултанскаго дѣла*). Надняхъ мултанскіе вотяки получили повѣстки о явкѣ на третій разборъ дѣла о человѣческомъ жертвоприношеніи въ г. Мамадышѣ. Такой оборотъ дѣла, какъ назначеніе слушанія въ Мамадышѣ, ихъ совершенно ошеломилъ: они надѣялись, что судъ будетъ въ Казани, такъ какъ ихъ защитникъ ходатайствовалъ объ этомъ, и они почему то были увѣрены, что въ Казани имъ больше шансовъ на оправданіе. Въ настоящее время не только обвиняемые, но и прочіе *вотяки находятся въ паникѣ* (всѣ курсивы наши). *Одинъ даже покончилъ съ собою.*
>
> «Дѣло было въ концѣ апрѣля сего (т. е. 1896) года. *По мултанскому дѣлу и до сихъ поръ* (т. е. черезъ 4½ года,— замѣчу я отъ себя) *не прекращались различные допросы судебной и полицейскихъ властей*. Одинъ вотякъ села Кизнери, смежнаго съ Мултаномъ, *будучи полицейскимъ десятникомъ, часто находился на посылкахъ у мѣстнаго урядника* за лицами, подлежащими къ допросу по мултанскому дѣлу, и, какъ говорятъ, *не желая быть посредникомъ между властями и вотяками, повѣсился* *).

Какъ видите, здѣсь, въ оффиціальномъ органѣ, дѣло излагается совершенно иначе, чѣмъ его представилъ Н. Н. Блиновъ. Перепечатывая извѣстіе въ журналѣ «Русское Богатство» (1896 г. кн. 6, стр. 196), хроникеръ внутренней жизни прибавляетъ: «Неправда ли, какая печальная, но и какая знаменательная заключительная нота въ этомъ глубоко-мрачномъ (мултанскомъ) аккордѣ... И неужели мы не узнаемъ, что это за «посредничество», котораго требовали гг. урядники по мултанскому дѣлу и отъ котораго люди ищутъ спасенія въ смерти».

Мнѣ кажется, что хроникеръ нашего журнала имѣлъ право предложить этотъ вопросъ. Во первыхъ, извѣстіе появилось въ оффиціальномъ органѣ безъ всякой прямой связи съ человѣческими жерт-

*). См. «Вятскія Губернскія Вѣдомости», 25 мая 1896 г., № 41, часть неофиц., стр. 7, столбецъ 3-й.

воприношеніями. Во вторыхъ, объясненіе, данное въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», имѣло всѣ признаки вѣроятности. Газеты очень настойчиво подчеркивали характеръ полицейской дѣятельности во время мултанскаго слѣдствія, и характеръ этотъ былъ таковъ, что въ газетахъ того времени появилось даже извѣстіе о привлеченіи приставомъ Шмелевымъ редактора «Вятскаго Края» къ уголовной отвѣтственности. Но никакого привлеченія не состоялось, вѣроятно потому, что по оффиціальному дознанію г. Шмелевъ былъ признанъ подлежащимъ отдачѣ подъ судъ за превышеніе власти, незаконные аресты свидѣтелей и принужденіе вотяковъ къ кощунственной присягѣ надъ медвѣжьимъ чучеломъ *). Всѣ эти проступки были, впрочемъ, покрыты манифестомъ. Въ 3-хъ,—если уже установлены такія дѣянія, то становилось вѣроятнымъ, что и остальныя утвержденія газеты, а также подсудимыхъ и нѣкоторыхъ свидѣтелей на судѣ—о пріемахъ мултанскаго дознанія не далеки отъ истины. Наконецъ, въ 4-хъ, И. Н. Смирновъ, задолго до мултанскаго дѣла, когда онъ еще не разрѣшилъ во имя науки «всѣмъ гласнымъ буквамъ переходить во всѣ согласные»,—написалъ довольно объективное изслѣдованіе о вотякахъ, въ которомъ говорится слѣдующее: «Страхъ вотяковъ передъ начальствомъ,—говоритъ Осокинъ,—не имѣетъ предѣловъ. Страхъ передъ грядущей бѣдой, въ особенности передъ судомъ, доводитъ вотяка зачастую до самоубійства» **) и при этомъ г. Смирновъ ссылается еще на Гаврилова и Кошурникова. Итакъ, авторитетъ четырехъ изслѣдователей вотскихъ нравовъ и вотскаго быта могъ утверждать нашего хроникера въ убѣжденіи, что объясненіе «Губернскихъ Вѣдомостей» справедливо и что кизнерскій вотякъ—жертва самоубійства отъ страха передъ полиціей и властями.

Но, скажетъ читатель, изслѣдователи, на которыхъ ссылается г. Смирновъ, писали о временахъ давно прошедшихъ и теперь, конечно, страхъ глупыхъ вотяковъ совершенно неумѣстенъ. Къ сожалѣнію, и это соображеніе, пожалуй, не особенно убѣдительно. Уже въ маѣ настоящаго года въ казанской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей «слушалось дѣло о приставѣ *малмыжскаго* уѣзда Иванѣ Андреевѣ Ивановскомъ, 31 года, и полицейскомъ урядникѣ *Акимъ Пантелеймоновъ Жуковъ* (прошу замѣтить эту фамилію), 29 лѣтъ, обвиняемыхъ въ истязаніи крестьянскаго мальчика 12 лѣтъ (!) Егора Булатова во время предварительнаго

---

*) Нижегор. Листокъ», № 188, 10 іюля 1896 г.

Постановленіе Губ. Присутствія было прочитано въ судѣ. Интересно, что и это дознаніе возбуждено было, по словамъ самого Шмелева, вслѣдствіе газетныхъ статей. Тов. прокурора Раевскій, „наблюдавшій" за всѣмъ дѣломъ, отрицалъ эти факты.—См. Отчеты.

**) См. „Извѣстія общества археологіи ист. и этногр. при императ. казанск. унив.». Томъ VIII, вып. 2. *Вотяки,* историко-этногр. очеркъ И. Н. Смирнова. Казань. 1890 стр. 225.

дознанія. «Дознаніе, читаю я въ отчетѣ, опять таки помѣщенномъ въ *мѣстной* газетѣ *), — производилось слѣдующимъ образомъ: «Жуковъ взялъ мальчика за уши и подвелъ къ становому, а тотъ сталъ бить его по щекамъ. Затѣмъ они повалили мальчика на полъ и приставъ собственноручно далъ ему 6—7 ударовъ розгами. Тогда мальчикъ, съ цѣлью избавиться отъ побоевъ, сказалъ, что спряталъ деньги у пруда». Такъ какъ денегъ, конечно, не оказалось, то Егора истязали опять. «Приставъ возилъ мальчика съ собой по деревнямъ и грозилъ неоднократно, что привяжетъ его къ хвосту лошади, отрѣжетъ носъ и уши, если онъ не сознается». Въ дер. Кисели «приставъ поставилъ мальчика на ночь подъ ружье» (буквальное выраженіе отчета). Что, собственно, значитъ «ставить подъ ружье», этого, къ сожалѣнію, въ газетѣ не объяснено (вообще извѣстіе видимо сокращено до невозможности), но должно быть это нѣчто хорошее, если даже «урядникъ Жуковъ, когда приставъ заснулъ,—отпустилъ мальчика». Все это продолжалось цѣлую недѣлю, и все это настолько достовѣрно и точно, что «судъ призналъ обоихъ виновными и приговорилъ заключить въ тюрьму: пристава на 8, а урядника на 6 мѣсяцевъ».

Вы видите, читатель, что считается иногда въ Малмыжскомъ уѣздѣ полицейскимъ дознаніемъ, и согласитесь, что если такова «дѣтская порція» этого дознанія, то взрослымъ, да еще инородцамъ, она могла доставаться и въ усиленномъ размѣрѣ.

Но всего замѣчательнѣе и всего интереснѣе въ этомъ дѣлѣ слѣдующая черта: истязаніе мальчика Егора произведено въ 1894 г., а судили виновныхъ лишь въ 1898 г. Я, конечно, совершенно не знаю, стоитъ-ли это позднее преданіе суду урядника Жукова въ какой нибудь связи съ перемѣной личнаго состава прокурорскаго надзора въ Малмыжскомъ уѣздѣ, происшедшей послѣ мултанскаго дѣла; но всякій, кто читалъ отчеты по этому дѣлу, не можетъ не вспомнить, что осужденный лишь въ 1898 г. за истязаніе, произведенное въ 1894 г. «урядникъ Акимъ Пантелѣевъ Жуковъ» принималъ весьма выдающееся участіе въ мултанскомъ «дознаніи», являясь въ качествѣ одного изъ видныхъ помощниковъ гг. Раевскаго, Шмелева и Тимофеева по «раскрытію истины»...

Все это, полагаю, достаточно объясняетъ, почему ни нашъ хроникеръ, ни я лично не могли ни мало усомниться въ справедливости того объясненія таинственной смерти несчастнаго кизнерскаго вотяка, какое дано въ оффиціальномъ органѣ. Даже и заявленіе священника села Кизнеръ о томъ, что несчастный томился, «обнаруживалъ безпокойство и сожалѣніе о своей жизни» — находитъ здѣсь свое естественное мѣсто. Я думаю, и мальчикъ Егоръ тоже вѣроятно томился. Наконецъ, при этой гипотезѣ о самоубійствѣ было совершенно понятно, почему ни малмыжская полиція, ни малмыж-

*) «Вятскій Край», 1898 г., № 57.

скія судебныя власти не старались во что бы то ни стало освѣтить обстоятельства и условія смерти глупаго вотяка, «повѣсившагося отъ страха передъ посредничествомъ между ними и населеніемъ». При этомъ не приходилось и прибѣгать къ чудовищному предположенію о потакательствѣ культу человѣческихъ жертвоприношеній со стороны современныхъ полицейскихъ и судебныхъ властей...

Но вотъ теперь Н. Н. Блиновъ, въ ученомъ докладѣ, перепечатанномъ во всѣхъ газетахъ, утверждаетъ, что «по его мнѣнію, *основанному на знакомствѣ съ полицейскимъ дознаніемъ*, удушеніе вотяка было пожизненное, т. е. онъ былъ повѣшенъ уже послѣ того, какъ умеръ отъ ранъ» *), и, значитъ, заключеніе «полицейскаго дознанія» о самоубійствѣ должно быть признано явно, я даже сказалъ-бы—преступно нелѣпымъ...

Что же теперь думать, читатель? Неужели о. Блиновъ просто выдумалъ всѣ эти раны, выдумалъ, что онъ читалъ самъ полицейскій протоколъ? Я это считаю просто невѣроятнымъ.

Но тогда—неужели «современныя власти» Малмыжскаго уѣзда завѣдомо скрыли случай «несомнѣннаго человѣческаго жертвоприношенія»?

Это, по моему мнѣнію,—которое, надѣюсь, раздѣляетъ и читатель,—вѣроятно въ еще меньшей степени. Но въ такомъ случаѣ—что же такое произошло въ 1896 году въ Кизнерѣ, рядомъ съ Мултаномъ «въ то самое время, когда въ Мултанъ то и дѣло наѣзжали судебныя и административныя власти, когда вотяковъ то и дѣло таскали то къ слѣдователю, то къ становому, то къ уряднику» (слова доклада), и притомъ случилось съ десятскимъ, т. е. однимъ изъ тѣхъ, кого именно и таскали всего больше?..

Я не берусь отвѣтить на этотъ вопросъ, но, такъ какъ еще года два назадъ фактъ былъ отмѣченъ въ совершенно иномъ и притомъ «оффиціозномъ освѣщеніи», то, полагаю, пока дѣло остается неразъясненнымъ,—у г. Блинова нѣтъ достаточныхъ основаній останавливаться на вотскомъ культѣ, какъ на единственно возможномъ объясненіи. Едва ли также о. Блиновъ выказалъ достаточно ученаго безпристрастія, совершенно умолчавъ о гипотезѣ «Губернскихъ Вѣдомостей», а также не обративъ вниманія на то, что вотяки, «боясь принести въ жертву русскаго», избрали для этого какъ разъ десятскаго, находившагося въ это время въ усиленныхъ сношеніяхъ съ властями. Если такъ о. Блиновъ возстановляетъ и анализируетъ въ ученомъ докладѣ факты, имѣвшіе мѣсто въ самые послѣдніе годы, то что же говорить о другихъ случаяхъ, бывшихъ «лѣтъ за десять, въ одно прекрасное время»...

О. Блиновъ въ заключеніе призываетъ «просвѣщеніе и просвѣ-

---

*) „Кіевское Слово“, 25 августа 1898 г., стр. 2, столб. 4, стр. 6–7 снизу.

щеніе». Что говорить, — просвѣщеніе вещь превосходная... Но и справедливость также принадлежитъ къ числу хорошихъ вещей, которыми не слѣдуетъ поступаться; недурно также хоть немножко критики въ ученомъ докладѣ... Полагаю, это тоже необходимые аттрибуты того-же «просвѣщенія»...

Таковы-то, читатель, «два новыхъ факта изъ области человѣческихъ жертвоприношеній».

В. Короленко.

Къ вопросу о неурожаяхъ послѣднихъ лѣтъ.

I.

Четвертый разъ на протяженіи очень короткаго промежутка времени сельскому населенію нашего отечества приходится встрѣчаться съ крупнымъ неурожаемъ. Послѣ четырехъ урожайныхъ годовъ, 1893—96 гг., слѣдовавшихъ за двумя бѣдственными, 1891 и 1892, опять наступили подрядъ два тощихъ года, 1897 и 1898. Такимъ образомъ, за послѣднее восьмилѣтіе на каждый урожайный годъ приходился годъ болѣе или менѣе острой голодовки въ той или другой части страны. Въ 1891 году, самомъ тяжеломъ, неурожай захватывалъ огромную площадь, заключавшую къ себѣ 19 губерній центральной земледѣльческой, приволжской и заволжской полосы, переходя и за Уралъ, въ губернію Тобольскую. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очерченнаго района неурожай повторился и въ слѣдующемъ, 1892 году. Отъ неурожая 1897 года пострадалъ главнымъ образомъ земледѣльческій центръ и частью Поволжье и сѣверный Кавказъ. Въ нынѣшнемъ году главный очагъ неурожая передвинулся на востокъ, въ приволжскій и заволжскій край, захватывая опять и часть центральнаго района.

Этотъ хроническій характеръ, который начинаетъ пріобрѣтать бѣдствіе, не можетъ не возбуждать самыхъ тревожныхъ опасеній. Повидимому, неурожай свилъ себѣ прочное гнѣздо въ коренномъ земледѣльческомъ районѣ страны, и, конечно, этого нельзя объяснить одними неблагопріятными физическими условіями послѣднихъ годовъ. Несомнѣнно, существуютъ и причины другого порядка, дѣлающія народно-хозяйственный организмъ особенно чувствительнымъ ко всѣмъ такимъ неблагопріятнымъ вліяніямъ и усугубляющія ихъ губительное дѣйствіе.

Въ чемъ же лежатъ эти общія причины повторяющихся голо-

довокъ и гдѣ искать выхода изъ того заколдованнаго круга, который создается въ данномъ случаѣ взаимодѣйствіемъ неурожаевъ и хозяйственнаго разстройства: каждый новый неурожай еще болѣе усиливаетъ это разстройство, а расшатанное хозяйство, въ свою очередь, создаетъ благопріятную почву для повторенія неурожаевъ и голодовокъ, за ними слѣдующихъ.

Эти вопросы давно уже обсуждаются и въ печати, и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ разныхъ правительственныхъ коммиссіяхъ и учрежденіяхъ. Но до сихъ поръ еще мы очень мало подвинулись въ ихъ рѣшеніи; каждый разъ, послѣ каждой новой голодовки, опять начинаются тѣ же разсужденія на старыя темы, все еще остающіяся новыми... Въ этомъ нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго. Прежде всего въ большинствѣ случаевъ всѣ эти разсужденія имѣютъ характеръ, такъ сказать, академическій; мы можемъ договориться только до извѣстныхъ платоническихъ пожеланій, фактическое осуществленіе которыхъ лежитъ почти совсѣмъ внѣ сферы вліянія нашихъ разсужденій; а затѣмъ, и по самому существу вопроса, здѣсь не легко установить такія положенія, на которыхъ сошлись бы если не всѣ, то большинство оттѣнковъ общественной мысли. Въ отвѣтахъ на вопросъ о коренныхъ причинахъ той расшатанности хозяйственнаго положенія нашего крестьянства (или, по крайней мѣрѣ, крупной его части), которая обрекаетъ его на періодическія голодовки, не могутъ не сказываться различія въ общихъ взглядахъ на значеніе крупныхъ соціальныхъ фактовъ, характеризующихъ переживаемую нами эпоху; вопросъ о борьбѣ съ источниками голода есть, въ сущности, вопросъ объ общемъ направленіи нашей экономической политики. Мы и встрѣчаемъ поэтому нѣсколько рѣзко различныхъ діагнозовъ положенія, соотвѣтствующихъ разнымъ теченіямъ нашей общественной мысли.

Чтобы оріентироваться въ этомъ разнообразіи мнѣній и программъ, приведемъ кое-какія историческія справки, напомнимъ въ нѣсколькихъ, самыхъ общихъ чертахъ фактическую сторону вопроса.

Самый крупный, самый выдающійся фактъ нашей экономической жизни за послѣднія десятилѣтія,—съ которымъ такъ или иначе связаны всѣ текущія хозяйственныя явленія,—несомнѣнно составляетъ совершающійся переходъ нашего народнаго хозяйства изъ натуральной фазы въ денежную, переходъ, характеризующій собою всю пореформенную эпоху.

Поворотнымъ пунктомъ является здѣсь паденіе крѣпостного права.

Крѣпостная Россія представляла собою цѣльную и законченную экономическую и соціальную организацію, отдѣльныя части которой находились въ извѣстномъ соотвѣтствіи между собою. Краеугольнымъ камнемъ этой организаціи являлся институтъ крѣпостного права, непосредственно касавшійся только одной части населенія, но тѣмъ не менѣе дававшій общую окраску и общій тонъ всему

укладу соціальной жизни страны. Вся эта жизнь насквозь была проникнута началами авторитета и опеки и сословной обособленности. Сословныхъ перегородокъ было великое множество. Высшую ступень сословной лѣстницы составляло помѣстное дворянство, соединявшее въ своихъ рукахъ и собственность надъ «населенною» землею и власть надъ прикрѣпленными къ этой землѣ крѣпостными «душами». Помѣщикъ являлся не только распорядителемъ крестьянскаго труда, но и государственнымъ чиновникомъ, администрирующимъ и творящимъ судъ и расправу. По извѣстному выраженію той эпохи, сто тысячъ помѣщиковъ были въ то же время и сто тысячью полицеймейстеровъ, поддерживавшихъ порядокъ и повиновеніе въ селахъ крѣпостной Россіи.

На этомъ крѣпостномъ фундаментѣ держался весь строй государственнаго управленія. И здѣсь, въ отправленіяхъ государственной жизни, господствовали начала, гармонировавшія съ общимъ духомъ института, на которомъ опиралось могущество и благосостояніе преобладающаго сословія въ государствѣ.

Народное хозяйство въ эту эпоху характеризовалось преобладаніемъ *натуральныхъ* формъ и слабымъ сравнительно развитіемъ товарныхъ и денежныхъ отношеній. Не слѣдуетъ, конечно, думать, чтобы хозяйство страны было исключительно *натуральное*. И въ дореформенную пору деньги, рынокъ и капиталъ играли уже не малую роль, но широкая распространенность натуральныхъ хозяйственныхъ процессовъ налагала свою печать на общій складъ народно-хозяйственной жизни. Огромная масса крестьянства удовлетворяла наибольшую часть своихъ потребностей продуктами собственнаго хозяйства, имѣя очень слабую прикосновенность къ рынку. Точно то же въ значительной мѣрѣ было справедливо и для хозяйствъ помѣщичьихъ. Въ помѣщичьихъ экономіяхъ, благодаря крѣпостному труду, сосредоточивалось производство не только земледѣльческихъ продуктовъ, но и многихъ продуктовъ обрабатывающей промышленности; такъ что работы, выполняемыя внутри самого хозяйства, покрывали значительную часть всѣхъ его матеріальныхъ потребностей. Работы эти оплачивались не деньгами, а натурою, въ видѣ содержанія работника отъ владѣльца или предоставленія въ его пользованіе извѣстнаго земельнаго надѣла.

Главный товаръ капиталистическаго рынка—рабочая сила—имѣлъ очень слабое относительно обращеніе въ крѣпостную эпоху; для той части земледѣльческаго населенія, которая приписана была къ владѣльческимъ экономіямъ, такая продажа составляла лишь исключеніе, такъ какъ въ общемъ правилѣ распорядителемъ крестьянскаго труда являлся помѣщикъ, юридическій владѣлецъ, а не покупщикъ рабочей силы зависимаго отъ него крестьянина.

Это господство несвободнаго труда, принудительныхъ отношеній является характеристическою чертою нашего дореформеннаго хозяйственнаго уклада, отличавшею его отъ другихъ формъ перво-

бытнаго натуральнаго хозяйства, гдѣ сама община хлѣбопашцевъ была собственникомъ и орудій своего труда, и продуктовъ, этимъ трудомъ произведенныхъ. Если натуральному хозяйству вообще — по крайней мѣрѣ въ первобытныхъ его стадіяхъ — свойственна извѣстная подчиненность личности, слабое проявленіе индивидуальной иниціативы и господство обычая въ процессахъ производства и во всемъ складѣ хозяйственной жизни,—то въ крѣпостномъ натуральномъ хозяйствѣ эти основныя черты осложнялись еще наличностію внѣшняго авторитета помѣщичьей власти, вносившей элементъ личнаго произвола въ это царство обычая и «власти земли».

Въ отношеніи хозяйственныхъ результатовъ крѣпостная система характеризовалась слабою производительностью труда и невысокимъ уровнемъ производства, а съ другой стороны—отсутствіемъ рѣзкихъ колебаній въ ходѣ этого производства (свойственныхъ капиталистическому хозяйству), а также и рѣзкихъ различій въ имущественныхъ условіяхъ среди массы одинаково порабощеннаго крестьянства.

Но если хозяйство крѣпостной эпохи не отражало на себѣ тѣхъ періодическихъ смѣнъ лихорадочнаго оживленія производства и промышленнаго застоя, которыя отличаютъ капиталистическую эпоху, то, съ другой стороны, оно ничѣмъ не было защищено отъ колебаній производства, вызываемыхъ непостоянствомъ условій не рыночныхъ, а первичныхъ, природныхъ. Земледѣліе, основанное на рабскомъ трудѣ, было само въ рабской зависимости отъ погоды,— оно не могло ничего противопоставить вліянію неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій, удержаться на какомъ нибудь устойчивомъ минимумѣ производительности. При крайне низкомъ общемъ уровнѣ культуры, неурожаи въ той или иной части страны были обычнымъ, хроническимъ явленіемъ крѣпостного хозяйства, а низкій уровень народнаго благосостоянія обращалъ эти хроническіе неурожаи въ хроническія голодовки.

Нужно замѣтить, что наши фактическія свѣдѣнія о размѣрахъ неурожаевъ и народной продовольственной нужды въ крѣпостную эпоху далеко не полны. Какъ трудно было истинѣ пробиться въ этомъ темномъ царствѣ,—объ этомъ можно судить хотя бы по любопытнымъ даннымъ о неурожаяхъ 20-тыхъ годовъ, сгруппированнымъ въ статьяхъ г. Шафранова, напечатанныхъ въ V—VII книжкахъ нашего журнала *). Но и то немногое, что мы знаемъ, подтверждаетъ съ несомнѣнностью тотъ выводъ, что неурожаи и голодовки были явленіемъ, такъ сказать, присущимъ крѣпостному хозяйству. Съ 20-тыхъ годовъ до 1833 г. (года большого неурожая, охватившаго очень широкій районъ на югѣ, западѣ и въ центрѣ

*) «Неурожаи хлѣбовъ въ Россіи и продовольствіе населенія въ 20-тыхъ годахъ настоящаго столѣтія». П. Шафранова, Р. Б., 1898, V, VI, VII.

Европейской Россіи) г. Шафрановъ насчитываетъ цѣлый рядъ неурожаевъ. Такъ, крупные неурожаи поразили въ 1819, 20 и 21 гг. губерніи западной полосы и нѣсколько прилегающихъ къ нимъ южныхъ губерній. Затѣмъ мѣстами неурожаи повторяются въ 1823 и 24 гг., и, послѣ нѣкотораго перерыва, въ 1829, 30, 31 и 32. Въ перечисленные годы мы имѣемъ дѣло, впрочемъ, только съ мѣстными неурожаями. Въ 1833 году неурожай распространяется на огромную полосу, заключавшую въ себѣ до 50 тыс. географическихъ миль, съ населеніемъ въ 14½ милл. душъ *). Особенно пострадали губерніи: Екатеринославская, Херсонская, Полтавская, Воронежская; здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне потеряли весь посѣвъ, въ другихъ ¾, ⅔ или ½ посѣва, мѣстами сборъ вернулъ едва сѣмена. Кромѣ южныхъ губерній, недостатокъ хлѣба обнаружился также въ губерніяхъ: Витебской, Могилевской, Смоленской, Калужской, Владимірской, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской, Тверской, Новгородской. Цѣны на хлѣбъ повсюду удесятерились. «Не было еще примѣра подобнаго неурожая—читаемъ мы въ «Объясненіяхъ къ хоз.-стат. атласу»;—на дорогахъ встрѣчались толпы крестьянъ; въ краяхъ наиболѣе плодородныхъ многіе замѣняли хлѣбъ дубовыми желудями и древесной корой; покушались даже смѣшивать муку съ глиной; домашній и рабочій скотъ продавался за ничто и цѣлыя массы народа переходили въ губерніи, пощаженныя бѣдствіемъ». Потери, причиненныя неурожаемъ государству и населенію, были громадны. Одни прямыя пособія казны достигли небывалой до того суммы 30,000,000 р. асс.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ опять повторился крупный неурожай, продолжавшійся подрядъ два года, 1839 и 40. На этотъ разъ пострадали преимущественно центральныя губерніи (наиболѣе Тамбовская, Рязанская, Тульская, Калужская, затѣмъ—Московская, Смоленская, Орловская, Курская, Полтавская, Харьковская, Пензенская, Владимірская).

Слѣдующій большой неурожай падаетъ на средину сороковыхъ годовъ. Поразилъ онъ главнымъ образомъ западную полосу Россіи (губерніи: Псковскую, Витебскую, Могилевскую, Смоленскую, Виленскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую, остзейскія и частію Петербургскую, Новгородскую, Тверскую). Неурожай длился въ этой полосѣ 3 года: 1844, 45 и 46. Послѣдствія его были крайне тяжелы для населенія этого края, и безъ того разореннаго. Вообще, періодъ съ 1833 по 1846 годъ былъ самый бѣдственный въ отношеніи

*) Свѣдѣнія о неурожаяхъ съ 1833 года до конца пятидесятыхъ годовъ опубликованы въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ «Матеріалы по обезпеченію народнаго продовольствія» Спб. 1860. Мы пользуемся далѣе извлеченіями изъ этихъ «Матеріаловъ», приведенными въ извѣстной работѣ И. И. Вильсона: «Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи», изд. 4-е, департамента земледѣлія и сельской промышленности, 1869 г.

продовольственномъ во всѣмъ текущемъ столѣтіи; какъ мы видѣли, на этотъ періодъ выпадаетъ 6 лѣтъ съ крупными неурожаями, повторявшимися мѣстами по 2 и 3 раза подрядъ.

И въ послѣдующіе годы приходится отмѣтить почти непрерывный рядъ болѣе или менѣе значительныхъ неурожаевъ, хотя и не достигавшихъ такихъ размѣровъ, какъ бѣдствія тридцатыхъ и середины сороковыхъ годовъ. Такъ, въ 1848 г. сухая и холодная весна вызвала недородъ въ южныхъ и юговосточныхъ губерніяхъ; въ 1850 году отъ тѣхъ же причинъ пострадали хлѣба въ губерніяхъ южныхъ, центральныхъ и частію западныхъ; 1851 годъ оказался неблагопріятнымъ для западной полосы (особенно силенъ былъ неурожай въ Витебской, Смоленской и Могилевской губ.); въ 1852 опять пострадали нѣкоторыя западныя и центральныя губерніи; недороды въ западныхъ губерніяхъ повторились и въ 1853 и 55 гг., недородъ 1855 года распространился также на Малороссію, Тамбовскую, Курскую, Пензенскую и нѣкоторыя другія губерніи. Наконецъ, въ 1859 году неурожаемъ охваченъ былъ цѣлый рядъ губерній средней и южной полосы Россіи.

Крѣпостное право было однимъ изъ главныхъ факторовъ, обусловливавшихъ частую повторяемость и тяжелыя послѣдствія неурожаевъ. Всего чувствительнѣе эти послѣдствія сказывались именно тамъ, гдѣ крѣпостные порядки принимали наиболѣе рѣзкія формы. Въ описываемую эпоху въ такомъ положеніи находился сѣверозападный край, къ особенности бѣлорусскія губерніи, Витебская и Могилевская—и здѣсь именно всего чаще встрѣчаемся мы съ повторяющимися неурожаями. «Причиною тому—говоритъ составитель «Объясненій къ хоз. стат. атласу Европейской Россіи»—кромѣ физическихъ условій климата и почвы, еще такое развитіе здѣсь крѣпостного права, какого не было ни въ какомъ другомъ краѣ Россіи... Нигдѣ неурожаи не производили такихъ потрясеній въ народномъ хозяйствѣ, какъ это было въ западныхъ губерніяхъ». Съ 1844 г., въ виду постоянныхъ неурожаевъ въ указанномъ районѣ, предпринятъ былъ цѣлый рядъ спеціальныхъ правительственныхъ мѣръ, чтобы поддержать благосостояніе бѣлорусскаго края; но всѣ эти частичныя мѣры не достигали своей цѣли, пока основная причина, подтачивавшая благосостояніе населенія—крѣпостное право—продолжала существовать. Очень любопытныя данныя о положеніи бѣлорусскаго края въ крѣпостную эпоху сгруппированы въ запискѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ ген.-ад. Бибикова, внесенной имъ въ комитетъ министровъ въ 1833 г. и напечатанной во II томѣ «Матеріаловъ по обезп. народн. продовольствія» (стр. 154 и сл.) *). По заключенію ген.-ад. Бибикова, «ни географическое положеніе, ни безплодіе почвы, ни климатическія условія, коимъ обыкновенно

*) Цитуемъ по изложенію г. Вильсона, см. «Объясн. къ хоз. стат. атласу Европейской Россіи», 4-е изд., стр. 103—105.

приписывается нищета этого края, не могутъ оправдывать то исключительное положеніе, въ которомъ находилось тамошнее населеніе»; неурожаи болѣе частые здѣсь, чѣмъ въ какой либо другой части имперіи, «представляютъ не причину, а слѣдствіе разстроеннаго хозяйства Бѣлоруссіи». Двѣ трети всего населенія бѣлорусскихъ губерній составляютъ помѣщичьи крестьяне, находящіеся въ самомъ жалкомъ и угнетенномъ положеніи. «Всѣ крестьяне облагаются не 3-дневною барщиною, а по литовскому статуту, соразмѣрно съ пространствомъ отведенной имъ земли. На этомъ основаніи, при обиліи земель, за вырѣзкою удобнѣйшихъ и лучшихъ для фольварка или владѣльческой запашки, остальная часть, иногда въ дальнемъ разстояніи отъ усадьбы, поступаетъ къ крестьянамъ, за что помѣщикъ весьма часто беретъ у крестьянъ для своей работы 6 дней въ недѣлю, кромѣ того, разные придаточные взносы и работы, подводы, какъ случается въ Витебской губ., даже до самой Риги и т. п.». Министръ указывалъ также на участіе арендаторовъ, еще «болѣе самихъ владѣльцевъ раззоряющихъ крестьянъ, на пагубный обычай отдачи крестьянъ въ заработки, дозволенный закономъ и др. условія. Естественно, что при такомъ положеніи крестьянинъ не могъ обрабатывать своей земли и она давала ему самые скудные урожаи».

Такъ было въ западномъ краѣ. Но если нигдѣ крѣпостное право не было такъ развито, какъ здѣсь, то во всякомъ случаѣ и въ другихъ мѣстностяхъ оно не могло, по справедливому замѣчанію составителя «Объясненій къ хоз.-стат. атласу»—облегчать бѣдствія неурожаевъ. «На помѣщикахъ лежала обязанность заботиться объ обезпеченіи продовольствія ихъ крестьянъ, и имъ же, въ случаѣ недостаточныхъ сборовъ, выдавались пособія и ссуды для прокормленія крестьянъ въ голодные годы и на обсѣмененіе полей. Это вело только къ громаднымъ требованіямъ и выдачамъ пособій, льготъ и т. п., что большею частью не достигало цѣли. «Щедрость правительства—читаемъ мы въ «Матеріалахъ» (ч. II, стр. 115) неизбѣжно должна была произвесть много неблагопріятныхъ явленій; пособія сдѣлались спекуляціей для неблагонамѣренныхъ людей. Помѣщики, получая въ ссуду деньги для продовольствія крестьянъ, употребляли ихъ на свои потребности. Въ одномъ продовольственномъ комитетѣ заемщики только переходили изъ присутствія въ другую комнату, и тамъ проигрывали въ карты деньги, выданныя имъ для другого употребленія. Въ 1847 году было значительное требованіе хлѣба заграницу и были случаи, что заемщики, получивъ въ ссуду рожь изъ заготовленныхъ министерствомъ запасовъ, продавали ее для отправленія заграницу». По поводу одного неурожая въ Смоленской губ. начальникъ ея изъяснялъ, что онъ имѣлъ сужденіе съ предводителями дворянства и со многими помѣщиками о томъ, какъ удобнѣе и выгоднѣе для правительства и для народа помогать помѣщичьимъ крестьянамъ, деньгами или хлѣбомъ. По сужденіямъ

этимъ оказалось, что хотя при вспоможеніи хлѣбомъ были упущенія и даже злоупотребленія при покупкѣ его, но *невозвратное* зло, какъ выражаются предводители дворянства, послѣдовало отъ раздачи правительствомъ ссудъ деньгами, ибо соблазнъ къ полученію денегъ дѣйствуетъ сильно на всѣхъ помѣщиковъ, находящихся и не находящихся въ нуждѣ, а многіе помѣщики, получивъ деньги, не употребляли ихъ для той цѣли, для которой получали, или давали только часть, оставляя крестьянъ своихъ въ бѣдствіи» *).

Полагаемъ, что приведенныхъ фактовъ, заимствованныхъ изъ неподлежащихъ сомнѣнію оффиціальныхъ источниковъ, достаточно для характеристики крѣпостныхъ порядковъ въ области народнаго продовольствія.

Къ половинѣ нашего столѣтія вся крѣпостная система окончательно обветшала. Крымская война и обнаруженная ею полная несостоятельность крѣпостного государства послужили внѣшнимъ толчкомъ для ея паденія. Съ отмѣною крѣпостного права русская соціальная жизнь вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія.

II.

Общій подъемъ всей общественной жизни страны въ періодъ, слѣдовавшій за освобожденіемъ, отразился и на успѣшности земледѣльческаго труда. Мы имѣемъ на это согласныя указанія изслѣдователей, изучавшихъ условія земледѣльческаго производства въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Такъ, по наблюденіямъ, сдѣланнымъ членами ученой экспедиціи, снаряженной русскимъ географическимъ и вольно-экономическимъ обществами—въ полосѣ черноземной, на югѣ, юго-востокѣ и юго-западѣ, производство хлѣба послѣ освобожденія увеличилось какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ; въ западной и сѣверозападной части нечерноземной полосы замѣчалось нѣкоторое сокращеніе владѣльческихъ запашекъ, но съ другой стороны увеличились запашки крестьянскія, вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчено было улучшеніе способовъ обработки и во владѣльческихъ и въ крестьянскихъ хозяйствахъ, такъ что въ конечномъ итогѣ результатомъ реформы явилось общее повышеніе земледѣльческой производительности и уровня крестьянскаго благосостоянія **). Рядомъ съ этимъ сдѣлались менѣе часты и менѣе опустошительны неурожаи, такъ истощавшіе крѣпостную Россію. Особенно благопріятно отозвались въ этомъ

*) «Объясн. къ хоз.-стат. атласу Европейской Россіи», стр. 103—105.

**) Наблюденія въ указанномъ направленіи сдѣланы были В. П. Безобразовымъ по отношенію къ району Камскому, Г. Г. Перетцомъ въ районѣ Приазовскомъ, Ю. Э. Янсономъ въ Приднѣпровьи, С. С. Лашкаревымъ по отношенію къ губ. Тульской и М. Н. Раевскимъ—въ сѣверозападномъ краѣ. См. также цитированный уже выше трудъ г. Вильсона: «Объясненія къ хоз.-стат. атласу Евр. Россіи», изд. 4-е, стр. 114—115.

отношеніи новыя условія народной жизни на положеніи того края, который являлся главнымъ центромъ хроническихъ голодовокъ въ дореформенную эпоху. Въ Бѣлоруссіи, послѣ освобожденія, мы не встрѣчаемся болѣе съ тѣми хроническими неурожаями, которые характеризовали этотъ районъ ранѣе. Напротивъ, урожаи здѣсь пріобрѣтаютъ значительную степень устойчивости. Въ этомъ отношеніи край этотъ стоитъ теперь на одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ ряду районовъ, на которые можетъ быть раздѣлена вся территорія Европейской Россіи по относительной устойчивости урожаевъ *). Конечно эта перемѣна должна объясняться тѣми коренными улучшеніями, которыя внесла крестьянская реформа въ общія условія хозяйственной жизни населенія.

Мы видимъ, однако, что поднявшаяся подъ могучимъ воздѣйствіемъ освобожденія волна народно-хозяйственной жизни вслѣдъ затѣмъ опять опускается. Чрезъ тридцать лѣтъ послѣ реформы мы снова вступаемъ въ періодъ хроническихъ «недородовъ», открывающійся памятнымъ бѣдствіемъ 1891—92 гг. и переживаемый нами и сейчасъ. Опять мы стоимъ лицомъ къ лицу съ признаками глубокаго разстройства хозяйственнаго положенія крестьянской массы, создающаго благопріятную почву для возникновенія и обостренія неурожаевъ со всѣми ихъ послѣдствіями. Только теперь главный очагъ этихъ неурожаевъ перемѣстился съ сѣверо-запада въ другую область. Земледѣльческій центръ и среднее Поволжье занимаютъ теперь то мѣсто, которое принадлежало въ дореформенную эпоху Бѣлоруссіи. Рядъ очень сложныхъ причинъ, и притомъ не исключительно хозяйственнаго порядка, привелъ къ такимъ результатамъ.

Съ паденіемъ крѣпостного права страна вступила въ новую фазу экономической жизни. Начался періодъ господства свободнаго (формально) труда и денежнаго, товарнаго хозяйства. Но, конечно, такая перемѣна не могла произойти сразу, однимъ ударомъ. Перевороты въ народно-хозяйственной жизни, смѣны общественныхъ формъ не совершаются на подобіе смѣны театральныхъ декорацій. Нужна была долгая, упорная борьба новыхъ началъ со старыми, не уступающими мѣсто безъ боя, долгій процессъ ломки и перестройки сложившихся при прежнихъ порядкахъ отношеній, процессъ, которой мы переживаемъ и въ настоящій моментъ. Борьба не обходится безъ жертвъ. Этими жертвами являются обыкновенно экономически слабѣйшія и менѣе защищенныя группы населенія. На ихъ счетъ идетъ прогрессъ цѣлаго, нерѣдко антагонистичный интересамъ отдѣльныхъ частей этого цѣлаго. Въ нашей пореформенной жизни нести на себѣ тягло эко-

*) Подробно объ этомъ см. въ книгѣ Л. I. Грасса «Страхованіе сельско-хозяйств. посѣвовъ отъ неурожая». Казань 1892 г. Цифровыя данныя объ уменьшеніи измѣнчивости урожаевъ въ сѣв.-зап. полосѣ послѣ крестьянской реформы сгруппированы въ таблицахъ, указанныхъ въ прим. на стр. 52 названнаго сочиненія.

номическаго прогресса и очень мало вкусить отъ его плодовъ выпало на долю крестьянской массы и въ особенности на долю слабѣйшихъ ея слоевъ.

Въ положеніи 19 февраля, опредѣлявшемъ распорядки общественныхъ и хозяйственныхъ отношеній освобожденнаго крестьянства, проявлялась въ извѣстной мѣрѣ тенденція закрѣпить за крестьянствомъ нѣкоторыя выгодныя для него стороны стараго натуральнаго строя и оградить его экономическую самостоятельность отъ крушенія при неизбѣжной ломкѣ всѣхъ старыхъ отношеній. Но всѣ эти стремленія (нашедшія себѣ притомъ же только нерѣшительныя и противорѣчивыя выраженія въ опредѣленіяхъ закона и правительственныхъ мѣропріятіяхъ) могли лишь въ очень слабой степени достигать своей цѣли.

Главную опору хозяйственной самостоятельности крестьянства должно было составить земельное надѣленіе освобожденныхъ крестьянъ. Но земельные надѣлы давали источникъ для удовлетворенія лишь нѣкоторой части крестьянскаго бюджета. Остальное должно было добываться трудомъ на помѣщика или другого покупателя рабочей силы или же наймомъ помѣщичьей земли. Отнимая отъ владѣльцевъ даровой трудъ ихъ бывшихъ крѣпостныхъ, государство озаботилось о томъ, чтобы обезпечить имъ трудъ «вольный». Въ этихъ видахъ крестьянскіе надѣлы нарѣзаны были такъ, что крестьяне въ большинствѣ случаевъ не могли обходиться безъ владѣльческой земли; зависимость экономическая замѣнила собою въ извѣстной (а мѣстами и въ полной) мѣрѣ зависимость юридическую. Впрочемъ, и эта послѣдняя исчезла не безслѣдно...

Такимъ образомъ крестьянинъ неизбѣжно долженъ былъ захватываться рынкомъ и какъ продавецъ рабочей силы, и какъ покупщикъ тѣхъ товаровъ, которые не производились въ его хозяйствѣ. Эта связь съ теченіемъ времени постоянно росла и дѣлалась крѣпче. Процессы, совершавшіеся и внутри, и внѣ крестьянскаго міра, вынуждали крестьянство выносить на рынокъ все большія и большія количества товара «рабочая сила». Уже одно повышеніе численности населенія, не сопровождавшееся параллельнымъ ростомъ продуктивности крестьянскаго хозяйства, должно было заставить крестьянина искать на сторонѣ источниковъ для пополненія недочетовъ въ бюджетѣ. Въ томъ же направленіи дѣйствовало и постоянное повышеніе требованій фиска, и вздорожаніе продажныхъ и наемныхъ цѣнъ земли и цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ, связанныхъ съ ростомъ денежнаго, капиталистическаго хозяйства. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ извѣстная часть крестьянства фактически совсѣмъ «освободилась» отъ земли и образовала сельскій пролетаріатъ, живущій исключительно продажею своей рабочей силы. Съ другой стороны, постоянно расширялся и кругъ тѣхъ случаевъ, когда крестьянинъ являлся покупщикомъ на капиталистическомъ рынкѣ. Общественное раздѣленіе

труда, спеціализація отдѣльныхъ отраслей производства и постепенное сосредоточеніе его въ крупныхъ производственныхъ центрахъ, явленія, которыми характеризуется вообще развитіе товарнаго, капиталистическаго хозяйства, неизбѣжно должны были захватить въ сферу своего вліянія и крестьянскій міръ. По мѣрѣ того какъ одна за другою разныя отрасли производства капитализовались и переходили въ область крупной промышленности, крестьянскія хозяйства теряли постепенно характеръ тѣхъ натурально-хозяйственныхъ единицъ, которыя удовлетворяли ранѣе почти всѣ свои хозяйственныя потребности непосредственно, трудомъ своихъ членовъ внутри хозяйства.

Въ концѣ концовъ, крестьянскій міръ не только не остался внѣ вліянія тѣхъ процессовъ, которые вызваны были нарожденіемъ новаго капиталистическаго строя хозяйственныхъ отношеній, но, наоборотъ, на немъ именно эти процессы отозвались всего чувствительнѣе и всего болѣзненнѣе.

Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ никакой возможности прослѣдить въ нашей замѣткѣ, хотя бы въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, общій ходъ нашей хозяйственной эволюціи въ пореформенномъ періодѣ. Отмѣтимъ только нѣкоторыя ея характерныя черты, имѣющія болѣе прямое отношеніе къ экономическому положенію крестьянской массы.

Однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ для развитія товарно-капиталистическихъ отношеній у насъ, какъ и вездѣ, явилось сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ. Новыя условія обращенія товаровъ предшествовали и расчищали почву для созданія новыхъ условій производственныхъ. Дореформенная Россія очень мало пользовалась паровымъ транспортомъ. Къ моменту освобожденія вся русская желѣзнодорожная сѣть насчитывала менѣе 1,500 верстъ протяженія (по 1 января 1861 д. открыто было для движенія 1,491 верста рельсовыхъ путей). За 23 года съ открытія въ 1838 году первой (Царскосельской) желѣзной дороги по 1860 годъ включительно, среднее ежегодное приращеніе сѣти едва достигало 75 верстъ; въ слѣдующее пятилѣтіе на каждый годъ приходится уже по 400 верстъ вновь открытыхъ желѣзныхъ дорогъ; въ промежутокъ между 1866 и 1875 г. желѣзнодорожное строительство идетъ еще болѣе ускореннымъ темпомъ, среднимъ числомъ въ годъ желѣзнодорожная сѣть приращалась за этотъ періодъ на 1,400 верстъ; затѣмъ развитіе сѣти нѣсколько замедляется (съ 1876 на каждый годъ падаетъ въ среднемъ около 600 верстъ новыхъ дорогъ), съ 1891 г. эта средняя снова превышаетъ 1,000 верстъ въ годъ. Уже чрезъ 10 лѣтъ послѣ крестьянской реформы, къ концу 1870 года, рельсовая сѣть превышала 10,000 верстъ, еще чрезъ 10 лѣтъ, къ концу 1880 года страна обладала сѣтью желѣзныхъ дорогъ въ 20 слишкомъ тысячъ верстъ. Къ 1 января 1897 г. протяженіе всѣхъ открытыхъ для общественнаго пользованія желѣзныхъ дорогъ, на-

ходившихся въ завѣдываніи министерства путей сообщенія, составляло 35,300 верстъ, а съ присоединеніемъ сюда дороги Закаспійской и дорогъ Вел. Кн. Финляндскаго вся желѣзнодорожная сѣть простиралась до 39,000 верстъ (38,962).

Желѣзныя дороги создали для русской промышленности широкіе рынки сбыта, они вдвинули Россію въ кругъ странъ, работающихъ для мірового рынка, и дали сильный толчекъ развитію нашей внѣшней торговли. Вовлеченная въ міровой обмѣнъ, Россія столкнулась здѣсь со странами съ высоко развитою капиталистическою промышленностью. Вліяніе мірового рынка ускорило тѣ процессы ломки старыхъ отношеній, которые совершались въ странѣ, и придало имъ нѣсколько лихорадочный характеръ.

На сколько возросли въ пореформенный періодъ обороты внѣшней торговли Россіи, можно судить по слѣдующимъ даннымъ о среднихъ размѣрахъ этихъ оборотовъ (по привозу и вывозу) за каждое пятилѣтіе съ 1856 по 1895 гг. включительно:

годы.	тысячи рублей.
1856—1860	312
1861—1865	344
1866—1870	546
1871—1875	824
1876—1880	1,056
1881—1885	1,104
1886—1890	1,076
1891—1895	1,088
1896	1,274

Первое пятилѣтіе послѣ крестьянской реформы обнаруживаетъ довольно слабый подъемъ оборотовъ внѣшней торговли; только съ тѣхъ поръ, какъ началась усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, мы встрѣчаемся и съ параллельнымъ оживленіемъ международнаго обмѣна.

Первая отрасль промышленности, которая испытала на себѣ вліяніе процессовъ, связанныхъ съ этимъ оживленіемъ, была промышленность сельская; первый товаръ, который пошелъ въ большихъ массахъ на міровой рынокъ, былъ хлѣбъ. Производство хлѣба на вывозъ, незначительное до сооруженія желѣзнодорожной сѣти, стало быстро развиваться съ тѣхъ поръ, какъ хлѣбородные районы соединились рельсовыми путями съ портами и крупными пунктами заграничнаго отпуска. Вывозились (и вывозятся) не одни только «излишки» хлѣба, но и то, что было бы необходимо для внутренняго потребленія въ самой странѣ. Краснорѣчивою иллюстраціею этого можетъ служить громадная цифра хлѣбнаго экспорта, выпадающая на голодный 1891 годъ: спросъ тощаго крестьянскаго желудка безсиленъ былъ перевѣсить «реальный» спросъ лондонскаго хлѣбнаго рынка.

За пятилѣтіе, предшествовавшее освобожденію (1856—1860 гг.), изъ Россіи вывозилось среднимъ числомъ въ годъ около 67 милл. пуд. главнѣйшихъ хлѣбовъ. Очень близкую къ этому цифру даетъ и хлѣбный экспортъ слѣдующаго за эмансипаціею пятилѣтія 1861—1865 гг. (75 милл. пудовъ). Затѣмъ хлѣбный вывозъ начинаетъ быстро рости параллельно съ ростомъ желѣзнодорожной сѣти, представляя такія среднія цифры за рядъ послѣдовательныхъ пятилѣтій съ 1866 г. (въ милл. пудовъ въ годъ)—120, 181, 257, 269, 421, 441. Въ 1896 году вывезено заграницу болѣе полумилліарда (507 мил.) пудовъ разнаго хлѣба.

Необходимымъ послѣдствіемъ быстраго роста хлѣбнаго экспорта, вызваннаго развитіемъ желѣзнодорожной сѣти, должны были явиться: усиленныя распашки (особенно на черноземномъ югѣ), ростъ хлѣбныхъ цѣнъ и ростъ земельной ренты, выразившійся въ подъемѣ продажныхъ и арендныхъ цѣнъ на земли.

Крестьянство въ массѣ не могло быть поставщикомъ хлѣба для внѣшняго рынка; его хлѣбное производство и до сихъ поръ еще сохраняетъ по преимуществу натуральный, потребительный характеръ. Сбывать «излишки» могутъ только болѣе зажиточныя группы крестьянскаго населенія; а вынужденныя продажи необходимаго хлѣба съ тѣмъ, чтобы опять купить его потомъ, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ цѣнахъ не составляютъ выгодной операціи. Поэтому вздорожаніе цѣны хлѣба, сдѣлавшагося предметомъ хлѣбнаго экспорта, не могло дать сколько нибудь крупной прибавки къ крестьянскому доходу,—не говоря уже о томъ, что значительная часть этой прибавки оставалась въ рукахъ многочисленныхъ посредниковъ, стоящихъ между крестьянскимъ хлѣбомъ и міровымъ рынкомъ. Наоборотъ, весьма солидную и тяжелую прибавку къ расходному бюджету крестьянства создавало повышеніе земельной ренты. Аренда владѣльческихъ земель, денежная или натуральная, есть всеобщій и необходимый фактъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Безъ этой земли крестьяне не могли обойтись, и потому должны были платить за нее и повышенныя цѣны. Въ моментъ освобожденія наемныя цѣны земли были въ общемъ ниже выкупныхъ платежей; этимъ въ значительной степени и объясняется та легкость, съ которою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне соглашались на такъ называемый «нищенскій», даровой надѣлъ. Но уже вскорѣ послѣ освобожденія арендныя цѣны стали рости. Особенно быстро шелъ этотъ ростъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Судя по тѣмъ даннымъ, которыя собраны были при земскихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, повышеніе арендныхъ цѣнъ въ первое двадцатипятилѣтіе послѣ освобожденія можно считать фактомъ всеобщимъ. Не вездѣ это повышеніе шло одинаковымъ темпомъ. Всего сильнѣе арендныя цѣны росли въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ, густо населенномъ и малоземельномъ. Здѣсь земскими переписями во многихъ мѣстностяхъ

было установлено, что наемныя цѣны земли утроились и учетверились за двадцатилѣтіе съ освобожденіи крестьянъ до начала восьмидесятыхъ годовъ. Въ среднемъ, возрастаніе арендныхъ платъ было не менѣе 10 проц. въ годъ*). Въ Курской губерніи къ восьмидесятымъ годамъ арендныя цѣны за десятину пахатной земли достигали 20, 25, а въ исключительныхъ случаяхъ даже 30 и 32 р. Подобныя же цѣны установились и въ другихъ губерніяхъ земледѣльческаго центра, гдѣ крестьянское населеніе находилось въ наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ по отношенію къ землевладѣнію и землепользованію. Ростъ наемныхъ платъ за землю въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ распространялся не только на денежныя, но и на натуральныя аренды, въ обѣихъ ихъ главныхъ формахъ — испольной и отработочной. Чаще всего увеличивались отработки, которыя обыкновенно сопровождаютъ и испольныя аренды, какъ добавочное условіе; во многихъ случаяхъ, впрочемъ, было отмѣчено и прямое увеличеніе доли продукта, поступающей въ пользу владѣльца земли. Со второй половины восьмидесятыхъ годовъ ростъ арендныхъ цѣнъ нѣсколько задерживается (параллельно съ паденіемъ въ томъ же періодѣ продажныхъ цѣнъ хлѣба); однако, это явленіе нельзя считать всеобщимъ; во многихъ мѣстностяхъ ростъ арендныхъ цѣнъ шелъ непрерывно, не останавливаясь и въ періоды хлѣбнаго кризиса **).

Повышеніе земельной ренты выражалось не только въ формѣ повышенія арендныхъ платъ, но и въ формѣ возрастанія продажной цѣны земель. Эта послѣдняя цѣна росла еще быстрѣе аренды; повидимому, въ продажной цѣнѣ не только капитализовался доходъ уже существующій, но въ извѣстной мѣрѣ учитывалось и будущее повышеніе доходности.

Неблагопріятное вліяніе возрастанія земельной ренты на мелкія крестьянскія хозяйства — являющіяся въ общемъ правилѣ съемщиками и покупщиками, а не сдатчиками и продавцами земли — могло бы быть уравновѣшено, если бы параллельно съ этимъ росла и заработная плата на земледѣльческій трудъ. Однако, такого параллельнаго движенія обоихъ этихъ хозяйственныхъ фактовъ въ дѣйствительности не обнаруживалось. Главный товаръ, съ которымъ являлся на рынокъ крестьянинъ, рабочая сила, вообще оказывается наименѣе чувствительнымъ ко всякимъ благопріятнымъ конъюнктурамъ. При общемъ вздорожаніи всѣхъ цѣнъ рабочая плата поднимается всего медленнѣе и этотъ подъемъ никогда не достигаетъ тѣхъ предѣловъ, до которыхъ поднимаются доходы рентные.

*) См. данныя о возрастаніи арендныхъ цѣнъ, собранныя въ статьѣ проф. Карышева, помѣщенной въ 1 т. сборника „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“, стр. 279 и слѣд.

**) Укажемъ для примѣра на результаты недавно произведеннаго изслѣдованія по Елизаветградскому уѣзду, Херсонской губерніи.

Судьба рабочаго — замѣчаетъ Рикардо — въ случаяхъ повышенія цѣны хлѣба менѣе счастлива, нежели судьба землевладѣльцевъ. «Когда цѣна хлѣба поднимается на 10 проц., задѣльная плата возвысится во всякомъ случаѣ въ меньшемъ размѣрѣ, а рента, напротивъ, въ болѣе значительномъ; положеніе рабочаго вообще ухудшается, положеніе землевладѣльца, наоборотъ, будетъ постоянно улучшаться» *).

Этотъ теоретическій выводъ вполнѣ подтверждается фактами нашей дѣйствительности. О томъ, что цѣна труда не повышалась параллельно съ ростомъ арендъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, свидѣтельствуетъ уже отмѣченное выше повышеніе въ этомъ періодѣ отработочныхъ натуральныхъ арендныхъ платъ. При отработочной арендѣ земля, предоставляемая въ пользованіе съемщику, составляетъ плату за извѣстное количество отдаваемаго имъ взамѣнъ этого труда. Если повышается цѣна земли и одновременно съ этимъ, въ той же мѣрѣ, повышается и цѣна труда, денежныя арендныя платы должны повышаться, но натуральныя останутся на прежнемъ уровнѣ, такъ какъ тѣ товары, которыми обмѣниваются обѣ стороны—и земля, и трудъ—одинаково поднимаются въ цѣнѣ, и, слѣдовательно, должны обмѣниваться въ прежнихъ пропорціяхъ. На самомъ дѣлѣ, однако, какъ мы видѣли, отработочныя аренды въ періодъ общаго повышенія арендныхъ платъ тоже росли; значитъ, за то же количество земли требовались все большія количества труда, цѣнность котораго или вовсе не возрастала, или во всякомъ случаѣ возрастала въ меньшей степени, нежели цѣнность земли.

На долю земледѣльческаго труда и его представителей вообще пришлось всего менѣе благъ отъ того оживленія хлѣбной промышленности, которое вызвано было новыми, пореформенными условіями товарнаго обращенія и парового транспорта. Помимо общихъ причинъ, свойственныхъ, такъ сказать, природѣ трудовыхъ доходовъ, на это вліяло и спеціально неблагопріятное положеніе земледѣльческаго труда въ нашихъ, русскихъ условіяхъ **). Въ нашей сельскохозяйственной промышленности сохранились еще и имѣютъ широкое распространеніе такія формы земледѣльческаго найма, которые во многомъ напоминаютъ прежнія крѣпостныя отношенія. Особенно неблагопріятно поставленъ наемный трудъ въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ. Этотъ районъ составляетъ область крайне низкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень устойчивыхъ рабочихъ цѣнъ. Низкой цѣнѣ труда здѣсь способствуетъ уже относительная густота населенія. Предложеніе труда превышаетъ спросъ, вслѣдствіе чего часть

---

*) «Сочиненія Давида Рикардо», проф. Н. Зибера, выпускъ I, 1873, стр. 62.

**) Болѣе подробныя данныя по настоящему вопросу см. въ статьѣ нашей «Два рабочихъ закона», въ XII кн. «Рус. Богатства» за 1897 г.

рабочихъ рукъ должна искать заработка на сторонѣ. Къ этому присоединяются еще очень невыгодныя условія крестьянскаго землевладѣнія въ этомъ районѣ (незначительность надѣловъ, неудобное ихъ расположеніе и т. п.) и почти полное отсутствіе какихъ либо другихъ заработковъ, кромѣ земледѣльческихъ. Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ причинъ въ данномъ районѣ, охватывающемъ значительную часть всей земледѣльческой Россіи, сложились очень тяжелыя формы земледѣльческаго найма. Денежный наемъ имѣетъ здѣсь форму своеобразной кредитной операціи. Крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ запродаетъ свой трудъ заранѣе, задолго до выполненія взятыхъ на себя работъ, подъ вліяніемъ крайней необходимости имѣть деньги осенью и зимой. Условія такого кредита крайне тяжелы: трудъ «закладывается» по очень низкимъ цѣнамъ. Не менѣе тяжелымъ характеромъ отличаются и условія натуральнаго найма, самую распространенную форму котораго составляютъ, такъ называемыя, «отработки». Отработочная форма всего ближе къ «барщинѣ» крѣпостного права. Сущность этой формы найма заключается въ томъ, что крестьяне обязываются выполнить тѣ или иныя работы въ хозяйствѣ помѣщика за предоставленную имъ въ аренду землю или за пользованіе разными хозяйственными угодьями. Поводы къ отработкамъ очень разнообразны. «Благодаря недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и часто невыгодному ихъ положенію — читаемъ мы, напримѣръ, въ одномъ изслѣдованіи, относящемся къ Курской губ. *)—на мужикѣ лежитъ масса отработокъ на экономіи: за землю онъ отработываетъ, за пастбище въ большинствѣ случаевъ тоже отработываетъ, рѣже платитъ деньгами, отработываетъ онъ за пользованіе экономическимъ быкомъ, даже за мытье своего бѣлья на экономическомъ берегу рѣки». «Принимая въ разсчетъ всѣ эти условія—заключаетъ авторъ цитируемаго изслѣдованія—нельзя не согласиться съ тѣми гг. хозяевами, которые говорятъ, что крѣпостная зависимость еще существуетъ, только въ основѣ ея лежитъ не юридическое право, а экономмческая сила помѣщиковъ, съ одной стороны, и необезпеченность крестьянскаго населенія—съ другой». Такое же заключеніе встрѣчаемъ мы и въ докладѣ, такъ называемый, «Валуевской» коммиссіи. «Недостатокъ луговъ и пастбищъ—читаемъ мы въ сводѣ свѣдѣній, собранныхъ этою коммиссіею—вынуждаетъ крестьянъ обращаться къ владѣльцу и предлагать свой трудъ за безцѣнокъ». Вообще, по заключенію составителей свода, этотъ способъ снабженія хозяйствъ рабочею силою (отработки за угодья) «въ рукахъ владѣльцевъ составляетъ могучее средство, съ помощью котораго многіе изъ нихъ умѣютъ

---

*) Труды импер. московскаго общ. сельск.-хоз.—Курская губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, Н. А. Чуйкова. Москва, 1894, стр. 96—97.

подчинить себѣ трудъ окрестнаго населенія почти въ той же степени, въ какой онъ находился до освобожденія» *).

Это мнѣніе было высказано въ семидесятыхъ годахъ. Съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились только въ томъ смыслѣ, что къ зависимости экономической прибавилась еще и зависимость юридическая.

Въ силу совокупности всѣхъ этихъ причинъ возростаніе рабочей платы въ сельско-хозяйственной промышленности не могло сопровождать и не сопровождало того быстраго роста, который обнаруживала земельная рента.

Такимъ образомъ первый же крупный шагъ на пути развитія денежнаго хозяйства—оживленіе мѣновыхъ сношеній, вызванное улучшенными путями сообщенія и созданіемъ широкаго хлѣбнаго рынка—для той массы крестьянства, которая не продавала «излишковъ» хлѣба, сопряженъ былъ съ тяжелыми жертвами. Эти жертвы усиливались еще тѣмъ, что самое сооруженіе желѣзныхъ дорогъ происходило почти исключительно на средства государственнаго бюджета, опиравшагося въ послѣднемъ счетѣ—опять таки на крестьянской массѣ. Но, конечно, нѣкоторая часть крестьянства выигрывала отъ расширенія рыночныхъ оборотовъ съ крестьянскимъ хлѣбомъ и связанныхъ съ этимъ послѣдствій; выигрывала и прямо, и косвенно, вслѣдствіе возроставшихъ затрудненій для другихъ, слабѣйшихъ группъ крестьянскаго населенія; такъ что косвеннымъ результатомъ всѣхъ описанныхъ процессовъ должно было являться усиленіе дифференціаціи крестьянской массы и отслоенія отъ нея зажиточной сельской буржуазіи, съ одной стороны, и сельскаго пролетаріата—съ другой.

Очень нелегкое тягло на крестьянство налагалъ и процессъ роста крупной обрабатывающей промышленности въ пореформенный періодъ. Этотъ ростъ совершался, съ одной стороны, подъ вліяніемъ развитія новыхъ условій транспорта а съ другой—благодаря покровительственной таможенной политикѣ правительства. Протекціонная система достигла особеннаго развитія во второй половинѣ пореформеннаго періода. Это былъ позднѣйшій, второй этапъ на пути государственныхъ мѣръ для поддержки крупной промышленности. Главныя усилія экономической политики въ первой половинѣ новаго періода сосредоточивались въ области процессовъ обращенія. Самымъ крупнымъ результатомъ этихъ усилій явилось созданіе рельсовой сѣти—и сѣти кредитныхъ учрежденій. Поощреніе собственно крупнаго *производства* таможенными мѣрами стояло на второмъ относительно мѣстѣ. Оно выступаетъ рѣшительно впередъ съ восьмидесятыхъ годовъ особенно съ половины десятилѣтія, когда началось усиленное по-

*) «Докладъ высоч. учрежд. коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельско-хоз. и сельской производительности въ Россіи». Спб. 1873, т. 2-ой, прил. V, стр. 5—6.

кровительство горнозаводской и металлической промышленности высокими ставками на привозные металлы, металлическія издѣлія и минеральное топливо. Увѣнчаніемъ зданія явился общій таможенный тарифъ 1891 года, закрѣпившій или усилившій таможенное покровительство для всѣхъ отраслей отечественной крупной промышленности, которымъ могла угрожать конкурренція болѣе дешеваго заграничнаго производства. Заботливость въ этомъ отношеніи была проведена такъ далеко, что охрана распространена даже на нѣкоторыя производства, еще не существующія у насъ: потребители должны оплачивать высокою пошлиною и такіе предметы, которые стоятъ еще внѣ круга производства покровительствуемыхъ отраслей отечественной индустріи.

Какъ усилилось таможенное покровительство во второй половинѣ пореформеннаго періода, можно судить уже по такимъ общимъ цифрамъ. Въ 1869 году общая сумма всѣхъ поступившихъ таможенныхъ пошлинъ составляла 12% объявленной цѣнности ввезенныхъ товаровъ, т. е. на каждый рубль цѣнности ввоза приходилось въ среднемъ 12 коп. пошлины. Въ 1879 году это отношеніе повысилось уже до 17, въ 1889 году до 28. Самую высшую цифру даетъ 1893 годъ, когда пошлина составляла въ среднемъ 34 коп. съ рубля, въ послѣдующіе годы это отношеніе нѣсколько падаетъ. Въ 1896 г.,—послѣднемъ, за который мы имѣемъ подробный таможенный отчетъ,—съ рубля ввоза взималось среднимъ числомъ 32 коп. пошлины. Это не значитъ еще, конечно, что бы размѣры таможенныхъ ставокъ понизились съ 1893 г. (когда отношеніе пошлины къ цѣнности ввоза составляло 34); объясненія нѣкотораго пониженія средней пошлины нужно искать въ томъ, что ввозъ, такъ сказать, приспособился къ обложенію, т. е. высоко обложенныхъ товаровъ привезено нѣсколько меньше, чѣмъ прежде. Обложеніе многихъ товаровъ значительно выше указанныхъ среднихъ для всей массы ввоза. Такъ, пошлина на ввезенный хлопокъ сырецъ составляла въ 1896 г. 37% его цѣны; на 1 р. стоимости желѣза платилось (за разные сорта) отъ 45,7 до 47,1 коп.; пошлина на чугунъ доходила до 70,3% его стоимости; кирпичный чай, ввозимый чрезъ иркутскую таможню, оплачивался 106,2 коп. за каждый рубль, а «чай всякій»— 149,2 коп.: пошлина въ $1^1/_2$ раза превышала объявленную цѣнность; за ввезенное количество чая стоимостью въ 21,13 м. р. металл. взято 31,5 м. р. металл. пошлины.

На сельскомъ хозяйствѣ и на интересахъ сельскаго населенія усиленное покровительство обработывающей промышленности отражается въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, оно ведетъ къ обезцѣненію продуктовъ земледѣлія на внѣшнемъ рынкѣ: за меньшее количество вздорожавшихъ предметовъ ввоза страна отдаетъ то же или даже большее количество предметовъ вывоза—у насъ сырья и главнымъ образомъ хлѣба,—цѣнность котораго понижается. Это пониженіе съ внѣшняго рынка распространяется затѣмъ и на вну-

тренній, который при широкомъ развитіи мѣнового хозяйства находится въ сильной зависимости отъ колебаній внѣшняго спроса и экспортныхъ цѣнъ. Съ другой стороны, высокія пошлины ведутъ къ вздорожанію продуктовъ обрабатывающей промышленности, потребляемыхъ сельскимъ населеніемъ. Не нужно забывать при этомъ, что переплаты на цѣнѣ товаровъ, обложенныхъ пошлиною, не ограничиваются только ввезенными изъ за границы товарами; таможенныя пошлины поднимаютъ соотвѣтственно и цѣны товаровъ внутренняго производства, что оказывается въ конечномъ результатѣ много чувствительнѣе для кармана потребителей. Пошлина на желѣзо уплачивается потребителями: фиску за то количество металла, которое ввозится изъ заграницы, и отечественнымъ заводчикамъ за все количество изготовленнаго на русскихъ заводахъ желѣза. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *вся* вызванная пошлиною добавка къ цѣнѣ товара идетъ отечественнымъ производителемъ, такъ что пошлина не имѣетъ совсѣмъ фискальнаго значенія. Такова, напримѣръ, пошлина на сахаръ. Въ результатѣ пошлины заграничный сахаръ совсѣмъ къ намъ не ввозится, такъ что никакого дохода казнѣ эта пошлина не приноситъ, но существованіе ея позволяетъ русскимъ заводчикамъ, не опасаясь конкурренціи, брать съ потребителей на внутреннемъ рынкѣ цѣны за сахаръ на много выше тѣхъ, какія были бы возможны при доступности къ намъ сахара заграничнаго производства.

Высокія таможенныя пошлины, и фискальныя (какъ, напр., пошлина на чай), и покровительственныя, имѣющія цѣлью охрану отечественной промышленности—распространяются и на издѣлія, и на сырье и полуфабрикаты, и на предметы непосредственнаго потребленія. Въ конечномъ счетѣ сельскій хозяинъ терпитъ отъ промышленнаго протекціонизма и какъ покупщикъ, и какъ производитель (вслѣдствіе вздорожанія орудій, нужныхъ для его производства), и какъ потребитель. Такимъ образомъ между интересами деревни и города, земледѣлія и обработывающей промышленности создается извѣстный антагонизмъ. Страдающею стороною является при этомъ деревня.

На различныхъ элементахъ, изъ которыхъ слагается «деревня», этотъ антагонизмъ отражается, впрочемъ, не совсѣмъ одинаково. Если производители хлѣба для внѣшняго рынка страдаютъ наиболѣе отъ его обезцѣненія, терпятъ какъ продавцы, — то для той массы крестьянства, главнымъ источникомъ денежнаго дохода которой служитъ не продажа хлѣба, а продажа своей рабочей силы въ той или иной, явной или замаскированной формѣ, центръ тяжести лежитъ не въ этой сторонѣ дѣла. Эта часть «деревни» страдаетъ главнымъ образомъ отъ вздорожанія покупныхъ предметовъ потребленія, продовольственнаго и личнаго. Никакія мѣры, относящіяся къ искусственному поднятію хлѣбныхъ цѣнъ (даже и болѣе серьезныя, нежели тѣ, какія проповѣдываются нашими биметаллистами), не могутъ создать

для нея выхода изъ затрудненій, порождаемыхъ усиленнымъ покровительствомъ обрабатывающей промышленности. Напротивъ того, при указанной уже тенденціи товара—рабочая сила отставать отъ движенія цѣнъ другихъ товаровъ, всякое поднятіе этихъ цѣнъ можетъ только ухудшить положеніе.

Какъ тяжело должны отзываться таможенныя пошлины на интересахъ крестьянскаго потребленія, можно судить уже по приведеннымъ выше даннымъ объ относительной высотѣ обложенія. Благодаря высокимъ пошлинамъ на чай и сахаръ (по отношенію къ послѣднему, какъ извѣстно, покровительство выражается, впрочемъ, и не въ одной только высокой пошлинѣ), эти продукты становятся недоступными для массового потребленія; крестьянинъ переплачиваетъ и на освѣщеніи (благодаря покровительству нефтяной промышленности и обложенію керосина), и на одеждѣ, ради поддержанія издавна покровительствуемой мануфактуры; но быть можетъ всего чувствительнѣе на всемъ его хозяйствѣ отзывается необходимость поддерживать на счетъ скудныхъ достатковъ этого хозяйства высокіе доходы нашихъ горныхъ и металлическихъ заводовъ. Размѣры потребленія чугуна принято считать показателемъ культурнаго развитія страны. Для нашего отечества этотъ показатель оказывается очень неблагопріятнымъ. Если взять всю сумму выплавленнаго въ странѣ чугуна (въ которую войдутъ, какъ составныя части, и количество произведеннаго желѣза и стали, такъ какъ эти металлы составляютъ продуктъ переработки чугуна), присоединить сюда ввозъ чугуна, желѣза и стали и исключить вывозъ (приводя желѣзо и сталь по принятому коэффиціенту къ чугуну), — то получимъ по среднему разсчету на 1 жителя *менѣе 1 пуда* (0,98). Въ Германіи среднее потребленіе чугуна составляетъ 5,4 пуда на человѣка, въ Бельгіи—6,6 пуд., въ Соединенныхъ Штатахъ Америки—6,8 *). Какъ извѣстно, огромныя массы металла поглощаются у насъ желѣзными дорогами—весь горнозаводскій югъ работаетъ почти исключительно на потребности желѣзнодорожной сѣти — затѣмъ большое количество желѣза потребляется другими отраслями крупной промышленности, идетъ оно и на надобности городского населенія, такъ что если бы мы могли отдѣлить собственно ту часть общаго потребленія металловъ, какая причитается на долю сельскаго населеніи, средняя на 1 душу получилась бы еще во много разъ меньшая приведенной выше, и безъ того незначительной цифры. Наша деревня еще не перешла въ желѣзный вѣкъ; потребленіе желѣза въ крестьянскомъ хозяйствѣ, благодаря его дороговизнѣ, доведено до крайняго минимума и — какъ это ни можетъ казаться парадоксальнымъ—не повышается, а скорѣе падаетъ параллельно съ ростомъ производства металловъ.

*) Эти цифры заимствованы нами изъ статьи г. Кулибина «Горное дѣло и металлургія», помѣщенной въ сборникѣ «Производительныя силы Россіи», изданномъ м-ствомъ фин. къ Нижегородской выставкѣ 1896 г. Русскія данныя относятся къ 1894 г.

Тѣ же причины, которыя обусловливаютъ быстрый прогрессъ покровительствуемой металлургической промышленности, осуждаютъ на застой и крайне низкое, примитивное состояніе земледѣльческое хозяйство недостаточнаго крестьянства. Получается нѣкоторый заколдованный кругъ. Мы имѣемъ здѣсь еще одинъ яркій примѣръ, иллюстрирующій судьбы крестьянской массы въ пореформенный періодъ—нести на своихъ плечахъ тягло экономическаго прогресса и мало вкусить отъ его плодовъ.

Но на долю крестьянства выпало тянуть не одно только это тягло. На немъ лежало еще и старое, исконное, которое тоже быстро росло и усиливалось въ новомъ періодѣ. Пореформенный періодъ характеризуется не только развитіемъ крупной капиталистической промышленности и ростомъ національнаго богатства [не сопровождаемымъ однако, какъ мы видѣли, параллельнымъ поднятіемъ народнаго благосостоянія], но въ тоже время и ростомъ государства, имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ огромное расширеніе государственнаго бюджета и оборотовъ государственнаго хозяйства. Несостоятельность стараго крѣпостного государства послужила ближайшимъ, непосредственнымъ толчкомъ къ отмѣнѣ крѣпостного права и къ вступленію въ періодъ реформъ. Государство начинаетъ энергически перестраиваться въ этомъ періодѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ростутъ и государственные расходы. Къ 1861 году итогъ государственныхъ расходовъ доходилъ до 345,3 милліоновъ руб.; въ 1867 году—первомъ, за который мы имѣемъ правильно составленный отчетъ государственнаго контроля по составленію росписи — итогъ этотъ поднялся до 425 м. р., чрезъ 20 лѣтъ (въ 1887 г.) онъ составлялъ уже 842 м. р., къ концу слѣдующаго десятилѣтія, въ 1896 году мы встрѣчаемся съ итогомъ расходнаго бюджета въ 1.229 м. р. За 30 лѣтъ государственные расходы возрасли такимъ образомъ почти въ три раза.

Уже одна внутренняя перестройка и обновленіе государственнаго механизма, вызываемыя новымъ укладомъ пореформенной жизни, неизбѣжно требовали крупныхъ жертвъ и напряженія платежныхъ силъ населенія страны. Не въ возрастающихъ потребностяхъ внутренняго управленія надо искать, однако, главной причины непрерывнаго и быстраго возрастанія бюджета. Опредѣляющимъ моментомъ являлись здѣсь требованія, диктуемыя положеніемъ Россіи какъ великой державы, какъ сильнаго военнаго государства. Подобно тому, какъ въ экономической жизни участіе Россіи въ міровомъ обмѣнѣ, ставящее ее въ зависимость отъ процессовъ міровою рынка, отражалось и на эволюціи внутренней хозяйственной жизни страны, такъ точно и въ сферѣ государственной международныя отношенія заставляли расширять государственный бюджетъ далеко не параллельно съ ростомъ платежныхъ силъ страны. Расходы на вооруженіе — прогрессивно увеличиваемые всѣми великими державами — и на платежи по государственному долгу, тоже въ значительной сте-

пени обусловленные военными расходами, занимали и занимаютъ преобладающее мѣсто въ нашемъ бюджетѣ, и ихъ возрастаніе и является главнымъ стимуломъ быстраго роста этого бюджета. Въ 1867 г. расходы по обыкновенному бюджету на войско и флотъ составляли 147½ м. р., къ 1877 году они возрасли до 220 милл., еще чрезъ 10 лѣтъ страна тратила на вооруженныя силы уже 252 м. р.; наконецъ, въ 1896 г. бюджетъ военнаго и морского министерствъ поглощалъ уже 354 м. р., на 206½ м. р. болѣе чѣмъ въ первый годъ тридцатилѣтія. Также ростутъ и платежи по государственнымъ займамъ. Въ 1867 г. на этотъ предметъ затрачено было 80,3 м. р.,—чрезъ 30 лѣтъ, въ 1867 г., итогъ годовыхъ платежей составлялъ уже 268,2 м. р., почти въ 3½ раза болѣе.

Источникомъ для покрытія возрастающихъ потребностей государства служили главнымъ образомъ налоги, которые тоже должны были рости.

Вотъ нѣсколько крупныхъ цифръ для опредѣленія степени этого роста:

Годы:	Прямые налоги:	Косвенные и пошлины:	Итого:
	Милліоны рублей		
1867	93,5	208,6	302,1
1877	133,9	294,9	428,8
1887	81,3	454,9	536,2
1896	95,5	657,3	756,8

Наша табличка показываетъ намъ и направленіе, въ которомъ развивалось обложеніе: росли преимущественно налоги косвенные; прямое обложеніе къ концу тридцатилѣтія находится почти на той же точкѣ, на какой оно стояло и въ началѣ этого тридцатилѣтія; напротивъ, косвенные налоги возрасли на 211%, т. е. болѣе чѣмъ въ 3 раза противъ итога 1867 года. Косвенные налоги поражаютъ у насъ главнымъ образомъ предметы массоваго потребленія, иначе они не могли бы доставить тѣхъ крупныхъ суммъ, какія показываютъ итоги налоговыхъ поступленій: фискальное значеніе сборовъ съ предметовъ роскоши всегда не велико, а у насъ, при маломъ относительно накопленіи богатствъ, оно и совсѣмъ ничтожно. Питейный доходъ, доставляющій около половины всей суммы косвенныхъ налоговъ и пошлинъ, таможенный сборъ, акцизы съ сахара, табаку, нефти, зажигательныхъ спичекъ—вотъ главныя статьи косвенныхъ поступленій.

Какъ показываютъ данныя оффиціальной финансовой статистики, — въ анализъ которыхъ мы не имѣемъ возможности здѣсь входить *), основною причиною возрастанія дохода отъ косвенныхъ

*) Болѣе подробно намъ приходилось уже говорить объ этомъ при разсмотрѣніи опубликованныхъ госуд. росписей за послѣдніе годы. См. «Хроника внутр. жизни» 1896 г. № 3, 1897 № 1 и 1898 № 2 «Русск. Бог.».

налоговъ являлось у насъ не расширеніе потребленія обложенныхъ предметовъ, а увеличеніе размѣровъ обложенія. Ростъ потребленія не только не шелъ параллельно съ ростомъ дохода, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ потребленіе даже регрессировало, при прогрессивномъ возростаніи обложенія и дохода. Такъ было, напр., съ самымъ главнымъ предметомъ косвеннаго обложенія — хлѣбнымъ спиртомъ. За десятилѣтіе 1887—96 г. питейный доходъ возросъ на 36,7 м. р. (съ 257,7 м. р. въ 1887 до 294,4 м. въ 1896), между тѣмъ потребленіе вина упало съ 25,1 милл. ведеръ безводнаго спирта на 24 м. вед. Это паденіе будетъ еще замѣтнѣе, если принять въ соображеніе приростъ населенія за 10 лѣтъ; *среднее* потребленіе на 1 душу понизилось еще болѣе, нежели общая цифра всего потребленнаго спирта.

Повышеніе косвенныхъ налоговъ отражается на интересахъ потребителя двоякимъ образомъ. Когда результатомъ такого повышенія является вздорожаніе обложенныхъ продуктовъ, вся прибавка налоговой тяжести ложится прямо и непосредственно на потребителя. Но гораздо чаще это вліяніе проявляется косвенно и въ замаскированной формѣ. Послѣдствіемъ налога является не увеличеніе расходовъ потребителей, а лишеніе ихъ тѣхъ выгодъ, которыя они могли бы получить вслѣдствіе прогресса техники производства и обусловленнаго такимъ прогрессомъ удешевленія производства. Такъ было и у насъ. По отношенію къ большей части продуктовъ, обложенныхъ акцизами и таможенными сборами, рядомъ съ повышеніемъ обложенія шло (внѣ всякой отъ него зависимости) и извѣстное удешевленіе производства, благодаря успѣхамъ техники или инымъ условіямъ. Вслѣдствіе этого обложеніе могло увеличиваться, не вызывая увеличенія продажныхъ цѣнъ; въ извѣстныхъ случаяхъ товары могли даже дешевѣть рядомъ съ увеличеніемъ ихъ обложенія. Только этотъ прогрессъ производства и создавалъ возможность увеличивать налоги, не вызывая сокращенія размѣровъ потребленія. Въ такихъ случаяхъ вліяніе налога сказывается въ томъ, что государство становится, такъ сказать, между массовымъ потребителемъ и промышленнымъ прогрессомъ, экспропріируя въ свою пользу то удешевленіе предметовъ потребленія, которое въ противномъ случаѣ шло бы въ пользу народныхъ массъ. И здѣсь на долю этихъ массъ выпадало нести только тягло экономическаго прогресса.

Общая сумма налоговыхъ тягостей не ограничивается тѣми цифрами прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, какія приведены выше. Сверхъ того, на крестьянскомъ населеніи лежатъ еще выкупные платежи за земельные надѣлы, ими полученные. Мы не ввели этихъ платежей въ приведенную выше сравнительную табличку роста налоговъ, такъ какъ они не включались до 1884 года въ общій государственный бюджетъ. Годовой окладъ выкупныхъ платежей составляетъ около 98 милліоновъ рублей.

Насколько тяжело бремя этихъ платежей для крестьянства, можно судить по хроническимъ ихъ недоимкамъ. Уже вскорѣ послѣ освобожденія оказалось, что во многихъ мѣстностяхъ оклады выкупныхъ платежей превышаютъ доходность выкупленной земли. Въ губерніяхъ нечерноземной полосы сложились даже формы распредѣленія общинныхъ земель съ принудительною «навалкою» и «свалкою» земельныхъ «душъ» и платежей. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ послѣдовало общее и спеціальное для особо обремененныхъ общинъ пониженіе выкупныхъ платежей. Это пониженіе окладовъ понизило и недоимки выкупныхъ платежей, но затѣмъ онѣ снова стали рости, особенно послѣ голоднаго 1891 года. Къ концу 1891 года итогъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ составлялъ 67,8 м. р., къ 1 января 1897 г. онъ выросъ уже до 94,1 м.; это равнялось 96 процентамъ годового оклада платежей.

На первомъ мѣстѣ по размѣрамъ задолженности стоятъ губерніи, вытерпѣвшіе голодовку 1891—92 гг. За ними числилось въ 1896 г. болѣе $^9/_{10}$ общей суммы недоимокъ. По нѣкоторымъ изъ этихъ губерній размѣры недоимокъ приняли по истинѣ ужасающій характеръ: въ Оренбургской губерніи населеніе должно 5 окладовъ, въ Самарской и Казанской (двухъ губерніяхъ, являющихся въ нынѣшнемъ году главнымъ очагомъ неурожая) болѣе 3 и т. д.

Всѣ приведенные факты показываютъ, какъ велико было то тягло, которое должно было нести крестьянское населеніе въ пореформенный періодъ.

Намъ остается разсмотрѣть теперь, какими же средствами оно было вооружено, чтобы приспособиться къ новому укладу жизни и справиться съ тѣми требованіями, которыя выдвигались предъ нимъ ходомъ экономическаго и государственнаго развитія страны.

Н. Анненскій.

Хроника внутренней жизни.

I. Неурожай и мѣры помощи пострадавшему населенію.

Пословица: одна бѣда никогда не приходитъ, а всегда приводитъ съ собой другую, къ сожалѣнію, вполнѣ оправдывается на исторіи нашихъ неурожаевъ. 1898-ой годъ для крестьянскаго населенія обширныхъ районовъ Россіи по отношенію къ 1897-му году займетъ то же положеніе, какъ 1892-ой къ 1891-му. Онъ уноситъ надежду на возможность скорой поправки въ хозяйствѣ, онъ неизбѣжно падетъ на населеніе новыми долгами и разореніемъ, новой

тяжестью на его обезсиленныя плечи и упавшій духъ. Серьезность положенія стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній и необходимость оказанія возможно широкой помощи населенію нѣсколькихъ пострадавшихъ губерній оффиціально признана.

Уже во второй половинѣ іюня, какъ то мы указывали ранѣе, подъ вліяніемъ продолжительной засухи опредѣлились два района неудовлетворительнаго и плохого состоянія озимыхъ хлѣбовъ на востокѣ и въ центрѣ Европейской Россіи. По мѣрѣ того, какъ приближалось время уборки, въ общемъ состояніи озимыхъ хлѣбовъ на огромномъ пространствѣ имперіи, обнимающемъ собою приуральскія, почти всѣ приволжскія губерніи и прилегающія къ нимъ мѣстности центральнаго района (а также въ Донской области) произошло замѣтное ухудшеніе. Районъ неурожая центральныхъ губерній обозначился рѣзче и черезъ Симбирскую губернію приблизился къ области плохого состоянія хлѣбовъ на востокѣ. Это ухудшеніе произошло подъ вліяніемъ цѣлаго ряда факторовъ: продолжавшихся и въ іюлѣ жаровъ и бездождія, градобитій, вліянія вредныхъ насѣкомыхъ. Уронъ отъ этихъ послѣднихъ трудно поддается учету, но очевидно, что въ нынѣшнемъ году онъ весьма значителенъ. Особенно сильно пострадали въ нынѣшнемъ году, судя по свѣдѣніямъ императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, губерніи Воронежская, Тульская, Рязанская, какъ отъ гессенской мухи, истреблявшей мѣстами отъ 25—50% хлѣбовъ, такъ и отъ кузьки. Въ нѣкоторыхъ районахъ центральной Россіи замѣчены, кромѣ того, поврежденія колосьевъ ржанымъ трипсомъ.

И вотъ подъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ многоразличныхъ, въ особенности, конечно, метеорологическихъ неблагопріятныхъ вліяній, урожай, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ 6,600 корреспондентами отдѣла сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики, опредѣлился въ слѣдующемъ видѣ:

«Плохой урожай озимыхъ хлѣбовъ получился въ обширномъ районѣ, обнимающемъ собою губерніи *Казанскую*, *Симбирскую*, *Саратовскую* (кромѣ нѣкоторыхъ западныхъ уѣздовъ, гдѣ ожидался посредственный сборъ), *Самарскую*, *Уфимскую*, *Оренбургскую*, *восточные уѣзды Пензенской губерніи*, *сѣверные округа Донской области*, *Вятскую* губернію, а также западные и юго-западные уѣзды Пермской губерніи. Въ очерченномъ районѣ озимые хлѣба были крайне рѣдки, малорослы, сильно заросли сорными травами и мѣстами были настолько плохи, что ихъ пришлось скосить на кормъ или стравить скотомъ. Кромѣ того, вслѣдствіе сильной жары во второй половинѣ іюля, рожь повсемѣстно созрѣла преждевременно, а потому дала, въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ, тощее, щуплое и легковѣсное зерно. Посредственные, а мѣстами и неудовлетворительные сборы озимые хлѣба обѣщали также почти во всей Тульской, въ восточной половинѣ Орловской губ. и въ прилегаю-

щихъ къ нимъ уѣздахъ Курской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской губ.».

Немногимъ лучше признается положеніе хлѣбовъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ первому изъ указанныхъ районовъ: въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Пермской губ., въ восточныхъ уѣздахъ Вологодской, Костромской и Владимірской губ., во всей Нижегородской губ., въ центральныхъ уѣздахъ Пензенской и западныхъ Саратовской губ., а также въ центральныхъ и южныхъ округахъ Донской области и въ сѣверной части Астраханской губ. Здѣсь хлѣба оказались посредственными.

Плохой или неудовлетворительный районъ *яровыхъ* почти совпадаетъ съ подобнымъ же райономъ озимыхъ хлѣбовъ. Почти трехнедѣльная засуха и сильная жара, господствовавшая въ теченіе большей части іюня въ указанныхъ выше мѣстностяхъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ полную пріостановку въ ростѣ почти всѣхъ яровыхъ посѣвовъ, которые мѣстами пострадали отъ жаровъ и бездождія настолько сильно, что, поднявшись отъ земли всего лишь на нѣсколько вершковъ, начали засыхать и преждевременно выколосились. Безусловно плохой сборъ яровые хлѣба обѣщали почти во всѣхъ *приволжскихъ* (за исключеніемъ южной части Астраханской и почти всей Оренбургской губ., гдѣ яровые были удовлетворительны, а также восточныхъ уѣздовъ Уфимской и отчасти Самарской губ., гдѣ яровые признавались посредственными) и въ *приуральскихъ губерніяхъ* (кромѣ Зауралья, гдѣ яровые обѣщали удовлетворительный сборъ, и сѣверныхъ уѣздовъ, гдѣ они были посредственны), а также въ сѣверныхъ округахъ Донской области.

Печальная картина положенія цѣлыхъ обширныхъ областей встанетъ передъ нами съ особенной ясностью, если мы обратимъ вниманіе на то, что по тѣмъ же офиціальнымъ свѣдѣніямъ и сборъ *сѣна* оказывается плохъ въ тѣхъ же приволжскихъ и приуральскихъ губерніяхъ. Въ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Нижегородской, Уфимской, Самарской, Астраханской и приуральскихъ, по выраженію отчета министерства земледѣлія, «травы уродились крайне плохо и зимою будетъ ощущаться сильный недостатокъ въ кормахъ». Значительно менѣе противъ средняго собрано сѣна въ сѣверныхъ, нѣкоторыхъ приозерныхъ и прилегающихъ къ нимъ промышленныхъ губерніяхъ.

Даже и по отношенію къ районамъ удовлетворительнаго и хорошаго урожая мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ. Если востокъ страдалъ почти все время отъ жаровъ и засухи, то южныя и западныя губерніи замѣтно пострадали во второй половинѣ лѣта отъ избытка влаги. «Въ весьма многихъ мѣстностяхъ, преимущественно въ малороссійскихъ, новороссійскихъ и западныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе очень буйнаго роста и сильнаго развитія соломы, хозяева нерѣдко высказывали опасенія за хорошій умолотъ, такъ какъ сильные ливни и бури, наблюдавшіеся

повсемѣстно въ теченіе іюня, вызвавъ полеганіе хлѣбовъ, препятствовали нормальному созрѣванію ихъ». Страдали отъ избытка влаги и озимые и яровые хлѣба.

Затѣмъ теплая и влажная погода второй половины лѣта была причиной сильнаго зараженія хлѣбовъ паразитными грибками—ржавчиной, головней и спорыньей, о чемъ имѣлись сообщенія почти изъ всей черноземной полосы и изъ весьма многихъ западныхъ губерній. Картофель во многихъ мѣстностяхъ литовскихъ и привислянскихъ губерній сильно пострадалъ отъ мокрой гнили.

Сборъ сѣна въ черноземной полосѣ (кромѣ указаннаго выше района) и почти во всѣхъ нечерноземныхъ губерніяхъ ожидался обильный, но условія уборки вслѣдствіе дождей въ 20-хъ числахъ іюня мѣсяца были крайне неблагопріятны: сѣнокосъ шелъ съ перерывами и мѣстами запоздалъ. «Сѣно при такихъ условіяхъ зачастую получалось потемнѣвшимъ, а во многихъ мѣстностяхъ малороссійскихъ, новороссійскихъ и западныхъ губерній значительная часть его даже погибла или была унесена водою. Болотистые и низменные луга мѣстами долго оставались подъ водою, и къ уборкѣ ихъ можно было приступить лишь въ половинѣ іюля».

Само собою разумѣется, что значеніе всѣхъ этихъ уроновъ въ общей суммѣ продовольственныхъ, сѣменныхъ и кормовыхъ средствъ можетъ быть оцѣнено болѣе точно не ранѣе полученія и опубликованія подробныхъ свѣдѣній центральнаго статистическаго комитета. Но, съ другой стороны, какъ вышеприведенныя указанія, такъ и время отъ времени появляющіяся въ газетахъ извѣстія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что помимо цѣлыхъ обширныхъ районовъ нужды могутъ открыться въ мѣстностяхъ имперіи, признанныхъ благополучными по сбору хлѣбовъ не только отдѣльныя селенія, но и уѣзды, нуждающіеся въ помощи. Вотъ, напримѣръ, въ «Бирж. Вѣд.» отъ 13 сент. пишутъ изъ Витебскаго уѣзда о томъ, что засуха отняла всѣ надежды крестьянъ на урожай ярового: уродилась одна солома, а зерно пусто; травы завяли, сѣмя льна пропало. Рожь хотя и удовлетворительна, но въ хозяйствѣ одной ея недостаточно. Въ Московской губерніи, пишетъ корреспондентъ «Б. В.»: 3—4 уѣзда пострадали отъ неурожая, яровые ниже средняго (№ 245). Въ Нижегородской губерніи въ южныхъ уѣздахъ, Лукояновскомъ и Сергачскомъ, сильно пострадали яровые («Волг.»). По сообщеніямъ сибирскихъ газетъ, въ Барнаульскомъ округѣ ожидается, благодаря бездождію, полный неурожай хлѣбовъ и травъ («Сиб. Жизнь»), изъ Балаганска писали въ «Вост. Обозр.», что кобылка и засуха истребили травы и яровые, и населенію многихъ деревень предстоитъ испытать настоящую голодовку, такъ какъ запасы общественныхъ магазиновъ истощены за два предыдущіе года.

Какъ на особенность неурожая настоящаго года указываютъ на крайнюю пестроту его въ зависимости отъ времени сѣва и степени удобренія. Врядъ-ли, однако, можно находить въ этомъ осо-

беиное утѣшеніе. Особенность эту урожай нынѣшняго года раздѣляетъ съ прошлогоднимъ, но какъ тогда, такъ и теперь крестьянамъ селеній, потерявшихъ урожай, не легче отъ того, что на земляхъ ихъ сосѣдей собранъ хорошій сборъ. При неминуемомъ повышеніи цѣнъ и упадкѣ покупательной способности они все равно окажутся въ положеніи безвыходномъ. Разсуждая объ этой «пестротѣ урожая», какъ основаніи для оптимистическихъ заключеній, корреспондентъ «Новаго Времени» г. Молчановъ пишетъ:

«Я нарочно останавливаюсь на этой пестротѣ и подчеркиваю ее, потому что вижу въ жизни *мѣстно-административной* и *земской* непростительное стремленіе къ обобщеніямъ, тогда какъ самая реальная жизнь—жизнь желудка—кричитъ о рѣзкой индивидуальности ея. Жизнь рождаетъ въ одномъ мѣстѣ 40 пуд. съ десятины, рядомъ голодныя семьи, которымъ уже теперь нечего ѣсть; жизнь подарила одну деревню логомъ, гдѣ и африканское лѣто хранитъ зелень на кормъ скоту, а рядомъ ни на лугахъ, ни въ степи нѣтъ ковыля-травки; жизнь устроила такъ, что въ одной семьѣ есть кузнецъ, плотникъ или столяръ, всегда имѣющій возможность заработать хлѣбъ, а рядомъ семья пахаря—безотвѣтнаго раба нивы и т. д. Можно стараться объ образованіи, принимая общія мѣры, можно дѣлать все «вообще», кромѣ кормленія голоднаго, это послѣднее можетъ и должно совершаться только «въ частности».

А изъ сказаннаго вытекаетъ уже и совсѣмъ неожиданный выводъ: «слѣдовало бы поэтому бросить на время въ сторону статистику съ ея графами и баллами, немедленно составивъ списокъ самыхъ огорченныхъ» дьбою мѣстностей и, не теряя дня, создать въ этихъ мѣстностяхъ попечительства, которыя были бы готовы завтра же оказать всякую помощь тому, кто уже завтра принужденъ постучаться за ней». Корреспондентъ «Новаго Времени» со свойственной ему стремительностью самъ не замѣчаетъ того, какъ дѣлаетъ «непростительное обобщеніе». Если изъ факта «пестроты» урожая и общихъ размѣровъ сбора дѣлаются оптимистическіе выводы, то въ этомъ всего менѣе виновны мѣстные административные и земскіе органы, именно и имѣющіе дѣло съ частными проявленіями реальной мѣстной жизни. Еще менѣе виновата здѣсь статистика вообще и мѣстная въ частности: наоборотъ, если бы во время обращалось должное вниманіе на ея графы и баллы, то съ гораздо большимъ успѣхомъ можно было бы оріентироваться среди «пестроты» жизни, чѣмъ создавая въ одинъ день, по предписанію, десятки и сотни оффиціальныхъ попечительствъ и не давая имъ никакихъ руководящихъ нормъ, кромѣ какъ оказывать всякую помощь тому, кто завтра постучится. Въ этомъ послѣднемъ не было бы еще ничего дурного, если бы дѣло дѣйствительно шло только о «кормленіи голоднаго», а не о спасеніи также многихъ тысячъ хозяйствъ отъ грозящаго разоренія, и если бы размѣры средствъ, на которыя въ самомъ лучшемъ случаѣ могутъ разсчитывать вновь

созданныя попечительства, отвѣчали бы совѣтамъ тароватаго корреспондента столичной газеты. Если въ словахъ его есть доля справедливаго, то она заключается въ отрицанiи канцелярской медлительности и формализма въ такомъ жизненномъ дѣлѣ, какъ помощь голодающему и находящемуся на краю разоренiя населенiю. Своевременное оказанiе помощи въ этомъ случаѣ дѣйствительно первое и необходимое условiе. Но сколь мало виновата бываетъ въ нарушенiи этого условiя статистика и стремленiе къ обобщенiямъ со стороны мѣстныхъ учрежденiй показываетъ хотя бы примѣръ продовольственной операцiи воронежскаго земства въ прошломъ 1897 и началѣ нынѣшняго года. Экстренное воронежское губернское собранiе еще 24 августа 1897 г., на основанiи подсчетовъ статистическаго отдѣленiя управы и имѣвшихся хлѣбныхъ запасовъ, опредѣлило сумму необходимой продовольственной ссуды въ 2.606,000 п. На выдачу этой ссуды земству было отпущено 170 тысячъ рублей изъ суммъ губернскаго продовольственнаго капитала, израсходованныхъ въ 1891—92 гг. и подлежащихъ возмѣщенiю изъ казны, по мѣрѣ поступленiя съ населенiя уплатъ по выданнымъ ему въ тѣ годы ссудамъ. Губернское собранiе ходатайствовало объ отпускѣ ему и остальныхъ 1.396,000 р. Сначала ему было отказано, потомъ назначено изъ правительственныхъ запасовъ 735.000 пуд. хлѣба. Губернское земское собранiе 15 декабря возобновило ходатайство о дополнительной ссудѣ на продовольствiе; оно было отвергнуто и къ разрѣшенной ссудѣ добавлено лишь 160,000 р. на прiобрѣтенiе яровыхъ сѣмянъ. Еще разъ просило губернское воронежское земство о дополнительномъ доассигнованiи и получило отказъ. 6-го марта, по предложенiю воронежскаго губернатора и разрѣшенiю министра, было собрано чрезвычайное губернское собранiе «въ виду особенной важности продовольственнаго дѣла въ губернiи», для изысканiя мѣстныхъ источниковъ помощи. Но губернское собранiе пришло къ заключенiю, что, за отсутствiемъ средствъ, оно не имѣетъ возможности произвести дополнительное ассигнованiе денежныхъ суммъ на продовольствiе населенiя губернiи. Спрашивается, была-ли виновна на этотъ разъ земская статистика въ несвоевременномъ указанiи на «особенную важность продовольственнаго дѣла въ губернiи»? И для насъ не представляетъ сомнѣнiя, что и въ нынѣшнемъ неудовлетворительномъ сборѣ яровыхъ хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской губернiи причиною была запоздавшая въ минувшемъ году продовольственная помощь, вынудившая крестьянъ къ распродажѣ сѣмянныхъ запасовъ.

Однако, въ нынѣшнемъ году, какъ указываютъ многiя газеты, нельзя пожаловаться на недостатокъ вниманiя къ народному бѣдствiю, на медленность въ оказанiи помощи. Въ теченiе iюля мѣсяца во всѣхъ главныхъ изъ пострадавшихъ губернiй уже состоялись экстренныя уѣздныя и губернскiя собранiя, принявшiя поста-

новленія относительно мѣръ къ обезпеченію обсѣмененія озимыхъ посѣвовъ, продовольствія населенія и даже будущаго обсѣмененія яровыхъ полей. Согласно этимъ постановленіямъ были представлены ходатайства. Въ свою очередь министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были командированы въ губерніи: Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую, Уфимскую и части Пермской и Вятской директоръ хозяйственнаго департамента Кабатъ и чиновникъ особыхъ порученій гр. Татищевъ для выясненія размѣра недорода и опредѣленія мѣръ помощи пострадавшему населенію. Указанныя лица присутствовали на особыхъ совѣщаніяхъ съ мѣстными представителями губерніи. Съ другой стороны общество Краснаго Креста, которое приступило къ своей дѣятельности по оказанію пособій пострадавшимъ отъ неурожая 1897 года лишь съ 1 апрѣля настоящаго года, теперь въ лицѣ главнаго управленія циркуляромъ отъ 7 августа 1898 года «поручило своимъ учрежденіямъ въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1897 г., закончить дѣятельность по оказанію помощи и озабочивается уже изысканіемъ мѣръ для пособія отъ общества «Краснаго Креста» пострадавшему отъ неурожая 1898 г. населенію губерній: Казанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Уфимской, Тульской, Вятской и Пензенской».

Все это заставляетъ нѣкоторые органы прессы утверждать, что въ нынѣшнемъ году положеніе дѣла не должно внушать особыхъ опасеній, что въ дѣлѣ предупрежденія печальныхъ послѣдствій неурожая нынѣшняго года своевременно приняты разнообразныя и существенныя мѣры.

Есть ли, однако, у насъ почва для такого оптимизма? Дѣйствительно, серьезность положенія, повидимому, признается всѣми. Не отрицаютъ ее даже «Московскія Вѣдомости». Рядомъ съ такими статьями какъ статья нѣкоего А. М. подъ заглавіемъ «Неурожай въ центральной полосѣ Россіи»» (№ 267), гдѣ авторъ, исходя отъ состоянія продовольственныхъ капиталовъ Рязанской губернія и якобы сполна досыпанныхъ хлѣбомъ магазиновъ, дѣлаетъ обобщеніе, что всѣ толки о неурожаѣ нынѣшняго года, сравнивающіе его съ неурожаемъ 1891 года, «очень преувеличены»,—мы находимъ въ московской газетѣ статью «Недородъ въ Поволжьѣ», въ которой указываютъ на «настоятельную необходимость правительственной помощи», на «шаткое положеніе Приволжскихъ губерній, требующее болѣе глубокихъ мѣръ», на оскуденіе населенія, его громадную недоимочность, сильное паденіе урожайности. «Очевидно, заключаетъ газета,—что при такомъ положеніи нельзя ограничиваться продовольственною помощью нуждающимся, которая только временно облегчитъ испытываемыя затрудненія, но не устранитъ корней зла. Необходимо серьезно заняться улучшеніемъ условій сельско-хозяйственнаго производства, чтобы достигнуть упроченія пошатнувшагося экономическаго состоянія приволжскихъ губерній».

О другихъ газетахъ и говорить нечего: «Новое Время», въ статьяхъ своего спеціальнаго корреспондента рисуетъ яркую картину крестьянскаго разоренія въ Казанской, Самарской и другихъ губерніяхъ, разоренія, созданнаго рядомъ лѣтъ и приведшаго крестьянство на край гибели, отъ которой его могутъ спасти только серьезныя своевременныя мѣры. Газета увѣрена, впрочемъ, что, судя по происходящему, такія мѣры будутъ приняты: «Опытъ научаетъ», восклицаетъ она въ статьѣ отъ 2 августа.

Къ сожалѣнію, эту увѣренность трудно раздѣлять. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ опыты нашихъ продовольственныхъ кризисовъ говорятъ намъ одно, что не только у насъ нѣтъ умѣнія залѣчивать раны, полученныя сельскимъ хозяйствомъ въ несчастные неурожайные годы, но и умѣнія организовать борьбу съ временнымъ бѣдствіемъ недостатка продовольствія. Мы тратили при этомъ сравнительно большія средства, какъ то, напримѣръ, въ 1891 году, и тратили средства весьма ограниченныя, какъ напр., въ прошломъ году, но пріемы, которые при этомъ употреблялись, взгляды, которыми руководились при направленіи и расходованіи этихъ средствъ, и въ томъ и другомъ случаѣ обрекали значительную часть ихъ употребленію, отнюдь не приводящему къ цѣли. И эти взгляды, и эти пріемы, какъ именно показываетъ опытъ, возрождаются съ томительной докучливостью, во очію доказывая, что ни истиннаго пониманія серьезности положенія, ни дѣйствительнаго желанія изъ него выйти у насъ большею частью до сихъ поръ и не было.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» печатались весьма характерныя статьи за подписью Д. Бодиско. Одну изъ нихъ авторъ заключаетъ словами: «Годъ предстоитъ тяжелый, мѣстами очень тяжелый. Вопросъ въ томъ, что дѣлать, какъ быть. Раздавать хлѣбъ *даромъ*, *въ ссуду*, дѣйствуетъ развращающе на населеніе; не давать хлѣба будетъ безчеловѣчно. Необходимо *во что бы то ни стало* изобрѣсти какую-либо общественную работу, что было бы единственнымъ условіемъ, при которомъ *сытый* не пошелъ бы за «царскимъ пайкомъ», или за «царскими лошадками и коровками», и «царскій паекъ» поступилъ бы дѣйствительно голодающему, работающему» (№ 206).

Мнѣніе, высказанное въ данномъ случаѣ г. Бодиско, само по себѣ не имѣетъ характера новизны: это перепѣвы того, что приходилось слышать и въ 1891—1892 гг. и послѣ нихъ, и что, надо думать, оказало свое вліяніе на ограниченные размѣры помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая прошлаго года. Вѣдь, конечно, надо, чтобы даже «Московскія Вѣдомости» пришли къ убѣжденію, что предстоитъ очень тяжелый годъ, чтобы настаивать на принятіи какой-либо мѣры, «во что бы то ни стало». Но взглядъ г. Бодиско настолько ярко выражаетъ въ себѣ отношеніе къ вопросу необходимой помощи пострадавшему населенію и къ пріемамъ этой помощи, что на немъ стоитъ остановить вниманіе.

Итакъ, по мнѣнію г. Бодиско, даже по отношенію къ такому населенію, которое оставить безъ помощи было бы безчеловѣчно, раздача хлѣба какъ даромъ, такъ и въ ссуду дѣйствуетъ развращающе, слѣдуетъ же раздавать не иначе, какъ подъ условіемъ работы.

Помощь населенію въ годины продовольственныхъ кризисовъ, при исключительныхъ условіяхъ народнаго бѣдствія, дѣйствительно оказывалась до сихъ поръ двумя главными путями: кредитомъ (ссуды) и безвозвратными пособіями (благотворительность). Первый родъ помощи приходилъ на основаніи закономъ возложенной на мѣстныя и общегосударственныя учрежденія обязанности вѣдать народное продовольствіе въ моменты острой нужды насчетъ капиталовъ и запасовъ, имѣющихся для этой цѣли. При этомъ надо имѣть въ виду, что продовольственные запасы въ хлѣбѣ и капиталахъ образуются изъ сословныхъ источниковъ, такъ что капиталы и запасы, за счетъ которыхъ пользуется въ моменты кризисовъ сельское населеніе, суть чисто крестьянскіе. По существу, будутъ ли то хлѣбные запасы въ сельскихъ и общественныхъ магазинахъ или денежные волостные, земскіе и имперскій продовольственный капиталы—это не болѣе, какъ складка лицъ заинтересованныхъ, своего рода фондъ взаимнаго страхованія. Въ нашемъ журналѣ уже неоднократно указывалось на то несоотвѣтствіе, которое по уставу о продовольствіи существуетъ между подобною системою образованія продовольственныхъ капиталовъ и запасовъ и системою ихъ пользованія. По системѣ страхованія каждый страхователь въ случаѣ наступленія обстоятельствъ, положенныхъ въ основу возврата страховой преміи (пожара, смерти и т. п.), получитъ ее безвозвратно. По существующимъ же у насъ правиламъ продовольственнаго устава сельское населеніе въ случаѣ наступленія нужды или голода лишь ссуду и притомъ кратковременную, не свыше 3 лѣтъ. И вотъ мы видимъ, что продовольственныя и сѣмянныя пособія даже въ этой формѣ ссуды признаются развращающими населеніе. Что нибудь одно изъ двухъ: или слѣдуетъ признать, что въ основѣ всякой системы страхованія и кредита лежатъ начала, развращающія того, кто прибѣгаетъ къ ихъ помощи,—но въ такомъ случаѣ и помощь какъ крестьянскаго банка, такъ и дворянскаго должны быть признаны развращающими своихъ клиентовъ; или же вину въ подобнаго рода послѣдствіяхъ слѣдуетъ относить не на счетъ самой формы помощи, а на счетъ характера цѣлой группы населенія, ее принимающей. Но какія же есть на то основанія?

Не будемъ уже опровергать, въ виду его явной нелѣпости, предположеніе, что какой нибудь десятокъ пудовъ зерна, выданный на обсѣмененіе въ кредитъ, до ближайшей жатвы, можетъ развратить земледѣльца, пріучить его полагаться лишь на «царскій паекъ», казенную подачку, обратить его въ тунеядца и лѣнтяя. Но и продовольственная ссуда, ему выданная до нормы 30 фунтовъ въ

мѣсяцъ на лицъ не рабочаго возраста, какъ можетъ имѣть она подобное вліяніе? По этому поводу даже въ такомъ органѣ, гдѣ обычно встрѣтить именно подобнаго рода обвиненія, недавно раздался трезвый голосъ. Въ «Гражданинѣ» было помѣщено письмо саратовскаго землевладѣльца, подписавшагося иниціалами Е. Ш. Возражая на обвиненіе крестьянъ въ томъ, что они не идутъ работать въ разсчетѣ на продовольственную ссуду, авторъ замѣтки пишетъ: «Казенный хлѣбъ?!... Полноте, князь, развѣ *ссуда* — даровой хлѣбъ? Развѣ это не тяжелая обуза, которая налагается на крестьянина только въ силу страшнаго экономическаго упадка, которую онъ выплачиваетъ за себя и за сосѣда, почему либо неспособнаго вернуть эту ссуду... Развѣ «30 фун. въ мѣсяцъ на малолѣтняго» могутъ насытить его, отца этихъ малолѣтнихъ? Развѣ, кромѣ хлѣба, если бы дали его даже втрое больше, не надо приварка, дровъ, керосину, посыпки для лошади, наконецъ, одежды? Развѣ каждая деревня не въ долгу у кулаковъ и не платитъ имъ рубль за рубль, за каждый занятый грошъ? Развѣ, наконецъ, онъ не знаетъ, сколько рублей съ души ему приходится платить казеннаго, земскаго, волостного сбора?.. и онъ не хочетъ работать? Согласитесь, что здѣсь кроется большое недоразумѣніе».

Но допустимъ, что за отсутствіемъ на мѣстахъ заработковъ, въ виду несомнѣнной нужды продовольственная ссуда выдается не только малолѣтнимъ, старикамъ и убогимъ, но и лицамъ рабочаго возраста, какія нужно имѣть понятія о нравственномъ уровнѣ рабочей массы, чтобы утверждать, что эта мѣра можетъ ее «избаловать!» Въ 1848 году Рудольфъ Вирховъ объѣзжалъ различные округа Верхней Силезіи, сельское населеніе которой страдало отъ эпидеміи голоднаго тифа. И вотъ на сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ утвержденія, что помощь бѣдствующему населенію избалуетъ народъ, онъ отвѣчаетъ въ своихъ «Сообщеніяхъ о господствующей въ Верхней Силезіи эпидеміи тифа». «Когда тѣмъ, которымъ нечего, абсолютно нечего было ѣсть, отпускали 1 фунтъ муки въ день, явились опасенія, что они избалуются! Можно ли представить себѣ что либо ужаснѣе того, что кто либо избалуется на мукѣ, одной лишь простой мукѣ, и что у кого нибудь могутъ явиться подобныя опасенія» *). И, однако, они возрождаются вновь, въ другой странѣ и при иныхъ условіяхъ, по отношенію къ той же трудовой массѣ, чьими руками изъ году въ годъ разработываются и засѣваются поля, вырубаются лѣса, строются города и дороги. Очевидно, есть люди, которые склонны повторять это мнѣніе, хотя бы факты жизни опровергали его самымъ убѣдительнымъ образомъ. Раздавалось оно и въ 1891 г. И что же? Растлѣлось ли нравственно, избаловалось ли, предалось ли пьянству и бездѣлью населеніе Орловской, напр., губерніи отъ подачи ему помощи со стороны государства и частной благотвори-

*) Ст. Ю. Малиса, Р. Вирховъ. «Міръ Божій» 1898 г., № 1, стр. 88.

тельности? Изданіе орловской губернской земской управы «Урожай 1891 г. по Орловской губ. и его послѣдствія» отмѣчаетъ явленіе, совершенно не вяжущееся съ этимъ опасеніемъ: съ сентября 1891 по апрѣль 1892 г. въ Орловской губерніи по приговорамъ общественныхъ сходовъ было закрыто 316 кабаковъ. По этому поводу въ земской работѣ говорится: «Это количество селеній, по которымъ были закрыты по приговорамъ сельскихъ обществъ имѣвшіяся въ нихъ питейныя заведенія, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о настроеніи населенія къ сокращенію потребленія вина, столь вредно отзывавшагося на нравственномъ и экономическомъ его состояніи». Фактъ сокращенія потребленія вина былъ отмѣченъ въ 1892 году также въ Нижегородской губерніи въ работѣ статистическаго отдѣленія нижегородской губернской земской управы: «Урожай 1891 года». Тѣмъ, кто повторяетъ тогдашнія обвиненія крестьянства въ попрошайничествѣ ради праздности и мотовства, остается обходить всѣ этого рода неопровержимые факты молчаніемъ.

А вотъ что пишетъ человѣкъ по впечатлѣніямъ уже послѣдняго времени—корреспондентъ «Новаго Времени». Проѣзжая неурожайными мѣстами Самарской губерніи, онъ ожидалъ жалобъ, проявленій горя, мольбы о пособіи, о ссудахъ. И что же? «На вопросъ о наступающей нуждѣ, пишетъ онъ, крестьяне отвѣчали мнѣ односложно и ни разу нигдѣ не обращались ко мнѣ съ разспросами о пособіяхъ, ссудахъ и т. п., хотя я говорилъ, что пріѣхалъ изъ Петербурга, пріѣхалъ нарочно, чтобы поглядѣть на размѣры наступающаго горя. Графъ Татищевъ разсказывалъ, что нѣкоторые крестьяне, ровно ничего не имѣющіе для борьбы съ надвигающейся грозой, категорически отказывались отъ всякихъ ссудъ; одинъ изъ предводителей дворянства мнѣ разсказывалъ, что въ прошлую голодовку приходилось открывать столовую въ деревнѣ, гдѣ люди пухли, но помощи не просили; предсѣдатель Самарской губернской управы г. Карамзинъ передавалъ мнѣ, что сосѣдняя съ его имѣніемъ деревня Козловка, Бугурусланскаго уѣзда, состоящая изъ 70 дворовъ, въ теченіе всего голода 1891—1892 гг. упорно отказывалась отъ всякихъ ссудъ, хотя жители этой деревни уже страдали голодной цынгой; одинъ сельскій священникъ Алатырскаго уѣзда со слезами на глазахъ вспоминалъ при мнѣ о слѣдующемъ трогательномъ и характерномъ случаѣ прошлаго голода: зовутъ его къ умирающему; лежитъ мужикъ, среднихъ лѣтъ, и семья у него маленькая; приступилъ священникъ къ исповѣди и замѣчаетъ, что умирающій не стонетъ, но говоритъ еле слышнымъ шопотомъ; исповѣдалъ, пріобщилъ и, уходя, спрашиваетъ жену умирающаго, поражаясь ея страшной худобой:—Не больна ли и ты?—Баба поясняетъ, что хозяинъ ея ни на что не жаловался, стругалъ заказанную ему работу и, не кончилъ ее, слегъ. Закралось тогда въ сердце добраго пастыря сомнѣніе; увидавъ, какимъ отвратительнымъ подобіемъ хлѣба питалась эта семья, священникъ послалъ къ себѣ въ домъ за хо-

рошимъ хлѣбомъ; принесли; священникъ сѣлъ возлѣ умирающаго и крошечные кусочки хорошаго хлѣба сталъ класть ему въ ротъ; и вдругъ умирающій словно проснулся — загорѣлись глаза, руки тянутся съ жадностью къ хлѣбу... И ожилъ человѣкъ и продолжаетъ до сихъ поръ жить, а на вопросъ объ умираніи, отвѣчаетъ: «думалъ, кончу работу и получу тогда деньги!» (Н. В. отъ 15 авг.).

Корреспондентъ объясняетъ это явленіе крайней задолженностью населенія, которое удерживаетъ его до послѣдняго момента нужды отъ того, чтобы не входить еще въ новые долги, въ новыя обязательства. Но очень часто здѣсь нельзя не отмѣтить и извѣстнаго рода гордости, щекотливости трудящагося человѣка, котораго только послѣдняя степень нужды заставляетъ протягивать руку за чужою помощью.

Особеннымъ предубѣжденіемъ еще со времени голоднаго 1891—1892 года пользуются столовыя, какъ форма благотворительной помощи нуждающемуся населенію. Если имѣть въ виду, что помощь, оказываемая ими, обращается отнюдь не на рабочее населеніе, а на лицъ нерабочаго возраста и больныхъ, то это становится болѣе чѣмъ страннымъ. Невольно вспоминаются по этому поводу впечатлѣніе г. Короленко отъ первой видѣнной имъ въ 1891 году столовой. Онъ пишетъ объ открытіи Лукояновской столовой: «Это была еще первая столовая, которую мнѣ довелось видѣть, и признаться зрѣлище показалось мнѣ довольно невзрачнымъ (въ то время я не представлялъ еще себѣ, какихъ столовыхъ я самъ наоткрываю въ уѣздѣ и какова будетъ ихъ обстановка). Посѣтители —сгорбленныя старухи, старики, дѣти—съ испитыми лицами и въ лохмотьяхъ. По этой жалкой толпѣ я составилъ себѣ понятіе о будущемъ контингентѣ моихъ нахлѣбниковъ... Такъ вотъ кого мы будемъ кормить въ столовыхъ. Какой нелѣпостію сразу же, съ перваго взгляда представились мнѣ всѣ толки о томъ, что столовыя отвлекаютъ отъ работы! Кого?.. Вотъ этихъ убогихъ и увѣчныхъ?» (Въ голодный годъ, стр. 72).

Дѣятельность столовыхъ, непосредственная раздача пищи, одежды, топлива нуждающимся относятся главнымъ образомъ къ области общественной и частной благотворительности. Въ этомъ, въ сущности, заключается главная причина, почему на эту форму помощи пострадавшему отъ неурожая населенію преимущественно обращаются нападки лицъ, считающихъ нужду преувеличенной. Дѣятельность частныхъ лицъ очень можетъ быть заподозриваема въ ошибкахъ, увлеченіи, даже постороннихъ цѣляхъ. Не обошлось безъ этого, къ сожалѣнію, и въ послѣднее время по отношенію къ тѣмъ столь ограниченнымъ и скромнымъ попыткамъ частной и общественной благотворительности, помочь населенію, пострадавшему отъ неурожая прошлаго 1997 года, которыя имѣли мѣсто весною настоящаго года. Нужда была несомнѣнна и требовала помощи неотложной. Это подтвердила и послѣдующая дѣятельность общества

Краснаго Креста, еще болѣе подтвердило то, что обнаруживается теперь въ разореніи народа, въ которомъ засталъ его неурожай нынѣшняго года, въ упадкѣ его силъ, энергіи, способности самому дать отпоръ постигшему новому несчастію. Однако, дѣятельность тѣхъ немногочисленныхъ благотворительныхъ центровъ, которые выполнили и на этотъ разъ свою скромную, но благородную задачу, не преминула уже вызвать нападки и подозрѣнія. Въ той же статьѣ г. Бодиско въ «Моск. Вѣд.», о которой мы упоминали выше, авторъ, замѣчая, что «голода» въ истинномъ смыслѣ этого слова въ 1897 году не было, а «была нужда, кое—гдѣ довольно сильная», высказываетъ предположеніе, что часть благотворительныхъ суммъ этого года едва ли не была роздана невполнѣ производительно.

«Кстати, пишетъ авторъ статьи, вѣдь этихъ суммъ въ общемъ накопилось очень много; то, что прошло черезъ Красный Крестъ, несомнѣнно было израсходовано цѣлесообразно, такъ какъ всѣ расходы производились при посредствѣ мѣстной администраціи и общества; кромѣ того, этимъ суммамъ ведется правильная отчетность. Но интересно знать, какъ употреблены весьма значительныя суммы, поступившія, напримѣръ, чрезъ посредство редакцій газетъ и разныхъ обществъ для раздачи нуждающимся? Гдѣ, кому, когда и сколько роздано, чрезъ кого и при чьемъ посредствѣ? Думаю, что жертвователямъ было бы интересно получить объ этомъ свѣдѣнія».

Ахъ, г. Бодиско! Какой вы не въ мѣру подозрительный! Не говоря уже о томъ, что, какъ редакціи газетъ, такъ и общества, бравшіяся за дѣло собиранія пожертвованій и направленія ихъ на мѣста нужды, не отступали еще до сихъ поръ отъ обыкновенія печатать отчеты въ израсходованіи поступившихъ къ нимъ суммъ, интересно знать о какой отчетности говорится авторомъ статьи? Вѣдь, и отчетъ Краснаго Креста, появившійся до сихъ поръ, составленъ въ самыхъ общихъ цифрахъ, и жертвователь, желающій подробнѣе освѣдомиться о направленіи суммъ, долженъ обратиться въ комитетъ общества, какъ всегда имѣетъ возможность сдѣлать это всякій жертвователь по отношенію къ редакціи газеты или обществу, которымъ онъ довѣрилъ свой благотворительный взносъ. Такимъ образомъ, сомнѣнія г. Бодиско можно объяснить лишь въ томъ предположеніи, что онъ вообще довѣряетъ расходованію суммъ частныхъ благотворителей лишь въ томъ случаѣ, если производится оно «при посредствѣ мѣстной администраціи» и означеннаго, безспорно весьма почтеннаго общества. Но жертвователямъ позволительно и не раздѣлять на этотъ счетъ мнѣнія г. Бодиско.

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что не однѣ «Моск. Вѣд.» подняли нѣсколько несвоевременный походъ противъ широкой частной и общественной иниціативы въ дѣлѣ помощи нуждающемуся сельскому населенію. На этотъ неблагодарный путь выступило не такъ давно и «Новое Время». Въ № 8040 газета, говоря о благотворительной помощи, вызванной неурожаемъ прошлаго года, пи-

шетъ: «Общее сочувствіе къ пострадавшимъ отъ неурожая выразилось какъ на мѣстахъ нужды, такъ и за предѣлами потерпѣвшихъ районовъ. Но частныя начинанія въ столицахъ по организаціи центровъ для распредѣленія пожертвованій на мѣстахъ не удались, частью по недостаточной точности свѣдѣній для цѣлесообразной разсылки помощи, частью вслѣдствіе неопытности лицъ, посланныхъ для раздачи пособій; при чемъ замѣчалось, что иногда наилучшія намѣренія благотворителей извращались при исполненіи посланными отъ нихъ. Кромѣ того, издержки на подобныя командировки могли покрываться только изъ пожертвованій же для потерпѣвшихъ отъ неурожая, что, конечно, сокращало размѣръ помощи».

Какія свѣдѣнія были у редакціи газеты относительно «извращенія намѣреній благотворителей» и изъ какихъ источниковъ она ихъ получила, редакція, къ сожалѣнію, не говоритъ. Также голословно и предположеніе о расходованіи жертвуемыхъ суммъ на какія то «командировки» на мѣста нужды. Никакихъ извѣстій о такихъ оплачиваемыхъ командировкахъ ни откуда въ печать не проникало. Сколько извѣстно, единственное частное общество, организовавшее въ широкихъ размѣрахъ дѣло помощи, было императорское вольное экономическое общество въ Петербургѣ. Это общество *никакихъ* затратъ изъ пожертвованій ни на какія командировки не производило, да въ нихъ не было и нужды. Кто не знаетъ, съ какой отзывчивостью и безкорыстіемъ шла всегда на помощь голодавшему народу наша молодежь, съ какимъ рискомъ для собственной жизни бросалась она въ самые очаги эпидемій, свирѣпствовавшихъ среди истощеннаго голодовкою населенія *), которая собственными силами или силами лицъ сочувствующихъ организовывала на мѣстахъ дѣло столовыхъ и иной помощи. «Новое Время» по поводу всѣхъ этихъ, къ сожалѣнію, весьма немногочисленныхъ въ нынѣшнемъ году, но тѣмъ болѣе цѣнныхъ попытокъ частной благотворительности, говоритъ о «недостаточномъ совершенствѣ общественной организаціи передачи пожертвованій въ мѣста неурожая и нужды» и о томъ, что дѣло поправилось лишь тогда, когда въ него «вступилъ въ качествѣ главнаго распорядителя Красный Крестъ съ своей превосходною, широкою и дисциплинированною мѣстною организаціею». Общество Краснаго Креста неоднократно въ критическіе моменты нашей общественно-политической жизни показывало примѣры рѣдкой энергіи и самоотверженія, и этого никто не будетъ отрицать. Но не будемъ забывать о его дѣйствительномъ назначеніи, къ которому и приспособлена вся его организація: это борьба съ болѣзнями и эпидеміями въ мирное, а главнымъ образомъ въ военное время. Если въ 1891—92 гг. общество Краснаго Креста наряду съ другими оказало не мало

*) Притомъ же главная работа на мѣстахъ велась и въ послѣдній годъ, какъ и ранѣе, не пріѣзжими, а мѣстными жителями.

услугъ страдавшему отъ голода и сельскому населенію, то все же это не измѣняетъ его истиннаго назначенія и характера. Газета говоритъ о превосходной и широкой *мѣстной* организаціи общества. Мы увѣрены, что сами руководители общества не такого высокаго мнѣнія о совершенствѣ своихъ мѣстныхъ отдѣловъ. О недостаточномъ развитіи ихъ наглядно говоритъ, напр., слѣдующее отношеніе предсѣдателя мѣстнаго нижегородскаго управленія общества Краснаго Креста, начальника губерніи П. Ф. Унтербергера, обращенное къ нижегородскому архіерею и напечатанное въ «Нижег. Епарх. Вѣд.».

«Принявъ предсѣдательство мѣстнаго управленія россійскаго общества Краснаго Креста и ознакомившись съ матеріальными средствами мѣстнаго отдѣла, а также численностью дѣйствительныхъ членовъ его,—я нашелъ, что какъ средства, такъ и число членовъ общества крайне ограничены. Въ мѣстномъ управленіи отсутствуютъ капиталы для оказанія пособія населенію при народныхъ бѣдствіяхъ (недороды, эпидемич. болѣзни) и имѣются только зачатки капитала на пособія для увѣчныхъ воиновъ, весьма часто обращающихся за пособіями и получающихъ въ большинствѣ случаевъ отказы въ помощи.. Относительно малочисленности количества членовъ мѣстнаго отдѣла свидѣтельствуютъ отчеты мѣстнаго управленія послѣднихъ 10-ти лѣтъ, изъ которыхъ видно, что при 90 тысячномъ населеніи одного Н.-Новгорода число членовъ въ среднемъ не превышаетъ 50 челов.».

Если въ такомъ крупномъ губернскомъ центрѣ, какъ Н.-Новгородъ, такъ слабы численностью и матеріально силы мѣстнаго комитета общества, то что же говорить объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ его. Естественно, что когда на долю Общества выпала обязанность распредѣлять 500.000 руб., пожертвованные Государемъ Императоромъ въ пользу населенія губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, оно должно было въ послѣдней инстанціи обратиться къ тѣмъ случайнымъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя на мѣстахъ нужды могли и готовы были принять на себя дѣло помощи. «Главный комитетъ, какъ сообщаетъ газ. «Курьеръ», снесся съ мѣстными губернскими комитетами, гдѣ предсѣдательствуютъ губернаторы, а губернскіе комитеты, въ свою очередь, снеслись съ уѣздными, которые ввѣрили распредѣленіе помощи въ волостяхъ и селахъ наиболѣе тамъ уважаемымъ и почтеннымъ лицамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ избирались для этой цѣли и крестьяне, а въ Тульской губерніи, главнымъ образомъ, распредѣленіе было ввѣрено церковнымъ попечительнымъ совѣтамъ».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что общество Краснаго Креста должно было прибѣгать къ содѣйствію тѣхъ самыхъ мѣстныхъ силъ, съ которыми имѣли дѣло и частная благотворительность и дѣятельность иныхъ обществъ: тамъ находилось «уважаемое и почтенное лицо» принимавшее на себя эту задачу, здѣсь толковый «крестья-

нинъ», здѣсь учитель, священникъ или приходское попечительство. И иначе быть не могло, потому что готовой организаціи общественнаго призрѣнія въ деревнѣ у насъ еще нѣтъ, да и вообще живое дѣло благотворительности не можетъ обойтись безъ содѣйствія и инціативы частныхъ лицъ.

Организація благотворительныхъ силъ дѣло безспорно очень важное и полезное. Но надо знать, что это дѣло и очень трудное и что тамъ, гдѣ къ нему еще и не приступлено, попытка въ моментъ неотложной нужды сосредоточить дѣятельность благотворенія въ однѣхъ рукахъ можетъ повести лишь къ ослабленію этихъ силъ. Сверхъ того надо помнить, что организація благотворительныхъ силъ отнюдь не то же самое, что ихъ централизація. Живое общеніе, планомѣрная дѣятельность многочисленныхъ и уже ранѣе сложившихся центровъ благотворенія, конечно, можетъ лишь способствовать успѣху дѣла. Но все это отнюдь не налагаетъ и не должно налагать руку на свободу частнаго благотворенія, на проявленія личной и общественной самодѣятельности. Тамъ, гдѣ вопросъ идетъ еще о созданіи возможно болѣе широкой помощи нуждающимся, не должно быть мѣста какой либо регламентаціи и готовымъ формамъ. Дѣло благотворительности само по себѣ настолько дѣло жизненное, сложное, требующее въ каждомъ данномъ вопросѣ индивидуальнаго рѣшенія, что какія либо однѣ общія рамки могутъ лишь извратить его нормальное развитіе. Это подтверждается и въ дѣлѣ помощи населенію неурожайныхъ мѣстъ. Не далѣе какъ въ прошломъ году на страницахъ «Вѣстника Краснаго Креста» были помѣщены воспоминанія одного изъ мѣстныхъ дѣятелей, работавшаго въ деревняхъ въ 1891 г., А. Ѳ. Лопухина. Авторъ на основаніи ряда живыхъ примѣровъ приходитъ къ выводу, что различнаго рода уполномоченные и ревизоры не должны вмѣшиваться въ дѣло съ цѣлью его переустройства. Совершенно законное желаніе жертвователей знать о томъ, какъ употреблены ихъ средства, будетъ вполнѣ удовлетворено, если уполномоченные ихъ ограничатъ свою дѣятельность контролемъ мѣстныхъ органовъ, мѣрами къ объединенію ихъ, къ смягченію шероховатостей, возникающихъ между мѣстными дѣятелями и т. п. Опредѣленіе же организаціи самой помощи и видовъ ея должно быть предоставлено мѣстнымъ людямъ, знающимъ мѣстныя условія и населеніе. Насколько разнообразны виды и формы помощи—это отмѣчаетъ и самъ г. Лопухинъ. Онъ наблюдалъ, что въ одномъ селѣ, имѣвшемъ нѣкоторый заработокъ отъ завода, достаточно было устроить только хлѣбопекарни съ удешевленною продажею хлѣба; въ другомъ мѣстѣ можно было ограничиться раздачей хлѣба только неспособнымъ къ труду и многосемейнымъ; въ третьемъ требовались безплатныя хлѣбопекарни; въ четвертомъ—столовыя для всѣхъ или только для дѣтей и женщинъ; въ пятомъ—необходимо было раздавать продукты на домъ и т. д., и т. д. Словомъ, каждая мѣстность требовала своей

формы помощи и, такимъ образомъ, установленіе какого либо шаблона или мѣрки въ этомъ дѣлѣ прямо противорѣчили бы пользѣ дѣла и выполненію нравственнаго долга, взятаго на себя отдѣльными дѣятелями, передъ жертвователями *).

Мы указывали выше, говоря объ оптимистическихъ настроеніяхъ настоящаго момента, на увѣренность петербургской газеты, что «время научаетъ». Оказывается, однако, что на собственномъ примѣрѣ она доказываетъ обратное. Стремленіе стѣснить право частнаго благотворенія и сосредоточить все дѣло помощи въ рукахъ губернской администраціи, господствовало и въ началѣ голоднаго 1891 года. Во многихъ мѣстахъ частная и общественная иниціатива въ дѣлѣ помощи нуждающимися только терпѣлась, въ другихъ не допускалась вовсе. Но затѣмъ, когда учрежденъ былъ особый комитетъ въ помощь пострадавшему отъ неурожая населенію Имперіи, этотъ комитетъ на первыхъ же шагахъ убѣдился, что какъ самый характеръ предстоящей задачи, такъ и недостаточность административныхъ силъ и неприспособленность оффиціальныхъ учрежденій вызываетъ необходимость въ возможно болѣе широкомъ содѣйствіи общественной и частной иниціативы. Въ результатѣ этого, въ декабрѣ 1891 года появилось сообщеніе особаго комитета, въ которомъ категорически устанавливалось начало, что «дѣятельность лицъ, посвятившихъ себя, по чувству христіанской любви къ ближнему, дѣлу помощи нуждающимся *отнюдь недолжна быть стѣсняема*». Это авторитетное заявленіе развязало руки частной иниціативѣ и открыло исходъ тому высокому подъему дѣятельнаго сочувствія народному бѣдствію, которымъ ознаменовалась эта печальная страница въ жизни нашего отечества. Неужели же и теперь мы опять повторимъ ту же ошибку, которая допущена была на первыхъ порахъ въ голодный годъ, и примемся ее поправлять, когда, быть можетъ, это будетъ уже поздно?

М. Плотниковъ.

II.

Къ вопросу о прислугѣ.—Забытыя слова.—Два дѣла и одинъ проектъ.—„Урегулированіе отношеній".—Юбилей Толстого.—Къ 35-лѣтію „Русскихъ Вѣдомостей".

Въ біографіи извѣстнаго провинціальнаго писателя, А. С. Гацискаго, изданной нижегородской ученой архивной коммиссіей, при-

*) Вѣстникъ Благотворительности. 1898 г. № 5. Современное обозрѣніе, стр. 86.

водится, между прочимъ, слѣдующій характерный эпизодъ: въ «Нижегородскомъ ярмарочномъ листкѣ» (одной изъ первыхъ ласточекъ провинціальной печати)—редакторомъ котораго состоялъ покойный писатель, появилось въ 1871 или 1872 году объявленіе нѣкоего г-на Лика о конторѣ для найма и рекомендаціи прислуги. «Въ наше время,—пишетъ біографъ,—такія конторы открываются съ соотвѣтствующаго разрѣшенія полиціи и безъ дальнихъ околичностей приступаютъ къ взиманію соотвѣтствующей платы за коммиссію. Но въ тѣ наивныя времена каждое новое дѣло ставилось принципіально и не обходилось безъ нѣкотораго паѳоса... Поэтому и г. Ликъ въ своемъ объявленіи прибѣгаетъ къ примѣрамъ «просвѣщенныхъ странъ», говоритъ о прогрессѣ, объ общественномъ благѣ и чуть-ли даже не «о любви къ отечеству и народной гордости». А. С. Гацискій, отмѣчая новое учрежденіе въ своемъ фельетонѣ, обращаетъ вниманіе на одну сторону дѣла, упущенную изъ виду Ликомъ, обѣщавшимъ всевозможныя гарантіи и справки о поведеніи прислуги нанимателю. Хорошо,—возражаетъ Гацискій,—но отчего-же нѣтъ рѣчи о гарантіяхъ и справкахъ для нанимающихся? «Кто-бы ни былъ нанимающійся, — гувернеръ или кучеръ, управляющій или дворникъ—онъ долженъ имѣть въ актѣ условія одинаковыя права съ нанимателемъ. Что такое наемъ? Если это обоюдно-свободное условіе одного лица съ другимъ... то оно должно существовать на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и всякій разумный договоръ двухъ заинтересованныхъ сторонъ, со всѣми разумными послѣдствіями. Если договоръ такого рода, что требуетъ непремѣнно гарантіи,—гарантія необходима съ обѣихъ сторонъ. А если это такъ, то странно, что, накладывая своего рода main morte на нанимающагося, г. учредитель не допускаетъ въ то-же время недобросовѣстности нанимателя. А вѣдь это легко можетъ случиться»...

Эти простыя соображенія написаны болѣе четверти вѣка назадъ, но, какъ справедливо полагаетъ біографъ,—«они не утратили своей свѣжести и въ наше время, когда въ значительно выросшей россійской прессѣ вновь и неоднократно подымается все тотъ-же «вопросъ о прислугѣ». Въ то время идея равноправности только что освобожденнаго меньшаго брата, провозглашенная сверху въ основныхъ положеніяхъ,—проводилась послѣдовательно и неуклонно во всѣ мелкія развѣтвленія житейскихъ отношеній. Съ тѣхъ поръ многое вокругъ насъ измѣнилось: идея освобожденія десятилѣтіями проникала въ практику жизни и обоюдно укоренялась въ нравахъ. Это, конечно, преимущество нашего времени, черта бытового прогресса. Фактически мы имѣемъ теперь гораздо больше равноправности въ житейскомъ обиходѣ, чѣмъ въ тѣ времена, когда практика во всемъ объемѣ житейскихъ отношеній была еще полна крѣпостническихъ привычекъ съ обѣихъ сторонъ. Но за то въ идеѣ—мы заключали тогда отъ рабства къ свободѣ. Теперь у насъ гораздо

больше свободы въ нравахъ, но какъ часто мы опять заключаемъ— отъ свободы къ рабству»... *).

Эти мысли приходятъ въ голову каждый разъ, когда въ прессѣ возникаетъ «вопросъ о прислугѣ». А возникаетъ онъ ежегодно, въ промежутки, когда остальныя «злобы дня» оскудѣваютъ. И тогда, особенно столичная мелкая пресса начинаетъ настойчиво и страстно напоминать о «рабской зависимости хозяевъ отъ прислуги» и о «порокахъ» послѣдней.

Въ данную минуту вопросъ опять на очереди, не потому, чтобы не было другихъ болѣе животрепещущихъ темъ; напротивъ, темы есть и сама по себѣ печать дала-бы отдыхъ вопросу о прислугѣ, если-бы случайно онъ не былъ поставленъ съ двухъ, можно сказать, совершенно противуположныхъ сторонъ.

Прежде всего сама «практика» этого вопроса выдвинула и невольно привлекла вниманіе на нѣкоторыя его «проявленія». «На дняхъ,—читаемъ мы въ «Сынѣ Отечества»—въ тифлисскомъ полицейскомъ управленіи происходилъ разборъ удивительнаго, почти невѣроятнаго дѣла. Контролеръ закавказской жел. дороги г. Горностаевъ просилъ объ «освобожденіи отъ крѣпостной зависимости (!) 18-лѣтней дѣвушки сироты Пелагеи Звѣревой». Объ этомъ сообщила недавно газ. «Нов. Обозрѣніе». Оказывается, что состоятельные люди Ивановы, живущіе въ собственномъ домѣ, держали у себя 18-лѣтнюю Полю Звѣреву, плохо кормили и постоянно колотили. Два года выносила дѣвушка эту пытку и, наконецъ, избитая, ушла къ г-мъ Горностаевымъ, умоляя ихъ принять ее къ себѣ хоть даромъ. Горностаевы приняли, но недѣли черезъ двѣ г-жа Иванова на улицѣ, среди бѣлаго дня напала на Полю, вырвала изъ ея рукъ ребенка Горностаевыхъ и прогнала его, а Полю, кричавшую и просившую помощи, увела къ себѣ и заперла, въ присутствіи многочисленныхъ стороннихъ свидѣтелей» **).

Очевидно, г-жа Иванова какъ будто проспала всѣ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ уничтожена крѣпостная зависимость. Нужно быть очень увѣренной въ своемъ правѣ, чтобы такъ рѣшительно, среди бѣла дня, на улицѣ ловить бѣглую крѣпостную и водворять ее на мѣсто. Однако, еще гораздо изумительнѣе отношеніе къ этому дѣлу тифлисской полиціи. Когда, по заявленію Горностаевыхъ, Поля была вызвана въ полицію, то приставъ прежде всего накинулся на нее. «Ты бродяга, ты чего исторіи затѣваешь... Ты должна жить у Ивановыхъ, или я тебя въ острогъ отправлю» ***).

---

*) Сборникъ въ память А. С. Гацискаго. См. тоже „Р. Вѣд." 1894 г., № 319, ст. „Изъ исторіи областной прессы".

**) Сынъ Отеч., № 251.

***) Тамъ-же.

Г-жѣ Горностаевой пришлось напоминать г. приставу, «что крѣпостное право отмѣнено болѣе 37 лѣтъ назадъ».

Къ сожалѣнію, «Сынъ Отеч.», изъ котораго мы заимствовали эту небольшую исторію, не приводитъ ея финала. Приставъ, какъ и околодочные, отказался освободить неправильно закрѣпощенную дѣвушку, предлагая «жаловаться полиціймейстеру». Авторъ цитированной замѣтки говоритъ, что гг. Горностаевы люди не безъ вліянія и «могутъ жаловаться», изъ чего можно почерпнуть нѣкоторое утѣшеніе: вѣроятно Поля теперь, когда я пишу эти строки, отъ крѣпостной зависимости уже какой нибудь инстанціей освобождена. «Но что, если-бы за Полю некому было заступиться?»—спрашиваетъ газета, и предлагаетъ нашему вниманію другой случай изъ той же области.

Это дѣйствительно случай выдающійся,—настолько, что даже «Россійское телеграфное агентство», не особенно щедрое на извѣстія такого рода изъ нашей внутренней жизни, сочло нужнымъ оповѣстить о немъ читающую публику въ обширной телеграммѣ. Дѣло вотъ въ чемъ.

28 ноября 1896 года Александра Зазинко подала прокурору кишиневскаго окружнаго суда прошеніе, въ которомъ, обвиняя жену губернскаго инженера, Ольгу Гаскетъ, и дочь ихъ, Леонору Гаскетъ, въ истязаніи, изложила, между прочимъ, слѣдующее: «Прослуживъ горничной у гг. Гаскетъ съ 24 августа по 8 октября с. г., я испытала столько невзгодъ и жестокихъ пытокъ отъ г-жи Ольги Гаскетъ, что (это) заставило меня оставить эту злочастную службу и искать пріюта у другихъ людей. По поводу истребованнаго мною разсчета г-жа Гаскетъ обрушилась на меня всею силою истерическаго гнѣва и безвинно стала причинять мнѣ побои, и чѣмъ дольше я кричала, тѣмъ жесточе она била меня, причемъ, призвавъ на помощь дочь свою, Леонору, и остальную домашнюю прислугу, повалили меня на полъ, подняли вверхъ на голову юбку и рубаху и обнаженныя части тѣла г-жа Гаскетъ стегала бичевкой, пытаясь затѣмъ наложить ту же веревку мнѣ на шею, что-бы задавить меня, причемъ также бросилась на меня съ ножомъ, но въ этомъ остервѣненномъ бѣшенствѣ была остановлена людьми, при помощи которыхъ я едва успѣла бѣжать. Отъ описанной выше операціи я занемогла и даже слегла въ постель, что и лишило меня возможности принести своевременно жалобу на преступныя дѣйствія Гаскетъ»...

Въ подтвержденіе своей жалобы Зазинко сослалась на 8 свидѣтелей, и эта жалоба послужила первоначальнымъ поводомъ къ процессу, о которомъ оповѣстило телеграфное агентство. Въ концѣ концовъ, Александру Зазинко всетаки оправдали...

Какъ, — скажетъ, быть можетъ, удивленный читатель,—развѣ судили не Ольгу Гаскетъ, а избитую Зазинко? Именно судили избитую Зазинко! Это-то обстоятельство и рисуетъ передъ нами

самую характерную сторону въ злополучномъ «вопросѣ о прислугѣ».

Вышло это вотъ какъ. По жалобѣ потерпѣвшей Зазинко было произведено полицейское дознаніе и... Это уже секретъ полицейскаго дознанія, какъ все это вышло, но только большинство свидѣтелей отказались подтвердить показаніе Зазинко, а не отказавшійся, нѣкто Ткачукъ, и заступившійся за Зазинко Довбышъ— попали вмѣстѣ съ нею на скамью подсудимыхъ. Первая за клевету на почтенную г-жу Ольгу Гаскетъ, а Довбышъ и Ткачукъ по обвиненію въ томъ, что, «не участвуя сами въ преступленіи Зазинко— склонили ее всетаки къ совершенію сего преступленія» (!!)

Оказалось однако, что г-жа Ольга Гаскетъ слишкомъ ужъ натянула струну. Если-бы она просто великодушно «простила» избитую ею Александру Зазинко, то Зазинко такъ и осталась-бы клеветницей. Но г-жа Ольга Гаскетъ пожелала еще, въ назиданіе вѣроятно остальному составу «распущенной прислуги»—упрятать Зазинко въ тюрьму. Тогда, конечно, никто изъ «этихъ людей» не посмѣлъ-бы обращаться къ прокурорамъ. И вотъ г-жа Ольга Гаскетъ подаетъ вдобавокъ жалобу, обвиняя избитую дѣвушку въ клеветѣ.

Результатъ и былъ оповѣщенъ телеграммой агентства. На судѣ оказалось, что Зазинко вовсе не клеветала, что ее дѣйствительно жестоко истязали, что она выскочила на улицу, «вся окровавленная и съ распущенными волосами»... «Она была въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что г-жа Гаскетъ грозила ее повѣсить и пыталась набросить веревку на шею»... Оказалось еще, что г-жа Гаскетъ и вообще истязала прислугу, но послѣдняя почему-то боялась говорить объ этомъ и, наконецъ, было установлено документально, что «добрая барыня» подкупала свидѣтелей и склоняла нѣкоего Домбровскаго къ подлогу «въ своихъ интересахъ по этому дѣлу». «Вы знаете,—писалъ ей между прочимъ, нѣкто Семетницкій (письмо прочитано на судѣ), сколько труда мнѣ стоило убѣдить Дарью не показывать слѣдователю правду, какъ вы били Сашку» (Зазинко). Въ виду всѣхъ этихъ показаній, обвинитель отказался поддерживать обвиненіе и, наоборотъ, выступилъ защитникомъ Зазинко. «Нарисовавъ полный портретъ г-жи Гаскетъ, г. обвинитель настаивалъ на полномъ оправданіи обвиняемыхъ»... Нечего говорить, что присяжные вынесли оправдательный вердиктъ Зазинко,—и вотъ какимъ образомъ вышло, что она оправдана въ томъ, что ее били, истязали и грозили повѣсить...

Почти одновременно съ этими извѣстіями выступаетъ сначала на страницахъ «Спб. Вѣдомостей», а затѣмъ и въ остальныхъ газетахъ новый проектъ урегулированія отношеній между нанимателями и нанимаемыми въ городѣ С.-Петербургѣ. (подлежащій обсужденію думы «въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій», какъ сказано въ газетахъ). Совпаденіе—нельзя сказать, чтобы очень выгодное для проекта, который, къ сожалѣнію, тоже долженъ быть

отнесенъ къ числу актовъ, «заключающихъ отъ свободы къ рабству» и вносящихъ начала, стоящія въ полномъ противорѣчіи съ основами новой, пореформенной русской жизни...

Вотъ важнѣйшія черты этого проекта, въ томъ видѣ, какъ онъ появился въ газетахъ.

При управленіи с.-петербургскаго градоначальника учреждается «контроль частной прислуги въ Петербургѣ и пригородныхъ участкахъ», съ соотвѣтствующимъ, разумѣется, штатомъ и канцеляріей. По утвержденіи и изданіи соотвѣтствующаго устава, вся прислуга, находящаяся въ Петербургѣ и пригородныхъ участкахъ, должна быть, въ теченіе 6 мѣсяцевъ, записана въ алфавитные списки контроля и снабжена «служебными книжками». Безъ такихъ книжекъ прислуга не имѣетъ права наниматься, а хозяева—принимать ее въ услуженіе. За книжку взимается съ прислуги 15 коп., а за перемѣну мѣста служенія устанавливается плата, въ размѣрѣ одного рубля, который взыскивается посредствомъ особо установленныхъ марокъ, причемъ этотъ расходъ несутъ обѣ стороны, предъявивъ, не позднѣе 2-хъ недѣль со дня найма, книжку въ контроль для необходимыхъ отмѣтокъ. За нарушеніе этихъ правилъ наниматели подвергаются денежному взысканію до 30 р. или аресту не свыше 20 дней. Прислуга, вновь прибывшая въ столицу (?), обязана въ теченіе 3-хъ дней явиться въ контроль для полученія служебной книжки и билета на проживаніе безъ мѣста; эти *билеты выдаются только на одинъ мѣсяцъ* и могутъ быть возобновлены не иначе, какъ по представленіи прислугою основаній для отсрочки (въ противномъ случаѣ «прислуга» высылается изъ столицы?).

«За нарушеніе этихъ правилъ, прислуга подвергается штрафу до ста р. или аресту до 1 мѣс. Если въ книжкѣ прислуги окажется три неодобрительныхъ аттестата о службѣ, то она *высылается къ мѣсту приписки*, съ воспрещеніемъ жительства въ столицѣ отъ одного до трехъ лѣтъ. Дѣйствіе устава распространяется вообще на всю домашнюю прислугу, какъ то: лакеевъ, камердинеровъ, кучеровъ, поваровъ, дворниковъ, швейцаровъ, кондукторовъ общ. каретъ, оффиціантовъ, боннъ, нянекъ, мамокъ, кухарокъ, горничныхъ, судомоекъ и прачекъ. Современемъ имѣется въ виду учредить при контролѣ прислуги справочный отдѣлъ для указанія хозяевамъ—прислуги, и послѣдней—мѣстъ. Суммы, поступающія въ доходъ контроля, назначаются на содержаніе личнаго состава этого учрежденія, и на проч. расходы, *а также на выдачу наградъ прислугѣ за безупречную службу*. Изъ образующихся остатковъ отъ доходовъ, устраивается пріютъ для престарѣлой и неспособной къ труду прислуги, общежитіе для временно оставшихся безъ службы и обратившихъ на себя вниманіе хорошимъ поведеніемъ слугъ и,

кромѣ того, будетъ выдаваться единовременное пособіе прислугѣ, въ случаѣ болѣзни или увѣчья».

«Новое Время», приводя извлеченія изъ проекта, прибавляетъ, что онъ, «безъ сомнѣнія, нуждается еще въ немалой обработкѣ». Намъ кажется, что слово «обработка» не совсѣмъ идетъ къ проекту, вызывающему, при самомъ поверхностномъ анализѣ, цѣлую массу недоразумѣній и именно въ своихъ основныхъ положеніяхъ. Прежде всего, онъ вводитъ новые налоги и взысканія, а это, какъ извѣстно, не предоставлено ни городскимъ управленіямъ, ни администраціи, и можетъ быть сдѣлано лишь въ законодательномъ порядкѣ. Далѣе, самая квалификація «прислуги», въ связи съ предъявляемыми къ ней требованіями, становится въ противорѣчіе съ многими существующими законоположеніями. Начнемъ съ того, что «*прислуга, вновь прибывшая въ столицу*, обязана въ теченіе 3-хъ дней явиться въ контроль для полученія служебной книжки и билета». Этотъ пунктъ рѣшительно ставитъ въ тупикъ. Въ Россіи, какъ извѣстно, ни законъ, ни практика не знаетъ особой касты-прислуги, которая бы являлась прислугой, даже не состоя ни у кого въ услуженіи. У насъ есть крестьяне, мѣщане, люди духовнаго званія, дворяне и «разночинцы», и изъ всѣхъ этихъ сословій пополняются также кадры прислуги. До тѣхъ поръ, пока я не поступилъ въ услуженіе, я, очевидно, не прислуга и имѣю законнѣйшее право не являться въ «контроль» не только 3 дня, а хоть и 3 года. Но представьте, что по истеченіи 3 мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ столицу мои обстоятельства сложились такимъ образомъ, что я вынужденъ поступить въ кучера, лакеи, управляющіе или въ качествѣ «бонны». И вотъ, я уже подлежу штрафу за то, что пользовался своимъ неотъемлемымъ правомъ въ качествѣ русскаго обывателя и проживалъ въ столицѣ, не являясь въ контроль по истеченіи 3-хъ дней.

Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, заставить кого нибудь, пріѣзжающаго въ столицу, немедленно заявлять о своемъ желаніи поступить въ прислуги, если это сразу ставитъ его въ положеніе человѣка, лишеннаго нѣкоторыхъ правъ? Въ самомъ дѣлѣ, не принадлежа къ числу такъ называемыхъ Спиридоновъ-солнцеворотовъ, «рѣшенныхъ столицы» *) жуликовъ и т. под. народа,—я имѣю право проживать въ городѣ неограниченно. Но разъ я заявилъ о своемъ намѣреніи поступить въ прислуги, мнѣ выдаютъ билетъ-книжку срокомъ только на мѣсяцъ, и дальнѣйшее мое пребываніе уже ставится въ зависимость отъ особыхъ разрѣшеній. Какимъ же образомъ полиція будетъ отличать прислугу отъ неприслуги, если только не завести особаго штата, который будетъ слѣдить за людьми, пытающимися найти себѣ мѣсто, какъ нынѣ полиція нравственности слѣдитъ за женщинами, уклоняющимися отъ полученія извѣстнаго билета?

*) См. очеркъ Н. С. Лѣскова подъ этимъ заглавіемъ, изображающій похожденія людей, «лишенныхъ столицы» за разные проступки.

Передо мною изданіе петербургской городской управы: «С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1890 года». Изъ него я узнаю, что среди остальныхъ группъ столичнаго населенія, въ 1890 году, числилось прислуги домовой (дворники, швейцары и т. д.) 20.040 чел. съ 15.471 лицомъ, зависѣвшимъ отъ ихъ заработка. Прислуги личной было гораздо больше, а именно 86,183 чел. самостоятельныхъ и 9,176 человѣкъ, зависѣвшихъ отъ ихъ заработка. Складывая эти цифры, получаемъ 130,870 человѣкъ, что къ общему числу петербургскихъ жителей того времени (954,390 чел.) составляло 13,7%. Въ настоящее же время, когда населеніе возросло свыше милліона, контингентъ «прислуги» можно навѣрное считать въ 150 тысячъ.

Итого 150 тысячъ человѣкъ и 13 процентовъ общаго числа столичнаго населенія,—такова внушительная масса людей, которыхъ разбираемый проектъ стремится простымъ постановленіемъ городской думы и утвержденіемъ административной власти поставить внѣ дѣйствія равныхъ для всѣхъ русскихъ людей законовъ и лишить нѣкоторыхъ правъ, принадлежащихъ всѣмъ русскимъ людямъ. Это коренная ошибка проекта, выработанного въ с.-петербургскомъ градоначальствѣ, и ея не исправить никакими «обработками». Очень похвально, конечно, что проектъ предполагаетъ въ будущемъ пріюты для престарѣлой прислуги и т. под. учрежденія. Все это крайне необходимо. Но цѣна, которую требуетъ проектъ—слишкомъ дорога. Да и вообще, какъ всякая попытка, основанная на невѣрной общей формулѣ,—проектъ просто невыполнимъ, такъ какъ разныя его части сталкиваются и съ существующими, давно вошедшими въ жизнь узаконеніями, и между собою. Если мнѣ не удалось найти мѣсто въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ,—меня высылаютъ. А моя семья? А тѣ изъ 25—30 тысячъ «несамостоятельныхъ», которые жили въ столицѣ моимъ заработкомъ? Наконецъ, на какомъ же основаніи, если я не ворую, не нищенствую, а живу на свои сбереженія? Или, можетъ быть, я перебиваюсь въ это время поденной работой. Или мнѣ помогаетъ братъ. Наконецъ,—навсегда-ли я «рѣшаюсь столицы», какъ «Спиридоны-солнцевороты», громилы, жулики и т. д. Или мнѣ предоставляется, проѣхавшись по этапу на родину, вновь явиться въ столицу и вновь потребовать въ контролѣ билетъ, чтобы вновь пытать счастіе въ теченіе новаго мѣсячнаго срока. Но тогда для чего же я путешествовалъ на родину, съ которой можетъ быть давно потерялъ всѣ связи и на какой предметъ казна или общество несли расходы по моему туда препровожденію?..

Но особенно характерны и интересны пункты, которыми проектъ пытается «регулировать взаимныя отношенія сторонъ». Урегулировать взаимныя отношенія—это значитъ, конечно, поставить ихъ, во 1-хъ, на законную почву, а во 2-хъ—обезпечить обѣимъ сторонамъ возможность пользоваться своими законными правами. Вотъ почему новѣйшее законодательство этого рода по самой «силѣ вещей»

главнымъ образомъ заботится о сторонѣ слабѣйшей. Это — общая тенденція такъ называемаго рабочаго законодательства, ограждающаго рабочаго отъ злоупотребленій (въ родѣ произвольныхъ штрафовъ, уплаты не деньгами, а натурой и пр.), и отъ такихъ опасностей для жизни, здоровья и нравственности, которыя создаются условіями труда. Вотъ почему главное содержаніе рабочаго законодательства, практикуемаго и у насъ—ограниченіе продолжительности рабочаго дня, воспрещеніе труда малолѣтнихъ, установленіе тѣхъ или другихъ смѣнъ...

Проектъ, подлежащій внесенію въ думу, по самому типу своему, является полной противоположностью этимъ началамъ. Весь онъ разсчитанъ на удобства и гарантіи одной, и притомъ именно сильнѣйшей стороны. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ принимать серьезно газетныя ламентаціи о «рабской зависимости хозяевъ отъ прислуги». Если бы газеты писались и выписывались прислугой, а не господами, — мы бы читали въ нихъ совсѣмъ другое. Достаточно представить себѣ положеніе дѣвушки или женщины, входящей вполнѣ одинокою въ чужую среду, чтобы понять, гдѣ тутъ слабѣйшая сторона и почему мы никогда не читали о прислугѣ, которая бы въ теченіе продолжительнаго времени истязала своихъ господъ, а потомъ еще посадила ихъ же на скамью подсудимыхъ, а вотъ о г-жѣ Ольгѣ Гаскетъ прочитали совсѣмъ надняхъ. Между тѣмъ, ко многимъ угрозамъ «высылки изъ столицы», проектъ прибавляетъ еще одну: прислуга высылается послѣ третьей неодобрительной аттестаціи въ книжкѣ.

Кто же будетъ вписывать эти аттестаціи? Контроль? Но тогда этому контролю присвоиваются (постановленіемъ думы!) судебныя функціи, и для 150 тысячъ столичныхъ жителей создается особая юрисдикція. Хозяинъ? Но тогда въ рукахъ третьяго, аттестующаго частнаго лица будетъ фактически находиться право административной высылки, а полиція превращается въ простую исполнительницу его распоряженія, совершенно такъ, какъ въ крѣпостное время, когда «господамъ» достаточно было прислать своего кучера или горничную съ запиской въ участокъ, чтобы тамъ уже надъ ними «распорядились». Но теперь вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, времена другія, и полиція тоже пережила своего рода эмансипацію.

Наконецъ, что же дѣлать съ тѣми общими законами, которые ограждаютъ отъ «клеветы» всякаго россійскаго гражданина, совершенно независимо отъ рода его занятій? Не далѣе, какъ въ прошломъ году, нѣкто г. Драгомирецкій, въ то время редакторъ «Руси», начерталъ въ паспортѣ своей прислуги неодобрительный отзывъ, оказавшійся клеветой. Прислуга обратилась къ защитѣ закона, и вотъ г. Драгомирецкій очутился лицомъ къ лицу съ весьма непріятными статьями уложенія о наказаніяхъ. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ выводъ, что клеветать не хорошо и опасно. Но юридически это выражается такъ: не слѣдуетъ дѣлать такихъ

отзывовъ, вредящихъ доброму имени и интересамъ другихъ лицъ (хотя бы и прислуги), которыхъ нельзя доказать.

Какъ же теперь будетъ съ этими узаконеніями? Я ставлю себя въ положеніе хозяина. Передо мной «книжка», моя прислуга дурна и я вижу себя обязаннымъ написать о ней правду. Хорошо. Но я вовсе не желаю, подобно г-ну Драгомирецкому, навязывать себѣ процесса ни у мирового, ни даже въ «участкѣ». Будутъ-ли въ мою пользу отмѣнены существующія узаконенія въ томъ смыслѣ, что я могу писать о прислугѣ позорящія свѣдѣніи, не обязываясь доказательствами?

Представимъ себѣ, что будутъ. Но тогда еще хуже. Я ставлю себя въ положеніе прислуги; представляю себѣ молодую дѣвушку, которой «хозяинъ» дѣлаетъ предложенія, несогласныя съ нравственностью. Она ихъ отвергаетъ съ негодованіемъ, и вотъ въ ея книжку вписывается «неодобрительный отзывъ». Долженъ-ли законъ оказать ей защиту и потребовать у «хозяина» доказательствъ? Очевидно, долженъ.

Вообще, признаюсь откровенно, что даже съ точки зрѣнія «хозяина» я не могъ бы почувствовать ни малѣйшаго удовлетворенія отъ разбираемаго проекта. Не говоря уже о налогѣ на перемѣну прислуги, о всякихъ лишнихъ хлопотахъ, о рискѣ, подобно г-ну Драгомирецкому, вступить въ конфликтъ съ уложеніемъ о наказаніяхъ,— мнѣ не улыбаются даже наиболѣе ласковые пункты проекта. Съ какой стати за службу лично мнѣ, моя прислуга, живущая въ моей квартирѣ, можно сказать въ нѣдрахъ моего семейства, будетъ ожидать «денежной награды» не отъ меня, а отъ полицейскаго контроля...

Нѣтъ, — сказалъ бы я въ качествѣ россійскаго обывателя, — лучше ужъ я вынесу нѣкоторыя неудобства, но предоставьте мнѣ устраиваться и ограждать себя по старому. А законъ пусть ограждаетъ насъ всѣхъ одинаково, и къ этому, т. е. къ возможности обѣимъ сторонамъ пользоваться своими законными правами, только и должны направляться всѣ дальнѣйшіе проекты.

---

28 августа настоящаго года исполнилось ровно 70 лѣтъ со дня рожденія Льва Николаевича Толстого, и газеты принесли намъ извѣстіе о торжественномъ чествованіи этого дня заграницей. Къ сожалѣнію, у насъ день этотъ прошелъ почти незамѣтно. Теперь газеты, правда, печатаютъ статьи о великомъ художникѣ, а одна изъ нихъ («Биржевыя Вѣдомости»), выпустила даже настоящій юбилейный номеръ, но... онъ вышелъ на десятый день послѣ 28-го августа. «Десять дней назадъ,—читаемъ мы въ передовой статьѣ этого номера «Полдень русской литературы»,—исполнилась семидесятая годовщина рожденія одного изъ величайшихъ русскихъ людей нашего времени»... «Можно сказать русскому человѣку, что насталъ и на его улицѣ праздникъ,— такъ начинается другая статья,—въ этотъ день (т. е. въ 10-й день

послѣ годовщины!) вся духовно живущая Россія должна сойтись въ единогласномъ и дружномъ поклоненіи»... И т. д., и т. д. На протяженіи всего номера газета приглашаетъ къ празднованію десятаго дня послѣ дня рожденія! Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы ставить газетѣ въ серьезный упрекъ эту странную и нѣсколько запутанную хронологію, но во всякомъ случаѣ слѣдовало, можетъ быть, нѣсколько внимательнѣе отнестись къ редакціи запоздалыхъ возгласовъ, чтобы къ чувству, вызываемому уже прошедшимъ, дѣйствительно торжественнымъ днемъ, не примѣшивать струи невольнаго комизма, вызываемаго этимъ недосмотромъ, а пожалуй и нѣкотораго чувства невольной горечи...

Какъ извѣстно, дѣятельность Л. Н. Толстого рѣзкой чертой раздѣляется на двѣ части, весьма отличныя одна отъ другой. Оцѣнка первой изъ нихъ, чисто художественной, не вызываетъ споровъ и дѣйствительно способна объединить всѣхъ, кому дорога литература. Не только русская, но и всемірная литература имѣетъ въ лицѣ Л. Н. Толстого великаго художника, надѣленнаго изумительной силой воображенія, приводившаго въ движеніе такія массы образовъ, которыя подъ силу только исполину, проникавшаго въ смыслъ жизни съ такой глубиной художественнаго анализа, какая подъ силу только генію. Второй періодъ его многолѣтней работы вызываетъ разнородныя и крайне противорѣчивыя оцѣнки. Въ этой области у Л. Н. Толстого есть приверженцы, можетъ быть болѣе страстные, чѣмъ у Толстого художника, но еще значительно больше противниковъ. Интересно при этомъ, что эти два періода стоятъ какъ бы во взаимномъ антагонизмѣ. Толстой-мыслитель отрицаетъ лучшія изъ произведеній Толстого-художника, и наиболѣе горячіе его адепты порой присоединяются къ этому взгляду. Это большая неблагодарность. Кто, въ самомъ дѣлѣ, зналъ бы Толстого проповѣдника, если бы Толстой художникъ предварительно не поднялъ его на такое возвышенное мѣсто и не собралъ вокругъ него такую огромную аудиторію? Но вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ антагонизмъ довольно понятенъ. Если говорить о тѣхъ или другихъ «формулахъ» и отвлеченныхъ положеніяхъ, то трудно представить себѣ болѣе рѣзкія противорѣчія, совмѣщенныя въ одномъ лицѣ. «Благо тому народу, который, не какъ французы въ 1813 году, отсалютовавъ по всѣмъ правиламъ искусства и перевернувъ шпагу эфесомъ, граціозно и учтиво передаютъ ее великодушному побѣдителю, а *благо тому народу*, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ этихъ случаяхъ, съ простотою и легкостію *поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести* не замѣняется чувствомъ презрѣнія и жалости» *). Это написалъ тотъ же человѣкъ, который

*) „Война и миръ". 7-е полное собраніе сочиненій, т. VIII, стр. 170.

въ сказкѣ объ Иванѣ-дуракѣ и во многихъ другихъ произведеніяхъ послѣдняго времени проповѣдывалъ «непротивленіе» даже въ случаѣ нашествія дикарей, даже антропофаговъ, даже въ защиту ребенка отъ дикаго насилія... Трудно, конечно, примирить такія противоположности, если смотрѣть лишь на нихъ, если рѣшать только частные вопросы, если соглашаться или оспаривать отдѣльныя мнѣнія отдѣльныхъ періодовъ этой могучей дѣятельности. Цѣлыя страницы можно бы заполнить такими выписками.

Но когда, какъ напримѣръ въ настоящее время, по поводу семидесятой уже годовщины великаго писателя, оглядываешься назадъ, на всю эту изумительную дѣятельность въ ея цѣломъ, то частности исчезаютъ и невольно охватываешь этого колосса однимъ восхищеннымъ взглядомъ.

Наше время—переходное время, и Толстой можетъ быть одинъ изъ самыхъ крупныхъ и ужъ во всякомъ случаѣ самый яркій изъ представителей этого «перехода»... Какъ художникъ, онъ сложился въ нашемъ прошломъ и далъ намъ чудныя картины этого прошлаго, въ его наиболѣе устойчивыхъ формахъ и типахъ. Потомъ, онъ рефлектировалъ и искалъ новыхъ путей, подобно своему Пьеру Безухому и вмѣстѣ со своимъ пореформеннымъ Левинымъ. Наконецъ, не видя еще ясныхъ очертаній искомаго будущаго, онъ покидаетъ образъ и начинаетъ раціонализировать, стараясь найти то, что ему нужно, наведеніемъ и мыслію. Пусть на этомъ пути онъ опять заблуждался, впадалъ въ ошибки. Пусть даже, среди этихъ блужданій, нерѣдко обращался назадъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ. Но все таки самыя его ошибки характерны и велики. И если вѣрно, что основная черта новой исторіи стремленіе къ сліянію того, что раздѣлено безсознательными и темными ходами нашего прошлаго, если братство людей не пустая мечта,—то могучая фигура геніальнаго писателя, ходившаго за плугомъ, и россійскаго графа, надѣвшаго сермягу, останется навсегда яркой вѣхой на нашемъ пути, самымъ характернымъ выраженіемъ, хотя бы только въ общихъ очертаніяхъ,—лучшихъ стремленій нашего «переходнаго времени».

3-го сентября нынѣшняго года въ № 182 «Русскихъ Вѣдомостей» было напечатано коротенькое сообщеніе, изъ котораго читатели узнали, что въ этотъ день исполнилось ровно 35 лѣтъ со дня выхода перваго номера этой газеты.

Этимъ коротенькимъ сообщеніемъ редакція желала, повидимому ограничить внѣшнюю сторону своего праздника. Не было ни обычныхъ въ такихъ случаяхъ обѣдовъ, ни тостовъ, ни вообще того, что называютъ «программой чествованія». Оказалось, однако, что многочисленныя заявленія горячей симпатіи, письменныя, печатныя и устныя, превратили скромное событіе въ настоящій праздникъ,

вызывающій чувство нѣкотораго удовлетворенія не только у тѣхъ, кому они были адресованы, но и у всякаго, кому дорого общественное признаніе настоящихъ заслугъ честной печати. Газета, долго спустя, отмѣтила общій тонъ этихъ привѣтствій, стекавшихся со всѣхъ концовъ Россіи на незамѣтныя три строчки ея юбилейнаго номера,—тонъ «въ высшей степени теплый, дружественный и сердечный», причемъ указывается на устойчивость взглядовъ газеты, отмѣчается ея серьезное и честное направленіе, ея искреннее стремленіе проводить въ общество здравыя и честныя понятія, жизненные и свѣтлые идеалы.

«Нѣкоторые органы печати,—прибавляетъ газета,—нерѣдко выставляли насъ неисправимыми доктринерами. Справедливъ ли этотъ упрекъ,—пусть судитъ читатель... Мы дѣйствительно держимся однихъ убѣжденій... и это убѣжденія, думаемъ, большинства русскихъ образованныхъ людей, сочувствующихъ идеаламъ прогресса и стремящихся къ посильному ихъ осуществленію»... «Стремясь къ устойчивости,—продолжаетъ редакція,—газета жертвовала иногда занимательностію серьезности, предпочитая нѣкоторую сухость—развязности изложенія».

Мы нарочно выписали и эти «упреки», иногда раздававшіеся по адресу газеты. Мы хорошо знаемъ, что значитъ упрекъ въ «доктринерствѣ» въ наше время, а отъ газетной «занимательности», право, порой уже совсѣмъ некуда дѣваться. И такъ хорошо послѣ всего этого услышать серьезное, умное слово, проникнутое устойчивымъ убѣжденіемъ и настоящимъ знаніемъ дѣла, что это «доктринерство» и эта «сухость» гораздо, въ сущности, «занимательнѣе» общаго тона, водворившагося въ большинствѣ органовъ ежедневной прессы. Успѣхъ «Русскихъ Вѣдомостей»—означаетъ успѣхъ серьезности и убѣжденія въ читающемъ обществѣ, и намъ остается только присоединиться къ многочисленнымъ пожеланіямъ, полученнымъ уважаемой редакціей.

О. Б. А.

Издатели: Вл. Г. Короленко. Н. К. Михайловскій.
Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

Литература, исторія и законовѣдѣніе.

Организація свободы и общественный долгъ. *А. Пранса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 80 к.

Соціальное развитіе. *В. Кидда.* Съ предисл. проф. *Вейсмана.* Перев. *М. Четинской.* Ц. 75 к.

Общественный организмъ *Р. Вормса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. Трачевскаго.* Ц. 75 к.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекціи *А. Сабатье.* Перев. *В. Обреимова.* 2-е изд. Ц. 60 к.

Общественный прогрессъ и регрессъ. *Греефа.* Перев *Г. Паперна.* Ц. 1 р. 50 к.

Современная женщина.—Ея положенія въ Европѣ и Америкѣ. *Б. Ф. Брандта.* Ц. 60 к.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Полное собр. въ 4 больш. томахъ. Съ портретомъ, факсимиле и снимкомъ съ картины *Наумова* «Бѣлинскій передъ смертью». Цѣна каждаго тома—1 р. 25 к.

Духовныя завѣщанія. Какъ ихъ составлять, измѣнять, отмѣнять и т. п. Сост. *Я. В. Абрамовъ.* Ц. 25 к. (№ 1 «Попул.-Юрид. библіотеки»).

Наслѣдство и раздѣлъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 2 той-же библіотеки).

Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 3 той-же библіотеки).

Аренда и наемъ имуществъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 4 той-же библіотеки).

Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. *Г. Брандеса.* Съ 13 портр. Ц. 2 р.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. *Бокля.* Переводъ *А. Н. Буйницкаго.* Съ портр. автора. Съ примѣчаніями Ц. 2. и безъ нихъ—1 р. 50 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6-ти томахъ. 2-е изд. Цѣна каждаго тома—1 руб.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собранія въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія ожиданія, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пиквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никкльби и три «Святочныхъ» разсказа, 8) Мартинъ Чезльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. 9) Барнеби Реджъ. Тайна Эдвина Друда и Колокола. 10) Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мегби. Мёдфогскія записки. Рецепты д-ра Мерриголда. Безъ выхода. Портретъ и біографія автора.

Сочиненія Виктора Гюго. Съ портрет. автора и статьей *А. Скабичевскаго.* Два тома. Ц. 2 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды *Том. Карлейля.* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a.* Съ 16-ю порт. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ. *Э. Беллами.* Съ приложеніемъ очерка *Рише*: «Куда мы идемъ?» 3-е изд. Ц. 1 р.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. К. Мальцева.* Ц. въ папкѣ 50 к.

Альбомъ къ «Сочиненіямъ Пушкина»: 44 иллюстраціи. Цѣна въ переплетѣ—1 р. 25 к.

Капитанская дочка. Повѣсть *Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ перепл. 1 р.

До потопа Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 16 рис. Ц. 50 к.

Исторія французской революціи *И. Карно.* Переводъ съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Исторія религіи. Проф. *Мензиса.* Съ англійскаго. Ц. 1 р.

Исторія культуры. *Липперта.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 83 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 60 к.

Исторія семьи. *Липперта* (автора «Исторія культуры»). Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 75 к.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. 4-е изд. Ц. 1-томнаго и 10-томнаго изд. одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 карт.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р.; для 10-томн. (въ 5 перепл. томовъ) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ одномъ и въ четырехъ томахъ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1-томное изданіе—1 р. 40 к. и 2 р. 4-хъ томное въ двухъ перепл.—1 р. 50 к. и 2 р.

Представительное правленіе. *Дж. Стюарта Милля.* Ц. 60 к.

Забота. Романъ *Г. Зудермана.* Ц. 60 к.

Долой оружіе! Антивоен. ром. *Б. Зутнеръ.* Ц. 80 к.

Голодъ. Романъ *Гамсуна.* Ц. 60 к.

Счастье и трудъ. *Мантегацца.* 3-е изд. Ц. 60 к.

Путь къ счастью Сост. *Фрид. Кирхнеръ.* Ц. 60 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ клас. гимназій и книга для домаш. чтенія. *А. Цвѣткова.* Ц. 3 р., въ пер. 3 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Одиннадцать томовъ. Цѣна каждаго—1 р.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау.* 585 стр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ). Истор. романъ. *Постери.* Ц. 1 р.

Конецъ міра. Астроном. романъ. *К. Фламмаріона.* Съ 80 рисунками. Ц. 60 к.

Въ небесахъ (Uranie). Астроном. ром. *К. Фламмаріона.* Съ 89 рисунками. 3-е изд. Ц. 75 к.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго.* 3-е изд. Съ 52 портретами. Ц. 2 р.

Исторія рус. цензуры. *А. М. Скабичевскаго.* Ц. 2 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3-е изд. Ц. за два тома—3 р. Перепл. въ 1 р. и 50 к. Томъ 3-й ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ двухъ большихъ томахъ. Цѣна 2 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. 2 тома Съ порт. автора. 2-е изд. Ц. 3 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Переводъ съ нѣм. *Э. Зауэръ.* 4-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіенич. романъ *П. Мантегацца.* 2-е изд. Ц. 50 к.

…оль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Проф. *Гольцендорфа*. Ц. 75 к.

Въ трущобахъ Англіи. *Бутса*. Ц. 1 р.

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные. Состав. *В. Фармаковскій*. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельского). *С. Приклонскаго*. Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *И. Тимощенкова*. Ц. 1 р.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова*. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія книги на руси. *А. Бахтіарова*. Съ многими рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Н. А. Попова*. 2-е изд. Ц. 1 р.

По градамъ и весямъ. Романъ *Вологдина* (П. Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

Популярно-научныя книги.

Мозговая работа и переутомленіе. *Блекка*. Переводъ съ англійскаго. Ц. 30 к.

Ботаникъ-любитель. *Фэдо*. Перев. съ франц. подъ редакціей и со многими дополненіями профессора *В. Я. Добровлянскаго*. Около 200 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Популярная біологія. *В. Лункевича*. Бол. томъ съ 208 политип. и табл. раскраш. рис. Ц. 2 р.

Химикъ-любитель. *Фэдо*. Практическое знакомство съ химіей посредствомъ простыхъ опытовъ. Съ франц. Ц. 1 р.

Новѣйшія химическія теоріи. *Этара*. Переводъ съ французскаго *Б. Билита*. Съ 58 рис. Ц. 75 к.

Живописная астрономія. *Фламмаріона*. Съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашенными рисунками. Переводъ *Е. Предтеченскаго*. Ц. 3 р.

Автобіографія земли. *Гетчинсона*. Популяр. картина геологич. образованія земли. 63 рис. Перев. съ англ., съ дополн. *М. А. Энгельгардта*. Ц. 80 к.

Очеркъ психологіи. *Вундта*. Перев. съ нѣмецк. *Г. Паперна*. Ц. 75 к.

Женщина передъ судомъ современной науки. *Жака Лурбе*. Перев. съ франц. *Е. Предтеченскаго*. Ц. 30 к.

Кометы и падучія звѣзды. Популярныя бесѣды. *Е. Предтеченскаго*. Съ 26 рис. Ц. 40 к.

Экономическая система Карла Маркса. Проф. Вѣнскаго универс. *Гросса*. Попул. очеркъ. Ц. 20 к.

Представительное правленіе. *Д. Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго*. Ц. 60 к.

Психическіе факторы цивилизаціи. *Л. Уорда*. Пер. съ англійск. *Л. Давыдова*. Ц. 80 к.

Соціологія. *Шарля Летурно*. Перев. подъ ред. и съ предисл. проф. *А. С. Трачевскаго*. Ц. 1 р. 50 к.

Антропологія. *Крживицкаго*. Перев. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго*. Съ рисун. Ц. 1 р. 50 к.

Физіологія страстей. *Ш. Летурно*. Переводъ Д-ра *В. В. Святловскаго*. Ц. 1 р.

Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. *Ч. Кента*. Перев. съ англійскаго. *Д. Голова*. 109 рис. Ц. 1 р.

Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима*. Перевелъ баронъ Корфъ. Ц. 75 к.

Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича*. Съ 91 рис. Ц. 1 р.

Духовный прогрессъ и счастье. Психологическое изслѣдованіе. *Лоскутова*. Ц. 1 р.

Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле*. 116 стр. 2-е изд. Ц. 30 к.

Пессимизмъ. Сочиненія *Джемса Сёлли*. Популяр. обзоръ всѣхъ пессимистич. ученій. Съ англ. подъ ред. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.

Который часъ? *Вавилова*. Популярн. руков. для повѣрки всякихъ, обыкновенныхъ, и устройства солнечн. часовъ, 2-е изд. 13 рис. Ц. 30 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращен. изложеніи *Коллинза*. Съ предисл. *Г. Спенсера*. Переводъ съ англ. *П. Мокіевскаго*. 2-е русское изданіе, дополненное по 3 англ. изд., съ прибавленіемъ сокращ. изложенія всѣхъ вновь вышедш. частей «Синтетической философіи». Ц. 2 р.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки, *Пейо*. Пер. съ фр. *М. Энгельгардта*. Ц. 50 к.

Характеръ и нравст. воспитаніе. *Кейра*. Перев. съ фр. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго*. Ц. 40 к.

Этика (Ученіе о нравственности). Профессора *Маккензи*. Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р.

Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ. *Э. Ретерера*, проф. Париж. универ. Перев. со 2-го франц. изд. д-ръ *Г. А. Паперна*, съ 380 рис. и 6-ю раскраш. таблиц. Ц. 2 р.

Психологія чувствъ. Сост. *Рибо*. Ц. 50 к.

Законы подражанія. Пер. съ фр. *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.

Домаш. опредѣл. поддѣлокъ. *Альмединтена*. Ц. 60 к.

На всякій случай! Научно-практич. совѣты сельскимъ хов. *А. Альмединтена*. Ч. 1-я, 2-е изд. Ц. 50 к.

На всякій случай! *Его-же*. Ч. 2-я. Ц. 50 к.

Гигіена семьи. *Гебера*. Перев. съ нѣм. Ц. 50 к.

Берегите легкія. Гигіеническія бесѣды. Д-ра *Нимейера*. Съ 30 рисунками. 2-е изд. Ц. 75 к.

Уходъ за больными дѣтьми. *Э. Перье*. Ц. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ прим. къ обыденной жизни. Д-ра *Эйдама*. 7 рис. Ц. 40 к.

Дѣтскій докторъ. Попул. руков. для матерей и воспит. *Д-ра Варіо*. Съ франц. подъ ред. проф. *Пономарева*. Съ рис. Ц. 1 р.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра *Мигулы*. Перев. съ нѣмец. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Переводъ съ французск Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора.). *А. Брема*. Дополненіе къ его соч. «Жизнь животныхъ». Съ многими рисунками. Ц. 2 р.

Настоящее и прошлое земли. Популярная геологія. *В. К. Агафонова*. Съ 237 рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера*. Перев. съ франц. и дополнилъ *М. Энгельгардтъ*. Съ 84 рис. Ц. 1 р.

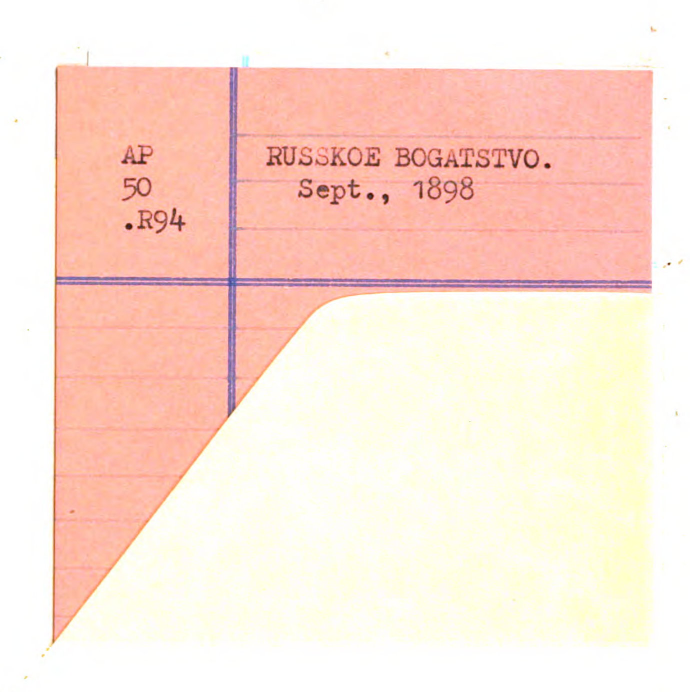
Фабричная гигіена. Д-ра *Святловскаго*. (Одобрена М. Н. Пр. для учительскихъ библіотекъ средн. и низш. училищъ и ремесл. училищъ нормальнаго типа. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.

Усталость. Попул.-науч. бесѣды проф. *А. Моссо*. Пер. *М. Манасеиной*. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящ. и будущ. *А. Ланге*. Перев. съ нѣмец. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

Основы политической экономіи. *Шарля Жида*. Профес. политич. экономіи на юридич. факул. въ Монпелье. Перев. съ французск. Ц. 1 р. 25 к.

(10)

AP
50
.R94
RUSSKOE BOGATSTVO.
Sept., 1898

